

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. VII, part 3

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
Nauka
2011

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том VII, часть 3

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2011

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2003.

Т. VII. Ч. 3 / Отв. ред. Д. В. Герасимов. — 2011. — 699 с.
ISBN 978-5-02-038277-0

РЕДКОЛЛЕГИЯ
«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова, д. филол. наук Е. В. Головки,
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),
д. филол. наук, проф. С. А. Мызников,
к. филол. наук А. П. Сытов, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский

РЕДКОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Д. В. Герасимов (отв. ред.), Н. М. Заика, В. А. Крылова,
С. А. Оскольская, С. С. Сай, М. А. Холодилова, К. А. Шагал

Оригинал-макет
М. А. Холодилова

Выпуск подготовлен в рамках издательской программы Научно-образовательного центра ИЛИ РАН «Языковые ареалы России» (Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»)

ISBN 978-5-02-038277-0 © Коллектив авторов, 2011
© ИЛИ РАН, 2011
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2011

Часть I

**Материалы Шестой конференции
по типологии и грамматике для
молодых исследователей (2009 г.)**

средства оформления ядерных ролей. Исследование основывается на базе данных по языкам, обладающим одновременно вершинным и зависимостным маркированием (ок. 70 языков), и на генетически и ареально сбалансированной выборке (40 языков), и входит в более общий проект по типологическому изучению взаимодействия вершинного и зависимостного маркирования (см. [Arkadiev 2009]).

Согласование глагола с косвенно-маркированными ИГ встречается в восьми языках выборки (амхарский, бурушаски, гуниянди, манамбу, сентани, тараскан, унгаринджин, шумерский), а также в двух языках, не вошедших в выборку (ительменский, хантыйский). Тем самым, данное явление нельзя отнести к редким или исключительным.

Можно выделить несколько источников возникновения согласования с косвенно-маркированными ИГ. Первый и, видимо, наиболее распространенный из них, — это употребление косвенных средств для маркирования ядерных функций. Так, в бурушаски для оформления R трехместных глаголов используется локативный по происхождению послелог и глагол согласуется с данной ИГ, а не с менее косвенно-маркированным P-аргументом (2)²:

- (2) *in-e in-e = re₁ kɨta:b-an e:₁-č-umo*
 3SG-OBL 3SG-OBL=к книга-IDF 3SG.M.OBJ-дать-3SG.F.SBJ
 ‘Она дала ему книгу’. [Munshi 2006: 139]

Особенно интересный случай представлен в хантыйском языке, где наряду с обычной конструкцией предложения (нейтральной в зависимостном маркировании и аккузативной в вершинном) (3а) весьма частотна и конструкция с A в локативе (3б). Последняя не может рассматриваться как пассивная, поскольку в обеих конструкциях выступает та же глагольная форма; глагол при этом согласуется с A в локативе.

- (3а) *qujali aj ni tʃupɨ-l-tə*
 юноша маленький женщина целовать-PRS-3SG.SBJ/SG.OBJ
 ‘Юноша целует молодую женщину’. [Filchenko 2007: 346]

---

² Такая ситуация, хотя и реализуется в бурушаски несколько необычным образом, типологически вполне ожидаема [Haspelmath 2006].

- (3б) *qujali-nə*   *aj*   *ni*
 юноша-LOC   маленький   женщина
tfupi-l-tə
 целовать-PRS-3SG.SBJ/SG.OBJ
 ‘Юноша целует молодую женщину’. [там же]

Свойства конструкции в (3б) скорее позволяют квалифицировать ее как эргативную, что необычно для финно-угорских языков.

В австралийском языке гуниянди объекты ряда глаголов, отклоняющихся от прототипа переходности [Horper, Thompson 1980], оформляются косвенными падежами и индексируются в глаголе при помощи специального ряда показателей (4).

- (4) *nganyi-ngga*   *thadda-ya₁*   *yoowangiraa-nhi₁*
 я-ERG   собака-LOC   1SG.SBJ+опасаться-3SG.OBL
 ‘Я боюсь собаки’. [McGregor 1990: 321]

Другой источник согласования с косвенно-маркированными ИГ — актантные деривации, добавляющие объект (аппликатив и версия). Обычно актант, вводимый деривацией, приобретает ядерное кодирование [Peterson 2007], однако возможны и нетривиальные исключения. Так, в мезоамериканском языке тараскан имеются глагольные суффиксы, обязательно выступающие при сочетании глагола с локативными ИГ (5), а в адыгейском языке версионный преверб необязательно вызывает «продвижение» послеложного объекта в ядерную позицию (6).

- (5) *xí*   *apáŋ-k'u-š-k'a-ni*   *kwinkwisi-ru*
 я   жечь-LOC-PST-IND-1SG   локоть-LOC
 ‘Я обжег себе локоть’. [Foster 1969: 183]

- (6) *se*   *č'ale-m₁*   (*paje*)
 я   парень-OBL   для
žeg^wale   *qə-Ø₁-fe-s-š'efə-в*
 игрушка   DRV-3SG.IO-BEN-1SG.A-купить-PST
 ‘Я купил парню/для парня игрушку’. [Летучий 2009: 332]

Случай, промежуточный между уже рассмотренными, демонстрирует ительменский язык, где введение участника в ядро клаузы выражается лишь в согласовании с ним глагола при помощи особого ряда показателей [Володин 1976: 256–268], (7).

- (7) *nt-čaja-kinen*   *ənnə-nk*
 1PL.SBJ-пить.чай-3SG.OBL   3SG-LOC
 ‘Мы пили у него чай’. [Bobaljik, Wurmbrand 2002: 22]

Наконец, третий источник согласования с косвенно-маркированной ИГ — грамматикализация топиализованных конструкций с резумптивными местоимениями. Обычно топиализованные ИГ немаркированы, как, например, в кабильском языке (8).

- (8a) *ye-fka*   *we-rgaz*   *tafzimt i tmeṭṭut*
 3SG.SBJ-дать   OBL-мужчина   брошь   к   OBL+женщина
 ‘Мужчина дал брошь женщине’. [Nait-Zerrad 2001: 163]

- (8б) *tameṭṭut*₁, *ye-fka-yas*₁   *we-rgaz*   *tafzimt*
 женщина   3SG.SBJ-дать-3SG.IO   OBL-мужчина   брошь
 ‘Женщине мужчина дал брошь’. [там же]

Топикализация ИГ, оформленных падежом, в том числе косвенным, однако, также возможна. В амхарском языке дискурсивно выделенные инструментальные ИГ с предлогом *bä=* индексируются в глаголе местоименными суффиксами, содержащими тот же элемент (9), что прозрачно указывает на их происхождение из сочетаний предлога с резумптивным местоимением. В папуасском языке манамбу согласование с топиализованными ИГ в косвенных падежах осуществляется при помощи обычного объектного ряда суффиксов (10).

- (9) *almaz*   *b = addisu*   *ərsasə-wa*
 Алмаз   INS=новый   карандаш-3SG.F.PS
ṣaf-äčč-əbb-ät
 писать-3SG.F.SBJ-INS-3SG.OBJ
 ‘Алмаз писала своим новым карандашом’. [Leslau 1995: 430]

- (10a) *dakul wapi duañanugw-a:m kə-da:-di*
 дух   птица   мальчик-ACC   есть-3PL.SBJ-3PL.OBJ
 ‘Птицы-духи съели мальчиков’. [Aikhenvald 2008: 149]

- (10б) *wun adə yaba:-r yi-tua-d*
 я   тот   дорога-ALL   идти-1SG.SBJ-3SG.OBJ
 ‘Я пошел в сторону той дороги’. [там же: 62]

Из рассмотренного выше материала можно сделать вывод, что согласование с ИГ в периферийном падеже — явление более

распространенное, чем можно было бы ожидать исходя из современных общетипологических представлений. Такие ситуации имеют своим источником весьма различные конструкции и сами способны развиваться в сторону «нормальных» способов кодирования ядерных функций.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; А — агенс; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; BEN — бенефактив; DRV — директив; ERG — эргатив; F — женский род; IDF — неопределенность; IND — индикатив; INS — инструменталис; IO — непрямой объект; LOC — локатив; M — мужской род; OBJ — объект; OBL — косвенный падеж/объект; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PS — посессивность; PST — прошедшее время; SBJ — субъект; SG — единственное число.

Литература

- Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Летучий 2009 — А. Б. Летучий. Аффиксы бенефактива и малефактива: Синтаксические особенности и круг употреблений // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009. С. 329–371.
- Aikhenvald 2008 — A. Y. Aikhenvald. The Manambu Language of East Sepik, Papua New Guinea. Oxford: OUP, 2008.
- Arkadiev 2009 — P. M. Arkadiev. Towards a typology of case in head-marking languages // Paper presented at the international symposium «Case in and across Languages». Helsinki, 27–29 August 2009.
- Bakker, Siewierska 2009 — D. Bakker, A. Siewierska. Case and alternative strategies: Word order and agreement marking // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: OUP, 2008. P. 290–303.
- Bobaljik, Wurmbrand 2002 — J. D. Bobaljik, S. Wurmbrand. Notes on agreement in Itelmen // Linguistic Discovery 1, 1, 2002.
- Filchenko 2007 — A. Y. Filchenko. A Grammar of Eastern Khanty. PhD Thesis, Rice University, Houston, 2007.
- Foster 1969 — M. Foster. The Tarascan Language. Berkeley — Los Angeles: Univ. of California Press, 1969.
- Haspelmath 2006 — M. Haspelmath. Argument marking in ditransitive alignment types // Linguistic Discovery 3, 1, 2006. P. 1–21.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language 56, 2, 1980. P. 251–299.

- Leslau 1995 — W. Leslau. A Reference Grammar of Amharic. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995.
- McGregor 1990 — W. McGregor. A Functional Grammar of Gooniyandi. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1990.
- Munshi 2006 — S. Munshi. Jammu and Kashmir Burushaski: Language, Language Contact, and Change. PhD Thesis, Univ. of Texas at Austin, 2006.
- Naït-Zerrad 2001 — K. Naït-Zerrad. Grammaire moderne du kabyle. Paris: Karthala, 2001.
- Nichols 1986 — J. Nichols. Head-marking and dependent-marking grammar // *Language* 62, 1, 1986. P. 56–119.
- Peterson 2007 — D. A. Peterson. *Applicative Constructions*. Oxford: OUP, 2007.

О. И. Беляев

МГУ, Москва

**СОЧИНЕНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ
В ИЦАРИНСКОМ, КУНКИНСКОМ И АШТИНСКОМ
ДИАЛЕКТАХ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА¹**

0. Введение

Противопоставление сочинительной и подчинительной связи в сложном предложении представляет собой фундаментальную для синтаксической теории оппозицию и в связи с этим с давних пор привлекает внимание лингвистов. В таких работах, как [Ross 1967/1986; Зализняк, Падучева 1975] и в особенности [Haspelmath 1995] были выделены основные свойства, по всей видимости, универсальные для языков мира, позволяющие формально разграничить эти два вида синтаксической связи.

Особый интерес с точки зрения оппозиции «сочинение vs. подчинение» представляют собой конвербные конструкции в тех языках, где использование конверба (или так называемой срединной формы глагола) является основным средством линейной организации нарратива. В таких языках эти конструкции бывают интересны тем, что по своим свойствам они оказываются посередине между сочинительным и подчинительным типами; более того, засвидетельствованы случаи, когда одна и та же конструкция проявляет в зависимости от контекста или сочинительные, или подчинительные свойства (ср. [Рудницкая 1997] для корейского, [Тестелец 1999] для цахурского).

Цель настоящего исследования состояла в проверке сочинительно-подчинительных свойств конвербных конструкций в трех диалектах² даргинского языка: ицаринского, кункинского (юго-западная группа) и аштинского (кубачи-аштинская группа). Различия

---

¹ Материал был собран при поддержке гранта № 07-04-00266а Российского гуманитарного научного фонда.

² Статус «язык/диалект» этих вариантов даргинского языка пока не ясен и требует отдельного рассмотрения.

в конвербных системах этих идиомов позволяют говорить о том, что эти системы были сформированы и долгое время развивались независимо. Таким образом, различия в свойствах конвербов между диалектами могут послужить источником для выводов о закономерностях в диахроническом развитии таких систем и о возможных мотивациях для каждого из вариантов такого развития.

1. Общий обзор системы конвербов в трех диалектах

Инвентарь деепричастных форм в ицаринском, кункинском и аштинском диалектах выглядит следующим образом:

Таблица 1

Ицари	Кунки	Ашты	
<i>-li</i>	<i>-le</i>	<i>-ib/un/ul</i> (PF)	следование, причина, нарратив
<i>-īi</i>	<i>-nar</i>	<i>-u/un</i> (IPF), <i>-he:</i> , <i>-mutil</i> (IPF)	одновременность, причина
<i>-q̄illa</i>	<i>-q:alle</i>	<i>-ma:</i>	причина
<i>-leheīi</i>	<i>-le hiti</i>	<i>-mutil</i> (PF), <i>-ta-be:li</i>	следование (‘после того, как’)
<i>-la</i>	<i>-le-hilarka</i>	<i>-ži-la</i>	‘с тех пор, как’
<i>-kat(la)</i>	<i>-(h)er</i>	<i>-ma:-le</i>	немедленное следо- вание (‘как только’)
–	<i>-xar(ra)</i>	<i>-xa</i>	уступка
<i>-(h)ēr</i>	–	–	образ действия
<i>-saīi</i>	–	–	одновременность/ сравнение (‘чем... тем’)
–	–	<i>-že, -tiwalli</i>	‘пока’

Таким образом, в каждом из диалектов имеется так называемый «простой» претеритный конверб (*-li, -le, -ib/un/ul*), использующийся в нарративной функции и в значении причины, и различный по объему инвентарь специализированных конвербов, выражающих разного рода временные и модальные значения.

Системы деепричастий в трех диалектах достаточно сильно различаются между собой. Это свидетельствует о том, что системы конвербов формировались во всех диалектах уже после распада даргинского единства и в значительной степени независимо друг от друга. Единственным исключением является простой претеритный конверб, который, по всей видимости, имеет общее происхождение во всех диалектах.

2. Сочинение и подчинение

Каждый из конвербов, представленных в рассмотренных нами диалектах, был проверен на соответствие следующим подчинительным свойствам:

1. линейное вложение подчиненной клаузы в главную [Зализняк, Падучева 1975; Haspelmath 1995];
2. возможность смены порядка клауз без изменения смысла [Haspelmath 1995];
3. контроль субъекта выраженного конвербом предиката из главной клаузы невозможен при сочинении [Haspelmath 1995];
4. возможность использования фокусной частицы с конвербной клаузой [Ross 1967/1986; Haspelmath 1995];
5. возможность использования в предложении вопросительного слова [Ross 1967/1986];
6. возможность использования конвербной группы в относительном предложении [Ross 1967/1986];
7. эллипсис с образованием пробела возможен только в сочинительной конструкции [van Oirsouw 1987];
8. в подчинительной конструкции воздействие матричного глагола затрагивает только главный глагол [Зализняк, Падучева 1975];
9. кореферентное сокращение обязательно в сочинительной, но не подчинительной конструкции [Podlesskaya 1998].

Мы ограничились набором из этих критериев, поскольку именно они оказались применимыми к конвербам во всех рассматриваемых вариантах даргинского языка. Ниже будет, однако, показано, что и из этих свойств некоторые оказались в изучаемых диалектах нерелевантными для противопоставления сочинительной связи подчинительной.

2.2. Кункинский диалект

Принципиально отличается от ицаринской ситуация в кункинском диалекте: в нем простой претеритный конверб является подчинительным по всем используемым нами критериям, и его поведение не зависит от семантики. Например, претеритный конверб всегда отвечает критерию 2 даже при отсутствии причинного значения (или других значений, характерных для специализированных конвербов):

- (5) *murad*   *č_oer-kejs-un*,   *qili*
 Мурад   PREV-лежать:PF-PRET   дом
sač'-ib-le
 HITHER+приходить:PF-PRET-CONV
 'Мурад лег спать после того, как пришел домой'.

2.3. Аштинский диалект

Ситуация в аштинском диалекте в целом аналогична ицаринской, хотя и несколько отличается в деталях. Вложение одной клаузы в другую (признак 1), по-видимому, возможно только при односубъектном употреблении конверба, т. е. этот признак коррелирует с признаком 4 (контроль):

- (6а) *saleħ,   *ʕa'li*   *sa'q'-u'n*,   *w = idaž-i*
 Салих   Али   HITHER+идти:PF-CONV   M=выйти:PF-PRET
 Ожид.: 'Салих вышел после того, как пришел Али'.

- (6б) *universitet-li*,   *ʕa'li-dil*   *ekzamen*   *b = ič'-ib*,
 университет-ILL   Али-ERG   экзамен   N=сдать:PF-CONV
ke:χ_o-i
 DOWN+идти:PF-PRET
 'Али поступил в университет после того, как сдал экзамен'.

При постановке конвербной клаузы после главной (признак 2) возможна только причинная интерпретация:

- (7) *saleħ*   *w = idaži*,   *ʕa'li*
 Салих   M=выйти:PF+PRET   Али
sa'q'-u'n
 HITHER+идти:PF-CONV
 'Салих вышел, потому что вошел Али'.

Простой претеритный конверб в аштинском диалекте является сочинительным по признаку 5 (вопросительное слово):

- (8) *ča w=idaž-i   ʕali saʕq'-uʕn
кто M=выйти:PF-PRET Али HITHER+приходить:PF-CONV
Ожид.: 'Кто вышел потому, что вошел Али?'

— а также по признаку 8 (воздействие матричного глагола):

- (9) *dam   b=aʕk'-uʕ   ʕali saq'-uʕn
я.SUPLAT N=знать:IPF-PRS Али приходить:PF-CONV
saleħ   w=idaž-i
Салих M=идти:PF-PRET
Ожид.: 'Я думаю, Салих вышел, потому что вошел Али'.

3. Выводы

Таким образом, простой претеритный конверб демонстрирует различные свойства в изученных нами диалектах: подчинительные в кункинском и вариативные (в зависимости от семантики) свойства в ицаринском и аштинском. При этом, как мы уже заметили ранее, простой претеритный конверб, в отличие от прочих деепричастий, скорее всего следует считать существовавшим еще в период даргинской языковой общности. Таким образом, из наших данных следует, что сочинительно-подчинительные свойства конвербных конструкций могут легко подвергаться изменению с течением времени. Каким мог быть сценарий подобной эволюции и какие факторы могли повлиять на ее результат?

На наш взгляд, принципиально возможно два варианта:

1. Первоначально претеритный конверб использовал подчинительную стратегию, которая впоследствии была в основном вытеснена сочинительной в ицаринском и аштинском диалектах.

2. Первоначальная стратегия — сочинительная. Подчинительный характер претеритного конверба в кункинском — инновация.

Если предположить, что верен первый сценарий, то неизбежно встает вопрос о возможной мотивации сдвига от подчинения к сочинению. Учитывая данные ицаринского и аштинского диалектов, единственной мотивацией могло бы быть нарративное употребление конверба. В таком случае мы бы ожидали, что в кункинском диалекте это употребление весьма маргинально, в связи с чем сочинительная стратегия не получила там развития. Однако в действительности верно обратное: в кункинском диалекте, по

нашим данным, возможны цепочки из 5 и более конвербов на *-le*, тогда как «...Icari does not use long chains, it rarely has more than two subordinate converbs in such a chain» [Sumbatova, Mutalov 2003: 189]. Таким образом, сценарий 1 не объясняет наблюдаемого распределения сочинения и подчинения по диалектам и должен быть отвергнут.

Что касается сценария 2, то в его рамках можно объяснить сложившееся распределение следующим образом: подчинительная стратегия первоначально начала употребляться лишь при причинном употреблении конвербов, что мы наблюдаем в ицаринском и аштынском диалектах. Кункинский же диалект представляет собой более поздний этап развития: в нем произошло обобщение употребления претеритного конверба по подчинительной стратегии. То, что результат стал именно таким, на наш взгляд, вызвано большей синтаксической и семантической маркированностью подчинительной связи в сравнении с сочинительной.

Таким образом, синхронное рассмотрение близкородственных идиомов дает возможность делать выводы о диахронической эволюции синтаксических отношений. Основываясь на наших данных, мы предлагаем следующие предварительные выводы о закономерностях диахронической эволюции сочинения и подчинения:

1. Для языков характерно направление эволюции от сочинительных конструкций к подчинительным, но не в обратном направлении.

2. Сочинение является наиболее базовой стратегией соединения частей сложного предложения и не соотносится с какой-либо определенной семантикой, тогда как подчинение — маркированное отношение и ассоциировано с определенным набором значений. Наличие у сочинительной конструкции какого-либо из этих значений может вызвать дрейф в сторону подчинения.

3. При конкуренции сочинительной и подчинительной конструкций обобщение может произойти по подчинению, но не по сочинению.

Уточним, что данные выводы имеют лишь статус гипотезы, требующей проверки как на материале других даргинских диалектов, так и в более широкой типологической перспективе.

Список условных сокращений

I — лицо; CONV — конверб; DOWN — направление действия вниз; ERG — эргатив; HITHER — направление к говорящему; ILL — иллатив; IPF — имперфективная основа; M — мужской грамматический класс; N — грамматический класс неодушевленных имен; PF — перфективная основа; PRS — настоящее время; PRET — претерит; PREV — преверб; SUPLAT — суперлатив.

Литература

- Зализняк, Падучева 1975 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика 6, 1975. С. 59–107.
- Рудницкая 1997 — Е. Л. Рудницкая. Проблема алтайского сочинения в корейском языке // Вопросы языкознания 6, 1997. С. 89–99.
- Тестелец 1999 — Я. Г. Тестелец. Порядок слов и структура составляющих // А. Е. Кибрик (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 293–346.
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-linguistic Perspective*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–55.
- van Oirsouw 1987 — R. van Oirsouw. *The Syntax of Coordination*. Kent, 1987.
- Podlesskaya 1998 — V. I. Podlesskaya. Clause combining by means of resumption: subordination or coordination? // Paper presented at the 2nd Biennial Meeting of the Association for Linguistic Typology, Eugene, 11–14 September, 1998.
- Ross 1967/1986 — J. R. Ross. *Constraints on Variables in Syntax*. PhD Thesis, MIT, Cambridge, MA, 1967. Later published as: *Infinite Syntax*. Norwood, 1986.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. *A Grammar of Icar Dargwa [Languages of the World/Materials 92]*. München: LINCOM Europa, 2003.

А. В. Богданов

МГУ, Москва

СТРУКТУРА НЕПОЛНЫХ ПРЕДИКАЦИЙ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В данной работе будут рассмотрены некоторые синтаксические свойства неполных предикаций в осетинском языке. Под неполными предикациями мы будем иметь в виду такие глагольные дериваты, как причастия (пассивные прошедшего времени и активные настоящего времени), конвербы и номинализации. Мы называем их неполными, так как считаем, что их структура является менее полной, чем структура финитных клауз. На основе описанных синтаксических свойств будут сделаны некоторые выводы, касающиеся внутренней структуры этих предикаций.

1. Инвентарь дериватов

В осетинском языке имеются следующие глагольные дериваты: пассивные причастия прошедшего времени, образующиеся при помощи показателя $-d(m)$ (1); активные причастия настоящего времени, образующиеся при помощи показателя $-ag^2$ (2); конвербные формы на $-ga$ (3); а также номинализации на $-yn$ (4).

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант 08-06-00411. Материал был собран в ходе лингвистической экспедиции МГУ 2009 г. в село Даргавс Пригородного района республики Северная Осетия — Алания, поддержанной грантом РГНФ №09-04-18039е.

² В грамматике [Абаев 1959] отмечается, что формы на $-ag$ скорее можно считать отглагольными прилагательными. При этом причастиями настоящего времени Абаев считает формы на $-ag$. Собранные нами данные, однако, позволяют предложить другой анализ. Опрошенные нами информанты образуют формы на $-ag$ далеко не от всех глагольных основ, и далеко не всегда эти формы являются адъективами (зачастую это отглагольные имена). Тогда как формы на $-ag$ порождаются регулярно, являются адъективами и способны присоединять к себе глагольные зависимые (2).

- (1) *æз зоньн чызг-æн а-зар-д зарæг*
я знаю девочка-DAT PREV-петь-PART2 песня
'Я знаю песню, спетую для девочки'.
- (2) *æз зоньн арæх зар-аг лæппу*
я знаю часто петь-PART1 мальчик
'Я знаю мальчика, который часто поет'.
- (3) *лæг куыдз-ы бабаæста рæй-гæ*
мужчина собака-ACC привязывал лаять-CONV
'Мужчина привязывал собаку, и она лаяла'.
- (4) *хъарæй зар-ын-ы фæстæ лæппу æрбацыд*
громко петь-INF-GEN после мальчик пришел
'После того, как громко пели, пришел мальчик'.

Стоит особо отметить, что формы на *-гæ* не образуют с существительным одной составляющей, то есть, вопреки [Абаев 1959], не могут быть квалифицированы как причастные. Это видно из (5а), где форма на *-гæ* принимает клитику второй позиции (подробнее о клитиках см. ниже). Поскольку в осетинском языке клитики не могут проникать внутрь именной группы [Erschler 2009: 442], (5а) показывает, что *тæрс-гæ чызг* не образует составляющую.

- (5а) *тæрс-гæ =мæм чызг æрбацыд*
бояться-CONV 1SG.ALL девочка пришла
'Девочка, которая боится, пришла ко мне'³.
- (5б) **тæрс-аг =мæм чызг æрбацыд*
бояться-PART1 1SG.ALL девочка пришла
Ожид.: 'Девочка, которая боится, пришла ко мне'.

В (5б), напротив, показано, что причастные формы на *-аг* не могут принимать клитику второй позиции, а значит, образуют с существительным одну составляющую.

Также отметим, что формы на *-ын*, которые мы в данной работе называем номинализациями, совпадают с инфинитивной формой (в частности, именно такие формы маркируют предикатные

---

³ Как видно из сопоставления (3) и (5а), подлежащее конвербов может контролироваться как подлежащим верхней клаузы, так и другими ее актантами. Однако, эта проблематика в данной работе остается за кадром.

аргументы матричных глаголов). Однако все свойства номинализаций, о которых пойдет речь ниже, были протестированы нами в контексте с падежным показателем (как в (4)), то есть в очевидно именном контексте.

Помимо номинализаций на *-ын*, совпадающих с инфинитивной формой, в осетинском языке имеются номинализации на *-т*, которые, в свою очередь, совпадают с пассивными причастиями прошедшего времени, но при этом способны присоединять падежный показатель. Все свойства номинализаций, о которых пойдет речь ниже, в равной мере относятся к обоим типам номинализаций.

2. Свойства дериватов

2.1. Способность иметь клитики второй позиции в качестве зависимых

Как уже было сказано, в осетинском языке имеются клитики, занимающие вторую позицию в клаузе (то есть, позицию после первого фонетического слова) или позицию после ИГ (если клауза начинается с ИГ).

Все четыре типа дериватов так же, как и финитные формы, способны иметь клитики второй позиции в качестве своих зависимых. В примерах (6)–(9) это продемонстрировано для всех типов дериватов.

- (6) *æз уынын арах =ыл хэц-аг куыдз*
я вижу часто 3SG.SUPERESS кусать-PART1 собака
'Я вижу собаку, которая его часто кусает'.
- (7) *æз уынын лæппуй-ы тынг =дзы тæрс-гæ*
я вижу мальчик-ACC сильно 3SG.ABL бояться-CONV
'Я вижу, как мальчик ее сильно боится'.
- (8) *æз зонын хъæрай =сын зар-д зарæг*
я знаю громко 3SG.DAT петь-PART2 песня
'Я знаю громко спетую для них песню'.
- (9) *зарæг =уын зар-ын-ы рæстæджы*
песня 2SG.DAT петь-INF-GEN во.время
лæппу æрбацыд
мальчик пришел
'В то время, как вам пели песню, пришел мальчик'.

2.2 Способность присоединять отрицательные местоимения

Отрицательные местоимения в осетинском языке присоединяются к глаголам без дополнительной отрицательной частицы. Было обнаружено, что отрицательные местоимения допускаются в причастных и конвербных клаузах, но не в номинализациях.

- (10) *никуы зар-аг лæппу æрбацыд*
никогда петъ-PART1 мальчик пришел
'Пришел мальчик, который никогда не поет'.
- (11) *æз зоньын куыдз никаеу-ыл хæц-гæ*
я знаю собака никто-SUPERESS кусать-CONV
'Я знаю собаку, которая никого не кусает'.
- (12) *никуы æфхæр-д чызг æрбацыд*
никогда обижать-PART2 девочка пришла
'Пришла девочка, которую никогда не обижали'.
- (13) **ницы араз-ын-ы фæстæ*
ничего строить-INF-GEN после
лæг æрбацыд
мужчина пришел
Ожид.: 'Мужчина пришел, ничего не построив'.

2.3 Способность присоединять отрицательную частицу

Все рассмотренные нами дериваты, кроме номинализаций, способны употребляться в контексте отрицания:

- (14) *æз уынын нæ зар-аг лæппу*
я вижу не петъ-PART1 мальчик
'Я вижу мальчика, который не поет'.
- (15) *чызг æрбацыд нæ тæрс-гæ*
девочка пришла не бояться-CONV
'Девочка пришла, не боясь'.
- (16) *æз зоньын нæ зар-д зарæг*
я знаю не петъ-PART2 песня
'Я знаю песню, которую не спели'.
- (17) **нæ зар-ын-ы рæстæджы лæппу æрбацыд*
не петъ-INF-GEN во.время мальчик пришел
Ожид.: 'Мальчик пришел, когда не пели'.

Интересно, что помимо отрицательной частицы *на* в осетинском имеется другой показатель отрицания *анæ* ‘без, не’⁴. При этом причастия на *-аг* могут сочетаться с этим показателем.

- (18) *на* / *анæ* *тæрс-аг* *чызг* *æрбацъд*
 не не2 бояться-PART1 девочка пришла
 ‘Пришла девочка, которая не боится’.

Как видно из (18), в данном контексте могут выступать оба отрицательных показателя без какого-либо изменения смысла. Но если у причастия есть другие зависимые, то возможность присоединять показатель *анæ* блокируется:

- (19) *куыдз-æй* *на* / *анæ *тæрс-аг* *чызг* *æрбацъд*
 собака-ABL не не2 бояться-PART1 девочка пришла
 ‘Пришла девочка, которая не боится собаки’.

3. Выводы о структуре неполных предикаций

Из перечисленных выше свойств неполных предикаций становится очевидно то, что структура номинализаций отличается от структуры других дериватов.

Если предположить, что в финитной конструкции имеется некоторая функциональная проекция NegP, в которой порождается отрицательный показатель *на* и в спецификатор которой перемещаются отрицательные местоимения⁵ (как это делается в [Lyučikova, Tatevosov 2009]), то структура предикации в упрощенном виде выглядит так:

- (20) ... [NegP NEG [TP T [vP v [VP V]]]] ...

Тот факт, что номинализации не присоединяют ни отрицательного показателя, ни отрицательных местоимений, дает нам основания считать, что в случае с номинализациями мы имеем дело со структурой типа (21a), а в случае с другими рассмотренными дериватами — со структурой типа (21б).

⁴ Точный синтаксический статус этой единицы нам неизвестен. В словаре для этого показателя есть две статьи — предлог и приставка. Возможно, что между двумя этими типами употребления на самом деле нет никакой разницы.

⁵ Предположение об их перемещении делается потому, что они линейно располагаются в предглагольной позиции.

(21a) [DP [NP [N -ын] [TP T [vP v [VP V]]]]]]

(21б) [DerP [Der -аг/-д/-гæ] [NegP NEG [TP T [vP v [VP V]]]]]]

Тот факт, что в примерах типа (19) отрицательный показатель *æнæ* не может употребляться с зависимыми, говорит нам о том, что в таком случае мы имеем дело со структурой типа:

(22) [AP -аг æнæ-V]

Другими словами, глагольная основа V соединяется с отрицательной частицей *æнæ* непосредственно, а образующаяся в результате сложная вершина не способна проецировать даже VP.

Что же касается возможности всех рассмотренных неполных предикаций иметь клитики второй позиции в качестве зависимых, то это означает, что таким клитикам не нужна полная клаузная структура. Этот факт, в частности, может помочь в определении места, которое занимают такие клитики в синтаксической структуре.

Таким образом, все исследованные типы клауз имеют структуру, содержащую некоторое подмножество функциональных вершин, представленных в финитных клаузах. При этом номинализации, за счет отсутствия NegP, содержат еще меньший список вершин, чем остальные типы неполных клауз.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; CONV — конверб; DAT — датив; GEN — генетив; INF — инфинитив; PART1 — пассивное причастие прошедшего времени; PART2 — активное причастие настоящего времени; PREV — преверб; SG — единственное число; SUPERESS — суперэссив.

Литература

- Абаев 1959 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959.
- Erschler 2009 — D. Erschler. Possession marking in Ossetic: Arguing for Caucasian influences // *Linguistic Typology* 13, 3, 2009. P. 417–450.
- Lyutikova, Tatevosov 2009 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. The clause internal left edge: Exploring the preverbal position in Ossetian // Paper presented at the International Conference in Iranian Linguistics 3. Paris, 11–13 September, 2009.

И. А. Виноградов

МГУ, Москва

КАТЕГОРИЯ ИРРЕАЛИСА В ЯЗЫКЕ ЦОЦИЛЬ

Термин «ирреалис» используется в лингвистике уже долгое время¹. Тем не менее, понятие ирреалиса как особой грамматической категории само по себе довольно ново, поэтому в различных лингвистических работах под термином «ирреалис» зачастую понимаются достаточно разнородные сущности. В самом общем виде можно сказать, вслед за Митун, что ирреалис характеризует неактуализованные состояния или события, то есть принадлежащие к миру воображения и мысли и не имеющие денотата в реальном мире [Mithun 1995].

В данной работе термин «ирреалис» используется в двух значениях. Во-первых, будем называть ирреалисом особую грамматическую категорию глагола, показатели которой указывают либо на реальность ситуации, либо на ее воображаемость². А во-вторых, будем использовать этот термин для обозначения соответствующей граммемы этой категории (в противопоставление граммеме реалиса).

Универсально-типологическая значимость понятия ирреалиса ставится некоторыми исследователями под сомнение [Bybee 1998]. Тем не менее, представляется, что выделение грамматической категории ирреалиса может быть полезно как для описания конкретного языкового материала, так и в типологическом плане [Ландер и др. (ред.) 2004].

Язык цоциль относится к цельтальской подгруппе чольско-цельтальской группы майяской семьи языков. По данным

---

¹ Впервые его употребил Сепир еще в первой четверти XX века [Elliott 2000].

² Иногда для обозначения этой грамматической категории используют громоздкий термин «категория реальности ситуации» или, наоборот, слишком расплывчатый термин «статус» (в англоязычной литературе — «reality status», например, в [Elliott 2000]).

[Wichmann 2005], на 2000 год на языке цоциль говорит 297 тысяч человек в Мексике. Ранее категория ирреалиса в цоциле не исследовалась и за редким исключением вообще не выделялась. В [Schuller 1925] и [Haviland 1981] ирреалис (в терминах указанных грамматик — «subjuntivo») рассматривается как одна из граммем категории наклонения, наряду с индикативом и императивом. В настоящей работе будет показано, что ирреалис имеет более широкую сферу употребления, чем просто одно из наклонений. В связи с этим выдвигается гипотеза о существовании в языке цоциль отдельной категории ирреалиса, имеющей две грамемы. Реалис имеет нулевое выражение, а ирреалис выражается двумя способами, имеющими дополнительное распределение в зависимости от переходности смыслового глагола. Предполагается, что при непереходных глаголах ирреалис выражается суффиксом *-ik*³ и отсутствием аспектуального показателя, при переходных же — только отсутствием аспектуального показателя. Ранее исследователи цоциля выделяли только суффикс *-ik* как показатель ирреалиса.

Рассмотрим типы употребления ирреалиса в цоциле.

- отрицание:

- (1) *Mi tu vinik-ik-ot?*
Q NEG человек-IRR-2
‘Ты не человек?’ [Laughlin 1977: 68]

Ирреалисом маркируются только отрицательные предложения с именным сказуемым. Если же сказуемое глагольное, то используется реалис.

- (2) *Mi ta j-mak li na-e*
NEG IMPF 1-закрывать DEF дом-DEF
‘Я не закрываю [дверь в] дом’.
[Fernández Gómez et al. 2001: 24]

---

³ В синакантанском диалекте этот суффикс имеет алломорф *-ik*, а распределение алломорфов происходит по следующему правилу: если за суффиксом ирреалиса идет еще один суффикс (суффикс лица, как правило), то суффикс ирреалиса принимает вид *-ik*, в конечной же позиции (или перед энклитиками) суффикс ирреалиса имеет вид *-uk*.

- императив:

- (3) “*Vay-ik-otik che7e!*” *xi ti vinik-e*
 спать-IRR-PL же сказать.PFV DEF мужчина-DEF
 ‘«Пойдемте же спать!», — сказал мужчина’. [Laughlin 1977: 47]

Императив второго лица имеет особые суффиксы: *-o* и *-an* (употребляются с переходными и непереходными глаголами соответственно).

- желание:

- (4) “*Chak vay-ik-on*”
 хотеть спать-IRR-1
xi la ti 7antz-e
 сказать.PERF R DEF женщина-DEF
 ‘«Я хочу спать», — сказала женщина’. [Laughlin 1977: 181]

Ср. отсутствие суффикса ирреалиса при переходном глаголе:

- (5) *7Ak'-b-o-n tal j-p'ej-uk li lo7bol-e,*
 давать-APPL-IMP-1 придти один-QU-DIM DEF фрукт-DEF
chak j-lo7
 хотеть 1-есть
 ‘Дай мне один фрукт, я хочу его съесть’. [Laughlin 1977: 40]

- цель:

- (6) *I-yul vay-uk*
 PFV-приходить спать-IRR
 ‘Он пришел спать’. [Haviland 1981: 331]

При переходном глаголе суффикс *-uk* отсутствует:

- (7) “*Ch-ba j-k'el,*” *xi la*
 IMPF-идти 1-смотреть сказать.PFV R
ti jun vinik-e.
 DEF один человек-DEF
 ‘Один человек сказал: «Я пойду посмотрю»’. [Laughlin 1977: 48]

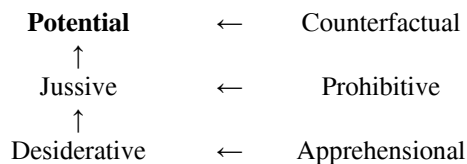
- контрафактическое условие:

- (8) *7ati j-chon-uk e, l-i-cham*
 если 1-продавать-IRR если PFV-1-умирать
 ‘Если бы я продал его, я бы умер’. [Laughlin 1977: 138]

Контрафактическое условие — единственный случай, когда суффикс ирреалиса употребляется с переходным глаголом. Это может объясняться тем, что фактически зависимая клауза в данном случае является номинализацией. Компонент *ti*, входящий в основу условного союза, и энклитика *e*, занимающая конечную позицию в условном предложении, являются по своему происхождению циркумфиксным артиклем — ср. *ti ʔantz-e* (4). Таким образом, категория аспекта для контрафактического условия оказывается не релевантна, и ирреалис при переходном глаголе должен получать какое-то иное выражение. Неудивительно, что способ выражения в этом случае просто заимствуется у переходных глаголов.

Указанные выше пять значений полностью укладываются в значения ирреалиса в языках Новой Гвинеи, выделенные в [Bugenhagen 1993]. Бугенхаген выделяет 15 возможных случаев употребления ирреалиса: будущее время, цель, обязательство, аппрехензив, хабитуалис, гипотетическое условие, желание, императив, сомнение, настоящее время, контрафактическое условие, возможность, прохибитив, отрицание, прошедшее время. Получается, что цоцильский ирреалис употребляется в 5 из 15, то есть в трети возможных случаев. Однако оговоримся, что часть из этих употреблений ирреалис охватывает не полностью: так, требует ирреалиса отрицание только именного сказуемого и императив от всех лиц, кроме второго.

В [Bowern 1998] предлагается иерархия «ирреальных» значений, которую можно представить на следующей схеме (стрелками обозначены импликации):

Цоцильский ирреалис практически укладывается в эту схему. Остается лишь некоторая неопределенность с основным значением по [Bowern 1998] — потенциалисом. В сборнике [Laughlin 1977] переводы с глаголом *can* соответствуют целому ряду грамматических

и лексических конструкций, в их числе: обычные финитные глагольные формы в имперфекте, малоупотребительный глагол *t'ak* (с реалисом), испанские заимствования типа *pwedes*, конструкции с *chak*. По-видимому, значение возможности вообще не является для цоциля первостепенным (и порой приходится прибегать к использованию испанских заимствований). И все же некоторые способы выражения возможности содержат показатель ирреалиса. Поэтому с некоторыми натяжками можно сказать, что цоциль соответствует схеме [Bowern 1998] (серым выделена сфера действия ирреалиса в цоциле):

Potential	←	Counterfactual
↑		
Jussive	←	Prohibitive
↑		
Desiderative	←	Apprehensional

Таким образом, сфера употребления ирреалиса гораздо шире, чем сфера употребления одного из наклонений, поэтому имеет смысл говорить о наличии отдельной грамматической категории. Есть две возможности выражения ирреалиса на морфологическом уровне: суффикс *-ukl-ik* и отсутствие показателя аспекта. Дистрибуция этих средств выражения зависит, прежде всего, от переходности глагола и от типа выражаемого ирреалисом значения. В ходе типологического анализа было установлено, что цоцильский ирреалис в целом укладывается в рамки, установленные типологами для этой категории. Однако типологически «центральное» употребление ирреалиса — потенциалис — в цоциле находится далеко на периферии, хотя и входит все-таки в ирреальную область.

Список условных сокращений

1, 2 — лицо; APPL — аппликатив; DEF — определенность; DIM — диминутив; IMP — императив; IMPF — имперфект; IRR — ирреалис; NEG — отрицание; PL — множественное число; PFV — перфектив; Q — вопросительная частица; QU — квантификатор; R — ренарратив.

Литература

- Ландер и др. (ред.) 2004 — Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики, 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004.
- Bowern 1998 — C. Bowern. Towards a typology of irrealis marking in modality // Paper presented at the Annual Conference of the Australian Linguistic Society, University of Queensland, 3–5 July, 1998.
- Bugenhagen 1993 — R. D. Bugenhagen. The semantics of irrealis in the Austro-nesian languages of Papua New Guinea // G. P. Reesink (ed.). Topics in descriptive Austronesian linguistics. Leiden: Rijksuniversiteit Leiden, 1993. P. 1–39.
- Bybee 1998 — J. L. Bybee “Irrealis” as a grammatical category // *Anthropological Linguistics* 40, 2, 1998. P. 257–271.
- Elliott 2000 — J. R. Elliott. Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalisation of reality // *Linguistic Typology* 4, 1, 2000. P. 55–90.
- Fernández Gómez et al. 2001 — M. A. Fernández Gómez, B. Martínez Valladares, M. Moreira Sendón. El Tzotzil Zinacanteco: Resumen gramatical de esta lengua de la familia maya, como trabajo del curso Tipología Lingüística de la Universidade de Vigo. Vigo, 2001.
- Haviland 1981 — J. B. Haviland. Sk’op Sotz’leb — el tzotzil de San Lorenzo Zinacantán. México D. F.: Universidad Nacional Autónoma de México, 1981.
- Laughlin 1977 — R. M. Laughlin. Of Cabbages and Kings: Tales from Zinacantán [Smithsonian Contributions to Anthropology 23]. 1977.
- Mithun 1995 — M. Mithun. On the relativity of irrealis // J. L. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in Grammar and Discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1995. P. 367–388.
- Schuller 1925 — R. Schuller. La lengua Ts’ots’il (Dialecto del Maya-K’ice, Chiapas) // *International Journal of American Linguistics* 3, 2/4, 1925. P. 193–218.
- Wichmann 2005 — S. Wichmann. Un panorama de las lenguas indígenas de México // B. de Jonge (ed.). *Las lenguas de México. México en Movimiento* 11. Groningen: Groningen University, 2005. P. 111–140.

В. С. Волк, Д. А. Эршлер

МГУ, НМУ, Москва

**СВОБОДНЫЙ ПОРЯДОК СЛОВ
И КАК С НИМ БОРОТЬСЯ:
о структуре составляющих и эллипсисе
в дигорском осетинском¹**

1. Введение

Проблема «свободного порядка слов» привлекает в последнее время значительное внимание синтаксистов, см., например, исследование скремблинга в персидском [Kagimi 2005], сборник статей [Sabel, Saito 2005] и многие другие. Очевидная сложность, на которую немедленно наталкивается лингвист, занявшийся таким языком, — неясно, как определить, какой порядок слов и синтаксическая структура являются для изучаемого идиома базисными, а какие — производными. Один из возможных выходов — постулировать некоторую структуру (как, например, это сделано для грузинского в [McGinnis 1995, 1997]), а затем рассматривать «отклонения» от нее. Однако такой подход обладает очевидным недостатком — а priori ни из чего не следует, что для данного языка должны подтверждаться гипотезы об универсальной структуре, сформулированные на материале (как правило, небольшого числа) других.

Осетинский (в нашей работе речь пойдет в первую очередь о дигорском, но выводы и наблюдения в большой степени относятся и к иронскому) отличается достаточно свободным порядком слов (1a–в), поэтому все сказанное выше полностью применимо к нему. Проблемы порядка слов в дигорском до сих пор не

---

¹ Часть материалов, на которых основывается работа, была собрана летом 2009 г. в экспедиции ОТиПЛ филологического факультета МГУ в Северную Осетию. Экспедиция финансировалась грантом РГНФ № 09-04-18039е. Устные тексты были записаны летом 2008 г. в с. Новый Урух (Шекер) Ирафского р-на Северной Осетии. Мы признательны Азе Сасиевой, а также Олегу и Хетагу Будаевым за терпеливую помощь в их расшифровке.

изучались вовсе, для иронского попытка установить связь коммуникативной структуры и порядка слов сделана в [Кудзоева 2003].

(1а) SOV

direktor exwədeɣ prikaz erbaxas-ta
директор сам приказ принести.PST-TR.PST.3SG
'Сам директор привез приказ'. (нарр., М. Г., 85 л.).

(1б) OSV

mən-ɛj fulder intervju = din evɛʒi
я.OBL-ABL больше интервью=тебе наверняка
neke rad-ta
никто дать.PST-TR.PST.3SG
'Большого интервью, чем я, тебе наверняка никто не дал'.
(нарр., М. Г.).

(1в) VO

ɛrxud-ta ozrekkag kizɣɛ
жениться.PST-TR.PST.3SG озрековский девушка
'(Он) женился на девушке из Озрека'. (нарр., М. Г.).

2. Постановка задачи

В нашей работе мы представляем предварительные результаты нашей попытки установить эмпирические критерии для структуры составляющих и иерархии функциональных вершин в дигорском. Мы опираемся на встречаемость различных порядков слов в текстах, а также на свойства эллипсиса. Как источник данных мы используем расшифровку записей устного дискурса (нарративы и диалоги), опубликованные литературные и фольклорные тексты, а также суждения, полученные нами от носителей языка.

3. Основные наблюдения и аргументы

В работе мы сосредоточиваем внимание на глагольной группе в дигорском. Интересующие нас вопросы таковы: во-первых, можно ли постулировать само существование этой составляющей, или же дигорский более естественно описывать как обладающий «плоской» структурой? Во-вторых, если принять, что глагольная группа существует, какие функциональные проекции

следует постулировать для нее? В-третьих, каково ее расположение в клаузе?

Аргументы в пользу существования глагольной группы таковы. Во-первых, это употребление VP-проформы *wote kenun* ‘так делать’:

- (2) *wetta = babej ɛrcɛw-ide ɛma = babej*
 тогда=опять приходить-SUBJ.PRS.3SG и=опять
wosɛ fɛšt-ide
 женщина становиться-SUBJ.PRS.3SG
wote kod-ta resteg-ɛj resteg-me
 так делать.PST-TR.PST.3SG срок-ABL срок-ALL
 ‘Тогда опять возвращалась (итер.) и превращалась (итер.) в женщину. Так она делала время от времени’. (из фолькл. текста², [Сокаева 2007]).

Вторым аргументом в пользу существования VP является тенденция размещать нереферентное прямое дополнение непосредственно при глаголе. (Полностью грамматикализованным проявлением этой тенденции служит строение сложных глаголов, они складываются из именной части и непосредственно следующим за ней вспомогательным глаголом: *liqɛ kenun* (растертый делать) ‘растирать, измельчать’, *is-cɛttɛ un* (PREV-готовый быть) ‘созреть’ и т. п.)

Наконец, глагольная группа целиком (с доминирующими над ней функциональными проекциями) может подвергнуться эллипсису:

- (3) *mɛdine balxɛd-ta zɔl fɛtime sɛkɛr,*
 Мадина купить.PST-TR.PST.3SG хлеб Фатима сахар
du = ba ɛi — balxɛd-taj?
 ты=CONTR что купить.PST-TR.PST.2SG
 ‘Мадина купила ХЛЕБ, Фатима — сахар, а ты (что купил)?’

Предположив, что глагольная группа в дигорском существует, перейдем к вопросу о функциональных проекциях. На настоящий момент существование вершины T обосновывается, во-первых, типологическими соображениями: хотя в осетинском нет глагольных

² Запись 1993–1994 г., таким образом, текст можно считать примером современной речи.

времен, образующихся при помощи вспомогательных глаголов, это так во многих языках мира, в том числе генетически и ареально близких языках: восточноиранских (согдийском, ягнобском, памирских), нахских, армянском. Легкость, с которой языки мира образуют такие серии времен, служит сильным аргументом в пользу существования вершины Т как универсальной категории. Внутриязыковое свидетельство в пользу выделения вершины Т (или, по крайней мере, общей вершины для различных ТАМ-категорий, которую затем можно было бы «расщепить» из внутритеоретических соображений) — это наличие перифрастической глагольной формы, состоящей из конверба и легкого глагола *kɛnɪn* ‘делать’. Поскольку замена на эту форму в равной степени возможна для переходных (4а) и любых непереходных глаголов (4б–в), мы интерпретируем легкий глагол в этой конструкции именно как реализацию вершины Т, а не вершины *v*³.

- (4а) *qazlar-i = ba*   *xwase*   *kars-tan*
 кизляр-INESS=CONTR   сено   косить.PST-TR.PST.1PL
ɛntau-ge   *kod-tan*
 сушить.сено-CONV   делать.PST-TR.PST.1PL
 ‘А в Кизляре косили сено, сушили (его)’. (нарр., М. Б., 86 л.).
- (4б) *war-ge = ši*   *wojase*   *nɛ*   *kod-ta*
 дождить-CONV=там   столько   NEG   делать.PST-TR.PST.3SG
 ‘Дожди там шли не особенно’. (нарр., М. Б.).
- (4в) *tars-ge = der*   *ne-cɛmej*   *kɛn-ide*
 бояться-CONV=EMPH   NEG-что.ABL   делать-SUBJ.PRS.3SG
 ‘(Он) ничего не боялся (итер.)’. (нарр., Д. К., 82 г.).

Некоторые сведения об относительном расположении вершин (и, заодно, о положении глагольной группы в клаузе) можно извлечь из свойств эллипсиса. За несколько забавно звучащими терминами для видов эллипсиса, изобретенными Дж. Россом [Ross 1967/1986], скрываются совершенно точно определенные понятия: удален в результате эллипсиса может быть либо только сам глагол (гэппинг), либо глагол и IP (псевдогэппинг), либо

³ Независимые (т. е. не внутритеоретические) свидетельства в пользу существования *v* в осетинском нам на настоящий момент неизвестны.

глагольная группа без доминирующих функциональных проекций (эллипсис VP), глагольная группа вместе с ними (стриппинг) и т. д.

Примеры (5а–б) показывают, во-первых, что вопросительные слова и отрицательные местоимения расположены структурно выше глагольной группы:

(5а) *ke fend-uj je = ba uraza dar-uj*
кто.ACC хотеть-PRS.3SG он=CONTR ураза держать-PRS.3SG
mæsgæt-mæ cæ-uj, ke næ, je = ba nekumæ
мечеть-ALL ходить-PRS.3SG кто.ACC NEG он=CONTR куда
'Кому хочется, тот держит пост, ходит в мечеть, кому — нет, тот куда'. (нарр., Д. К.).

(5б) *vw-mæ xæstæg irazuj tærsæ*
село-ALL рядом растёт чинара
fal = ej næ zonun kæmi
но=ACC.3SG NEG знаю где
'Рядом с селом растёт чинара, но я не знаю где'.

Во-вторых, при эллипсисе, сохраняющем лишь показатель отрицания, этот показатель обязан располагаться в абсолютном конце клаузы, что свидетельствует в пользу того, что базисная позиция глагола — в конце:

(6а) *alan næ soslan = ba fidgun-tæ warzuj*
Алан NEG Сослан=CONTR пирог.с.мясом-PL любит
'Сослан любит пироги с мясом, а Алан — нет'.

(6б) **næ alan, soslan = ba fidgun-tæ warzuj*
Ожид.: 'Сослан любит пироги с мясом, а Алан — нет'.

В-третьих, данные эллипсиса (как и богатая глагольная морфология дигорского) свидетельствуют в пользу того, что (лексический) глагол там облигаторно поднимается в Т: примеров, где при эллипсисе от глагола оставалась бы проформа (наподобие английского *The Red Sox start a more talented infield than they do _____ an outfield.*) не существует.

4. Заключение

Резюмируя, мы предлагаем эмпирические аргументы в пользу того, что в дигорском, несмотря на свободный порядок слов,

существует глагольная группа, доминирующая вершиной Т. Мы также планируем обсудить, разумно ли постулировать в дигорской клаузе вершины, зарезервированные для составляющих с определенным коммуникативным статусом.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ABL — аблатив; ACC — аккумулятив; ALL — аллатив; CONTR — контрастивный топик; CONV — деепричастие; EMPH — эмфаза; INESS — инэссив; NEG — отрицание; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; PREV — преверб; PRS — настоящее; PST — прошедшее; SG — единственное число; SUBJ — сослагательное наклонение; TR — переходное склонение.

Литература

- Кудзоева 2003 — А. Ф. Кудзоева. Порядок слов и актуальное членение в осетинском языке. Владикавказ: Издательство Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, 2003.
- Сокаева 2007 — Д. В. Сокаева. Образ женщины-волчицы (ус-бирæгъ) осетинской несказочной прозы в контексте фольклора индоевропейских народов // Известия СОИГСИ 1 (40), Владикавказ, 2007. С. 78–92.
- Karimi 2005 — S. Karimi. A Minimalist Approach to Scrambling. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2005.
- McGinnis 1995 — M. McGinnis. Projection and position: Evidence from Georgian // J. Costa, R. Goedemans, R. van der Vijver (eds.). Proceedings of Console IV. Leiden, 1995. P. 203–220.
- McGinnis 1997 — M. McGinnis. Case and locality in L-syntax: Evidence from Georgian // MITWPL 32: The UPenn/MIT Roundtable on Argument Structure and Aspect. Cambridge, MA, 1997. P. 139–158.
- Ross 1986 — J. R. Ross. Constraints on Variables in Syntax. PhD Thesis, MIT, Cambridge, MA, 1967. Later published as: Infinite Syntax. Norwood: Ablex Publishing, 1986.
- Sabel, Saito 2005 — J. Sabel, M. Saito. The Free Word Order Phenomenon: Its Syntactic Sources and Diversity. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2005.

А. П. Выдрин

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ПАССИВНЫЕ И МОДАЛЬНО-ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

0. Несмотря на то, что пассивные конструкции в языках мира становились объектом исследования многих типологически ориентированных работ (среди ряда других [Храковский 1974; Siewierska 1984; Храковский 1991; Shibatani 1988; Abraham, Leisiö 2006]), пассивным конструкциям, имеющим модальное значение, уделялось значительно меньше внимания. Как правило, пассивные конструкции, содержащие модальное значение, отличаются по ряду признаков от модально нейтральных пассивных конструкций. Например, в модальных пассивных конструкциях обычно невозможна вставка агентивного дополнения (ср. рус. *В моей комнате английский рукомойник, а дверь не закрывается* 'В моей комнате английский рукомойник, а дверь невозможно закрыть' при невозможности **В моей комнате английский рукомойник, а дверь не закрывается мной*).

Данное исследование посвящено пассивным конструкциям в осетинском языке (иронский диалект), при этом основное внимание уделяется модально-пассивным конструкциям. Исследование ставит своими целями перечисление всех известных пассивных конструкций в современном осетинском языке, выявление формальных отличий этих конструкций друг от друга и выявление связей некоторых из пассивных конструкций с модальными конструкциями возможности и необходимости.

Граматики осетинского языка (среди других [Абаев 1959; Ахвледиани (ред.) 1963, 1969; Багаев 1965, 1968]) упоминают лишь одну пассивную конструкцию, состоящую из причастия прошедшего времени² смыслового глагола и вспомогательного глагола

---

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 09-04-00168а.

² Причастие прошедшего времени у большинства глаголов совпадает с основой прошедшего времени, которая используется для образования

уын ‘быть’, *цауын* ‘идти’ или хабитуального глагола бытия *вайъын*; агентивное дополнение при этом маркируется аблативом³. Выбор вспомогательного глагола задается аспектуально-временной характеристикой предложения (1а–б). Далее данная конструкция будет называться основной пассивной конструкцией.

- (1а) *Хæдзар араэзт у*
 дом   делать.PART.PST   быть.PRS.3SG
*кусджы-т-ы   къух-æй*⁴.
 рабочий-PL-GEN   рука-ABL
 ‘Дом построен рабочими’.
- (1б) *Хæдзар араэзт   цау-ы*
 дом   делать.PART.PST   идти.PRS-PRS.3SG
кусджы-т-ы   къух-æй.
 рабочий-PL-GEN   рука-ABL
 ‘Дом строится рабочими’.

В ходе полевых исследований помимо упомянутой конструкции было обнаружено еще четыре конструкции, обладающих пассивным значением и состоящих из вспомогательного глагола и отглагольного деривата (причастия, деепричастия или отглагольного имени). Рассмотрим эти конструкции более детально.

1. Конструкция, состоящая из причастия-деепричастия на *-га* (далее условно глоссируется как CONV) и вспомогательного глагола *уын* ‘быть’, который согласуется в лице и числе с пациенсом (2); агентивное дополнение, так же как и в основной пассивной конструкции, маркируется аблативом⁵.

прошедшего времени изъявительного наклонения (основа + специальные окончания) и контрфактива (основа + специальные окончания).

³ Агентивное дополнение может также маркироваться именным послелогом *къухæй*, образованным от имени *къух* ‘рука’ с помощью показателя аблатива *-æй*.

⁴ Примеры, цитируемые в статье, получены от информантов в ходе полевой работы в Северной Осетии, а также взяты из современной художественной литературы на осетинском языке или из грамматик и исследований осетинского языка.

⁵ Данная конструкция, а также конструкция долженствования (пункт 2) были исследованы автором совместно с О. И. Беляевым,

- (2) *Ацы чингуы-тæ Зауыр-ы къух-æй*
 этот книга-PL.NOM Заур-GEN рука-ABL
æрба-хæс-гæ уыд-ысты.
 PREF-нести.PRS-CONV быть.PST-3PL
 ‘Эти книги принесены Зауром’.

Форма на *-гæ* помимо данной конструкции может употребляться как конверб (3), определение (*судз-гæ цырагъ* ‘горящая свеча’ (гореть.PRS-CONV свеча); образовывать в сочетании с инфинитивной формой глагола наречия, например, *цауын* ‘идти’ — *цаугæ-цауын* ‘на ходу’, букв. ‘идя идти’, а также перифрастические глагольные выражения с глаголом *кæнын* (*хæрын* ‘есть’ — *хæргæ кæнын* ‘есть’); и участвовать в конструкции неизбежности (состоит из отрицательного предлога *æнæ* ‘без’, формы на *-гæ*, отрицания (*нæ*, *нал* и др.) и глагола *уын* ‘быть’ в 3SG; субъект при этом маркируется дативом (4)) и в конструкции долженствования (см. ниже, пункт 2).

- (3) *Скъоладзау чиныг кæс-гæ фæ-цау-ы.*
 школьник книжка читать.PRS-CONV PREF-идти.PRS-PRS.3SG
 ‘Ученик пошел, читая книгу’.

- (4) *Уыман æнæ сæф-гæ нæй.*
 он.DAT без гибнуть.PRS-CONV NEG.EXT
 ‘Ему не спастись/Он обязательно погибнет’.

Пассивная конструкция с причастно-деепричастной формой на *-гæ*, так же как и основная пассивная конструкция, не обладает специальным модальным значением. Выявление семантических отличий пассивной конструкции с формой на *-гæ* от основной пассивной конструкции требует отдельного исследования.

Остальные обнаруженные пассивные конструкции отличаются от предыдущих как по формальным признакам (агентивное дополнение маркируется дативом, а не аблативом), так и семантически (все конструкции являются модально нагруженными

результаты исследования были частично представлены в нашем совместном докладе (‘On two verbal derivatives in Ossetic’) на International Conference on Iranian Linguistics, September 11–13, 2009, University of Paris 3 — Sorbonne Nouvelle.

и передают значения возможности и долженствования). Рассмотрим более подробно оставшиеся конструкции.

2. Конструкция долженствования, состоящая из причастно-деепричастной формы на *-гæ* и вспомогательного глагола *уын* ‘быть’, который согласуется с пациенсом; агентивное дополнение при этом маркируется дативом (5).

- (5) *Зауыр-æн ацы чингуы-тæ кæс-гæ сты.*
 Заур-DAT этот книга-PL.NOM читать-CONV быть.PRS.3PL
 ‘Заур должен читать эти книги’.

Формальным отличием этой конструкции от предыдущей является маркирование агентивного дополнения дативом, а не аблативом. Конструкция долженствования возможна и с непереходными глаголами (6), вспомогательный глагол при этом находится в 3SG.

- (6) *Мæнæн а-цæу-гæ у.*
 я.DAT PREF-идти.PRS-CONV быть.PRS.3SG
 ‘Мне нужно идти’.

3. Конструкция с так называемым причастием будущего времени (основа настоящего времени + *-инаг*). Главным образом причастие будущего времени употребляется с глаголом *уын* ‘быть’ в проспективной конструкции (7); агенс при этом маркируется номинативом. Проспективная конструкция возможна как с непереходным глаголом (7), так и с переходным (8).

- (7) *Райсом цы кус-дзына?*
 завтра что делать.PRS-FUT.2SG
Æз цæу-инаг дæн горæт-мæ
 я идти.PRS-PART.FUT быть.PRS.1SG город-ALL
 ‘Что ты будешь делать завтра? Я собираюсь ехать в город’.

- (8) *Уыдон сты дуне*
 они быть.PRS.3PL мир
сæхи ба-кæн-инаг.
 свой.собственный PREF-делать.PRS-PART.FUT
 ‘Они намерены захватить весь мир’. [Техов 1970: 96]

Однако с переходными глаголами возможна и другая конструкция, в которой агенс маркируется дативом, а пациенс —

номинативом. Вспомогательный глагол при этом согласуется с пациенсом, а значение конструкции меняется с проспективного на пассивно-долженствовательное (9). В качестве вспомогательного глагола может использоваться как *уын* (9), так и хабикулярный *вайыын* (10).

- (9) *Махæн уыдон ахс-инаг сты.*
 мы.DAT они ловить.PRS-PART.FUT быть.PRS.3PL
 ‘Они должны быть пойманы нами’.
- (10) *Маæнæн ацы чиныг кæс-инаг вайы-ы.*
 я.DAT этот книга читать.PRS-PART.FUT быть.PRS-PRS.3SG
 ‘Эту книгу мне часто бывает нужно читать’.

4. Конструкция со значением возможности, состоящая из отглагольного имени на *-æн*⁶ и вспомогательного глагола *уын* ‘быть’, который согласуется в лице и числе с пациенсом; агентивное дополнение при этом маркируется дативом (11).

- (11) *Ацы фыс-тæ нын зын*
 этот баран-PL.NOM 1PL.ENCL.DAT трудный
æрц-ахс-æн сты.
 PREF-ловить.PRS-NMLZ быть.PRS.3PL
 ‘Нам трудно поймать этих баранов’ (букв. ‘Эти бараны трудно могут быть пойманы нами’).

Особенностью данной конструкции является то, что в ее состав обязательно должно входить наречие *зын* ‘трудно’ или *æнцон* ‘легко’. Конструкция, как правило, употребляется без агентивного дополнения. В качестве вспомогательного глагола может использоваться только глагол *уын*.

Данная конструкция связана с конструкцией внешней (не)возможности, которая также состоит из отглагольного имени на *-æн*, вспомогательного глагола *уын* ‘быть’ или *вайыын* (хабикулярное ‘быть’) в 3SG; агенс при этом маркируется дативом (см. (12) и (14)), а пациенс получает падежное маркирование от предиката (13)

⁶ Помимо конструкций со вспомогательным глаголом суффикс *-æн* используется для образования отглагольных имен. Например, *фысс-æн дзаума-тæ* ‘письменные принадлежности’ (писать.PRS-NMLZ вещь-PL.NOM), *хиз-æн* ‘пастбище’ (пасти.PRS-NMLZ).

[Выдрин 2008]. Предполагается, что пассивная конструкция с отглагольным именем на *-æн* развилась непосредственно из конструкции внешней возможности.

- (12) *Маенæн сæумæ-райсом нуаз-æн нæй.*
 я.DAT утром-утро пить.PRS-NMLZ NEG.EXT
 ‘Мне по утрам пить нельзя’. [Техов 1970: 81]
- (13) *Æнцон-æй йæ уыд*
 легкий-ABL 3SG.ENCL.GEN быть.PST.3SG
а-мар-æн.
 PREF-убивать.PRS-NMLZ
 ‘Его было легко убить’. [Гусалты Б. Тугдар æмæ тугагур. Дзæуджыхъæу, 2003: 61]
- (14) *Адаæм-æн адаæм мар-æн нæй.*
 человек-DAT человек убивать.PRS-NMLZ NEG.EXT
 ‘Людям нельзя убивать людей’.

5. В ходе исследования пассивов в осетинском языке было обнаружено пять пассивных конструкций, две из которых являются модально нейтральными, а три — передают модальные значения долженствования и возможности. Все конструкции состоят из вспомогательного глагола (главным образом вспомогательный глагол *уын* ‘быть’) и одного из следующих глагольных дериватов: причастие, деепричастие или отглагольное имя. При этом вспомогательный хабитуальный бытийный глагол *вæййын* употребляется только в основной пассивной конструкции и в конструкции с причастием на *-инаг*, а вспомогательный глагол *цæуын* ‘идти’ употребляется только в основной пассивной конструкции.

В осетинском языке отсутствует морфологический пассив, а все перечисленные пассивные конструкции являются примерами синтаксического пассива. Следует различать модально нейтральные пассивные конструкции и модально нагруженные конструкции. В модально нейтральных пассивных конструкциях агентивное дополнение маркируется аблативом, а сами конструкции не могут употребляться с непереходными глаголами. В модально нагруженных конструкциях агентивное дополнение маркируется дативом, а сами конструкции могут употребляться

как с переходными, так и с непереходными глаголами, при этом маркирование агенса дативом при непереходном глаголе сохраняется в конструкции долженствования (с причастно-деепричастная форма на *-æ*) и в конструкции возможности (с отглагольным именем на *-æн*).

Особый интерес представляет как количество осетинских синтаксических пассивных конструкций, так и их семантика (наличие модально нагруженных конструкций). Насколько можно судить по имеющимся описаниям арельно (языки Северного Кавказа, а также тюркские языки) и генетически (иранские языки) близких к осетинскому языков, ни в одном из них не существует сходных с осетинскими модально-пассивных конструкций.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ABL — аблатив; ALL — аллатив; CONV — конверб; DAT — датив; ENCL — энклитика; EXT — экзистенциальная связка; FUT — будущее; GEN — генитив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; PART — причастие; PL — множественное число; PEF — преверб; PRS — настоящее; PST — прошедшее; SG — единственное число.

Литература

- Абаев 1959 — В. И. Абаев. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959.
- Ахвледиани (ред.) 1963 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.
- Ахвледиани (ред.) 1969 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. II. Синтаксис. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969.
- Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Т. I. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1965.
- Багаев 1968 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Т. II. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1968.
- Выдрин 2008 — А. П. Выдрин. Грамматические способы выражения внутренней и внешней возможности в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН IV, 2, 2008.

- Техов 1970 — Ф. Д. Техов. Выражение модальности в осетинском языке. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
- Храковский 1974 — В. С. Храковский. Пассивные конструкции // А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л.: Наука, 1974. С. 5–46.
- Храковский 1991 — В. С. Храковский. Пассивные конструкции // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 141–180.
- Abraham, Leisiö 2006 — W. Abraham, L. Leisiö (eds.). Passivization and Typology. Form and Function [Typological Studies in Language 68]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2006.
- Shibatani 1988 — M. Shibatani. Passive and Voice [Typological Studies in Language 16]. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Siewierska 1984 — A. Siewierska. The Passive. A Comparative Linguistic Analysis. London: Croom Helm, 1984.

А. В. Выдрина

СПбГУ, Санкт-Петербург

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЛАБИЛЬНОСТИ В ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ ЯЗЫКЕ КАКАБЕ¹

0.1. Под лабильностью принято понимать способность глагола употребляться как переходно, так и непереходно без изменения его формы. В зависимости от того, каким образом различается состав участников при переходном и непереходном употреблении, противопоставляют А-лабильность (*agent-preserving lability*) и Р-лабильность (*patient-preserving lability*). При первом типе лабильности агентивный участник присутствует в обоих употреблениях, а пациентивный — только в переходном. А-лабильность представлена, например, в русском языке: *Он сейчас ест — Он ест яблоко*. При Р-лабильности, наоборот, агентивный участник есть только в переходном употреблении, а пациентивный участник — и в переходном и в непереходном употреблении. Например, таким типом лабильности обладает определенный класс глаголов в английском языке, в частности, глагол *break* ‘ломать/ломаться’.

0.2. Далее будет рассмотрено то, каким образом лабильность распространена в глагольной лексике языка какабе (< манде). С точки зрения альтернатив аргументной структуры глагола и актантных дериваций данный язык обладает следующими характеристиками:

- в нем очень широко распространена Р-лабильность, а А-лабильность, напротив, практически отсутствует;
- морфологические показатели понижающей актантной деривации (декаузатива, пассива) в какабе отсутствуют, но зато есть показатель повышающей деривации — каузативный префикс *la-*.

---

¹ Исследование основано на материалах, собранных в ходе двух экспедиций в республику Гвинея в январе и феврале 2008 и 2009 гг. Исследование выполнено в рамках проекта «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», поддержанного грантом РГНФ 08-04-00144а.

Из этого следует, что по типологии, предложенной в работе [Nichols et al. 2004], согласно которой языки делятся на те, в которых преобладает повышающая актантная деривация (*transitivizing languages*), и языки с преобладающей понижающей актантной деривацией (*detransitivizing languages*), какабе характеризуется как язык с сильно преобладающей повышающей актантной деривацией.

В работе представлена попытка определить, какие компоненты лексического значения глаголов определяют их способность обладать лабильностью или, наоборот, препятствуют этому, а также то, каким образом именно такое распределение лабильности в глагольной лексике соотносится с наличием в рассматриваемом языке повышающих актантных дериваций и отсутствием понижающих.

1. Глаголы какабе можно разделить на три класса в зависимости от того, каким образом соотносятся их переходные и непереходные употребления.

1) **Непереходные глаголы** могут выступать в переходной конструкции только в производной форме — с показателем каузатива, который добавляет семантику каузации, например:

(1a) *jéè ba' fáte*
 вода.ART PERF кипеть
 'Вода закипела'.

(1b) *táà bati jéè la-fáte / *fáte*
 огонь.ART PERF вода.ART CAUS-кипеть кипеть
 'Вода закипела на огне' (букв.: 'Огонь заставил воду закипеть').

2) **Инхоативно-лабильные глаголы** могут употребляться и в переходной, и в непереходной конструкции в непроизводной форме. Их переходное и непереходное употребления различаются по семантике наличием/отсутствием подсобытия каузации, но при этом, по-видимому, оба употребления равноправны — одно нельзя считать производным от другого.

(2a) *séeku bati báafalè láka*
 Секу PERF дверь.ART открыть
 'Секу открыл дверь'.

- (2б) *báafalè bati láka*
 дверь.ART PERF открыть
 ‘Дверь открылась’.

3) **Переходные, или пассивно-лабильные глаголы** также могут в непроеизводной форме употребляться и переходно, и непереходно. Однако в данном случае непереходное употребление не отличается по значению от переходного; разница между ними заключается только в том, что один из участников не выражен синтаксически, хотя он все равно присутствует на семантическом уровне, например:

- (3а) *wùlèè bati séeku kín*
 собака.ART PERF Секу укусить
 ‘Собака укусила Секу’.

- (3б) *séeku bati kín*
 Секу PERF укусить
 ‘Секу был укушен’.

Стоит отметить, что пассивная лабильность или морфологически немаркированный пассив — это редкое с типологической точки зрения явление. По-видимому, он представлен только в одном ареале — в Африке (об этом см., например [Летучий 2006: 111–118]).

Мы не будем подробно рассматривать вопрос о том, каким образом в кабабе соотносятся пассивно-лабильные и инхоативно-лабильные глагольные лексемы. По сути, здесь действуют те же принципы, что и в случае с маркированным пассивом и декаузативом в тех языках, где представлены эти морфологические категории. Глаголы, способные образовывать не только пассивные, но и декаузативные формы, характеризуются тем, что в их лексическом значении отсутствуют агентивно-ориентированные компоненты; или же, по крайней мере, эти компоненты менее значимы, чем в лексическом значении глаголов, способных подвергаться только пассивизации, но не декаузативации (об ограничениях на образование декаузатива см., например, [Падучева 2001; Haspelmath 1993]).

Основной интерес для нас представляет вопрос о том, где проходит граница между непереходными и инхоативно-лабильными глаголами, и что препятствует непереходным глаголам иметь немаркированное переходное употребление. Для ответа на этот вопрос

обратимся к рассмотрению и сопоставлению состава двух данных классов глаголов.

2.1. В состав глаголов, которые могут быть только непереходными, входят следующие семантические подгруппы лексем:

1) Непереходные глаголы с одушевленным участником:

- неконтролируемые процессы: *fɔɔfi* 'дышать'; *yèreyere* 'дрожать';

- состояния, свойства: *kílan* 'бояться'; *kàri* 'уставать, быть усталым';

- глаголы движения и другие контролируемые процессы (агентивные непереходные глаголы): *kúle* 'кричать'; *gbán* 'прыгать'.

2) Непереходные глаголы с неодушевленными участниками:

- внутренне каузируемые процессы: *dén* 'давать плоды'; *ɲáɲa* 'припекать (о солнце)';

- свойства или приобретение свойства: *lúgge* 'быть/становиться глубоким'; *wútuɔa* 'быть/становиться коротким';

- процессы и вхождение в состояние: *bìta* 'загораться'; *gbála* 'сохнуть'.

Что касается лексической семантики инхоативно-лабильных глаголов, то они более однородны по составу — они все обозначают неагентивные процессы и вхождение в состояние, например: *láka* 'открывать(ся)', *fára* 'рвать(ся)'.

Итак, выделяется пять семантических подклассов глаголов, которые могут быть только непереходными, и один класс, в который могут входить как непереходные, так и инхоативно-лабильные глаголы. В связи с этим возникает вопрос: почему данные пять подклассов являются только непереходными и где проходит граница между инхоативно-лабильными и непереходными глаголами в рамках подкласса глаголов, обозначающих неагентивные процессы и вхождение в состояние?

2.2. В работе В. П. Недялкова [1969] была высказана идея, согласно которой события, которые прототипически являются спонтанными, чаще всего обозначаются непереходными глагольными лексемами, а добавление каузатора маркируется специальным каузативным показателем. И, наоборот, если событие менее спонтанно и чаще происходит в результате действий человека, то оно скорее будет обозначаться переходным глаголом, от которого

непереходная форма образуется с помощью показателя декаузатива. Таким образом, соблюдается принцип немаркированности того, что более типично. Шкала самопроизвольности, предложенная В. П. Недялковым [1969], выглядит следующим образом:

laugh > melt > close > wash

Вероятность самопроизвольности события уменьшается к правому концу шкалы.

Если рассмотреть с этой точки зрения соотношение непереходных и инхоативно-лабильных глаголов в какабе, то окажется, что более самопроизвольные события обозначаются непереходными глаголами, а менее самопроизвольные — лабильными.

В работе [Haspelmath 1993] представлена попытка расположить на шкале самопроизвольности 31 пару глагольных значений из так называемой «зоны семантической лабильности». К этой зоне относятся такие события, которые могут быть представлены и как происходящие только с пациентивным участником (инхоативное значение) и как происходящее с двумя участниками (каузативное значение). Как оказалось, распределение инхоативно-лабильных и непереходных глаголов в какабе, в целом, довольно хорошо соответствует шкале самопроизвольности М. Хаспельмата. На том конце, где располагаются наиболее самопроизвольные события, сконцентрированы непереходные глаголы, а на противоположном конце — инхоативно-лабильные глаголы.

Такой характер влияния параметра самопроизвольности события подтверждается и на варианте шкалы, разработанной Е. А. Лютиковой:

(замерзать)² — сохнуть — таять — гореть — наполняться — качаться — собираться — открываться — ломаться — сыпаться
(приводится по [Летучий 2006: 74]).

Темно-серым обозначены те значения, которые выражаются в какабе лабильными глаголами, остальные значения кодируются непереходными глаголами.

---

² В скобки заключено значение, глагол для которого не был найден в материалах; впрочем, не исключено, что значение 'замерзать' в применении к неодушевленному предмету может вообще не иметь устоявшегося обозначения в языке, распространенном в субтропической зоне.

2.3.1. Действие шкалы самопроизвольности проявляется на всем объеме глагольной лексики какабе. Три класса, которые мы выделили в начале работы — непереходные глаголы, лабильные глаголы и переходные глаголы — соответствуют трем степеням вероятности самопроизвольности события:

1) непереходные глаголы — события, которые всегда или чаще всего происходят самопроизвольно. Как только непереходными глаголами обозначаются следующие типы событий: неконтролируемые процессы, внутренне каузируемые процессы, состояния и свойства одушевленных участников, свойство или приобретение свойства у неодушевленного участника, и, кроме того, агентивные непереходные процессы с одушевленным участником, тоже почти не выражаются лабильными глаголами. Все перечисленные типы значений характеризуют события, которые могут быть только самопроизвольными. Помимо этого, к непереходным относятся глаголы, обозначающие события, которые возможны и с внешним каузатором, но чаще происходят без него.

2) инхоативно-лабильные глаголы — те события из «семантической зоны лабильности», для которых более вероятно происходить несамопроизвольно.

3) пассивно-лабильные глаголы — события, которые происходят только при участии второго участника, т. е. только несамопроизвольные события.

Итак, при движении от непереходных глаголов к инхоативно-лабильным, и затем к пассивно-лабильным глаголам наблюдается постепенное уменьшение самопроизвольности событий, которые они обозначают.

Интересно, что, как отмечает А. Б. Летучий, шкала самопроизвольности может в разных языках действовать по-разному в отношении распределения лабильности по лексемам. Так, например, во французском языке лабильные глаголы группируются скорее на левом конце шкалы: *geler* ‘мерзнуть/замораживать’, *brûler* ‘гореть/жечь’, *fondre* ‘таять/растопливать’, *sécher* ‘сохнуть/сушить’ [Летучий 2006: 79]. Лабильность во французском распространяется и на глаголы, обозначающие самопроизвольные события, находящиеся уже за пределами семантической зоны лабильности — лабильными являются такие глаголы, как *sortir* ‘выходить/вынимать’, *monter* ‘поднимать(ся)’, *descendre* ‘спускаться(ся)’,

которые в непереходном употреблении обозначают действие, происходящее всегда без внешнего каузатора. Кроме того, во французском лабильными являются отадъективные глаголы, обозначающие признак или свойство, например, *noircir* ‘чернеть/чернить’, *rougir* ‘краснеть/делать красным’, которые в непереходном употреблении обозначают событие с высокой степенью вероятности самопроизвольности. Таким образом, во французском языке наблюдается ситуация во многом зеркальная по отношению к тому, что представлено в какабе.

2.3.2. Логично предположить, что действие шкалы самопроизвольности зависит, в частности, от общего устройства системы языка — от наличия в нем маркированных дериваций.

Так, например, во французском концентрация лабильности на левом конце шкалы самопроизвольности отчасти объясняется тем фактом, что в нем есть маркированная понижающая деривация — декаузатив, с помощью которого образуются непереходные формы от глаголов, обозначающих события с большей степенью вероятности самопроизвольности.

В какабе же нет маркированной понижающей деривации, зато есть продуктивный показатель каузатива, с помощью которого и образуются переходные формы глаголов.

3. Распространение инхоативной лабильности в глагольной лексике какабе определяется семантическим параметром самопроизвольности ситуации. Глаголы, обозначающие события, которые чаще всего происходят без воздействия внешнего каузатора, при употреблении в переходной конструкции требуют присоединения каузативного показателя и, следовательно, не являются лабильными. Напротив, глаголы, обозначающие события, которые чаще всего происходят под воздействием внешнего каузатора, могут употребляться в непроизводной форме и переходно, и непереходно. Именно такое действие шкалы самопроизвольности, по-видимому, связано с общей характеристикой какабе как транзитивирующего языка — в нем маркируется переход от непереходного глагола к переходному, но не маркируется удаление участника и превращение переходного глагола в непереходный.

Список условных сокращений

ART — референциальный артикль; CAUS — каузатив; PERF — перфект.

Литература

- Летучий 2006 — А. Б. Летучий. Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты. Дисс. ... канд. филол. наук. РГГУ, М., 2006.
- Недялков 1969 — В. П. Недялков. Некоторые вероятностные универсалии в глагольном словообразовании // И. Ф. Вардуль (ред.). Языковые универсалии и лингвистическая типология. М, 1969. С. 106–114.
- Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке // Русский язык в научном освещении 1, 2001. С. 52–79.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. More on the typology of inchoative/ causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). Causatives and Transitivity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1993. P. 87–120.
- Nichols et al. 2004 — J. Nichols, D. A. Peterson, J. Barnes. Transitivity and detransitivizing languages // Linguistic Typology 8, 2004. P. 149–211.

Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер

ИЯз РАН, ИВ РАН, Москва

**ЛОКАТИВНЫЕ ФОРМЫ
КАК ИСТОЧНИК НЕЛОКАТИВНЫХ ПАДЕЖЕЙ:
даргинские данные¹**

Именная словоизменительная парадигма в большинстве дагестанских языков состоит из двух частей: так наз. грамматических (или, иначе, синтаксических) падежей и локативных форм, различие между которыми связано с образованием падежных форм. Грамматические падежи образуются от (прямой или косвенной) основы имени присоединением суффиксального падежного показателя (аналогично образованию падежных форм, например, в тюркских языках). Показатели же локативных форм в большей части языков состоят из двух частей, первая из которых задает пространственное положение объекта относительно ориентира ('на', 'внутри', 'под', 'за' и т. д.), а вторая указывает на характер движения объекта относительно ориентира ('движение от', 'движение к', 'отсутствие движения'). В ряде языков (в том числе и в некоторых диалектах даргинского) локативная форма включает также третью суффиксальную позицию, объединяющую дейктические ('сюда', 'туда') и гравитационные ('вверх', 'вниз') показатели².

С точки зрения семантики грамматические падежи обычно выражают центральные аргументы глагола (агенса, пациенса, реципиента, экспериенсера), именные зависимые (посессора), а также ряд других ролей (инструмент, комитатив, тема речи, эталон сравнения и пр.), тогда как локативные формы в первую очередь обозначают местонахождение или движение объекта относительно ориентира, но также выражают и многие непространственные значения

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-04-00266а «Грамматика близкородственных языков с типологической точки зрения (на материале языков даргинской группы)»).

² Более подробно о морфологической структуре именной парадигмы и семантике падежных форм в дагестанских языках см. в [Кибрик 2003; Comrie, Polinsky 1998; Daniel, Ganenkov 2008].

(эталон сравнения, материал, партитив, глагольное управление).

В свете последнего вполне естественно, что в дагестанских языках, как и во многих других языках мира, показатели с пространственным значением являются одним из источников пополнения инвентаря грамматических падежей. Так, например, диахроническая связь между показателями грамматических падежей и локативных форм обнаруживается в цахурском (инэлатив ~ эргатив), цезском (инэссив ~ эргатив), хваршинском языке (латив ~ датив). В ряде языков наблюдается связь нелокативных падежей, выражающих различные периферийные непространственные значения, с элементами локативной парадигмы. Так, например, в арчинском языке электив, по-видимому, восходит к интер-элативу.

Ниже на материале даргинских диалектов³ мы рассмотрим два случая, когда при утрате показателем пространственного значения часть форм, включающих этот показатель, сохраняется и продолжает функционировать в непространственном значении.

В тантынском даргинском⁴ локативные формы включают показатели трех категорий: локализации, ориентации и директива. Инвентарь граммем всех трех категорий представлен в Таблице 1⁵:

Таблица 1. Локативные показатели тантынского даргинского.

Локализация	Ориентация	Директив
SUPER (- <i>ja</i>) 'на'	латив LAT (-∅)	UP (- <i>ha</i>) 'вверх'
SUB (- <i>gu</i>) 'под'	'движение к'	DOWN (- <i>ka</i>) 'вниз'
ANTE (- <i>sa</i>) 'перед'	элатив ELAT (- <i>r</i>)	HITHER (- <i>se/ -sa</i>) 'сюда'
APUD1 (- <i>ʃu</i>) 'у'	'движение от'	THITHER (- <i>de/ -da</i>) 'туда'
APUD2 (- <i>hira</i>) 'около'	эссив ESS (=CL)	
INTER (- <i>c:e</i>) 'в'	'нахождение'	
IN (- <i>ne</i>) 'внутри'		

³ Использование термина «диалект» в отношении представителей даргинской группы нахско-дагестанских языков является условным: в действительности по ряду критериев т. наз. даргинские диалекты представляют собой отдельные языки.

⁴ Тантынский даргинский, используемый в селе Танты Акушинского района, предположительно относится к цудахарскому диалекту [Гасанова 1971]. Особенности построения тантынских локативных форм подробно рассматриваются в [Ландер, в печати].

⁵ В таблице не учитываются показатели идиосинкретичных локализаций.

Показатели локализации и ориентации обязательно присутствуют во всех локативных формах, тогда как показатели директива присоединяется только к формам латива и элатива. При этом в отличие от некоторых других диалектов (например, кункинского), где директивные показатели обязательны, в тантынском существуют лативные и элативные формы без директивных показателей. Однако в то время как в лативных формах присоединение директивов всегда возможно, хотя и факультативно, в случае элативных форм наблюдается более любопытная картина; см. Таблицу 2:

Таблица 2. Элативные формы в тантынском даргинском

	‘вверх’	‘вниз’	‘туда’	‘сюда’	∅
SUPER	<i>-ja-r-ha</i>	<i>-ja-r-ka</i>	<i>-ja-r-de</i>	<i>-ja-r-se</i>	<i>-ja-r</i>
SUB	<i>-gu-r-ha</i>	<i>-gu-r-ka</i>	<i>-gu-r-de</i>	<i>-gu-r-se</i>	—
ANTE	<i>-sa-r-ha</i>	<i>-sa-r-ka</i>	<i>-sa-r-de</i>	<i>-sa-r-se</i>	<i>-sa-r</i>
APUD1	<i>-ṣ̌u-r-ha</i>	<i>-ṣ̌u-r-ka</i>	<i>-ṣ̌u-r-de</i>	<i>-ṣ̌u-r-se</i>	—
APUD2	<i>-hira-r-ha</i>	<i>-hira-r-ka</i>	<i>-hira-r-de</i>	<i>-hira-r-se</i>	—
INTER	<i>-c̣e-r-ha</i>	<i>-c̣e-r-ka</i>	<i>-c̣e-r-de</i>	<i>-c̣e-r-se</i>	<i>-c̣e-r</i>
IN	<i>-ne-r-ha</i>	<i>-ne-r-ka</i>	<i>-ne-r-de</i>	<i>-ne-r-se</i>	—

Как видно из Таблицы 2, в тантынском диалекте имеется лишь три, из семи возможных, элативных формы, немаркированных по директиву: супер-элатив, анте-элатив и интер-элатив.

Вопреки ожиданиям, с семантической точки зрения различие между маркированными и немаркированными по директиву формами не сводится к наличию/отсутствию директивного компонента в значении локативной формы. Более того, немаркированные по директиву формы вообще не имеют пространственных употреблений и используются только для выражения непространственных значений, см. Таблицу 3:

Таблица 3. Функции немаркированного элатива в тантынском даргинском.

супер-элатив (<i>-jar</i>)	эталон сравнения (‘выше X-а’)
анте-элатив (<i>-sar</i>)	‘бояться X-а’, ‘прятаться от X-а’
интер-элатив (<i>-c̣er</i>)	материал (‘сделан из X-а’), партитив (‘некоторые из X-ов’), каузируемый участник, ‘забрать у X-а’, ‘спасти от X-а’

Подобная ситуация находит объяснение с диахронической точки зрения. Сценарий развития элативных форм в тантынском диалекте можно представить следующим образом:

(а) в элативном значении используются только немаркированные формы (т. е. отсутствует категория директива, ср. ицаринский диалект; см. [Sumbatova, Mutalov 2003]);

(б) происходит морфологизация наречий с дейктическим и гравитационным значением и закрепление их в именной словоформе в качестве показателей директива;

(в) происходит вытеснение немаркированного элатива из пространственной сферы;

(г) часть немаркированных форм элатива утрачивается, а часть сохраняется с непространственным значением.

В результате в тантынском, помимо обычного для даргинских диалектов набора грамматических падежей (эргатив, генитив, датив, комитатив), представлены три новых нелокативных падежа, возникших на базе локативных форм.

Похожая ситуация наблюдается и в чирагском диалекте даргинского языка. Здесь падежная парадигма включает специальную форму с показателем *-sarka*, которая используется только для обозначения стимула при глаголе 'бояться'. Диахронически эта форма легко анализируется как сочетание показателя *-sa* локализации ANTE ('перед ориентиром'), ныне отсутствующей в чирагском, но сохраняющейся во многих даргинских диалектах, и показателя элатива *-rka*, присутствующего и в современном чирагском.

Таким образом, как тантынские, так и чирагские данные демонстрируют интересную асимметрию в рамках локативной парадигмы: в ходе диахронической эволюции при утрате показателя (немаркированный элатив в тантынском, локализация ANTE в чирагском) часть форм утрачивается, а часть форм сохраняется, но используется только в непространственном значении.

Эта асимметрия легко объяснима, если принять во внимание функциональную нагрузку локативных форм в диалектах даргинского языка. Дело в том, что разные граммы одной и той же локативной категории в разной степени нагружены непространственными употреблениями. Так, из четырех встречающихся в даргинских диалектах грамм ориентации (латив, эссив, элатив, аллатив) для выражения непространственных значений используются

только две (латив и элатив). Аналогичным образом, из всех граммем локализации наиболее нагруженными в непространственной сфере являются две — SUPER ‘на поверхности’ и INTER ‘в массе’, еще одна локализация — ANTE ‘перед ориентиром’ — используется не столь интенсивно, но стабильно (во всех диалектах, где категория локализации включает эту граммему, анте-элатив используется при глаголах ‘бояться X-а’ и ‘прятаться от X-а’). Остальные же локализации в даргинских диалектах либо вообще не используются в непространственных контекстах, либо используются sporadически (например, из изученных нами диалектов только в аштынском глагол ‘прятаться’ управляет суб-элативом). Тем самым, из всех локативных форм даргинских диалектов в непространственной сфере обычно используются лишь пять: супер-латив, супер-элатив, интер-латив, интер-элатив и анте-элатив.

Этот инвентарь, как видно, включает и рассматриваемые выше формы даргинских диалектов. В тантынском сохранены именно те формы элатива, которые стабильно используются в непространственной сфере, а элативные формы локализаций, выражающих только пространственные значения, утрачены и заменены формами директивного элатива. В чирагском при утрате показателем локализации ANTE пространственного значения был утрачен и анте-латив, не имеющий непространственных употреблений, тогда как анте-элатив, стабильно используемый в небольшом количестве непространственных контекстов, был сохранен.

Итак, можно сделать вывод о том, что локативные формы с большей функциональной нагрузкой в непространственной сфере могут сохраняться в системе и после утраты исходного пространственного значения, что приводит к нарушению симметричности локативной парадигмы и возникновению новых нелокативных падежей.

Список условных сокращений

CL — классный показатель.

Литература

- Гасанова 1971 — С. М. Гасанова. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1971.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Ландер, в печати — Ю. А. Ландер. О разных морфологиях: Тантынские даргинские локативные формы // Бюллетень. Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения–2008», Москва, 8–10 октября 2008 г., РАН, Общество востоковедов. М.: ИВ РАН, в печати.
- Comrie, Polinsky 1998 — В. Comrie, М. Polinsky. The great Daghestanian case hoax // А. Siewierska, J. J. Song (eds.). Case, Typology and Grammar. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1998. P. 95–114.
- Daniel, Ganenkov 2008 — М. Daniel, D. Ganenkov. Case marking in Daghestanian: limits of elaboration // А. Malchukov, А. Spencer (eds.). The Oxford Handbook of Case. Oxford: OUP, 2008. P. 668–685.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. A Grammar of Icarí Dargwa [Languages of the World/Materials 92]. München: LINCOM Europa, 2003.

Е. И. Гармаш

МГУ, Москва

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИКИ РУССКОГО МЕСТОИМЕНИЯ *САМ*_{НЕОЖ}

Работа посвящена описанию семантики русского местоимения, названного в [Богданова, Кибрик 1995] *сам*_{НЕОЖ} («сам неожиданное»; мы тоже будем сначала использовать этот термин). Одна из целей настоящей работы, хотя и не единственная, — показать, что употребления слова *сам*, объединенные под *сам*_{НЕОЖ}, соответствуют нескольким разным лексемам.

1. Рассмотрим примеры для *сам*_{НЕОЖ} из [Богданова, Кибрик 1995]:

- (1) *Как все вчера гуляли! Сам Петров напился.*
- (2) *...пришли к заключению, что столкнула их на углу Тверской и переулка сама судьба...* (М. Булгаков).
- (3) *Сам министр поехал на переговоры.*

Толкование, предложенное в [Богданова, Кибрик 1995], сводится к тому, что согласно представлениям адресата, «X имеет такую оценочную характеристику МАКС, что его участие в событии Р не ожидается» ([Богданова, Кибрик 1995: 33]). Прежде всего заметим, что не поясняется, как в общем случае вычисляется эта оценочная характеристика — что подразумевается под «МАКС». Также, относительно примера (1) сказано, что *сам* в нем может быть заменен на *даже*. В примере (2), однако, такая замена невозможна, что свидетельствует о том, что *сам* в этих двух примерах имеет разное значение. Что касается примера (3), то он интерпретируется в указанной работе так, что вероятность участия X в событии Р «практически равна нулю» — в этом случае *сам* может быть заменен на *даже* (правда, при такой интерпретации непонятно, как связаны «оценочная характеристика МАКС» и малая вероятность события). Однако (3) может иметь и другую интерпретацию: министр — важное, значительное лицо, и соответственно

его участие в переговорах — значительное событие; в этом случае замена на *даже* невозможна. На наш взгляд (а также согласно суждениям других носителей русского языка, опрошенных нами), только последняя интерпретация соответствует современному, естественному употреблению *сам*_{НЕОЖ} — назовем его *сам*₁. Первая интерпретация для (3), а также употребление в (1), на наш взгляд, звучит архаично/литературно, и в разговорном языке его естественно было бы заменить на *даже* или *аж* (но они не точно соответствуют ему по значению). Назовем такое употребление *сам*₂. Наконец, употребление типа (2), кажется, очень ограничено — в этом случае *сам*, по-видимому, выполняет чисто фокусную функцию; мы не будем рассматривать это употребление.

В разделе 2 мы подробно изложим свое описание для *сам*₁, а в разделе 3 сравним его с *сам*₂.

2. *Сам*_{НЕОЖ} назван так потому, что событие, обозначаемое предложением с этим местоимением, неожиданно, или иначе, такое предложение имеют импликацию неожиданности, удивления. В (4), однако, имплицитруется вовсе не неожиданность, а скорее радость или какое-нибудь другое эмоциональное возбуждение. Так же можно охарактеризовать (5). Примеры (6)–(7) — иллюстрируют импликацию неожиданности.

- (4) *Я танцевала с самим Петей.*
- (5) *Сам Петя был у нас в гостях.*
- (6) *Сам Петя не решил задачу.*
- (7) *Он не согласился с самим Петей.*

Несмотря на указанное различие, везде в (4)–(7) *сам* интуитивно воспринимается как одна и та же лексема — ниже мы приведем общие свойства, которые можно считать аргументом в пользу такого анализа. На данном этапе можно предложить такое объединяющее обобщение: в обоих случаях имплицитруется, что произошло что-то необычное. Но рассмотрим, с чем связано наблюдаемое различие.

Условия истинности предложений (4)–(7) соответствуют тем, которые бы они имели, если бы не содержали *сам*. (Заметим, что *сам* сочетается только с референтными ИГ; также, есть синтаксическое

ограничение, не позволяющее этой лексеме сочетаться с личными местоимениями). Роль *сам*₁ заключается в том, что оно добавляет пресуппозицию о свойстве индивида, выраженного ИГ, модифицируемой *сам*₁: в (4) подразумевается, что Петя — очень хороший танцор или просто замечательный человек; в (5) — что Петя значительный/замечательный/...; в (6) — что Петя обычно очень хорошо решает задачи; в (7) — что с Петей обычно все соглашаются, что он авторитет. Это свойство, во-первых, оценивается говорящим как положительное, а во-вторых подразумевается, что среди множества учитываемых в данном контексте индивидов тот, кто обозначен ИГ, модифицируемой *сам*₁, обладает самой высокой степенью этого свойства.

Можно так обобщить возможные интерпретации этого «положительного свойства»: (i) свойство неотделяемое, всегда присущее индивиду — (4)–(5); (ii) хабитуальное свойство — проявляется обычно, «как правило» — в ситуациях, когда оно «требуется» — (6)–(7). Это разграничение соответствует противопоставлению предикатов индивидуального и стадийного уровня (*individual-/stage-level predicates*, см. [Carlson 1977: 448]): предикаты И-уровня обозначают свойства индивида, предикаты С-уровня — свойства стадий (*stages*), являющихся реализациями индивида.

Подчеркнем, что свойство типа (i) не просто постоянно присуще индивиду, но и всегда проявляется — отсюда импликатура того, что вся ситуация, в которой участвует индивид, как бы становится «лучше» за счет «положительного свойства» (i); важно, что нет ограничения на ситуацию, в которой это свойство могло бы проявиться. Приведем примеры (8)–(9), которые обозначают не эпизодическое событие, а скорее постоянное отношение:

(8) *Сам Петров играет в этом фильме.*

(9) *Она дочь самого Петрова.*

В (8) за счет участия Петрова фильм как бы приобретает больший вес; в (9) дочь Петрова становится сама значительней от того, что ее отец какой-нибудь важный человек.

Хабитуальное свойство типа (ii), напротив, проявляется только в тех ситуациях, когда оно требуется; оно носит «статистический» характер: согласно представлениям говорящего, для индивида характерно проявлять это свойство в требуемой ситуации.

Предложения с *сам*₁ при такой интерпретации свойства обозначают только эпизодическое событие — такое, когда индивиду не удалось проявить свое свойство; это вызывает импликацию неожиданности.

3. Описание *сам*₂ затруднено тем, что оно не используется в разговорном языке и зачастую воспринимается говорящими как полный синоним *даже* (см. (1)) или *аж* — (10) (существенная разница между (1) и (10) подсказывает, что и то, что мы называем *сам*₂ — тоже не одна лексема):

(10) *Мы дошли до самой Москвы.*

Тем не менее, сравнение некоторых употреблений *сам*₂ может выявить важные свойства *сам*₁.

Во-первых, предположим, что в (11)¹ подразумевается, что Петя имеет такое свойство, что он обычно плохо решает задачи; вместо *сам* в этом примере естественнее употребить *даже* — т. е. *сам* в этом примере не воспринимается как *сам*₁. По-видимому, это связано с тем, что *сам*₁ вызывает пресуппозицию только положительного свойства; стандартный анализ для *даже* (в подобных контекстах) заключается в том, что оно вызывает пресуппозицию о низкой вероятности какого-то события — в данном случае, вероятности решить задачу (см., напр., [Horn 1969]).

(11) *Сам Петя решил задачу.*

Рассмотрим (1); с *даже* оно звучит нормально²: *даже*, помимо пресуппозиции о вероятности, имеет пресуппозицию, что другие, более вероятные, события тоже имели место — в (1) это эксплицитно выражено в первом предложении; когда адресат слышит второе предложение, он догадывается, что под «гуляли» подразумевается «пили и напивались». Попробуем теперь сформулировать пресуппозицию, которая была бы у (1), если бы *сам* в нем был *сам*₁. Очевидно, это было бы хабитуальное свойство:

---

¹ Мы не рассматриваем случай, когда это предложение произносится с иронией.

² С *аж*, кажется, оно звучит еще лучше. Но нам пока не вполне понятна семантика этой частицы, поэтому мы не будем ее рассматривать.

интуитивно, оно заключается в том, что Петров обычно не пьет или очень мало пьет; предположим, что ситуация, в которой это свойство проявляется, — это когда все пьют или когда есть возможность пить. В ассерции (1) же говорится, что Петров *напился*, а не просто пил: в ситуации, когда можно пить, чтобы напиться, надо сначала (решить) начать пить и лишь потом напиться. Другими словами, в подобной ситуации необходимо произойти двум отдельным событиям, чтобы утверждение «Петров напился» было верным. Правда, (12) тоже не может быть проинтерпретировано как содержащее *сам*₁ — возможно, потому что ситуация «Петя пил» обязательно включает в себя два события: принятие Петей решения пить (вопреки своему обыкновению) и собственно питье:

(12) *Сам Петя пил.*

Итак, предположительно, одно из ограничений на хабитуальное свойство (ii) заключается в том, что регулярное событие, которое оно описывает, должно быть атомарным. Если это так, необходимо понять, с чем это связано: возможно, с тем, в какой ситуации имеет место это событие (если принять стандартный анализ хабитуальных предложений в [Krifka et al. 1995], согласно которому они обозначают отношение, выражаемое квантором GENx[Restrictor][Matrix], где Restrictor характеризует ситуации, в которых происходит событие/ситуация, характеризуемая Matrix, то можно сформулировать вопрос так: каковы должны быть свойства Restrictor-а? какова внутренняя связь между ситуациями в двух множествах?). У нас нет пока четкого ответа на этот вопрос, но как нам кажется, при его формулировке необходимо принимать во внимание, что другой возможной интерпретацией свойства в пресуппозиции является неотъемлемое, неконтролируемое, постоянное свойство (i); поэтому возможно, что при обеих интерпретациях свойство должно быть «естественным», «неконтролируемым» (разумеется, мы понимаем, что в таком виде это очень нечеткое предположение).

4. За рамками обсуждения остались такие интересные и важные вопросы, как например: если мы используем квантор GEN для выражения хабитуального свойства (ii), то как выразить

градуируемость этого свойства? Как субъективность пресуппозиции влияет на множество семантических и прагматических контекстов, в которых может употребляться *сам*₁?

Литература

- Богданова, Кибрик 1995 — Е. А. Богданова, А. Е. Кибрик. САМ как оператор коррекции ожиданий адресата // Вопросы языкознания 3, 1995. С. 28–47.
- Carlson 1977 — G. N. Carlson, A unified analysis of the English bare plural // Linguistics and Philosophy 1, 1977. P. 413–458.
- Horn 1969 — L. Horn. A presuppositional analysis of *only* and *even* // Chicago Linguistic Society 5, 1969. P. 97–108.
- Krifka et al. 1995 — M. Krifka, F. J. Pelletier, G. N. Carlson, A. Ter Meulen, G. Chierchia, G. Link. Genericity: An introduction // G. N. Carlson, F. J. Pelletier (eds.). The Generic Book. Chicago: Chicago Univ. Press, 1995. P. 1–124.

Д. В. Герасимов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В ПАРАГВАЙСКОМ ГУАРАНИ

Настоящая работа преследует три цели: во-первых, дать предварительный общий обзор неопределенных местоимений парагвайского гуарани, прежде никогда не становившихся предметом специального исследования; во-вторых, описать базовый синтаксис специализированных отрицательных местоимений; в-третьих, предложить гипотезу касательно пути возникновения последних.

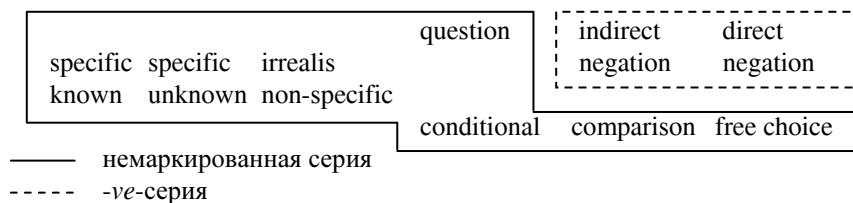
1. В парагвайском гуарани выделяются две основные морфологические серии неопределенных местоимений: немаркированные местоимения (в т. ч. генерические имена) и отрицательные местоимения, образуемые от них при помощи суффикса *-ve*.

Таблица 1. Основные неопределенные местоимения гуарани

немаркированная серия		<i>-ve</i> -серия	
<i>ava</i>	‘человек’	<i>ava-ve</i>	‘никто’
<i>mava</i>	‘кто’	<i>mava-ve</i>	‘никто’
<i>mba'e</i>	‘вещь’	<i>mba'e-ve</i>	‘ничто’
<i>mo'õ</i>	‘где’	<i>mo'õ-ve</i>	‘нигде’
<i>araka'e</i>	‘когда’	<i>araka'e-ve</i>	‘никогда’
<i>mba'e-icha</i>	‘как’	<i>mba'e-icha-ve</i>	‘никак’

Немаркированные местоимения употребляются во всех функциях, занимающих на семантической карте для неопределенных местоимений [Haspelmath 1997: 64] позиции между SPECIFIC KNOWN и FREE CHOICE, а также в функции QUESTION. В периферийных контекстах, таких как FREE CHOICE и COMPARISON, используются сочетания этих местоимений с универсальными кванторными словами или словом *ambue* ‘другой’, которые можно рассматривать как отдельные серии. Употребление местоимений *-ve*-серии ограничено контекстами прямого и косвенного отрицания.

Рис. 1. Дистрибуция основных серий неопределенных местоимений в парагвайском гуарани

Также во всех контекстах широко употребляются различные экзистенциальные конструкции с релятивизированной формой предиката. (В [Haspelmath et. al. 2005] такая стратегия отмечена всего для двух (!) языков из выборки в 326).

- (1) *Peteĩ pyhareve o-ñe-mombe'u Losánto-pe*
 один утро ЗА-REFL-рассказывать Лосанто-OBL
o-ĩ-ha o-ú-va Pindokaigue-guivo.
 ЗА-быть-COMP ЗА-приходить-REL Пиндокайгве-AVL
 'Однажды утром Лосанто рассказали, что со стороны Пиндокайгве кто-то пришел'.

Кроме того, существуют вопросительные местоимения, которые образуются от немаркированных местоимений при помощи показателя *-ra*. Последний, однако, представляет собой клитику, которая может присоединяться и к другим элементам в предложении, а также вообще отсутствовать. Поэтому вопрос о выделении отдельной серии вопросительных местоимений остается открытым (и в какой-то степени терминологическим)¹. В целом данные гуарани хорошо укладываются в обобщения, сделанные в [Третьякова 2009] по поводу языков, преимущественно использующих неопределенные местоимения без маркера неопределенности.

2. Появление местоимений *-ve*-серии может лицензироваться следующими элементами:

- отрицанием на вершинном предикате клаузы, содержащей местоимение (2);

¹ О языках, в которых вопросительные местоимения выглядят, как морфологически производные от собственно неопределенных, см. [Bhat 2000].

- (2) *Ava-ve nd-e'í-ri mba'e-ve.*
 человек-VE NEG-3А.говорить-NEG вещь-VE
 'Никто ничего не сказал'.
 - отрицанием на матричном предикате (при местоимении в зависимой клаузе):
- (3) *Nd-ai-potá-i oi-ko mba'e-ve i-vaí-va nde-rehe.*
 NEG-3А-хотеть-NEG 3А-быть вещь-VE 3-злой-REL 2SG-через
 'Я не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое'.
 - отрицанием на вершинном предикате зависимой клаузы, содержащей местоимение, выраженным суффиксом каритива:
- (4) *Are oi-ko hikuái upé-icha,*
 день 3А-быть PL DEM-MNR
o-hecha-’ỹ-re ava-ve okagotyoguá-pe.
 3А-видеть-CAR-RE человек-VE чужак-OBL
 'Так проходили дни, без того, чтобы был замечен кто-нибудь чужой'.
 - частицей прохибитива:
- (5) *Néi-ke che-kape, aní-ke re-me'ẽ*
 давай 1SG-друг PRON-EMPH 2SG.A-давать
juruja ava-vé-pe.
 случай человек-VE-OBL
 'Давай-ка, друг, не давай никому шанса'.
 - отрицательной фокусной частицей:
- (6) *Ni Castiglioni, ni i-jaryí maleta,*
 ни Кастильони ни 3-бабушка плут
ni Javiercito Zacarías, <...>
 ни Хавьерсито Сакариас
ni ava-ve ure camarilla-gua
 NI человек-VE DEM камарилья-относящийся.к
oi-pe'á-ta che-hegui che-coloradismo.
 3А-отбирать-PROSP 1SG-ABL 1SG-«колорадизм»
 'Ни Кастильони, ни его бабка-плутовка, ни Хавьерсито Сакариас, <...> ни кто бы то ни было из этой камарильи не отнимет у меня моей приверженности партии Колорадос'.

- аспектуально-темпоральными наречиями, в семантике которых содержится отрицательный компонент:

- (7) <...> *ne'ĩrã mba'e-ve o-je-japo*
еще.не вещь-VE 3A-REFL-делать
o-ñe-myaturõ haña.
3A-REFL-исправлять чтобы
'...все еще ничего не сделано для исправления ситуации'.

- отрицанием в экзистенциальной конструкции:

- (8) <...> *ha avei nd-aipó-ri ava-ve*
и также NEG-EXST-NEG человек-VE
o-jogua-sé-va yvy ko'áña.
3A-покупать-DES-REL земля сегодня
'...а еще нет никого, кто хотел бы сегодня купить землю'.

Сочетаний неопределенных местоимений с суффиксом каритива и отрицательными послелогами (например, 'y-rehe 'без') в наших материалах не засвидетельствовано.

Существенно, что в изолированном употреблении местоимения -ve-серии могут иметь только отрицательную интерпретацию. Это доказывает, что они являются полноценными отрицательными словами, а не единицами отрицательной полярности.

3. -ve-местоимения образуются от местоимений и генерических имен немаркированной серии при помощи суффикса -ve, который не совпадает ни со стандартными показателями отрицания, ни с показателями скалярного фокуса [Haspelmath 1997: 222–230]. Встает вопрос о диахроническом источнике этого суффикса.

В гуарани представлен омонимичный непродуктивный суффикс, посредством которого от числительных *tokoĩ* 'два', *mbohapy* 'три' образуются дериваты *tokoĩ-ve* 'оба', *mbohapy-ve* 'все трое'. Мы предполагаем, что оба суффикса восходят к одному источнику и являются рефлексамися некогда продуктивного показателя универсальной квантификации. При этом образованные с его помощью неопределенные местоимения использовались в более широком наборе контекстов, нежели современные -ve-местоимения. Схожая система представлена в суахили [Haspelmath 1997: 301–302], где выделяются две серии неопределенных местоимений: серия

немаркированных генерических имен и так называемая серия CL-*o* CL-*ote*, в образовании местоимений которой участвует универсальное кванторное слово CL-*ote*. При этом серия CL-*o* CL-*ote* используется для выражения шести функций, расположенных в правой части семантической карты. (Употребление универсальных кванторных выражений в соответствующих контекстах также обсуждается на материале различных языков в [Татевосов 2002]). Мы постулируем подобную дистрибуцию и для гуарани на некотором этапе его истории; впоследствии, сфера употребления *-ve*-местоимений сузилась, и они превратились в специализированные отрицательные местоимения. Не исключено, что это изменение произошло под влиянием языкового контакта: гуарани относится к ареалу, в котором представлены как языки со специализированными отрицательными местоимениями, так и языки без таковых [Haspelmath et. al. 2005; Эршлер 2010].

В пользу происхождения отрицательных местоимений от универсальных кванторных выражений говорит следующий пример, в котором подлежащее *ava-ve* используется один раз при сочинении двух клауз различной полярности:

- (9) *Ava-ve nd-o-guerovia-mo'ã-i ichu-pe*
 человек-VE NEG-3A-верить-NEG.PROSP-NEG 3-OBL
ha oi-mo'ã-ta i-tavy-ma-ha.
 и 3A-думать-PROSP 3-безумный-PERF-COMP
 'Никто не поверит ей, и все подумают, что она сошла с ума'.

Ситуация, когда отрицательное местоимение развивается из единицы, изначально способной выступать в неотрицательных контекстах, не является типологически уникальной [Bernini, Ramat 1996: 156–158; Haspelmath 1997: 203–210; Weiss 2002: 96], ср. фр. *personne, rien*. Однако конкретный диахронический сценарий, предлагаемый нами для гуарани, как кажется, не описывался в литературе. Если наша гипотеза верна, то в парагвайском гуарани на некотором этапе его истории развился Negative Concord (NC), с возможным сохранением отдельных проявлений прежнего, не-NC состояния. Интересной задачей на будущее представляется проверка применительно к материалу гуарани различных импликаций наличия/отсутствия NC, обсуждаемых в [Weiss 2002; de Swart 2005, 2010; Zeijlstra 2004] и др.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; A — показатель активной серии; ABL — аблатив; CAR — каритив; COMP — комплементаризер; DEM — демонстратив; DES — дезиратив; EMPH — эмфаза; EXST — выражение, вводящее экзистенциальную конструкцию; MNR — образ действия/объект сравнения; NEG — отрицание; NEG.PROSP — отрицательный проспектив; NI — отрицательная соединительная частица; OBL — косвенный падеж; PERF — перфект; PL — множественное число; PRON — прохибитив; PROSP — проспектив; RE — показатель, выражающий широкий круг пространственных, временных и проч. значений; REFL — рефлексив; REL — релятивизатор; SG — единственное число; VE — показатель серии отрицательных местоимений.

Литература

- Татевосов 2002 — С. Г. Татевосов. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Третьякова 2009 — О. Д. Третьякова. Неопределенные местоимения, лишённые маркера неопределённости, в типологической перспективе. Дисс. ... к. ф. н., МГУ, М., 2009.
- Эршлер 2010 — Д. А. Эршлер. Отрицательные местоимения в осетинском языке: ареальные и типологические аспекты // Вопросы языкознания 2, 2010. С. 84–105.
- Bernini, Ramat 1996 — G. Bernini, P. Ramat. Negative Sentences in the Languages of Europe: A Typological Approach. Berlin: Walter de Gruyter, 1996.
- Bhat 2000 — D. N. S. Bhat. The indefinite-interrogative puzzle // Linguistic Typology 4, 3, 2000. P. 365–400.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite Pronouns. Oxford: OUP, 1997.
- Haspelmath et al. 2005 — M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie. The World Atlas of Language Structures. Oxford: OUP, 2005.
- de Swart 2005 — H. E. de Swart. Marking and interpretation of negation: a bi-directional OT approach // R. Zanuttini, H. Campos, E. Herburger, P. Portner (eds.). Negation, Tense and Clausal Architecture: Cross-linguistic Investigations. Georgetown, 2005. P. 199–218.
- de Swart 2010 — H. E. de Swart. Expression and interpretation of negation: an OT typology [Studies in Natural Language and Linguistic Theory 77]. Dordrecht: Springer, 2010.
- Weiss 2002 — H. Weiss. Indefinite pronouns: Morphology and syntax in cross-linguistic perspective // H. J. Simon, H. Wiese (eds.). Pronouns: Grammar and Representation. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 85–103.
- Zeijlstra 2004 — H. H. Zeijlstra. Sentential Negation and Negative Concord. Utrecht: LOT, 2004.

М. Ю. Иванов

МГУ, Москва

ЧИСТО АНГЛИЙСКИЙ КАУЗАТИВ: АКЦИОНАЛЬНАЯ КОМПОЗИЦИЯ В СЛОЖНОЙ КЛАУЗЕ

Работа посвящена двум типам акциональной композиции (далее — АК), и тому, как каузативная деривация в некоторых языках позволяет сделать выводы о механизме, лежащем в основе этих типов.

1. Материал

В литературе по АК (см., напр., [Krifka 1992; Verkuyl 1999; Filip 2005; Татевосов и др. 2006]) принято выделять два типологически устойчивых типа. При первом, назовем его «английским», акциональные свойства глагола зависят от свойств инкрементального прямого объекта — глагол пределен, когда его аргумент квантован [Krifka 1992]:

(1a) *John ate an/the apple in ten minutes / ^{??}for ten minutes.*

(1b) *John ate soup/apples for ten minutes / *in ten minutes.*

При «русском типе» АК, наоборот, количественные свойства аргумента предопределены перфективностью глагольной основы:

(2a) *Вася выпил воду за две минуты.*

(2b) **Вася выпил воду две минуты.*

Глагол *выпить* в (2) строго пределен, при ИГ *вода* вводит в рассмотрение конкретную совокупность объектов, заданную в предшествующем контексте, и утверждается, что эта совокупность целиком задействована в описываемой ситуации (уникальная максимальная интерпретация по [Filip 2005]).

В тубаларском диалекте алтайского языка наблюдаются оба типа АК. Клаузы, возглавляемые аспектуально немаркированной формой, ведут себя по «английскому типу»:

(3а) *vasja eki minut-Ra aS-ty tJe-n*
Вася два минута-DAT суп-ACC есть-PFV-PST
'Вася съел суп за две минуты'.

(3б) *vasja eki minut aS-ty tJe-n*
Вася два минута суп-ACC есть-PFV-PST
'Вася поел суп в течение двух минут'.

Если к глаголу присоединен перфективный маркер *-sa-*, то взаимодействие с аргументом идет по «русскому типу».

(4а) *vasja eki minut-Ra aS-ty tJe-se-n*
Вася два минута-DAT суп-ACC есть-PFV-PST
'Вася съел суп за две минуты'.

(4б) **vasja eki minut aS-ty tJe-se-n*
Вася два минута суп-ACC есть-PFV-PST
Ожид.: 'Вася поел суп в течение двух минут'.

Каузативные дериваты, однако, нарушают данную закономерность — даже при присоединении к глаголу суффикса *-sa-* АК в возглавляемой им клаузе проходит по «английскому типу».

(5а) *petja eki minut-Ra vasja-ny aS-ty*
Петя два минута-DAT Вася-ACC суп-ACC
tJe-dir-se-n
есть-CAUS-PFV-PST
'Петя заставил Васю съесть суп за две минуты'.

(5б) *petja eki minut vasja-ny aS-ty tJe-dir-se-n*
Петя два минута Вася-ACC суп-ACC есть-CAUS-PFV-PST
'Петя заставил Васю поесть супа в течение двух минут'.

В настоящей работе мы предложим анализ, который позволит объяснить, почему «русский тип» АК, проявляющийся в непроизводных глаголах с телисизирующим аффиксом *-sa-*, невозможен в каузативах.

2. Анализ

Наша гипотеза исходит из двух положений. Во-первых, в структуре непроизводных глаголов и каузативов присутствует общий компонент, отвечающий за АК английского типа. Во-вторых,

источником АК русского типа является находящийся в структуре клаузы аспектуальный оператор. Именно его место в дереве по отношению к событийной структуре глагола определяет, будет глагольная группа проявлять свойства «английской» или «русской» АК.

2.1. *Каузатив*

Согласно современным представлениям, каузатив вводит не только аргумент-Каузатор, но и каузирующее событие (см., напр., [Pylkkänen 2002, 2008; Ramchand 2003; Harley 2005]). Синтаксически оно представляет собой глагольную группу, которая берет другую глагольную группу, вводимую исходной основной, в качестве зависимого. В (6а) приведена структура клаузы, возглавляемой производным глаголом, в (6б) — каузативным дериватом.

(6а) [_{VP} [_{NP} *vasja*] [_{VP} [_{NP} *aS-*] *tJe*]]
 Вася суп есть

(6б) [_{VP} [_{NP} *petja*] [_{VP} [_{NP} *vasja*] [_{VP} [_{NP} *aS-*] *tJe*]]] *-dir-*
 Петя Вася суп есть CAUS

(6а) и (6б) сходны в том, что имеют в своей структуре вводимую основой глагольную группу, в которую входит инкрементальный аргумент. Поскольку акциональное взаимодействие между глаголом и аргументом как в каузативе, так и в производном глаголе в немаркированной аспектуальной форме проходит по «английскому типу», естественно предположить, что источник такого взаимодействия находится в этой глагольной группе. Все операторы, которые попадают в глагольную структуру на более поздних уровнях деривации, могут оказывать воздействие на протекание аспектуальной композиции, только если эта структура попадает в их область действия.

Семантически каузатив представляет собой оператор CAUS, вводящий множество событий e в которых x является Каузатором, экзистенциально связывающий событие e' , свойства которого описывает исходный глагол (см. также [Pylkkänen 2002]).

(7) $\| \text{CAUS} \| = \lambda P \lambda x \lambda e \exists e' [\text{Causer}(x)(e) \wedge \text{cause}(e')(e) \wedge P(e')]$

Существенен для нашего анализа тот факт, что операторы, применяемые после каузатива, не могут воздействовать на каузируемое событие, поскольку оно экзистенциально связано.

2.2. Источник предельности

Для того, чтобы понять, почему пропадает аспектуальная композиция русского типа в каузативах, необходимо выяснить, где находится источник, делающий клаузу строго предельной и накладывающий ограничения на инкрементальный аргумент. Большинство исследователей аспектуальных систем русского типа (такие как [Verkuyl 1999; Paslawska, von Stechow 2003; Filip 2005]) утверждают, что этот источник находится внутри V_0/VP .

Материал тубаларского диалекта алтайского языка противоречит такому утверждению. Действительно, если источник квантизации находится внутри VP, то добавление с помощью каузативной морфемы еще одной vP не должно влиять на эту квантизацию. Однако, как мы видим в (5), этого не происходит.

Поскольку предложения в (3) и (4) различаются не только предельностью/непредельностью, но и наличием/отсутствием суффикса *-sa-*, можно заключить, что АК «русского типа» связана с этим суффиксом. Мы считаем, что эта морфема вводит функциональную проекцию, находящуюся снаружи структуры глагольной основы, над vP .

Это подтверждают и морфологические факты. В каузативном глаголе морфема *-sa-* находится снаружи каузативного показателя. Так как каузатив вводит вершину v , *-sa-* вводит функциональную вершину, берущую vP в качестве компонента.

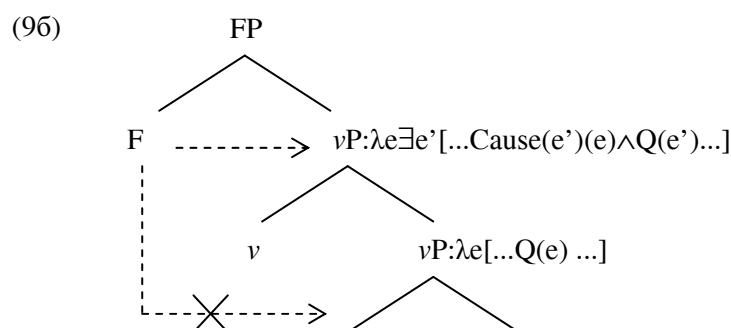
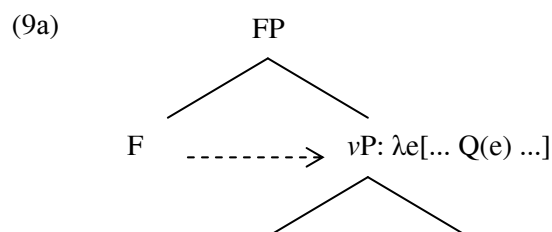
- (8) [FP [vP ... [vP ...*tij*] *-dir*] [F *-se*] *-n*]
 есть *-CAUS* *-PFV* *-PST*

Мы предполагаем, что в этой функциональной вершине находится оператор, который действует как своего рода фильтр — он берет все предикаты, порождаемые на уровне vP , и оставляет только квантованные (предельные) (см. схожий анализ для русского языка на материале номинализаций в [Татевосов, Пазельская 2008; Татевосов 2008]).

2.3. Каузатив и источник предельности

Анализ аспектуальной композиции в каузативах следует из вышеизложенного. При аспектуальной композиции русского типа квантизация и предельность берутся не из V_0/VP , а из телесизирующего оператора, который вводится доминирующей над vP функциональной вершиной. Таким образом, если каузатив состоит из двух vP , квантизирующий оператор воздействует только

на внешнее, каузирующее событие — его вводит vP , которую функциональная проекция берет в качестве комплемента. Событийный аргумент из денотата внутренней vP в силу семантики каузатива экзистенциально связан, как следствие, он не попадает в сферу действия этого оператора (см. (9б)). На уровне внутренней vP , таким образом, аспектуальная композиция проходит по «английскому типу». В структурах с одной vP (непроизводные переходные глаголы и контактные каузативы), она попадает под воздействие квантизирующего оператора (см. (9а)), что проявляется в аспектуальной композиции «русского типа».

3. Заключение

Материал каузативов в тубаларском диалекте алтайского языка позволяет заключить, что процессы, приводящие к «русскому типу» аспектуальной композиции, происходят на верхнем уровне клаузальной структуры. На уровне vP существует только аспектуальная композиция «английского типа». Однако функциональная структура над vP скрывает происходящее на нижнем уровне от непосредственного наблюдения. Каузатив нейтрализует этот эффект и дает нам возможность увидеть свойства vP/VP в том виде, в каком они существуют до построения верхних уровней структуры.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; DAT — датив; PFV — перфектив; PST — прошедшее время.

Литература

- Татевосов, Пазельская 2008 — С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская. Отлагательное имя и структура русского глагола // В. А. Плулунян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 348–379.
- Татевосов 2008 — С. Г. Татевосов. Номинализация и проблема непрямого доступа // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 705–773.
- Татевосов и др. 2006 — С. Г. Татевосов, Е. А. Лютикова, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Filip 2005 — Н. Filip. The telicity parameter revisited // *Semantics and Linguistic Theory (SALT) XIV*. Ithaca: CLC Publications, 2005. P. 92–109.
- Harley 2006 — Н. Harley. On the causative construction. Ms., University of Arizona, 2006.
- Krifka 1992 — М. Krifka. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // I. Sag, A. Szabolsci (eds.). *Lexical Matters*. Stanford: CSLI Publications, 1992. P. 29–53.
- Paslawska, von Stechow 2003 — А. Paslawska, А. von Stechow. Perfect readings in Russian // М. Rathert, А. Alexiadou, А. von Stechow (eds.). *Perfect Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. P. 307–362.
- Pylkkänen 2002 — L. Pylkkänen. *Introducing Arguments*. MIT, Cambridge, MA, 2002.
- Pylkkänen 2008 — L. Pylkkänen. *Introducing Arguments [Linguistic Inquiry Monographs 49]*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- Ramchand 2003 — G. Ramchand. *First Phase Syntax*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
- Verkuyl 1999 — Н. J. Verkuyl. *Aspectual Issues. Structuring Time and Quantity*. Stanford: CSLI Publications, 1999.

Н. В. Ивлиева

МГУ, Москва / MIT, Cambridge (MA)

КАЖДЫЙ МОЖЕТ БЫТЬ ЛЕНИВЫМ

В этой работе предлагается ввести новый тип в семантическую типологию местоимений. Речь идет о местоимениях, анафорически отсылающих к кванторным выражениям типа *каждый человек*, но интерпретирующихся не как связанные переменные, а как сами эти кванторные выражения (ср. трансформацию прономинализации в ранних версиях порождающей грамматики).

1. Выбор интерпретации

Рассмотрим сценарий/контекст S и предложение (1), употребленное в этом контексте.

S: В городе N живут два брата: Петя и Вася. Они собираются жениться на двух сестрах, Маше и Тане, не являющихся их родственницами.

(1) { *Поговорим о Пете и Васе.* } Если бы [каждый из них]_i женился на одной из сестер, его_i брат стал бы его_i свяжком.

Предложение (1) при данном сценарии S многим носителям русского языка кажется тривиально истинным. Как же в нем интерпретируются анафорические местоимения? Рассмотрим несколько возможностей:

а) Связывание переменной квантором

Предположим, что местоимения в (1) интерпретируются как переменные, связанные квантором *каждый из них*. Для этого квантор должен был бы получить сферу действия выше условного предложения, что само по себе странно (ср. ограничения на подъем квантора в порождающей грамматике и формальной семантике, см. [May 1977; Heim, Kratzer 1998] и мн. др). Однако, даже если бы квантор в (1) получил бы столь широкую сферу действия, это дало бы неверные условия истинности. Например, (1) в таком случае утверждало бы, что если бы Петя женился на Маше, а Вася остался холостяком, Вася стал бы Петиним свяжком.

б) Иллюзорное связывание

Предположим, что связывание местоимения в (1) иллюзорно и на самом деле там происходит не квантификация индивидов, а квантификация ситуаций (ср. анализ генерических предложений английского языка в [Fox, Sauerland 1997] и похожий анализ для греческого языка в [Sauerland, to appear]). Тогда (1) интерпретировалось бы так:

- (2) Для каждой ситуации s , такой, что [каждый брат в s] женится на одной из сестер в s , брат [этого брата в s] стал бы свояком [этого брата в s].

Этот анализ также нельзя принять. Например, при нем (1) опять-таки окажется истинным в ситуации, если в каком-то возможном мире лишь один из братьев женится на одной из сестер.

в) «Ленивое» местоимение

Предположим, что первое употребление местоимения *его* в предложении (1) просто заменяет кванторное выражение *каждого из них* (с точностью до порядка слов). Именно так это местоимение и «выглядит» на уровне логической формы. В таком виде оно поднимается и связывает переменную — второе местоимение. Таким образом, мы получим правильные условия истинности:

- (3) $[[(1)]]$ $w = 1$ истинно в каждом мире w' , таком, что w' доступен из w и для каждого $x \in \{\text{Петя, Вася}\}$ существует $y \in \{\text{Таня, Маша}\}$ так, что x женится на y в w' , для каждого $z \in \{\text{Петя, Вася}\}$ верно, что брат z (в w) становится свояком z в w' .

2. Место в типологии

Такой анализ местоимения напоминает о так называемых «местоимениях лени» (pronouns of laziness, термин П. Гича [Geach 1962]), т. е. о местоимениях, которые заменяют некоторые именные выражения языка и которые нельзя анализировать как свободные или связанные индивидуальные переменные, ср. английский пример (4):

- (4) *This year the president is a Republican, but one fine day, he ('the president') will be a member of the Green party.*

Принципиальное отличие примеров типа (1) — в том, что в них местоимение заменяет не определенную дескрипцию, а универсальный квантор. Ранее, насколько нам известно, такие местоимения не описывались.

Употребление такого рода анафорических местоимений — универсальных кванторов очень ограничено. Например, местоимение не может интерпретироваться как универсальный квантор, если ничто не мешает его интерпретации как связанной переменной, ср. пример (5).

- (5) [[*Каждый_i хочет, чтобы его_i любили*]] ≠ [[*Каждый хочет, чтобы каждого любили*]]

В то же время нужно отметить, что такая интерпретационная стратегия представлена во многих языках (в тех языках, где она не прослеживается, как например, в английском, ее, видимо, блокируют конкретно-языковые синтаксические факторы). Ср. пример из осетинского языка:

- (6) *Раздар алы ахуырганаг бирæ æхца куы иста,*
раньше каждый учитель много деньги когда брал
уад йæ бон удис ресторанмæ цаун.
тогда его воля была в.ресторан ходить
'Раньше, когда каждый учитель получал много денег, он
(= каждый учитель) позволял себе ходить в ресторан'.

Литература

- Fox, Sauerland 1997 — D. Fox, U. Sauerland. Illusive wide scope of universal quantifiers // G. Matos et al. (eds.). *Interfaces in Linguistic Theory*. Lisbon: Edições Colibri/Associação Portuguesa de Linguística, 1997. P. 149–176.
- Geach 1962 — P. Geach. *Reference and Generality*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1962.
- Heim, Kratzer 1998 — I. Heim, A. Kratzer. *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell, 1998.
- May 1977 — R. May. *The Grammar of Quantification*. Doctoral dissertation, MIT, Cambridge, MA, 1977.
- Sauerland, to appear — U. Sauerland. On Greek illusions: A semantic account of Alexopoulou's generalization // S. Iatridou (ed.). *Greek Syntax and Semantics*. MIT Working Papers in Linguistics, Cambridge, MA, to appear.

Е. В. Кашкин, М. С. Панкова

МГУ, Москва

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОСЕССИВНОГО СКЛОНЕНИЯ
В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ
КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА¹**

В коми-зырянском, как и во многих других уральских языках, есть два типа склонения существительных: простое и посессивное. Различие в их употреблении, однако, не сводится к противопоставлению посессивной и «непосессивной» семантики: как уже отмечалось ранее (см., например, [Nikolaeva 2003]), посессивное склонение приобретает целый спектр иных значений; в частности, оно может маркировать определенность именной группы (ИГ). В [Кашкин 2008] было выделено два релевантных фактора, влияющих на выбор типа склонения в ижемском диалекте коми-зырянского языка: референциальный статус и синтаксическая функция ИГ. Однако данный вывод был сделан по результатам опроса информантов методом анкетирования, который, несмотря на многие свои положительные стороны, не позволил изучить употребление посессивного склонения в естественном дискурсе. На выявление именно этих, дискурсивных факторов был нацелен эксперимент, о котором и пойдет речь в работе.

В ходе эксперимента 14 информантов дважды смотрели отрывок из мультфильма продолжительностью около одной минуты, а затем им предлагался предварительно составленный при помощи носителя языка коми-зырянский текст (пересказ этого отрывка), большинство ИГ в котором были написаны по-русски и выделены. Испытуемые должны были прочесть его вслух, по ходу чтения переводя написанные по-русски ИГ на коми-зырянский.

Результаты эксперимента представлены ниже в Таблице 1 (в первом столбце пронумерованы ИГ, во втором — выписан последовательно русский перевод текста, в третьем и четвертом —

---

¹ Исследование проведено в ходе экспедиции МГУ в с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО (грант РГНФ № 09-04-18039е).

указано для каждой ИГ, сколько носителей оформили ее посессивным и простым склонением соответственно):

Таблица 1

№	ИГ	Посессивное	Простое
1	<i>Я сейчас видел мультик про зайца...</i>	0	14
2	<i>...и про волка, а мультик начинался так.</i>	0	14
3	<i>На дереве висит...</i>	5	9
4	<i>...скворечник.</i>	0	14
5	<i>Кто-то птиц испугал, они улетели...</i>	11	3
6	<i>...а по дереву...</i>	12	2
7	<i>...поднимался волк</i>	7	7
8	<i>Волк...</i>	10	4
9	<i>...в скворечник...</i>	12	2
10	<i>...просунул бинокль...</i>	1	12 ²
11	<i>...и стал следить за зайцем.</i>	9	5
12	<i>А заяц...</i>	13	1
13	<i>...жил в многоэтажном доме.</i>	0	13
14	<i>Заяц...</i>	10	4
15	<i>...из квартиры вышел...</i>	12	2
16	<i>...и стал по лестнице скакать...</i>	8	6
17	<i>а волк...</i>	10	4
18	<i>...в подъезд зашел...</i>	12	2
19	<i>...и мешок приготовил...</i>	5	8
20	<i>...чтобы зайца поймать.</i>	12	2
21	<i>Заяц скакал-скакал...</i>	11	3
22	<i>...и в мешок попал.</i>	14	0
23	<i>Волк...</i>	11	3
24	<i>...мешок завязал...</i>	13	1
25	<i>...на плечо закинул...</i>	14	0
26	<i>...из дома вышел...</i>	13	1
27	<i>...и по дороге пошел.</i>	8	6
28	<i>Шел он, шел, мимо телефонной будки шел...</i>	7	7

² В отдельных (немногочисленных) случаях у информантов возникали проблемы с переводом, поэтому не во всех строках сумма равна 14.

29	...видит: ему навстречу милиционеры...	0	14
30	...на мотоцикле едут.	1	13
31	Он испугался, да мешок поставил...	14	0
32	...в телефонную будку...	13	1
33	...поставил и дверь закрыл.	14	0
34	Мотоцикл мимо проехал...	8	6
35	...он за зайцем...	11	3
36	...вернулся к будке...	13	0
37	...а заяц, оказалось...	13	1
38	...заперся в будке.	13	1
39	Волк захотел...	11	3
40	...открыть дверь, но не смог...	14	0
41	...ручку...	12	0
42	...двери оторвал и упал.	2	10

Далее суммируем основные выводы, полученные в результате эксперимента, и проиллюстрируем их языковыми примерами.

1. Как видно из таблицы, неопределенные ИГ имеют тенденцию оформляться простым склонением, как в (1).

№13³

- (1) *káč'-ys ol-əs una sod-a k'erka-yn*
 заяц-POSS3SG жить-PST.3SG много лестница-ADJ дом-ESS
 'Заяц жил в многоэтажном (букв.: 'многолестничном') доме'.

2. Определенные ИГ, напротив, имеют тенденцию оформляться посессивным склонением, как в (2).

№21, 22

- (2) *káč'-ys č'eč'č'al-is č'eč'č'al-is*
 заяц-POSS3SG скакать-PST.3SG скакать-PST.3SG
i m'ešek-as s'ur-i
 и мешок-ESS/ILL.POSS3SG попасть-PST.3SG
 'Заяц скакал-скакал и в мешок попал'.

³ Здесь и далее перед примером указывается номер интересующей нас ИГ в таблице.

3. В экспериментальном тексте, однако, есть случаи, выбивающиеся из сформулированных выше закономерностей. Рассмотрим их более подробно.

3а. В (3) и (4) упоминание зайца и волка, строго говоря, повторное (и референциальный статус ИГ, строго говоря, определенный), однако первое упоминание было дано в начальной фразе, не входящей в основную линию повествования. Таким образом, в данном случае именно фактор структуры дискурса побудил значительное число информантов оформить данные ИГ (в основной линии повествования упомянутые впервые) простым склонением, несмотря на их определенный референциальный статус.

№7

- (3) *pu kuz'a-ys kaj-is*
 дерево по-POSS3SG подниматься-PST.3SG
l'ok zv'er' / zv'er'-ys
 плохой зверь зверь-POSS3SG
 'По дереву поднимался волк' (букв.: 'плохой зверь').

№11

- (4) *l'ok zv'er'-ys skvor'eč'n'ik-as*
 плохой зверь-POSS3SG скворечник-ESS/ILL.POSS3SG
s'uj-is b'inokl' i kuč'-is v'id'ed-ny
 просунуть-PST.3SG бинокль и стать-PST.3SG следить-INF
káč'-ys / káč' bār-s'an'
 заяц-POSS3SG заяц за-ABL
 'Волк в скворечник просунул бинокль и стал следить за зайцем'.

3б. В (5) референт впервые упомянутой ИГ 'мешок' мог быть проинтерпретирован некоторыми информантами как состоящий в посессивном отношении с референтом ИГ 'волк', что привело к достаточно высокой частоте употребления посессивного склонения.

№19

- (5) *l'ok zv'er'-ys podjezd-as pyr-is*
 плохой зверь-POSS3SG подъезд-ESS/ILL.POSS3SG войти-PST.3SG
i m'ešek / m'ešek-se les'ed-is
 и мешок мешок-ACC.POSS3SG приготовить-PST.3SG
 'Волк в подъезд зашел и мешок приготовил'.

Зв. Выделяется сразу несколько случаев оформления неопределенных локативных ИГ посессивным склонением ((6) — (9)), и если кодирование таких ИГ в (7) и особенно в (6) еще может быть объяснено их тесной когнитивной сопряженностью с референтом определенной ИГ ‘дом’, то для (8) и (9) это объяснение не кажется удачным. Как нам представляется, высокая частотность употребления посессивного склонения в локативных ИГ в (8) и (9) вызвана высокой дискурсивной значимостью этих ИГ: каждая из них вводит в рассмотрение некоторую исходную точку пространства, которая еще будет упомянута в дальнейшем дискурсе и вокруг которой будет происходить значительная часть описываемых в данном дискурсе событий.

№ 16

- (6) *káč'-ys*   *kvar'tira-s'is*   *p'et-i*
 заяц-POSS3SG   квартира-EL.POSS3SG   выйти-PST.3SG
i kuč'-is   *sod*   *kuz'a-ys* / *kuz'a č'eč'č'oo-ny*
 и статья-PST.3SG   лестница по-POSS3SG   по   скакать-INF
 ‘Заяц из квартиры вышел и стал по лестнице скакать’.

№ 27

- (7) *l'ok*   *zv'er'-ys*   *m'ešek-se*   *kərtal-is*,
 плохой зверь-POSS3SG   мешок-ACC.POSS3SG   завязать-PST.3SG
pel'pom vyl-as   *č'əət-is*,   *k'erka-s'is*
 плечо на-ESS/ILL.POSS3SG   забросить-PST.3SG   дом-EL.POSS3SG
p'et-i   *i tuj*   *kuz'a-ys* / *kuz'a mun-i*
 выйти-PST.3SG и дорога по-POSS3SG   по   идти-PST.3SG
 ‘Волк мешок завязал, на плечо забросил, из дома вышел и по дороге пошел’.

№ 3

- (8) *pu*   *vyl-yn / vyl-as*   *ašal-e*   *skvor'eč'n'ik*
 дерево верх-ESS верх-ESS/ILL.POSS3SG   висеть-PRS.3SG   скворечник
 ‘На дереве висит скворечник’.

№ 28

- (9) *mun-i*   *sa*,   *mun-i*,   *t'el'efonnej*
 идти-PST.3SG он   идти-PST.3SG   телефонный
budka dor-ti-ys   /   *dor-ti*   *mun-i*
 будка мимо-PROL-POSS3SG   мимо-PROL   идти-PST.3SG
 ‘Шел он, шел, мимо телефонной будки шел’.

Зг. В (10) ИГ ‘мотоцикл’, будучи повторно упомянутой, а значит и определенной, достаточно часто, тем не менее, оформляется простым склонением. С нашей точки зрения, и в этом случае выбор склонения может быть связан с фактором дискурсивной значимости, но в (10), в отличие от (8) и (9), дискурсивная значимость референта ИГ сравнительно низка, что может увеличить вероятность выбора простого склонения.

№34

- (10) *motocykl-ys* / *motocykl bək-ti-ys* *mun-i*
 мотоцикл-POSS3SG мотоцикл мимо-PROL-POSS3SG ехать-PST.3SG
 ‘Мотоцикл мимо проехал’.

Итак, наш эксперимент позволил установить, что, несмотря на безусловную важность фактора референциального статуса ИГ в выборе типа склонения (а именно, тенденции к оформлению определенных ИГ посессивным склонением, а неопределенных ИГ — простым склонением), влияние на этот выбор могут оказывать и дискурсивные факторы, такие как структура дискурса и дискурсивная значимость ИГ (высокая дискурсивная значимость может коррелировать с оформлением ИГ посессивным склонением, низкая дискурсивная значимость — с оформлением ИГ простым склонением).

Список условных сокращений

З — лицо; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADJ — адъективный суффикс; EL — элатив; ESS — эссив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; POSS — посессивное склонение; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Кашкин 2008 — Е. В. Кашкин. Особенности употребления посессивных показателей в ижемском диалекте коми-зырянского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*, IV, 2, 2008. С. 81–85.
- Nikolaeva 2003 — I. A. Nikolaeva. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии*. Ижевск — Лейпциг: Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. С. 130–145.

В. И. Киммельман

РГГУ, Москва — UvA, Амстердам

ТЕОРИЯ СВЯЗЫВАНИЯ И ЖЕСТОВЫЕ ЯЗЫКИ¹

Теория связывания (binding theory) — один из основных компонентов генеративной грамматики на определенных этапах ее развития (например, [Chomsky 1981]). Теория связывания занимается референциальным поведением именных групп и местоимений. Так, она различает личные местоимения (типа *он, она*), рефлексивные местоимения или анафоры (типа *себя, свой*) и полные именные группы (типа *мальчик*). Предполагается, что разделение на эти классы свойственно большинству языков мира (хотя известны языки, в которых нет рефлексивных местоимений, например, старо-английский, некоторые языки Австралии, некоторые креольские языки: см. [Huang 2000]). Поведение представителей этих классов определяется универсальными принципами теории связывания. Я решил проверить применимость теории связывания к жестовым языкам: русскому (российскому) жестовому языку (далее РЖЯ) и нидерландскому жестовому языку (далее НЖЯ).

Жестовые языки являются естественными языками общения глухих. Они представляют особый интерес для лингвистов, потому что для передачи языкового сигнала используют не звуковой канал, а визуальный. Сравнение жестовых и звучащих языков делает возможным выявление глубинных принципов грамматики, которые не связаны с физической природой сигнала. Теории, которые претендуют на универсальность (такие, как теория связывания), должны быть проверены на материале жестовых языков. Главный вопрос, который я исследовал — это наличие и свойства рефлексивных местоимений в РЖЯ и НЖЯ.

В ходе исследования (опроса носителей этих жестовых языков) выяснилось, что в РЖЯ и НЖЯ есть рефлексивные местоимения. В РЖЯ используется местоименное существительное

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 08-04-00165а.

СЕБЯ и местоименное прилагательное СВОЙ; в НЖЯ есть только рефлексивное местоименное существительное ZELF. Все эти местоимения являются рефлексивными, потому что могут употребляться только кореферентно подлежащему в той же клаузе².

Эти местоимения имеют те же основные свойства, что и рефлексивные местоимения в русском языке, то есть могут быть кореферентны только антецеденту, находящемуся с ним в отношении с-command (1), (2), а также являются субъектно-ориентированными (3).

- (1а) МАЛЬЧИК УК-а СЕБЯ РИСОВАТЬ³
‘Мальчик нарисовал себя/#кого-то другого’.
- (1б) *СЕБЯ МАЛЬЧИК УК-а РИСОВАТЬ
- (2) МАЛЬЧИК УК-а СВОЙ ЛИЦО РИСОВАТЬ
‘Мальчик нарисовал свое лицо/#чье-то лицо’.
- (3) МАЛЬЧИК УК-а ДЕВОЧКА УК-б О СЕБЯ РАССКАЗАТЬ
‘Мальчик рассказал девочке о себе (мальчике/#девочке)’.

Однако оба жестовых языка обладают альтернативным способом выражения кореферентности двух именных групп в предложении: указанием на определенный локус. Известно, что жестовые языки используют пространство перед говорящим (жестовое пространство) для моделирования ситуации (об этом явлении в РЖЯ см. [Прозорова 2007]). Участники ситуации размещаются в воображаемом пространстве при помощи указательных жестов, и места (локусы), в которых были размещены участники, могут позже быть использованы для упоминания этих участников, уже при помощи указания (то есть, указательные жесты исполняют роль местоимений). Интересно, что ситуация кореферентности может быть выражена при помощи указания на локус, ранее ассоциированный с референтом (4).

² Я исследовал свойства этих местоимений только в простых предложениях.

³ Жесты РЖЯ передаются русскими словами, близкими им по значению. УК-а — указательный жест, направленный в локус *a*. Примеры из НЖЯ не приводятся; основные факты, описанные в тексте и проиллюстрированные на материале РЖЯ, справедливы и для НЖЯ.

- (4) МАЛЬЧИК УК-а ДЕВОЧКА УК-б О УК-а РАССКАЗАТЬ
'Мальчик рассказал девочке о себе'.

В этом примере мальчик размещается в пространстве при помощи указательного жеста в локусе а, а девочка в локусе б, а позже при помощи указательного жеста УК-а, устанавливается кореферентность между тем, кто рассказывает, и тем, о ком рассказывают.

Таким образом, кореферентность субъекта и объекта может быть выражена в РЖЯ и НЖЯ двумя способами: (3) и (4). Иными словами, в этих жестовых языках есть рефлексивные местоимения, но их можно заменить нерефлексивными указательными жестами. Такая ситуация, по-видимому, не встречается в звучащих языках [Kiparsky 2002], где рефлексивное местоименное существительное (если они есть в данном языке) не может быть заменено нерефлексивным местоимением в простом предложении с командующим антецедентом без потери кореферентности:

- (5а) *Мальчик_i рисует себя_i. ≠*

- (5б) *Мальчик_i рисует его_j.*

Нетрудно предположить, что эта ситуация связана с визуальной природой жестовых языков: в них имеется естественный механизм выражения кореферентности в любых контекстах: указательные жесты; звучащие же языки такой возможностью не обладают.

Однако и в РЖЯ и НЖЯ, как выяснилось, значения, выражаемые предложением с рефлексивным местоимением и предложением с указательным жестом, не вполне совпадают. Рефлексивные местоимения в этих языках применяются для выражения значения связанной переменной (bound-variable reading; см., например, [Büring 2005]), а указательные жесты для выражения простой кореферентности. Различие между этими значениями можно увидеть на примере русского местоимения *свой*, которое тоже может заменяться нерефлексивными местоимениями:

- (6а) *Я рисую **свой** портрет, и Вася тоже.*
'тоже рисует свой портрет' — связанная переменная

- (6б) *Я рисую **мой** портрет, и Вася тоже.*
'тоже рисует мой портрет' — кореферентность

(7а) *Каждый мальчик_i рисует свой_i портрет. ≠*

(7б) *Каждый мальчик_i рисует его_i портрет.*

В примере (7) местоимение *свой* может быть связано квантором, а местоимение *его* в той же позиции не может — это проявление того, что в русском языке *свой* в такой позиции используется как связанная переменная, а *его* и другие личные притяжательные местоимения — нет.

В РЖЯ и НЖЯ рефлексивные местоименные существительные тоже могут заменяться нерефлексивными указательными жестами, но только рефлексивные местоимения могут быть связаны квантором в субъектной позиции:

(8а) МАЛЬЧИК УК-а УК-б УК-в КАЖДЫЙ СЕБЯ РИСОВАТЬ
'Каждый мальчик рисует себя'.

(8б) МАЛЬЧИК УК-а УК-б УК-в КАЖДЫЙ УК-а УК-б УК-в РИСОВАТЬ
'Каждый мальчик рисует каждого мальчика/других мальчиков/#себя'.

В примере (8а) рефлексивное местоимение СЕБЯ связано квантором КАЖДЫЙ, поэтому предложение означает, что каждый мальчик рисовал себя, а предложение (8б), где используются указательные жесты, такого значения иметь не может.

Итак, в РЖЯ и НЖЯ имеются рефлексивные местоимения. Многие свойства этих местоимений (необходимость командующего antecedента, ориентация на субъект) не отличаются от свойств рефлексивных местоимений в некоторых звучащих языках. С другой стороны, жестовые языки обладают способностью использовать пространство для выражения кореферентности, поэтому рефлексивные местоимения могут быть в любом контексте заменены нерефлексивными указательными жестами. Однако даже эта ситуация успешно анализируется при помощи понятия связанной переменной, тоже относящегося к теории связывания. Таким образом, теория связывания успешно описывает (и, возможно, объясняет), факты не только звучащих, но и жестовых языков.

Литература

- Прозорова 2007 — Е. В. Прозорова. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания 1, 2007. С. 44–61.
- Büring 2005 — D. Büring. Binding Theory. Cambridge: CUP, 2005.
- Chomsky 1981 — N. A. Chomsky. Lectures on Government and Binding. Dordrecht: Foris Publications, 1981.
- Huang 2000 — Y. Huang. Anaphora: A cross-linguistic approach. Oxford: OUP, 2000.
- Kiparsky 2002 — P. Kiparsky. Disjoint reference and the typology of pronouns // I. Kaufmann, D. Wunderlich, B. Stiebels (eds.). More than Words. Berlin: Akademie Verlag, 2002. P. 179–226.

Д. П. Кирьянов, К. А. Шагал

СПбГУ, Санкт-Петербург

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ ПРИЧАСТИЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ СОВЕРШЕННОГО ВИДА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. В подавляющем большинстве грамматических описаний русского языка парадигма действительных причастий включает в себя 3 члена: причастия настоящего времени и причастия прошедшего времени совершенного (СВ) и несовершенного вида (НСВ). Однако ряд исследователей (В. А. Плотникова в [Шведова (ред.) 1980], В. В. Виноградов в [Виноградов 1947] и др.) отмечают наличие в языке так называемых **причастий будущего времени**, произведенных от глаголов СВ по модели образования причастий настоящего времени и являющихся «отступлением от литературной нормы; например: *сотни отрывков из книг Грина, взволнующих каждого* (Пауст.); *образцы заголовков, способных привлечь внимание* (газ.)» [Шведова (ред.) 1980].

2. Неоднократно выдвигались предложения ввести причастия будущего времени в причастную парадигму русского языка. Первой из таких попыток (имевшей дело еще с церковнославянским языком) стоит считать грамматику М. Смотрицкого [Смотрицкий 1619], в которой приводятся действительные и страдательные причастия будущего времени, такие как побіюіій (действ.) — побіемый/ побіюіійс# (страд.) и др. [Смотрицкий 1619: 182]. Однако эта грамматика была скорее ориентирована на перевод текстов с древнегреческого языка (в котором наличествуют причастия всех времен, в том числе и будущего), нежели на живую разговорную речь, за что и была раскритикована, в частности, Ю. Крижаничем, писавшим в 1666 году о том, что «...однократные глаголы не имеют причастия настоящего времени», а «Смотрицкий за образец выдает немало превратных слов» [Križanić 1984: 144].

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 09-04-00264а «Грамматика определительных вторичных предикаций (релятивизация в русском языке)».

В последние годы причастия будущего времени также не раз обращали на себя внимание исследователей, однако все известные нам статьи и заметки, посвященные им, в основном направлены на решение вопроса об их статусе в литературном русском языке, см., например, [Эпштейн 2000; Шаповал, рукопись]. Мы же поставили перед собой задачу проанализировать употребление причастий будущего времени на материале текстов, найденных в интернете поисковой системой Google (www.google.com), а также оценить их приемлемость на основании эксперимента с носителями языка.

3. Для исследования было отобрано 100 частотных глаголов СВ, не имеющих морфонологических «противопоказаний» к образованию причастий будущего времени, и первым важным результатом можно считать то, что на некоторые из этих причастий (*потеряющий, выйдущий, напишущий, найдущий, открывающий, скажущий*) Google находит более ста употреблений, а на причастие *придущий* — более пятисот.

Для решения вопроса о самостоятельности (независимости от контекста) причастий будущего времени мы проанализировали с разных точек зрения 312 случаев их употребления. Мы проследили, в каких падежах они чаще употребляются, обязательно ли входят в состав причастного оборота, как часто встречаются в паре с однокоренными причастиями (*выпившие и вытьющие, спевшие и споющие*), и сравнили полученные данные с данными для причастий, разрешенных нормативной грамматикой.

Результаты говорят в пользу полноценности рассматриваемых форм. Так, например, распределения по падежам употреблений причастий будущего времени СВ и причастий прошедшего времени СВ² не демонстрируют статистически значимых различий ($p \gg 0,10$), т. е. с этой точки зрения причастия будущего времени ведут себя точно так же, как и «полноправные» причастия прошедшего времени.

С точки зрения вхождения/невхождения в состав оборота, между причастиями будущего и прошедшего времени (для сравнения мы проанализировали 312 примеров причастий прошедшего

---

² Распределение для причастий прошедшего времени посчитано для контекстов, найденных в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgo.ru) в подкорпусе со снятой грамматической омонимией.

времени СВ) наблюдаются довольно существенные различия. Так, в наших материалах нашлось всего 13 предложений с одиночными причастиями будущего времени (4,17%), в то время как одиночные причастия прошедшего времени составляют 30,13% употреблений (94 примера). Впрочем, эти различия, на наш взгляд, вполне объяснимы, если учесть «репрессированный» статус причастий будущего времени и их редкость в русском языке: довольно большую долю рассмотренных нами одиночных причастий прошедшего времени составляют полностью или частично адъективированные причастия, такие как *минувший* (*вырос на 6% за **минувший** год*) или *зависший* (*перебирает **зависшими** губами*), а адъективация, как известно, происходит в результате длительного употребления слова и постепенного изменения его значения, см. [Лопатин 1966: 47].

Важным параметром, позволяющим сделать предположение о причинах появления в речи причастий будущего времени, является их позиция в причастном обороте: они почти в 6,5 раз чаще, чем причастия прошедшего времени СВ из нашей выборки, занимают **ненадлежащую** позицию в причастном обороте (46,15% против 7,34% для причастий прошедшего времени).

Можно предположить, что именно такого рода случаи являются «крайними», вынуждающими носителя заполнить обычно не заполняемую клетку в причастной парадигме. Действительно, самой удачной заменой обороту с причастием будущего времени в русском языке, как мы покажем далее, является относительное придаточное, см. (1):

- (1) *Так родилась форма с присущими ей индивидуальностью и своеобразием, счастливое сочетание функциональности и эстетики, **не теряющее / которое не потеряет** своей привлекательности в течение многих лет.* (Google)

Однако поскольку в относительных придаточных член, выраженный относительным местоимением, всегда (за исключением некоторых особых случаев, связанных с «эффектом крысолова») перемещается на левую периферию, начав зависимую предикацию с любой фразовой категории, не доминирующей над союзным словом (обстоятельства времени и т. п.), говорящий уже не может воспользоваться «разрешенным» способом выражения необходимого значения и вынужден употребить нелитературную форму, см. (2):

- (2) *Помню, в то время, когда я это писал, я считал себя Великим Писателем, рано или поздно напишуцим / *который напишет гениальное произведение...* (Google)

Последним предположением, которое могло бы указать на самостоятельность причастий будущего времени, было то, что они употребляются исключительно или преимущественно в паре с причастиями прошедшего, см. (3), или настоящего времени, см. (4), образованными от глагола той же видовой пары:

- (3) *Представляем вашему вниманию каталог литературных произведений, вышедших либо выйдуцих под лэйблом «Neue Partisanen».* (Google)
- (4) *Польша — это вообще уникальное, вечно умирающее, но никак не умрущее явление в мировой истории.* (Google)

Однако такого рода употребления хоть и встречаются, но составляют всего 3,8% (12 случаев), что, безусловно, не может служить веским аргументом в пользу самостоятельности рассматриваемых форм.

Впрочем, отдавая себе отчет в том, что примеры, найденные интернете, вполне могли быть порождены людьми, плохо владеющими русским языком, мы посчитали необходимым провести эксперимент с грамотными носителями языка, который позволил бы оценить приемлемость причастий будущего времени с точки зрения говорящих.

4. Для эксперимента мы отобрали 8 предложений из рассмотренных ранее, разнообразных с точки зрения акциональных характеристик и аргументной структуры глагола, от которого образовано причастие, строения причастного оборота и т. п. К каждому из примеров мы подобрали своеобразные «аналоги»: два предложения, по возможности повторяющие все перечисленные выше характеристики исходного, но отличающиеся от него тем, что в одном вместо причастия будущего времени было причастие прошедшего времени СВ с тем же таксисным значением, а в другом — относительное придаточное³.

---

³ Все предложения, вошедшие в анкету, были найдены нами в НКРЯ или в интернете при помощи системы Google, некоторые из них перед предъявлением носителям подверглись минимальной правке.

Вот пример такой тройки предложений:

- (5) *А без уважения любви не бывает, женщинам, **скажущим** об обратном, не верьте!* (Google)
- (6) *И говорю Вам сразу: человеку, **заявившему** о своей кандидатуре, нужно будет пройти собеседование.*
- (7) *А всякому, **кто сообщит** о наличии коррупции в МГУ или МФТИ, я с удовольствием рассмеюсь в лицо.*

В ходе эксперимента респондентам⁴ предлагалось оценить предложения по четырехбалльной шкале от абсолютно приемлемого (3) до абсолютно неприемлемого (0). Для каждого предложения по результатам эксперимента считался средний балл, использовавшийся в дальнейшем для сопоставления.

Как и ожидалось, запрещенные нормой причастия будущего времени оказались наименее приемлемым из трех вариантов (средний балл — 1,26), однако поскольку, по тем или иным причинам, и два разрешенных грамматикой варианта не набрали максимального количества баллов (средний балл по причастиям прошедшего времени составил 2,15, а по наиболее приемлемому варианту — придаточным относительным — 2,39), можно говорить, что оценка носителями причастий будущего времени составляет 53% от зафиксированного максимума, что, разумеется, немного, однако не настолько, чтобы этим можно было пренебречь.

5. Таким образом, хотя в русском языке действительные причастия будущего времени СВ и запрещены грамматикой, но, будучи разрешенными структурно, периодически встречаются в текстах (в особенности при невозможности замены, т. е., прежде всего, в неначальной позиции в причастном обороте), демонстрируют заметные сходства в поведении с «полноправными» причастными формами и не воспринимаются как абсолютно маргинальные носителями языка.

---

⁴ Для эксперимента были выбраны 20 человек в возрасте от 18 до 43 лет, получившие или получающие высшее образование. К участию не допускались школьники и люди, имеющие филологическое образование (эти две группы людей, как нам показалось, могли бы руководствоваться в оценках в первую очередь не чувством языка, а знанием нормативной грамматики, запрещающей исследуемые формы).

Литература

- Виноградов 1947 — В. В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947.
- Лопатин 1966 — В. В. Лопатин. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопросы языкознания 5, 1966. С. 37–47.
- Шведова (ред.) 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. 1–2. М.: Наука, 1980.
- Смотрицкий 1619 — М. Смотрицкий. Грамматика Славенския правильное Синтагма. Евъе, 1619. Репринт: Київ, 1979.
- Шаповал, рукопись — В. В. Шаповал. Нарисующему домик — приз! (Причастия будущего времени в нашей речи). (<http://www.ruscenter.ru/730.html>)
- Эпштейн 2000 — М. Н. Эпштейн. Причастия будущего времени (сделающий) // Проективный лексикон Михаила Эпштейна. Выпуск 17. 2000. (<http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar17.html>)
- Križanić 1984 — J. Križanić. Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku. Sabrana djela Jurja Križanića. Knj. 2. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1984.

М. Ю. Князев

СПбГУ, Санкт-Петербург

ЭЛЛИПСИС В КОНСТРУКЦИЯХ С FREE RELATIVES

Известным свойством конструкций с free relatives (далее FR-конструкции) является мэтчинг (matching), т. е. совпадение категориальной принадлежности и падежного оформления релятивизованного элемента FR-конструкции и той позиции матричной клаузы, которую заполняет FR-конструкция [Bresnan, Grimshaw 1978]. Ср. случай такого совпадения в (1а) и случаи такого несовпадения в (1б)–(1в), где FR-конструкция невозможна (в последнем случае относительное предложение должно вводиться вершиной указательным местоимением *то*).

(1а) [?] *Официант принес, что Маша заказала.*

(1б) *Официант принес *(то), чему Петя очень обрадовался.*

(1в) *Петя обрадовался *(тому), что заказала Маша.*

Несмотря на указанные требования, существуют такие FR-конструкции, в которых, по крайней мере на поверхностном уровне, мэтчинг не соблюдается. Позиция, занимаемая FR-конструкцией в (2), должна быть заполнена ИГ, однако релятивизованный элемент FR-конструкции не может относиться к ИГ, поскольку глагол *мочь* не имеет валентности на ИГ, как видно из (3).

(2) *Каждый принес, что смог.*

(3) **Он смог книгу.*

Предложения типа (2) естественно трактовать как подразумевающие эллипсис глагольной группы в относительном предложении, как в (2а). При такой трактовке грамматичность (2а) можно свести к грамматичности (2б), где эллипсиса не происходит.

(2а) *Каждый принес, что смог [~~принести~~].*

(2б) *Каждый принес, что смог принести.*

Можно было бы ожидать, что FR-конструкции с эллиптированной глагольной группой допустимы во всех случаях, где допустимы соответствующие конструкции без эллипсиса. Однако это предположение наталкивается на определенные эмпирические трудности. Так, если в составе относительного предложения эллиптируется инфинитивное дополнение глагола *просить*, то пример с FR-конструкцией становится неприемлемым (4). Аналогичные примеры с глаголом *мочь* являются приемлемыми (5).

(4а) *² *Маша работала, над чем я просил.*

(4б) *² *Маша позвала, кого я просил.*

(5а) *Маша работала, над чем могла.*

(5б) *Маша позвала, кого смогла.*

Слабая допустимость (4) представляется неожиданной, учитывая, что соответствующий пример без эллипсиса (6) оказывается допустимым (по крайней мере более допустимым, чем (4)), и что глагол *просить* как таковой способен употребляться с эллиптированным дополнением (7).

(6а) [?] *Маша работала, над чем я просил работать.*

(6б) [?] *Маша позвала, кого я просил позвать.*

(7) *Маша работала над этой статьей, хотя я не просил [~~работать над этой статьей~~].*

Как кажется, подобно глаголу *просить* ведут себя и другие глаголы объектного контроля, например, *сказать* (8), а также часть глаголов субъектного контроля, например, *планировать* (9). Заметим, что все эти глаголы употребляются в конструкциях типа (6) и (7).

(8а) *² *Маша работала, над чем я ей сказал.*

(8б) *² *Маша позвала, кого я ей сказал.*

(9а) *² *Маша работала, над чем планировала.*

(9б) *² *Маша позвала, кого планировала.*

К глаголам, допускающим употребление в FR-конструкции, относятся немногочисленные предикаты субъектного контроля,

такие, как *мочь*, *хотеть*, *надо* и, возможно, некоторые другие (10)–(11).

(10а) *Маша работала, над чем хотела.*

(10б) *Маша позвала, кого хотела.*

(11а) [?]*Маша работала, над чем было надо.*

(11б) [?]*Маша позвала, кого было надо.*

Возможным объяснением контраста между (4), (8) и (9), с одной стороны, и (5), (10) и (11), с другой стороны могло бы быть предположение о том, что эллипсис допустим только с глаголами, фигурирующими во второй группе примеров. В этом случае примеры типа (7), которые внешне неотличимы от конструкция с «настоящим» эллипсисом, могли бы трактоваться как нулевая анафора дополнения (null complement anaphora) [Hankamer, Sag 1976]. Аргументом в пользу такой трактовки является возможность прономинальной анафоры в этом же примере (7а).

(7а) *Маша работала над этой статьей, хотя я ее не просил об этом.*

Примечательно, что в (4а) использование прономинальной анафоры невозможно (12). Надо отметить, что конструкции (4)–(5) относятся к конструкциям с antecedent contained deletion (ACD), поскольку антецедентом прономинального дополнения глагола в относительном предложении является глагольная группа.

(12) **Маша работала, над чем я просил об этом.*

Можно было бы предположить, что в конструкциях с ACD по неясным причинам возможна только эллиптическая, но не анафорическая интерпретация нуля. Если бы мы могли найти независимое подтверждение этому предположению, то оно бы поддерживало бы гипотезу о невозможности эллипсиса с *просить* и его возможности с *мочь*. Ср. невозможность употребления первого, но возможность употребления второго в конструкции с ACD в обычном относительном предложении.

(13а) **Маша работала над книгой, над которой я просил.*

(13б) [?]*Маша работала над книгой, над которой могла.*

Здесь можно было бы подвести итог, однако наша гипотеза наталкивается на эмпирическую проблему. В том случае, если FR-конструкция с местоимением *что* занимает позицию прямого дополнения, то употребление в ней глагола *просить* представляется возможным (14), а поскольку анафорическая трактовка нуля здесь невозможна, мы как будто бы вынуждены вопреки нашей гипотезе говорить об эллипсисе.

(14) *Маша прочитала, что я просил/сказал.*

Возможным выходом из этого противоречия могла бы быть трактовка релятивизованного элемента в (14) как непосредственного аргумента матричного глагола в относительном предложении, иначе говоря, в (14) нет зависимого глагола в относительном предложении и, следовательно, нет и эллипсиса. Компонент значения предложения 'я просил/сказал, чтобы Маша принесла х', в этом случае возникает благодаря действию контекстных факторов.

Есть некоторые соображения в пользу такой трактовки. Во-первых, глагол *просить* (но, по непонятным причинам, не глагол *сказать*) может сочетаться непосредственно с ИГ (15).

(15) *Я просил книгу.*

Во-вторых, в конструкции типа (14) в относительном предложении может употребляться глагол *хотеть*, который очевидным образом исключает эллипсис, но сохраняет компонент значения 'я хотел, чтобы Маша принесла х'.

(14а) *Маша прочитала, что я хотел.*

В-третьих, глагол *просить*, как кажется, может в некоторых случаях встречаться в конструкциях типа (16), которые не допускают эллиптическую трактовку из-за того, что релятивизованный элемент в них (*что*) не соответствует субкатегоризации потенциального глагола-антецедента *работать*. В (16), помимо прочтения, в котором происходит релятивизация сентенциального дополнения (е.g. 'он просил меня быть внимательным и я работал над этим'), есть, как кажется, прочтение со значением 'работал над тем, над чем он просил работать'.

(16) *Я всегда работал над тем, что он просил.*

Примечателен также контраст между невозможным (5б) и возможным (14), и между АСД-конструкциями с «обычными» относительными предложениями (17б) и (17в), который, как кажется, можно было бы связать с невозможностью/возможностью ИГ быть непосредственным (пациентивным) аргументом глагола *просить*.

(17а) [?] *Маша прочитала книгу, которую я просил.*
(непосредственный аргумент)

(17б) *Маша прочитала книгу, которую смогла.* (эллипсис)

(17б) **Маша позвала человека, которого я просил.*

Таким образом, допуская, что эллипсис возможен только при ограниченном числе глаголов субъектного контроля (*мочь, хотеть, надо* и, возможно, др.), можно было бы объяснить недопустимость конструкций типа (4).

Представляет интерес вопрос о том, каким общим свойством обладают указанные глаголы субъектного контроля. Как кажется, эти глаголы можно соотнести с классом так называемых *restructuring verbs* [Wurmbrand 2001]. Как пишет Вурмбранд, этот класс глаголов не образует отдельной клаузы и сближается с вспомогательными глаголами и подобными функциональными элементами. С другой стороны, известно, что в английском языке VP-эллипсис может лицензироваться только вспомогательными глаголами и такими функциональными элементами, как показатель инфинитива *to*, но не матричными глаголом непосредственно (17) (см. [Johnson 2001]).

(18) *Mag Wildwood wants to read Fred's story, and I also want *(to).*

Напоследок добавим, что все факты, приведенные для FR-конструкций представляются верными и для соответствующих конструкций с вершиной *to* (19а) vs. (19б).

(19а) [?] *Маша работала над тем, над чем могла.*

(19б) [?] **Маша работала над тем, над чем я просил.*

Литература

- Bresnan, Grimshaw 1978 — J. Bresnan, J. Grimshaw. The syntax of free relatives in English // *Linguistic Inquiry* 9, 1978. P. 331–391.
- Hankamer, Sag 1976 — J. Hankamer, I. A. Sag. Deep and surface anaphora // *Linguistic Inquiry* 7, 3, 1976. P. 391–428.
- Johnson 2001 — K. Johnson. What VP-ellipsis can do, what it can't, but not why // M. Baltin, Ch. Collins (eds.). *The Handbook of Contemporary Syntactic Theory*, Malden, MA: Blackwell, 2001. P. 439–479.
- Wurmbrand 2001 — S. Wurmbrand. Infinitives. Restructuring and Clause Structure [*Studies in Generative Grammar* 55]. Berlin: Walter de Gruyter, 2001.

В. М. Ковальская, И. О. Кузнецов

МГУ, Москва

**НЕСТАНДАРТНЫЕ ДЕЕПРИЧАСТИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
морфология**

1. Предварительные замечания

К настоящему моменту в работах по русской морфологии не сложилось единой точки зрения на статус деепричастия как грамматической категории. Кроме того, до сих пор не существует единого описания морфологических свойств деепричастий: стандарта — правил образования — и отклонений от него (данная проблема отмечается также в работе [Добрушина 2009]).

2. Проблема

В русском языке функционируют такие деепричастия как *имев, имевши, играючи, заметя* наряду с *имея, играя, заметив*. Какие из этих форм регулярны и стандартны, а какие — нет? Возможно ли системно описать стандарт образования деепричастных форм и классифицировать отклонения от него?

Настоящая работа посвящена ответам на данные вопросы.

3. Анализ: морфологический стандарт деепричастий

На основании собственных наблюдений и опираясь на материал академических грамматик ([Виноградов, Истрина (ред.) 1960] и [Шведова (ред.) 1980]) и грамматики [Исаченко 1954/2003], мы отмечаем следующее: всякое деепричастие представляет собой сочетание определенной глагольной основы и определенного суффикса; существует пять суффиксов *-а/-я, -учи/-ючи, -в, -вши, -ши*, каждый из которых выбирается для образования стандартной деепричастной формы в зависимости от признаков глагольной лексемы и исхода ее основы.

Итак, мы представляем стандарт образования деепричастий следующим образом:

- Глаголы несовершенного вида, кроме *быть*, образуют деепричастие от основы настоящего/будущего времени присоединением суффикса *-а/-я* (*играя, смотря*);
- Глагол *быть* образует деепричастие присоединением суффикса *-учи* (*будучи*);
- Глаголы совершенного вида образуют деепричастные формы от основы прошедшего времени
  - с исходом на согласную присоединением суффикса *-ши* (*постигши*);
  - с исходом на согласную:
    - при наличии *-ся* присоединением суффикса *-вши* (*положившись*);
    - при отсутствии *-ся* присоединением суффикса *-в* (*положив*).

Мы представили правила образования деепричастных форм в виде таблицы (см. Таблица 1), где строки отражают признаки глагольных основ, а столбцы — суффиксы. Знаком «+» отмечены ячейки, отражающие стандартные образования.

Таблица 1

Вид глагола	Тип формообразующей основы	Основа глагола	Наличие <i>-ся</i>	Присоединяемый суффикс				
				<i>-а/-я</i>	<i>-в</i>	<i>-вши</i>	<i>-ши</i>	<i>-учи/-ючи</i>
НСВ	наст. вр.	<i>буд-</i>	< <i>-ся</i> , ∅>					+ <i>будучи</i>
		все, кроме <i>буд-</i>	< <i>-ся</i> , без >, < <i>-ся</i> , с >	+ <i>играя</i>				
СВ	прош. вр.	с исходом на гласную	< <i>-ся</i> , без >		+ <i>положив</i>			
			< <i>-ся</i> , с >			+ <i>положившись</i>		
		с исходом на согласную	< <i>-ся</i> , без >, < <i>-ся</i> , с >				+ <i>постигши</i>	

Из таблицы следует, что между множеством суффиксов и множеством типов глагольных основ существует взаимнооднозначное соответствие. На основании только что приведенных данных можно говорить о пяти моделях образования стандартных деепричастий, представляющих собой сочетание определенного типа основы и определенного суффикса.

4. Отклонения от морфологического стандарта

Теперь мы перейдем к рассмотрению деепричастий, образованных нестандартным образом (не отраженных в нашей таблице).

Прежде всего отметим, что наш стандарт не содержит деепричастных форм на *-миши(сь)*, хотя такие формы известны и функционируют в русском языке: *тимши* (1), *переодемишь* (2).

(1) *А мы не жрамши, не тимши, на билеты последнее истратили.* [М. А. Тарковский. Кондромо // «Октябрь», 2003]

(2) *Тут и подходит к ним ихний соблазнитель, только уж не в прежней змеиной коже, а переодемишь в партикулярное платье, разумеется.* [Л. М. Леонов. Вор. Части 1–2 (1927)]

Таким образом, к пяти стандартным моделям, рассмотренным выше, добавляется еще одна нестандартная модель на *-миши*¹. Кроме того, для наглядности представления классификации отклонений (см. ниже) модели с суффиксами *-в* и *-вши* объединены, поскольку с точки зрения стандарта они распределены дополнительно в зависимости от наличия *-ся*.

При нашем представлении о стандарте в виде пяти моделей уместно рассматривать всякое нестандартное деепричастие как результат перехода из модели, предусмотренной стандартом, в какую-либо другую². При классификации отклонений от стандарта учитывалась исходная и конечная точки перехода. При изучении нестандартных деепричастных форм на материале Национального корпуса русского языка было выявлено десять классов отклонений от стандарта, к рассмотрению которых мы теперь переходим.

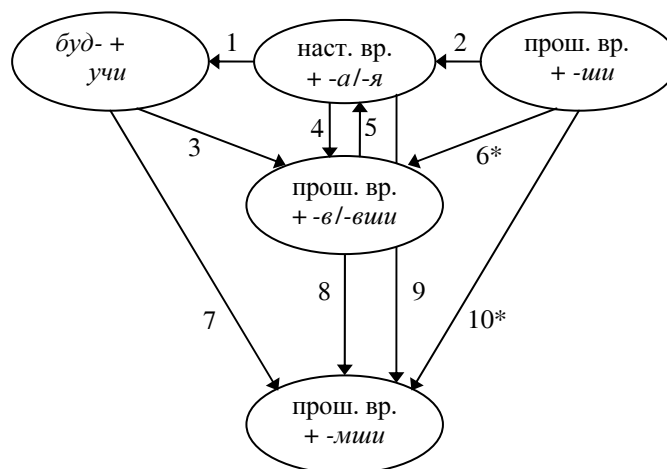
---

¹ Как будет видно ниже, существуют деепричастия на *-миши*, образованные от разных типов основ.

² Фактически переход представляет собой присоединение «нестандартного» суффикса с возможной меной формообразующей основы (см. ниже).

Наиболее удобным представлением классификации отклонений от стандарта кажется граф, в узлах которого отражены стандартные модели и модель с суффиксом *-мши*, а дугами показаны направления переходов: см. Таблицу 2.

Таблица 2

Ниже приведены примеры переходов, образующих классы отклонений от морфологического стандарта: указана стандартная форма (начальная точка перехода) и нестандартная (конечная точка) через знак «→»; номер перед примером соответствует номеру стрелки из Таблицы 2.

- 1 — *играя* → *играючи* (3)
- 2 — *прошедши*сь → *пройдясь* (4)
- 3 — *будучи* → *быв* (5), *бывши* (6)
- 4 — *зная* → *знав* (7), *знавши* (8)
- 5 — *увидев*, *прислонивши*сь → *увидя* (9), *прислонясь* (10)
- 6³ — *подвергши*(сь) → *подвергнув* (11), *подвергнувши*сь (12)
- 7 — *будучи* → *бымши* (13)
- 8 — *сбросив*, *переодевши*сь → *сбросимши* (14), *переодемши*сь (2)

³ Зд. и ниже: В нестандартном варианте выступает основа инфинитива с исходом на гласную, это обусловлено фонологически: суффиксы *-в*, *-вши* и *-мши* могут выступать только после данного типа основ.

- 9 — *валяясь* → *валя**миши**сь* (15)
 10 — *постигши* → *постигн**умши*** (15)
- (3) *Мяч летел слабо, неточно, и мальчики играючи отбивали его сильными футбольными ударами на сухую выгоревшую траву.* [А. Н. Варламов. Купавна // Новый Мир, № 11–12, 2000]
- (4) *Я пробовал приклеиться к свободным военным девахам, но и они, пройдясь со мной по улице Ольвии, вежливо уклонялись от дальнейших гуляний, особенно по саду.* [В. П. Астафьев. Обертон (1995–1996)]
- (5) *Полвека не быв в нашей стране, она снайперски ориентировалась.* [А. А. Вознесенский. На виртуальном ветру (1998)]
- (6) *Она сразу признала поэта, а он не смог ее вспомнить, не бывши дома много лет.* [Ю. А. Петкевич. Явление ангела (2001)]
- (7) *Но кто, зная тебя, не поверит тебе на слово своего имения, тот сам не стоит никакой доверенности.* [М. О. Гершензон. Мудрость Пушкина (1919)]
- (8) *Он мне рассказывал, каким образом он перевел французскую книгу — ни слова не зная по-французски.* [И. С. Тургенев. Месяц в деревне (1850)]
- (9) *И, увидя ее, он не испытал злобы к людям.* [В. С. Гроссман. Все течет (1955–1963) // «Октябрь», № 6, 1989]
- (10) *Она заплакала, прислонясь к окну, и шептала: «Зачем, зачем ты туда вернулся, братушка...»* [Б. П. Екимов. Пиночет (1999)]
- (11) *Во время гонения на христиан их схватили по причине святой веры, и подвергнув многим мучениям, посадили в тюрьму.* [Епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник (1863)]
- (12) *Из чего неизбежно следует, что леды столкнулись с какой-то ПРОБЛЕМОЙ, решить которую можно было только двумя способами: либо полностью перейдя на другой язык, либо подвергнувшись полному уничтожению (...)* [А. М. Пятигорский. Древний Человек в Городе // «Октябрь», 2001]
- (13) *Раз София Николаевна, сестрица их, бывши в их комнате, отворила клавикорд и так взяли одну акорду: «Вечерком красна девица».* [А. И. Герцен. Поврежденный (1851)]

- (14) *Из дальнейшего текста послесловия делается ясно, кого Макс Фрай, сбросивши прежних идолов с корабля современности, водрузил на их место.* [М. В. Бутов. Отчуждение славой // «Новый Мир», 2000]
- (15) *Насутился старик: «Мало чего, — говорит, — ты там, по ригам валямишься, щенок, надумаешь.* [В. М. Дорошевич. Сахалин (Каторга) (1903)]
- (16) *С чего Вы решили, что этих доказательств нет (не постигнувши даже школьного учебника)?* [Исследование пирамиды ОТКЛАДЫВАЕТСЯ до создания новых роботов группами из США и УК? (форум) 2007]

Только что мы проиллюстрировали и классифицировали известные на данный момент нестандартные деепричастия. Отметим, что в нашей работе учитываются как стилистически маркированные варианты, так и устаревшие деепричастные формы.

5. Заключение

В существующих на сегодняшний день источниках, за редкими исключениями, деепричастия часто оставляются без внимания, хотя, как мы только что видели, обладают рядом нетривиальных свойств. Мы предложили описание стандарта деепричастий в виде пяти моделей образования, а также классификацию отклонений от этого стандарта, давшую десять различных классов. Таков один из возможных подходов к исследованию поднятой проблемы, и в дальнейшем мы надеемся продолжить работу в данной области.

Литература

- Виноградов, Истрина (ред.) 1960 — В. В. Виноградов, Е. С. Истрина (ред.). Грамматика русского языка. М.: Издательство АН СССР, 1960.
- Шведова (ред.) 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
- Добрушина 2009 — Е. Р. Добрушина. *Видев и увидя: Жизнь и смерть нестандартных деепричастий* // К. Л. Киселева и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009.
- Исаченко 1954/2003 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. М.: Языки славянской культуры, 2003.

М. Б. Коношенко

СПбГУ, Санкт-Петербург

**СИНТАКСИС ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В ГВИНЕЙСКОМ КПЕЛЛЕ:
субъектные местоимения или предикативные показатели?**

1. Введение

1.1. Язык кпелле входит в группу юго-западных манде семьи манде. На нем говорят в Либерии и Гвинее (ок. 500 и 300 тыс. соответственно [Gordon (ed.) 2005]). В работе рассматривается центральный диалект кпелле, распространенный в области города Нзерекоре в Лесной Гвинее.

1.2. В настоящей работе обсуждаются особые маркеры, которые являются обязательными компонентами простого предложения в кпелле. Я покажу, что эти маркеры следует считать спрягаемыми предикативными показателями¹, а не субъектными местоимениями, как они описываются в [Gay, Welmers 1971; Leidenfrost, McKay 2005] применительно к либерийскому кпелле.

1.3. Представленные материалы собраны в ходе лингвистических экспедиций в Гвинею в 2008–2009 гг., организованной В. Ф. Выдриным².

**2. Свойства так называемых
«субъектных местоимений» в кпелле**

2.1. Синтагматика

В предложении, где подлежащее выражено полной именной группой (ИГ), так называемое «субъектное местоимение» (далее «СМ» либо «SP») следует за группой подлежащего и не может опускаться:

---

¹ См. также аналогичную интерпретацию материала языка дангуэта в [Выдрин 2009].

² Проект «Интегральное описание южных языков манде: словари, грамматики, корпуса глоссированных текстов», поддержанный грантом РГНФ 08-04-00144а.

- (1) *Péprèè *(è) pà*
Пепе 3SG приходитъ\Л
'Пепе пришел'.

Предложение без полного подлежащего грамматично:

- (2) *è pà*
3SG приходитъ\Л
'Он пришел'.

Базовый порядок слов в кпелле выглядит так: (S)–«SP»–(DO)–V.

2.2. Парадигматика

В некоторых морфосинтаксических контекстах за подлежащим, выраженным полной ИГ, следует не «СМ», а особый предикативный показатель, не изменяющийся по лицам и числам³. Это происходит в перфективе: при подлежащей эмфазе (3) — ср. (1), а также если в позиции подлежащего стоят сочиненные ИГ. Так, в (4) подлежащее выражено «простой» ИГ, а в (5а–б) — сочиненными ИГ:

- (3) *yàà bè pà*
3SG.AUT PM приходитъ\Л
'Именно он пришел'.
- (4) *ŋwéáà dī pà*
гость.PL 3PL приходитъ\Л
'Гости пришли'.
- (5а) *dà Péprèè bè pà*
3PL.и Пепе PM приходитъ\Л
'Они с Пепе (он и Пепе) пришли'.
- (5б) *gwà yé bè pà*
1PL.INCL.и 2SG.AUT PM приходитъ\Л
'Мы с тобой (я и ты) пришли'.

2.3. Семантика

Так называемые «субъектные местоимения» в кпелле изменяются по лицам и числам (см. примеры выше).

---

³ Данное правило верно только для гвинейского кпелле. В либерийском в аналогичных контекстах всегда используются «СМ».

Кроме того, «СМ» используются для различных видо-временных, а также модальных противопоставлений. Выше, в (1)–(5), представлена перфективная конструкция. В (6) первая часть высказывания является условной конструкцией, а вторая — хабитуальной, что отражается на форме «СМ»:

- (6) *ɲà*   *̀kùlǒ*,   *ɲǎ*   *wèlě*   *tòdò*
 1SG.COND уходитъ\Л 1SG.HAB песня совершать\Л
 ‘Если я ухожу, я пою песни’.

Наконец, именно с помощью «СМ» выражается отрицание:

- (7) *ɲà*   *̀kùlǒ*,   *và*   *wèlě*   *tòdò*
 1SG.COND уходитъ\Л 1SG.HAB.NEG песня совершать\Л
 ‘Если я ухожу, я не пою песни’.

Все серии так называемых «субъектных местоимений» в кпелле представлены в Таблице 1:

Таблица 1. Серии «субъектных местоимений» в кпелле

Серия	Ед. ч.			Мн. ч.			
	1	2	3	1 INCL	1 EXCL	2	3
I. Субъектная базовая	<i>ɲé</i>	<i>é</i>	<i>è</i>	<i>gǔ</i>	<i>kú</i>	<i>ká</i>	<i>dǐ</i>
II. Результативная	<i>ɲàá</i>	<i>yàá</i>	<i>àá</i>	<i>gwàá</i>	<i>kwàá</i>	<i>kàá</i>	<i>dàá</i>
III. Хабитуальная	<i>ɲǎ</i>	<i>yǎ</i>	<i>ǎ</i>	<i>gwǎ</i>	<i>kwǎ</i>	<i>kǎ</i>	<i>dǎ</i>
IV. Условная	<i>ɲà</i>	<i>yà</i>	<i>à</i>	<i>gwà</i>	<i>kwà</i>	<i>kà</i>	<i>dà</i>
V. Императивная	–	<i>∅/bè</i>	<i>è</i>	<i>kà gwè</i>	–	<i>kà</i>	<i>dǐ</i>
VI. Базовая отрицательная	<i>vé</i>	<i>hvé</i>	<i>hvè</i>	<i>gǔhvé</i>	<i>kùhvé</i>	<i>káhvé</i>	<i>dǐhvé</i>
VII. Отрицательная хабитуальная	<i>và</i>	<i>hvà</i>	<i>hvà</i>	<i>gǔhvǎ</i>	<i>kùhvǎ</i>	<i>káhvǎ</i>	<i>dǐhvǎ</i>
VIII. Сопряженная	<i>gé</i>	<i>yé</i>	<i>yě</i>	<i>gùó</i>	<i>kúó</i>	<i>káá</i>	<i>díé</i>

3. Выводы

Мы рассмотрели класс языковых единиц, которые по своим синтагматическим свойствам не могут считаться именными группами, т. к. не находятся с ИГ ни в отношениях дополнительной дистрибуции, ни в отношениях свободного варьирования, но, напротив, синтагматически сочетаются с ними (пункт 2.1.). Кроме того, интересующие нас единицы парадигматически противопоставлены

предикативным показателям, т. е. именно с ними находятся в отношениях дополнительной дистрибуции (пункт 2.2.). Наконец, обсуждаемые единицы обнаруживают спектр грамматических противопоставлений, которые значительно более характерны для глагольных групп, чем для именных (пункт 2.3.).

Перечисленные здесь соображения позволяют считать интересующие нас языковые выражения не местоимениями, а предикативными показателями, соответственно, входящими в группу сказуемого. При таком анализе получается, что кпелле — это бесподлежащий язык, или *null-subject language* (в английской терминологии), т. к. в нем возможны высказывания, подобные (2) и содержащие только группу сказуемого.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ИГ — именная группа; CM, SM — субъектное местоимение; AUT — автономный; COND — условный; EXCL — эксклюзив; HAB — хабитуалис; INCL — инклюзив; L — грамматический низкий тон; NEG — отрицание; PL — множественное число; PM — предикативный маркер; SG — единственное число.

Литература

- Выдрин 2009 — В. Ф. Выдрин. Еще раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: Местоимения или предикативные показатели? Рукопись. СПб., 2009.
- Gay, Welmers 1971 — J. Gay, W. Welmers. Mathematics and Logic in the Kpelle Language. Ibadan: University of Ibadan, 1971.
- Gordon (ed.) 2005 — R. Gordon (ed.). Ethnologue: Languages of the World, Fifteenth edition. Dallas, Tex.: SIL International., 2005. (<http://www.ethnologue.com>)
- Leidenfrost, McKay 2005 — T. E. Leidenfrost, J. S. McKay. Kpelle–English Dictionary with a Grammar Sketch and English–Kpelle Finderlist. Moscow, USA: Palaverhut Press, 2005.

А. Б. Летучий

РГГУ, Москва

**КАУЗАТИВ В ЯЗЫКЕ БЕЗ КАУЗАТИВА:
о некоторых свойствах русских каузативных глаголов**

1. Введение

В работе [Nichols et al. 2004] авторы противопоставляют два типа языков: «transitivizing» (языки, где грамматикализованы повышающие актантные деривации, например, каузатив) и «de-transitivizing» (языки, где грамматикализованы понижающие актантные деривации, например, декаузатив).

Однако ситуация, как всегда, сложнее. Вероятно, есть языки, где нет декаузатива. Однако практически во всех языках есть не(до)грамматикализованные показатели каузатива, которые нужны, чтобы выражать значения типа ‘Родители заставили Васю показать им дневник’. Даже если язык имеет грамматикализованный показатель декаузатива или лабильность, для таких случаев они малопригодны.

Ниже я хотел бы проанализировать свойства нескольких не(до)грамматикализованных показателей каузатива — глаголов *заставить*, *позволить*, *сделать* — в русском языке. В своей работе я буду основываться на анализе балкарских и адыгейских грамматических маркеров каузатива, предложенных, соответственно, в [Лютикова и др. 2006] и [Летучий 2007; Аркадьев, Летучий 2007].

2. Интерпретация временных форм

Особым образом при каузативных глаголах устроена интерпретация временных форм.

Так, при глаголе *сделать* + *N* с каузативным значением¹ настоящее время глагола *сделать* может интерпретироваться как относящееся к конечному состоянию:

---

¹ Как правило, каузативными в собственном смысле слова считаются такие глаголы, которые присоединяют в качестве зависимого название ситуации: например, *заставить* (+ Inf). Однако в работе [Queixalós 2002]

- (1) *Эта победа* делает его третьим из самых молодых победителей GP после Ивана Гои и Лориса Капиросси.

Наряду с этим возможна и конструкция с прошедшим временем:

- (1') *Эта победа* сделала его третьим из самых молодых победителей GP после Ивана Гои и Лориса Капиросси.

В (1') прошедшее время относится к событию 'победа' и одновременно — к каузативной ситуации (тогда же, когда произошла победа, субъект стал третьим из победителей). Напротив, в (1) настоящее время относится к состоянию 'быть победителем' ('в настоящее время участник является самым молодым победителем').

Сложнее дело обстоит с глаголами *позволять* и *заставлять*:

- (2) *Вчерашнее интервью президента заставляет / позволяет пересмотреть отношение к российским властям.*

Можно интерпретировать настоящее время двумя способами:

- (i) как относящееся к ситуации 'пересмотреть'.

Однако сомнительно, что в тот же момент, когда говорящий произносит (2), он уже пересматривает свое отношение к властям. Более вероятна интерпретация (ii):

- (ii) как относящееся к **возможности/необходимости** ситуации 'пересмотреть'.

Одновременно с моментом речи говорящий может или должен пересмотреть свое отношение. Именно к модальному компоненту и относится время глагола.

Такая интерпретация настоящего времени крайне необычна для русского языка, однако она встречается и в предложениях с глаголами речи. Предложения типа *Папа просит тебя зайти к нему в комнату* могут интерпретироваться как 'папа только что попросил тебя зайти к нему': при этом отличие от вариантов типа *Папа попросил тебя зайти к нему* заключается в том, что только первый вариант обязательно подразумевает актуальность просьбы: в момент речи предполагается, что она должна быть выполнена.

показано, что имеет смысл рассматривать глаголы типа *сделать* как показатели каузатива со значением каузации свойства или состояния.

Как и в случае с показателями кратности (см. ниже), конструкции с агентивными каузаторами ведут себя иначе, чем с каузаторами-ситуациями (2): так, предложение:

- (3) *Президент своим интервью **заставляет** нас пересмотреть свое отношение к власти.*

— скорее всего, семантически странно, поскольку предполагает, что каузация имеет место непосредственно в момент речи. Вероятно, нормальным в данной ситуации является выбор прошедшего времени глагола.

Впрочем, встречаются и конструкции, где время глагола *заставлять* относится не к модальному компоненту, как в (2), а к самой каузируемой ситуации. Ср., например, фразу (4):

- (4) *«Спартак» в эти минуты активнее. Ну, конечно, вчерашний проигрыш **заставляет** спартаковцев идти вперед.*

По-видимому, в (4) настоящее время можно интерпретировать как относящееся к самой каузируемой ситуации: ‘спартаковцы (сейчас) идут вперед, потому что вчера проиграли’. При каузаторе-агенте интерпретация типа (4) невозможна: например, предложение (5):

- (5) *«Спартак» в эти минуты активнее. Тренер **заставляет** спартаковцев идти вперед.*

— предполагает, что тренер в момент речи совершает действия, которые заставляют «Спартак» идти вперед ((5) нельзя понять в смысле ‘тренер своим вчерашним разговором с футболистами заставляет их сегодня идти вперед’), то есть время глагола относится к обоим подситуациям.

Интерпретация временных форм в (4) напоминает описанную в [Аркадьев, Летучий 2007] для шапсугского диалекта адыгейского языка интерпретацию форм настоящего и будущего времени:

- (6) *s-jate tәje-xe pere qә-s-j-e-ve-šәrә*
 1SG-отец яблоко-PL сегодня LOC-1SG-3SG-PRS-CAUS-собирать
 ‘Отец сегодня заставляет меня собирать яблоки (и я сегодня собираю/*буду собирать когда-то позже)’.

В (6) каузация могла иметь место раньше, однако каузируемая ситуация обязательно имеет место сегодня, то есть наречие

пере 'сегодня' и настоящее время глагола относятся к каузируемой ситуации.

3. Показатели кратности

При глаголах типа *велеть*, *приказывать* показатели *часто*, *иногда* интерпретируются в соответствии со своей позицией. Если они находятся перед глаголом *велеть* и подобными ему, они относятся только к этому глаголу:

- (7) *Король иногда просил шута выступить перед ним, но тот всего однажды выполнил просьбу.*
- (8) *Король просил шута иногда выступать перед ним.*

При глаголах *заставить* и *позволить* с каузатором-агентом дело обстоит точно так же.

Напротив, при каузаторе-ситуации с некоторыми каузативными глаголами обстоятельства могут распространять сферу действия на обе пропозиции:

- (9) *Полученные знания часто позволяют мне объективно оценивать / оценить ситуацию.*

Как правило, каузативная ситуация понимается как два подсобытия, каждое из которых имело место, причем одно вызвало второе. В данном случае имеет место **состояние**, возникшее один раз и не меняющееся — которое, однако, каждый раз является причиной каузируемой ситуации.

4. Показатели продолжительности ситуации

Показатель продолжительности ситуации *долго* в большинстве случаев относится к обеим подситуациям:

- (10) *Потребитель отомстил рынку, который долго заставлял его покупать некачественные товары.*

Большинство исключений составляют конструкции со словосочетанием *заставлять себя*:

- (11) *Я вчера долго заставлял себя заехать в магазин.*

В других случаях предложения, где *долго* относится только к каузации, кажутся сомнительными:

- (12) [?] *Папа долго заставлял меня извиниться перед тетей* (скорее следует употребить глагол *убеждать*).

Аналогичным образом ведет себя наречие *быстро*: оно тоже обычно модифицирует и каузацию, и каузируемую ситуацию: предложение:

- (13) *Папа быстро заставил меня извиниться*

— скорее всего, означает, что быстро имели место оба события.

5. Показатели временной локализации

Показатели временной локализации также отличают каузативные глаголы от других. И при агентивных каузаторах, и при каузаторах-событиях показатели должны относиться к обоим под-событиям. Ср. (14) и (15):

- (14) *Вчера отец заставил меня поехать в институт.*
(15) *Эти события заставили меня изменить отношения к Васе.*

Так, (14) означает, что отец (вчера) совершил некоторые действия, вследствие которых я (вчера) поехал в институт.

Напротив, некаузативные глаголы — например, глаголы речи с комплементами-ситуациями (*велеть, приказывать* и др.) — подобного требования не налагают. Обстоятельства временной локализации могут относиться только к каузации, не затрагивая каузируемую ситуацию:

- (16) *Вчера отец велел мне (на ближайшей неделе) поехать в институт.*
(17) *В тот же вечер король приказал шуту явиться к нему на следующий день.*

6. Заключение

Как мы выяснили, русские каузативные глаголы неожиданным образом ведут себя с обстоятельствами кратности, продолжительности ситуации и временной локализации, а также допускают интерпретацию временных форм глагола, при которых они относятся только ко вложенной (каузируемой) ситуации. В общем и целом можно сказать, что каузация и каузируемая ситуация

сильнее соединены между собой, чем это бывает в других видах полипредикативных конструкций — например, в конструкциях с глаголами речи: модификаторы, которые по своей позиции (перед каузативным глаголом) должны были бы относиться только к каузативному глаголу, в действительности «проникают» в структуре глубже, модифицируя вложенную подситуацию. Тем самым, несмотря на то, что русские показатели каузации не грамматикализованы, подсобытия каузативной ситуации демонстрируют более сильную связь, чем события в других полипредикативных конструкциях — например, с глаголами речи типа *велеть* или *просить*. Возможно, стоит считать, что это обусловлено семантикой каузативной ситуации, а не статусом конкретных показателей.

При этом различным образом ведут себя конструкции с агентивными каузаторами и с каузаторами-ситуациями. Вторые демонстрируют большую семантическую связанность ситуаций. Интересно, что в адыгейском языке, где ситуации в большой мере связаны между собой и семантически выделена каузируемая ситуация, также нередки каузативные конструкции с причинным значением:

- (18) *ruslane jə-tetež   žəve-m   jə-ve-lə-v*
Руслан 3SG-дедушка старость-ERG 3SG-CAUS-умереть-PST
'Дедушка Руслана умер от старости'.

Возможно, стоит предположить, что такого рода «причинные» каузативы вообще предполагают более сильную связанность событий. Это особенно интересно в свете того, что согласно многим исследованиям, они не отвечают критериям прототипического каузатива (прототипический каузатор одушевлен и/или агентивен). В этом смысле возникает парадоксальная ситуация, когда два параметра, характеризующих прототипические каузативные конструкции (высокая степень связанности подсобытий и агентивность каузатора) не коррелируют между собой, а противоречат друг другу.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; CAUS — каузатив; ERG — эргатив; LOC — локатив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Аркадьев, Летучий 2007 — П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий. Типологически нетривиальные свойства морфологического каузатива в русском языке // Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай (ред.). Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб.: Нестор — История, 2007. С. 10–15.
- Летучий 2007 — А. Б. Летучий. Адыгейский каузатив: синтаксис и структура ситуации // *Grammar and Pragmatics of Complex Sentences in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA 3)*. Book of abstracts. Tomsk, 2006. P. 120.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Nichols et al. 2004 — J. Nichols, D. Peterson, J. Barnes. Transitivity and de-transitivity // *Linguistic Typology* 8, 2, 2004. P. 149–211.
- Queixalós 2002 — F. Queixalós. The notion of transfer in Sikuanian causatives // M. Shibatani (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamin, 2002. P. 319–339.

Е. С. Лучина

МГУ, Москва

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ БОЛИ В МУЖЕВСКОМ ГОВОРЕ¹ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

Исследование посвящено глаголам, выражающим понятие боли, при этом под болью понимаются любые неприятные физиологические ощущения. Сбор данных проводился для проекта «База данных по типологии лексического выражения боли» по его анкетам (авторы анкет А. А. Бонч-Осмоловская, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова). Описание типологической картины, полученной в ходе проекта, можно найти в [Бонч-Осмоловская и др. 2008].

1. Глаголы боли

Глаголы, обозначающие боль, делятся на три группы: глаголы с общей семантикой, специальные глаголы и глаголы-метафоры.

В мужевском говоре два основных глагола со значением ‘болеть’: *v'is'ny* и *dojmyny*. Первый из них связан с болезнью (одно из значений — ‘болеть какой-либо болезнью’), второй — с повреждением (каузатив от него обозначает ‘ушибиться’). Глаголом *v'is'ny* с большей вероятностью будет обозначена боль с внутренней или неизвестной причиной, а глаголом *dojmyny* — с внешней причиной и меньшей интенсивностью.

Специальные глаголы — это лексемы, обозначающие только один тип боли (*pod'd'oony* ‘неметь’) или сочетающиеся только с определенными частями тела (*juzedny* ‘болеть (о зубах)’).

Большая часть болевых глаголов — глаголы, у которых болевое значение не является исходным и основным, а возникает в результате переноса значения. Источниками метафор обычно становятся глаголы из нескольких семантических групп, выделенных в [Бонч-Осмоловская и др. 2007]. В мужевском говоре были найдены примеры метафор для каждой из основных групп:

---

¹ Исследование проведено в ходе экспедиции МГУ в с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО (грант РГНФ № 09-04-18039е).

- горение
mores ules sote ‘под грудью жжет (об изжоге)’
- разрушение инструментом
lyes pis'kede — ‘кости сверлит’
- разрушение руками
kues Zugalema ‘кожу натерло’ (*Zigoony* ‘ломать’)
- воздействие руками
kEdids'is nyres Ceprale ‘от мороза нос щиплет’
- саморазрушение
jure pote ‘голова лопается (от перепадов давления)’
- деформация
menčum s'Elem'es pyd'rale ‘мое сердце выжимает’
- преграждение, препятствие
p'el'es tupke ‘уши перегораживает’
- движение
kok'es b'ergedle ‘ноги крутит’
- звук
m'enam pel'am зууге ‘у меня в ухе зудит’
- другие примеры:
s'inmes zurte ‘глаз натирает (если попала соринка)’
koke pue — ‘ноги кипят (от усталости)’
kyle lude — ‘язык чешется (от кислого, горького)’

2. Вторичные метафоры

Как отмечено в [Бонч-Осмоловская и др. 2007], для описания душевных состояний могут использоваться те же глаголы, что для обозначения боли. В мужевском говоре было найдено несколько подобных конструкций со словом *s'Elem* ‘сердце’. Стоит отметить, что в них используются конструкции с глаголами из тех же семантических групп, но обычно не занятые под обозначение физической боли. Язык избегает двухступенчатых переносов, а единственный контрпример указывает на возможное независимое развитие метафор:

- (1) *s'Elem'-es*   *n'akal'-e*,
 сердце-ACC.POSS1SG   сосать-PRS.3SG
ruz'ed   *S'aj*
 кипятить.IMP   чай
 'У меня сосет под ложечкой <от голода>, вскипяти чай!'
- (2) *m'enčum*   *s'Elem'-es*   *n'akal-e*
 я.GEN2   сердце-ACC.POSS1SG   сосать-PRS.3SG
 'Сердце щемит <от неприятных мыслей> (букв. 'мое сердце сосет').

3. Концептуализация боли

В [Бонч-Осмоловская и др. 2008] предложена классификация типов боли, опирающаяся на сочетаемость глагольных лексем из разных семантических классов с частями тела. Нам приходится рассматривать эту систему с точки зрения морфологии, так как в мужевском говоре важные смысловозначительные противопоставления возникают внутри одной лексемы. Аффиксы нередко вносят изменения значения, несвойственные им при описании неболевых ситуаций.

3.1. Направленность боли

Боль часто может восприниматься как распространяющаяся по вектору или траектории, а также быть «неподвижной». В коми-зырянском языке при названиях частей тела всегда употребляется посессивное склонение. Одна из особенностей этого склонения — **совпадение эссива и иллатива**, что размывает противопоставление статической и динамической боли:

- (3) *ly-jas-am*   *m'enam*   *byČk'-e*
 кость-PL-ESS/ILL.POSS1SG   я.GEN1   колоть-PRS.3SG
 'У меня колет в костях/кости'.

3.2. Локализация боли

Точечная боль не имеет специального морфологического выражения, зато боль, охватывающая всю поверхность органа, маркируется суффиксом *-oo-/loo-/al-/lal-* — **дистрибутивным** либо **итеративным** показателем, требующим **множественности объекта**. Кроме того, этот суффикс указывает одновременно на множественный и постоянный процесс:

- (4) *kok-e m'enam kym'-is,*
нога-POSS1SG я.GEN1 замерзнуть-PST.3SG
i kok-es jom-al-e
и нога-ACC.POSS1SG жечь-DISTR-PRS.3SG
'Мои ноги замерзли, и их покалывает'.

3.3. Интенсивность боли

Боль с перепадами интенсивности отмечается суффиксом *-ed-*, прямое значение которого — **итеративное/семельфактивное**:

- (5) *v'is'e* 'болит' → *v'is'ede* 'побаливает'

3.4. Распределенность боли во времени

3.4.1. *Мгновенная боль*. В мужевском говоре на мгновенную боль указывают глаголы с аттенуативным суффиксом *-ySt-/iSt-*:

- (6) *kud' lyj-iSt-Ys kok-am*
как стрелять-SEM-PST.3SG нога-ESS/ILL.POSS1SG
'В ноге/в ногу у меня стрельнуло'.

Но если глагол описывает статичное состояние, ставшее результатом физического воздействия, используется I или II **прошедшее время** (II прошедшее, одно из значений которого — **результативное**, усиливает этот эффект):

- (7) *Sondy-s'is sinm-es Ceg-i*
солнце-EL.POSS3SG глаз.OBL-ACC.POSS1SG ломать-PST.3SG
'От солнца заболели глаза' (букв. 'У меня сломало глаза').
(употребление настоящего времени ставится носителями под сомнение)

- (8) *kok-se zel'ed-ema*
нога-ACC.POSS3SG стянуть-PST2
'Ногу свело судорогой'.

3.4.2. *Длительная боль*. Если длительная боль предстает как множественный процесс, используются **мультипликативные** показатели: *-oo-/loo-/al-/lal-* (см. выше) и *-l-*.

- (9) *jur-am lyi-l-e*
голова-ESS/ILL.POSS1SG стрелять-MULT-PRS.3SG
'Голова трещит' (букв. 'В голове/в голову стреляет').

- (10) *pel'am*   *lyi-l-e*
 ухо-ESS/ILL.POSS1SG   стрелять-MULT-PRS.3SG
 'В ухе/в ухо постреливает'.
- (11) **pel'am*   *ly-e*
 ухо-ESS/ILL.POSS1SG   стрелять-PRS.3SG
 Ожид.: 'В ушах стреляет'.

4. Концептуализация частей тела

В исследованном говоре существуют пары переходных и непереходных глаголов, противопоставленных по падежу, которым выражается название части тела: NOM/ACC. Иногда может образовываться глагол, который не употребляется в неметафорическом значении. Так, глагол *pyd'roony* имеет прямое значение 'выжимать (например, белье)' и переносное болевое значение, как в примере ниже, тогда как производный от него непереходный коррелят *pyd'ras'ny* употребляется только в метафорических контекстах.

- (12) *s'Elem'-e*   *m'enam*   *pyd'ras'-e*
 сердце.POSS1SG   я.GEN1   выжимать.DETR-PRS.3SG
menčum   *s'Elem'-es*   *pyd'ral-e*
 я.GEN2   сердце-ACC.POSS1SG   выжимать-PRS.3SG
 'У меня сердце выжимает'.

Это позволяет делать выводы о квазиагентивности частей тела ('сердце', будучи оформлено номинативом, воспринимается как активный орган).

5. Колебания управления

В мужевском говоре есть несколько глаголов, управление которых колеблется. Перенос глагола из одной семантической области в другую может сопровождаться сменой модели управления. В мужевском говоре есть несколько болевых глаголов, при которых части тела употребляются то в номинативе, то в аккузативе.

Особняком среди них стоит *buSkynu* 'прокалывать', который в болевых контекстах употребляется с аккузативом (ожидаемое управление и единственно возможный способ кодирования объекта в прямом употреблении этого глагола), с локативом (т. к. в семантике

заложена точечность боли) и с номинативом (с названиями внутренних органов).

Два других глагола, *jukoony* и *jomtyny*, потеряли связь со своими словообразовательными гнездами, превратившись в болевые глаголы с широкой сочетаемостью. Первый из глаголов означает ‘раскалывать на лучинки’, о чем вспомнили только два носителя, второй некогда принадлежал к семантической области горения (ср. *joms'eny* ‘тлеть’).

Кроме того, важным фактором, что в частности видно на примере этих двух глаголов, является смешение показателей актантной деривации с аспектуальными, вызванное их совпадением и постепенной утратой продуктивности у каузативных суффиксов. Так, показатель *-t-* в глаголе *jomtyny* может быть каузативным или семельфактивным, показатель *-oo-* в глаголе *jukoony* — непродуктивным суффиксом актантной деривации и дистрибутивным суффиксом.

Так как опора на семантику исчезла (в связи с устареванием прямых значений глаголов *jukoony* и *jomtyny*), а внешний вид глагола не позволяет судить об управлении, мы наблюдаем колебания:

(13a) *s'Elem'-e*   *jomt-e*
 сердце-POSS1SG   жечь-PRS.3SG
 ‘Сердце жжет’.

(13б) *s'Elem'-es*   *jomt-e*
 сердце-ACC.POSS1SG   жечь-PRS.3SG
 ‘Сердце жжет’.

(14a) *ki-e*   *jukal-e*
 рука-POSS1SG   болеть-PRS.3SG
 ‘Рука болит’.

(14б) *ki-es*   *jukal-e*
 рука-ACC.POSS1SG   болеть-PRS.3SG
 ‘Рука болит’.

Список условных сокращений

1, 3 —лицо; ACC — аккузатив; DETR — детранзитивизатор; DISTR — дистрибутив; EL — элатив; ESS — эссив; GEN1 — первый генитив; GEN2 —

второй генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; MULT — мультипликатив; NOM — номинатив; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; PRS — настоящее время; PST2 — второе прошедшее время; SEM — семельфактив; SG — единственное число.

Литература

- Бонч-Осмоловская и др. 2007 — А. А. Бонч-Осмоловская, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива // Труды международной конференции «Диалог 2007». М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 76–82.
- Бонч-Осмоловская и др. 2008 — А. А. Бонч-Осмоловская, С. Р. Мерданова, Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова. «Частные типологии» в лексике: лексическое поле боли // Фонетика и нефонетика: к 70-летию С. В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 539–552.

Н. С. Матвеева

МГУ, Москва

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ТАКСОНОМИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

1. Введение

В этой статье нас будет интересовать разбиение на таксономические категории тематического класса ментальных глаголов, то есть тех, в семантике которых есть общий компонент — отсылка к состоянию сознания некоторого субъекта, или к изменению его состояния сознания.

Мы будем использовать таксономические категории, модификацию классификации З. Вендлера [Vendler 1967] с учетом контролируемости, предложенную Е. В. Падучевой в [Падучева 1996: 103].

Можно заметить существование двух подходов к построению аспектологического исследования: один предполагает всестороннее исследование нескольких глагольных лексем (ср. [Храковский 2007], в которой подробно разбираются три глагола *строить*, *сидеть*, *любить*; [Булыгина, Шмелев 1989], где исследуется 7 пар ментальных глаголов), другой — изучение более обширных групп глаголов, объединенных каким-либо общим свойством (ср. [Падучева 2004: 197 и далее] о глаголах восприятия; [Гловинская 1982] о градативах). Наша работа выполнена в рамках этого последнего подхода, исследование именно тематического класса ментальных глаголов с точки зрения аспектологии представляет интерес по следующим причинам. Во-первых, это внесет вклад в системные представления об устройстве глагольной лексики, как любое корпусное исследование в противовес изучению на отдельно выбранных примерах. Во-вторых, известно, что некоторые тематические классы глаголов обладают ярко выраженным тяготением к какой-либо одной таксономической категории: так, например, бытийные глаголы и глаголы восприятия являются состояниями, а глаголы движения и создания — предельными действиями. Интересно исследовать, нет ли среди ментальных глаголов тяготения к какой-то одной таксономической категории.

Итак, задача этого исследования — на представительном корпусе ментальных глаголов изучить тенденции распределения их по таксономическим категориям, выявить более и менее частотные и исследовать системные корреляции между различными таксономическими подкатегориями ментальных глаголов.

2. Диагностики принадлежности к таксономическим категориям

2.1. ТК стативы

Глаголы этого ТК описывают ситуацию, длящуюся во времени без приложения усилий со стороны кого-либо из участников и не имеющую цели или внутреннего предела. Примеры состояний: *верить, знать, полагать, сомневаться* и другие.

- выражаются глаголами НСВ;
- не имеют парного СВ;
- не имеют актуально-длительного значения;
- не сочетаются с обстоятельствами срока действия;
- не сочетаются с обстоятельствами длительности действия;
- не сочетаются с обстоятельством цели.

2.2. ТК деятельности и неопредельные процессы

Относящиеся к этому ТК глаголы описывают ситуацию, динамично развивающуюся во времени, но не имеющую естественного внутреннего предела. Ситуации, имеющие целеполагающего субъекта, относятся к ТК деятельности, не имеющие такового — к неопредельным процессам. Здесь и далее мы будем использовать сочетаемость с обстоятельством цели в качестве теста на различение контролируемых и неконтролируемых ТК [Падучева 1996: 144]. В качестве примеров деятельности можно назвать такие глаголы, как *гадать, размышлять, фантазировать*, пример неопредельного процесса — *думаться <что>*.

- выражаются глаголами НСВ;
- не имеют парного СВ;
- имеют актуально-длительное прочтение;
- сочетаются с обстоятельствами длительности действия;
- не сочетаются с обстоятельствами срока;
- деятельности сочетаются с обстоятельствами цели, неопредельные процессы не сочетаются.

2.3. ТК предельные действия и предельные процессы

Если до этого мы имели дело с ТК, к которым относились глаголы только одного (несовершенного) вида, то эти ТК включают в себя непременно видовые пары глаголов: пара глаголов называется предельной, если СВ обозначает изменение состояния, а НСВ — одну из фаз процесса или деятельности, приводящих к этому изменению состояния. Примерами предельных действий являются *изучить — изучать, вывести — выводывать* и др., предельных процессов — *отгадать — отгадывать*.

- имеется видовая пара,
- НСВ имеет актуально-длительное прочтение;
- НСВ сочетается с обстоятельствами длительности действия;
- СВ сочетается с обстоятельствами срока действия;
- и СВ, и НСВ сочетается с наречием *постепенно* или выражением «X за X» (см. [Braginsky, Rothstein 2008]);
- для предельных действий и СВ, и НСВ сочетаются с обстоятельствами цели, для предельных процессов не сочетаются.

2.4. ТК действия с акцентом на результате и происшествия

Это глаголы, описывающие моментальный переход, то есть «переход в новое состояние, который мыслится как скачок, а не как развертывающийся во времени процесс» [Падучева 1998: 41]. В качестве примеров действий с акцентом на результате можно назвать такие глаголы, как *смекнуть, предположить, напомнить* и другие, примеры происшествий — *забыть, ошибиться*.

- выражаются глаголами СВ;
- парный НСВ отсутствует или не имеет актуально-длительной интерпретации;
- не сочетаются с обстоятельствами длительности действия;
- не сочетаются с обстоятельствами срока действия,
- действия с акцентом на результате сочетаются с обстоятельствами цели, происшествия не сочетаются с ним.

3. Результаты разбиения ментальных глаголов на таксономические категории

После исследования 380-ти видовых пар ментальных глаголов на соответствие вышеприведенным диагностикам был получен

следующий результат их разбиения на таксономические категории. Ниже мы дадим обоснование такого разбиения, продемонстрировав результаты применения упомянутых выше тестов к нескольким представителям каждого из получившихся классов.

Таблица 1

статив				56	15%
деятельность	37	10%	непредельный процесс	2	1%
предельное действие	83	22%	предельный процесс	4	1%
действие с акцентом на результате	139	36%	происшествие	59	15%
всего				380	

Из таблицы видно, что треть (36%) ментальных глаголов относится к действиям с акцентом на результате, а если добавить к ним происшествия, в сумме они составят более половины (52%). Это такие глаголы как *вообразить*, *понять*, *выдумать*, *забыть* и другие. То, что именно эти таксономические категории оказались самой частотной среди ментальных глаголов, порождает гипотезу о том, что большая часть мыслительных операций мыслится как происходящая резко, скачком:

- (1) *И вдруг я ее узнал, причем безошибочно, сразу.* [Сергей Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература», № 9, 1990]¹

Следующий по частотности класс (22%) — предельные действия, такие как *объяснить* — *объяснять*, *придумать* — *придумывать*, *разобраться* — *разбираться*.

- (2) *⟨...⟩ русские императоры постоянно **объясняли** Наполеону, кто подлинный наследник Римской империи, и **объяснили**.* [Григорий Ревзин. Очерки по философии архитектурной формы (2002)]

Стативы составляют третью по величине (15%) таксономическую категорию ментальных глаголов, сюда входят такие глаголы, как *знать*, *надеяться*, *сомневаться*.

¹ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка <http://ruscorpora.ru>.

- (3) *Вообще, Андрей сомневался, что люди, которых он встречает на крыше, лезут на нее с какой-нибудь определенной целью.* [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)]

Наконец, самый малочисленный (10%) класс ментальных глаголов — деятельности. Очевидно, семантика деятельности, подразумевающая приложение усилий без направленности на конечный результат, входит в противоречие с концептуализацией мыслительных процессов. В качестве примеров можно привести такие глаголы, как *гадать* и *фантазировать*:

- (4) *А ведь когда он был твоим аспирантом, как вы грандиозно фантазировали о вариантах зарождения жизни в космосе.* [Роман Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002)]

Обращает на себя внимание тот факт, что неконтролируемость в классе ментальных глаголов нормально сочетается только с идеей мгновенного перехода в другое состояние, на это указывает практически полное отсутствие предельных и непредельных процессов.

4. Системные корреляции между таксономическими категориями

Известно, что между таксономическими категориями существуют регулярно проявляющиеся (системные) корреляции. Так, например, опущение прямого объекта превращает предельное действие в деятельность: *читать книгу* (предельное действие) — *читать* (деятельность), см. [Dowty 1991]. Я исследовала, какие специфические системные корреляции можно выявить для тематического класса ментальных глаголов, и обнаружила три основных случая.

Во-первых, это свойства (подкласс стативов), производные от предельных действий, ср. значение глагола в (6), производное от его значения в (5):

- (5) *А потом наш незаменимый Валера Гибельштраф взял машинку — раз-раз, **перемножил**, и получилось все про все 300 долларов за весь вечер.* [Сергей Юрский. Осенний бал (1993)]
- (6) *Он трехзначные цифры в уме **перемножает** и всегда помнит дни получки и аванса.* [Лион Измайлов. Профессионалы (1978)]

Во-вторых, у глаголов, являющихся действиями с акцентом на результате (7), может образовываться значение деятельности (8):

- (7) *26-летний фармацевт Спиридонов изобрел и **испытал** на себе эликсир бессмертия.* [Никита Богословский. Заметки на полях шляпы (1997)]
- (8) *Дочь **испытывала** синицу на храбрость: положила руку у самых семечек и шевелила пальцами (...)* [Татьяна Набатникова. День рождения кошки (2001)]

И в-третьих, обнаруживается проблема, которую я обозначила как проблему совершенных состояний. Она заключается в следующем: от самой многочисленной таксономической категории ментальных глаголов, действий с акцентом на результате, регулярным образом образуются имперфективы, которые могут обозначать состояние, наступающее после события, обозначаемого СВ (*понять — понимать, предположить — предполагать* и др.). Таких видовых пар очень много, и во многих из них у морфологически производного НСВ развивается гораздо более мощный пласт значений, чем у морфологически непроизводного СВ, так что в узусе и в сознании носителей НСВ отводится более весомая роль.

И это противоречие между морфологической производностью и реальной первичностью в значениях и употреблении провоцирует возникновение интересных явлений, которые должны стать объектом отдельного исследования.

5. Заключение

Таксономическая классификация позволяет разбить видовые пары русских ментальных глаголов на крупные классы, демонстрирующие единство грамматического поведения. Проведенное корпусное исследование показало, что среди ментальных глаголов преобладают действия (в первую очередь моментальные) и почти отсутствуют деятельности.

Между таксономическими категориями ментальных глаголов имеются системные корреляции, такие как свойства, производные от предельных действий, и деятельности, производные от моментальных действий. Проблема совершенных состояний представляет интерес для дальнейшего изучения.

Литература

- Бульгина, Шмелев 1989 — Т. В. Бульгина, А. Д. Шмелев. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 31–54.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 1998 — Е. В. Падучева. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // *Russian Linguistics* 22, 1998. P. 35–58.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Перцов 2001 — Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Храковский 2007 — В. С. Храковский. Грамматический потенциал глагольной лексемы // *Зборник Матице српске за славистику* 71–72, 2007. С. 73–88.
- Braginsky, Rothstein 2008 — P. Braginsky, S. Rothstein. Vendler classes and the Russian aspectual system // *Journal of Slavic Linguistics* 16, 1, 2008. P. 3–55.
- Dowty 1991 — D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // *Language* 67, 3, 1991. P. 547–619.
- Vendler 1967 — Z. Vendler. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1967.

П. С. Митева

МГУ, Москва

СИНТАКСИС НОМИНАЛИЗАЦИИ В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА¹

Стратегия номинализации является довольно распространенным способом оформления актантных предложений в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Эта стратегия используется при перцептивных предикатах, предикатах мышления и речи, аффективных, эмотивных предикатах, части модальных и фазовых предикатов.

1. Формообразование

Номинализация в ижемском диалекте образуется при помощи показателя *-em-*, который используется также для образования пассивных причастий прошедшего времени. Номинализованный предикат сохраняет часть глагольных свойств, а именно способность принимать **видовые суффиксы** и **суффиксы актантной деривации**.

Показатели времени к номинализованному предикату присоединяться не могут; зависимая предикация, оформленная именем действия, не имеет собственной временной референции. Временная референция зависимой предикации определяется (а) ограничениями, которые накладываются матричным предикатом, и (б) более широким контекстом, всей ситуацией.

Номинализованный предикат приобретает также именные показатели **падежа, посессивности и числа** (при множественности ситуаций):

- (1) *me təd-a*   *aj-e-lys'*   *kerka*
я   знать-NPST.1SG   отец-POSS.1SG-GEN2   дом
kar-em-jas-se
делать-NMZ-PL-ACC.POSS.3SG
'Я знаю, что отец строил дома'.

---

¹ Материал был собран в с. Мужы Ямало-Ненецкого АО в ходе лингвистической экспедиции под руководством А. И. Кузнецовой и С. Ю. Толдовой (18.07.09–10.08.09).

2. «Внешний синтаксис»

Номинализованная предикация употребляется в тех же синтаксических позициях, что и именная группа. Интересной особенностью стратегии номинализации при оформлении актантных предложений является тот факт, что матричные предикаты могут изменять управление. Номинализированный предикат «стремится» быть оформленным структурным падежом — номинативом или аккумулятивом. Так, например, стимул при глаголе *бояться* должен быть оформлен элативом (2). В том случае, когда стимул выражается номинализованной предикацией, наряду с элативом также становится возможным аккумулятив (3):

- (2) *d'et'ina-ys*   *pol-e*
 мальчик-POSS.3SG   бояться-PRS.3SG
pon-jas-s'is   /   *pon-jas-se
 собака-PL-EL.POSS.3SG   собака-PL-ACC.POSS.3SG
 'Мальчик боится собак'.
- (3) *d'et'ina-ys*   *pol-e*   *aj-ys-lys'*
 мальчик-POSS.3SG   бояться-PRS.3SG   отец-POSS.3SG-GEN2
mun-em-se   /   *aj*   *mun-em-s'is*
 уйти-NMZ-ACC.POSS.3SG   отец   уйти-NMZ-EL.POSS.3SG
 'Мальчик боится ухода отца'.

Изменение управления происходит по-разному. Для глаголов, которые управляют и аккумулятивом, и послеложной конструкцией, в конструкции с номинализацией зависимого предиката предпочтительным становится аккумулятив (так ведут себя глаголы *pəmn'itny* 'помнить', *tədnny* 'знать, верить', *v'is'to:ny* 'говорить, сказать', *vunədc'iny* 'забыть'). Глагол *čəktyny* (в значении 'разрешать') имеет валентность только на предикацию, но не имя, однако допускает при себе номинализированный предикат в аккумулятиве.

3. Оформление актантов номинализованного предиката

Оформление актантов номинализованного предиката зависит от синтаксической позиции номинализации.

В том случае, когда номинализация занимает позицию подлежащего или прямого дополнения, субъект номинализации оформляется генитивом (неоформленность возможна только в контексте

типа (4)); прямое дополнение не оформляется (даже в тех случаях, когда в финитном предложении обязательно оформление посесивным показателем); все остальные участники ситуации оформляются как в финитном предложении.

- (4) *nyl-ys-ly*   *ləs'al-e*   *d'et'ina*
 девочка-POSS.3SG-DAT   нравится-PRS.3SG   мальчик
vid'ad-em-ys   *sy vyle*
 смотреть-NMZ-POSS.3SG   он   на
 'Девочке нравится, когда мальчики (вообще) смотрят на нее'. / 'Девочке нравятся мужские взгляды'.

Оформление актантов номинализации, стоящей в косвенном падеже или послеложном контексте, обладает своими особенностями.

4. Синтаксическая структура номинализации

В разных языках номинализация имеет различную синтаксическую структуру ([Сердобольская, Минор 2005; Лютикова, Гращенко 2008; Сердобольская 2008] и др.) Существующие возможности схематически представлены в (5):

- (5)   DP/NP
           3
           TP/vP/VP...

4.1. DP или NP?

Возможность постановки перед номинализованной предикацией указательного местоимения указывает на то, что номинализация представляет собой NP:

- (6) *me pəm'n'it-a*   (*pet'alys'*)   *etije*   (*pet'alys'*)
 я   помнить-NPST.1SG   Петя-GEN2   этот   Петя-GEN2
vo-em-se   (*pet'a-lys'*)
 приходит-NMZ-ACC.POSS.3SG   Петя-GEN2
 'Я помню этот Петин приход'.

4.2. Какая составляющая номинализуется?

Невозможность употребления в номинализованной предикации наречий времени (7) говорит о том, что TP не входит в структуру номинализации (обычно считается, что наречия времени

являются адъюнктами TP (см., например, [Thompson 1994]). Об этом свидетельствует также невозможность употребления в номинализации показателей отрицания, которые в данном языке представляют собой финитные глаголы, имеющие показатели времени (8):

- (7) *me vunedč'-i tenčid *təryt / ^{OK}tərytt'a*
 я забыть-1SG.PST ты.GEN2 вчера вчера.ATR
mun-em-te ydžyd kar-e
 уйти-NMZ-ACC.POSS.2SG большой город-ILL
 'Я забыл, что ты вчера ездил в город'.

- (8) **me pəmn'it-a mam-e-lys' iz /*
 я помнить-NPST.1SG мама-POSS.1SG-GEN2 NEG.PST.3
oz vo-em-se
 NEG.NPST.3 приходить-NMZ-ACC.POSS.3SG
 Ожид.: 'Я помню, что мама не пришла'.

В то же время возможность наречий образа действия при номинализованном предикате указывает на то, что номинализуется (как минимум) VP:

- (9) *me kyl-y sylys' s'əkt-a / *s'əkyd*
 я слышать-PST.1SG он.GEN2 тяжелый-ADV тяжелый
dyšyt-em-se
 дышать-NMZ-ACC.POSS.3SG
 'Я слышу его тяжелое дыхание'.

Возможность номинализации каузативных глаголов (10), конструкций с вторичными предикатами (11) указывает на то, что номинализованная составляющая содержит также узел vP:

- (10) *me ig təd sylys' jort*
 я NEG.PST.1 знать он.GEN2 друг
vo-jəd-em-sə
 приходить-CAUS-NMZ-ACC.POSS.3SG
 'Я не знала, что она с собой привезет друга (жениха)'.
- (11) *me ad'd'il-y sylys' myd'-ema / gaža*
 я видеть-PST.1SG он-GEN2 устать-PART веселый
vo-em-se
 приходить-NMZ-ACC.POSS.3SG
 'Я видел, как он пришел усталый/веселый'.

Таким образом, в ижемском диалекте номинализуется либо vP, либо составляющая, расположенная между vP и TP.

4.3. Порядок слов в номинализации

Прямое дополнение в номинализации занимает позицию перед номинализованным предикатом. Какие-либо перестановки прямого дополнения (S V DO, DO S V) в номинализации не допускаются (в то время как в финитном предложении перестановки прямого дополнения возможны). Прямое дополнение не может служить ответом на вопрос (12):

- (12) *myj lyd'd'-em tenyd ləs'al-e?*
 что читать-NMZ ты.DAT нравиться-3SG
 — *kn'iga *(lyd'd'-em)*
 книга читать-NMZ
 'Что тебе нравится читать? — Книгу'.

Также, как правило, не допускается постановка наречия образа действия между прямым дополнением и номинализованным предикатом:

- (13) *me təd-a aj-e-lys' kerka (ʔəd'd'a)*
 я знать-NPST.1SG отец-POSS.1SG-GEN2 дом быстро
kar-em-se
 делать-NMZ-ACC.POSS.3SG
 'Я знаю, что отец (быстро) построил дом'.

Все это позволяет говорить о сильной связи прямого дополнения и номинализованного предиката.

В отличие от прямого дополнения, субъект номинализации, оформленный генитивом, демонстрирует достаточно свободное синтаксическое поведение: возможна его перестановка (14), разрыв главной предикацией (15), субъект номинализации может служить ответом на вопрос (16):

- (14) *m'e təd-a*
 я знать-NPST.1SG
(zonm-ys-lys') *n'an'*
 сын-POSS.3SG-GEN2 хлеб
n'əb'-em-se (zonm-ys-lys')
 купить-NMZ-ACC.POSS.3SG сын-POSS.3SG-GEN2
 'Я знаю, что мальчик купил хлеб'.

- (15) *aj-e-lys' mi təd-am kerka kar-em-se*
отец-POSS.1SG мы знать-NPST.1PL дом делать-NMZ-ACC.POSS
'Мы знаем, что отец построил дом'.
- (16) *kod-lən kn'iga lyd'd'-em-ys tenyd*
кто-GEN1 книга читать-NMZ-POSS.3SG ты.DAT
un-džyk les'al-e? — pet'a-len / *pet'a
много-COMP нравиться-3SG.PRS Петя-GEN1 Петя
'Чье чтение книги тебе больше нравится? — Петино'.

Такими же особенностями обладает генитивное зависимое в именной группе.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; ATR — атрибутив; CAUS — каузатив; COMP — сравнительная степень; DAT — датив; EL — элатив; GEN1 — первый генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; NEG — отрицание; NMZ — номинализатор; NPST — непрошедшее время; PART — причастие; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Лютикова, Гращенков 2008 — Е. А. Лютикова, П. В. Гращенков. Номинализация и семантико-синтаксический интерфейс // В. А. Плуноян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации: сборник статей. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 171–230.
- Сердобольская 2008 — Н. В. Сердобольская. Номинатив в номинализации: субъект зависимой предикации или именное зависимое // В. А. Плуноян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации: сборник статей. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 314–347.
- Сердобольская, Минор 2005 — Н. В. Сердобольская, С. А. Минор. Конструкции с нефинитными формами глагола в коми-зырянском языке (печорский диалект) // А. Е. Кибрик (ред.). Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1: Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. М.: Новое издательство, 2005. С. 145–172.
- Thompson 1994 — E. Thompson. The syntax and semantics of temporal adjunct clauses // *Studies in the Linguistic Sciences* 24, 1/2, 1994. P. 419–428.

А. В. Морозова

СПбГУ, Санкт-Петербург

**ПАДЕЖНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ОБЪЕКТА КАК СРЕДСТВО
ВЫРАЖЕНИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ
В ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ**

1. Характеристика прямого дополнения в эстонском

Эстонский язык относится к языкам, в которых отсутствует категория вида как формообразующая глагольная категория, однако, безусловно, в нем имеются средства выражения аспектуальности. Традиционно полагают ([Erelt, Metslang 2003; Tamm 2006; Vihman 2004; Pool 2007] и др.), что одним из таких средств является падежное оформление объекта транзитивного глагола. Прямое дополнение в эстонском языке может оформляться тремя падежами: номинативом, генитивом и партитивом. Немаркированным падежом объекта является партитив (1), его употребление также говорит о том, что объект задействован частично. Генитив и номинатив оформляют объект в том случае, если он задействован полностью (2). При этом следует отметить, что номинатив как падеж прямого дополнения при транзитивном глаголе в личной форме, стоящем в изъявительном наклонении, употребляется в том случае, если количественно целостный объект имеет форму множественного числа.

- (1) *Mari-∅ ost-is raamat-ut.*
Мари-NOM.SG покупать-3SG.PST книга-PART.SG
'Мари покупала книгу'.
- (2а) *Mari-∅ ost-is raamat-u.*
Мари-NOM.SG покупать-3SG.PST книга-GEN.SG
'Мари купила книгу'.
- (2б) *Mari-∅ ost-is raamat-ud.*
Мари-NOM.SG покупать-3SG.PST книга-NOM.PL
'Мари купила книги'.

Согласно традиционной точке зрения эстонских грамматистов частично или полностью задействованный объект отражает также

характер действия глагола, от которого он зависит: если речь идет о целостном объекте, то глагол выражает завершенное действие, если же объект парциален, то глагол выражает незавершенное действие. Зачастую можно встретить мнение, что падеж объекта несет ведущую функцию при выражении аспектуального значения [Metslang 2005]. Существующая в эстонской традиции классификация транзитивных глаголов делит их на следующие классы: 1) партитивные — способные присоединять объект только в партитиве (например: *alustama* ‘начинать’), 2) потенциально аспектуальные партитивные — при прибавлении так называемых «перфективирующих частиц» эти глаголы могут присоединять объект, стоящий и в партитиве и в генитиве (*veeretama* ‘катить’), 3) перфективные — присоединяемый к ним объект оформляется только генитивом (*läbi lugema* ‘прочитать’), 4) потенциально аспектуальные перфективные — как правило, требуют номинатива или генитива в качестве падежа объекта, но в определенных имперфективных контекстах могут присоединять объект, стоящий в партитиве, (*lõpetama* ‘закончить’) и 5) аспектуальные — объект, связанный с ними, может быть оформлен любым их трех падежей (*kirjutama* ‘писать’) [Vaiss 2004]. Как видно из приведенного описания, в основе данной классификации лежит особенность падежного оформления объекта.

2. Исследование

В исследовании, проведенном нами, ставилась задача рассмотреть, как лексическая семантика глагола и его конкретная временная форма влияет на выбор того или иного падежа объекта. Для этого нами были использованы две классификации: классификация глагольных предикатов с точки зрения аспектуальных значений, разработанная З. Вендлером [Vendler 1957], и классификация, позволяющая описать аспектуальное значение конкретной временной формы, предложенная С. Татевосовым [Tatevosov 2002]. Исследование проводилось на корпусе текстов эстонского языка, созданном в Тартуском университете. В охваченный нами материал вошли художественные и газетные тексты, которые затем анализировались отдельно. Количество примеров, взятых из художественных текстов, составляет 2273, из газетных — 655. При этом число глагольных лексем в примерах из художественных

Таблица 1. Соотношение временных форм и употреблений падежей прямого дополнения в художественных текстах

	Номинатив	Генитив	Партитив	Итого	Доля временной формы в процентах
Настоящее время	58	147	434	639	28%
Имперфект	118	395	863	1376	60,5%
Перфект	6	36	49	91	4%
Плюсквам-перфект	17	55	95	167	7,5%
Итого	199	633	1441	2273	
Доля падежной формы в процентах	8%	29%	63%		

Таблица 2. Соотношение временных форм и употреблений падежей прямого дополнения в газетных текстах

	Номинатив	Генитив	Партитив	Итого	Доля временной формы в процентах
Настоящее время	20	86	321	427	65%
Имперфект	12	72	88	172	27%
Перфект	5	12	32	49	7%
Плюсквам-перфект	0	2	5	7	1%
Итого	37	172	446	655	
Доля падежной формы в процентах	27%	5%	68%		

текстов равно 587, из газетных — 247. В ходе обработки результатов нами были получены, в частности, следующие данные.

3. Описание полученных результатов

Как видно из Таблиц 1 и 2, партитив является наиболее частотным падежом вне зависимости от временной формы глагола. Данный результат соответствует утверждению, что партитив является немаркированным падежом прямого дополнения. Обратимся к данным об употреблении временных форм. Привлекает внимание большое количество имперфектных форм в художественных текстах

Таблица 3. Соотношение временных глагольных форм и классов временных глагольных форм, предложенных С. Татевосовым, в художественных текстах

	Настоящее время	Имперфект	Перфект	Плюсквамперфект	Итого	Доля класса временной формы
Вхождение в состояние	53	700	56	111	920	41%
Вхождение в процесс	2	4	0	0	6	0,2%
Состояние	110	139	9	6	264	11,8%
Процесс	464	415	16	37	932	40%
Мультипликативный процесс	10	118	10	13	151	7%
Итого	639	1376	91	167	2273	
Доля временной формы в процентах	28%	60,5%	4%	7,5%		

(Таблица 1): они составляют 60,5% всех глагольных употреблений, что несоизмеримо больше доли перфектных (4%) и плюсквамперфектных (7,5%) форм. В газетных текстах соотношение форм прошедшего времени сходное: 27% имперфектных употреблений приходится на 7% перфектных и 1% плюсквамперфектных из всего количества глагольных употреблений. Эти данные позволяют сделать вывод, что имперфект в эстонском языке не всегда связан с незавершенностью действия. Для подтверждения этого тезиса воспользуемся классификацией глагольных временных форм, предложенной С. Татевосовым. Она дает возможность проанализировать значения форм имперфекта с точки зрения типа действия, которое они обозначают. Рассмотрим полученные результаты.

Таблицы 3 и 4, демонстрируют большое количество употреблений форм имперфекта в контекстах, описывающих завершённое действие, к таковым мы относим ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ и ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС. Ср.: в художественных текстах — 700 и 4, что в сумме составляет 51% от всех употреблений имперфектных форм; в газетных текстах — 106 и 0 соответственно, что в сумме составляет 62% от всех форм имперфекта. Таким образом, употребление имперфекта в контекстах, подразумевающих завершённое

Таблица 4. Соотношение временных глагольных форм и классов временных глагольных форм, предложенных С. Татевосовым, в газетных текстах

	Настоящее время	Имперфект	Перфект	Плюсквамперфект	Итого	Доля класса временной формы
Вхождение в состояние	12	106	29	3	150	23%
Вхождение в процесс	0	0	0	0	0	0%
Состояние	117	17	3	0	137	21%
Процесс	295	45	12	4	356	54%
Мультипликативный процесс	3	4	5	0	12	2%
Итого	427	172	49	7	655	
Доля временной формы в процентах	65%	27%	7%	1%		

действие, либо равно, либо превышает количество его употреблений в контекстах, обозначающих незавершенное действие (ПРОЦЕСС, СОСТОЯНИЕ, МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС). Следовательно, у нас есть все основания утверждать, что имперфект как временная форма в эстонском языке не является маркером незавершенности действия.

Как распределяются падежные употребления в контекстах, подразумевающих завершенное или незавершенное действие? В соответствии с нашими данными были получены следующие результаты:

Таблица 5. Соотношение падежей, оформляющих прямое дополнение, и классов временных глагольных форм, предложенных С. Татевосовым, в художественных текстах

	Номинатив	Генитив	Партитив	Итого
Вхождение в состояние	59%	73%	23%	920
Вхождение в процесс	1,5%	0,1%	0,1%	6
Состояние	4,5%	2,5%	16,5%	264
Процесс	30%	20%	52%	932
Мультипликативный процесс	5%	4%	8%	151
Итого	199	633	1441	2273

Таблица 6. Соотношение падежей, оформляющих прямое дополнение, и классов временных глагольных форм, предложенных С. Татевосовым, в газетных текстах

	Номинатив	Генитив	Партитив	Итого
Вхождение в состояние	46%	55%	9%	150
Вхождение в процесс	0%	0%	0%	0
Состояние	5%	6%	29%	137
Процесс	49%	37%	60%	356
Мультипликативный процесс	0%	2%	2%	12
Итого	37	172	446	655

Согласно Таблицам 5 и 6, количество партитивных оформлений прямого дополнения в контекстах, подразумевающих завершенное действие, согласуется с толкованием его функции как маркера незавершенного действия: в художественных текстах употребление партитива в контекстах, соответствующих классам ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ и ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС, составляет 23%, в газетных текстах — 8%. Однако вызывает интерес большое количество употреблений номинатива и генитива в контекстах, описывающих незавершенное действие: ср., в художественных текстах доля употреблений номинатива, приходящаяся на ПРОЦЕСС, СОСТОЯНИЕ и МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС, составляет 40%, в то время как в газетных — 54%. Доля употреблений генитива в этих же контекстах следующая: 27% в художественных текстах и 45% — в газетных.

4. Выводы

На основании приведенных выше данных можно сформулировать следующие краткие выводы.

1. Имперфект как временная форма глагола в эстонском языке не может считаться сугубо выражающей незавершенное действие и, следовательно, не может служить четким маркером аспектуальной характеристики действия как незавершенного.

2. Согласно нашим данным, малое количество употреблений партитива в контекстах, обозначающих завершенное действие, подтверждает традиционный постулат о том, что партитив является маркером незавершенности действия, в то время как доля

употреблений генитива и номинатива в контекстах, описывающих незавершенное действие достаточно велика, что противоречит толкованию их функции как показателей завершенного действия. Это позволяет нам сделать вывод о том, что абсолютной зависимости между падежом прямого дополнения и аспектуальной характеристикой предложения не существует.

Список условных сокращений

3 — лицо; GEN — генитив; NOM — номинатив; PART — партитив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Erelt, Metslang 2003 — M. Erelt, H. Metslang. Case marking of the predicative in Estonian // *Linguistica Uralica* 3, 2003. P. 166–173.
- Metslang 2005 — H. Metslang. *Sihitisekäändelised määrused eesti keeles. Bakalaureusetöö. Tartu Ülikool. Tartu, 2005.*
- Pool 2007 — R. Pool. *Eesti keele teise keelena omandamise seaduspärasusi täis- ja osasihitise näitel. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007.*
- Tamm 2006 — A. Tamm. Estonian transitive verbs and object case // M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of the LFG06 Conference. Konstanz, 2006. P. 484–504.*
- Tatevosov 2002 — S. Tatevosov. The parameter of actionality // *Linguistic Typology* 6, 2002. P. 317–401.
- Vaiss 2004 — N. Vaiss. *Eesti keele aspekti väljendusvõimalusi vene keele taustal. Magistritöö. Tallinna Ülikool, Tallinn, 2004.*
- Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and times // *Philosophical Review* 66, 2, 1957. P. 143–160.
- Vihman 2004 — V.-A. Vihman. *Valency Reduction in Estonian. PhD Thesis, University of Edinburgh, Edinburgh, 2004.*

Н. А. Муравьев

МГУ, Москва

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРИЧАСТИЙ
В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ
КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА**

Исследование основано на материалах лингвистической экспедиции МГУ в с. Мужы Ямало-Ненецкого АО. В данной работе рассматриваются типы причастий в ижемском диалекте коми-зырянского языка, варианте, представленном в говоре жителей с. Мужы. Известно, что для многих категорий, в том числе глагольных существует варьирование по диалектам в значении и употреблении. В ходе работы проверялось, насколько семантика и специфика употребления причастий, описанные в литературе, соответствуют реальной речевой практике носителей. В грамматиках уделено мало внимания контекстам употребления причастий, в связи с чем важный вопрос представляет собой характеристика одного из типов причастий, а именно причастий на *-ap*. Именно этой проблеме и посвящено настоящее исследование.

В [Сахарова, Сельков 1976] выделяются следующие типы причастий: причастия на *-us'*, причастия на *-em/-ema*, причастия на *-ap/-apa* и причастия на *-tem*. Причастия на *-us'* «обозначают признак лица или предмета по его действию или состоянию» (ср. русск. *-щий/-вший*), причастия на *-em/-ema* — «признак предмета по совершившемуся действию или состоянию» (ср. русск. *-вший/-нный*), формы на *-ap* «обозначают признак предмета по его действию или выражают предназначение предмета», а на *-tem* — «признак предмета по несовершившемуся действию или состоянию». Аналогичное описание значений можно найти в [Лыткин (ред.) 1955].

Причастия на *-us'* обозначают незаконченное и обязательно активное действие, одновременное действию, выражаемому сказуемым, и могут относиться как к плану настоящего (1), так и к плану прошедшего (2).

- (1) *me add'-e puus bydm-is' tuj dor-yn*
 я видеть-PRS.1SG дерево расти-АСТ.PART дорога около-ILL
 'Я вижу дерево, растущее у дороги'.
- (2) *ut-ys' ponm-ys dor-yn*
 лаять-АСТ.PART собака.OBL-POSS.3SG около-ESS
kodke sulal-ys
 кто-то стоять-PST.3SG
 'Рядом с лаявшей собакой кто-то стоял'.

В субстантивированном виде некоторые причастия на *-ys'* функционируют как имена деятеля. Однако при подробной проверке выяснилось, что в этом же контексте периодически употребляются и формы на *-an* (варианта *-ana* в местном говоре не было встречено). При этом соотношение употребления форм в собранных примерах приблизительно равняется 4 к 1 в пользу причастий на *-ys'*:

vurs'-is' (4 раза¹)/*vurs'-an* (1 раз) 'портной' (букв. 'шьющий')
valedč'-is' (4 раза)/*valedč'-an* (1 раз) 'ученик' (букв. 'учащийся')
vid'ed-ys' (3 раза)/*vid'ed-an* (1 раз) 'наблюдатель' (букв. 'смотрящий')

И это не единственная «конфликтная зона» двух форм. Оказывается, по полученным данным, и в обычных атрибутивных сочетаниях (пример (2)) на два-три случая употребления форм на *-ys'* встречается в среднем один-два случая употребления формы на *-an*.

В [Сахарова, Сельков 1976] сказано, что форма на *-an* либо «обозначает признак предмета по его действию», либо «выражает предназначение предмета», однако подробно эти формы не охарактеризованы, поэтому можно сослаться на частичную замену в разговорной речи одного типа другим. Однако свои характерные контексты употребления этого типа причастий все же существуют. Проведенное исследование показывает, что в ряде случаев (3) формы на *-an* употребляются как отглагольные прилагательные.

- (3) *nya mun-enys ol-an k'erka dor-ti*
 они идти-PRS.3PL жить-PART дом около-PROLAT
 'Они идут мимо **жилого дома**'.

¹ Статистические данные по разным информантам (вариант — количество людей, употребивших форму).

Именно в таком употреблении они выражают значение предназначения предмета. Однако в других случаях они действительно заменяют формы на *-ys'*, но в зависимости от интерпретации могут все же сохранять свое исконное значение, которое для неодушевленных имен понимается как предназначение, а для одушевленных — как долженствование.

- (4) *Me ig v'is'to n'i at'ik kyu mun-an ges't'-jas-ly*
я не сказать ни один слово идти-PART гость-PL-DAT
'Я не сказал ни слова уходящим гостям'.

Например, в (4) сочетание *munan ges't'jasly* можно перевести как «собирающиеся уходить», то есть с оттенком долженствования. То же можно сказать и про субстантивированные причастия со значением деятелей, называя их людьми, имеющими некоторую обязанность.

В [Сахарова, Сельков 1976] такие причастия считаются редкими, что и подтверждается на практике, поскольку в большинстве случаев контексты их употребления пересекается с контекстами употребления других форм (в примере (3) можно заменить *olan* на *olem*, а в примере (4) — *munan* на *munys'*). В тех контекстах, где на их месте могут встречаться и другие формы, причастия на *-an* имеют тенденцию уступать в частоте употребления. Поэтому в целом они действительно более редки, нежели причастия на *-ys'*.

Причастия на *-em/-ema*, контексты употребления которых также иногда пересекаются с причастиями на *-an*, характеризуются следующим образом. Они обозначают законченное действие, предшествующее действию, выражаемому сказуемым, и точно так же могут относиться как к плану настоящего (5), так и к плану прошедшего (6).

- (5) *me nued-e myd'-em pon-se kerka*
я отводить-PRS устать-PFT.PART собака-ACC.POSS.3SG дом
'Я отвожу домой уставшую собаку'.

- (6) *mort-ys-ly vis'tal-ema kud'*
человек-POSS.3SG-DAT рассказывать-PFT.PART как
mun-ny val'-enys kyken
идти-INF быть-PRS.3PL двое
'Людей, которым я объяснил (букв. 'объясненных') дорогу, было двое'.

Также видно, что в примере (5) форма на *-eta* выражает действительное, а в (6) — страдательное значение.

Формы на *-eta* значительно реже заменяются формами на *-an*. Это, например, причастие *myd'em* в предложении (5), которое имеет вариант *myd'an*. К этому и ко всем примерам, где форма на *-an* заменяет другие формы, относится одно важное замечание из области синтаксиса. Дело в том, что причастия этого типа, как показали наши исследования, могут заменять причастия других типов только в атрибутивной позиции, но никак не в предикативной (как в предложении (1)), что также говорит об их поведении, как отглагольных прилагательных.

То же замечание относится и к последнему типу причастий на *-tem*, которые в остальном выражают те же грамматические значения (кроме значения отрицания), что и причастия на *-eta*. Однако этот тип оказывается самым редким, поскольку в настоящее время наблюдается его вытеснение формой на *abu -eta* (отрицательным вариантом формы на *-eta*).

В ходе исследования была уточнена приводимая в литературе характеристика причастий и выяснены их основные контексты употребления. Анализ контекстов употребления позволил определить место форм на *-an* в системе причастий коми языка и выявить их основные особенности. Но, несмотря на это, общий результат проверки системы причастий языка не противоречит описанию, данному в грамматиках.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; ACC — аккузатив; ACT — действительный залог; DAT — датив; ESS — эссив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; OBL — косвенная основа; PART — причастие; PFT — перфектив; POSS — посессивное склонение; PROLAT — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Сахарова, Сельков 1976 — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976.
Лыткин (ред.) 1955 — В. И. Лыткин (ред.). Современный коми язык, Ч. 1., Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1955.

М. А. Овсянникова

СПбГУ, ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ТОПИКАЛИЗАЦИЯ ПОСЕССОРА В ЛЕСНОМ ДИАЛЕКТЕ ЭНЕЦКОГО ЯЗЫКА¹

0. В лесном диалекте энецкого языка (северно-самодийские, самодийские, уральские) существует два возможных способа оформления посессора в атрибутивной функции (1).

- (1) *modⁱ kasa-jʔ* / *kasa-nⁱ*
1SG товарищ-1SG.NOM.SG товарищ-1SG.GEN.SG
ne-za *gʷrɔdo-xon* *mɔzara*
женщина-3SG.NOM.SG город-LOC.SG работать.S:3SG
‘Жена моего товарища работает в городе’.

В примере (1) посессор *kasa* ‘товарищ’ может быть оформлен лично-притяжательным показателем номинатива или генитива, и в данном случае оба варианта являются взаимозаменяемыми.

Однако, как будет показано ниже, две возможных посессивных конструкции значительно различаются по синтаксическим свойствам. Конструкция, в которой посессор оформляется лично-притяжательным показателем номинатива, обладает свойствами, характерными для конструкций с топикализованной ИГ. Несмотря на это, подобное оформление посессора возможно и для изолированных предложений вне контекста, т. е., по-видимому, нельзя сказать, что выбор данной конструкции является всегда обусловленным прагматически.

---

¹ Полевой материал к настоящей работе был собран автором в пос. Потапово Таймырского муниципального р-на Красноярского края в июле-августе 2009 г. в рамках экспедиции проекта «Документация энецкого языка» (Институт эволюционной антропологии Макса Планка, г. Лейпциг) при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» (“Endangered Languages Documentation Programme”, ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета. Автор выражает благодарность информантам-переводчикам Л. Д. Болину, Н. К. Болиной, Г. А. Иванову и Н. И. Силкину.

1. Падежное маркирование и лично-притяжательные показатели в лесном энецком языке

Согласно грамматическому очерку [Терещенко 1966], показателем генитива в непосессивной парадигме (т. е. при отсутствии лично-притяжательных показателей) является однофонемный суффикс /-ʔ/, однако образующий его гортанный смычный согласный является неустойчивым и может не реализовываться. В работе [Сорокина 1986: 73] указано, что в энецком языке определительная конструкция ('оленья шкура') и притяжательная конструкция ('шкура оленя') при отсутствии притяжательных показателей будут выражаться одинаково — путем соположения двух имен в номинативе: *te koba* (олень шкура). Таким образом, в непосессивном типе склонения сложно определить, какая из двух обсуждаемых посессивных конструкций была использована.

В посессивной парадигме формы номинатива и генитива формально противопоставлены наиболее ясно, т. е. две указанные посессивные конструкции морфологически более отчетливо различаются, если существительное имеет лично-притяжательный показатель.

В Таблице 1 приведен фрагмент посессивной парадигмы для существительных в единственном числе для единственного числа посессора.

Таблица 1. Фрагмент посессивной парадигмы существительных

	NOM	GEN	ACC
1SG	-b, -jʔ	-n ⁱ	-b, -jʔ
2SG	-r	-d	-d
3SG	-za	-da	-da

Таблица 1 показывает, что лично-притяжательные показатели номинатива и генитива в единственном числе формально различаются во всех лицах. Для косвенных падежей используются те же лично-притяжательные показатели, что и для генитива; в словоформе они следуют после падежного показателя.

2. Лично-притяжательное маркирование посессума

При маркировании посессора номинативом оформление посессума соответствующим лично-притяжательным показателем является обязательным (2):

- (2) *modⁱ katozu-j?*   *petfi-za* /   **petfi sɔjza*
 1SG дом-1SG.NOM.SG печь-3SG.NOM.SG печь хороший
 ‘В моем доме печь хорошая’.

При оформлении посессора генитивом оформление посессума лично-притяжательным показателем является в некоторых случаях возможным (1), но чаще нежелательным (3):

- (3а) *modⁱ kasa-nⁱ*   *nⁱe* /   *ʔnⁱe-za*
 1SG товарищ-1SG.GEN.SG ребенок ребенок-3SG.NOM.SG
te ponⁱi-ŋa
 олень использовать-AOR.S:3SG
 ‘Сын моего товарища — оленевод’.

- (3б) *modⁱ kasa-j?*   *nⁱe-za* /   **nⁱe*
 1SG товарищ-1SG.NOM.SG ребенок-3SG.NOM.SG ребенок
te ponⁱi-ŋa
 олень использовать-AOR.S:3SG
 ‘Сын моего товарища — оленевод’.

3. Порядок слов

Конструкция с посессором, оформленным генитивом, не может быть разорвана, посессор всегда находится в непосредственной препозиции к ИГ посессума (4):

- (4) **modⁱ kasa-nⁱ*   *gɔɔdo-xon*
 1SG товарищ-1SG.GEN.SG город-LOC.SG
nɛ-za mɔzara
 женщина-3SG.NOM.SG работать.S:3SG
 Ожид.: ‘Жена моего товарища работает в городе’.

При оформлении посессора номинативом возможна вставка других словоформ между посессором и посессумом (5):

- (5) *modⁱ kasa-j?*   *gɔɔdo-xon*
 1SG товарищ-1SG.NOM.SG город-LOC.SG
nɛ-za mɔzara
 женщина-3SG.NOM.SG работать.S:3SG
 ‘Жена моего товарища работает в городе’.

При этом, напротив, ИГ, обозначающая посессора и оформленная номинативом, всегда занимает только начальную позицию

в предложении, в то время как для посессора в генитиве единственным требованием является следование перед посессумом (6):

- (6) *etfuj kasa-n^j kamož pərza-bi-?*
 ребенок.PL товарищ-1SG.GEN.SG дом сжечь-PRF-S:3PL
 ‘Дети сожгли дом моего товарища’.

4. Свойства посессивных конструкций: обобщение

Свойства посессивной конструкции, в которой посессор оформлен генитивом, показывают, что в данном случае ИГ посессора и посессума являются единой составляющей: невозможен разрыв посессивной конструкции, маркирование посессума лично-притяжательным показателем является избыточным, а потому неприемлемым или факультативным.

В случае, когда посессор маркирован номинативом, посессор и посессум не формируют единую составляющую: посессор занимает фиксированную позицию в начале высказывания, между посессором и посессумом возможна вставка, посессум всегда оформляется лично-притяжательным показателем, выражающим связь с посессором. Эти свойства последней конструкции свидетельствуют о ее близости к структурам с топикализованной ИГ.

При этом обе конструкции могут использоваться как при одушевленном, так и при неодушевленном посессоре (7); синтаксическая позиция посессума также может быть различной: в (8) посессум входит в послеложную группу; в примерах (9)–(10) посессум является косвенным дополнением, оформленным дательным падежом (для посессивного и непосессивного типов склонения используются разные показатели дательного падежа).

- (7) *modⁱ kamožu-j? no-za*
 1SG дом-1SG.NOM.SG дверь-3SG.NOM.SG
nalzi-ŋa
 красный-AOR.S:3SG
 ‘У моего дома красная дверь’.

- (8) *u kasa-r stolu-da iron*
 2SG товарищ-2SG.NOM.SG стол-3SG.GEN.SG под
əbu mʌfti?
 что лежать.S:3SG
 ‘У твоего товарища под столом что лежит?’

- (9) *modⁱ kasa-j?*
 1SG товарищ-1SG.NOM.SG
nε-xo-da
 женщина-DAT.SG.POSS-3SG.GEN.SG
entfu-? oteo-du mi-pi-?
 человек-PL долг-3PL.ACC.SG дать-PRF-S:3PL
 ‘Моего товарища жене люди долг отдали’.
- (10) *modⁱ kasa-nⁱ nε-d*
 1SG товарищ-1SG.GEN.SG женщина-DAT.SG
kafi-za oteo-du mi-pi-?
 друг-3SG.NOM.PL долг-3PL.ACC.SG дать-PRF-S:3PL
 ‘Моего товарища жене ее товарищи долг отдали’.

5. Конструкция топкализации как источник для посессивной конструкции

Конструкция топкализации является одним из распространенных источников для предикативных, и даже в большей мере для атрибутивных посессивных конструкций [Heine 1997: 148]. Многие семантические свойства, типичные для топикальных участников, характерны и для протипического посессора: такие участники чаще всего являются личными; прагматически и топикальный участник, и посессор являются данными, уже введенными в дискурс участниками.

Для посессивных конструкций, развивающихся на основе конструкции с топикализированным участником (Topic Schema по [Heine 1997]), часто характерны свойства, которые присущи конструкции энецкого языка с посессором, оформленным номинативом. А именно: посессор находится в препозиции к посессуму; действует cross-referencing — «посессум согласуется с посессором, т. е. последний является выраженным дважды: и ИГ, и прономинальным показателем» [ibid.: 159]. При этом, как далее указывает Б. Хайне, для подобной посессивной конструкции типичны также следующие свойства: ИГ, обозначающие посессора и посессум, примыкают друг к другу («juxtaposed») в начале клаузы; и посессор, и посессум обладают некоторыми свойствами подлежащего; посессум является неотчуждаемой принадлежностью посессора (обычно — часть тела); подобная конструкция используется

в клаузах с непереходными или стативными предикатами; на более поздних стадиях утрачивается обязательность согласования посессума с посессором [ibid.: 159–160].

В энецком языке часть свойств посессивной конструкции, в которой посессор маркирован показателем номинатива, восходящей к конструкции с топикализированным участником, свидетельствуют о том, что данная конструкция находится на ранней стадии грамматикализации: ИГ, обозначающие посессора и посессум, по-видимому, не являются единой составляющей, возможен разрыв; обязательным является маркирование посессума лично-притяжательным показателем; как кажется, ИГ, обозначающая посессора, не имеет свойств подлежащего.

Однако многие другие свойства данной посессивной конструкции говорят об отсутствии ограничений, характерных для ранних этапов грамматикализации: примеры показывают, что оформление посессора номинативом возможно в случае, когда посессум не является строго неотчуждаемой принадлежностью ('стол друга', 'нарта друга'), возможно как в непереходных, так и в переходных клаузах. Кроме того, конструкция с посессором, оформленным номинативом, является возможной, а иногда и более предпочтительной в тех контекстах, где может использоваться конструкция с посессором, оформленным генитивом. Оформление посессора номинативом происходит и в изолированных предложениях, т. е. данная конструкция не является обусловленной прагматически и может считаться в некоторой степени синтаксизованной. Об этом свидетельствуют и примеры, в которых номинативом оформлено несколько ИГ, обозначающих посессора ((11) — пример предложен самим носителем).

- (11) *modⁱ kasa-jʔ nⁱe-za*
 1SG товарищ-1SG.NOM.SG ребенок-3SG.NOM.SG
sɛ-ta tfuktʃi
 лицо-3SG.NOM.SG весь
neʃʉku-xiz oo-la-bi-zʔ
 мошка-DAT.PL есть-PASS-PRF-R:3SG
 'У сына моего товарища все лицо мошкой покусано'.

Таким образом, в лесном энецком языке посессивная конструкция с посессором, оформленным номинативом, обладает

свойствами, не совпадающими со свойствами подобных конструкций других языков, находящихся на более или менее ранних стадиях грамматикализации. Рассмотрение свойств посессивных конструкций разных языков, восходящих к конструкциям с топикализированным участником, может служить основой для определения этапов постепенного изменения свойств подобных конструкций на разных этапах грамматикализационного развития.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; 1SG.NOM.SG — лично-притяжательный показатель номинатива для посессора 1л. ед. ч. для существительного ед. ч; ACC — аккузатив; AOR — аорист; DAT — датив; DAT.SG.POSS — показатель дательного падежа ед. ч. для посессивного склонения; GEN — генитив; LOC — локатив; NOM — номинатив; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; PRF — перфект; R — рефлексивный тип спряжения; S — субъектный тип спряжения; SG — единственное число.

Литература

- Сорокина 1986 — И. П. Сорокина. Категория притяжательности в энецком языке // Языки народов севера Сибири. Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1986. С. 61–75.
- Терещенко 1966 — Н. М. Терещенко. Энецкий язык // Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 438–457.
- Heine 1997 — B. Heine. Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge: CUP, 1997.

Е. К. Павлова

МГУ, Москва

**СЕМАНТИКА ВРЕМЕН
В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ
КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА**

Работа посвящена исследованию семантики времен в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Исследование проходило на материале, собранном в ходе летней лингвистической экспедиции в с. Мужы Ямало-Ненецкого АО.

Целью исследования было выявление употребления времен и рассмотрение их как проявления временного дейксиса, ориентирующего ситуацию относительно дейктического центра. В коми языке система времен изъявительного наклонения состоит из настоящего, будущего, первого и второго прошедшего времен. Как с точки зрения сопоставления уральских языков, так и с точки зрения типологии интересно, каким образом распределены различные временные либо аспектуальные значения по этим временам.

В [Бубрих 1949] рассматривается употребление только второго прошедшего (названного там неочевидным прошедшим), а в [Лыткин, Тимушев 1961] семантика времен вообще не рассматривается. В [Сахарова, Сельков 1976] приводится неполный перечень значений настоящего и будущего времен. Данных сведений для представления о временах в коми языке недостаточно, поскольку не приводится полный список значений, который можно, например, сравнить со списком значений времен в других уральских языках. Попытки выявления этого списка значений представлены в данной работе, однако они не являются полными, поскольку не проверены все значения; работа представляет собой краткий обзор семантики времен.

В работе предпринимались попытки выяснить, является ли время исключительно категорией, строго определяющей соотношение момента речи и описываемой ситуации, т. е. всегда ли его употребление следует схеме:

- (1) презенс — совпадение во времени;
 претерит — предшествование ситуации моменту речи
 в целом или ее части;
 футур — следование во времени [Плунгян 2003].

Соответственно, с одной стороны, рассматривалась категория дейксиса, что важно для морфологии, с другой же стороны, уточнялась информация об употреблении времен конкретно в уральских (в коми-зырянском) языках.

Исследование посвящено настоящему, будущему и первому пошедшему временам.

Методом исследования была типологическая анкета Даля, связывающая понятия времени, наклонения и аспекта [Dahl 1986]. Однако данная анкета составлялась с расчетом на то, что с помощью нее будут исследоваться самые различные языки и большое количество категорий, поэтому для какого-то конкретного языка ее следует модифицировать. Она является очень подробной, но в ней необходимо отделять примеры для исследования времени от примеров для исследования наклонения и аспекта.

В ходе исследования выявлены следующие значения¹:

1. значения настоящего времени:

1.1. действие происходящее в момент речи;

1.2. регулярно повторяющееся действие;

1.3. общеизвестные истины;

В данном случае нет совпадения описываемого события с моментом речи, в предложении просто утверждается о свойстве объекта:

- (2) *Sondy-ys puks-e iz-saj-in*
 солнце-POSS3SG садиться-PRS.3SG запад-сзади-ESS
 ‘Солнце садится на западе’.

1.4. описание, факты реальной жизни;

Примеры, описывающие реальную действительность, но не акцентирующие внимание на том, что это происходит именно в данный момент, в данный час или минуту:

- (3) *mejam k'erka-yn sulal-E d'ivan*
 я.GEN1 дом-ESS стоять-PRS.2SG диван
 ‘У меня в доме стоит диван’.

¹ Значения и употребления времен.

1.5. действие, которое началось в прошлом и не закончилось до сих пор;

Указание на характер протекания действия во времени сближает это значение (как и значение (3)) с категорией аспекта.

- (4) *sya kar-E s'oan-sE d'on Cas*
она готовить-PRS.3SG еда-ACC.POSS.3SG целый час
'Она готовит уже целый час'.

1.6. описание изображений;

Здесь понятие момента речи неприменимо, потому что описываемое событие происходит как бы вне реально времени:

- (5) *kart'ina "rybaka-jas SoC'C'-Enys*
картина рыбак-PL отдыхать-PRS.3PL
'Картина «Рыбаки отдыхают»'.

1.7. настоящее изобразительное (о прошедшем говорится как о настоящем);

- (6) *sya mun-E tEryd ul'iCa kuz'a*
он идти-PRS.3SG вчера улица вдоль
I ad'd'-E kuil-Enys vit kyCan
и видеть-PRS.3SG лежать-PRS.3PL пять щенков
'Идет он вчера по улице и видит: лежит 5 щенков'.

1.8. в косвенной речи, когда главное предложение стоит в прошедшем времени, а придаточное выражает совпадение во времени;

Для изучаемого языка характерно отсутствие так называемого «согласования времен», т. е. употребления таксисных форм, выражающих одновременность, предшествование и следование по отношению к ситуации, заданной контекстом.

1.9. в условном придаточном предложении для обозначения условия, относящегося к будущему;

- (7) *sya en'I p'et-E k'erka-s'is*
он теперь выйти-PRS.3SG дом-EL.POSS.3SG
to das v'it koll'e lo sya ju dor-as
то десять пять минута быть он река край-ESS.POSS.3SG
'Если он сейчас выйдет из дома, через пятнадцать минут он будет у реки'.

1.10. в значении будущего времени.

Данное употребление встречается практически только с глаголом *туппу* (реже — с другими глаголами движения), при этом выражается, скорее всего, ближайшее будущее время:

- (8) *ni tuj, tun-e sya m'e-kEd-E?*
 ну что идти-PRS.3SG он я-COM-POSS.1SG
 'Ну как, он идет со мной?'

2. значения будущего времени:

2.1. действие, которое, с точки зрения говорящего, произойдет в будущем (в простом предложении);

2.2. в главной части сложноподчиненных предложений с придаточным условным;

- (9) *tE kE syjE koll'ed-an,*
 ты если он.ACC проводить-NPST.2SG
syu tEnyd p'etkEdl-as kn'iga-sE
 он ты.DAT показать-FUT.3SG книга-ACC.POSS.3SG
 'Если ты его проводишь, он тебе покажет эту книгу'.

2.3. в косвенной речи, когда главное предложение стоит в прошедшем времени, а придаточное выражает следование во времени;

2.4. предшествование ситуации моменту речи;

- (10) *van' Cukert-as as's'ys jort-jas-se*
 Ваня собрать-FUT.3SG свой товарищ-PL-ACC.POSS.3SG
daj yb-e tun-e
 да.и ИБ-ILL идти-PRS.3SG
 'Ваня собрал своих друзей и пошел в ИБ'.

2.5. в изъяснительном придаточном с союзом 'чтобы' для описания ситуации, которая не имеет места в реальном мире;

- (11) *m'e tud-a m'ed sya vo-as*
 я хотеть-NPST.1SG чтобы он прийти-FUT.3SG
 'Я хочу, чтобы он пришел'.

2.6. в значении императива.

- (12) *m'edlany sya g'iZ-as menum p'isme*
 пусть он писать-FUT.3SG я.DAT письмо
 'Пусть он напишет мне письмо'.

3. значения первого прошедшего времени:

3.1. длительное действие в прошлом;

3.2. повторяющееся действие в прошлом;

3.3. однократное действие в прошлом;

3.4. в косвенной речи, когда главное стоит в прошедшем времени, а в придаточном говорится о предшествовании;

3.5. вежливость;

- (13) *me myd-I tEnCid juas-ny*
я хотеть-PST.1SG ты.GEN2 спросить-INF
kytyn v'iVko-ys
где церковь-POSS.3SG
'Я хотел у вас спросить, где находится церковь'.

3.6. степень уверенности (я всегда думал...);

Такое высказывание не предполагает, что говорящий в данный момент так не считает:

- (14) *me pyr думаCC-i*
я всегда думать-PST.1SG
Sto te ol-an eta kerka-as
что ты жить-NPST.2SG этот дом-ILL.POSS.3SG
'Я всегда думал, что ты живешь в этом доме'.

3.7. в функции сослагательного наклонения: для описания ситуации, которая не имеет места в реальном мире (как в п. 5 про будущее время, только без 'чтобы');

В данном случае используется прошедшее время либо прошедшее время с частицей *by* или *k'e*:

- (15) *m'e k'e vyl-I ozyr m'e mun-I moskva*
я бы быть-PST.1SG богаты я пойти-PST.1SG Москва
'Если бы я был богат, я бы поехал в Москву'.

3.8. в изъянительном придаточном с союзом 'чтобы' для описания ситуации, которая не имеет места в реальном мире;

Здесь возможно будущее время (см. п. 2.5).

3.9. факт, результат.

- (16) *me addil-I raduga-se*
я видеть-PST.1SG радуга-ACC.POSS.3SG
'Я видел радугу'.

Итак, в ходе исследования выяснилось, что время вовсе не обязательно указывает на положение ситуации относительно дейктического центра. Настоящее время может использоваться в роли прошедшего и будущего, будущее может использоваться там, где ожидалось бы прошедшее время.

Значения будущего времени могут выходить из сферы употребления изъявительного наклонения, таким образом, это время может использоваться в роли повелительного наклонения. Кроме того, будущее время в данном языке может употребляться в изъявительных придаточных предложениях с союзом 'чтобы' ('Я хочу, чтобы ты ушел'), тем самым выражая сферу желаемого. Из перечисленного видно, что будущее время занимает особое место в системе времен, поскольку оно не описывает события реального мира, а предает лишь гипотезу о том, что будет, либо выражает субъективную оценку говорящего. Следует отметить также, что будущее время (его простые формы) отличается от настоящего только в 3 лице, т. е. в большинстве случаев язык может обходиться без граммем этого времени. Однако исследование, проведенное на основе употребления будущего времени в 3 лице, показало, что значения настоящего и будущего сильно различаются.

Время может также быть связано с категорией аспекта, т. е. с характером протекания ситуации во времени. Напр., и регулярно повторяющееся действие, и действие, происходящее в момент речи, одинаково выражаются настоящим временем (ср. английские Present Simple и Present Continuous Tense).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ACC — аккузатив; COM — комитатив; DAT — датив; EL — элатив; ESS — эссив; FUT — будущее время; GEN1 — первый генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — поссессивность; PRS — настоящее время; PST — первое прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Бубрих 1949 — Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка, Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1949.

- Лыткин, Тимушев 1961 — В. И. Лыткин, Д. А. Тимушев, Краткий очерк грамматики коми языка // В. И. Лыткин (ред.). Коми-русский словарь. М.: ГИИНС, 1961.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
- Сахарова, Сельков 1976 — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976.
- Dahl 1986 — O. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1986.

В. А. Панов

ИЯз РАН, Москва

**К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТЕ ВЕЯ-СХОНЕВЕЛДА
И ПЕРФЕКТИВАЦИИ
В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Настоящая работа развивает тему статьи М. М. Ровинской «К проблеме изучения префиксации в мертвых языках: эффект Вея-Схоневелда и латинские превербы». Чешский лингвист М. Вей, исследуя данные чешского языка, высказал гипотезу, что «чисто-видовых» превербов не бывает, у преверба всегда есть собственное значение, которое может совпадать со значением основы исходного глагола или быть ему родственным, а глагол меняет вид с несовершенного на совершенный [Vey 1952]. Голландский славист К. Ван Схоневелд дополнил наблюдения Вея и сформулировал гипотезу так: эффект «пустого» префикса возникает, когда «конечный результат действия, означенный глаголом, совпадает с конечным результатом действия, обозначенным данной приставкой» (цит. по [Кронгауз 1998: 98]).

Теория была сформулирована применительно к славянским языкам, однако, как показывает практика, в той или иной степени это явление характерно для всех языков, где есть глагольные приставки или единицы, выполняющие их функцию. Если в славянских языках, где существует грамматикализованная двучленная видовая оппозиция, этот эффект изучать достаточно легко (т. к. «перфективность» или «имперфективность» того или иного глагола всегда очевидны), то в языках, где такой оппозиции нет, мы сталкиваемся с проблемами именно определения «перфективности» и «неперфективности» глаголов. К неславянским языкам, где этот эффект фиксируется, относятся германские языки (например, немецкий и английский), в самой высокой степени — идиш, также литовский, латышский, венгерский, грузинский языки, в меньшей степени — древне- и новогреческий языки. Существует он и в латинском языке, как показано в статье [Ровинская 2001] на примере функционирования приставки *ob-*.

Мы иллюстрируем действия эффекта Вея-Схоневелда в латинском языке на более широком приставочном материале (приставки *de-*, *con-*, *in-*, *ad-*, *per-*) и ставим более широко вопрос о «конкуренции» двух способов выражения перфективности в латинском языке: с помощью системы глагольных времен и с помощью системы префиксов. Дело в том, что со временем система латинских префиксов полностью деградировала, и в современных романских языках двучленной оппозиции перфективность — имперфективность отсутствует и замещена более сложной аспектуальной системой. Однако, похоже, в некоторых романских языках (например, в итальянских диалектах Венето) превербы с аспектуальным компонентом в значении возникают заново: формально такие глаголы аналогичны английским фразовым глаголам и существуют в небольшом количестве и в литературном итальянском языке (напр., *andare via*, *buttare giù*). С другой стороны, в некоторых языках могут сосуществовать системы даже сильно грамматикализованного префиксального вида и системы времен, примерно аналогичной системам времен в романских языках (церковнославянский, болгарский, сербско-хорватский). Мы смотрим на эту конкуренцию более подробно на примере латинского языка и пытаемся понять, почему именно в нем почти полностью исчезла система превербов, в т. ч. играющих аспектуальную роль, в то время как в других языках в практически аналогичной ситуации конкуренции двух способов выражения ничего подобного не происходит.

Нами собран достаточно большой материал примеров из текстов разных эпох, где наблюдается эффект Вея-Схоневелда. Больше всего примеров взято из комедий Плавта, язык которых считается наиболее близким к реальному разговорному латинскому языку. Там таких примеров оказывается больше, чем, например, в речах Цицерона. Для наглядности приведем один пример: *sed mi avos huius obsecrans **concredidit** / thesaurum auri clam omnis: in medio foco / **defodit***, где глаголы *concredo* и *defodio* (Aul., 1–8)¹ являются несомненными перфективами, бесприставочные эквиваленты которых отличаются только в отношении аспектуальности.

---

¹ Перевод: ‘Дед вон того, умоляя, доверил мне золотое сокровище, в тайне от всех: закопал его в середине очага’.

Нами сделано также наблюдение об исторических тенденциях употребления таких глаголов: в ранний период их число очень высоко в текстах, приближенных к разговорной речи, затем они проникают и в более литературный стиль философской и исторической прозы; в стихах их всегда мало. Некоторый пик частотности — эпоха патристики и язык Вульгаты. Затем их использование идет на убыль.

Исследование данного явления важно как для понимания сути связи аспектуальности префиксации в самом латинском языке, так и для прояснения некоторых общих типологических проблем, как то: типология префиксальных систем, типология универсальных категорий аспекта и времени, ареальное и универсальное в явлении префиксальной перфективации.

Литература

- Кронгауз 1998 — М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Ровинская 2001 — М. М. Ровинская. К проблеме изучения префиксации в мертвых языках: Эффект Вея-Схоневелда и латинские превербы // Московский лингвистический журнал 5, 1, 2001. С. 253–263.
- Vey 1952 — M. Vey. Les preverbes 'vides' en tcheque moderne // Revue des études slaves 29. 1952. P. 82–107.

А. В. Подобрязев

МГУ, Москва / MIT, Cambridge, MA

РАЗРЫВНЫЕ ИМЕННЫЕ ГРУППЫ: варианты анализа

Во многих языках мира именные группы могут состоять из нескольких частей, линейно не сопряженных друг с другом, ср. примеры из русского языка ниже:

- (1) *Какие ты прочитал книги?*
- (2) *Сколько ты прочитал книг?*

В формальной англоязычной литературе явление, которое иллюстрируют примеры (1) и (2), принято называть извлечением левого зависимого (Left Branch Extraction). В настоящей работе мы покажем, что это явление неоднородно: разные его проявления необходимо синтаксически анализировать по-разному. Мы будем использовать модель синтаксиса, в которой существует операция передвижения, однако следует подчеркнуть, что «неоднородность» конструкций с разрывными ИГ является эмпирическим фактом, который, при наличии необходимого инструментария, нужно объяснять и в рамках других теорий.

1. Синтаксические аргументы

В работе [Pereltsvaig 2007] предлагается анализ русских разрывных именных групп в терминах частичного стирания копий (см. [Fanselow, Šavar 2002]): операция передвижения создает несколько копий ИГ (в простейшем случае, две), а затем в синтактико-фонологическом интерфейсе стираются некоторые элементы «верхней» копии и другие элементы «нижней»:

- (3) *ты прочитал [какие книги]*
→ (передвижение)
[какие книги] ты прочитал [какие книги]
→ (частичное стирание)
[какие ~~книги~~] ты прочитал [~~какие~~ книги]

Основным аргументом в пользу этого анализа является возможность разрыва именных групп, являющихся островами, т. е. тех, из которых в общем случае передвижение невозможно, ср. примеры (4) и (5):

(4) *Какими он ее порадовал новостями?*

(5) **О чем он ее порадовал новостями?* (ср.: *О чем он нашел новости в интернете?*)

По логике [Pereltsvaig 2007], разрыв в (4) возможен, поскольку происходит не передвижение из состава островной ИГ, а передвижение этой ИГ целиком с последующим частичным стиранием копий (вопрос о том, почему подобная деривация недоступна для (5), остается открытым).

Однако даже если передвижение и частичное стирание копий происходит в (4), в некоторых других случаях этот анализ не представляется возможным применить. См. пример передвижения одинакового материала из конъюнктов, образующих сочинительный остров (Across the Board movement):

(6) *Каких он ругал девочек, а она хвалила мальчиков?*

Деривация с частичным стиранием копий была бы возможна в (6), только если бы мы допустили, что после этой операции происходит эллипсис слова «каких» во втором конъюнкте:

(7) [~~каких девочек~~ он ругал ~~каких~~ девочек],
а [~~каких мальчиков~~] она хвалила [~~каких~~ мальчиков] →
[каких ~~девочек~~ он ругал ~~каких~~ девочек],
а [~~каких~~ мальчиков] она хвалила [~~каких~~ мальчиков]

В таком случае мы бы ожидали что вопрос (6) мог бы интерпретироваться как вопрос о некотором множестве мальчиков и о некотором множестве девочек (тогда ответом могло бы быть *Он ругал Машу и Катю, а она хвалила Петю и Васю*), тогда как в реальности (6) — это вопрос о свойстве, которое разделяют множество девочек, которых он ругал, и множество мальчиков, которых она хвалила (возможный ответ: *Выступавших на утреннике*).

Итак, (7) не может быть деривацией предложения (6). Однако если частичное стирание действительно является единственно возможным способом порождения в случаях типа (4), мы бы ожидали,

что при попытке разрыва островных ИГ, входящих в состав сочиненной группы, на выходе мы получим структуру, которую невозможно проинтерпретировать. По-видимому, это верное предсказание, ср. (8).

- (8) ^{??!}**Какими он ее порадовал новостями, а она его огорчила слетнями?*

2. Семантические аргументы

Как уже было показано, конструкции с разрывными ИГ могут по-разному интерпретироваться в зависимости от синтаксических механизмов разрыва. Рассмотрим подробнее, как именно осуществляется эта связь, на примере русских количественных групп с местоимением *сколько*, см. примеры ниже:

- (9) *Сколько книг никто не читал?*

- (10) *Сколько никто не читал книг?*

Пример (9) неоднозначен. Две возможные интерпретации представлены в (9') и (9'').

- (9') Каково число *n*, такое, что никто не читал *n* книг?

(Ответ: *547 500. Ну, то есть, это возможно, если жить 150 лет и читать по 10 книг в день.*)

- (9'') Каково число *n*, такое, что есть *n* книг, которых никто не читал?

(Ответ: *Наверное, очень мало: обычно у книги есть автор, который наверняка ее прочитывает.*)

Для предложения (10) доступна интерпретация (9'), однако интерпретация (9'') явно затруднена.

Если бы пример (10) порождался с помощью передвижения группы «сколько книг», за которым следовало бы частичное стирание копий в синтактико-фонологическом интерфейсе, то следовало бы ожидать, что интерпретационные возможности у предложения (10) были бы такими же, как у (9) (в модели, где фонологический и семантический интерфейсы не сообщаются). Поскольку это не так, приходится заключить, что в (10) происходит не передвижение группы «сколько книг» целиком, а, по-видимому, просто выдвигание слова «сколько».

3. Заключение

Рассмотренные факты позволяют говорить о том, что даже в рамках одного языка разрыв составляющей может иметь различную синтаксическую природу и это имеет важные последствия для дистрибуции и интерпретации. С помощью материала русского и других языков в нашей работе были уточнены семантические, синтаксические и фонологические предсказания разных вариантов анализа разрывных групп (включая не рассмотренное за недостатком места *остаточное передвижение* (remnant movement), ср. применение этого анализа к русскому материалу в [Kazenin 2009]).

Литература

- Fanselow, Damir 2002 — G. Fanselow, Ā. Damir. Distributed deletion // A. Alexiadou (ed.). *Theoretical Approaches to Linguistic Universal*. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 65–107.
- Kazenin 2009 — K. Kazenin. Russian splits between remnant movement and partial deletion, ms, 2009.
- Pereltsvaig 2007 — A. Pereltsvaig. Split-phrases in Colloquial Russian: A corpus study // Compton et al. (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics, the Toronto Meeting*. Ann Arbor: Michigan Slavica Publishers, 2007. P. 5–38.

Д. П. Попова

МГУ, Москва

ВТОРОЕ ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА

Данная работа посвящена исследованию второго прошедшего времени в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Материал получен в результате полевых исследований в рамках лингвистической экспедиции МГУ им. М. В. Ломоносова в селе Мужы Шурышкарского р-на ЯНАО в 2009 г. Описанию второго прошедшего времени в коми языке посвящен целый ряд работ, в частности [Siegle 2004; Лейнонен, Цыпанов 2007]. Такой интерес вызван прежде всего связью второго прошедшего времени с категорией эвиденциальности. Несмотря на наличие сравнительно полного описания отдельных значений второго прошедшего времени, вопрос о разграничении употребления первого и второго прошедших времен остается открытым.

1. Формальные характеристики второго прошедшего времени

Парадигма второго прошедшего времени представлена в Таблице 1:

Таблица 1

	утвердительные формы	отрицательные формы
1SG	<i>-ema</i> (PST2)	<i>abu</i> (NEG) + PST2
2SG	<i>-ema</i> (PST2) / <i>-emud</i> (PST2.2SG)	
3SG	<i>-ema</i> (PST2)	
1PL	<i>-ema-(e)s'</i> (PST2-PL)	
2PL	<i>-ema-(e)s'</i> (PST2-PL) / <i>-emnyd</i> (PST2.2PL)	
3PL	<i>-ema-(e)s'</i> (PST2-PL) / <i>-emny</i> (PST2.3PL)	

Второе прошедшее время структурно отличается от других синтетических времен. Это объясняется его именным происхождением. Формы второго прошедшего восходят к формам причастия

на *-et*, *-eta* (которые характерны и для современного языка) с соответствующими посессивными окончаниями во втором лице. В отличие от остальных времен, где отрицание образуется при помощи специального вспомогательного глагола, присоединяющего личные окончания, и смыслового глагола, отрицательная парадигма второго прошедшего представляет собой сочетание именного отрицания *abi* и глагола с лично-числовыми показателями.

Второе прошедшее не употребляется в вопросительных предложениях.

Актанты глагола во втором прошедшем времени всегда оформляются посессивным склонением.

Второе прошедшее может употребляться как в главном, так и в придаточном предложениях.

2. Семантика второго прошедшего времени

Граммемы второго прошедшего времени выражают целый спектр значений.

2.1. Перфект

- (1) *ronn-us*   *pySj-eta*
собака-POSS.3SG   убежать-PST2
'Собака убежала'.
- (2) *ronn-us*   *pySj-is*
собака-POSS.3SG   убежать-PST.3SG
'Собака убежала'.

Примеры (1) и (2) различаются употреблением второго и первого прошедшего времени соответственно.

В первом случае говорящий наблюдал не фазу развертывания ситуации, а только ее результат. Таким образом, возникает значение 'отчуждение говорящего от действия глагола'. Для того, чтобы говорящий смог успешно породить высказывание (1), не нарушив при этом максиму качества Грайса, он должен располагать некоторыми доказательствами истинности описываемой ситуации [Davis et al. 2007], что обеспечивается эвиденциальными значениями второго прошедшего времени (инферентивом и/или цитативом).

Во втором случае говорящий наблюдал как фазу развертывания ситуации, момент достижения предела, так и результат.

Это объясняет, почему носители языка отождествляют первое прошедшее то со вторым прошедшим (если фокусируют внимание на результате), то с настоящим временем (если фокусируют внимание на фазе развертывания ситуации). Также в этом случае говорящий своими глазами видел, как собака убежала, что дает основания для противопоставления первого и второго прошедшего в рамках категории эвиденциальности.

2.2. Эвиденциальные значения

2.2.1. Инферентив

- (3) *gEgEr luZa*
вокруг лужа
vojŋ-as zer-eta
ночь-ESS/ILL.POSS.3SG дождить-PST2
'Вокруг лужи, ночью был дождь'.

В примере (3) реализуется инферентивное значение, то есть говорящий судит о ситуации по тому, что он считает ее результатом. В данном случае, выходя утром на улицу и видя вокруг лужи, говорящий делает вывод, что ночью шел дождь. Если же говорящий слышал, видел, как ночью шел дождь, то будет употреблено первое прошедшее время (4):

- (4) *vojŋ-as zer-is*
ночь-ESS/ILL.POSS.3SG дождить-PST.3SG
'Ночью шел дождь'.

2.2.2. Инферентив/цитатив

- (5) *van'a kerka-yn abu uz'-eta*
ваня дом-ESS NEG спать-PST2
'Ваня дома не ночевал'.

В примере (5) может реализовываться как инферентивное значение, так и цитативное. В первом случае говорящий судит о ситуации по тому, что он считает ее результатом, например, по застеленной рано утром кровати. Во втором случае говорящий знает о ситуации от третьих лиц, например, от соседей. В случае, когда говорящий лично наблюдал ситуацию, используется первое прошедшее время (6):

- (6) *van'a kerka-yn iz uz'*
 ваня дом-ESS NEG.PST.3 спать
 'Ваня дома не ночевал'.

2.2.3. Цитатив

- (7) *sya s'E-ema byd lun rok*
 он есть-PST2 каждый день каша
 {В детстве, как я знаю от кого-то} 'он каждый день ел кашу'.
- (8) *sya s'E-is byd lun rok*
 он есть-PST.3SG каждый день каша
 {В детстве, я с ним вместе рос(ла)} 'он каждый день ел кашу'.

Как мы видим в примере (8), если говорящий лично был свидетелем описываемой ситуации, например, рос вместе с героем, то глагол оформляется показателем первого прошедшего времени, если же информация о ситуации была получена от кого-то, то используется показатель второго прошедшего времени (7).

2.3. Миративное значение

- (9) *van'a te taj kerka-yn abu uz'-ema*
 ваня ты то дом-ESS NEG спать-PST2
 'Ваня, ты дома не ночевал!'
- (10) *s'ir-ys taj s'oj-ema*
 щука-POSS3SG то есть-PST2
tyjanCinyd vaCeg-nyd-te
 вы.GEN2 рукавица-POSS.2PL-ACC.POSS.2SG
 'Щука (!) проглотила вашу рукавицу!'

Примеры (9) и (10) иллюстрируют миративное значение ('неожиданное обнаружение ситуации'), которое может дополнительно реализовываться показателем второго прошедшего времени.

2.4. Предшествование

- (11) *kysk-isnys kulem-se*
 вытащить-PST.3PL сеть-ACC.POSS.3SG
Sed-ema кутун-ke Ceri
 попасть-PST2 сколько-INDEF рыба
 'Вытащили сеть: попало несколько рыбин'.

- (12) *kor tame vo-is kErka*
 когда мама приходить-PST.3SG дом
nya uZin-se kar-ema-s'
 они ужин-ACC.POSS.3SG.PST2 делать-PST2-PL
 'Когда мама пришла домой, они (уже) приготовили ужин'.

Как видно из примеров (11), (12), показатель второго прошедшего может также обозначать предшествование какой-то ситуации в прошлом, то есть выражать таксис.

3. Выводы

Итак, различия в употреблении первого и второго прошедших времен выходят за рамки категории эвиденциальности. Результаты данного исследования подытожены в Таблице 2, представляющей факторы, влияющие на употребление того или иного прошедшего времени (см. также [Цыпанов 2002]):

Таблица 2

факторы	глаголы в I прош. вр.	глаголы во II прош. вр.
эвиденциальность	– (+)	+
результативность	– +	+
отчуждение говорящего от действия глагола	–	+
уверенность/неуверенность	+	+
доверительность/неполная доверительность источнику	+	?
указание на источник сведений о действии	–	+

Список условных сокращений

3 — лицо; ESS — эссив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; INDEF — неопределенность; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; PST — первое прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Лейнонен, Цыпанов 2007 — М. Лейнонен, Е. А. Цыпанов. Грамматическая семантика эвиденциальности в коми языке (на материале

- модального перфекта) // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 398–444.
- Цыпанов 2002 — Е. А. Цыпанов. К вопросу о факторах, определяющих употребление I и II прошедших времен в коми языке // *Linguistica Uralica* 38, 3, 2002. С. 165–175.
- Davis et al. 2007 — Ch. Davis, Ch. Potts, M. Speas. The pragmatic values of evidential sentences // M. Gibson and T. Friedman (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory 17*. Ithaca, New York, 2007. P. 17–88.
- Siegle 2004 — F. Siegle. The 2nd past in the permic languages. Form, function, and a comparative analysis from a typological perspective. M. A. Thesis. Tartu, 2004.

М. Ю. Пупынина

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**ПАРАДИГМАТИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ
ИМПЕРАТИВА И ПРОХИБИТИВА
В ЧУКОТСКОМ ЯЗЫКЕ**

В чукотском языке традиционно выделяют так называемое побудительно-повелительное наклонение, или императив [Скорик 1977: 74; Володин, Скорик 1997: 30]. Императив в чукотском языке имеет полную парадигму. По аспектуальному признаку выделяются два императивных спряжения: перфектив и имперфектив (ниже представлено перфективное спряжение):

- (1) *m-aɫʲeqat-ɣʲa-k*
1SG+IMPR-купаться-PF-1SG
'давай искупаюсь'
- (2) *q-aɫʲeqat-ɣe*
2SG+IMPR-купаться-PF
'искупайся'
- (3) *n-aɫʲeqat-ɣʲan*
3SG+IMPR-купаться-PF
'пусть искупается'
- (4) *mən-aɫʲeqat-mək*
1PL+IMPR-купаться-2PL
'давайте искупаемся'
- (5) *q-aɫʲeqat-ɣətək*
2PL+IMPR-купаться-PF
'искупайтесь'
- (6) *n-aɫʲeqat-ənət*
3PL+IMPR-купаться-PF
'пусть они искупаются'

Каждая из данных императивных форм предположительно должна иметь коррелятивную отрицательную побудительную форму

(прохибитив), полученную путем соответствующего преобразования глагола (чаще всего посредством добавления отрицательной частицы или аффикса к имеющейся форме, либо использованием вспомогательного глагола в соответствующей побудительной форме). В реальности же существует одна прохибитивная форма, образуемая сочетанием частицы *эпте* со смысловым глаголом в неизменяемой форме, образованной циркумфиксом *e-...-ke* (сильный вариант по гармонии гласных *a-...-ka*). В случае если предложение состоит только из прохибитивной формы, возможно употребление неизменяемой формы на *e-...-ke* без частицы. При использовании без глагола частица имеет *эпте* значение абстрактного запрещения ‘нельзя’, ‘не надо’.

(7) *эпте ekwet-ke joo-k*
 NEG.PRON выходить-NEG пурга-LOC
 ‘Не ходи в пургу’.

(8) *remkałʔən эпте a-wakʔo-ka ɲutku*
 гость NEG.PRON NEG-садиться-NEG здесь
 ‘Пусть гость не садится здесь’.

Судя по всему, эта форма может применяться исключительно ко 2 и 3 лицу. Это было подтверждено в ходе полевой работы, проведенной автором в 2008 году. Попытки с помощью русских и чукотских стимулов вызвать у информантов прохибитивные высказывания, относящиеся к 1 лицу, чаще всего были безрезультатны, либо же приводили к порождению высказываний с отрицанием в будущем времени. Например, стимул ‘Не пойду-ка я куда’ вызывал перевод, соответствующий фразе ‘Не пойду куда’. Предполагаемый перевод этого высказывания на чукотский язык с использованием прохибитивной частицы (*уэт эпте ekwetk-e*) был признан информантами неграмматичным.

Таким образом, для побудительных форм 1 лица множественного и единственного числа не существует коррелятивных отрицательных форм, что, по-видимому, не является нормальным случаем для естественного языка [Храковский, Володин 2001: 89].

Существует, однако, несколько другая точка зрения на императив в чукотском языке. Австралийский исследователь чукотского языка М. Данн выделяет не повелительное, а интенциональное наклонение (Intentional mood), одной из функций которого

является выражение императивного значения, которое проявляется при употреблении форм 2-го лица. [Dunn 1999: 188]. Следовательно, получается, что в чукотском языке нет показателей собственно императива. Нельзя согласиться с тем, что интенциональное наклонение, если оно существует, используется для выражения побудительного значения только во втором лице, т. к. существуют примеры, противоречащие такой точке зрения:

- (9) *kitakun tən-cajo-mək!*
 давайте 1PL+IMPR-пить.чай-2PL
 ‘Давайте пить чай!’

Тем не менее, нельзя отрицать и того, что некоторые примеры М. Данна не могут быть истолкованы как чисто побудительные:

- (10) ⟨...⟩ *jureq tə-l²u-²e-n miŋkə* ⟨...⟩
 может.быть 1SG.A+INT-видеть-PF-3SG.O где-то
 ‘Может быть, я ее увижу где-нибудь’. [Dunn 1999: 188]

Обратимся теперь к родственным чукотскому языкам — корякскому и алюторскому. В алюторском языке формы, материально схожие с формами чукотского интенционала-императива, относятся к оптативному наклонению со значением намерения осуществить событие или желания его осуществления [Кибрик и др. 2000: 233]. В корякском языке соответствующие формы относятся к «повелительному наклонению» [Жукова 1972: 240]. Однако и в корякском, и в алюторском существует также неспрягаемая форма с императивным значением, образуемая с помощью циркумфикса *ya-...-(t)a*.

- (11) ⟨...⟩ *y-awwaw-a rara-ŋ* ⟨...⟩
 IMPR-отправляться-IMPR дом-DAT
 ‘Отправляйся домой’. [Кибрик и др. 2000: 223]

В корякском идентичная форма называется «повелительной неочевидной формой» [Жукова 1972: 244].

Отрицание в императиве оформляется в алюторском схожим с чукотским способом: посредством сочетания частицы *katwəl* с глаголом в форме «отглагольного предикатива» *a-...-ka* [Кибрик и др. 2000: 227]. Отличие состоит в том, что в алюторском языке этот предикатив без данной частицы не всегда придает словоформе значение отрицания действия.

- (12) <...> *kətwəl yəttə a-wintat-ka tənjnə = svi.site-k* <...>
 не ты+NOM PRED-помогать-PRED роґ=пилить-INF
 ‘...ты не смей помогать пилить бивни...’
 [Кибрик и др. 2000: 227]

Отрицание оптатива образуется другим способом: знаменательный глагол в форме *ниґ-...-(t)a* + оптатив вспомогательного глагола. Для корякского языка эта же форма охарактеризована как прохибитив [Жукова 1972: 277], что, по-видимому, не вполне соответствует действительности.

Таким образом, в алюторском и корякском языках система положительных и коррелятивных отрицательных форм оказывается симметричной: безличная форма императива — безличная форма прохибитива; личные формы оптатива — вспомогательный глагол в оптативе + безличная форма отрицания. В связи с этим представляется логичным предположить, что и в чукотском языке существовала некая не имеющая аффиксов лица императивная форма, которая впоследствии исчезла, возможно, под влиянием русского языка, в результате чего интенционал (оптатив?) частично начал выполнять апеллятивную функцию, свойственную императиву.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; A — агенс; DAT — датив; IMPR — императив; INF — инфинитив; INT — интенционал; LOC — локатив; NEG — отрицание; O — прямое дополнение; PF — перфектив; PL — множественное число; PRED — предикатив; PRON — прохибитив; SG — единственное число.

Литература

- Володин, Скорик 1997 — А. П. Володин, П. Я. Скорик. Чукотский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 23–39.
 Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Фонетика и морфология. Л.: Наука, 1972.
 Кибрик и др. 2000 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор алюторцев. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.
 Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. II: Глагол. Наречия. Служебные слова. Л.: Наука, 1977.
 Храковский, Володин 2001 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. М.: УРСС, 2001.
 Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. PhD Thesis, Australian National University, Acton, 1999.

П. В. Руднев

РГГУ, Москва

РЕФЛЕКСИВЫ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ И ПРИРОДА АНАФОРИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

1. Введение

В настоящей работе мы намерены показать, что традиционное для отечественного языкознания отождествление анафорических отношений и кореферентности ведет к ряду неверных предсказаний, как относительно отношений «антецедент — местоимение», так и касательно структуры простого предложения в целом.

В работах [Голдова 1999] и [Лютикова 2001] приводятся многочисленные примеры на материале цахурского и багвалинского языков, в которых предполагаемые нарушения принципов теории связывания не приводят к неграмматичности предложений:

БАГВАЛИНСКИЙ ЯЗЫК [Лютикова 2001: 624]

(1a) *in-ṣ̌u-r-da*   *ima*   *w=eṣ̌iši*
сам-OBL-M-ERG   отец   М=хвалить
{Никто отца не хвалил.} ‘Отец сам себя похвалил’.

(1б) *ima-ṣ̌u-r*   *e=w=da*   *w=eṣ̌iši*
отец-OBL-M-ERG   сам-M   М=хвалить
{Отец никого не хвалил.} ‘Отец самого себя похвалил’.

Согласно стандартной теории связывания, предложение (1a) должно быть неграмматичным, т. к. подлежащее, маркированное эргативом, выражено рефлексивным местоимением, а его антецедент находится в менее приоритетной синтаксической (и семантической) позиции. На основании подобных данных авторы делают два вывода: (i) структура глагольной группы в дагестанских языках является «плоской», т. е. отсутствует асимметрия между актантами глагола; (ii) анафорические отношения в дагестанских языках регулируются прагматическими факторами вместо синтаксических.

Опираясь на материал аварского языка, мы продемонстрируем, что подобный взгляд на грамматическую анафору объясняет лишь небольшую часть наблюдаемых фактов, а также предложим

дополнительный механизм, семантическое связывание, способный объяснить остальные. Кроме того, мы исследуем возможность интерпретации указательных местоимений в аварском и багвалинском языках как связанной переменной.

2. Природа анафорических отношений

В формально-семантической традиции принято выделять по крайней мере две разновидности анафорических отношений: кореферентность и семантическое/логическое связывание. В первом случае необходимо, чтобы и антецедент, и местоимение обладали собственной референцией; в том случае, если их референты совпадают, говорят о **кореферентности** (2). Во втором случае местоимение интерпретируется в математическом смысле как переменная, связанная оператором, у которого нет конкретного референта (3).

- (2) *Ваня_i видит себя_i в зеркале.* (и *Ваня*, и местоимение имеют в качестве референта Ваню)
- (3) *Каждый студент любит себя.* (у ИГ *каждый студент* нет конкретного референта)
 $\forall x. \text{студент}(x) \rightarrow \text{любить}(x, x)$

Существует три теста на семантическое связывание: (i) прочтения эллиптических ГГ; (ii) кванторные антецеденты для местоимений; (iii) фокусное выделение. Интересно отметить, что в случаях локальной рефлексивизации местоимения всегда интерпретируются как связанная переменная, вне зависимости от природы антецедента.

- (4) *Ваня любит себя, и Маша тоже.*
 = 'Маша любит себя'.
 ≠ 'Маша любит Ваню'.

Семантическая формула, подобная (3), неспособна объяснить подобное явление, т. к. в предложении (4) нет ни одного квантора; кроме того, одним из обязательных требований эллипсиса является требование идентичности предикатов.

Принято считать, что для установления анафорических отношений у антецедента и местоимения должны совпадать согласовательные признаки (ф-признаки в генеративной терминологии, включающие лицо, число и род). Не менее правдоподобной была

бы гипотеза о том, что соответствующие согласовательные признаки размещены на глаголе, с которым согласуется сначала местоимение, а потом и антецедент (ср. [Kratzer 2009; Adger 2011]). Кроме того, необходимо упомянуть, что семантическое связывание, в отличие от кореферентности, регулируется очень жесткими структурными ограничениями (в частности, принято считать, что для установления подобных отношений антецедент должен находиться в синтаксически приоритетной позиции).

(5) Ваня λx .любить(x,x), и Маша λx .любить(x,x)

3. Семантическое связывание в дагестанских языках

Как мы уже видели, в локальных контекстах рефлексивные местоимения обычно получают интерпретацию связанной переменной. Вернемся теперь к дагестанским языкам. Пара предложений в (1) представляет собой как раз такой синтаксический контекст, однако оба предложения грамматичны.

В аварском языке аналоги таких предложений в аналогичных контекстах также приемлемы, однако на данном этапе резонно задать вопрос, не являются ли подобные предложения случаями кореферентности. Чтобы исключить такую возможность, заменим антецедентные ИГ на кванторные:

(6а) **Жинцаго цибав вас вецулев₁ вукIана₂.*
сам.OBL.ERG каждый сын хвалить_{1,2}
Ожид.: 'Каждый сын сам себя хвалил'.

(6б) **Щибав васас живго вецулев₁ вукIана₂.*
каждый сын.ERG сам хвалить_{1,2}
'Каждый сын хвалил самого себя'.

Аналоги предложения (6а) с предикатами другой семантики, требующими подлежащего в дативе или локативе, одинаково неграмматичны:

(7) **Жиндиего цибав вас вокьула.*
сам.OBL.DAT каждый сын любит
Ожид.: 'Каждый сын сам себя любит'.

(8) **Щибав вас жиндаго вихьана матIуяльув.*
каждый сын сам.LOC видит в.зеркале
Ожид.: 'Каждый сын сам себя видит в зеркале'.

Функционально-прагматический подход к анафорическим отношениям не может объяснить контраст между (6а), (7), (8) и (1а), не вводя в действие никакого дополнительного механизма. На наш взгляд, теория с семантическим связыванием как основным механизмом локальной рефлексивизации в совокупности с гипотезой об иерархическом устройстве глагольной группы даже в языках со свободным порядком слов является по крайней мере не менее, а с точки зрения эмпирических данных даже более адекватной.

Очевидно, однако, что на кореферентность также должны налагаться некоторые ограничения, причем механизм «фокуса эмпатии» может сыграть роль как раз такого ограничения.

В кавказоведческой литературе (напр., [Алексеев, Атаев 1997]) также нередко можно встретить утверждения о том, что в дагестанских языках отсутствуют анафорические местоимения 3 лица и их функция (частично) выполняется различными классами указательных местоимений. Следует обратить внимание на то, что анафорические и демонстративные местоимения, несмотря на несомненное наличие общих черт, имеют ряд очень важных отличий в синтаксическом и семантическом поведении.

Мы покажем, что есть основания считать аварское указательное местоимение *гъев* 'тот' анафорическим местоимением 3 лица, так как оно (i) может употребляться самостоятельно; (ii) может употребляться с синтаксически приоритетным антецедентом; (iii) может получать интерпретацию связанной переменной. Помимо этого, мы предложим синтез моделей П. Элборна, Д. Эджера и А. Кратцера для объяснения общих черт различных классов местоимений в отношении семантического связывания.

В [Kratzer 2009; Adger 2011] предлагается считать, что основой каждого местоимения является переменная типа $\langle e \rangle$, над которой в определенном иерархическом порядке расположены согласовательные признаки рода, числа и лица. Признаки рода и числа можно рассматривать как частичные функции идентичности с соответствующей пресуппозицией, в то время как признаки числа являются множествообразующими. У указательных местоимений вместо признаков лица имеются дейктические признаки [Elbourne 2008]. Для того, чтобы все местоимение имело семантический тип $\langle e \rangle$, а не $\langle e, t \rangle$, самым верхним элементом в расширенной

проекция является D с признаком [def], который интерпретируется как йота-оператор, вводящий пресуппозицию существования и уникальности. Таким образом, местоимения, являясь проформой ИГ, понимаются как дефинитные дескрипции.

Переменная типа <e>, которую мы вслед за Д. Эджером будем обозначать как [ID], соответствует связанным местоимениям (резумптивным, рефлексивным, взаимным); местоимения со структурой [D [Phi [ID]]] будут интерпретироваться как референциальные. В любом случае, связывание переменной [ID] будет осуществляться «фазовой» вершиной (D, v, C), что гарантирует идентичность предикатов в случае эллипсиса глагольной группы и, соответственно, коварирующие прочтения местоимений.

Список условных сокращений

DAT — дательный падеж; ERG — эргатив; LOC — местный падеж; M — мужской род; OBL — косвенная основа.

Литература

- Алексеев, Атаев 1997 — М. Е. Алексеев, Б. М. Атаев. Аварский язык. Москва: Академия, 1997.
- Лютикова 2001 — Е. А. Лютикова. Анафорические средства // А. Е. Кибрик (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. Москва: Наследие: 2001. С. 615–681.
- Толдова 1999 — С. Ю. Толдова. Местоименные средства поддержания референции // А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. Москва: Наследие, 1999. С. 629–674.
- Adger 2011 — D. Adger. Bare resumptives // A. Rouveret (ed.). Resumptives at the Interfaces. London: Elsevier, 2001. P. 343–366.
- Elbourne 2008 — P. Elbourne. Demonstratives as individual concepts // Linguistics and Philosophy 31, 4, 2008. P. 409–466.
- Kratzer 2009 — A. Kratzer. Making a pronoun: Fake indexicals as windows into the properties of pronouns // Linguistic Inquiry 40, 2, 2009. P. 187–237.

К. П. Семенова

МГУ, Москва

**К ВОПРОСУ О ТИПАХ ВЫРАЖЕНИЯ ФОКУСА
(современный восточноармянский язык
на фоне других языков кавказского ареала)**

Наша основная задача заключается в описании механизмов фокусного маркирования в современном восточноармянском языке (далее, где это не приводит к неоднозначности, просто «армянский»), а также их сопоставление с аналогичными механизмами, зафиксированными в дагестанских языках.

В самых общих чертах принципы фокусного маркирования в армянском языке изложены в обзорной статье [Comrie 1984]¹, однако работа проводилась на весьма ограниченном языковом материале и некоторые утверждения нуждаются в поправках и серьезных дополнениях. Так, например, анализируя ряд вопросительных контекстов с синтетическими глагольными формами (которые нас будут интересовать в меньшей степени), автор приходит к выводу о том, что фокусный аргумент занимает место непосредственно перед финитным глаголом (таким образом, фокусное выделение², по всей видимости, влияет на линейный порядок слов). В частности, для контекстов с вопросительным местоимением, относящимся к субъекту (*ov* ‘кто’) или объекту (*inč* ‘что’) глагола, это означает, что оно всегда будет находиться в предглагольной позиции, поскольку в вопросительных предложениях

---

¹ Этой же проблематике посвящена чуть менее удачная, на наш взгляд, работа [Tamrazian 1991], выполненная в рамках генеративной теории описания языка. Тем не менее мы благодарны рецензенту, любезно указавшему нам на данный источник.

Автор также глубоко признателен Виктории Хуршудян и Олегу Беляеву за их неоценимую помощь в ходе работы.

² Говоря о контекстах с синтетическими глагольными формами, следует помнить, что в ряде дагестанских языков в таких случаях фокусное выделение вообще невозможно без замены глагольной словоформы [Сумбатова 2004: 492–493].

именно местоимение находится в фокусе³. В большинстве случаев это верно, однако существует ряд контекстов, опровергающих данное утверждение, например:

- (1) *tas-ə rope-um es inč' karov*
 10-DEF[NOM] минута-LOC я[NOM] что[NOM] способный
em anel?
 быть-PRES.1SG делать-INF
 'Что я могу сделать за десять минут?'⁴

В контекстах с аналитическими глагольными формами (которые практически не рассматриваются в [Comrie 1984]) ситуация в армянском (генетически неродственном большинству языков кавказского ареала) во многом схожа с засвидетельствованной в ряде дагестанских языков: фокусный аргумент занимает в предложении позицию, непосредственно предшествующую компоненту, выражающему предикативные категории глагола, в частном случае — вспомогательному глаголу-связке (см. далее примеры (2)–(5)). Вопрос о происхождении подобного механизма, безусловно, заслуживает отдельного исследования, которое, однако, в рамках данной работы не проводилось⁵.

- АРМЯНСКИЙ
 (2) *vard-n ač-um ē*
 роза-DEF[NOM] расти-IPFV AUX.PRES.3SG
p'ok'r partez-um
 маленький сад-LOC
 'Роза растет в маленьком саду'. (нейтр.)

³ Б. Комри определяет фокус как «необходимую новую информацию, которая присутствует или о которой спрашивается в данном предложении» («focus of a sentence, i.e., the essential new information that is presented or asked about in that sentence»).

⁴ Примеры (1)–(3) и (8) получены при помощи Восточноармянского национального корпуса (<http://www.eanc.net>). Вопросительная конструкция типа *inč' + ē + karov + V_{inf}* (т. е. те случаи, когда изменяемая глагольная форма следует непосредственно за вопросительным местоимением) встречается в корпусе всего 8 раз. Базовым (более 2000 вхождений) является вариант с порядком слов, представленным в (1).

⁵ Вероятно, можно говорить об историческом влиянии среднеперсидского языка.

(3а) *vard-ə p'ok'r partez-um ē ač-um*
 роза-DEF[NOM] маленький сад-LOC AUX.PRES.3SG расти-IPFV
 'Роза растет в маленьком саду'.

(3б) *vard-ə partez-um ē*
 роза-DEF[NOM] сад-LOC AUX.PRES.3SG
p'ok'r ač-um
 маленький расти-IPFV
 'Роза растет в маленьком саду'.

ЦАХУРСКИЙ (цитируется по [Кибрик (ред.) 1999]):

(4) *alli a=r-ē-wo=r*
 Али:НОМ приходит=CL1-PF-COP=CL1
 'Али пришел'. (нейтр.)

(5) *alli-wo=r a=r-ē*
 Али:НОМ-COP=CL1 приходит=CL1-PF
 'Али пришел'.

(В примере (3б), свойственном скорее для разговорной речи, следует отметить изменение базового линейного порядка составляющих именной группы (при нейтральном употреблении прилагательное предшествует определяемому существительному), что в общем случае нетипично для фокусных конструкций кавказского ареала).

Такой морфо-синтаксический (при помощи подвижной позиции глагола-связки) способ маркирования фокусного аргумента представлен, в частности, в ицаринском диалекте даргинского языка, в цахурском, в лакском и нек. др. языках. Саму связку в этом случае мы можем, вслед за Н. Р. Сумбатовой [Сумбатова 2004], называть неспециализированным показателем фокуса.

В ряде дагестанских языков зафиксированы и специализированные показатели фокуса, которые, так же как и неспециализированные, занимают в высказывании позицию после выделенной именной группы. Таковы, например, мегебское *-g_oa* или аварское *-Xa*. Ср.:

АВАРСКИЙ (цитируется по [Казенин 1997]):

(6) *was-as mašina tunk-ana*
 мальчик-ERG машина:НОМ сломать-PAST
 'Мальчик сломал машину'.

- (7) *was-as-Xa mašina*
 мальчик-ERG-FOC машина:NOM
tunk-ara=b
 сломать-PRT.PAST=CL3
 ‘Именно мальчик сломал машину’.

Помимо кратко описанной выше морфо-синтаксической стратегии оформления фокусного компонента высказывания, фокусное выделение в армянском может маркироваться и лексически — при помощи дискурсивных частиц со значением ‘ведь, же’: *č’ē or, axr* (разг.), *ho* (разг.). Однако, в отличие, например, от даргинского, где аналогичные по значению элементы занимают позицию после фокусного аргумента (при этом «вытесняя вспомогательный компонент или его часть» [Сумбатова 2004: 490]), в армянском дискурсивные частицы употребляются преимущественно перед именной группой или же в начале всего предложения. Ср.:

- АРМЯНСКИЙ
 (8) *Ho k’ar č’-i*
 но.ведь камень[NOM] NEG-быть.PRES.3SG
mard ē!
 человек[NOM] быть-PRES.3SG
 ‘Но ведь он же не камень, он человек!’

- ДАРГИНСКИЙ (цитируется по [Сумбатова 2004]):
 (9) *it-il-q’al qu b=ax-un-ci*
 он-ERG-же[FOC] поле[ABS] CL3=сеять:PF-AOR-ATR
 ‘Это же он поле засеял’.

В настоящей работе мы представили описание морфо-синтаксически и лексически оформленных фокусных конструкций армянского языка (чуть более полное, чем это было сделано в [Comrie 1984]) и сопоставили полученные результаты с данными по некоторым дагестанским языкам.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ATR — атрибутив; ABS — абсолютив; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол; CL1 — класс 1; CL3 — класс 3; COP — связка; DEF — определенность; ERG — эргатив; FOC — фокус; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LOC — локатив; NEG — отрицание;

NOM — номинатив; PAST — прошедшее время; PF — перфект; PRES — настоящее время; PRT — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Казенин 1997 — К. И. Казенин. Синтаксические ограничения и пути их объяснения (на материале дагестанских языков). Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 1997.
- Кибрик (ред.) 1999 — А. Е. Кибрик (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999.
- Сумбатова 2004 — Н. Р. Сумбатова. Коммуникативные категории и система глагола (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // В. С. Храковский и др. (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004. С. 487–504.
- Comrie 1984 — В. Comrie. Some formal properties of focus in modern Eastern Armenian // *Annual of Armenian Linguistics* 5, 1984. P. 1–22.
- Tamrazian 1991 — А. Tamrazian. Focus and wh-movement in Armenian // *University College London Working Papers in Linguistics* 3, 1991. P. 101–121.

Н. В. Сердобольская

МГППУ, Москва

**ОБРАТНЫЙ КОНТРОЛЬ
В СВЕТЕ ПРИНЦИПОВ ТЕОРИИ СВЯЗЫВАНИЯ
(на материале кункинского языка)¹**

1. Введение

В настоящее время в центре внимания многих исследователей находится явление, получившее название «обратного» контроля (backward control). О контроле принято говорить в случае, если в конструкции с сентенциальным актантом (далее: СА) одна из именных групп (далее: ИГ) в зависимой предикации должна быть кореферентна некоторой ИГ в главной предикации. Например, в русском предложении *Девочка начала мыть посуду* имеет место субъектный контроль: нулевой элемент в зависимой клаузе *мыть посуду*, обозначающий агенса, контролируется ИГ *девочка* в главной предикации.

Термин «обратный контроль» был предложен для обозначения конструкций с глаголами контроля, в которых нулевой элемент находится в главной клаузе, а его антецедент — в зависимой:

- ЦЕЗСКИЙ
(1) [kid-bā_i   ziya   b-išr-a]
девушка.II-ERG   корова.III.ABS   III-кормить-INF
y-oq-si
II-начинать-PST.EVID
'Девушка начала кормить корову'.

[Polinsky, Potsdam 2002: 246]

Глагол 'начинать' в цезском языке оформляет именной актант абсолютивом. Однако можно видеть, что ИГ 'девушка' в (1) выступает в эргативе. Следовательно, данная ИГ принадлежит не главной, а зависимой клаузе, т. е. получает эргативное маркирование

---

¹ Материал настоящего исследования был собран при поддержке гранта № 07-04-00266а Российского гуманитарного научного фонда.

от переходного глагола ‘кормить’. То есть, происходит кореферентное сокращение, но в отличие от соответствующего русского предложения (см. перевод), антецедент в зависимой клаузе контролирует ноль в главной, а не наоборот.

Данное явление зафиксировано во многих нахско-дагестанских языках, а именно, в цахурском [Лютикова, Бонч-Осмоловская 1999: 500], рутульском, крызском [Кибрик 2003], бежтинском и др. Кроме того, конструкции с обратным контролем обнаружены в абхазо-адыгских языках [Polinsky, Potsdam 2006], японском, корейском, мальгашском, бразильском варианте португальского; конструкции со сходными свойствами — в румынском и новогреческом.

В настоящей работе исследуются свойства обратного контроля в кункинском языке (даргинская группа нахско-дагестанских языков). Делается попытка выявить параметры типологического варьирования, которые коррелируют с обратным контролем.

2. Обратный контроль в кункинском языке

Покажем, что конструкции кункинского языка демонстрируют обратный контроль. Рассмотрим примеры с глаголами $(=a)=i\check{s}$ - ‘начинать’ и $=ir\chi_o$ - ‘мочь’. Данные глаголы имеют валентность на СА, который может оформляться конъюнктивом или конвербом, и на именной актанта. При ‘начинать’ именной актанта кодируется абсолютивом, при ‘мочь’ — дативом:

(2) *rirs:i* $r = a-r = i\check{s}:ib$ *palaw* $b = uk-le$
 девочка(ABS) F=начинать-F=LV-PRET каша   N=есть-CONV
 ‘Девочка начала есть кашу’.

(3) *rirs:i-li-j* $r = ir\chi_o-an-ne$ $b = ar\chi-aj$ *awa*
 девочка-OBL-DAT F=мочь-POT-FUT.3 N=шить-CONJ.3/3 платье
 ‘Девочка может сшить платье’ (букв. ‘сможет’).

Глагол ‘начинать’ имеет модель управления <ABS S>, глагол ‘мочь’ — <DAT S>. То есть, оба глагола, кроме СА, присоединяют один именной актанта. При глаголе ‘начинать’ данный актанта оформляется абсолютивом, при ‘мочь’ — дативом. Можно видеть, что именной актанта в (2) и (3) принадлежит главной клаузе, а не зависимой, т. к. 1) данный актанта получает то падежное

оформление, которое диктуется матричным предикатом (вложенный предикат является переходным и требовал бы эргатива) и 2) он контролирует классное согласование главного предиката.

Такие конструкции имеют структуру, параллельную соответствующим русским переводам: антецедент в главной клаузе контролирует ноль в зависимой клаузе. Однако оба анализируемых глагола допускают и конструкцию с обратным контролем:

(4) [rirs:i-li palaw b=uk-le] r=a-r=iš:-ib
 девочка-ERG каша N=есть-CONV F=начинать-F=LV-PRET
 ‘Девочка начала есть кашу’.

(5) [rirs:i-li awa b=arχ-aj] r=irχ_o-an-ne
 девочка-ERG платье N=шить-CONJ.3/3 F=мочь-POT-FUT.3
 ‘Девочка может сшить платье’.

В (4) и (5) *rirs:i* ‘девочка’ присоединяет показатель эргатива, т. е. получает оформление от вложенного предиката. При этом, как и в цезском, позиция именного аргумента в главной клаузе сохраняется, т. к. главный предикат, как и в (1), согласуется по женскому классу. Это говорит о том, что в главной клаузе находится некоторый нулевой элемент, кореферентный эргативной ИГ. Следовательно, (4)–(5) представляют собой конструкции с обратным контролем, как и (1) в цезском.

В кункинском языке такие конструкции возможны при следующих глаголах, присоединяющих СА: (=a)=iš:- ‘начинать’, =uχ:- ‘уметь, знать’, =ik:- ‘хотеть’ и =irχ_o- ‘мочь’.

Данные конструкции в полной мере отвечают критериям обратного контроля, предложенным [Polinsky, Potsdam 2002, 2006] и др. В частности, биклаузальность рассматриваемых конструкций можно доказать на основе наречного теста: конструкция с обратным контролем может содержать два наречия, одно из которых семантически модифицирует главную, второе — зависимую клаузу:

(6) [ajba-li ijale nerʋ d=arq'-uj]
 мать-ERG сегодня суп NPL=делать-CONJ.3/3
 s:a b=ik-il-de
 вчера N=хотеть-ATR-PST
 ‘Мать вчера хотела сварить сегодня суп’, {а теперь передунала}.

Кроме непосредственно падежного маркирования, ряд тестов показывает, что ИГ в эргативе действительно принадлежит зависимой, а не главной клаузе. Например, тест на эллиптическое опущение:

(7a) *il-e-li*   *bagur-me*   *d = irc-ib*
 DEM-OBL-ERG   тарелка-PL   NPL=мыть-PRET
il-e-j   —   *ʒavunne*   *akli-xar*
 DEM-OBL-DAT   надо   NEG.COP-хотя
 {Девочка пришла в гости.} ‘Она помыла тарелки, хотя не должна была’.

(7б) *⟨...⟩ *il-e-li*   —   *ʒavunne*   *akli-xar*
 DEM-OBL-ERG   надо   NEG.COP-хотя
 Ожид.: {Девочка пришла в гости. Она помыла тарелки},
 хотя не должна была’.

При «обычном» контроле допускается опущение составляющей *bagurme dircij* (7a), при обратном контроле (7б) — нет. Это говорит о том, что ИГ в эргативе и главный предикат не образуют отдельную составляющую, т. е. данная ИГ принадлежит зависимой клаузе.

Можно заключить, что кункинские конструкции в (2) и (3) представляют собой пример обратного контроля.

3. Обратный контроль как параметр языкового варьирования

В работах М. Полинской и Э. Потсдама предлагается следующая трактовка обратного контроля: соответствующие конструкции возникают при глаголах, имеющих синтаксическую валентность на именной актанта и обладающих специальным признаком [+D] [Polinsky, Potsdam 2002: 273–276]. Такой подход предполагает введение признака [+D], который интерпретируется, как способность глагола, имеющего валентность на СА, выступать без субъекта (т. е. необязательность условия ЕРР для закрытого списка глаголов). То есть, обратный контроль рассматривается как самостоятельный параметр языкового варьирования.

Мы предполагаем, что обратный контроль не является самостоятельным параметром, а возникает под действием более широкого типологического параметра.

Рассмотрим следующие примеры из кункинского:

- (8) $b = ux_{\circ} -al-le$ $ca = b-i$ [azaj
 N=знать-ATR-CONV   COP=N-COP   сестра
ɯurš   *sarč'-ib*]
 завтра   НТНЕР+идти-ПРЕТ
 'Сестра знает, что придет завтра'. (букв. 'Знает, что сестра
 придет завтра'.)
- (9) [murad-li   ekzamen   d = elk_o -an-da   ible]
 Мурад-ERG   экзамен   NPL=сдать-POT-1   COMPL
pikri   *ik'-il* $ca = w-i$
 думать   говорить-ATR   COP=M-COP
 'Мурад думает, что он сдаст экзамен'. (букв. 'Думает, что
 Мурад сдаст экзамен'.)

Такие конструкции в теории управления и связывания трактуются в терминах нарушения принципа С [Chomsky 1981: 188]: референциальное выражение не может быть связанным (т. е. не может быть кореферентно ИГ, имеющего структурный приоритет над данным выражением). Из данного принципа следует, что анафорическое выражение не может быть структурно выше своего антецедента.

Как представляется, обратный контроль представляет собой частный случай нарушения принципа С в СА: различие состоит в том, что при обратном контроле идет речь только о конструкциях с СА и только при ограниченном числе предикатов — это так называемые предикаты с кореферентным сокращением, или предикаты контроля (т. е. предикаты, не допускающие, чтобы на месте нулевого элемента находилась полная ИГ или анафорическое выражение).

Нарушение принципа С в СА² зафиксировано, помимо кункинского, в ряде языков Кавказа: это абхазо-адыгские языки [Минор 2005] и цахурский [Толдова 1999: 660–665]. Таким образом, список языков, допускающих обратный контроль, включает языки, в которых возможно нарушение принципа С. Мы предполагаем,

² Уточним, что здесь идет речь о нарушении условия С именно в СА. В обстоятельственных и относительных предложениях условие С нарушается и в языках европейского стандарта (см. [Reinhart 1983]).

что данное пересечение не случайно, а является результатом прямой зависимости между данными явлениями. А именно, если в языке необязателен принцип структурного приоритета антецедента над анафорическим выражением (и, шире, принцип С теории управления и связывания), в нем возможен обратный контроль.

4. Выводы

В работе анализируются конструкции с обратным контролем в кункинском языке. Мы рассматриваем данные конструкции в свете критериев М. Полинской и Э. Потсадама, разработанных для цезского, корейского и других языков с обратным контролем, и показываем, что данные конструкции в полной мере отвечают указанным критериям.

Обратный контроль трактуется исследователями, как самостоятельный параметр языкового варьирования. Мы предполагаем, что данный подход не вполне адекватен. Наличие таких конструкций в языках Кавказа — не особенность глаголов контроля, а является следствием необязательности принципа С в этих языках.

Список условных сокращений

ABS — абсолютив; ATR — атрибутив; COMPL — комплементаризатор; CONJ — конъюнктив; CONV — деепричастие; COP — связка; DAT — датив; DEM — указательное местоимение; ERG — эргатив; EVID — эвиденциалис; F — женский грамматический класс; FUT — будущее время; HITHER — направление к говорящему; INF — инфинитив; LV — вспомогательный глагол (light verb); M — мужской грамматический класс; N — грамматический класс неодушевленных имен; NEG — отрицание; NPL — неличный множественный класс; OBL — косвенная основа; PST.EVID — эвиденциальное прошедшее; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRET — прошедшее время; PST — показатель ретроспективного сдвига.

Литература

- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
Лютикова, Бонч-Осмоловская 1999 — Е. А. Лютикова, А. А. Бонч-Осмоловская. Актантные предложения // А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец

- (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1999. С. 481–537.
- Минор 2005 — С. А. Минор. Нулевая анафора в конструкциях с сентенциальными актантами, или *When pro isn't there*. Рукопись. 2005.
- Толдова 1999 — С. Ю. Толдова. Местоименные средства поддержания референции // А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 629–674.
- Chomsky 1981 — N. Chomsky. *Lectures on Government and Binding*. Dordrecht: Foris, 1981.
- Polinsky, Potsdam 2002 — M. Polinsky, E. Potsdam. Backward control // *Linguistic Inquiry* 33, 2, 2002. P. 245–282.
- Polinsky, Potsdam 2006 — M. Polinsky, E. Potsdam. Expanding the scope of control and raising // *Syntax* 9, 2006. P. 171–192.
- Reinhart 1983 — T. Reinhart. *Anaphora and Semantic Interpretation*. London: Croom Helm, 1983.

Н. М. Стойнова

МГУ, Москва

К ТИПОЛОГИИ РЕФАКТИВНО-ХАБИТУАЛЬНОЙ ПОЛИСЕМИИ

В работе рассматриваются случаи полисемии глагольных значений рефактива ('однократное повторение ситуации') и значений хабитуальной семантической зоны ('регулярное повторение ситуации'). Полисемия рефактива и хабитуалиса не является типологически частым явлением. Тем не менее, в некоторых языках отмечается возможность употребления показателей рефактива для выражения разных типов хабитуального или близких к хабитуальному значений.

1. Собственно хабитуальное значение

Очевидного случая совмещения рефактивного значения с собственно хабитуальным нам не известно. Но в описаниях некоторых атабаскских языков (слэйви [Rice 2000: 292], бивер [Randoja 1990: 128], коюкон [Axelrod 1990: 171–177], танайна [Tenenbaum 1978: 53]) в качестве одной из функций рефактивного префикса *na-* фигурирует выражение хабитуального значения. В этом случае он присоединяется к специальной основе хабитуалиса¹. Употребление глаголов с основой хабитуалиса в хабитуальных контекстах без рефактивного префикса также возможно. Ср. примеры из слэйви на рефактивное (1) и хабитуальное (2) употребления префикса *na-*:

- СЛЭЙВИ (атабаскский) [Rice 2000: 62, 293]
- (1) *na-shé-tj*
REP-INCORP-обедать
'Она опять обедает'.
- (2) *'e-ghá-na-lé-g-a-the*
OBJ-для-REP-DU-ASP-идти.НАВ
'Они регулярно ходили за мясом'.

---

¹ «customary stem».

Поскольку рефактивный показатель является в данном случае не единственным и не основным средством выражения хаби-туалиса, встает вопрос об интерпретации подобных употреблений. Можно предположить, что показатель рефактива в хаби-туальных контекстах выражает то же самое рефактивное значение или значение близкое к собственно рефактивному², «нейтрализованное» хаби-туальным: ‘регулярно [делать опять]’ ≈ ‘регулярно делать’. Таким образом, например, естественнее всего трактовать примеры из французского языка типа:

- (3) ... *et voitures et piétons patinent toujours sur 30 centimètres de gadoue qui re-gèle chaque nuit et sur laquelle il re-neige 10 centimètres chaque jour*³.

‘И машины, и пешеходы все время скользят по грязи в тридцать сантиметров, которая каждую ночь (опять) замерзает и каждый день (опять) покрывается слоем снега в 10 сантиметров’.

Интерпретация французского *re-* как показателя хаби-туалиса кажется странной, но можно предположить, что атабаскский *na-* и французское *re-* демонстрируют один и тот же процесс грамматикализации рефактива в хаби-туалис на разных стадиях.

2. Генерическое и качественное значения

В языке натени показатель *té* является средством выражения рефактива (4) и одним из средств выражения качественного (‘регулярное действие как атрибут участника ситуации’) (6) и генерического (‘постоянное свойство класса объектов’) (5) значений:

НАТЕНИ (гур) [Neukom 1995: 96]

- (4) *ti té kó dii mànci*
1PL REP FUT есть мясо.PL
‘У нас опять будет мясо’.

- (5) *nééci té yon yààka*
бык.PL REP есть сорго.PL
‘Быки едят сорго (как известно)’.

² См. в п. 3 предположение о том, что это может быть близкое к рефактивному и к хаби-туальному значение ‘как обычно’.

³ Пример найден поисковой системой Google.

- (6) *ò kpèi bíhí té dɔ́ kà hì dúu*
 3SG хотеть дети REP спать CONJ PRON войти
 ‘Он хочет, чтобы дети засыпали сразу, как только войдут’.

Частица *le* в языке энгенни имеет рефактивные (7) и генерические (8) употребления (в этом случае она переводится в грамматике [Thomas 1978] как ‘всегда’):

ЭНГЕННИ (бенуэ-конго) [Thomas 1978: 107, 170]

- (7) *à lẹ ná dhị êdhyomù*
 3PL REP идти есть пища
 ‘Они опять пошли есть’.
- (8) *o kù mẹ ẹlendyì ẹlendyì le dhyomu*
 3SG дать 1SG.OBL апельсин апельсин REP сладкий
 ‘Он дал мне апельсинов. Апельсины всегда вкусные’.

В языке гуниянди клитика *-nyali*, основное значение которой рефактивное (9), употребляясь при словах со значением признака, указывает на его постоянный характер (10). А другой показатель рефактива — частица *ngambiddi* ‘опять’ — в сочетании с клитикой *-nyali* получает хабитуальное значение ‘каждый день’ (11).

ГУНИЯНДИ (австралийский, бунаба) [McGregor 1990: 460, 464]

- (9) *jamoondoo mila-nggiddinyayi*
 другой:день видеть-1SG.ERG:2PL.NOM:DU
mila-nyali-yawinggiddinyayi
 видеть-REP-FUT:1SG.ERG:2PL.NOM:DU
 ‘Я уже когда-то видел вас (двоих), и я еще увижу вас потом’.
- (10) *mangaddi gilba-wa-yingi marlami-nyali*
 NEG найти-PROGR-3SG.OBL без-REP
barn-bindi
 возвращаться-CLASS
 ‘Он никогда ничего не находил, он всегда возвращался с пустыми руками’.
- (11) *ngambiddi-nyali thiddaj-ga*
 опять-REP испражняться-PRES:CLASS
 ‘Он каждый день испражняется’.

Все рассмотренные рефактивные показатели имеют, помимо собственно рефактивных, разного рода эмфатические дискурсивные

употребления. Можно предположить, что как раз эмфатический компонент, а не общая для хабитуалиса и рефактива идея повторения в этих случаях связывает значение рефактива с хабитуальной зоной: неслучайно отмечается полисемия рефактива именно с генерическим и качественным значениями, более подверженными эмфазе, чем собственно хабитуальное. Ср. практически синонимичные эмфатические употребления рефактивного наречия *опять* и хабитуального *вечно* в русском языке:

- (12) — Ну скажи, за что ты на него навалился? **Вечно** ты со своими дурацкими спорами! — Почему же дурацкими? [Е. И. Носов. И уплывают пароходы, и остаются берега (1970)] (НКРЯ⁴).
- (13) Человек нехотя сморщил большой нос. — **Опять** ты со своей глупостью... Ах, надоел. [А. Н. Толстой. Хождение по мукам. Книга первая. Сестры (1922)] (НКРЯ).

3. Значение ‘как всегда’

Еще одна точка соприкосновения рефактивного значения с идеей регулярной повторяемости — это наиболее распространенный тип полисемии рефактива со значением ‘как всегда, как обычно’. Это значение очень близко к собственно рефактивному: в обоих случаях речь идет об однократно повторяющейся ситуации, но в случае значения ‘как всегда’ дополнительно акцентируется закономерность, ожидаемость повторения. Например, в языке мосетен суффикс *-ban*, помимо собственно рефактивных контекстов, используется также для выражения «ожидаемых явлений, таких как традиционные действия, которые всегда повторяются вновь»⁵ [Sakel 2004: 289]:

- МОСЕТЕН (мосетен) [Sakel 2004: 292]
- (14) *jöi'-yë-yë-baj-te-in* *shokdye' tye-ban*
обслужить-STEM-APPL-REP-3М.OBJ-PL чича пить-REP.M.SUBJ
'Они принесли ему чичи и он выпил (описание традиционного завершения охоты)'.

⁴ Примеры (12)–(13) взяты из Национального Корпуса Русского Языка <http://www.ruscorpora.ru>.

⁵ «expected happening, such as traditional actions that always happen again».

Аналогичные употребления рефактивного суффикса зафиксированы в некоторых тунгусо-маньчжурских языках. Ср. пример (19) из нанайского языка на употребление рефактивного суффикса *-zu* в значении ‘как обычно’:

- НАНАЙСКИЙ (тунгусо-маньчжурский) [Оненко 1977: 65]
 (15) *мапа чакпам-ба зу-зу-й-ни*
 старик острога-ACC идти-REP-PTCP-3SG
 ‘Старик несет острогу на берег (как каждый раз, когда он собирается на рыбный промысел)’.

В ороцком языке рефактивный суффикс *-gi* входит в состав лексикализованных глагольных основ со значениями ‘наступать (о времени года, времени суток)’:

- ОРОЦКИЙ (тунгусо-маньчжурский)
 [Аврорин, Болдырев 2001: 282]
 (16) *богголи-gi* ‘снова забеспокоиться’ (ср. *богголи* ‘забеспокоиться’)
боло-gi ‘наступать (об осени)’ (ср. *боло* ‘осень’)

Тот же суффикс в удэгейском языке входит в состав таких глаголов, выражающих «обыденные повторяющиеся действия» [Кормушин 1998: 93–94], как *тэги* ‘вставать (утром с постели)’, *нгуаги* ‘ложиться спать’.

Совмещение значений ‘еще раз’ и ‘как обычно’ отмечается также у частицы *уаа* в языке дагааре (гур) [Vodomo 1997: 84].

Можно предположить, что как раз это значение связывает рефактив со значениями собственно хабитуальной зоны, рассмотренными выше. Так, в языке бабин-вицувитен (атабаскский) встречаются нерефактивные употребления рефактивного префикса *пе-*, объясняемые в [Nargus 2007: 438] цикличной природой соответствующих ситуаций⁶. В собственно хабитуальной функции *пе-* в бабин-вицувитен не используется [Nargus 2007: 360], но тот же префикс используется для выражения хабитуалиса в других атабаскских языках (см. выше). Следует также отметить, что упоминавшиеся выше эмфатические употребления русского *опять* (и аналогичные употребления немецкого *wieder*, английского *again*)

⁶ «activities that happen on a cyclic, especially daily basis».

также реализуют скорее значение ‘как всегда’, чем собственно значение однократного повторения.

Заключение

Рассмотренные случаи позволяют предположить следующие семантические связи рефактива с хабитуальной зоной. Значение рефактива непосредственно связано со значением ‘как всегда’. Показатель со значением ‘как всегда’ в неэмфатическом употреблении может проявлять тенденцию к регулярному употреблению в хабитуальных контекстах и далее, возможно, грамматикализоваться в собственно показатель хабитуалиса. Значение ‘как всегда’ в эмфатических контекстах смыкается с эмфатическими вариантами генерического/квалитативного значений хабитуальной зоны и далее может обобщаться на неэмфатические.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ACC — аккузатив; APPL — аппликатив; ASP — аспектуальный показатель; CLASS — классный показатель; CONJ — союз; DU — двойственное число; ERG — эргатив; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; INCORP — инкорпорированная основа; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OBJ — показатель неопределенного объекта; OBL — косвенная форма; PL — множественное число; PRES — настоящее время; PROGR — прогрессив; PRON — местоимение; PTCP — причастие; REF — рефактив; SG — единственное число; STEM — показатель глагольной основы; SUBJ — подлежащее.

Литература

Аврорин, Болдырев 2001 — В. А. Аврорин, Б. В. Болдырев. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2001.
Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский (удэгейский) язык. М.: Наука, 1998.

- Оненко 1977 — С. Н. Оненко. Значение суффикса *-zo/-zu* в современном нанайском языке // Исследования по языкам народов Сибири. Новосибирск: НГУ, 1977. С. 62–75.
- Axelrod 1990 — M. Axelrod. The Semantics of Temporal Categorization: The Aspectual System of Koyukon Athabaskan. Ann Arbor: UMI, 1990.
- Bodomo 1997 — A. Bodomo. The Structure of Dagaare. Stanford, California: CSLI, 1997.
- Hargus 2007 — Sh. Hargus. Witsuwit'en Grammar: Phonetics, Phonology, Morphology. Vancouver: UBC Press, 2007.
- McGregor 1990 — W. B. McGregor. A functional grammar of Gooniyandi. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1990.
- Neukom 1995 — L. Neukom. Description grammaticale du nateni (Bénin): système verbale, classification nominale, phrases complexes. Zürich: ASAS-Verlag, 1995.
- Randoja 1990 — T. K. Randoja. The Phonology and Morphology of Halfway River Beaver. Ann Arbor: UMI, 1990.
- Rice 2000 — K. Rice. Morpheme Order and Semantic Scope: Word Formation in the Athapaskan Verb. Cambridge : CUP, 2000.
- Sakel 2004 — J. Sakel. A Grammar of Moseetén. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2004.
- Tenenbaum 1978 — J. M. Tenenbaum. Morphology and Semantics of the Tanaina Verb. Ann Arbor, 1978.
- Thomas 1978 — E. Thomas. A Grammatical Description of the Engenni Language. Dallas: SIL, 1978.

М. Н. Усачева

МГУ, Москва

**ПОКАЗАТЕЛИ ЭЛАТИВА, ЭГРЕССИВА И АБЛАТИВА
В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ:
сфера употребления и зоны конкуренции**

В данной работе речь идет о сфере употребления трех пермских падежей, показатели которых происходят из одного источника — элативного суффикса.

В ходе работы были проанализированы данные удмуртского языка (по [Перевошиков (ред.) 1962]), языка бесермян (по [Тепляшина 1970]); также использовались материалы, собранные автором в ходе поездки в с. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики в июне-июле 2009 г.), коми-язьвинского языка (по [Лыткин 1961]), коми-пермяцкого языка (по [Баталова 1975]) и следующих диалектов коми-зырянского языка: ижемского (по материалам, собранным автором в ходе экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова в с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО в июле 2008 г. и июле-августе 2009 г.), присыктывкарского (по [Жилина, Бараксанов 1971]), печорского (по [Сахарова и др. 1976]), нижневычегодского (по [Сорвачева 1977]), среднесысольского (по [Колегова, Бараксанов 1980]), верхнесысольского (по [Жилина 1975]). Для сбора материала по всем рассматриваемым языкам, кроме удмуртского, использовались также тексты на этих языках.

Согласно работе [Серебренников 1963], во всех пермских языках есть три падежа, показатели которых по своему происхождению связаны с одним источником — элативом. Эти показатели имеют очень похожий вид, ср. данные в Таблице 1.

В связи с общностью происхождения падежей интересно проследить, насколько сильно они «специфицировались»: выявить значения, характерные только для одного из падежей, и зоны «конкуренции». Для ответа этот вопрос был проведен анализ употреблений падежных форм имен. В результате этого анализа все найденные употребления были разбиты на тридцать один

Таблица 1. Показатели аблатива, эгрессива и элатива в пермских языках

	удм.	бесер.	коми-язьв.	коми-перм.	коми-зыр.
аблатив ¹	-лысь-	-ləs'-/lis'-	-лись-	-лысь-/лісь-	-лысь-
эгрессив	-ысен-	-əс'ep-	-сянь-	-сянь-/синь-/ -сень-/сянис-/ -сяняс-	-сень-/сянь- (-ысень-/ысянь-) ²
элатив	-ысь-	-əс'-	-ись-	-ись-/ысь-	-ись-/ысь-

класс контекстов (см. Таблицу 2). Большая часть этих классов соответствует значениям пространственных показателей, которые в работе [Ганенков 2002] отнесены к семантической зоне аблатива. Кроме того, было выделено несколько значений, входящих в зону локатива и зону пролатива. Наконец, некоторые из найденных значений Д. С. Ганенковым не выделялись.

Распределение падежных показателей по значениям представлено в Таблице 2.

В результате анализа Таблицы 2 можно сделать следующие выводы:

1) сферы употребления элатива, эгрессива и аблатива в пермских языках пересекаются. Для каждого из этих падежей отмечены контексты, характерные только для него. В то же время имеется весьма обширная зона конкуренции;

2) подавляющее большинство контекстов, в которых употребляются рассматриваемые падежи, относится к зоне аблатива. При этом для большей части контекстов из этой зоны характерна «конкуренция». На наш взгляд, это говорит о том, что в пермских языках зона аблатива сильно «раздроблена», и показателя аблатива как такового нет. Наиболее близок к «прототипическому» аблативу эгрессив;

¹ В описаниях коми языков, которыми мы пользовались, для падежа с показателем *-лысь-/лісь-* принято название «притяжательный». Связано это с тем, что центральная функция этого падежа — оформление зависимого имени, занимающего в предложении позицию прямого дополнения. Это связано с возникновением падежа на *-лысь-/лісь-* из сочетания суффиксов генитива и элатива [Серебренников 1963: 10]. Однако в целях единообразия мы вслед за М. Крахтом [Kracht 2005] используем ярлык «аблатив».

² Показатель встречается только в наречиях [Сорвачева 1977: 37].

Таблица 2. Значения аблатива, эгрессива и элатива в пермских языках

Зо-на	Значение	Пример	удм.	бесер.	коми-язьв.	коми-перм.	коми-зыр.
Значения, отмеченные Д. С. Ганенковым аблатив	аблатив	<i>От дома отъехала машина.</i>	EGR	EGR	EL	EGR ABL	EGR
	элатив	<i>Отец вернулся из города.</i>	EL	EL EGR ABL	EL EGR	EL EGR	EL EGR
	адэлатив	<i>Брат шел со стороны леса.</i>	EGR				EGR
	точка отсчета	<i>От дома до магазина пять километров.</i>	EGR	EGR		EGR	EGR
	удаляемый объект	<i>Я еле-еле отмыл руки от краски.</i>	ABL	ABL			EL
	начало временного отрезка	<i>С 9 часов утра до 10 часов вечера.</i>	EGR	EGR		EGR	EGR
	начало временного луча	<i>С прошлого года мы живем в новом доме.</i>	EGR	EGR	EGR	EGR	EGR
	эталон сравнения	<i>Петя выше Васи.</i>	ABL	ABL		EL	EL
	пассивный источник	<i>Я получил от брата подарок.</i>	ABL	ABL		EGR	ABL EGR
	исходный посессор	<i>Мать отобрала у сына нож.</i>		ABL		ABL	ABL
	источник информации	<i>Я спросил у друга...</i>	ABL	ABL			ABL EGR
	причина	<i>Из-за тебя я упал.</i>	ABL	ABL		EL EGR	ABL EL
	стимул эмоций (бояться X-а)	<i>Заяц боится волка.</i>	ABL	ABL	EL	EL ABL	EL
	каузируемый участник	<i>Мама заставила меня принести воды.</i>			ABL		
нежелательный участник (прятаться от X-а)	<i>Мальчик спрятался от дедушки.</i>	ABL	ABL			EL	

Показатели элатива, эгрессива и аблатива в пермских языках

Значения, отмеченные Д. С. Ганенковым	аблатив	нежелательный участник (защищать от X-а)	<i>Я защищаю брата от хулиганов.</i>	ABL	ABL			EL
		нежелательный участник (спасать от X-а)	<i>Друг спас меня от смерти.</i>		ABL			EL
		материал изготовления	<i>Сосед построил дом из кирпича.</i>	ABL EL	ABL EL	EL		EL
	пролатив	обменный эквивалент	<i>Я купил книгу за десять рублей.</i>					EL
		тема (скупать по X-у)	<i>Сын скупает по матери.</i>		ABL			EL
	локатив	локатив	<i>Охотник обнаружил в лесу берлогу.</i>	EL EGR	EL	EL	EGR	
		локативный посессор	<i>Сейчас я живу у дяди</i>				EGR	
		каузируемый участник	<i>Мама попросила меня принести воды</i>					
		временная локализация	<i>В пять часов</i>					EL
		причина (болеть X-ом)	<i>Мальчик болеет корью.</i>				ABL EGR	
		инструмент	<i>Бабушка говорит по телефону.</i>				EGR	
	Значения, не отмеченные Д. С. Ганенковым	источник	<i>Мы от разных отцов.</i>				ABL	EL
временная точка отсчета		<i>На второй день Рождества.</i>					EL	
каритив		<i>Без денег он никогда не бывает.</i>				EGR	EL	
объект в не-предельной предикации		<i>Зачем бить бессловесное животное?</i>	EL			EGR	EL	
зависимое от прямого дополнения		<i>Здание института надо отремонтировать.</i>	ABL EL	ABL	ABL	EGR	ABL EL	

3) помимо аблативных значений, рассматриваемые падежи демонстрируют (в значительно меньшем количестве) локативные значения. Это может свидетельствовать о сильной метафоре «источника», через которую переосмысливается значение места (ср. «Охотник обнаружил в лесу берлогу» → «Источником обнаруженной берлоги является лес»); в будущем этот фактор может повлиять на вытеснение пермского локатива;

4) «конкуренция» между падежами имеет место не только между языками, но и внутри них. При этом для каждого языка можно указать падеж-«победитель». Так, в удмуртском языке и особенно в языке бесермян преобладает аблатив, в коми-язьвинском и коми-зырянском — элатив, в коми-пермяцком — эгрессив.

В заключение отметим, что по результатам проведенного нами анализа зона аблатива в пермских языках является зоной активной «конкуренции». Можно предположить, что в будущем произойдет некая ее стабилизация: «конкуренция» в большинстве случаев разрешится в пользу одного из падежей, а для некоторых контекстов образуются новые падежи. В пользу последней возможности свидетельствует наличие в ряде диалектов коми-зырянского и коми-пермяцкого языков компаратива на *-ся*³ [Баталова 1975: 68; Жилина 1975: 60; Колегова, Бараксанов 1980: 31] и формирование в некоторых коми-пермяцких говорах систем внешнеместных и прилблизительно-местных падежей из серий послелогов с основами *выл-* и *дын-* соответственно [Баталова 1975: 129–141].

Список условных сокращений

ABL — аблатив; EGR — эгрессив; EL — элатив; бесер. — язык бесермян; коми-зыр. — коми-зырянский язык; коми-перм. — коми-пермяцкий язык; коми-язьв. — коми-язьвинский язык; удм. — удмуртский язык.

Литература

Баталова 1975 — Р. М. Баталова. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975.

---

³ Согласно [Серебренников 1963: 25], вероятным источником суффикса компаратива также является элативный показатель. Однако в силу того, что этот падеж присутствует не во всех пермских языках, в сферу нашего рассмотрения он не входил.

- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Модели полисемии пространственных показателей. Дипломная работа. МГУ, М., 2002.
- Перевощиков (ред.) 1962 — П. Н. Перевощиков (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Жилина 1975 — Т. И. Жилина. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975.
- Жилина, Бараксанов 1971 — Т. И. Жилина, Г. Г. Бараксанов. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971.
- Колегова, Бараксанов 1980 — Н. А. Колегова, Г. Г. Бараксанов. Среднесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1980.
- Лыткин 1961 — В. И. Лыткин. Коми-язьвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Сахарова и др. 1976 — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Н. А. Колегова. Печорский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976.
- Серебренников 1963 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.
- Сорвачева 1977 — В. А. Сорвачева. Нижневычегодский диалект коми языка. М.: Изд-во АН СССР, 1977.
- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М.: Наука, 1970.
- Kracht 2005 — M. Kracht. The semantics of locatives in the Uralic languages // J. Fernandez-Vest (ed.). *Les Langues Ouraliennes aujourd'hui* [Bibliothèque de l'École des Hautes-Études, Sciences Historiques et Philologiques 340]. 2005. P. 145–158.

Е. К. Ханина

МГУ, Москва

СИСТЕМА ЛОКАТИВНЫХ ПАДЕЖЕЙ В ИСТОРИИ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

1. Введение

Еще до появления первых письменных текстов старый локатив индоевропейского происхождения оказался вытеснен в старолитовском нетривиальной четырехпадежной системой вторичных локативных падежей, гораздо более сложной, чем в других древних индоевропейских языках (за исключением тохарских). Это произошло, видимо, под влиянием финно-угорских языков. Образовавшаяся падежная система очень своеобразна типологически. Она достигла наивысшего расцвета к XVI веку, в эпоху, непосредственно предшествовавшую периоду появления первых старолитовских текстов. После она стала разрушаться, и сейчас в литовском (за исключением диалектов отдельных деревень, находящихся на территории Беларуси) остались только беспредложный инессив, принявший на себя функции старого локатива, и, в разговорной речи жителей отдельных областей, иллатив; аллатив сохранился только в отдельных адвербиальных застывших формах.

2. Происхождение

Инессив (традиционно называемый в грамматиках локативом) и адессив были образованы от старого локатива при помощи послелогов **rië* и **ëp* соответственно. С помощью послелога **rië* образовался и аллатив, но для него основой послужила форма генитива. Иллатив произошел от сочетания формы аккузатива с послелогом **na*. Послелог **rië*, с помощью которого образованы адессив и аллатив, имел то же значение, что и однокоренной ему предлог *prie* 'к, у'. Падежные формы конкурировали с конструкцией с этим предлогом. Происхождение послелога **na*, образовавшего иллатив, неизвестно. Ни одна из высказывавшихся

гипотез ([Kulikov 2005: 29]) пока что не была доказана. Послелог *én, образовавший инессив, возводят ([Seržant 2004]) к индоевропейскому послелогу **-ēm*, который мог передавать и локативное значение.

3. Развитие локативной системы

В процессе своего развития локативные формы прошли по континууму состояний пространственных форм от послеложных групп через стадию образования отыменных наречий к падежным формам, что подтверждают различные критерии, например, описанные в [Кибрик 2003] и [Иткин 2002].

Образовавшуюся двухмерную (двигательное значение + ориентирующее значение) систему можно соотнести с оказавшими на нее влияние локативными системами финно-угорских языков. В отличие от финской системы, в литовском отсутствует линия, кодирующая аблативные значения, а также серия, выражающая немаркированную ориентацию. Из языков балтийского региона отсутствие этих показателей в первичной падежной системе характерно для вепсского языка.

Впоследствии уже после распада системы локативных падежей отдельные формы некоторых существительных продолжили использоваться и превратились в наречия — такое развитие характерно для языков, прошедших через деграмматикализацию падежных форм [Creissels 2009].

Большая часть функций локативных падежей отошла к предложным конструкциям. Как показывают современные данные, для инессива, оставшегося в языке, тоже характерно постепенное вытеснение его конструкциями с предлогом. Традиционно считается, что это калька конструкций из русского языка, но нужно отметить, что все другие локативные падежи тоже прошли через замену на предложные конструкции.

4. Значения падежей

4.1. Аллатив

Основная функция аллатива — маркирование некоторого ориентира, чаще всего одушевленного, в сторону которого перемещается объект:

- (1) [Zinkevičius 1996: 107]¹
Jon-as   nuej-o   tėv-ópi.
Йонас-NOM.SG   пойти-PST.3   отец-ALL.SG
‘Йонас пошел к отцу’.

Другое близкое значение аллатива: локативный посессор, в связанную с которым область пространства (чаще всего это жилище посессора) направлено действие. Во временном значении застывшие аллативные формы употребляются со словами, обозначающими отрезки времени из семантических классов времен суток и времен года, в семантической роли конца временного луча:

- (2) газета «Verslo žinios», 31.01.2006
Uragan-o   Ervin-o
ураган-GEN.SG   Эрвин-GEN.SG
pėdsak-ai   visiškai   išnyk-s
след-NOM.PL   полностью   исчезнуть-FUT.3
ruden-iop.
осень-ALL.SG
‘Следы Урагана «Эрвин» полностью исчезнут к осени’.

В старолитовском аллатив также мог кодировать адресата речевого акта:

- (3) «Катехизис» Мажвидаса, 1547 г. [Schmalstieg 1987: 272]
mald-a   sun-auspi   Diew-a
молитва-NOM.SG   сын-ALL.SG   бог-GEN.SG
‘молитва к сыну Божьему’

4.2. Адессив

Адессив помимо своей основной функции (выражение пространственной локализации около некоторого ориентира, чаще всего одушевленного (4)) также мог выражать значения локативного посессора, посессора (5), исходного посессора при активном субъекте и источника информации.

- (4) «Грамматика» Клейнаса, 1653 г. [Schmalstieg 1987: 270]
man-impī /   mus-impī   yra
я-ADE.SG   мы-ADE.SG   быть.PRS.3
‘рядом со мной/рядом с нами есть’

---

¹ Глоссирование примеров принадлежит автору.

- (5) говор д. Гервяты [Schmalstieg 1987: 268]
ĩr šlúot-ak kót-as yr-à
 и метла-ADE.SG палка-NOM.SG быть-PRS.3
 ‘и у метлы есть ручка’

Сейчас адессивные формы можно встретить только в говорах литовских деревень, находящихся на территории Беларуси. Стандартное для современного языка выражение пространственных адессивных значений — те же предложные конструкции, что передают и аллативные значения.

4.3. Иллатив

Пространственное значение иллатива — директивная локализация объекта (приближение к ориентиру, в результате которого перемещающийся объект начинает находиться в ориентиру). Временных значения у иллатива два: точная временная локализация (6) и более частотное в современном языке значение примерного конца временного луча, которое скорее должно было бы быть свойственно аллативу. Очевидно, семантический сдвиг от точного значения к примерному произошел, когда аллатив вышел из активного употребления. Также иллативом может кодироваться трансформатив (переход в новое состояние) (7).

- (6) [Zinkevičius 1996: 107] временная локализация
kelint-ón dien-ón j-is atein-a?
 который-F.ILL.SG день-ILL.SG он-NOM.SG прийти.PRS-PRS.3
 ‘В который день он придет?’
- (7) [Zinkevičius 1996: 107] трансформатив
vis-as gėl-es paver-s šien-an
 весь-F.ACC.PL цветок-ACC.PL превратить-FUT.3 сено-ALL.SG
 ‘все цветы превратят в сено’

4.4. Инессив

Инессив указывает на местонахождение объекта в ориентире (или в некоторой области пространства относительно ориентира). Временных значений в старолитовский период у инессива было два: точная временная локализация ситуации (8) и временной интервал, выделяющий как особую категорию время, в течение которого происходят некие события.

- (8) «Катехизис» Мажвидаса, 1547 г. [Schmalstieg 1987: 261]
schit-age   *nakt-eje*,   *kur-ia*
этот-F.INE.SG   ночь-INE.SG   который-F.INE.SG
ture-ia   *bu-ti*   *ischdo-tas*
должен.быть-PST.3   быть-INF   предать-PPTCP.M
‘в эту ночь, в которую он должен был быть предан’

В современном языке временная локализация выражается инессивным показателем только с отдельными словами, превратившимися в наречия, то есть показатель инессива с временным значением на данном этапе развития языка является словообразовательным. Нормальным же способом выражения этого значения стало употребление аккузатива времени.

Список условных сокращений

3 — лицо; ACC — аккузатив; ADE — адессив; ALL — аллатив; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; INE — инессив; INF — инфинитив; M — мужской род; NOM — номинатив; PL — множественное число; PPTCP — причастие прошедшего времени; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Иткин 2002 — И. Б. Иткин. Выражение пространственно-временных отношений в именных словоформах и проблема «послеложных формантов (на материале корвальского диалекта вепского языка) // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики 2. Грамматикализация пространственных значений, М.: Пробел, 2002. С. 46–66.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Creissels 2009 — D. Creissels. Spatial cases // A. Malchukov, A. Spencer (eds.). The Handbook of Case. Oxford: OUP, 2009. P. 609–625.
- Kulikov 2005 — L. Kulikov. Case systems in a diachronic perspective: A typological sketch // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, Valency and Transitivity. Amsterdam: John Benjamins, 2005. P. 23–47.
- Schmalstieg 1987 — W. R. Schmalstieg. A Lithuanian Historical Syntax, Columbus, OH: Slavica, 1987.
- Seržant 2004 — I. Seržant. Zur Vorgeschichte des Inessivs im Urostbaltischen // Acta Linguistica Lithuanica 50, 2004. S. 59–67.
- Zinkevičius 1996 — Z. Zinkevičius. The History of the Lithuanian Language, Vilnius: Mokslas, 1996.

М. А. Холодилова

СПбГУ, Санкт-Петербург

КОНКУРЕНЦИЯ СТРАТЕГИЙ РЕЛЯТИВИЗАЦИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

В русском языке основными способами релятивизации подлежащего, значительно превосходящими все прочие по частотности, являются образование причастного оборота с действительным причастием (1) и относительного предложения с союзным словом *который* в именительном падеже (2)².

- (1) *Я знаю актрису, **играющую** в этом спектакле.* (Google).
- (2) *Только что поняла, что знаю актрису, **которая** играет Елену в «Трое».* (Google).

Как видно из примеров (1)–(2), причастный оборот и относительное предложение с местоимением *который* могут использоваться в сходных контекстах, причем выбор той или иной стратегии не связан с каким-либо очевидным семантическим различием. Более того, эти два типа клауз чаще всего оказываются взаимозаменяемыми.

Кажется естественным предположить, что у двух столь частотных и столь близких по значению конструкций существуют все же некоторые различия. С целью выявления этих различий были рассмотрены некоторые характеристики релятивных клауз, которые можно условно подразделить на **абсолютные** и **статистические** (хотя не всегда очевидно, где проходит граница между этими двумя типами характеристик).

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 09-04-00264а «Грамматика определительных вторичных предикаций (релятивизация в русском языке)»

² По приблизительным подсчетам, основанным на данных синтаксического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), на эти две стратегии приходится около 90% случаев релятивизации подлежащего в русском языке.

1. Абсолютные факторы

Наиболее очевидными кажутся различия рассматриваемых стратегий релятивизации по их характеристикам, связанным со структурой релятивной клаузы. Это, прежде всего, такие признаки, как наличие вершины, наличие относительного местоимения, финитность/нефинитность глагольной формы в клаузе, взаимное расположение релятивной клаузы и ее вершины и наличие на глагольной форме падежного маркера. (Это **исчерпывающий** список параметров из классификации, предложенной в [Vries 2002: 17–18], дающих различные результаты для двух рассматриваемых стратегий.) В Таблице 1 значения этих признаков соотнесены с соответствующими им стратегиями.

Обращают на себя внимание также некоторые абсолютные или близкие к ним ограничения на образование различных причастных форм, несколько ограничивающие использование причастной стратегии. Так, в литературном языке невозможно образование форм причастий будущего времени и сослагательного наклонения; исключительно редкими являются причастия настоящего и будущего времени от глаголов *быть*, *хотеть* и *мочь*. Морфологические факторы также в некоторых случаях затрудняют образование нужной причастной формы, ср. отмеченную в статье [Русакова, Сай 2009: 264] редкость действительного причастия прошедшего времени от глагола *цвести* ([?]*цветший*). По всей видимости, это верно для большинства глаголов с основой прошедшего времени на согласный, таких как *окрепнуть* (*окрепший*), *нести* (*несший*), *тереть* ([?]*териший*) и др.

Некоторые важнейшие различия между рассматриваемыми стратегиями релятивизации сведены в Таблице 1.

2. Статистические факторы³

Помимо названных выше абсолютных различий, существует также ряд признаков, статистически значимо коррелирующих с использованием одной из стратегий релятивизации, которые при этом не создают абсолютного запрета для использования второй стратегии.

---

³ Все данные в этом разделе получены с помощью НКРЯ и проверены статистически.

Таблица 1. Некоторые базовые свойства двух основных стратегий релятивизации подлежащего

	<i>который</i>	причастие
наличие вершины		возможны безвершинные предложения и предложения без имени в вершине
относительное местоимение	есть	нет
форма глагола	финитная	нефинитная
порядок слов	почти исключительно постпозиция ⁴	возможна и достаточно частотна препозиция
падежные показатели на глаголе	нет	есть
возможные зависимые вершины	детерминативы <i>тот, такой</i>	
ограничения на формы		В литературном языке невозможны формы <ul style="list-style-type: none"> • сослагательного наклонения; • будущего времени.
		Невозможны или редки формы причастий от глаголов <ul style="list-style-type: none"> • <i>быть</i>; • <i>хотеть</i>; • <i>мочь</i>.

Так, например, количество зависимых при глаголах в относительных предложениях с *который* оказывается в целом больше, чем в причастных оборотах. Особенно редко зависимыми глагола в причастном обороте оказываются деепричастия.

В Таблице 2 представлены данные синтаксического подкорпуса НКРЯ о количестве деепричастий среди глагольных

⁴ Препозиция возможна почти исключительно в особом типе относительных предложений, которые называются коррелятивами:

(i) *А которые с рассудка — те много думают.* [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871–1872)] (НКРЯ).

О некоторых формальных характеристиках, говорящих об особом структурном статусе коррелятивов, см. в статье [Митренина 2008].

зависимых в причастном обороте и в относительном предложении с *который*.

Таблица 2. Доля деепричастий среди зависимых глагола в релятивной клаузе

	зависимые-деепричастия		количество зависимых при глаголе
	словоупотреблений	%	
S причастие	2	0,06	3116
S который V	28	1,62	1727

Как видно из таблицы, в синтаксическом подкорпусе оказалось всего два примера с деепричастием, зависящим от причастия. Один из них приведен ниже:

- (3) *«При этом медики не привыкли считать и могут купиться на уловки фирм, «удешевляющих» лекарство, вкладывая в упаковку меньшее число таблеток», — рассказывает он. [Что доктор прописал] (НКРЯ).*

Как показывает пример (3), абсолютного запрета на зависимые такого типа у причастий не существует. В то же время, обнаруживается сильнейшая корреляция между их наличием и использованием относительного предложения с *который* (χ^2 , $P \ll 0,01$).

С использованием относительного предложения с *который* коррелирует наличие у глагола в релятивной клаузе любых типов зависимых, прежде всего, глагольных форм и наречий, но то же, хотя и в меньшей степени, верно для именных и предложных групп. Особенно хотелось бы подчеркнуть, что та же закономерность действительна для отрицательной частицы *не*, т. е. при отрицании также преобладают относительные предложения с *который*.

Коррелируют с выбором стратегии релятивизации, использующей союзное слово *который*, также такие признаки, как устный способ коммуникации, большая длина релятивной клаузы, нерестриктивность и некоторые другие.

Перечисленные выше признаки сведены в Таблице 3.

3. Выводы

Среди признаков, по которым различаются стратегии релятивизации в русском языке, встречаются как абсолютные, так и

Таблица 3. Признаки, коррелирующие с использованием относительного предложения с *который* или причастного оборота

	<i>который</i>	причастие
способ коммуникации	устный (чаще в устном подкорпусе НКРЯ)	письменный (чаще в основном подкорпусе НКРЯ)
длина релятивной клаузы	больше	
зависимые глагола в РК	большее количество зависимых	
		большая факультативность зависимых
	деепричастие > инфинитив > наречие/ <i>не</i> > предложная группа/именная группа	
тип РК	нерестриктивные	рестриктивные

статистические. При этом представляется, что набор таких признаков, характеризующий каждую из стратегий, является неслучайным.

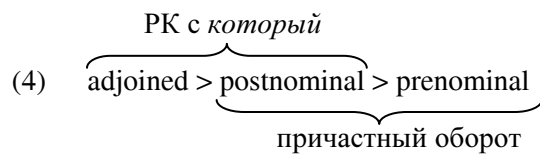
Так, многие из них соотносимы с признаками номинализации по К. Леманну, причем причастные клаузы демонстрируют связь (абсолютную или статистическую) с признаками большей номинализованности.

В статье [Lehmann 1986] предлагается считать, что стратегии релятивизации различаются, в частности, по тому, в какой мере соответствующие релятивные клаузы номинализованы, т. е. проявляют свойства не отдельной клаузы, а имени. Для более номинализованных клауз характерны «ограничения на тип предложения, **ограничения на модальные категории**, на **время** и вид, факультативность зависимых, **нефинитные глагольные формы**, подлежащее в родительном падеже, **ограничение на возможные зависимые**» [Lehmann 1986: 671–672, выделено мной. — М. Х.].

Как несложно заметить, все пункты в этом списке, кроме того, который касается подлежащего, соотносимы со свойствами причастного оборота: в некоторых случаях речь действительно об ограничениях, в некоторых — только о статистических корреляциях. Напомню эти свойства: преобладание рестриктивных предложений (соотносится с признаком «ограничение на тип предложения»); отсутствие формы сослагательного наклонения («ограничения на модальные категории»); отсутствие формы будущего времени

(«ограничения на время»); меньшее количество зависимых и большая их факультативность; нефинитные глагольные формы; редкость зависимых деепричастий, близкая к запрету («ограничение на возможные типы зависимых»).

Кроме того, К. Леманн указывает, что большая или меньшая номинализация коррелирует с позиционным типом релятивной клаузы; в частности, релятивные клаузы, следующие за вершиной (postnominal), обычно оказываются менее номинализованными, чем те, которые идут перед вершиной (prenominal), и более номинализованными, чем те, которые предшествуют всей главной клаузе или следуют за ней (adjoined, к числу последних относятся коррелятивы). Таким образом, причастный оборот приходится на два более номинализованных позиционных типа, а относительное предложение с *который* — на два менее номинализованных позиционных типа релятивных клауз.

Список условных сокращений

S — существительное; V — глагол.

Литература

- Митренина 2008 — О. В. Митренина. Синтаксис коррелятивных конструкций русского языка с позиции генеративной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» 7, 14, 2008. С. 356–360.
- Русакова, Сай 2009 — М. В. Русакова, С. С. Сай. Конкуренция действительных причастий прошедшего и настоящего времени // К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов. Корпусные исследования по русской грамматике. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. С. 245–282.
- Lehmann 1986 — Ch. Lehmann. On the typology of relative clauses // Linguistics 24, 4, 1986. P. 663–680.
- Vries 2002 — M. de Vries. The Syntax of Relative Clauses. PhD Thesis, MIT, Cambridge, MA. 2002.

М. С. Шматова

МГУ, Москва

**ЗНАЧЕНИЯ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С ПОКАЗАТЕЛЕМ МНОЖЕСТВЕННОСТИ -JAS
В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА**

В последнее время категория числа является объектом исследования многих лингвистов. Это связано с тем, что ранее она была сравнительно мало описана с семантической точки зрения (см., например, [Сахарова, Сельков 1976]). Теперь же исследователи все чаще обращаются к вопросу семантики числовых форм.

В настоящей работе рассматриваются формы существительных ижемского диалекта коми-зырянского языка, образованные при помощи показателя множественного числа существительных *-jas*. В ходе исследования была предпринята попытка выяснить, какими значениями могут обладать подобные формы и при каких условиях.

Материал для данного исследования был получен в ходе лингвистической экспедиции МГУ в с. Мужы Шурышкарского района Ямало-Ненецкого АО¹.

Согласно [Сахарова, Сельков 1976], категория числа в ижемском диалекте представлена двумя граммемами: единственного и множественного числа. Формы единственного числа существительных имеют нулевой показатель, тогда как формы множественного числа образуются при помощи показателя *-jas*.²

---

¹ Грант РГНФ № 09-04-18039е.

² Наше исследование показало также, что формы множественного числа некоторых существительных образуются при помощи суффикса *-jan*. Это слова, производные от слова *p'i* 'сын' и обозначающие детенышей животных. Но и в этих случаях употребим «основной» показатель *-jas*:

- (i) *jag-is' m'i ad'd'il-ym l'ok*
лес-EL мы видеть-PST.1PL плохой
zver'p'i-jan l zver'p'i-jas
детеныш_зверя-PL детеныш_зверя-PL
'В лесу мы увидели волчат' (букв. 'детенышей плохого зверя').

Базовым значением какой-либо категории признается значение, типологически характерное для большинства языков мира, а значения, характерные лишь для некоторых языков, относятся к периферийным [Мерданова, Даниэль 2001]. Для категории числа базовым принято считать значение, ассоциированное с некоторым количеством одинаковых предметов в группе [Corbett 2000]. В некоторых работах оно получило название аддитивной множественности: «множество, состоящее из нескольких объектов, каждый из которых является референтом имени N» [Даниэль 2000].

- (1) *vas'a vis'tal-ys'*
Вася рассказывать-PST.3SG
as drug-jas-ys pomlas'
свой друг-PL-POSS.3SG о
'Вася рассказал о своих друзьях'.

Остальные значения форм множественного числа характеризуются как периферийные (вторичные [Плунгян 2000]).

1. Периферийные значения показателя *-jas*

Значения форм существительных, образованных с помощью показателя *-jas* в пермских языках были рассмотрены в [Honti 1997]. В работе отмечается, что при помощи данного показателя могут быть образованы формы существительных со значением «дискретной» (т. е. аддитивной) множественности или «коллективности» (наименование группы как единого целого). В ходе нашего исследования также были выявлены некоторые значения подобных форм существительных. Ниже приведем их описание.

1.1. Ассоциативная множественность

Иногда формы с *-jas* могут иметь значение ассоциативной множественности («множество объектов, включающее референт имени N и связанные с ним объекты» [Даниэль 2000]).

Согласно [Honti 1997], это значение является одним из видов упомянутого выше значения «коллективности». Отмечается, что формы с подобным значением могут быть образованы как от имен собственных, так и от терминов родства. Наши данные данного факта не подтверждают. В ижемском диалекте это значение имеет место быть лишь в случае прибавления *-jas* к имени собственному.

- (2) *Petra-jas tarət vəl-ysnys gyst'i*
 Петр-PL вчера прийти-PST.3PL гости
 'Петр с семьей (с друзьями) вчера пришел в гости'.
- (3) *vok-jas-ys tarət vəl-isnys gyst'i*
 брат-PL-POSS.3SG вчера прийти-PST.3PL гости
 'Братья вчера пришли в гости'.
 *'Брат с семьей вчера пришли в гости'.

1.2. Вещественные существительные

Формы множественного числа от вещественных существительных есть во многих неродственных между собой языках, хотя подобные образования отнюдь не являются закономерными [Даниэль 2007].

В [Corbett 2000] перечислены основные семантические способы интерпретации множественного числа от веществ, такие как сортовая множественность, дистрибутивная множественность и множественное изобилия. В приведенных ниже примерах формы множественного числа могут быть проинтерпретированы первыми двумя способами.

- (4) *ɣa n'ob-is jaj-jas*
 он купить-PST.3SG мясо-PL
 'Он купил мяса (разного вида)'.
- (5) *ul'l'o-jas-ys zei yd'd'e šonm-isnys*
 молоко-PL-POSS.3SG очень быстро киснуть-PST.3PL
 {Мама купила три банки молока} 'Это молоко очень быстро прокисло'.
- (6) *vo-is ar i turun-jas vižed'-isnys*
 приходит-PST.3SG осень и трава-PL желтеть-PST.3PL
 'Пришла осень и трава (местами) пожелтела'.

В [Даниэль 2007] отмечено, что иногда различить значение множественности изобилия и дистрибутивной множественности — задача достаточно нетривиальная, так как в некоторых языках (татарском, хакасском и др.) эти значения сближаются. Однако здесь мы будем полагать, что интерпретация «множественное изобилия» у подобных форм отсутствует, так как в толковании их значений существенную роль играет «распределенность» называемого вещества.

- (7) *tate n'ob-is ul'l'o-jas*
мама купить-PST.3SG молоко-PL
*‘Мама купила много молока’.
‘Мама купила несколько бутылок/пакетов/банок и т. п. молока’.

Значение множественного изобилия может быть выражено аналитически — конструкцией с наречием *ina* «много».

- (8) *tate n'ob-is ina ul'l'o*
мама купить-PST.3SG много молоко
‘Мама купила много молока’.

1.3. Названия совокупных объектов

Совокупными объектами («наборами») называют такие объекты, для которых естественно встречаться в совокупности [Ляшевская 2004; Даниэль 2007]. Частным случаем совокупных объектов являются парные объекты (части тела, предметы одежды и обуви, надеваемые на части тела). Поскольку для названий подобных сущностей ожидаема несингулярная референция, формы некоторых таких имен могут, обладая множественной референцией, не содержать формальных показателей множественного числа.

- (9) *petra pukt-is votys-sə pyzan*
Петя положить-PST.3SG ягода-ACC стол
vyl-as
верх-ESS/ILL.POSS.3SG
‘Петя положил ягоды на стол’.

- (10) *nya kysk-is šapka-sə*
он натянуть-PST.3SG шапка-ACC
pel' vyl-as
ухо верх-ESS/ILL.POSS.3SG
‘Он натянул шапку на уши’.

От некоторых таких существительных образуются формы с показателем *-jas*, которые могут иметь значение сортовой множественности, о котором уже было сказано выше.

- (11) *nya n'ob-is votys-jas: pu, turi pu.*
он купить-PST.3SG ягода-PL брусника журавль брусника
‘Он купил ягод: брусники, клюквы’ (букв. ‘журавлиной брусники’).

Формы, полученные присоединением *-jas* к названиям совокупных объектов, обозначающих парные части тела и предметы одежды и обуви, на них надеваемые, называют множества, состоящие из нескольких таких совокупных объектов, т. е. имеют значение аддитивной множественности.

- (12) *sva ky-is vaček-jas stav*
 он вязать-PST.3SG варежки-PL все
as čel'ad'-jas-ly
 свой ребенок-PL-DAT
 'Она связала варежки всем своим детям'.

2. Выводы

Таким образом, было выделено четыре значения рассматриваемых числовых форм (ср. два значения форм с показателем *-jas* в [Honti 1997]):

- 1) базовое значение аддитивной множественности (у форм множественного числа не только существительных, называющих отдельные предметы, но и у названий совокупных объектов);
- 2) значение ассоциативной множественности (только для имен собственных);
- 3) значение сортовой множественности (для вещественных существительных, а также для названий совокупностей мелких предметов);
- 4) значение дистрибутивной множественности (только для вещественных существительных).

Стоит отметить, что описанные значения не являются уникальными для данного диалекта или для семьи уральских языков в целом, а в той или иной степени встречаются в разных языках мира. Аналогичные явления наблюдаются в татарском, агульском, тувинском и др. [Даниэль 2007].

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; EL — элатив; ESS — эссив; ILL — иллатив; PL — множественное число; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Даниэль 2000 — М. А. Даниэль. Типология ассоциативной множественности. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2000.
- Даниэль 2007 — М. А. Даниэль. Периферийные значения категории числа в татарском и некоторых других тюркских языках // Е. А. Лютикова, К. И. Казенин, В. Д. Соловьев, С. Г. Татевосов (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф. 2007. С. 286–308.
- Ляшевская 2004 — О. Н. Ляшевская. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Мерданова, Даниэль 2001 — С. Р. Мерданова, М. А. Даниэль. Концептуализация числа в языке без дефектных числовых парадигм (агульский язык — взгляд извне и изнутри) // Труды Международного семинара Диалог-2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М: ИПИ, 2001. С. 169–173. (<http://www.dialog-21.ru>)
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Сахарова, Сельков 1976 — М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976.
- Corbett 2000 — G. G. Corbett. Number. Cambridge: CUP, 2000.
- Honti 1997 — L. Honti. Numerusprobleme (Ein Erkundungszug durch den Dschungel der uralischen Numeri) // Finnisch-Ugrische Forschungen (Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde) 54, 1997. S. 1–126.

Д. А. Эрилер

НМУ, Москва

**О ПАДЕЖНОМ МАРКИРОВАНИИ ПРЯМЫХ
ДОПОЛНЕНИЙ И АДВЕРБИАЛОВ ДЛИТЕЛЬНОСТИ
В ЯКУТСКОМ И ДОЛГАНСКОМ¹**

Якутский и долганский — близкородственные тюркские языки, на которых говорят на северо-востоке Сибири. Они существенно отличаются от прочих тюркских. В то время как в большинстве тюркских языков выбор происходит между нулевым и аккузативным оформлением прямого дополнения², якутский и долганский допускают в этом случае еще один (морфологический) падеж, называемый в традиционных описаниях «частным».

Возможно, своим возникновением эта система обязана влиянию эвенкийского языка [Pakendorf 2007: 142–167]. Сама система в известной степени описана (см. [Убрятова (ред.) 1982; Убрятова 2006; Pakendorf 2007] для якутского, [Убрятова 1985; Артемьев 1999] для долганского), однако в предыдущих исследованиях, во-первых, не изучались жесткие ограничения на выбор падежей, и, во-вторых, не делалось попыток формального анализа системы. В моей работе я предлагаю такой анализ, опирающийся на две идеи: множественное приписывание падежа и соревнование морфологических показателей при озвучивании. (Разные технические реализации, в основном на материале русского языка, первой из этих идей предлагались в [Richards 2007; Matushansky 2008; Erschler 2009], а второй — в [Erschler 2009].)

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 08-04-00208а. Якутские данные, источник которых не указан, получены мной от информантов-студентов Института народов Севера РГПУ им. Герцена. Я признателен Е. В. Перехвальской и Н. М. Артемьеву, благодаря чьей помощи эта работа была возможна.

² Я отвлекаюсь тут от партитивных употреблений аблатива, они засвидетельствованы как в якутском и долганском, так и в некоторых других тюркских языках, например, в киргизском [Батманов 1938: 37].

Данные. В неимперативных контекстах для оформления прямого дополнения и других ИГ «объектной зоны» ([Эршлер 2009: 33]) употребляются номинатив (т. е. нулевое маркирование) или аккумулятив:

- ЯКУТСКИЙ
- (1) *bu ferma-ya kyrsa-(ny) / *kyrsa-ta uošketteler*
этот ферма-DAT песец-ACC песец-PART разводят
'На этой ферме разводят песца'³.

При этом для адвербиалов длительности немаркированной по завершенности ситуации аккумулятив допустим в долганском, но не в якутском:

- ДОЛГАНСКИЙ [Артемьев 1999: 72]
- (2а) *bunna ueli:r 27 žyl-y*
здесь работал 27 год-ACC
kyržagas učital
старый учитель
'Старый учитель работал тут 27 лет'.

- ЯКУТСКИЙ
- (2б) *yalžan ikki yj / *yj-y syttym*
болея два месяц месяц-ACC я.лежал
'По болезни я пролежал два месяца'.

Для меры же пройденного пространства аккумулятив в якутском допустим:

- ЯКУТСКИЙ
- (3) *us kilometr / kilometr-y*
три километр километр-ACC
ohto:bokko su:rdum
не.останавливаясь я.бежал
'Три километра я пробежал без остановки'.

Если же глагол стоит в императиве, возникает третья возможность: прямое дополнение может быть маркировано и партиципом:

---

³ Вариант с ACC взят из [Убрятова (ред.) 1982: 133], возможность опустить тут аккумулятивный суффикс проверена с информантами.

- якутский [Убрятова 2006: 124]
 (4а) *ʒa:msyk at-ta ayal*
 ямщик лошадь-PART подать:IMP.2SG
 ‘Ямщик, лошадь подавай’.

- долганский [Артемьев 1999: 60]
 (4б) *tut us koruobu-ta*
 поймать:IMP.2SG три корова-PART
 ‘Поймай трех коров!’

Кроме того, в долганском (но не в якутском), та же мена падежного маркирования затрагивает и адвербиалы длительности:

- долганский [Артемьев 1999: 58]
 (5а) *us dyl-la utuj*
 3 год-PART заснуть:IMP.2SG
 ‘Засни на 3 года’.

- якутский
 (5б) *mi:gin manna ikki ča:s / *ča:s-ta / *čaaḥ-y*
 я.DAT тут 2 час час-PART час-ACC
ku:t
 ждать.IMP.2SG
 ‘Жди меня тут два часа’.

Для меры пройденного пространства в якутском партитивное маркирование допустимо:

- якутский
 (6) *us kilometr / kilometr-y / kilometr-da*
 три километр километр-ACC километр-PART
saty: xa:mp
 пешком идти.IMP.2SG
 ‘Пройди пешком три километра’.

В некоторых ситуациях с императивом употребим и аккумулятив:

- долганский [Артемьев 1999: 66]
 (7а) *məŋtər-umə lokka-ny*
 качать.IMP.2SG-NEG лодка-ACC
 ‘Не раскачивай лодку!’

- ЯКУТСКИЙ
(7б) *a:-ny as*
дверь-ACC открыть.IMP.2SG
'Открой дверь!'

Эта система неожиданно находит параллель в прибалтийско-финских языках:

- ЭСТОНСКИЙ [Пялль 1955: 242–243]
(8а) *Üliõpilane sulges akna.*
студент закрыл окно.ACC/GEN
'Студент закрыл окно'.
(8б) *Noormees, sulge-ge aken.*
парень закрыть-IMP.2PL окно.NOM
'Молодой человек, закройте окно!'

Набросок анализа. Исходные предположения таковы: Признак(и) падежа приписываются именной группе в целом и далее некоторым образом распределяется по ней (в случае тюркских языков, просто выражаются на правой границе ИГ). Эти признаки приписываются некоторыми вершинами, расположенными в дереве выше, чем данная ИГ. В духе работ [Matushansky 2008; Erschler 2009] я предполагаю, что вершина может приписывать признак падежа не только своим сестрам, но и любым другим с-командуемым составляющим. Далее, именная группа может нести (в принципе) неограниченный набор таких признаков. При озвучивании, пары (признак, вершина) вступают в соревнование за фонологическую реализацию. Это соревнование ограничено некоторым набором ранжированных ограничений.

В рамках этого подхода то, что у прямого дополнения при императивах есть особый падежный показатель, интерпретируется как существование в императивных клаузах отдельной вершины, способной приписать этот падеж. Правдоподобно отождествить эту вершину с императивным T_{imp} , введенным из независимых соображений в [Jensen 2004]. Далее, предполагается, что эта вершина приписывает именным группам признак +Imp. Ограничение типа «преданности» (faithfulness, русский перевод термина взят из [Иосад 2008]) Faithfulness(Imp) требует, чтобы этот признак оказался реализован фонологически. В языках, где у прямых

дополнений при императивах не возникает особого маркирования, это ограничение ранжировано ниже, чем ограничения преданности для других падежных признаков. Чтобы объяснить появление Асс в примерах типа (7), я ввожу ограничение Асс-Def «определенные ИГ должны маркироваться» и постулирую ранжирование Асс-Def >> Faithfulness-Imp. Различие между якутским и долганским в маркировании адвербиалов может объясняться различным положением этих адвербиалов относительно $T_{imp}P$ в данных языках. В дальнейшем распределение падежей будет рассмотрено более подробно, и, соответственно, будут введены дополнительные ограничения.

Список условных сокращений

2 — лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; GEN — генитив; IMP — императив; NOM — номинатив; PART — партитив; SG — единственное число; NEG — отрицание.

Литература

- Артемьев 1999 — Н. М. Артемьев. Категория падежа: системный анализ (на материале долганского и якутского языков). СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 1999.
- Батманов 1938 — И. А. Батманов. Употребление падежей в киргизском языке. Фрунзе — Казань: Киргизское государственное издательство, 1938.
- Иосад 2008 — П. В. Иосад. Теория оптимальности: Обзор основной литературы // Вопросы языкознания 4, 2008. С. 104–121.
- Пяльль 1955 — Э. Пяльль. Учебник эстонского языка. Таллин: Эстонское госиздательство, 1955.
- Убрятова 1985 — Е. И. Убрятова. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985.
- Убрятова 2006 — Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. Новосибирск: Наука, 2006.
- Убрятова (ред.) 1982 — Е. И. Убрятова (ред.). Грамматика современного якутского языка. М.: Наука, 1982.
- Эршлер 2009 — Д. А. Эршлер. К типологии непацентивных значений аккузатива // Вопросы языкознания 3, 2009. С. 32–49.
- Erschler 2009 — D. Erschler. On case conflicts in Russian: An optimality-theoretic approach // G. Zybatow, U. Junghanns, D. Lenertova, P. Biskup (eds.). Studies in Formal Slavic Phonology, Morphology, Syntax, Semantics and Information Structure. Frankfurt am Main et al., 2009. P. 119–130.

- Jensen 2004 — B. Jensen. Imperative clause structure. Ms., Cambridge University, 2004.
- Matushansky 2008 — O. Matushansky. A Case Study of Predication // Studies in Formal Slavic Linguistics [Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6, 5]. Frankfurt: Lang, 2008. P. 213–239.
- Pakendorf 2007 — B. Pakendorf. Contact in the Prehistory of the Sakha (Yakuts): Linguistic and Genetic Perspectives [LOT Dissertation series 170]. Utrecht: LOT, 2007.
- Richards 2007 — N. Richards. Lardil “Case Stacking” and the structural/inherent case distinction, 2007. (<http://ling.auf.net/lingBuzz/000405>)

B. Comrie

MPI EVA, Leipzig — UCSB, Santa Barbara

TYOLOGY OF NUMERAL SYSTEMS
(plenary lecture)

The numeral systems of the world not only show extraordinary diversity, but also provide a window onto the relation between language and culture. The aim of this presentation is to provide an overview of the cross-linguistic variation found in the internal structure of numeral expressions in natural languages, concentrating on the choice of arithmetic base (10, 12 – or even 23!), the use of particular arithmetic processes (addition, multiplication, exponentiation – but also subtraction, division, and more complex combinations), the order of constituents, and the treatment of ambiguities.

M. Haspelmath

MPI EVA, Leipzig

**EXPLAINING SOME UNIVERSALS
OF CAUSATIVE VERB FORMATION
(plenary lecture)**

The literature contains a number of generalizations concerning the form of causative predicates:

- (1) If a language has causative verbs derived from transitive bases, it also has causatives derived from intransitives [Недялков, Сильницкий 1969: 26].
- (2) If a language has causative verbs derived from (or corresponding to) unergative bases, it also has causatives of unaccusatives [Shibatani 2001: 7].
- (3) If a language has several causative markers of different length, then the longer markers tend to be used with transitive or unergative bases, [Недялков, Сильницкий 1969: 27].

However, these universals are not widely known, so that one finds proposals for language-particular accounts of the corresponding restrictions in individual languages (e.g. [Alalou, Farrell 1993] on Berber, [Cole, Son 2004] on Indonesian) that are clearly lacking in generality. [Hale, Keyser 2002] provide an account of a variant of (2), but they miss the fact that it is only a one-way implication.

I start with the observation (due to [Haspelmath 1993]) that unaccusatives fall into two classes with respect to causative verb formation. I call them here **costly unaccusatives** (verbs like ‘break’, ‘close’, ‘gather’, which require some energy input from outside) and **automatic unaccusatives** (verbs like ‘freeze’, ‘dry’, ‘sink’). M. Haspelmath finds that (4) is likely to be universal:

- (4) With automatic verb meanings, the causative verb tends to have an overt marker, while with costly verb meanings, the noncausative verb tends to have an overt marker.

This can be illustrated by Table 1, showing ‘break’ and ‘freeze’ verb pairs in a few languages:

Table 1. Causative marking patterns in four languages

	Indonesian	Japanese	Swahili	Arabic
‘break’ (intr.)	<i>patah</i>	<i>war-e-ru</i>	<i>vunj-ik-a</i>	<i>in-kasara</i>
(tr.)	<i>me-matah-kan</i>	<i>waru</i>	<i>vunja</i>	<i>kasara</i>
‘freeze’ (intr.)	<i>mem-beku</i>	<i>kooru</i>	<i>ganda</i>	<i>ta-jammada</i>
(tr.)	<i>mem-beku-kan</i>	<i>koor-ase-ru</i>	<i>gand-ish-a</i>	<i>jammada</i>

While some languages (such as Indonesian) show a predilection for derived causatives, and others (such as Arabic) prefer derived non-causatives, there are no languages that reverse the Japanese/Swahili pattern.

We can thus set up the scale of event types in (5) (the last type, “agentful”, refers to events requiring an unexpressed agent, such as ‘be cut’).

(5) Spontaneity Scale:

transitive > unergative > automatic > costly > agentful
 ‘cut’   ‘dance’   ‘freeze’   ‘break’   ‘be cut’

Given this scale, the four universals in (1)–(4) can be subsumed under three even more general statements:

- (6a) Events higher on the scale are less likely to be expressed synthetically than events lower on the scale.
- (6b) Derived causatives are longer for events higher on the scale.
- (6c) Causative counterparts of higher events tend to be expressed as derived causatives, while for lower events the noncausatives tend to be derived.

My central claim is that the universals in (6a–c) can be explained in terms of frequency of use. Synthetic expression, shortness and zero expression are all well-known consequences of high frequency. Some corpus evidence will show that events higher on the Spontaneity Scale occur less often as caused events (and vice versa), so that the observed phenomena can be shown to be straightforward frequency effects (mediated by an ultimately diachronic usage-based mechanism).

References

- Недялков, Сильницкий 1969 — В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий. Типология морфологического и лексического каузативов // А. А. Холодович (ред.). Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 20–60.
- Alalou, Farrell 1993 — A. Alalou, P. Farrell. Argument structure and causativization in Tamazight Berber // *Journal of African Languages and Linguistics* 14, 2, 1993. P. 155–186.
- Cole, Son 2004 — P. Cole, M.-J. Son. The argument structure of verbs with the suffix *-kan* in Indonesian // *Oceanic Linguistics* 43, 2, 2004. P. 339–364.
- Hale, Keyser 2002 — K. L. Hale, S. H. Keyser. Prolegomenon to a Theory of Argument Structure. Cambridge, MA: MIT Press, 2002.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath, More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 87–120.
- Shibatani 2001 — M. Shibatani. Introduction: Some basic issues in the grammar of causation // M. Shibatani (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 1–22.

A. L. Malchukov

MPI EVA, Leipzig — JGU, Mainz — ILI RAN, St. Petersburg

RESOLVING ALIGNMENT CONFLICTS
(plenary lecture)

The question how to constrain possible alignment patterns have long concerned typologists, who noted, in particular, that case shows greater predisposition for ergative alignment as compared to agreement, as well as suggested a number of generalizations concerning preferences of certain syntactic constructions (control properties, reflexives, coordination, etc) for certain alignment patterns (see, e.g., [Croft 2001]). Yet such generalizations have been plagued by availability of counterexamples, which challenge their validity [Bickel 2010]. In my view, one way to account for both recurrent patterns and counterexamples is to acknowledge that alignment properties may be due to different factors.

Thus, while certain constructions may have certain alignment preferences for functional reasons these preferences may conflict with the basic alignment pattern of a language. For example, imperatives are known to show a general preference for accusative (or active) alignment to the dispreference of ergative alignment [Dixon 1994]. In this context it is instructive to consider the behavior of imperatives in ergative languages. As it turns out, the imperatives in these languages either retain the ergative pattern, at least partially (as, e.g., in some Daghestanian languages, which retain the ergative-style verb agreement in imperatives), or switch to accusative alignment (as in Dyirbal and some other languages discussed in [Dixon 1994]), or else imperative form can be blocked (as in Ket, where only the conjugation classes with accusative-style agreement have regular imperative forms). Such alignment changes can be taken as evidence for alignment preferences of certain constructions. Similar alignment conflicts are also observed in the ditransitive domain, where it is conventional to distinguish between indirective ($T=P \neq R$), neutral ($T=P=R$), and secundative ($T \neq P=R$) alignment ([Haspelmath 2005]; cf. [Comrie 1982; Dryer 1986; Siewierska 2004]). Also in the ditransitive domain, certain constructions

may for functional reasons show either indirective preference (e.g., incorporation, antipassives), or secundative preference (e.g., formation of verbal reciprocals). Therefore, for example, formation of antipassives is more consistent in languages with indirective alignment (where antipassives, if available, always target T/P arguments) than in languages with secundative alignment. In the latter languages an antipassive may either target T (in accordance with the functional preference, as, e.g., in Northern Paiute), or R (in accordance with the alignment profile, as, e.g., in Eastern Ojibwa), or else be blocked altogether (as, e.g., in Tzotzil). In my paper I will discuss further examples of alignment conflicts both in monotransitive and ditransitive domains. Generally, it will be shown that when a construction-specific functional bias is consistent with the language profile (i.e. the basic alignment pattern) more cross-linguistic consistency is found, while there is room for more variation when the two factors are in conflict.

References

- Bickel 2010 — B. Bickel. Grammatical relations typology // J. J. Song (ed.). *The Oxford Handbook of Language Typology*. Oxford: OUP, 2010. P. 399–444.
- Comrie 1982 — B. Comrie. Grammatical relations in Huichol // P. J. Hopper, S. A. Thompson (eds.). *Studies in Transitivity [Syntax and Semantics 15]*. New York: Academic Press, 1982. P. 95–115.
- Croft 2001 — W. A. Croft. *Radical Construction Grammar*. Oxford: OUP, 2001.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. *Ergativity*. Cambridge: CUP, 1994.
- Dryer 1986 — M. S. Dryer. Primary objects, secondary objects, and antipassive // *Language* 62, 4, 1986. P. 808–845.
- Haspelmath 2005 — M. Haspelmath. Argument marking in ditransitive alignment types // *Linguistic Discovery* 3, 1, 2005. P. 1–21.
- Siewierska 2004 — A. Siewierska. *Person*. Cambridge: CUP, 2004.

Часть II

**Материалы Восьмой конференции
по типологии и грамматике для
молодых исследователей (2011 г.)**

П. С. Антонова

МГУ, Москва

СИНТАКСИС НАРЕЧИЙ СОСТОЯНИЯ И ВТОРИЧНЫХ ПРЕДИКАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Вторичные предикаты (ВП) и наречия состояния (НС) — объекты, очень близкие семантически. Они выполняют одну и ту же функцию — характеризуют различные аспекты состояния участника ситуации. Ср. характеристику эмоционального состояния участника с помощью НС (1) и ВП (2), (3):

- (1) *Но посрамленный Робиль не сдавался. <...> И он **сердито** ушел с площади, величественно запахнувшись в свою зеленую мантию.* [А. М. Волков. Семь подземных королей (1964)]
- (2) *Он так рассердился на дедушку, что даже в садик пришёл **сердитый**.* [amlib.ru/b/bezrukow_w_k/gfgf.shtml]
- (3) *Дунаев проснулся не таким **сердитым**, каким был вчера.* [К. М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)]

Исследования показывают, что единое изучение НС и ВП с семантической точки зрения оказывается очень полезным. Рассмотрим сходства и различия в их синтаксическом поведении.

1. Позиция в синтаксическом дереве

Общее свойство НС и ВП состоит в том, что они не образуют составляющей с выражением, к которому относятся на семантическом уровне, а присоединяются к глагольным составляющим различного уровня.

1.1. Наречия состояния

НС имеют две интерпретации. Верхняя интерпретация наречия обозначает, что участник ситуации испытывает некоторое

---

¹ Исследование выполнено на материале Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru>) с привлечением небольшого количества текстов из русскоязычного сектора интернета.

состояние, нижняя (которую можно условно назвать интерпретацией образа действия) — что участник внешне проявляет признаки некоторого состояния. Обе интерпретации близки между собой и часто совмещаются (напр., в (1) ‘Робиль ушел сердясь’ и ‘Робиль ушел с сердитым видом’). Есть контексты, в которых доступна только одна из интерпретаций: только верхняя в (4), только нижняя в (5):

- (4) *Когда Леон засыпает в моем сне, я **радостно** просыпаюсь.* [Мария Рыбакова. Дверь в комнату Леона // «Звезда», 2003]
- (5) *Он проговорил все это довольно **сердито**, не потому, что на самом деле сердился на Синцова, а потому, что хотел подчеркнуть перемену в его положении.* [Константин Симонов. Живые и мертвые (1955–1959)]

1.1.1. Наречия с нижней интерпретацией. НС с нижней интерпретацией (как и другие наречия образа действия) возможно только в пределах глагольной группы (vP). Наречие может эллиптироваться при эллипсисе vP [Kazenin 2000]:

- (6) *Я не буду **сердито** разговаривать, а Вася будет [_{vP} **сердито** разговаривать].*

Также наречие с нижней интерпретацией обязательно входит в сферу действия (СД) сентенциального отрицания (т. е. расположено ниже NegP, см. Рис. 1) и, как правило, следует за вспомогательным глаголом будущего времени.

Семантическое объяснение этому факту состоит в том, что наречия образа действия характеризуют специфицированное событие [Ernst 2002], т. е. событие обозначенного глаголом типа (события типа ‘уйти’ в примере (1)). Специфицированное событие доступно только внутри vP.

В отличие от английского языка, русские НС с нижней интерпретацией имеют одну (предглагольную) базовую позицию.

1.1.2. Наречия с верхней интерпретацией. Для НС с верхней интерпретацией возможны по крайней мере две структурных позиции: чаще всего они расположены внутри vP, но встречаются также примеры, когда наречия расположены выше NegP (не входят в СД отрицания) (7) и предшествуют вспомогательному глаголу будущего времени (8):

- (7) *Ехать не хотелось, и, наверно, поэтому бойкая девушка не понравилась Захарычу — он **сердито** не замечал ее.* [Василий Шукшин. Двое на телеге (1958)]
- (8) *И он представил, как любимая женщина **печально** будет ездить на черном автомобиле.* [Юрий Петкевич. Явление ангела (2001)]

Выше AgrSP HC располагаться не может, о чем говорит то, что наречие обязательно должно эллиптироваться вместе с AgrSP:

- (9а) *Вася будет **сердито** разговаривать, а Петя нет* [AgrSP ~~будет~~ **сердито разговаривать**].
- (9б) **Вася будет с тобой разговаривать, а Петя **сердито** нет* [AgrSP ~~будет с тобой разговаривать~~].

Согласно [Ernst 2002], наречие может быть адьюнктом любой составляющей подходящего семантического типа (в данном случае типа ‘событие’). Операторы отрицания и времени берут в качестве аргументов и возвращают события, поэтому наречие может присоединяться к любой из соответствующих им синтаксических проекций. Сложнее объяснить, почему HC не может быть адьюнктом AgrSP — видимо, здесь вступает в действие чисто синтаксическое ограничение.

1.2. Вторичные предикаты

ВП также имеют несколько интерпретаций.

Не-сирконстантные вторичные предикаты (НСВП) просто указывают на состояние участника ситуации во время совершения события, выраженного главным предикатом (*Вася пришел пьяным* — ‘Вася пришел и Вася был пьян во время прихода’).

Сирконстантные вторичные предикаты (СВП) указывают на некоторое дополнительное обстоятельственное отношение между двумя предикациями.

Примеры СВП (по [Nichols 1981]):

- ✓ условные (‘если этот чай сладкий, то он невкусный’):
- (10) ***Сладкий** этот чай невкусный.*
- ✓ уступительные (‘даже если я спал, я не мог этого забыть’):
- (11) *Я и **спящий** не мог этого забыть.*

Для разграничения СВП и НСВП используется два теста:

1. Взаимодействие с отрицанием

НСВП всегда входят в СД отрицания:

- (12) *Нина Шацкая **голой** по сцене не бегала, да ей бы и не разрешили органы советской власти.* [Вениамин Смехов. Театр моей памяти (2001)].

СВП не входят в СД отрицания:

- (13) ***Пьяный** я совершенно не боюсь смерти.* [Павел Мейлахс. Отступник // «Звезда», 2002]

2. Линейная позиция

В английском только СВП может занимать позицию перед подлежащим:

- (14a) ***Hungry** I can't work.*

- (14б) ****Hungry** he came.*

В русском языке подобного грамматического запрета нет, но есть корреляции между синтаксической позицией ВП и его классом: для СВП наиболее характерна позиция перед глаголом, а для НСВП — после глагола. НСВП практически не употребляются в позиции перед подлежащим.

На наш взгляд, СВП и НСВП синтаксически представляют собой единую конструкцию, которая может присоединяться в качестве адьюнкта на различных уровнях.

ВП имеют по меньшей мере две базовых синтаксических позиции:

Внутри vP:

- (15) *Петя будет бегать **голый** по сцене, а Вася не будет* [vP *бегают **голый** по сцене*].

Вне vP:

- (16) *Вася будет бегать по сцене, а Петя даже **пьяный** не будет* [vP *бегают по сцене*].

В первом случае ВП интерпретируется как НСВП, т. е. описывает состояние участника в некотором конкретном (специфицированном) событии. В синтаксической структуре ВП присоединяется

ниже, чем показатель отрицания, следовательно, входит в СД отрицания.

Во втором случае ВП получает одну из сирконстантных интерпретаций. Видимо, для СВП возможна только позиция выше NegP.

Для того чтобы ВП мог быть проинтерпретирован как сирконстантный, должны выполняться также другие условия (напр., глагол должен иметь значение несов. вида и не относиться к актуальному времени).

2. Синтаксическая позиция контролера

Рассмотрим, какие синтаксические позиции может занимать участник, характеризуемый с помощью НС или ВП (для краткости будем называть этого участника контролером).

Контролер НС должен быть самым приоритетным в иерархии семантических ролей ([van Valin 1990] и др.). Наречие *печально* не может характеризовать контрагента (Васю) в (17), так как агентс (Петя) занимает более высокую позицию в иерархии, следовательно, наречие может относиться только к нему:

(17) *Петя^{OK} *печально*_i / **печально*_j встретил Васю_j.

Синтаксическая позиция контролера может быть различной:

(18) *За спиной у короля стоял <...> старший из состоящих на службе магов. <...> Меня его внимание **благоразумно** не коснулось <...>* [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001)]

(19) *Альбом был радостно встречен **фанатами** <...>* [dmfanclub.ru/playingtheangel/index.html]

Для ВП важна не семантическая роль, а синтаксическая позиция контролера. В русском языке есть две стратегии падежного оформления ВП — маркирование творительным падежом и согласование по падежу с контролером. Каждая стратегия может характеризовать непрерывный участок в иерархии синтаксических ролей (иерархии доступности синтаксических групп [Кинэн, Комри 1982]): Подлежащее > Прямое дополнение > Непрямое дополнение > Косвенное дополнение. Инструментальные ВП могут

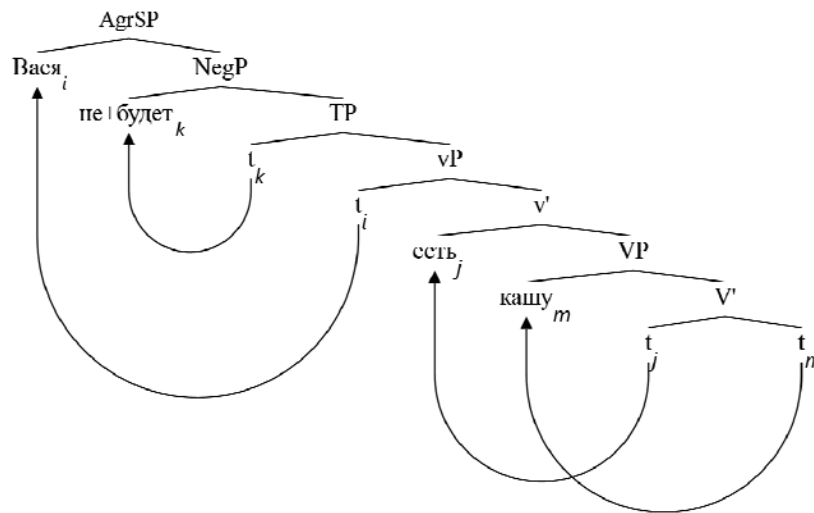
употребляться только с контролерами — подлежащими и прямыми дополнениями, согласующиеся ВП — также с контролерами, выраженными непрямыми и косвенными дополнениями.

3. Выводы

Мы рассмотрели два класса выражений, характеризующих участников — наречия состояния и вторичные предикаты. Было показано, что синтаксически они ведут себя сходным образом. Оба класса имеют несколько базовых позиций в синтаксической структуре, причем синтаксическая позиция связана с семантикой выражения: НС с нижней интерпретацией и НСВП могут порождаться только внутри *vP*, СВП — только вне *vP*, а НС с верхней интерпретацией — как внутри *vP*, так и вне ее. Также мы рассмотрели, какие синтаксические позиции может занимать участник, на которого ориентировано выражение (контролер). Контролер НС может занимать различные синтаксические позиции, при этом он должен быть самым приоритетным в иерархии семантических ролей. Контролер ВП должен входить в нужный отрезок в иерархии доступности семантических групп.

4. Приложение

Рис. 1. Синтаксическая структура предложения

Литература

- Кинэн, Комри 1982 — Э. Л. Кинэн, Б. Комри. Иерархия доступности
именных групп и универсальная грамматика // Новое в лингви-
стике. Вып. XI. М.: Прогресс, 1982. С. 111–165.
- Ernst 2002 — T. Ernst. *The Syntax of Adjuncts*. Cambridge: CUP, 2002.
- Kazenin 2000 — K. I. Kazenin. *Polarity in Russian and the typology of
predicate ellipsis*. Ms., 2000.
- Nichols 1981 — J. Nichols. *Predicate Nominals: a Partial Surface Syntax of
Russian*. Berkley: University of California Press, 1981.
- Van Valin 1990 — R. D. Jr. Van Valin. *Semantic parameters of split intransi-
tivity* // *Language* 66, 2, 1990. P. 221–260.

П. М. Аркадьев

ИСл РАН, Москва

О ФУНКЦИЯХ ГЛАГОЛЬНОГО ПРЕФИКСА *VE-* В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ

Система глагольной префиксации в литовском языке изучена мало, в особенности в сравнении со славянскими. Между тем, она обладает рядом характеристик, делающих ее весьма нетривиальной с типологической точки зрения. Данная работа посвящена одному литовскому глагольному префиксу, одновременно наименее исследованному и наиболее интересному¹.

Префикс *be-* наряду с отрицательным префиксом *ne-* и пермиссивно-рестриктивным префиксом *te-* (о последнем см. [Arkađiev 2010]) относится к словоизменительным префиксам литовского языка, способным присоединяться слева к словообразовательным (акциональным) префиксам в порядке *te-ne-be-*, ср. *ne-be-per-raš-o* ‘больше не переписывает’. Если словообразовательные префиксы, из-за своего сходства со славянскими глагольными приставками и своей активной роли в аспектуальной системе, получили хотя бы какое-то освещение в литературе (см. в первую очередь [Paulauskas 1958], а также [Вимер 2001]), то словоизменительные префиксы упоминаются в грамматических описаниях лишь вскользь (ср., например, [Senn 1966: 245] или стандартную грамматику [Ambrazas (ed.) 1997]), а их значения не только не эксплицируются, но даже не всегда перечисляются (ср. [Ulvydas (red.) 1971: 295]). Из всех немалочисленных функций префикса *be-*, описанных ниже, до сих пор систематически изучено было лишь его употребление в аналитических формах авертива (см. [Sližienė 1961]).

Функции префикса *be-* можно условно разделить на две группы: аспектуальные и модально-квантифицирующие. Семантические

---

¹ Исследование выполнено при поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации». Я благодарю моих литовских консультантов, а также Ю. Пакериса и Р. Микулскаса.

связи и особенно диахронические переходы между отдельными функциями внутри двух групп и тем более между группами не всегда очевидны (ср. [Ostrowski, submitted]).

1. Аспектуальные функции

1.1. Прогрессив (‘ситуация имеет место в момент наблюдения’): данное значение реализуется лишь с нефинитными формами, выражающими одновременность, в основном в фоновых предикациях (1) и более маргинально в аналитических конструкциях со вспомогательным глаголом (2).

- (1) *Gal-i bū-ti taip,*
 мочь-PRS быть-INF так
jog be-eksperimentuoj-a-nt
 что BE-экспериментировать-PRS-PA
su.deg-s visk-as, k-as numatyta.
 сгореть-FUT все-NOM что-NOM намечено
 ‘Может быть так, что во время эксперимента сгорит все, что намечено’. (LKT²)

- (2) *J-is dar buv-o be-mieg-ąs,*
 3-NOM.SG.M еще AUX-PST BE-спать-PRS.PA.NOM.SG.M
taigi at.si.sėd-o-m <...> ir lauk-ė-m.
 так.что усесться-PST-1PL и ждать-PST-1PL
 ‘Он еще спал, так что мы сели <...> и стали ждать’. (Google)

1.2. Континуатив (‘ситуация продолжается в момент наблюдения’): это значение является у префикса *be-* наиболее ярким и реализуется с любыми финитными и нефинитными формами (подробнее см. [Arkadiev 2011]). Нетривиально то, что по крайней мере в современном языке континуативность не выражается этим префиксом отдельно от двух других префиксов, сигнализирующих полярность: положительный континуатив (‘все еще’) выражается комбинацией *te-be-* (3), а отрицательный (‘больше не’) — комбинацией *ne-be-* (4).

- (3) *<...> miestel-yje te-be-gyven-o daug našli-ų.*
 городок-LOC.SG POS-BE-жить-PST много вдова-GEN.PL
 ‘<...> в городке все еще жило много вдов’. (LKT)

² Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas, <http://tekstynas.vdu.lt>.

- (4) *Tada j-is jau ne-be-gyven-o su žmon-a* <...>
 тогда он-NOM.SG.M уже NEG-BE-жить-PST с жена-INS.SG
 ‘Тогда он уже больше не жил с женой <...>’ (LKT)

1.3. Авертив (‘событие назревало, но не было реализовано’, [Kuteva 2001]): данное значение реализуется лишь в составе аналитической конструкции, содержащей вспомогательный глагол в прошедшем времени и активное причастие настоящего времени с обязательным префиксом *be-*. Авертивное значение такая конструкция имеет лишь с динамическими глаголами (5), со стативными же она, если вообще приемлема, интерпретируется как прогрессивная (2).

- (5) *Jau buv-a-u be-ati.dar-ąs*
 уже AUX-PST-1SG BE-открыть-PRS.PA.NOM.SG.M
automobili-o dur-is, kai man-e pa.šauk-ė.
 автомобиль-GEN.SG дверь-ACC.PL когда я-ACC позвать-PST
 ‘Я уже открывал двери автомобиля, когда меня позвали’. (LKT)

Аспектуальные функции префикса *be-*, согласно работе [Ostrowski, submitted], восходят к старолитовскому наречию *be* ‘все еще’; если эта гипотеза верна, то следует предполагать развитие континуатив > прогрессив > авертив; последнее звено этой цепочки прослеживается по старолитовским текстам, см., например, [Амбразас 1990: 180–183].

2. Модально-квантифицирующие функции

2.1. Дубитатив (‘говорящий оценивает событие как маловероятное’): данное значение реализуется с различными глагольными формами и появляется в контекстах «снятой утвердительности» [Падучева 2004], таких как вопросы, гипотетические условные конструкции, зависимые пропозиции при некоторых матричных глаголах и т. п., ср. (6).

- (6) *Abejoj-u, ar j-i be-kalbė-s*
 сомневаться-PRS.1SG COMP 3-NOM.SG.F BE-говорить-FUT
su man-im atvirai <...>
 с я-INS открыто
 ‘Я сомневаюсь, станет ли она вообще говорить со мною открыто <...>’ (LKT)

2.2. Аттенуатив (‘ситуация осуществляется лишь в небольшой степени’): это значение близко к рестриктивной функции префикса *te-* и отличается от него эмоциональной окраской: употребляя *be-*, говорящий не только оценивает низкую степень проявления ситуации, обозначенную в предложении отдельной составляющей, но и выражает сожаление из-за этого, ср. (7).

- (7) *Lietuviškai be-kalbėj-o*
 по.литовски BE-говорить-PST
tik kaim-o varguomen-ė.
 только село-GEN беднота-NOM.SG
 ‘По-литовски говорила лишь деревенская беднота’. (LKT)

2.3. Универсальная функция, реализующаяся в обобщенно-уступительных конструкциях с вопросительными местоимениями и кратко описанная в статье [Дротвинас 1963], (8).

- (8) <...> *kur pasaul-yje be-gyven-a-u, visur*
 где мир-LOC.SG BE-жить-PST-1SG везде
jauči-a-u-si tik pakeliui <...>
 чувствовать-PST-1SG-RFL только в.пути
 ‘Где бы в мире я ни жил, я везде чувствовал себя лишь в пути <...>’ (LKT)

В отличие от аспектуальных значений префикса *be-*, «мостики» между которыми относительно ясны, как связаны друг с другом функции второй группы, остается во многом загадочным, и в настоящий момент нет достаточных исторических данных, способных пролить свет на эту проблему. Еще менее очевидно, следует ли вообще искать общий источник аспектуальных и модально-квантифицирующих функций префикса *be-*.

Несмотря на наличие многих открытых вопросов, предлагаемое в данной работе описание функций литовского префикса *be-* заполняет серьезную лауну в документации этого языка и позволяет включить этот весьма нетривиальный материал в эмпирический багаж типологии и лингвистической теории. Типологическая нетривиальность литовского префикса *be-* состоит в том, что его значения, в особенности модально-квантифицирующие, нечасто имеют морфологическое выражение в языках мира, а для языков Европы такие морфологические категории вообще беспрецедентны.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; COMP — подчинительный союз; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PA — активное причастие; PL — множественное число; POS — положительная полярность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Амбразас 1990 — В. Амбразас. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас, 1990.
- Вимер 2001 — Б. Вимер. Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов // Вопросы языкознания 2, 2001. С. 26–58.
- Дротвинас 1963 — Л. Дротвинас. Уступительные конструкции литовского литературного языка // Kalbotyra 7, 1963. P. 145–170.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Эффект снятой утвердительности // Труды международной конференции Диалог'2004. М.: Наука, 2004, С. 479–486.
- Ambrasas (ed.) 1997 — V. Ambrasas (ed.). Lithuanian Grammar. Vilnius: Baltos Lankos, 1997.
- Arkadiev 2010 — P. M. Arkadiev. Notes on the Lithuanian restrictive // Baltic Linguistics 1, 2010. P. 9–49.
- Arkadiev 2011 — P. M. Arkadiev. On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // Baltic Linguistics 2, 2011. P. 37–78.
- Kuteva 2001 — T. Kuteva. Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Oxford: OUP, 2001.
- Ostrowski, submitted — N. Ostrowski. On the origin of the Lithuanian verbal prefix *be-* // P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.). Contemporary Approaches to Baltic Linguistics. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, submitted.
- Paulauskas 1958 — J. Paulauskas. Veiksmažodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje // Literatūra ir kalba 3, 1958. P. 301–453.
- Senn 1966 — A. Senn. Handbuch der Litauischen Sprache. Bd. I. Grammatik. Heidelberg: Winter, 1966.
- Slišienė 1961 — N. Slišienė. Apie sudurtines pradėtines veiksmažodžių formas // Lietuvių kalbotyros klausimai 4, 1961. P. 67–72.
- Ulvydas (red.) 1971 — K. Ulvydas (red.). Lietuvių kalbos gramatika. II tomas. Morfologija. Vilnius: Mintis, 1971.

Т. А. Архангельский, М. Г. Тагабилева, Л. С. Холкина

*НИУ ВШЭ, МГУ, Москва
Пекинский университет, Пекин*

**КАЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ
‘ЧИСТЫЙ’, ‘ГРЯЗНЫЙ’, ‘ПРОЗРАЧНЫЙ’, ‘МУТНЫЙ’:
к построению семантической типологии**

Данное исследование посвящено описанию семантических полей качественных признаков ‘чистый’, ‘прозрачный’, ‘грязный’ и ‘мутный’. В работе рассматривается материал пяти языков: русского, английского, китайского, новогреческого и восточноармянского.

В ходе работы были использованы стандартные методы лексико-типологического исследования: сопоставление лексической сочетаемости изучаемых единиц с данными значениями на материале лингвистических корпусов (Национальный корпус русского языка, Восточноармянский национальный корпус, Корпус Пекинского университета, Государственный корпус китайского языка КНР, Двухязычный англо-китайский корпус, Corpus of Contemporary American English — COCA), двухязычных и толковых словарей, а также найденных нами в Интернете языковых примеров. В отдельных случаях мы прибегали к консультациям с носителями, что позволило нам получить необходимый отрицательный материал. В перспективе планируется составление полной лексико-типологической анкеты как инструмента для изучения этих семантических полей в большем количестве языков.

Рассматриваемые в работе семантические поля являются смежными. На это указывает несколько фактов.

Во-первых, существуют когнитивно значимые объекты (например, среды, такие как вода и воздух), для которых наличие одного из признаков имплицитно подразумевает наличие другого. Например, через грязную воду в реке невозможно рассмотреть дно, то есть одновременно она является и мутной. Наоборот, замутненность воды в прототипическом случае означает наличие в ней грязи. Теми же отношениями связаны признаки чистоты и прозрачности. Поэтому эти признаки бывает фактически невозможно

различить: например, в английском лексемы *clean* и *clear* являются взаимозаменяемыми или очень близкими по значению во многих контекстах, а в армянском есть отдельная лексема *v'cit* со значением 'чистый, прозрачный'.

Во-вторых, некоторые метафорические контексты, обслуживаемые в одних языках лексемой с основным значением 'чистый', в других языках обслуживаются лексемой с основным значением 'прозрачный'. Тот же эффект наблюдается и для второй пары признаков. Например, в греческом и армянском языках лексемы с основным значением 'чистый' могут быть использованы метафорически в значении 'честный, искренний', тогда как в китайском таким же образом может быть использована лексема с основным значением 'прозрачный (о жидкости)'.

В результате нашего исследования мы выделили следующие параметры, структурирующие исследуемые семантические зоны.

Для семантического поля 'чистый' релевантным оказался параметр 'отсутствие грязи' vs. 'отсутствие примесей'. Так, в английском языке существует пара прилагательных *clean* и *pure*, первое из которых имеет основное значение 'отсутствие грязи', а второе — 'отсутствие примесей' (ср., например, *clean glass* и *pure gold*). Это разделение обнаруживается также в китайском языке (*gānjìng* vs. *chún*), но не является релевантным в русском, греческом и армянском языках.

Релевантным параметром для семантического поля 'прозрачный' оказалось агрегатное состояние вещества. В некоторых языках смысл 'прозрачный' выражается одним прилагательным, если речь идет о жидкости или газе, и другим, если речь идет о твердом объекте. В нашей выборке такая ситуация наблюдается в греческом (*διαυγής* vs. *διαφανής*), китайском (*qīng* vs. *tòumíng*) и английском (*clear* vs. *transparent*) языках. Интересно отметить, что лексемы, прототипически сочетающиеся с именами твердых предметов (*διαφανής*, *tòumíng* и *transparent*), чаще всего могут сочетаться и с именами — названиями жидкостей и газов (например, англ. *transparent water*), но обратная замена практически никогда не возможна: так, например, китайское *qīng* не может сочетаться с именами, обозначающими твердые тела. Греческое же *διαφανής*, в прямых значениях сочетающееся и с именами твердых объектов, и с названиями жидкостей, оказывается более

требовательным в метафорических контекстах: мы можем сказать *διαυγής νοῦς* — ясное, незамутненное сознание, но не можем в данном случае заменить *διαυγής* на *διαφανής* (*διαφανής νοῦς).

Поле 'грязный' делится на три зоны по параметру степени проявления признака.

В русском, греческом и английском языках существуют лексемы, покрывающие собственно центр поля (*грязный*, βρώμικος/βρώμικος и *dirty*), а также слова, обозначающие меньшую степень загрязненности (*нечистый*, ακάθαρτος и *unclean*). Причем во всех трех языках последние лексемы в первую очередь имеют значение нечистоты моральной (религиозной), то есть исторически все они явно являются кальками из переводов Библии, а уже потом, как представляется, были заимствованы в разговорный язык для покрытия зоны прямых значений.

В английском языке также существует прилагательное *filthy* со значением 'очень грязный'. Таким образом, для параметра степени проявления признака в поле 'грязный' для некоторых языков может оказаться важным не одно противопоставление (негрязный vs. грязный), а два (негрязный vs. грязный vs. очень грязный). Из исследованных нами на данный момент языков такая ситуация наблюдается только в английском.

Семантическое поле 'мутный' включает в себя два основных подзначения: 'замутненный' (тот, через который плохо видно, плохо пропускающий свет) — английское *turbid*, греческое θολός, русское *мутный* — и 'непроницаемый' (тот, через который совсем не видно, не пропускающий свет) — английское *opaque*. Это противопоставление также можно назвать противопоставлением по степени проявления признака.

Также в некоторых языках существуют лексемы, находящиеся как будто между полями 'грязный' и 'мутный' и включающие элементы обоих значений (похожая ситуация происходит и с семантическими зонами 'чистый' и 'прозрачный', о чем уже упомянуто выше). Таково, например, английское слово *muddy* 'мутный, грязный'. На наш взгляд, этот факт также является убедительным доказательством смежности исследуемых семантических полей.

Таким образом, в рассмотренных языках для интересующих нас семантических полей в области прямых значений оказались значимы следующие противопоставления:

‘чистый’ — отсутствие грязи vs. отсутствие примесей;

‘прозрачный’ — агрегатное состояние вещества: жидкость или газ vs. твердый объект;

‘грязный’ — степень проявления признака: негрязный vs. грязный vs. очень грязный;

‘мутный’ — степень проявления признака: замутненный (плохо пропускающий свет) непроницаемый vs. (не пропускающий свет).

Переносные значения рассмотренных лексем часто оказываются аналогичными для разных языков: например, русское сочетание *чистая правда* и греческое *καθαρή ἀλήθεια* (чистая правда), русское *прозрачный намек* и армянский эквивалент *t'ap'anc'ik aknark*. При этом имеются и случаи несовпадения, когда сходные метафорические значения обслуживаются в разных языках лексемами с различным основным значением, например, китайское *qīngguān* (прозрачный чиновник — честный, неподкупный) и греческое *καθαρός ἀνθρώπος* (чистый человек — честный, искренний). Такие случаи, демонстрирующие смежность рассматриваемых семантических полей, представляют большой интерес и заслуживают дальнейшего изучения.

О. И. Беляев

ИЯз РАН, Москва

**КОРЕФЕРЕНТНОСТЬ В КОРРЕЛЯТИВАХ:
СВЯЗЫВАНИЕ ПЕРЕМЕННОЙ ИЛИ АНАФОРА?
(на материале осетинского языка)¹**

Коррелятивной конструкцией (КорК) принято называть одну из стратегий оформления относительных предложений (ОП), широко распространенную в языках мира. В отличие от канонических ОП, в КорК ИГ-антецедент и относительная клауза (ОтнК) не образуют составляющей. Наиболее полно КорК была изучена на материале индоарийских языков; ср. следующий пример из хинди [Srivastav 1991]:

- (1) [jo laRkii khaRii hai]
REL девушка стоящая есть
yo lambii hai
DEM высокий есть
'Та девушка, которая стоит, высокая'.

В КорК ОтнК, как правило, находится в самом начале предложения. Мишень выражена местоимением или именной группой, обычно содержащей в себе относительное или указательное местоимение, но в некоторых языках вообще специально не маркированной; антецедент (называемый в КорК коррелятом) может быть выражен или указательным местоимением, или полной ИГ, но эта ИГ, как правило, обязательно должна содержать в себе демонстратив.

Несмотря на то, что отличия КорК от канонических ОП видны невооруженным глазом, предпринималось немало попыток

---

¹ Исследование выполнено при поддержке ФФЛИ (проект № А-51), РФФИ (проект №11-06-00512-а) и Президиума РАН (программа «Корпусная лингвистика», проекты № 3.6 и 3.7). За данные осетинского языка я благодарен М. В. Дарчиевой, Ф. К. Агузаровой и Р. Х. Бесоловой. Кроме того, я благодарен Н. В. Сердобольской, М. А. Даниэлю и А. П. Выдрину за предварительное обсуждение некоторых из идей, содержащихся в данной работе. Все ошибки — на моей совести.

так или иначе связать КорК с более «стандартными» типами ОП. Так, весьма распространен анализ КорК, предложенный Р. Бхаттом [Bhatt 2003], в соответствии с которым считается, что ОтнК в КорК передвигается на левую периферию главной клаузы (ГК) из исходной позиции при корреляте. Похожие анализы предлагались и в рамках не-трансформационных подходов к синтаксису, через анафорическую или структурную связь ОтнК с адьюнктивной позицией при ИГ-антецеденте [Butt et al. 2007].

В данной работе на материале иронского диалекта осетинского языка (иранская группа индоевропейских языков) будет предпринята попытка доказать, что большинство существующих подходов к синтаксису КорК имеют фундаментальный недостаток, который состоит в том, что КорК рассматривается как стратегия оформления ОП, стоящая в одном ряду с другими стратегиями релятивизации. На мой взгляд, КорК принципиальным образом отличается от канонических ОП, прежде всего, тем, что связывание в ней мишени и антецедента является не связыванием переменной (как в канонических ОтнП), а анафорой, носящей в данном случае обязательный характер. Такой подход к КорК естественным образом объясняет многие ее отличительные особенности (см. раздел 2).

1. Основные сведения о КорК в осетинском языке

Яркой отличительной особенностью осетинского языка является тот факт, что подавляющее большинство типов сложного предложения в нем маркируются при помощи КорК. К таким клаузам относятся собственно относительные предложения (рестриктивные), обстоятельственные придаточные времени, места, образа действия, условия и уступки, фактивные и событийные сентенциальные актанты [Belyaev, Serdobolskaya 2011]:

- (2) [Дидиндж-ыт-æ **цы** **чызг-æн** ба-лавар
 цветок-PL-NOM что девушка-DAT PV-подарок
 код-т-ай], фæд-т-он уый
 делать-TR-PST.2SG PV+видеть-TR-PST.1SG 3SG.DIST.GEN
 фыд-ы.
 отец-GEN
 ‘Я видел отца девушки, которой ты подарил цветы’.

- (3) [Дæ=ныхас=дын куы а-йхъуыст-он]
 POSS.2SG=речь=2SG.ENCL.DAT когда PV-слышать-PST.TR.1SG
 уæд ба-цин код-т-он
 тогда PV-радость делать-TR-PST.1SG
 ‘Когда я услышал твой голос, я обрадовался’.

Как видно из (2)–(3), в осетинских КорК относительное местоимение в большинстве случаев формально совпадает с соответствующим вопросительным словом и находится в предглагольной позиции (там же, где вопросительные слова); коррелят выраженменной группой, содержащей указательное местоимение, или указательным наречием.

Примеры (2)–(3) не только обладают поверхностным сходством, но представляют собой частные случаи одной и той же синтаксической конструкции. Приведу наиболее убедительный аргумент в пользу такого анализа, который состоит в том, что показатели различных типов зависимых клауз могут комбинироваться:

- (4) [Чи куыд хъал кæн-ы], афтæ аходæн
 кто как бодрый делать-PRS.3SG тогда завтрак
 кæны.
 делать-PRS.3SG
 ‘Когда кто просыпается, тогда и завтрак делает’.

Совместимость этих показателей в одной конструкции невозможно объяснить, если считать, что в осетинском языке ОП и «обстоятельственные» предложения мгновенного предшествования (*куыд* в данном случае значит ‘как только’) относятся к разным синтаксическим конструкциям.

2. Основные свойства КорК, указывающие на ее анафорический характер

2.1. *Возможность опущения коррелята в позиции субъекта*
 Опущение коррелята в осетинских КорК возможно только в позиции субъекта:

- (5) [Уым чи лæуу-ы], *(уыд) æз уын-ын.
 там кто стоять-PRS.3SG DEM.DIST 1SG видеть-PRS.1SG
 ‘Я вижу того, кто там стоит’.

- (6) [Уым **чи** лæуу-ы], (уый) ме=мбал
там кто стоять-PRS.3SG 3SG.DIST POSS.1SG=друг
у.
быть.PRS.3SG
‘Тот, кто там стоит, — мой друг’.

Таким образом, поведение коррелята соответствует общим правилам осетинского языка, где *pro drop* свободно допускается только в позиции субъекта. Если бы *уый* в (6) являлось синтаксической вершиной ОП, мы бы не ожидали возможности его опущения. Так, в постпозитивных финитных ОП, также существующих в осетинском языке (хотя и довольно редких), опущение вершины невозможно ни в какой позиции.

2.2. Возможность использования двух «семантических вершин»

В осетинском языке в КорК лексически выраженное имя может присутствовать как в главной, так и в зависимой клаузе, или в обеих из них:

- (7) [Ды (**цы лæппу-йы**) / **кæй** фæд-т-ай],
2SG что мальчик-GEN кто.GEN PV+видеть-TR-PST.2SG
уый / (уыцы лæппу) ам ис.
3SG.DIST тот мальчик здесь EXST
‘Мальчик, которого ты видел, — здесь’.

Таким образом, оппозиция «внутривершинных ОП» vs. «ОП с внешней вершиной», центральная для общепринятой типологии ОП [Lehmann 1984], к КорК оказывается неприменимой. В то же время, в осетинском языке не только возможно «дублирование» вершины, но и использование в качестве вершин *разных* лексем:

- (8) [Уроч-ы **цы лæппу** хъæр-æй дзырд-т-а],
урок-IN что мальчик громкий-ABL говорить-TR-PST.3SG
уыцы фыдуадж-ы ба-фхæр-дзынæн!
тот шалун-GEN PV-наказать-FUT.1SG
‘Я накажу того шалуна, который громко разговаривал на уроке!’

Аналогичное явление наблюдается, к примеру, при топикализации во французском языке [De Cat 2007], которая является

типичным примером анафорической кореферентности (но не передвижения топика из исходной аргументной позиции). В то же время постпозитивные ОП в осетинском языке не допускают наличия семантической вершины в зависимой клаузе ни в каком виде, хотя формально они устроены совершенно так же, как ОтнК в КорК.

2.3. Ограничение на наличие нескольких ОтнК в начале предложения

В осетинском языке, как и в других языках, в которых имеется коррелятивная конструкция, использование нескольких относительных клауз, относящихся к разным коррелятам, в начале предложения невозможно:

- (9) **[Алагир-ы чи цар-ы], [Беслан-ы чи Алагир-IN кто жить-PRS.3SG Беслан-IN кто цар-ы], уыцы лæг уыцы лæг-имæ*
 жить-PRS.3SG тот мужчина тот мужчина-COMIT
фæ-хыл ис.
 PV-драка EXST
 Ожид.: ‘Мужчина, который живет в Алагире, подрался с мужчиной, который живет в Беслане’.

Однако нетрудно показать, что это ограничение не связано с синтаксической позицией ОтнК, поскольку примеры с несколькими ОтнК, относящимися к одному и тому же корреляту, в осетинском допустимы:

- (10) *[Куы фæ-рвæз-он искуы*
 если PV-освободиться-SBJV.1SG когда-нибудь
мæ=хæс-т-æй], [мæ=цард-æн куы
 POSS.1SG=долг-PL-ABL POSS.1SG=жизнь-DAT если
фæ-уа йæ=фæндаг], фæ-лас=иу
 PV-быть.SBJV.3SG POSS.3SG=путь PV-отвозить[IMP.2SG]=FUT
уæд искай бæст-æй ме=стдж-ытæ
 тогда кто.нибудь.GEN страна-ABL POSS.1SG=кость-PL
хох-мæ, мæ=бæстаг.
 гора-ALL POSS.1SG=земляк
 ‘Если когда-нибудь избавлюсь от своих долгов, если кончится путь моей жизни, увези ты тогда мои кости из чужой земли в горы, мой земляк’. [Багаев 1982: 441]

Таким образом, строгого синтаксического запрета на несколько относительных клауз в начале предложения в осетинском языке нет. Недопустимость (9) связана с тем, что в подобных примерах обе коррелятивные клаузы «выбирают» в качестве своего коррелята одно и то же наиболее линейно близкое местоимение в главной клаузе. Это еще один пример характерной для КорК особенности, объясняемой семантико-прагматическими, а не собственно синтаксическими ограничениями.

2.4. «Согласование» коррелята по числу

На анафорический анализ осетинских КорК указывает также тот факт, что некоторые морфосинтаксические признаки коррелята не выводятся однозначно из свойств мишени или мишеней:

- (11) *На дзур-дзынаен, [цас адаем ар-амбырд*
 NEG говорить-FUT.1SG сколько люди PV-собрание
мард-маэ], [цас цассыг=ыл
 мертвый-ALL сколько слеза=3SG.ENCL.SUPER
фæ-калд-т-ой], [йæ=ингæн-ы уалхъус
 PV-лить-TR-PST.3PL POSS.3SG=могила-GEN около
цæйбæри зæрдæбын ныхæс-тæ фæ-код-т-ой],
 сколько сердечный слово-PL PV-делать-TR-PST.3PL
уыдæ-тт-ыл
 DEM.DIST.PL-ASSOC-SUPER

‘Не буду говорить о том, сколько народу пришло на похороны, сколько слез пролили о покойнике, сколько сердечных слов о нем было сказано’. [Багаев 1982: 440]

Множественное число коррелята в (11) можно было бы объяснить как достаточно необычный случай согласования коррелята с несколькими мишенями, если бы не тот факт, что форма *уыдæттыл* не просто является формой множественного числа указательного местоимения, но представляет собой особую ассоциативную форму со значением ‘те и им подобные’. Таким образом, в примере (11) число коррелята выбирается не синтаксически, а семантически. Единственный способ объяснить это явление — считать, что ОтнК не относится синтаксически к корреляту, а связь между мишенью и коррелятом обеспечивается при помощи анафорического связывания.

2.5. *Æмæ-инверсия*

Наконец, аргументом не столько за анафорический анализ КорК, сколько против ее анализа в терминах передвижения, является возможность следующих перифраз:

(12а) *Æз=æй*   *армæст=дар* [ды **куы**
 1SG=3SG.ENCL.ACC   только=PTCL   2SG   когда
 'рба-цыд-тæ],   *уæд*   *фед-т-он*.
 PV-идти-PRS.2SG   тогда   PV+видеть-TR-PST.1SG
 'Я увидел его только тогда, когда ты пришел'.

(12б) *Æз=æй*   *армæст*   *уæд*
 1SG=3SG.ENCL.ACC   только   тогда
фед-т-он,   *æмæ*   [ды **куы**
 PV+видеть-TR-PST.1SG   и   ты   когда
 'рба-цыд-тæ].
 PV-идти-PST.INTR.2SG
 'Я увидел его только тогда, когда ты пришел'.

Как видно из (12), практически любое предложение с КорК можно переформулировать как сочетание ГК, союза *æмæ* 'и', и зависимой клаузы. При этом такие конструкции не являются собственно подчинительными: их свойства аналогичны свойствам «псевдосочинительных» придаточных с *æмæ* при глаголе *æнхъæл уæвын* 'думать' [Беляев 2010; Велуаев 2011]. Очевидно, что для примеров вроде (12б) анализ в терминах передвижения неприемлем, тогда как характер связи между мишенью и коррелятом в (12а) и (12б), насколько можно судить, одинаков.

3. Заключение

В разделе 2 было показано, что связь между мишенью и коррелятом в КорК является гораздо более слабой, чем связь между мишенью и антецедентом в канонических ОП. Кроме того, ограничение на количество ОтнК в начале предложения носит не синтаксический, а прагматический характер. Это говорит о том, что классический анализ ОтнК в КорК как адьюнкта к СР главной клаузы, предложенный в [Srivastav 1991], остается в силе, но коррелятивная клауза изначально порождается в этой позиции, а не передвигается в нее. Кроме того, кореферентность между мишенью

(или мишенями) и коррелятом правильнее описывать как анафорическое связывание. Единственное отличие от «обычной» анафоры состоит в том, что в данном случае кореферентность является обязательной, но в этом смысле КорК совсем не уникальна — достаточно вспомнить топиализацию в таких языках, как французский [De Cat 2007], а также контроль, который в некоторых теоретических парадигмах описывается как анафора [Bresnan 1982]. ИГ-мишень в таких случаях оказывается с семантической точкой зрения определенной именной группой. «Анафорический» подход к КорК хорошо соотносится с диахроническими данными о том, что такие конструкции развиваются либо из соположения двух независимых предложений, либо из топиализации [Givón 2009]. Важным теоретическим выводом является также то, что КорК существенно отличаются от канонических ОП и должны рассматриваться отдельно от последних, как особый синтаксический тип сложного предложения.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ГК — главная клауза; ИГ — именная группа; КорК — коррелятивная конструкция; ОП — относительное предложение; ОтнК — относительная клауза; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; ASSOC — ассоциативная множественность; COMIT — комитатив; DAT — дательный падеж; DEM — указательное местоимение; DIST — дальний дейксис; ENCL — энклитическое местоимение; EXST — экзистенциальная форма глагола 'быть'; FUT — будущее время; GEN — родительный падеж; IMP — императив; IN — инессив-иллатив; INTR — непереходность; NEG — отрицание; NOM — именительный падеж; PL — множественное число; POSS — притяжательное местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — дискурсивная частица; PV — преверб; REL — показатель мишени релятивизации; SBJV — конъюнктив; SG — единственное число; SUPER — суперэссив-суперлатив; TR — показатель переходности глагола.

Литература

- Багаев 1982 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. 2. Синтаксис. Орджоникидзе: Ир, 1982.
- Беляев 2010 — О. И. Беляев. Сочинительные конструкции с асимметричной семантикой в осетинском языке // Е. В. Головкин и др. (ред.). Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте

- России. Тезисы докладов международной научной конференции, проходившей в Санкт-Петербурге 2–4 декабря 2010 г. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 7–9.
- Belyaev 2011 — O. Belyaev. Semantically asymmetrical coordinate clauses in Iron Ossetic // Paper presented at the Conference on Caucasian Languages. Leipzig, 13–15 May, 2011.
- Belyaev, Serdobolskaya 2011 — O. Belyaev, N. Serdobolskaya. Correlative clauses all across the syntax: subordination in Iron Ossetic // Paper presented at the Fourth International Conference on Iranian Linguistics (ICIL4). Uppsala, 17–19 June, 2011.
- Bhatt 2003 — R. Bhatt. Locality in correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory* 21, 2003. P. 485–541.
- Bresnan 1982 — J. Bresnan. Control and complementation // Bresnan J. (ed.). *The Mental Representation of Grammatical Relations*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982. P. 282–390.
- Butt et al. 2007 — M. Butt, T. H. King, S. Roth. Urdu Correlatives: Theoretical and Implementational Issues // M. Butt, T. H. King (eds.). *Proceedings of LFG07*. Stanford: CSLI Publications, 2007. P. 107–127.
- De Cat 2007 — C. De Cat. *French Dislocation: Interpretation, Syntax, Acquisition*. Oxford: OUP, 2007.
- Givón 2009 — T. Givón. *The Genesis of Syntactic Complexity: Diachrony, ontogeny, neuro-cognition, evolution*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Lehmann 1984 — C. Lehmann. *Der Relativsatz*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1984.
- Srivastav 1991 — V. Srivastav. The Syntax and Semantics of Correlatives // *Natural Language and Linguistic Theory* 9, 4, 1991. P. 637–686.

Е. Л. Бровко

РГГУ, Москва

**ГЛАГОЛ ДАТЬ В РЕЧИ ОДНОГО РЕБЕНКА:
«закономерности» и «случайности»**

Метод лонгитюдного исследования (исследование речи одного ребенка) в изучении детской речи необходим, в частности, для того, чтобы рассмотреть динамику становления грамматической системы и взаимосвязи ее компонентов. Речь Вани Я.¹ в этом отношении особенно интересна потому, что в течение длительного времени (до 2;2) он пользовался сравнительно небольшим словарным запасом, включавшим около 30 единиц, которые он комбинировал, не опираясь на образцы из речи взрослых, а выстраивая собственные правила. Поэтому, если принять, что каждый ребенок в овладении синтаксисом отчасти пользуется стратегией имитации и отчасти — конструирования², можно сказать, что в речи Вани длительное время самостоятельное конструирование занимало ведущую позицию. Слово *дай* было одним из самых частотных на этапе однословных высказываний, оно же входило в состав первых двусловных комбинаций и оставалось частотным на протяжении всего третьего года жизни. Рассматривая функционирование форм глагола *дать* в речи Вани, мы прослеживаем взаимосвязь различных аспектов: ситуация употребления слова, место высказывания, содержащего слово *дать*, в структуре диалога, формирование глагольного окружения и порядок слов в высказывании.

Казалось бы, тот факт, что глагол *дать* входит в число первых и частотных слов большинства русских детей, легко

---

¹ Фонд данных детской речи РГПУ им. А. И. Герцена; см. также [Гагарина 2008].

² По-видимому, это единственные теоретически возможные стратегии, а любое высказывание представляет собой результат их комбинирования. См., например рассуждения Б. М. Гаспарова об «однократном производстве» и «многократном употреблении» как стратегиях обращения с языковым материалом [Гаспаров 1996].

объясним: ребенок нуждается в чем-то и просит (требует) дать ему необходимый предмет. Однако такая логика не подтверждается, если сравнить первые слова русскоязычного ребенка и детей, усваивающих другие языки, например, английский, где глагол *to give* не входит в число первых и вообще частотных глаголов (см. работы [Tomasello 1992; Nelson 1973; Brooks, Tomasello 1999; Caselli et al. 1999; Tardif et al. 2008], где на обширном материале описываются ранние этапы освоения грамматики и синтаксической структуры высказывания). Легкость усвоения русскими детьми глагола *дать* можно объяснить особенностями речи взрослых, обращенной к детям. Вопрос о том, желает ли ребенок получить тот или иной объект, в русском языке, как правило, включает в себя глагол *дать*: *Дать тебе...? Что тебе дать?* В английском языке приняты другие формулы, например, *Would you like...?*, а глагол *to give*, по-видимому, используется взрослым в основном в ситуации просьбы с его стороны: *Give me your little mouse* (также *Give me a kiss / Give your sister a call*) (см., например, [Tomasello 2003; Nelson 1995]). Следовательно, ребенок, усваивающий русский язык, чаще имеет возможность слышать глагол *дать* от взрослых благодаря дискурсивной практике, сложившейся в языковом сообществе. И действительно, в записях речи Вани глагол *дать* довольно часто употребляется взрослыми.

И все же, по-видимому, на частотность глагола *дать* у русских детей больше влияет другая его особенность, которой нет у английского *to give*: он грамматикализуется и обретает модальные значения гортатива и пермиссива. Грамматикализация происходит благодаря метафорическому переосмыслению «смены владельца» у глаголов *дать/давать*: обладатель предмета переосмысливается как хозяин всей ситуации (см. об этом [Подлеская 2005]). Этим значениям в английском языке соответствует вспомогательный глагол *to let*: по данным [Caselli et al 1999: 100], стяженная форма *letme* в ряду вспомогательных глаголов находится на четвертом месте по частотности употребления англоязычными детьми в раннем возрасте. Можно предположить, что русский ребенок имеет возможность слышать от родителей слово *дай* в контекстах вроде *дай я тебе помогу, дай я тебя поцелую, дай мне поставить коляску (= не мешай)*, то есть в разных ситуациях, где представлено вынуждение к участию в действии,

отличном от передачи материального объекта. Таким образом, в форме *дай* совмещается сразу несколько модальных значений, и в речи Вани (и многих других детей) эта форма используется для побуждения взрослого к целому ряду действий: включить телевизор, открыть коробку, достать закатившуюся за диван машинку, что-либо нарисовать, надеть на пирамидку нужное колечко, поехать на дачу и т. д. К подобному расширению значения особенно склонны дети, у которых стратегия конструирования преобладает над имитацией: вторые чаще усваивают непосредственно от взрослого нормативные способы выражения просьбы/требования.

Несмотря на то, что на этапе однословных высказываний форма *дай* используется Ваней изолированно, можно говорить о том, что глагольное окружение уже начинает формироваться. Это происходит потому, что ребенку приходится уточнять свою просьбу, если она непонятна взрослому, или усиливать ее, если взрослый не обращает на нее внимания. Для этого используются другие слова, так или иначе отражающие ту же самую ситуацию. Рассмотрим два диалогических фрагмента, относящихся к возрасту 1;8.

Ситуация 1. Ваня трясет коробочку со швейными принадлежностями.

Ребенок: **Мама.**

Взрослый (мама): *Мм.*

Р.: **Мама.**

В.: *А Ванюша, ее нельзя открыть.*

Сит.: Ваня смотрит на маму.

Р.: **Мама.**

Сит.: направляется к папе.

Р.: **Папа.**

Сит.: Протягивает коробочку.

Р.: **Дай.**

В. (папа): *Чего? Открыть?*

Р.: *Да.*

В.: *Я ж не умею.*

Сит.: Ваня отходит от папы.

Р.: **Э-а. Мама.**

В. (папа): *Покажи. Там иголки? Да?*

Сит.: Ваня направляется к маме.

Р.: **Мама.**

Сит.: Ваня трясет коробочкой.

Р.: **Мама.**

В. (мама): *Ванюша, возьми что-нибудь другое. Эту коробочку нельзя открывать.*

Ситуация 2. Ваня выразительно смотрит на бабушку, повторяя *бруу*.

Ребенок: **Бруу.** (Трижды.)

Взрослый (бабушка): *Что?*

Р.: **Бруу.**

В.: *Что?*

Р.: **Бруу.** (Четырежды.)

Сит.: Ваня показывает под столик пальцем.

В.: *Машинка туда закатилась?*

Р.: **Дай.**

В.: *Дать?*

Р.: **Да.**

В.: *Сам возьми.*

В обоих случаях *дай* соседствует с именами, и эти имена выполняют ту же прагматическую функцию, что и глагол: требование совершения действия. Частое повторение подобных ситуаций (многие из которых становятся своеобразными семейными ритуалами) приводит к образованию линейных (синтагматических) связей между *дай* и другими словами. При этом будущие субъекты и объекты ведут себя по-разному в когнитивном и дискурсивном плане. Число объектов растет только вслед за числом значений, выражаемых словом *дай*; одному значению сначала соответствует один объект. Перенос действия с одного объекта на другой никогда не происходит в пределах одного контекста: например, Ваня никогда не требует открыть и коробочку с иголками и холодильник, включить телевизор и магнитофон одновременно (или одно вместо другого). С субъектами ситуация обратная: ребенок словно «примеряет» одно и то же действие на разных исполнителей — маму, папу и даже гипотетических «дядей» и «тетей». Кроме того, для субъектов характерно употребление в инициальных высказываниях, а объекты довольно часто появляются и в иллюквативно вынужденных репликах, и в репликах, следующих за теми, в которых взрослый произносит слово, выражающее потенциальный

объект желания (так, например, Ваня часто реагирует репликой *Дай!* на слова *ягоды* и *арбуз*). Это свидетельствует о большей синтагматической связанности *дай* и объектов и о большей синтаксической самостоятельности субъектных голофраз. Описанные различия можно трактовать как противопоставление субъекта и объекта уже на «досинтаксическом» этапе. Первые двусловные высказывания Вани состоят из того же лексического материала, что и цепочки однословных высказываний. Эти лексические совпадения дают основания считать, что линейные связи, накопленные в период однословных высказываний, действительно играют значительную роль в становлении синтаксиса, а период комбинаций голофраз образует зону качественного перехода от однословных высказываний к двусловным.

Порядок слов в высказываниях с глаголом *дать* в речи Вани также отражает качественную смену этапов овладения синтаксисом. До определенного возраста (2;3) доминирующим порядком является ОV. Подобных высказываний не было отмечено в речи взрослых, окружающих Ваню: как правило, объект следовал за глаголом *дать*. После 2;4 на протяжении всего третьего года жизни глагол *дать* в речи Вани всегда предшествует объекту. Одновременно с этим после 2;4 исчезают самостоятельно выстроенные конструкции, отсутствующие в речи взрослых: *На дачу дай* (давай поедим на дачу), *Сломал э-а* (я не сломал) — 2;1; *Рисуй здесь э-а* (здесь рисовать не нужно), *Щуку ещё баба* (бабушка должна нарисовать щуку), *Наверх клоун баба. Дай. Голову* (бабушка должна снять голову с клоуна — пирамидки) — 2;2. Речь Вани становится все более похожей на речь окружающих его взрослых — возможно, благодаря возрастанию роли имитации в его речевой деятельности (на возраст 2;2–2;4 приходится так называемый лексический взрыв — период интенсивного пополнения словарного запаса).

Несомненно, речевое развитие каждого ребенка — это сугубо индивидуальный процесс. Однако анализ взаимосвязей между различными аспектами речевого развития Вани и сопоставление его с другими детьми позволяет сделать предварительные выводы о закономерностях в усвоении детьми синтаксиса.

1. Развитие синтаксиса неразрывно связано с общей дискурсивной практикой ребенка. Так, первые двусловные высказывания

принадлежат к тому же прагматическому типу, что и наиболее частотные однословные (у Вани — побудительные, у более «со-зерцательных» детей — описательные, и т. д.).

2. Ведущие стратегии освоения языка (имитация и конструирование) в раннем возрасте могут постепенно сменять друг друга, при этом происходит перестраивание языковой системы сразу на нескольких уровнях.

Литература

- Подлеская 2005 — В. И. Подлеская. Русские глаголы *дать/давать*: От прямых употреблений к грамматикализованным // Вопросы языкознания 2, 2005. С. 89–103.
- Brooks, Tomasello 1999 — P. J. Brooks, M. Tomasello. How children constrain their argument structure constructions // *Language* 75, 4, 1999. P. 720–738.
- Caselli et al. 1999 — M. C. Caselli, P. Casadio, E. Bates. A comparison of the transition from first words to grammar in English and Italian // *Journal of Child Language* 26, 1999. P. 69–111.
- Nelson 1973 — K. Nelson. Structure and Strategy in Learning to Talk. *Monographs of the Society for Research in Child Development* 38, 1/2, 1973. P. 1–135.
- Nelson 1995 — K. Nelson. The dual category problem in the acquisition of action words // M. Tomasello, W. Merriman (eds.). *Beyond Names for Things: Young Children's Acquisition of Verbs*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1995.
- Tardif et al. 2008 — T. Tardif, P. Fletcher, W. Liang, Zh. Zhang, N. Kaciroti, V. A. Marchman. Baby's first 10 words // *Developmental Psychology* 44, 4, 2008. P. 929–938.
- Tomasello 1992 — M. Tomasello. *First Verbs: A Case Study in Early Grammatical Development*. Cambridge: CUP, 1992.
- Tomasello 2005 — M. Tomasello. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005.

А. В. Выдрина

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ПОЛИСЕМИЯ МОДАЛЬНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ *ni* В ЯЗЫКЕ КАКАБЕ

Работа посвящена описанию семантики модального показателя *ni* в языке какабе (западные манде). Данному показателю соответствует разветвленная сеть значений, и, как будет показано ниже, почти все эти значения укладываются в ту схему, которая предлагается в качестве сценария грамматикализации одного из модальных значений в известной монографии «Эволюция грамматики» [Bybee et al. 1994]. Таким образом, можно предполагать, что наблюдаемая в какабе полисемия представляет собой результат определенного диахронического развития исходного модального значения. Вместе с тем, не все употребления показателя *ni* можно объяснить с помощью данного сценария грамматикализации. Ниже будет предложено описание того, каким образом эти употребления также могли возникнуть из значения слабой принудительности наряду с остальными, более привычными значениями.

Для выражения предикативных категорий в какабе используются так называемые **предикативные маркеры**, особые показатели, выражающие значение вида, времени, полярности и наклонения и занимающие строго фиксированную позицию — после группы подлежащего и перед группой прямого дополнения (при ее наличии в предложении), как в следующем примере:

(1a) *n bati nɔ̀nɛ sɔ̀n*
1SG PRF молоко.ART купить
'Я купил молоко'.

(1б) *n maa nɔ̀nɛ sɔ̀n*
1SG NEG.PRF молоко.ART купить
'Я не купил молоко'.

Одним из таких предикативных маркеров и является рассматриваемый здесь показатель *ni*. Для описания семантики данного

показателя были проанализированы его употребления в корпусе текстов на какабе¹, в которых он встречается всего 399 раз. Ниже показаны значения, которые были выделены на основании данного анализа.

1. **Значение слабой принудительности.** Очень распространено употребление *ni* в значении, которое Дж. Байби называет *weak obligation* и которое можно перевести как «слабая принудительность» или слабая необходимость, например:

- (2) *si i bi kúma mìse-la d́o mà,*
 если 2SG быть речь обращаться-GER некоторый к
i n' a yén
 2SG OPT 3SG видеть
 ‘Если ты обращаешься к кому-либо, тебе следует смотреть на него’.

2. Показатель *ni* может использоваться для выражения того типа модальности, которая в работе [Bybee et al. 1994] характеризуется как **модальность, ориентированная на говорящего** (*speaker-oriented modality*). В данном случае говорящий навязывает слушающему определенные условия для выполнения того или иного действия [Bybee et al. 1994: 179], иными словами, тем или иным образом побуждает его совершать или не совершать какое-либо действие.

Из всех значений данного типа модальности наиболее часто показатель *ni* используется для выражения косвенной просьбы или побуждения, т. е. в оптативном значении, например:

- (3) *bì a ni yàaf' a mà*
 сегодня 3SG OPT прощать 3SG к
 ‘Пусть сегодня он его простит’.

— *ni* может употребляться и в контексте с субъектом второго лица, и в таком случае он имеет значение, очень близкое к императивному:

- (4) *i ni n sáa lógè-nù kùmma,*
 2SG OPT 1SG лежать дерево.ART-PL на
i ni n kiti
 2SG OPT 1SG завязать
 ‘Положи меня на палки и привяжи меня’.

¹ Тексты были записаны и разобраны в ходе экспедиций в 2008, 2009 и 2010 гг., общее время их звучания составляет 153 минуты.

При этом основной способ образования императива в какабе — это немаркированный императив, т. е. использование глагольной основы без каких-либо глагольных показателей, например:

- (5) *n d̀̀ni h́́aa j́́eè t̀̀gɔ́́fɛ*
 1SG посылать до вода.ART рядом
 ‘Отнеси меня к воде’.

Если пытаться развести значение этих конструкций, то можно предположить, что в примерах типа (4) *ní* выступает скорее не в императивном, а в гортативном значении, т. е. также выражает значение побуждения, но в менее прямой и категоричной форме.

3. Наряду с формой герундия, образуемого с помощью суффикса *-la*, предикативный маркер *ní* используется как основное средство для оформления разного рода **сентенциальных актантов и сирконстантов**, например:

- в придаточном предложении со значением цели:

- (6) *kɛɛ m̀̀gɔ́́-b́́aa-ǹ̀ ò f́́oo*
 этот человек-большой-PL каждый
bi s̀̀nɛ-lɛn de,
 быть приходить-PTCP.RES FOC
o-m̀̀ɔ́́ ní t́́unbɔ́́nd̀̀rɛ
 2PL-1PL OPT собираться
 ‘Все эти важные люди пришли для того, **чтобы** мы собрались’.

- для оформления сентенциальных актантов, если в главном предложении выражается значение желания, необходимости, например:

- (7) *a s̀̀gɔ́́ bi n ǹ̀,*
 3SG желание быть 1SG в
m̀̀ɔ́́ ní ẃ́alè-ǹ̀ ḿ́aa ḱ́ooben
 1PL OPT работа.ART-PL делать много
 ‘Я хочу, чтобы мы много работали’.

- (8) *f́́ɔ́́ ɔ́́m̀̀ɔ́́ ní f́́ɛ́́n d́́oo ḿ́aa*
 нужно мы.INCL OPT вещь некоторый делать
 ‘Мы должны что-то сделать’ (букв.: ‘Нужно, чтобы мы что-то сделали’).

- (9) *dī a le tūgún n' a sáa*
 давать 3SG FOC также OPT 3SG петь
 ‘Позволь ему спеть’.

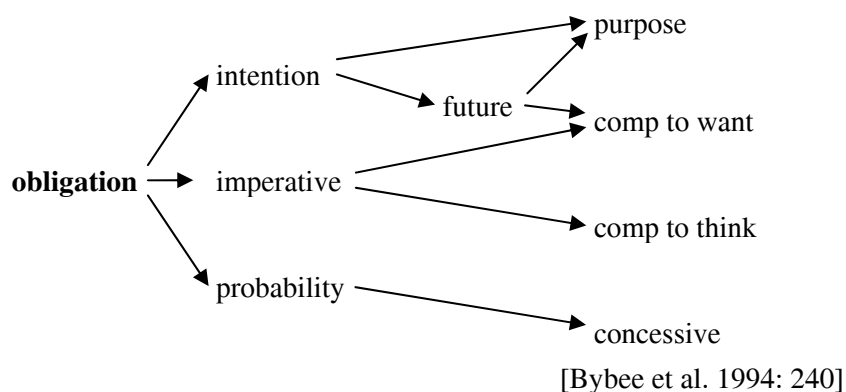
4. Значение намерения и значение будущего времени:

- (10) *n n' a dōni hán kǝ̀ tɔ́,*
 1SG OPT 3SG относить много река.ART в
n n' a labòyi nɔ́
 1SG OPT 3SG CAUS-падать здесь
 ‘{Что ты собираешься делать с черепахой? —} Я отнесу ее
 к реке и брошу ее там’.

Основным показателем для выражения будущего времени является предикативным маркер *sí*, однако в редких случаях *ni* также выступает в этом значении, например:

- (11) *an s' anu ɲànsínè la-bɔ́,*
 3PL IRR 3PL коготь CAUS-выходить
an n' a biri dūgèè tɔ́
 3PL OPT 3SG закапывать земля в
 ‘Они [коты] выпустят когти и запустят их в землю’.

Все перечисленные значения встраиваются в схему развития модального значения принудительности, о которой говорилось выше.

Если соотнести эту схему и то, что было сказано выше, то становится очевидным, что сеть значений показателя *ni* совпадает с приведенной схемой, за вычетом ответвления со значением вероятности.

Однако в какабе употребление со значением слабой принудительности, проиллюстрированное примером (2), по-видимому, послужило источником для еще одного типа значения, которое не представлено на приведенной выше схеме. Вернемся к рассмотрению примеров с семантикой слабой принудительности. Данное значение можно сформулировать следующим образом: ‘существуют некие условия общего характера, которые делают желательным для X-а совершения действия Q’.

В корпусе имеется определенное количество текстов-описаний, в которых рассказывается о том, какие действия подобает совершать в той или иной ситуации, например, во время свадебного обряда, обряда наречения имени, во время охоты. В целом, такие тексты характеризуются тем, что в них очень частотно использование показателя *ni*, приведем один пример:

- (12) *i la mùsèè man déjè sòtò*
 2SG POSS жена.ART COND ребенок.ART получать
i ni kina-nù fɔp la-lɔn hɔdɛ tɔ
 2SG OPT старик-PL каждый CAUS-знать деревня в
 ‘Когда у твоей жены рождается ребенок, тебе следует сообщить об этом всем старикам в деревне’.

Стоит отметить, что конструкции подобного типа, т. е. последовательность, при которой сначала идет клауза с предикативным маркером условного предложения *mani*, а дальше может следовать любое количество предложений с *ni*, это основное средство построения описательного нарратива в какабе.

Приведем еще несколько примеров:

- (13) ‘Когда они вам сказали (*mani*) день, невеста уезжает (*ni*) от матери и от отца и прибывает (*ni*) к мужу’.
- (14) ‘Когда наступает (*mani*) время дневной молитвы, они совершают (*ni*) дневную молитву и молятся (*ni*) над телом, и относят (*ni*) его на кладбище’.

Семантику такой конструкции можно описать следующим образом: в клаузе с *mani* задаются условия, а в последующей клаузе или клаузах с *ni* описывается то, что человеку подобает совершать при данных условиях. Таким образом, в данном контексте *ni* выступает со значением обусловленной необходимости,

которое, в данном случае, по-видимому, представляет собой как развитие оптативного значения.

Однако наряду с этим встречаются и такие примеры, построенные также из последовательности клауз с предикативными маркерами *mani* → *ni*, в которых отсутствует значение слабой принудительности, например:

- (15) ‘Когда антилопа лежит (***mani***), ты думаешь, она спит, но она не спит. Только ты пошевелишься (***mani***), она испугается (***ni***) и спрячется (***ni***)’

Здесь речь идет о последовательности неконтролируемых (или ограниченно контролируемых) действий. Таким образом, показатель *ni* уже не выражает значение агентивной модальности, которым является значение слабой принудительности.

Но при этом, хотя действия не определяются намерениями главного действующего лица, они с необходимостью заданы общей ситуацией. Таким образом, в случаях типа (12)–(14) *ni* выражает значение, которое можно охарактеризовать как обусловленная и при этом **агентивно-ориентированная** необходимость ‘если случается событие P, то подобает совершать действие Q’. В примере же (15) с помощью показателя *ni* выражается значение обусловленности, но без агентивного модального компонента: ‘если случается событие P, это влечет за собой событие Q’. Можно предположить, что здесь произошло развитие значения, при котором утратился агентивный компонент.

Подобная полисемия наблюдается в некоторых австралийских языках. В [Palmer 2001: 83–84] упоминаются языки дирбал, нгиямба и йидинь, в которых целевой показатель в независимых клаузах может выражать как модальное значение долженствования, так и значение ‘естественного результата’ некоторого действия, как в следующем примере из дирбал:

- (16) *balan ugumbil bangul yarangu balgali*
 CL.NOM женщина.NOM CL.ERG мужчина.ERG ударить.PURP
 ‘Случилось нечто, вследствие чего мужчина ударил женщину’². [Dixon 1972: 69], цит. по [Palmer 2001: 83]

² ‘Something happened to enable or force the man to hit the woman’.

Вместе с тем, важно отметить, что результативное значение показателя *ni* в какабе существенно отличается от семантики соответствующих показателей в упомянутых австралийских языках. В дирбал, нгиямба и йидинь эти показателя употребляются там, где идет речь о единичном и уже свершившемся действии, которое, таким образом, относится к области реалиса. В какабе же *ni* используется только в таких контекстах, где говорится не о единичных свершившихся событиях, а скорее о таких действиях, которые **могут** произойти при определенных условиях. Таким образом, при подобных употреблениях *ni* сохраняет более тесную связь со значением (агентивно-ориентированной) модальности, при которой пропозиция характеризуется снятой утвердительностью.

Итак, предикативный маркер *ni* может выражать целый ряд значений, которые, как есть основания полагать, представляют собой диахроническое развитие модального значения принудительности, и, в целом, полисемия данного показателя соответствует сценарию грамматикализации, предложенному в работе [Bybee et al. 1994]. Однако данный показатель может выражать также значение, не предусмотренное данным сценарием, а именно, значение действия, возникшего в результате той или иной причины неконтролируемым образом. Можно предположить, что оно возникло в результате деагентивации значения слабой принудительности.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ART — референциальный артикль; CAUS — каузатив; CL — классификатор; COND — кондиционал; ERG — эргатив; FOC — фокус; GER — герундий; INCL — инклюзив; IRR — ирреалис; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OPT — оптатив; PTCP.RES — результативное причастие; PL — множественное число; POSS — поссессивная связка; PRF — перфект; PURP — целевое значение; SG — единственное число.

Литература

- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago — London: University of Chicago Press, 1994.
- Dixon 1972 — R. M. W. Dixon. The Dyirbal Language of North Queensland. Cambridge: CUP, 1972.
- Palmer 2001 — F. R. Palmer Mood and Modality, 2nd ed. Cambridge: CUP, 2001.

И. М. Горбунова

РГГУ, Москва

КАТЕГОРИЯ ФАЗОВОСТИ В ЯЗЫКЕ АТАЯЛ

Видо-временная система языка атаял (австронезийская семья, формозская группа, о. Тайвань) остается практически не описанной, несмотря на то, что к некоторым аспектам категорий вида, времени и акциональности в этом языке в последнее время стали обращаться все чаще (ср. работы [Tseng 1989; Huang 1991, 2000; Huang, Hayung 2008]). Из описаний можно заключить, что в данном языке есть регулярные формы выражения категории линейного аспекта (в терминологии [Плунгян 2003, 2011]), например, аналитическая форма прогрессива, и формы, которые в некоторых описаниях отнесены к категории временного дейксиса (например, морфологическая форма прошедшего времени). Однако ни одно из существующих описаний не говорит о категории фазовости. Данная работа направлена на то, чтобы показать, что в языке атаял есть категория фазовости, и описать функционирование показателей данной категории.

Фазовость будет рассматриваться нами в соответствии с определением из работы [Плунгян 2011: 416–422]: «фазовые значения ⟨...⟩ представляют собой фактически утверждения о существовании или несуществовании ситуации по сравнению с некоторым более ранним моментом времени». Описываемая ситуация, происходящая (или не происходящая) в момент времени t_1 , характеризуется по отношению к предшествующему моменту времени t_0 как происшедшая или не происшедшая в t_0 . Тем самым максимальное число значений категории фазовости — четыре:

t_1 t_0

- + (инхоатив, ‘ситуация начала иметь место’)
- + – (терминатив, ‘ситуация перестала иметь место’)
- + + (континуатив, ‘ситуация все еще имеет место’)
- – (кунктатив, ‘ситуация все еще не имеет места’)

Грамматика языка атаял [Rau 1992] в разделе, посвященном «финальным частицам с временным значением», кратко описывает

две частицы — *la* и *na*. Для обеих частиц дается несколько значений (вернее, по три английских выражения, которыми можно было бы перевести эти частицы в разных контекстах). Эти значения — ‘already’ (для частицы *la* в положительном контексте, пример (1)), ‘not any more’ (для частицы *la* в отрицательном контексте, пример (2)), ‘still’ (для частицы *na* в положительном контексте, пример (3)), ‘not yet’ (для частицы *na* в отрицательном контексте, пример (4)) [Rau 1992: 158–159]¹:

- (1) *waN gal-un squliq la ga'*
PRF взять-NAF человек CNG Q
‘Она уже вышла за кого-нибудь замуж?’
- (2) *misuw qa l-ga uɟat la*
теперь тот CNG-TOP NEG CNG
‘Теперь мы уже больше этого не делаем’.
- (3) *ini ptas-i ga laqi qasa na ma*
NEG татуировка-NAF.DEP TOP ребенок тот NCNG EVID
‘Если она еще не татуирована, считалось, что она еще ребенок’.
- (4) *ini wah hiya na*
NEG DEP.идти.сюда 3SG.N NCNG
{Когда я пришел,} ‘он еще не пришел’.

Уже приведенного материала достаточно для предположения о том, что указанные частицы выражают значения категории фазовости. В терминах [Плунгян 2003, 2011] на основе приведенных примеров можно было бы предположить такие кластеры значений: *la* — инхоатив/терминатив; *na* — континуатив/кунктатив. В терминах [van der Auwera 1998: 50–63], соответственно, частица *la* используется в конструкциях инхоатива/дисконтинуатива, частица *na* — в конструкциях континуатива и отрицательного континуатива. Необходимо сразу оговорить, что термин «инхоатив» в данном случае не предполагает специального аспектуального значения. В «окне наблюдения» может находиться и срединная фаза процесса или состояния (ср. (13)), инхоатив же лишь маркирует наличие (вообще) начала у данного процесса/состояния.

¹ В примерах, заимствованных из источников, сохраняется графика источника; глоссы и перевод наши.

В этом плане инхоатив ближе к тому, который выражается в русском языке наречием ‘уже’ (ср. различие между рус. *начал работать / уже работает*).

Данные полевых исследований, проводившихся нами в ауле Пьянан в период 2009–2011 гг., подтверждают, что две рассматриваемые частицы являются показателями категории фазовости.

Распределение четырех значений фазовости между двумя показателями оказывается возможным благодаря их взаимодействию с отрицанием. Отрицание в языке атаял образуется аналитически при помощи одного из двух вспомогательных глаголов: *ini* и *yat*. Частицы *na* и *la* оформляют не глагол, а составляющую шире глагольной группы, включающую показатель отрицания, который тем самым оказывается в семантической сфере действия фазовости. Это демонстрируют примеры (5) и (6), в которых интерпретация с инвертированной сферой действия (‘неверно то, что человек уже обезьяна’, ‘неверно то, что рис еще готов’) недопустима.

(5) *ini ruɕɕau squleq la*
 NEG DEP.быть.обезьяной человек CNG
 ‘Человек уже не обезьяна’.

(6) *ini hoqil na tami*
 NEG DEP.готовый NCNG рис
 ‘Рис еще не готов’.

Мы будем глоссировать частицы *la* и *na*, в соответствии с их семантикой, CNG (change, инхоатив/терминатив) и NCNG (no change, континуатив/кунктатив).

Атаяльские показатели фазовости ведут себя по-разному как в синтаксическом, так и в семантическом плане.

Во-первых, показатель континуатива/кунктатива используется только в контекстах, когда продолжение (или не наступление) ситуации противоречит ожиданиям (то, что это значение зачастую совмещается с фазовостью, отмечается, например, в [Plungian 1999]). Так, в примере (7б) нет значения обманутого ожидания, и тем самым показатель континуатива/кунктатива не требуется:

(7а) *swa ini ?abi na laqi qani*
 почему NEG спать NCNG ребенок этот
 ‘Почему этот ребенок еще не спит?’

- (7б) *ini = ku   ?abi*
 NEG=1SG.N   спать
 ‘У меня бессонница’. (букв. ‘Я не сплю’.)

Такой «семантический спутник» для показателей фазовости весьма частотен (см., например [Плунгян 2011: 421–422]), причем в языках, где фазовость выражается грамматическими средствами, значение нарушенного ожидания чаще совмещается с формами континуатива/кунктатива, чем с формами инхоатива/терминатива. В подтверждение этому, в языке атаял показатель терминатива/инхоатива *la* не обязательно выражает нарушенное ожидание. В частности, аналитическая форма перфекта требует данного показателя вне зависимости от модального контекста (8).

- (8) *wa   m-slaqi   sajiŋ   laqi*
 PRF   AF-родить   два   ребенок
qu   qsuyan = mu   kneril   *(la)
 NOM   старший=1SG.G   женщина   CNG
 ‘Моя старшая сестра (букв. ‘уже’) родила двух детей’.

Во-вторых, показатель континуатива/кунктатива имеет более узкую дистрибуцию, чем показатель инхоатива/терминатива. Он может сочетаться только с формой прогрессива глаголов, кроме стативных (9), и с немаркированной формой стативных глаголов (10):

- (9) *tiu   m-kkayal   na   sajiŋ   kneril   qasa*
 PRG   AF-болтать   NCNG   два   женщина   тот
 ‘Те две женщины все еще болтают’

- (10) *ana   ubeh   tehoq   qutux   qbhol   kawas*
 но   скоро   AF.достичь   один   сто   год
qu   squleq   qasa   baq   m-hkaŋi   panaq   na
 NOM   человек   тот   AF.мочь   AF-ходить   сам   NCNG
 ‘Хотя этому человеку скоро сто лет, он еще может сам ходить’.

Кроме того, частица *na* сочетается только с отрицательными конструкциями с глаголом *ini* (ср. (4), (6)), но не с глаголом *yat*.

Показатель инхоатива/терминатива, с другой стороны, имеет более широкую дистрибуцию. Он допустим с формами перфекта (пример (8) выше), прогрессива (пример (11)) и нейтральными формами глагола (примеры (12)–(13)).

- (11) *niu = sami kʔabi la*
 PRG=1PL.EXC.N AF.ужинать CNG
 ‘Мы (уже) ужинаем’.
- (12) *m-slaqi qsuyan = tu la*
 AF-родить старший=1SG.G CNG
 ‘Моя старшая (сестра) родила’.
- (13) *m-qwalah la*
 AF-дождь CNG
 ‘Дождь (уже) идет’.

Данный показатель также сочетается с обеими формами отрицания (пример (5) выше и пример (14)).

- (14) *yat = ku pnet quleh ʔariŋ kira la*
 NEG=1SG.N AF.удить рыба начало сейчас CNG
 ‘Я отныне больше не ужу рыбу’.

Таким образом, в языке атаял, наряду с категорией аспекта, имеет самостоятельное выражение категория фазовости. При этом в данной категории четыре возможных значения «сжаты» в два. Возможность такого сжатия обеспечивается композициональным сочетанием частиц фазовости с отрицанием.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; AF — агентивный фокус (активный залог); CNG — инхоатив/терминатив; DEP — зависимая форма; EVID — эвиденциальность; EXC — эксклюзив; G — генитив (для прономинальной клитики); N — номинатив (для прономинальной клитики); NAF — неагентивный фокус (пассивный или локативный залог); NCNG — континуатив/кунктатив; NEG — отрицание; NOM — номинатив (для именной группы); PL — множественное число; PRF — перфект; PRG — прогрессив; Q — вопросительная частица; SG — единственное число; TOP — топик.

Литература

- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

- Huang 1991 — L. M. J. Huang. The semantics of *s-* in Atayal // *Studies in English Literature & Linguistics* 17, 1991. P. 37–50.
- Huang 2000 — L. M. J. Huang. Verb classification in Mayrinax Atayal // *Oceanic Linguistics* 39, 2, 2000. P. 364–390.
- Huang, Hayung. 2008 — L. M. J. Huang, T. Hayung. Syntax and semantics of *p-* in Squaliq Atayal // *Language and Linguistics* 9, 3, 2008. P. 491–521.
- Plungian 1999 — V. A. Plungian. A typology of phasal meanings // W. Abraham, L. Kulikov (eds.). *Tense-Aspect, Transitivity and Causativity: Essays in Honour of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam: John Benjamins, 1999. P. 311–321.
- Rau 1992 — V. D.-H. Rau. *A Grammar of Atayal*. Taipei: The Crane Publishing, 1992.
- Tseng 1989 — S. Y. Tseng. *Atayal Verb Classification*. M. A. Thesis. Fu Jen Catholic University, Taiwan, 1989. (曾秋玉, 泰雅語動詞分類。碩士論文。— 輔仁大學語言研究所)
- van der Auwera 1998 — J. van der Auwera. Phasal adverbials in the languages of Europe // J. van der Auwera, P. O. Baoill. (eds.). *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 25–145.

К. А. Ершова

РГГУ, Москва

БЕСЛЕНЕЕВСКИЙ МАСДАР КАК СМЕШАННАЯ КАТЕГОРИЯ

В бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка¹ выделяется особая отглагольная форма, образующаяся с помощью суффикса *-п*². Данная форма способна присоединять любые падежные показатели: абсолютива (*-r*), косвенного падежа (*-m*), адвербиалиса (*-wə*) и инструменталиса (*-č'e*) — или выступать без них. Эта форма интересна тем, что она в одних контекстах может присоединять лично-числовые согласовательные префиксы, а в других — именной маркер принадлежности [Alparslan, Dumézil 1963: 374]. Тем самым, она, с одной стороны, проявляет свойства глагольной словоформы, а с другой — именной, т. е. является «смешанной категорией» [Spencer 2005]. Многие исследователи обращались к проблеме «смешанных категорий», и, в частности, номинализации, т. е. переходу от глагольной формы к именной [Кортъевская-Тамм 1993; Malchukov 2004; Alexiadou 2001; Comrie, Thompson 2007].

Подобная форма зафиксирована в литературном кабардино-черкесском [Кумахов, Вамлинг 1998: 138–145] и близкородственном адыгейском [Сердобольская 2009: 475–488] языках, где она обозначается терминами масдар или потенциалис. Масдар противопоставлен несклоняемым отглагольным формам на *-п-wə* и *-п-č'e*, по-видимому, содержащим показатель масдара с адвербиальным или, соответственно, инструментальным падежным маркером [Рогава, Керашева 1966: 119; Кумахов 1989; Кумахов, Вамлинг 1998: 122–125].

Кабардино-черкесский язык — эргативный. В бесленеевском диалекте глагол согласуется по лицу и числу как с эргативным, так и с абсолютивным актантом, а также со всеми косвенными

---

¹ Материал собран в ходе экспедиции РГГУ в июле 2011 г. в ауле Уляп Красногвардейского района Республики Адыгея.

² Показатель *-п* условно глоссируется как РОТ «потенциалис» [Сердобольская 2009: 493].

актантами. В формах на *-n-wə* и *-n-č'e* лично-числовые префиксы обязательны (1), в масдаре соответствующие показатели либо все присутствуют, либо опускаются (2):

- (1) *txəl s-je-ž'e-n-wə /*
книга 1SG.ABS-DAT-читать-POT-ADV
s-je-ž'e-n-č'e s-jə-č'ase-qəm
1SG.ABS-DAT-читать-POT-INS 1SG.PR-POSS-любимый-NEG
'Я не люблю читать книги'.

- (2) *se məʔerəse (s-)šxə-nə-r s-jə-č'ase*
я яблоко (1SG.A-)есть-POT-ABS 1SG.PR-POSS-любимый
'Я люблю есть яблоки'.

На основании наличия или отсутствия лично-числовых префиксов мы разделяем конструкции с масдаром на две группы.

В данной работе рассматривается три конструкции: масдар с лично-числовыми согласовательными префиксами и без них, а также конструкции на *-n-wə* или *-n-č'e*, которые по синтаксическим и морфологическим критериям можно объединить в одну группу. Эти конструкции оцениваются по шкале финитности А. Л. Мальчукова [Malchukov 2004: 13–25].

Из шкалы А. Л. Мальчукова рассматриваются следующие критерии «девербализации»:

согласование с прямым объектом и актантные деривации >
аспект и обстоятельства образа действия > время > согла-
сование с субъектом

Конструкции также оцениваются по следующим критериям субстантивации:

прилагательные > именное число > посессивная морфология
и указательные местоимения > относительные придаточные,
определенность/неопределенность > падежные показатели

Конструкции с формами на *-n-wə* и *-n-č'e* и масдаром с лично-числовыми префиксами сохраняют оформление актантов, как в независимой клаузе, т. е. субъект переходного глагола маркируется косвенным падежом, а объект — абсолютивом. Тем самым, эти две конструкции можно отнести к классу номинализаций SENT по классификации М. Копчевской-Тамм [Koptjevskaja-

Тамм 1993: 60–65]. Структура конструкции с масдаром без лично-числовых показателей преобразуется в тип POSS-INC по классификации М. Копчевой-Тамм, т. е. объект инкорпорируется в глагол, а субъект оформляется как посессор. Инкорпорация такого рода является в адыгских языках свойством именного комплекса и, помимо нескольких случаев лексикализации, в глаголах не происходит (ср. [Аркадьев и др. 2009: 50–51] об адыгейском):

- (3) *k^wed*   *ɕ-a-wə*
 много   делать-PST-ADV
 [*w-jə-s^wəret-ɕə-fə-nə-m*]   *g^wə*   *λət-a*
 2SG.PR-POSS-картина-делать-HBL-POT-OBL сердце считать-PST
 ‘Он давно (букв. ‘много сделав’) заметил твое умение рисовать’

Рассмотрим подробнее глагольные и именные свойства этих конструкций.

1. Глагольные свойства

1. Согласование с эргативным субъектом

Согласование с эргативным актантом присутствует в конструкциях на *-n-wə* и *-n-č’ə* и в масдаре с лично-числовыми показателями.

2. Время и аспект

Формы на *-n-wə* или *-n-č’ə* могут иметь видо-временные показатели:

- (4) *a-r*   *se k^we-ž’ə-β-a-xe-n-wə*   *sə-x^wəje*
 тот-ABS я   идти-RE-PRF-PST-INCH-POT-ADV   1SG.ABS-хотеть
s-jə-qe-k^we-ž’ə-βe-m   *je-χ^wəλ-wə*
 1SG.PR-POSS-DIR-идти-RE-PRF-OBL   DAT-успеть-ADV
 ‘Я хочу, чтобы он уже ушел к моему возвращению’.

Масдар же отсылает к хабитуальной ситуации, т. е. имеет абстрактную семантику, и поэтому не может сочетаться с видо-временными показателями.

3. Обстоятельства образа действия

Все три типа конструкций могут сочетаться с обстоятельствами образа действия, однако масдар без лично-числовых показателей должен при этом не иметь маркера посессивности (5а).

Посессивность в кабардинском языке обозначается с помощью префикса *jə-*, которому предшествует показатель лица и числа посессора [Давыдова (ред.) 1970: 71–74]. При наличии показателя посессивности масдар может сочетаться только с прилагательным (5б):

(5а) *psənčʼ-wə   *w-jə-je-žʼe-nə-r*
 быстрый-ADV   2SG.PR-POSS-DAT-читать-POT-ABS
zečʼe-m-jə   *ja-gʷə*   *r-j-e-h*
 все-OBL-ADD   3PL.PR+POSS-сердце   DAT-3SG.A-DYN-нести
 Ожид.: ‘Все́м нравится твое быстрое чтение’.

(5б) *w-jə-je-žʼe-n*   *psənčʼe-r*
 2SG.PR-POSS-DAT-читать-POT   быстрый-ABS
zečʼe-m-jə   *ja-gʷə*   *r-j-e-h*
 все-OBL-ADD   3SG.POSS-сердце   DAT-3SG.A-DYN-нести
 ‘Все́м нравится твое быстрое чтение’.

На этом основании мы предлагаем разделить конструкции с масдаром без лично-числовых показателей на две подгруппы: с посессивным префиксом и без него.

4. Актантные деривации

Во всех трех конструкциях могут присутствовать показатели актантной деривации. В первых двух случаях перед соответствующими показателями ставятся лично-числовые маркеры, в последнем — нет.

5. Согласование с объектом (в данном случае с абсолютным актантом)

Помимо лично-числовых показателей, в глагольной словоформе может присутствовать суффикс множественного числа *-хе-*, который согласуется с абсолютивом. Во всех трех конструкциях может присутствовать показатель множественного числа при множественном числе абсолютивного актанта.

2. Именные свойства

Формы на *-n-wə* и *-n-čʼe* не обладают именными свойствами, и поэтому в данном разделе не обсуждаются.

6. Падежные показатели

Как было сказано выше, масдар может присоединять любые падежные показатели.

7. Определенность/неопределенность

В кабардинском языке некоторые именные группы могут выступать без падежного оформления; в описаниях это явление обычно связывается с их неопределенностью [Давыдова (ред.) 1970: 61–62] или нереферентностью [Colarusso 1989: 293–294]. Масдар отличается от прочих глагольных форм, выступающих в именных позициях, способностью употребляться без падежных аффиксов:

- (6) *max^we-č'e žejə-n s-jə-č'ase-qəm*
 день-INS спать-POT 1SG.PR-POSS-любимый-NEG
 'Я не люблю спать днем'.

8. Способность управлять относительным придаточным

В отличие от обычных именных групп, масдар не может оформляться релятивным оборотом.

Прочие именные признаки свойственны только масдару, не оформленному лично-числовыми показателями.

9. Указательные местоимения и посессивная морфология

Масдар без лично-числовых префиксов может оформляться указательными местоимениями, а также, как было указано выше, присоединять показатели посессивности.

10. Именное число

Масдар не имеет именной категории числа — показатель плюралиса *-xe* в данном случае может выражать лишь множественное число абсолютного актанта.

11. Способность модифицироваться прилагательными

Масдар без лично-числовых показателей, в отличие от двух других конструкций, может оформляться прилагательными.

Результаты исследования можно обобщить с помощью Таблицы 1 на следующей странице.

Как видно из таблицы, в бесленевском диалекте конструкции с масдаром и формами на *-n-wə* или *-n-č'e* можно последовательно ранжировать по шкале финитности: справа окажутся формы на *-n-wə* или *-n-č'e*, которые обнаруживают все основные глагольные свойства, затем масдар с лично-числовыми показателями, затем масдар без лично-числовых показателей, и слева — масдар с посессивным маркером, обнаруживающий большинство именных свойств.

Таблица 1. Критерии номинализации
для бесленеевского масдара и конструкций на *-п-вэ* и *-п-џ'е*

	критерии	формы на <i>-п-вэ</i> и <i>-п-џ'е</i>	масдар		
			с лично- числовыми показа- телями	без лично-числовых показателей	
				без маркера посессив- ности	с маркером посессив- ности
глагольные	согласование с эргативом	+	+	-	-
	время и аспект	+	-	-	-
	обстоятельства образа действия	+	+	+	-
	актантные деривации	+	+	+	+
	согласование с абсо- лютивом (по числу)	+	+	+	+
именные	падеж	-	+	+	+
	определенность/ неопределенность	-	+	+	+
	относительные придаточные	-	-	-	-
	указательные местоимения	-	-	+	+
	посессивная морфология	-	-	+	+
	именное число	-	-	-	-
	прилагательные	-	-	+	+

Список условных сокращений

A — агенс; ABS — абсолютив; ADD — аддитивность; ADV — ад-
вербиалис; DAT — датив; DIR — директивный преверб; DYN — динамич-
ность; HBL — хабилитив; INCH — инхоатив; INS — инструменталис; NEG —
отрицание; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS —
принадлежность; POT — потенциалис; PR — посессор; PRF — перфект;
PST — прошедшее время; RE — рефактив; SG — единственное число.

Литература

Аркадьев и др. 2009 — П. М. Аркадьев, Ю. А. Ландер, А. Б. Летучий,
Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. Введение. Основные сведения об

- адыгейском языке // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 2009. С. 17–120.
- Давыдова (ред.) 1970 — Г. А. Давыдова (ред.). *Грамматика кабардино-черкесского литературного языка*. Ч. 1. Фонетика и морфология. Москва: Наука, 1970.
- Кумахов 1989 — М. А. Кумахов. *Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков*. М.: Наука, 1989.
- Кумахов, Вамлинг 1998 — М. Кумахов, К. Вамлинг. *Дополнительные конструкции в кабардинском языке*. Lund: Department of Linguistics, Lund University, 1998.
- Рогава, Керашева 1966 — Г. В. Рогава, З. И. Керашева. *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар-Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1966.
- Сердобольская 2009 — Н. В. Сердобольская. Второе будущее, масдар и супин в адыгейском языке: аргументы за и против единой трактовки // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. М.: РГГУ, 2009. С. 454–497.
- Alexiadou 2001 — A. Alexiadou. *Functional Structure in Nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Alparslan, Dumézil 1963 — O. Alparslan, G. Dumézil. *Le parler besleney (tcherkesse oriental) de zennun Köyü (Corum, Turquie)*. I. *Esquisse Grammaticale* // *Journal Asiatique (JA)*, CCLI, 1963. P. 337–382.
- Colarusso 1989 — J. Colarusso. *East Circassian (Kabardian dialect)* // G. Hewitt (ed.). *The Indigenous Languages of the Caucasus*. Vol. 2. *The North West Caucasian Languages*. Delmar, NY: Caravan Books, 1989. P. 261–355.
- Comrie, Thompson 2007 — B. Comrie, S. Thompson. *Lexical nominalizations* // T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description*. Vol. III. 2nd ed. Cambridge: CUP, 2007. P. 334–381.
- Koptjevskaja-Tamm 1993 — M. Koptjevskaja-Tamm. *Nominalizations*. London — New York: Routledge, 1993.
- Malchukov 2004 — A. L. Malchukov. *Nominalization/verbalization: constraining a typology of transcategorial operations [LINCOM Studies in Language Typology 8]*. München: LINCOM Europa, 2004.
- Spencer 2005 — A. Spencer. *Toward a typology of mixed categories* // C. O. Orgun, P. Sells (eds.). *Morphology and the Web of Grammar. Essays in Memory of Steven G. Lapointe*. Stanford University: Center for the Study of Language and Information, 2005. P. 95–138.

В. А. Иванов

МГУ, Москва

**ПАРНЫЕ СЛОВА В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ:
подходы к изучению и описанию¹**

1. Предмет и цели

В данной работе рассматривается класс явлений, в финно-угроведении традиционно именуемый как «парные слова» или «сложные слова сочинительного типа»² (см., напр., [Перевощиков и др. (ред.) 1962]). Парные слова — это просодически слитные сочетания двух полнозначных слов наподобие бесер. *анай-атай* ‘родители’ (буквально ‘мать-отец’), эрз. *понкст-панарт* ‘муж. белье’ (‘рубашки-штаны’), хант. тег. *нюл-сем* ‘лицо’ (‘нос-глаз’). Семантическая структура таких сочетаний различна: значение парного слова может обобщать значения его компонентов (удм. *тусьты-пуньы* ‘посуда’ (‘чашка-ложка’)) или «суммировать» их (к.-з. *ныв-зон* ‘молодежь’ (‘девушка-парень’)); также к данному классу относят синонимические образования (удм. *йылтэм-пумтэм* ‘без конца — без края’).

Инструкция по описанию уральских диалектов [Майтинская и др. 1988] относит проблему описания парных конструкций к разделу словообразования. Такой подход не является единственно правильным и возможным. По нашему мнению, эффективнее рассматривать подобные сочетания как бессоюзные сочинительные конструкции.

2. «Словосложение» как способ словообразования

При описании ф.-у. языков традиционно рассматриваются два основных типа словообразования: аффиксация и словосложение

---

¹ Полевая работа по сбору данных коми-зырянского языка и ханты поддержана грантом РГНФ № 11-04-18024е; данные языка бесермян собраны в рамках работы над словарем, поддержанной грантом РФФИ 11-06-10035-к.

² О других наименованиях см. [Шибасова 2006]; см. там же подробный обзор литературы.

[Майтинская и др. 1988]. Ввиду слабо развитой аффиксации значение словосложения как основного «внутреннего» источника новых слов резко возрастает. При образовании существительных их составные части семантически могут связываться между собой двумя способами: 1) сочинительным и 2) подчинительным (см., напр., [Первошиков и др. (ред.) 1962]). Образования первого типа называются сложными словами сочинительного типа (СССТ), или парными словами (см. примеры выше), второго типа — сложными словами подчинительного типа (ССПТ), или иногда просто сложными словами (в узком смысле). Примеры ССПТ: удм. *куар|нянь* ‘сочень’ (‘листовой хлеб’), бесер. *йӧл|выл* ‘сливки’ (‘поверхность молока’), к.-з. об. *виж|йур* ‘одуванчик’ (‘желтая голова’), хант. шур. *ур|хот* ‘чум’ (‘ненецкий дом’). Для слов других частей речи подобное противопоставление теряет смысл.

3. Слово или словосочетание?

Проблема интерпретации конкретной конструкции как слова или как словосочетания стоит одинаково остро для рассмотренных выше классов явлений. Например, в словаре удмуртского языка [Кириллова (ред.) 2008] мы находим *ыж|ку* ‘овчина’ (*ыж* ‘овца’, *ку* ‘шкура’), но не находим *кеч ку* ‘козья шкура’ (*кеч* ‘коза’): по-видимому, только вследствие того, что первую конструкцию можно перевести на русский язык одним словом, а вторую — только словосочетанием. По нашему мнению, значение семантических критериев, лежащих в основе классификаций парных слов, сильно преувеличено. Проиллюстрируем проблему следующими примерами.

- БЕСЕРМЯНСКИЙ
- (1) *кeня вал со-лэн пиньы-ез-табещ-ез,*
 сколько был он-DAT ложка-POSS3SG-чашка-POSS3SG
вичак окт-і-з-калт-і-з
 все собрать-PST-3SG-убрать-PST-3SG
и кошк-и-з
 и уехать-PST-3SG
 ‘Сколько было у него посуды (ложек-мисок), все собрал и уехал’.

- БЕСЕРМЯНСКИЙ
 (2) *керт-ицко-м-нулл-ицко-м*
 вязать-PRS-1PL-носить-PRS-1PL
ыж-гон-лыщ носки-пöж
 овца-шерсть-GEN2 носки-варежки
 ‘(Мы) вяжем (и) носим носки (и) варежки из овечьей шерсти’.

Формально в (1) и (2) мы имеем место с очень схожими явлениям. Однако конструкции бесер. *октыны-калтыны* ‘собрать’ и *пиньы-табец* ‘посуда’ являются устойчивыми, употребляются очень часто, опознаются носителями как слова; в то же время конструкции бесер. *носки-пöж* ‘носки и варежки’ и *кертны-нуллыны* ‘вязать и носить’ являются чисто окказиональными. Таким образом, проблема состоит в том, чтобы отличить парные слова от парных сочинительных бессоюзных конструкций. Прежде чем говорить о критериях различения, необходимо рассмотреть характеристики парных конструкций.

4. Просодические характеристики

Итак, рассмотренные в предыдущем пункте конструкции бесер. *пиньы-табец* ‘посуда’ (‘ложки-чашки’) и *носки-пöж* ‘носки и варежки’ являются просодически слитными сочетаниями. Это отличает их от бессоюзных сочинительных конструкций с интонацией перечисления, как, например, в (3).

- БЕСЕРМЯНСКИЙ
 (3) *кыллок локт-э,*
 народ идти-3SG:PRS
со-ос-ты адж-ицко-д, щуд-ицко-д₁
 он-PL-ACC.PL смотреть-PRS-2SG кормить-PRS-2SG
и тэкчал-о, кырджал-о, мадь-о
 и плясать-3PL:PRS петь.крези-3PL:PRS петь-3PL:PRS
 ‘Народ идет, их **принимаеть, кормишь,** и (они) **пляшут, поют**’.

Критерий просодической слитности позволяет лишь выделить большой класс парных конструкций, в который попадут как бесспорные парные лексемы, так и бессоюзные сочинительные конструкции, но не позволяет провести деление внутри этого класса.

5. Морфонологические характеристики

Для ССПТ во многих ф.-у. языках бывают характерны изменения на стыке компонентов. Напр., хант. каз. *хо[n']|йўх* 'осина' (*хоп* 'лодка', *йўх* 'дерево'), бесер. *джекиет* 'скатерть' (*джек* 'стол', *кышет* 'платок'), эрз. *сель|ведь* 'слеза' (*сельме* 'глаз', *ведь* 'вода'), также ср. трехчастный композит хант. каз. *хән|не|хӧ* 'человек' (*хәнті* 'ханты', *не* 'женщина', *хӧ* 'мужчина'). Такие конструкции приходится однозначно признавать словами. Однако некоторые типы изменений при быстром произнесении возможны и в свободных сочетаниях. К тому же данный критерий не коррелирует с критерием «семантической слитности»: напр., в хант. тег. *карт|ан* 'железная миска' (*карті* 'железо', *ан* 'чашка') с усечением основы первого компонента значение целого композита прямо выводится из значений его частей. Что касается парных слов, то здесь изменения на стыке компонентов чрезвычайно редки: напр., хант. каз. *эв-пux* (при хант. тег. *эві-пux*) 'дочери и сыновья' (*эві* 'дочь', *пux* 'сын'). Очень редко встречаются случаи изменений гласного второго компонента парного слова: ср. манс. *s'ān'|as'* 'родители' (*s'ān'* 'мать', *ās'* 'отец') [Шибасова 2006].

Таким образом, несмотря на наличие ряда морфонологических особенностей, сформулировать критерий различения слов и словосочетаний на их основе не удастся.

6. Морфологические характеристики

Первый компонент ССПТ в ф.-у. языках не может принимать на себя никаких грамматических показателей. Парные же слова могут иметь две стратегии оформления: цельнооформленность и раздельнооформленность (см., напр., [Шибасова 2006]). В первом случае аффикс присоединяется только ко второму компоненту (т. е. оформляет все слово целиком), во втором — к обоим компонентам. Кроме того, парное слово может допускать оба способа оформления, напр., бесер. *анай-атай-э* и *анай-э-атай-э* 'родители-POSS1SG' ('мать-отец').

Выбор стратегии оформления разнится от языка к языку. Напр., мордовские языки и ханты тяготеют к раздельнооформленности. В луговом марийском, по данным [Шибасова 2006], часть существительных последовательно выступают цельнооформленными, часть допускает оба способа.

В результате исследования автором парных слов в языке бесермян удалось обнаружить очень мало исключительно цельно-оформленных существительных. Пример: бесер. *дищ|кут* 'одежда' (*дищ* 'одежда', *кут* 'лапоть'); при этом невозможно значение 'одежда и обувь'. Глаголы в языке бесермян вообще не допускают цельнооформленности, следовательно, данная характеристика никак не поможет объяснить отмеченное нами различие между конструкциями из (1) и (2).

7. Семантические характеристики

В [Шибасова 2006] справедливо отмечается, что «парные слова представляют собой не гомогенный класс, а шкалу». Однако этот класс является неоднородным по многим характеристикам, в то время как в [Шибасова 2006] «прототипическими» парными словами признаются «обобщающие и суммирующие», т. е. используется признак отношения между значениями частей и значением целого. По нашим наблюдениям, во многих ф.-у. языках отсутствует корреляция между семантическими и другими характеристиками парных конструкций.

8. Выводы

Рассмотрение парных конструкций в разных ф.-у. языках приводит нас к мысли о том, что даже самое подробное исследование различных их характеристик не позволит построить универсальную классификацию. Критерии, сформулированные на основе таких характеристик, обычно приходят в противоречие друг с другом. Критерии, основанные только на семантических характеристиках, часто применяемые для решения конкретных лексикографических задач, также приводят нас к непоследовательным результатам.

Конструкции, представляющие собой парные лексемы, как в (1), и парные бессоюзные сочинительные конструкции, как в (2), суть явления одной и той же природы. Мы предлагаем представлять подобные явления в ф.-у. языках как шкалу лексикализации, на одном конце которой располагаются свободные словосочетания, а на другом — полноценные лексемы. Решение о том, какой статус придать промежуточным единицам, всегда остается за

исследователем, а характеристики парных слов могут играть только вспомогательную роль.

Список условных сокращений

бесер. — язык бесермян; к.-з. об. — обские говоры коми-зырянского языка; манс. — язык манси; удм. — удмуртский язык; ф.-у. — финно-угорские; хант. каз. — казымский диалект языка ханты; хант. тег. — тегинский диалект языка ханты; хант. шур. — шурьшкарский диалект языка ханты; эрз. — эрзя-мордовский язык; ACC — аккузатив; DAT — датив; GEN2 — генитив 2; PL — множественное число; POSS — посессив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Кириллова (ред.) 2008 — Л. Е. Кириллова (ред.). Удмуртско-русский словарь. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО, 2008.
- Майтинская и др. 1988 — К. Е. Майтинская, В. Феенкер (сост.), Ю. С. Елисеев (ред.). Проект подробной инструкции по единообразному описанию диалектов уральских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1988.
- Первошиков и др. (ред.) 1962 — П. Н. Первошиков, В. М. Вахрушев, В. И. Алатырев (ред.). Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Шибасова 2006 — Н. Л. Шибасова. Типология парных слов: на материале некоторых финно-угорских языков. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Е. В. Кашкин

МГУ, Москва

**ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ, ОПИСЫВАЮЩИЕ СВОЙСТВА
ПОВЕРХНОСТЕЙ, В ИЖЕМСКОМ ДИАЛЕКТЕ
КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО ЯЗЫКА
(сопоставительно-типологическое исследование)**

1. Введение

Предметом исследования, выполняемого в рамках направления «Лексическая типология», является семантика прилагательных, описывающих свойства поверхностей ('скользящий', 'ровный', 'гладкий', 'шершавый' и т. п.) в ижемском диалекте коми-зырянского языка¹. Эта лексическая группа ранее не изучалась в широкой типологической перспективе, в нашей же работе фоном служат данные, во-первых, русского языка ([Апресян (ред.) 2004: 982–986; Спиридонова 2004]), во-вторых, уже обследованных нами уральских языков (удмуртского, эрзянского, эстонского, хантыйского). Поскольку в ижемском диалекте почти нет метафор от этих прилагательных, обсуждаются только прямые значения. Изложение материала строится по семантическим зонам, ярлыками для которых служат наиболее близкие по смыслу русские лексемы.

2. 'Скользящий'

В ижемском диалекте существует отдельное прилагательное 'скользящий' — *вольк*, что стандартно типологически. Однако оно, в отличие от русского *скользящий*, описывает только поверхность, по которой ходят (дорогу, каменные ступеньки, мокрый пол), но не предметы, выскальзывающие из рук (рыбу, мяч, кусок мыла, черенок лопаты) — они характеризуются глаголом *вольсьёоны* 'выскальзывать' (1). Аналогичное ограничение есть и в удмуртском языке, но не в эрзянском и эстонском, где прилагательное 'скользящий' покрывает оба типа фреймов.

---

¹ Материал собран в ходе полевой работы в с. Мужы Шурышкарского района ЯНАО (грант РГНФ № 11-04-18024е).

- (1) *Чери-ыс*   *ки-сьыд*   *ус-е,*
 рыба-POSS3SG   рука-EL.POSS2SG   падать-PRS.3SG
вольсьял-э   /   **вольк.*
 выскальзывать-PRS.3SG   скользкий
 ‘Рыба из рук падает, выскальзывает’.

Допустимость лексемы *вольк* по отношению к скользкой подошве обуви варьирует по информантам, что закономерно в силу промежуточного статуса этого фрейма: на подошву, с одной стороны, опираются при ходьбе; с другой стороны, она близка к выскальзывающим предметам по признаку размера. В удмуртском же языке ограничение еще жестче: прилагательным ‘скользкий’ характеризуется только обширная опорная поверхность, противопоставляясь выскальзывающим предметам и подошве, которые описываются только глаголами ‘скользить, выскальзывать’.

3. ‘Ровный’, ‘гладкий’

Типологически важным параметром (как для русского языка, см. [Апресян (ред.) 2004: 982–986], так и для ряда уральских) служит способ восприятия поверхности (зрительный vs. тактильный).

В ижемском диалекте существует прилагательное *мольыд*, описывающее в первую очередь тактильно воспринимаемые гладкие предметы (обработанную доску, камень со дна реки, зеркало, ручку ножа, поверхность стакана; ухоженную кожу девушки, выбритые щеки, гладкую шерсть собаки) — и сами носители склонны оценивать его как прилагательное прототипически тактильной зоны. При этом оно оказывается применимо и к ряду зрительно воспринимаемых объектов, а именно к ровной дороге (как заасфальтированной, так и проселочной), а также к обширным участкам местности (лугу, полю, покосу, поляне на окраине деревни), ср. (2).

- (2) *Ме Читинской область-ын кор рöбит-і,*
 я Читинский область-ESS   когда работать-PST.1SG
поле-яс-ыс   *зэй*   *ыджыд-эсь,*   *мольыд-эсь,*
 поле-PL-POSS3SG   очень   большой-PL   ровный-PL
куим километра   *выл-э*   *став-ыс*
 3   километр   верх-ILL   все-POSS3SG
тыдал-э,   *кудь трактор-ыс*   *мун-э,*
 быть.видным-PRS.3SG   как   трактор-POSS3SG   идти-PRS.3SG

ыл-ын *дажэ тыдал-э.*

даль-ESS *даже* *быть.видным-PRS.3SG*

‘Я в Читинской области когда работал, поля очень большие, ровные, на 3 километра все видно, как трактор идет, далеко даже видно’.

Особым типом зрительно воспринимаемых объектов, описываемым прилагательным *мольыд*, является гладкая поверхность воды в водоеме (в то время как типологически может отмечаться запрет на употребление прилагательных свойств поверхности в данном контексте — такова ситуация, например, в удмуртском, где эти прилагательные заменяются выражениями вида ‘Вода не колышется’).

Интересно, однако, что словом *мольыд* не описываются артефакты (в частности элементы строений) в контекстах не тактильного, а зрительного восприятия. В (3) речь идет о дополнительном слое досок, который кладут под основной пол дома в целях утепления. Характеристика объекта как тактильно гладкого здесь блокирована контекстом, а отсутствие на нем зрительно заметных неровностей передается заимствованием *рöвнэй*.

- (3) *Улыс* *поск-ыс* *рöвнэй* / *мольыд,
нижний пол.OBL-POSS3SG *ровный* *гладкий*
но *абу* *стружыт-эма.*
но не *строгать-PST2*
‘Нижний пол ровный, но не обструганный’.

Аналогично, характеристика стены как *мольыд* предполагает, что она гладкая на ощупь, и невозможна при наличии тактильно ощутимых неровностей. Таким образом, допустимость лексемы *мольыд* в контекстах зрительного восприятия варьирует в зависимости от семантического класса объекта (участок местности vs. артефакт), чего не зафиксировано в других пока обследованных языках.

4. ‘Плоский’, ‘уподобляющийся плоскости’

Типологически частотно употребление прилагательного для описания поверхности без неровностей и в то же время предметов, уподобляющихся плоскости. Так, в русском языке (подробнее см.

[Спиридонова 2004]) словосочетания *плоское горлышко* и *плоская грудь* описывают не поверхность объекта, а отклонение его формы от канонической (например, уменьшение высоты или толщины) и приближение по форме к «эталоноу» — плоскости. В примерах *плоская местность* и *плоское дно реки* эта семантика сохраняется, но одновременно предполагается и отсутствие неровностей на поверхности. Аналогичное совмещение выявлено в эрзянском, эстонском и хантыйском языках, однако отсутствует в удмуртском. Поэтому для более полного описания прилагательных, описывающих свойства поверхностей, и для установления источников этой лексики целесообразен и анализ прилагательных со значением 'плоский, уподобляющийся плоскости'.

В ижемском диалекте таких прилагательных два — *плавкес* и *ляс*. Они невозможны в контекстах употребления *вольк*, *мольыд* и *рöвнэй* (разделы 2, 3), но покрывают некоторые другие фреймы поверхностей, на которых отсутствуют неровности. Лексема *плавкес* описывает поверхности таких объектов, как участок местности без холмов и гор, плоское дно лодки, обтесанное бревно с плоским (не округлым) верхом, лексема же *ляс* в этих контекстах не используется, но описывает не имеющий зрительно заметных неровностей низкий топкий берег, оказываясь тем самым менее вовлеченной в семантическую область свойств поверхностей.

Исходно прилагательное *ляс* передает идею приближения объекта к «эталоноу»-плоскости (что часто предполагает отклонение от стандартной формы объекта, отсюда и употребление *ляс* о подтопленном берегу), а *плавкес* — идею полного совпадения с этим «эталоноу», поэтому именно оно захватывает больше фреймов отсутствия неровностей. Приведем далее несколько иллюстраций.

Лексема *ляс* описывает такие объекты, как лодка с низкими бортами, не получившиеся пышными пироги, приплюснутый нос, приплюснутый стог сена, покосившийся ветхий дом (слово *плавкес* в этих случаях недопустимо). В [Жилина и др. 1961: 214] зафиксировано употребление *ляс* в ижемском диалекте в словосочетании *ляс сюр* 'недоразвитые рога'. *Плавкес* же описывает плоские (не округлые) камни, например, такие, которые хорошо прыгают по воде во время детской игры. Названия ряда объектов сочетаются и с *ляс*, и с *плавкес*, но значение оказывается различным: *ляс былид* означает

‘блюдце’ (*былид* — ‘блюдо, неглубокая тарелка’), *плавкес* *былид* некоторыми информантами воспринимается как ‘тарелка без краев’, а некоторыми и вовсе оценивается как неудачное; по отношению к бутылке *ляс* предполагает, что она приплюснута в вертикальном измерении, а *плавкес* — что ее грани не округлые, а прямоугольные (по-видимому, это метонимия с части объекта, т. е. грани, на целый объект, т. е. бутылку); наконец, словом *ляс* описывается двускатная крыша с очень тупым углом, а словом *плавкес* — односкатная крыша.

5. ‘Шершавый’, ‘шероховатый’

Прилагательные со значением наличия неровностей часто имеют узкое значение (ср. рус. *сучковатый*, *прыщавый*, *морщинистый*, *ухабистый*). Мы рассмотрим ижемское прилагательное *созора/созорэсь*, имеющее наиболее широкую семантику ‘шершавый, шероховатый’. Два названных его варианта семантически тождественны и, по-видимому, образованы с помощью двух различных адъективизаторов от существительного *созор*, не известного нашим информантам, но зафиксированного в ижемском диалекте в значении ‘морщина, рубец’ [Сорвачева (ред.) 1961: 342]. Это прилагательное характеризует объекты достаточно стабильной формы, на поверхности которых есть регулярно повторяющиеся тактильно воспринимаемые твердые неровности (язык кошки, оленя, коровы; загрубевшая от работы либо обмороженная кожа рук; плохо обработанная доска), выделяя их тем самым в отдельный класс, что встречается и в других обследованных нами языках (например, в удмуртском и хантыйском). Мягкие объекты (грубые ткань, веревка) и объекты с относительно мягкими неровностями (небритые щеки, шерстяное одеяло) слово *созора/созорэсь* не описывает.

6. Выводы

Материал ижемского диалекта коми-зырянского языка, с одной стороны, согласуется с рядом уже выявленных типологических закономерностей (например, описанные в работе регулярно встречающиеся ограничения на употребление прилагательных ‘скользящий’ и ‘шершавый, шероховатый’) и, с другой стороны, содержит

ряд новых любопытных явлений (например, различие в семантическом классе объекта во фреймах зрительно ровных поверхностей, конкуренция между двумя прилагательными, описывающими уподобляющиеся плоскости объекты, как источниками лексики описания поверхностей). Полученные данные планируется использовать для более широкого типологического исследования.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; EL — элатив; ESS — эссив; ILL — иллатив; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; POSS — посессивное склонение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Апресян (ред.) 2004 — Ю. Д. Апресян (ред.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М. — Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004
- Спиридонова 2004 — Н. Ф. Спиридонова. Плоский, прямой и ровный, или как трудно описать форму предмета // Ю. Д. Апресян (ред.). Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 235–241.
- Жилина и др. 1961 — Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1961.

M. Yu. Knjazev

UiL OTS, Utrecht

**CP-SELECTION IS NOT (ONLY) A LEXICAL PROPERTY:
evidence from Russian**

It was noted long ago that argumental CPs can appear in non-case positions alternating with PPs bearing presumably the same theta-role as the CP, as can be seen in (1).

- (1a) *Mary was not aware* [_{CP} *that John was sick*].
- (1b) *Mary was not aware* [_{PP} *of the fact that John was sick*].
- (1c) **Mary was not aware* [_{DP} *this fact*].

According to an early intuition in [Rosenbaum 1967], such CPs as in (1a) were underlyingly embedded inside the PP, whose prepositional head was subsequently deleted. In what follows, I will use “deletion” as a descriptive term without committing myself to its theoretical implications.

As far as I am concerned, there has been no explicit characterization of the class of PP-selecting verb that allow preposition deletion, while it has been quite clear from the beginning that the process is lexically restricted. E.g., [Kuno 1973] mentions in a footnote that the adjective *independent*, unlike *aware*, disallows preposition deletion, as can be seen from (2).

- (2a) *That he is a good teacher is not independent from the fact that he is a good scholar.*
- (2b) **That he is a good teacher is not independent that he is a good scholar.*

A null hypothesis about the contrast between (1a) and (2b) is that deletability of the PP is determined by the individual verb or, equivalently, by the unique theta-role borne by *that*-clause. According to this hypothesis, some theta-roles can be expressed by “bare” *that*-clauses along with PPs, while others can only be expressed by PPs. The next task for someone who adopts this hypothesis is to precisely characterize the two relevant classes of theta-roles.

I would like to suggest, however, that the null hypothesis in its strongest form, namely that deletability of the PP can be predicted **solely** on the basis of its unique theta-role, cannot be maintained. I provide evidence from Russian that deletability of the PP can depend on the argument/event structure of the predicate selecting this PP.

In Russian, CPs can be embedded inside PPs or oblique DPs selected by the predicate if these CPs are immediately preceded by a dummy demonstrative, as can be seen from the examples below. In some cases, just like in English, the preposition along with the demonstrative or the oblique-marked demonstrative can be deleted. At first glance, in many cases deletability of the demonstrative looks like a random lexical property, that is, it depends on the exact theta-role that a given verb assigns to the PP/DP. There are, however, interesting cases where the manipulation of the argument or event structure of a predicate influences the deletability of the demonstrative.

Consider, e.g., the case of *obvinjat* 'accuse'. The reason argument of this verb is normally expressed by the PP headed by *v* 'in', as in (3a). Sometimes, as in (3b), the preposition along with the demonstrative is omitted. However, once the verb is passivized, the preposition has to stay there, as in (4). *Podozrevat* 'suspect' exhibits a similar pattern (example omitted). It is not clear how general this pattern is since a lot of transitive verbs taking propositional PP/DPs (e.g. *rugat* 'scold') seem to resist passivization but these examples do show that passivization can seriously degrade a verb's ability to delete its PP/DP complement.

- (3a) *Oni ego obvinili v tom, čto on podpisal ètot dokument.*
 they him accused in it.LOC that he signed this document
 'They accused him of assigning this document.'
- (3b) *?Oni ego obvinili, čto on podpisal ètot dokument.*
- (4a) *On byl obviněn v tom, čto podpisal ètot dokument.*
 he was accused in it.LOC that signed this document
 'They accused him of assigning this document.'
- (4b) **On byl obviněn, čto podpisal ètot dokument.*

Another interesting case is provided by the verb *rugat* 'scold'. The reason argument of this verb is normally expressed by the PP headed by *za* 'for', as in (5a). Sometimes, as in (5b), the preposition along with the demonstrative is omitted. However, once the verb is

perfectivized with a prefix, deletion of the PP becomes seriously degraded (6).

- (5a) *On rugal menja za to, što ja opozdal.*
he scolded me for it that I was.late
'He scolded me for being late.'
- (5b) *On rugal menja, što ja opozdal.*
he scolded me that I was.late
'He scolded me for being late.'
- (6a) *On obrugal menja za to, što ja opozdal.*
he scolded me for it that I was.late
'He scolded me for being late.'
- (6b) *??On obrugal menja, što ja opozdal.*
he scolded me that I was.late
'He scolded me for being late.'

Similar facts seem to hold for *(ot)blagodarit* 'thank' and *(ras)kritikovat* 'criticize'. The data do not appear crystal clear but there are clear indications that perfectivization of the predicate can affect deletability of its PP/DP argument in certain cases.

The nature and scope of the two phenomena discussed above are still largely unclear and require further investigation but they seem to suggest that whether a given verb takes a *that*-clause as a complement may be at least partly determined by the argument/event structure of this verb and not only by the (unique) theta-role that it can assign to this clause, which is to say that CP-selection may not be entirely lexical, as has been mostly assumed.

Abbreviations

LOC — locative case.

References

- Kuno 1973 — S. Kuno. Constraints on internal clauses and sentential subjects // *Linguistic Inquiry* 4, 1973. P. 363–385.
Rosenbaum 1967 — P. S. Rosenbaum. *The Grammar of English Predicate Complement Constructions*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1967.

К. А. Кожанов

ИСл РАН, Москва

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРЕФИКСЫ В БАЛТИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКА

Цыганский язык представлен большим числом диалектов и вариантов, на которых говорят в самом разнообразном языковом окружении. Интенсивные контакты с языками окружающего большинства привела к значительному числу как лексических, так и грамматических заимствований. В ряде диалектов цыганского языка, которому как новоиндийскому языку нехарактерны глагольные приставки, развилась система глагольных префиксов. Примером таких диалектов являются варианты, распространенные в странах Балтии, а именно язык литовских (*litóuska romá*) и латышских (*lotfítka romá*, далее лотфитка) цыган.

Особенностью префиксальных систем этих диалектов следует считать использование префиксов как славянского, так и балтийского происхождения. Функционированию этих систем в данных диалектах посвящена данная работа.

Материалом для работы служат опубликованные тексты на данных вариантах, словарь латышского диалекта [Mānušs 1997], примеры из Морфосинтаксической базы данных цыганского языка (Romani Morpho-Syntax Database, <http://romani.humanities.manchester.ac.uk/rms>), а также полевые записи автора 2010–2011 гг.

Тема глагольных префиксов в цыганских диалектах уже не раз затрагивалась в исследованиях. Первым специальным исследованием следует считать работу [Iglá 1992] о глагольных префиксах в синти. Одной из проблем, связанных с приставками, является тема глагольного аспекта, ср. [Iglá 1998], впрочем в цыгановедении установилась традиция говорить о префиксах, указывающих на способы глагольного действия — aktionsart prefixes, ср. [Matras 2002; Tenser 2005]. Обсуждение глагольных префиксов в севернорусском цыганском диалекте цыганского языка представлено, например, в работе [Русаков 2000]. Разным типам глагольных приставок и так называемых глагольных частиц посвящены работы [Schrammel 2002, 2005].

Источниками заимствований для этих вариантов цыганского языка служат славянские языки — польский, белорусский и русский, а также литовский для литовского цыганского и латышский для лотфитка. Так как большинство префиксов совпадают по звучанию в польском и русском, то невозможно однозначно определить польское, белорусское или русское происхождение большинства приставок (хотя мы знаем, что исторически польский был первым языком контакта). Однако некоторые формы приставок могут быть определены более точно. Например, в литовском цыганском одинаково часто используются приставки *pše-* (ср. пол. *prze-*) и *p'ir'i-* (ср. рус. *пере-* в безударной позиции).

Следует отметить, что в латышском цыганском диалекте больше балтийских приставок: если в литовском это практически только *ni-* и редко *už-*, то в латышском это также *ie-*, *aiz-* и *pie-* (первым на большое количество приставок латышского происхождения в этом диалекте обратил П. Аристе [Ariste 1973]). Видимо, заимствуются те балтийские приставки, у которых нет очевидного семантического и звукового соответствия среди славянских приставок.

Наконец, у некоторых говорящих на литовском цыганском удалось зафиксировать префикс *pale-*, очевидно, цыганского происхождения, ср. предлог *pale* ‘назад, через’. Видимо, в данном случае речь идет о процессе контактно-индуцированной грамматикализации [Heine, Kuteva 2003]. Набор префиксов и их происхождение подытожены в Таблице 1:

Таблица 1. Глагольные префиксы
в балтийских диалектах цыганского языка

Литовский цыганский			Лотфитка	
славянского происхождения	литовского происхождения	цыганского происхождения	славянского происхождения	латышского происхождения
<i>do-</i> , <i>u-</i> , <i>pše-</i> (пол.), <i>p'ir'i-</i> (рус.), <i>po/a-</i> , <i>pod-</i> , <i>pr'i-</i> , <i>pro-</i> , <i>v'i-</i> , <i>vz-</i> , <i>roz-</i> , <i>s-</i> , <i>ob-</i> , <i>ot-</i> , <i>za-</i>	<i>ni-</i> , <i>už-</i> (редко), <i>at-</i> (в редуцированной форме и заимствованиях)	<i>pale-</i>	<i>do-</i> , <i>ob-</i> , <i>ot-</i> , <i>pere-</i> , <i>po-</i> , <i>pri-</i> , <i>ros-</i> , <i>vi-</i> , <i>za-</i>	<i>niuo-</i> (и вариант <i>ni-</i> , возможно, под литовским влиянием), <i>aiz-</i> , <i>ie-</i> , <i>uz-</i> , <i>pie-</i>

Система глагольных префиксов в балтийских диалектах цыганского представляет особый интерес по нескольким причинам. Во-первых, на ранее заимствованную систему славянских префиксов наложена парадигма литовских, а для диалекта лотфитка еще и латышских приставок. Этот факт имеет несколько нетривиальных последствий: возникает выбор между славянской или балтийской приставками, ср. в литовском цыганском *uš-čhakirou* и *za-čhakirou* ‘заворачиваю’.

Одно из следствий наложения двух префиксальных систем — перераспределение функций и словообразовательных моделей — уже кратко обсуждалось в литературе, ср. [Czerenkow 2009: 209]. В частности указывалась особенность приставок в литовском цыганском, заключающаяся в том, что славянские приставки могут употребляться по моделям, типичным для литовского языка: например, *po-lésa* ‘возьмешь’ соответствует лит. *pa-imsi* ‘то же’, ср. русско-цыганское *по-лэс* ‘понимаешь’, калька с русского языка.

Другой пример: изначально славянская приставка *ot-* в литовском цыганском может использоваться в значении приближения, свойственном литовскому, ср. пример (2) для литовского цыганского (где *u(t)-* из *ot-*) и (3) из литовского:

- (1) *Jou u-tradyj-a Moskva-te.*
 он.NOM от.PVB-ехать-PST.3SG Москва-LOC.SG
 ‘Он приехал из Москвы’.
- (2) *Jis at-važiav-o iš Maskv-os.*
 он.NOM от.PVB-ехать-PST.3 из Москва-GEN.SG
 ‘Он приехал из Москвы’.

Вторая причина, вызывающая интерес к префиксальным системам балтийских цыганских диалектов, — частичное копирование славянской и балтийской аспектуальной системы. Неполное соответствие цыганского славянской и балтийской системам заключается, прежде всего, в необязательном употреблении приставок для выражения совершенного вида (более подробное обсуждение вопроса см., например, в [Русаков 2000]).

Третья любопытная особенность, которая относится к литовско-цыганским приставкам, заключается в упомянутом выше развитии в речи некоторых носителей новой приставки, происходящей из цыганского предлога. Приставка *pale-*, которую мне

удалось зафиксировать в речи цыган в Вильнюсе, практически полностью соответствует приставке *pše-/piri-* или пол. *prze-* и рус. *пере-*. Ср. примеры (3) и (4):

- (3) *Pale-gij-om*   *pale*   *ulica*.
пере.PVB-идти-PST.1SG   через   улица.NOM
'Я перешел через улицу'.
- (4) *Pale-de*   *les-ke*   *kniška*.
пере.PVB-давать.IMP.SG   он.OBL-DAT.SG   книга.NOM
'Передай ему книжку'.

Таким образом, интенсивные контакты с окружающими славянскими и балтийскими языками привели к заимствованию приставок из всех данных языков; заимствованию из нового контактного языка значений, присваивающихся приставкам, появившимся в результате более раннего языкового контакта; заимствованию самой модели соотношения предлога и приставки и ограниченному употреблению этой модели на морфологическом материале собственно цыганского языка.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; DAT — датив; GEN — генитив; IMP — императив; LOC — локатив; NOM — номинатив; OBL — косвенная основа; PST — прошедшее время; PVB — преверб; SG — единственное число.

Литература

- Русаков 2000 — А. Ю. Русаков. Севернорусский диалект цыганского языка: «заимствование» русских префиксов // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 21. Балканские исследования. СПб., 2000. С. 16–25.
- Ariste 1973 — P. Ariste. Lettische Verbalpräfixe in einer Zigeunermundart // *Baltistica* 9, 1, 1973. P. 79–81.
- Czerenkow 2009 — L. Czerenkow. A cy na san tu Litvate? / A czy nie jesteś pan z Litwy? // *Studia Romologica* 2, 2009. P. 199–212.
- Heine, Kuteva 2003 — B. Heine, T. Kuteva. On contact-induced grammaticalization // *Studies in Language* 27, 3, 2003. P. 529–572.
- Igla 1992 — B. Igla. Entlehnung und Lehnübersetzung deutscher Präfixverben im Sinti // J. Erfurt, B. Jessing, M. Perl (eds.). *Prinzipien des Sprachwandels*. Bochum: Brockmeyer, 1992. S. 38–56.

- Igla 1998 — B. Igla. Zum Verbalaspekt in bulgarischen Romani-Dialekten // D. W. Halwachs (ed.). Romani II [Grazer Linguistische Studien 50]. Graz, 1998. S. 65–79.
- Matras 2002 — Y. Matras. Romani: A Linguistic Introduction. Cambridge: CUP, 2002.
- Mānušs 1997 — L. Mānušs. Čigānu-latviešu-angļu etimoloģiskā vārdnīca un latviešu-čigānu vārdnīca. Rīga: Zvaigzne ABC, 1997.
- Schrammel 2002 — B. Schrammel. Kerki fadšal o ciro. The borrowing and calquing of verbal prefixes and particles in Romani dialects in contact with Slavic and German. Master thesis, Karl-Franzens-Universität Graz, 2002.
- Schrammel 2005 — B. Schrammel. Borrowed verbal particles and prefixes in Romani: A comparative approach // B. Schrammel, D. W. Halwachs, G. Ambrosch (eds.). General and Applied Romani Linguistics: Proceedings from the 6th International Conference on Romani Linguistics. Munich: LINCOM Europa, 2005. P. 99–113.
- Tenser 2005 — A. Tenser. Lithuanian Romani. Munich: LINCOM Europa, 2005.

М. Б. Коношенко

ИЯз РАН, Москва

**ЛИЧНО-ЧИСЛОВОЕ СОГЛАСОВАНИЕ
В ЯЗЫКАХ МАНДЕ:
первичные наблюдения**

1. Введение

Согласно классификации Дж. Гринберга, семья манде входит в макросемью нигер-конго [Greenberg 1963]. Такая генетическая характеристика языков манде долгое время была общепринятой, но в современной литературе семью манде часто считают изолятом [Dimmendaal 2008]. Действительно, помимо отсутствия явных фонетических соответствий, которые сближали бы семью манде с другими языками нигер-конго, языки манде обнаруживают достаточно много грамматических черт, которые делают их непохожими на «общепризнанные» языки нигер-конго, например языки банту (семья бенуэ-конго). В частности, именно языки банту часто приводят в пример, когда говорят о сложных системах именных классов и классного согласования [Welmers 1973: 159]. В языках манде, напротив, ни именных классов, ни тем более согласования по классу нет. Даже в диссертации [Выдрин 2006], где делается попытка реконструировать именные классы для языков манде, постулируется отсутствие в языках манде каких-либо полноценных — а не реконструируемых — классных согласовательных моделей [Выдрин 2006: 219].

При отсутствии именных классов и классного согласования многие языки манде обнаруживают согласование по лицу и числу. Рассмотрим примеры из языка кпелле (юго-западные манде):

- (1) *Pépè àá hùyǒ téyé*
Пепе 3SG.POS.RES мясо резать
'Пепе разрезал мясо'.
- (2) *nèáá dàá hùyǒ téyé*
DEFженщина.PL 3PL.POS.RES мясо резать
'Женщины разрезали мясо'. [собственные данные]

В (1) так называемый предикативный показатель *àá*, выражающий значение утвердительной полярности и результата, имеет форму 3 лица единственного числа, копируя соответствующие признаки подлежащего *Péprèè*. В (2) аналогичный предикативный показатель согласуется с подлежащим *nèáá* и имеет форму 3 лица множественного числа.

До последнего времени специалисты по языкам манде уделяли лично-числовому согласованию крайне мало внимания. В настоящей работе представлены первичные наблюдения, касающиеся особенностей лично-числового согласования в языках манде.

2. Общие особенности

лично-числового согласования в языках манде

2.1. Отметим для начала, что лично-числовое согласование наблюдается далеко не во всех представителях семьи манде. Например, согласования по лицу и числу нет в одном из самых известных и лучше всего описанных языков манде — бамана (западные манде):

(3) *dén`*   *bé*   *sùncɔ*
 ребенок\REF IPFV.POS спать
 ‘Ребенок спит’.

(4) *dén-w*   *bé*   *sùncɔ*
 ребенок-PL.REF IPFV.POS спать
 ‘Дети спят’.

2.2. Исследуя явление лично-числового согласования в языках манде, невозможно не обратить внимания на морфологические особенности маркеров согласования в этих языках.

В языках банту согласование кодируется при помощи агглютинативного префиксального показателя класса непосредственно в составе словоформы мишени согласования. Ср. пример из языка суахили с согласованием по 7 классу:

(5) *ki-kapu*   *ki-lianguka*
 7-корзина   7-упала
 ‘Корзина упала’. [Welmers 1973: 171]

В языках манде согласовательные маркеры не являются частью непосредственно согласуемой словоформы (например, глагола),

но присоединяются к относительно независимым служебным показателям и, более того, оказываются морфологически спаянными с ними в результате фузионных процессов. Это проиллюстрировано в примерах (1)–(2) из языка кпелле, где согласование реализуется не непосредственно на глаголе, а на так называемом предикативном показателе, который представляет собой морфему-портманто и выражает, с одной стороны, лично-числовые значения, а с другой — предикативные.

2.3. Маркеры согласования в манде способны употребляться как при наличии локального контролера согласования, так и без него, т. е. в анафорической функции¹.

Рассмотрим пример из языка дан-гуэта (южные манде):

(6) *ỵ̆̄*   *ṣ̄*   *d̄ṣ̄ṣ̄-sīl̄*
 3SG.EXI REFL.SG нести.на.голове-DUR
kwèè   *ká*
 ноша   с
 ‘Она несет груз на голове’.

(7) *mé*   *bā*   *ỵ̆̄*   *mē-nù*   *dū̄ṣ̄ṣ̄*
 человек\EMPH ART 3SG.EXI человек-PL лишать.FCT
b̄ṣ̄-p̄l̄   *gú*
 есть-вещь\IZF   в
 ‘Этот человек не делится с другими едой’. [Выдрин 2010]

В (6) согласовательный показатель *ỵ̆̄*, спаянный с экзистенциальным маркером, используется в анафорической функции. В (7) аналогичный показатель используется при наличии локального контролера.

Аналогичные свойства проявляют согласовательные показатели во многих языках нигер-конго, в том числе и в банту [Creissels 2005]. Это нетривиальный факт, учитывая, что лично-числовое согласование в манде, вероятно, является морфологической инновацией и генетически не связано с согласованием в других языках нигер-конго, даже если относить семью манде к нигер-конго. Тем не менее, развитие лично-числового согласования в манде пошло по тому же пути, что и классное согласование в других семьях нигер-конго.

---

¹ Терминологический вопрос о том, стоит ли считать анафорические контексты согласованием, оставим в стороне.

3. Параметры вариативности лично-числового согласования в языках манде

Согласовательные системы в языках манде обнаруживают достаточно интересную вариативность по ряду параметров. Перечислим эти параметры.

3.1. В разных языках манде обнаруживаются разные **области согласования**. Обычно это целая клауза (мишень — глагольная группа) — см. примеры (1)–(2), (6)–(7), также встречается согласование внутри посессивной (см. ниже) и даже сочиненной группы. Некоторые языки допускают согласование внутри послеложной группы. Ср. пример из языка бен (южные манде):

- (8) *gbè bɛbɛ ɲò yé <...>*
деревня большой:PL 3PL в
'В больших городах <...>' [Паперно 2011]

3.2. Наличие согласования в манде зависит от **морфосинтаксического контекста**. Например, очень часто внутри посессивной группы согласование невозможно в контексте неотчуждаемой принадлежности, но возможно или даже обязательно при отчуждаемой принадлежности. Во втором случае согласовательный маркер образует комплексную морфему со служебным показателем посессивной связи, как в кпелле (юго-западные манде):

- (9) *Péɾèè kɔ́ʒ*
Пепе нога
'нога Пепе'
- (10) *Péɾèè ɲwɔ́ bówá*
Пепе 3SG.POSS нож
'нож Пепе' [собственные данные]

3.3. Согласование в языках манде часто неоднородно с точки зрения **лично-числовой парадигмы**. Так, например, вне зависимости от конкретной мишени, во множественном числе согласование в целом является более обязательным, чем в единственном². Это проиллюстрировано примерами (11)–(12) из языка лоома (юго-западные манде):

² Возникает вопрос о необходимости постулирования нулевой морфемы в единственном числе, который пока остается открытым.

- (11) *Zèzè Kólì lóá-ní*
Зезе Коли бить-AOR
'Зезе побил Коли'.
- (12) *d́sɔ-í-tì tí Kólì lóá-ní*
REF\охотник-REF-PL 3PL Коли бить-AOR
'Охотники побили Коли'. [Mishchenko 2010: 101]

4. Выводы

Лично-числовое согласование в языках манде — это многомерное явление. Оно подчиняется некоторым общим закономерностям, но в то же время обнаруживает интересную внутригенетическую вариативность. Изучение этого явления представляется весьма перспективным, т. к. оно может пролить свет как на собственные генетические особенности языков манде в сравнении с другими языками нигер-конго, так и на механизмы развития систем согласования в некоторой отдельно взятой семье.

Список условных сокращений

3 — лицо; AOR — аорист; ART — референциальный артикль; DEF — определенный; DUR — дуратив; EMPH — эмфатический; EXI — предикативный показатель экзистенциальной серии; FCT — фактатив; IPFV — имперфектив; IZF — маркер изафета; PL — множественное число; POS — утвердительная модальность; POSS — посессивный показатель; REF — референтный; REFL — рефлексивный; RES — результатив; SG — единственное число.

Литература

- Выдрин 2006 — В. Ф. Выдрин. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // Труды Института лингвистических исследований РАН II, 2, 2006. С. 9–252.
- Выдрин 2010 — В. Ф. Выдрин. Еще раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания: Синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010. С. 385–400.
- Паперно 2011 — Д. А. Паперно. Грамматический очерк языка бен // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 2, 2011. С. 14–117.
- Creissels 2005 — D. Creissels. A typology of subject and object markers in African languages // F. K. E. Voeltz (ed.). Studies in African

- Linguistic Typology. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2005. P. 445–459.
- Dimmendaal 2008 — G. J. Dimmendaal. Language ecology and genetic diversity on the African continent // Language and Linguistics Compass 2/5, 2008. P. 840–858.
- Greenberg 1963 — J. Greenberg. The Languages of Africa. Bloomington, IN: Indiana University, 1963.
- Mishchenko 2010 — D. Mishchenko. Pronominal system of the Looma language: The Woi-Balagha dialect // K. Pozdniakov, V. Vydrin, A. Zheltov (eds.). Personal Pronouns in Niger-Congo Languages: International Workshop. St. Petersburg, September 13–15, 2010. Abstracts and papers: Working materials. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2010. P. 97–105.
- Welmers 1973 — W. Welmers. African Language Structures. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press, 1973.

М. А. Косогорова

ИЯз РАН, Москва

К ВОПРОСУ О СОГЛАСОВАНИИ ПО КАТЕГОРИИ ИМЕННОГО КЛАССА В ПУЛАР-ФУЛЬФУЛЬДЕ

Именной класс — группа имен, объединенная идентичным показателем и обладающая одинаковыми свойствами по отношению к атрибуту. С помощью показателей разные именные классы формально противопоставляются друг другу.

Язык пулар-фульфульде (более известен в литературе как фула) стоит среди языков с именными классами на особом месте по нескольким причинам. Во-первых, это язык с одной из самых обширных классных систем: ни в одном диалекте не отмечено меньше, чем 20 именных классов, а в некоторых их число возрастает до 25. Во-вторых, в некоторых диалектах этого языка можно ввести понятие классного циркумфикса (совокупность начального согласного корня и аффиксального показателя) как показателя класса. Эти особенности языка делают диалектологический подход к типологическому исследованию наиболее интересным, хотя в фуланистике он встречается не особенно часто.

Наличием классного циркумфикса язык обязан взаимодействию двух техник согласования по категории класса — аффиксальной и анлаутной. При аффиксальном согласовании к основе атрибута прибавляется суффикс того же класса, что и к вершине. При этом согласованный показатель может иметь один из трех видов, или ступеней, которые зависят от основы атрибута. Анлаутное согласование ставит в зависимость от именного класса степень начального согласного корня, то есть каждый класс требует использования начального согласного корня (анлаута), принадлежащего к одной из трех групп (см. пример 1 — изменение анлаута и показателя класса в зависимости от класса существительного-вершины).

- (1) BE: *sukaabe wob-be* ‘дети другие’;
DI: *pooli god-di* ‘птицы другие’;
NDE: *huunde won-nde* ‘вещь другая’;
NGEL: *ci’el gon-ngel* ‘деревня другая’.

Однако не во всех диалектах фула зависимость ступени анлаута от показателя класса выражена одинаково четко, и даже список именных классов разнится от диалекта к диалекту. Дело в том, что язык распространен на уникально обширной территории — от западного побережья Атлантического океана до долины Голубого Нила. Несмотря на территориальный разброс и ограниченность письменной традиции, носители сумели сохранить внутреннее единство языка, так что различия между диалектами остались не столь значительными, сколь можно было бы ожидать в подобной ситуации, но, тем не менее, настолько сложная система именного согласования не могла не пострадать в результате такой дисперсии.

Традиционно язык делится на три диалектные зоны: западную, к которой относятся крупные диалекты фута-джаллон и фута-торо, центральную, крупнейшим представителем которой является масина, и восточную, к которой относятся, в числе других, диалекты адамауа, нигерийский и джамааре.

Многие диалекты фула хорошо описаны, однако любопытно было бы посмотреть, как взаимодействуют системы согласования в диалектах разных зон.

Для получения данных по диалекту джамааре (восточная зона) использовался фула-французский словарь Доминика Ноа [Noye 1989]. Данные включили в себя как согласованные пары (существительное + прилагательное, существительное + причастие), так и отдельные существительные.

В центральной зоне рассматривалась согласовательная модель по диалекту масина. Для проведения исследования по использованию довольно обширный (около 30 страниц, более 300 примеров согласованного атрибута) текстовый материал из повести «Gidam, banndo Lobbugu» (в русском переводе — «Песня Даадо»), написанной малийским литератором Ибрагимом Амаду Дикко [Dikko 1990: 136–191].

В западной же зоне, ввиду ее обширности, для репрезентативности использовались данные двух крупнейших диалектов — фута-джаллон и фута-торо. Данные по диалекту фута-джаллон были получены при работе с носителями разных говоров и верифицированы при помощи фула-русско-французского словаря Г. В. Зубко [Зубко 1980] и фула-французского словаря Беттисонов [Bettison, Bettison 2006]. Для получения данных по диалекту фута-торо

использовался словарь [Niang 1997], однако стоит сразу отметить, что данные по этому диалекту включают в себя очень мало согласованных пар и потому их можно назвать довольно ограниченными.

При сравнении с общефульской системой именного согласования (подробно описанной в работе [Коваль, Зубко 1986]) диалект фута-джаллон отошел от нее наиболее далеко. Многие исследователи указывают, что система анлаутного чередования в этом диалекте по каким-то причинам потеряла продуктивность, а также что список классов для этого диалекта расширен по сравнению с общедиалектным. Работа с носителем и попытки сравнить данные с другими диалектами показали, что, хотя в диалекте исправно используется аффиксальная система чередования, анлаутная система плохо поддается систематизации: не нашлось такого класса, который бы строго требовал одной и той же ступени анлаута для всей лексики. Чаще всего используется унифицированный анлаут, зафиксированный для конкретного атрибута. Пример (2) наглядно демонстрирует это явление: для корня *dan-/ndan-/ran-* зафиксирован единый смычный анлаут, который вполне подходит в первых двух парах, где классы существительных требуют именно этой ступени, и не подходит в третьей, где, согласно общефульской модели, требуется вид корня *ran-*.

- (2) O: *debbo daneejo* ‘белая женщина’;
NGAL: *beccal danewal* ‘белый бок’;
NDE: *yitere daneere* ‘белый глаз’.

Однако, как выясняется, не вся западная зона характеризуется такой усеченной системой согласования. Те немногие результаты, которые удалось получить по диалекту фута-торо, демонстрируют полноценное использование общефульской системы согласования, хотя список классов все же отличается от восточной и центральной зон (что неудивительно, принимая во внимание влияние соседнего диалекта).

Диалект масина также использует обе техники согласования, однако некоторые из общефульских правил анлаутного согласования претерпели изменения. Встретившиеся исключения из общефульской системы выявили важную типологическую тенденцию к уподоблению согласования причастных форм глагольному согласованию. Примеры преназализованных в соответствии с диалектной нормой анлаутов можно увидеть в (3).

- (3) O: *mberan-do* ‘чемпион’;
 DI: *nayi njinotoo-di* ‘коровы плавающие’;
 BE: *ndemoo-be* ‘земледельцы’.

Диалект джамааре же показал самую близкую к общефульской модель согласования, в которой не нашлось закономерных исключений ни в анлаутной, ни в аффиксальной технике согласования именного атрибута. Пример корректного согласования можно увидеть в (4):

- (4) O: *goroko danee-jo* ‘белый мужчина’;
 NGOL: *laasol dane-wol* ‘белая грива’;
 NDE: *waare ranee-re* ‘белая борода’.

Сравнив таким образом техники именного согласования в разных диалектах трех диалектных зон, можно прийти к выводу, что наиболее близкой к общефульскому согласовательному канону является восточная зона; центральная зона имеет одно существенное отклонение, которое, видимо, является стандартным для диалекта масина. Западная же зона содержит как вполне канонический с точки зрения согласования диалект фута-торо, так и нестандартный диалект фута-джаллон, который потерял одну из техник согласования, упростив ее до фиксированных форм, сохранив, впрочем, вторую.

Хотя исследование согласовательных моделей продемонстрировало несколько различающихся систем в пределах одного языка, их сходства достаточно для подтверждения факта наличия общефульской согласовательной системы и диалектных вариантов.

Литература

- Зубко 1980 — Г. В. Зубко. Фула-русско-французский словарь. М.: Русский язык, 1980.
 Коваль, Зубко 1986 — А. И. Коваль, Г. В. Зубко. Язык фула. М.: Наука, 1986.
 Bettison, Bettison 2006 — J. Bettison, K. Bettison. Dictionnaire Pular-Français. 2e edition. Labe: Traducteurs Pionniers de la Bible, 2006.
 Dikko 1990 — I. A. Dikko. Gidam, banndo Lobburu // А. И. Коваль. Эпос и литература фульбе: К исследованию литературных форм младописьменного языка. М.: Наука, 1990. С. 136–191.
 Niang 1997 — M. Niang. Pulaar-English / English-Pulaar Dictionary. New York: Hippocrene books, 1997.
 Noye 1989 — D. Noye. Dictionnaire Foulfoulde-Français: dialecte Peul de diamaré Nord-Cameroun. Paris: Librairie Orientaliste, 1989.

В. А. Крылова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ И ПАДЕЖ В СОВРЕМЕННОМ ВОСТОЧНОАРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном литературном восточноармянском языке представлена система из 5 падежей (номинатив, датив, инструменталис, аблатив и локатив). При этом суффиксальный определенный артикль *-ə/-n* допустим только при формах номинатива и датива [Туманян 1963: 76]. Этому факту грамматики восточноармянского языка уделяют мало внимания, возможно, по той причине, что речь идет только о современном литературном языке, в разговорном же языке и диалектах артикль встречается и с формами косвенных падежей.

Ниже на материале Национального корпуса восточноармянского языка рассматриваются особенности функционирования этих форм и предлагается трактовка нетипичного ограничения на употребление определенного артикля.

Здесь мы не рассматриваем все значения номинатива и датива — как ядерные, так и периферийные; исследование будет ограничено только ядерными значениями обеих падежей.

1. Определенный артикль: общие сведения

Определенный артикль *-ə/-n* восходит к древнеармянской указательно-притяжательной частице 3 лица *-n*, за которой в процессе грамматикализации закрепляется функция регулярного показателя определенности [Туманян 1963: 77; Крылова 2011: 160].

Правила употребления определенного артикля принято описывать в терминах определенности, обусловленной различными факторами: референция по отношению к предшествующему высказыванию, идентифицируемость предмета в конкретной речевой ситуации, уникальность предмета, наличие притяжательного или указательного местоимения, артикль у имени собственного и т. п. [Туманян 1963: 69–124].

2. Датив

Датив используется для обозначения одушевленного прямого объекта, непрямого объекта и посессора.

Датив с прямым и косвенным объектом оказывается противопоставленным дативу, маркирующему посессора еще и морфологически: датив как маркер роли посессора независимо от определенности/неопределенности имени не сочетается с определенным артиклем. В (1) артикль у существительного в роли посессора отсутствует несмотря на то, что, согласно общему правилу, наличие указательного местоимения требует употребления артикля.

- (1) *Ovk'er en ays grk'i heros-ner-ə*
кто:PL COP:PRS:3PL этот книга:DAT герой-PL-DEF
'Кто герои этой книги?'

В то же время, при дативе прямого одушевленного или косвенного объектов артикль употребляется всегда, за исключением тех случаев, когда присутствует показатель неопределенности имени (неопределенный артикль/местоимение):

- (2) *čī₁ hajoyvel₂ gtnel orevē usanoy-i,*
NEG:удаваться:PRF:3SG_{1,2} найти какой-либо студент-DAT
orə khamajayner lrac'nel
который согласиться:CONJ.FUT:3SG заполнить
harc'at'ert'ik-ə
анкета[NOM.SG]-DEF
'Не удалось найти [какого-либо] студента, который согласился бы заполнить анкету'.

Ср.:

- (2a) *et'e usanoy-i-n harc'nek' ardyok'*
если студент-DAT-DEF спрашивать:OPT:2PL ли
na sirum₁ ē₂ sovorel, ankeyc
он любить:PRS:3SG_{1,2} учиться искренний
patasxan ček'₃ stana₄
ответ[NOM.SG] NEG:получить:CONJ.FUT:2PL_{3,4}
'Если вы спросите студента, любит ли он учиться, то не получите искреннего ответа'.

Такое положение вещей заставляет некоторых исследователей выделять в армянской падежной системе генитив; речь

идет о том, что артикль призван «каким-то образом расподобить, сделать их (датель и номинатив — В. К.), во избежание двусмысленности, так или иначе отличными друг от друга» [Туманян 1963: 171]. Представляется, однако, что трактовка такого «расподобления» может быть шире, отражая характер взаимоотношений определенного артикля с падежной системой восточноармянского литературного языка в целом.

3. Номинатив

Номинатив в современном восточноармянском языке не имеет специального аффикса и используется для обозначения субъекта, а также неодушевленного прямого объекта.

Анализ материала корпуса показывает, что у номинатива в роли субъекта артикль присутствует в абсолютном большинстве случаев, даже если нет никаких указаний на определенность имени:

- (3) *sar-ə sar-i-n č̣i₁ handipi₂*
 гора[NOM.SG]-DEF гора-DAT-DEF NEG:встретиться:CONJ.FUT:3SG_{1,2}
mard-ə mard-u-n
 человек[NOM.SG]-DEF человек-DAT-DEF
khandipi
 встретиться:CONJ.FUT:3SG
 ‘Гора с горой не встретится, человек с человеком встретится’.

Определенный артикль у номинатива в функции субъекта может отсутствовать только в тех случаях, когда

1. присутствует неопределенный артикль / местоимение *yurak'anč'ur*, *amen* ‘каждый’, *inč'* ‘какой’, *orevē* ‘какой-либо’, *aynpisi* ‘такой’;

- (4) *Heto inj motec'av mi kin*
 Затем я подойти:aor:3SG IND женщина[NOM.SG]
 ‘Затем ко мне подошла [одна] женщина’.
- (5) *hima amen hay partavor ē*
 теперь каждый армянин[NOM.SG] обязан COP:3SG
moʻanal anjnakan šah-er-ə
 забыть личный выгода-PL-DEF[NOM]
 ‘Теперь каждый армянин обязан забыть личную выгоду’.

Ср.:

- (5a) *hima hay-ə partavor ē*
 теперь армянин[NOM.SG]-DEF обязан COP:3SG
moʃanal anjnakan šah-er-ə
 забыть личный выгода-PL-DEF[NOM]
 ‘Теперь армянин обязан забыть о личной выгоде’.
2. артикль отсутствует в том случае, если субъект и предикат составляют коммуникативно нечленимое целое.
- (6) *noyember-i kes-er-i-n jyun*
 ноябрь-DAT половина-PL-DAT-DEF снег[NOM.SG]
ekav
 идти:AOR:3SG
 ‘В середине ноября пошел снег’.
- (7) *ays uyut'yamb lurġ*
 этот направление:INS серьезный
ašxatank' ē₁ tarvum₂
 работа[NOM.SG] вестись:PRS:3SG_{1,2}
 ‘Сейчас в этом направлении ведется серьезная работа’.
3. определенный артикль у существительного в составе субъекта может отсутствовать, если речь идет о количественной группе, однако эти случаи требуют отдельного рассмотрения, которое невозможно в пределах данной работы.

Закономерности употребления артикля при номинативе в роли прямого неодушевленного объекта в принципе те же, что и для субъекта, с той лишь разницей, что здесь примеры с артиклем количественно не преобладают, а наличие его действительно должно быть обусловлено приведенными в пункте (1) правилами, ср. (8) и (9).

- (8) *Žirayr-ə girk'-ə*
 Жирайр[NOM.SG]-DEF книга[NOM.SG]-DEF
drec' mi koym
 класть:AOR:3SG один сторона[NOM.SG]
 ‘Жирайр отложил книгу в сторону’.

- (9) *San-Franc'iskoyum inč' es₁ anelu₂?*
Санк-Франциско:LOC что делать:FUT:2SG_{1,2}
Girk' kkardam
книга[NOM.SG] читать:CONJ.FUT:1SG
'Что ты будешь делать в Сан-Франциско? — Читать книги'
(=заниматься чтением книг).

То есть, если нет какого-либо указания на определенность или, наоборот, существительное не сопровождается неопределенным артиклем/местоимением, то в роли прямого объекта выступает неоформленное имя, и в этом случае речь вновь идет о коммуникативно нечленимом целом.

Неоформленное имя как в роли субъекта, так и в роли прямого неодушевленного объекта неререферентно и не обладает актантной самостоятельностью [Donabedian 1993; Донабедьян 2010].

В рассмотренных выше примерах в основном встречаются формы существительных без аффикса множественного числа. Однако исследование материала показывает, что для форм множественного числа действуют те же закономерности.

Таким образом, мы видим, что при попытке описания употребления артикля с формами номинатива и датива получается три разных набора правил, не полностью совпадающих между собой и не всегда соответствующих правилам, которые приведены в пункте (I) и описывают различные типы определенности имени. По-видимому, категория определенности не является основной или, по крайней мере, единственной отправной точкой при описании функционирования определенного артикля в современном восточноармянском литературном языке. В то же время, для всех «наборов правил» общим остается запрет на определенный артикль в случае наличия показателя неопределенности. Следовательно, семантика определенности, несмотря на некоторые противоречия, сохраняется за артиклем.

Мы видим, что определенный артикль действует только в сфере основных актантов — субъекта и прямого и непрямого объектов (бенефактив, пациенс, адресат и т. п.). При посессивном определении артикль невозможен. В остальных случаях, если нет показателей неопределенности и речь не идет о неоформленном имени / имени, оформленным только аффиксом плюралиса

в составе коммуникативно нечленимого высказывания, артикль необходим.

Из всего выше сказанного можно сделать предварительный вывод о том, что определенный артикль в современном восточноармянском языке обладает специфической функцией, связанной, в первую очередь, с маркированием основных актантов, как следствие — с референтностью и уже в третью очередь — с определенностью, при том что диахронически семантика аффикса *-ə/-n* развивалась в обратной последовательности: посессивность/указательность > определенность > референтность > показатель основных актантов.

Список условных сокращений

AOR — аорист; CONJ — конъюнктив; COP — копула; DAT — датив; DEF — определенный артикль; FUT — будущее время; IND — неопределенный артикль; INS — инструменталис; NEG — отрицание; NOM — номинатив; OPT — оптатив; PL — множественное число; PRF — перфект; PRS — презенс; SG — единственное число.

Литература

- Донабедьян 2010 — А. Донабедьян. Неформленный субъект в западноармянском языке — к вопросу о неаккузативности // Вопросы языкознания 1, 2010. С. 24–45.
- Крылова 2011 — В. А. Крылова. Энклитические частицы *-s, -d, -n* в древнеармянском языке // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 1, 2011. С. 159–168.
- Туманян 1963 — Э. Г. Туманян. Артикли в современном армянском языке. М. — Ереван, 1963.
- Donabédian 1993 — A. Donabédian. Le pluriel en arménien moderne // Faits de Langues 2, 1993. P. 179–188.

О. В. Кузнецова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**АСПЕКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ГУРО
(базовые глагольные конструкции)¹**

В языке гуру (< южные манде < манде < нигер-конго), помимо сегментных показателей глагольных конструкций, широко распространены супraseгментные (тональные) показатели. В частности, чередования тонов на глагольной основе участвуют в выражении видо-временных значений и полярности [Кузнецова 2007]. В Таблице 1 полужирным шрифтом помечены конструкции, в которых лексические тоны глагола заменяются на грамматические. В большинстве случаев изменение тона сочетается с сегментными приглагольными показателями, однако форма перфектива маркируется только тональными изменениями.

Таблица 1. Базовые глагольные конструкции

	Утверждение	Отрицание
Перфектив	S $\emptyset$ O V-/	S <i>ká</i> O V <i>lē lō</i>
Имперфектив	S <i>é</i> O V-suff1	S <i>ká</i> O V-suff₂ <i>lō</i>
Ирреалис	S <i>é</i> O V- $\emptyset$	<i>tē</i> S O V- $\emptyset$ <i>lō</i>
Прогрессив	S <i>à</i> O V- <i>nâ</i>	S <i>ká</i> O V- <i>nâ</i> <i>lō</i>
Результатив	S <i>à</i> <i>é</i> V-lī	S <i>ká</i> <i>é</i> V-lī <i>lō</i>

1. Перфектив

В сочетании с динамическими предельными глаголами перфективная конструкция обозначает достижение предела либо всю ситуацию в целом, без обращения к ее внутренним стадиям (1). Часто, хотя и не обязательно, перфектив обозначает актуальное для говорящего событие, результат которого сохраняется в момент речи. С неопределенными глаголами он имеет лимитативное значение, т. е. обозначает длительную ситуацию, ограниченную

---

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>), проект А-07 «Полевое исследование языков манде Гвинеи и Кот-д'Ивуара».

во времени (2). В обоих случаях перфективная конструкция по умолчанию имеет референцию к прошлому.

(1) *Tālá kǒ dǒ.*
Тра дом строить.PFV
'Тра построил дом'.

(2) *Yílé ī lē lé tā.bǐ.*
Ирие 2SG POSS ребенок присматривать.PFV
'Ирие поприсматривала за твоим ребенком'.

Однако перфектив может обозначать и серединную фазу ситуации. Для предельных динамических глаголов часто бывают возможны две интерпретации перфективной конструкции: достижение предела (в прошлом) или нахождение в результирующем состоянии (в настоящем).

(3) *Tālá kō lē fálá*
Тра 1PL.EX POSS деревня
zī lé síá.
дорога перед брат.PFV
'Тра стал во главе (досл. забрал перед дороги) нашей деревни'. / 'Тра руководит нашей деревней'.

Глаголы, описывающие положения в пространстве (*yǎlá* 'сидеть/садиться', *tǎ* 'приклоняться', *yíá* 'лежать/ложиться', *dùù* 'повиснуть/висеть') и физические или интеллектуальные состояния (*wǎlé jì yǎá* 'быть уставшим/устать', *bílí wō* 'верить/поверить', *jǐ dǒdǒ* 'знать/узнать', *yī* 'знать, видеть/увидеть', *lǎlǎ* 'быть согласным с кем-л./соглашаться с кем-л.')

в перфективе как правило обозначают именно серединную фазу ситуации и имеют референцию к настоящему.

(4) *bā dǔ yílí bē là.*
летучая.мышь висеть.PFV дерево рука сверху
'Летучая мышь висит на ветке дерева'.

Динамическая интерпретация этих глаголов (соответственно, изменение положения в пространстве и вхождение в физическое или интеллектуальное состояние) главным образом проявляется в сочетании с другими видовыми граммемами, а в перфективной конструкции возможна лишь в сильном контексте.

Таким образом, перфективная конструкция в гуру проявляет черты фактатива [Welmers 1973: 346–347], аспектуального кластера, совмещающего в себе перфективные и дуративные значения. Считается, что фактатив выражает видовое значение, наименее маркированное по отношению к аспектуальному классу глагола, и часто выражается глагольной формой, наименее маркированной в формальном плане. В этом отношении перфективная конструкция в гуру также проявляет сходство с фактативом, поскольку в ней в позиции при подлежащем используется нулевой маркер, а при глагольной показателе имеет несегментную природу.

2. Результатив

Результатив происходит из локативной конструкции со связкой *à* (5), где позицию второго элемента занимает герундий (6). Он обозначает состояние, наступившее в результате обозначаемого глаголом действия. В отличие от других базовых конструкций результатив не может быть переходным (так, пример (6) представляет собой результатив от переходного глагола, но в нем не может быть выражен агентивный участник).

(5) *Kǔ à é fúú.*
дом COP PR белый
'Дом белый'.

(6) *Cé à é lílì-lì.*
огонь COP PR тушить-GER
'Огонь потух' / 'Огонь был потушен'.

Результатив по своей семантике близок к перфективу, и во многих контекстах эти конструкции взаимозаменяемы. Определенные различия между результативом и перфективом проявляются в плане взаимодействия с обстоятельствами времени: такие обстоятельства либо вообще не сочетаются с результативом, либо относятся к результирующему состоянию, в то время как у перфектива они могут относиться к подсобытию вхождения в состояние.

(7) *Tālá gǎ yǐ.*
Тра умирать.PFV вчера
'Тра вчера умер'.

- (8) **Tālá à é gā-lī yī.*
 Тра COP PR умирать-GER вчера
 Ожид.: ‘Тра вчера умер’.
- (9) *Cé bí yī.*
 огонь загораться.PFV вчера
 ‘Огонь вчера загорелся’. / ‘Огонь вчера (по)горел’.
- (10) *Cé à é bí-lī yī.*
 огонь COP PR загораться-GER вчера
 ‘Огонь вчера горел’.

Кроме того, результатив не может быть образован от некоторых непереходных (*bāà* ‘дурачиться’, *būū* ‘испражняться’, *dūnū* ‘стонать’, *fīnī* ‘отдыхать’, *yēē* ‘идти (кому-л.)’, *pūā* ‘рыгать’) и непереходных переходных глаголов (*bē* ‘ждать’, *būlū* ‘бежать’, *dōō* ‘знать’).

3. Прогрессив

Прогрессив происходит из локативной конструкции со связкой *à* и имени места *-lā*. Он обозначает серединную стадию ситуаций (11). В сочетании с ситуациями, которые с точки зрения языка вообще не имеют длительности, прогрессив обозначает подготовительную стадию, т. е. имеет проспективное значение (12). Прогрессивные конструкции по умолчанию (т. е. в отсутствии временных обстоятельств, придаточных или широкого контекста, которые задавали бы другую точку отсчета) имеют референцию к моменту речи.

- (11) *Lī à fē bīlī-lī dōlē-lā.*
 женщина COP вещь есть-GER готовить-PROG
 ‘Женщина (сейчас) готовит еду’.
- (12) *Bālā à fāā-lā.*
 мяч COP лопаться-PROG
 ‘Мяч вот-вот лопнет’.

Прогрессивная конструкция может быть образована практически от всех глаголов. Известны только два исключения, *bēlī* ‘промахиваться’ и *būū* ‘промахиваться’. Это пунктивные глаголы, обозначающие действия, у которых невозможно наблюдать подготовительную стадию.

4. Имперфектив

Имперфектив объединяет аспектуальные и модальные значения, относящиеся к действиям, не привязанным к конкретному времени, таким как указания на свойства, умения или (не)возможность осуществления действия (13), генерические утверждения и повторяющиеся действия (14), оптатив (15).

- (13) *Sébé jē fēē bē è*
 бумага бить вещь DEF 3SG.SBJ
ká sébé já lō.
 NEG бумага бить.IPFV NEG
 ‘Эта ручка не пишет’.

- (14) *Ā yē bēlēí cī yā.*
 1SG.IPFV>3SG видеть.IPFV время определенный COM
 ‘Я его часто вижу’.

- (15) *Í gō yíá lē cōb í wólé jì*
 2SG.IPFV идти.IPFV спать SUP сегодня 2SG кость в
yà-ì lē.
 кончаться-GER перед
 ‘Ты (сегодня) должен пойти спать прежде чем ты устанешь’.

Также имперфективная конструкция обозначает действия, относящиеся к будущему:

- (16) *Wòb ká yá-lá pá-à tēlè lō.*
 3PL.IPFV NEG работа ставить-IPFV завтра NEG
 ‘Они не будут завтра работать’.

5. Ирреалис

Конструкция ирреалиса используется для обозначения локутивной модальности: императива, прохибитива, оптатива, гортатива, адмонитива.

- (17) *Vò-lī dól é kēlē bēlēí fáá*
 оставаться-GER холод IRR делать время все
và í zē yā.
 у 2SG собственность COM
 ‘Будь здоров всегда!’

Она также может выражать контрфактическое условие и используется в зависимых предикациях. В частности, эта конструкция очень часто употребляется после консекитивного союза *yē*, заменяя в этом контексте конструкцию имперфектива и выражая присущие ей значения: *хабитуалис*, возможность, будущее время.

- (18) *Dè è à vǔ é dǝ-lī*
 когда 3SG.SBJ 3SG.NSBJ оставлять.PFV PR останавливать-GER
cé lā yē sī kú túlú
 огонь на затем пальмовое.семя этот гриб
é bhǝ yī fíé yī yāá bǝlǝ lǝ.
 IRR приходить день два день три между в
 {Рассказ о приготовлении пальмового масла:} ‘Она остав-
 ляла их [пальмовые семена] лежать у костра, и через два
 или три дня в этих пальмовых семенах прорастали грибы’.

Показатель *é*, участвующий в оформлении имперфективной и ирреальной конструкций, связан с выражением ирреальности в самом широком понимании. Ирреальная конструкция обозначают ситуации, которые не имеют места в реальном мире. Имперфективная конструкция имеет некоторые модальные значения, связанные с описанием нереальных ситуаций (оптатив), может обозначать ситуации в будущем, а также *хабитуальные* ситуации. Ирреальная природа *хабитуалиса* «связана как с нереперентностью аргументов *хабитуальной* ситуации, так и с тем, что всякое *хабитуальное* высказывание является, вообще говоря, гипотезой, построенной на индуктивном обобщении отдельных известных говорящему эпизодов» [Плунгян 2004: 16].

Итак, в языке гуру базовые глагольные конструкции в первую очередь выражают аспектуальные и модальные значения. У конструкций существует дефолтная временная интерпретация (которая в отдельных случаях зависит от акциональной характеристики глагольной лексемы), однако она может быть изменена благодаря временным обстоятельствам или более широкому контексту.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; COM — комитатив; COP — связка; DEF — определенный артикль; EX — эксклюзивное местоимение; GER — герундий;

IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; NEG — отрицание; NSBJ — не-субъектная серия личных местоимений; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PR — предлог; PROG — прогрессив; SBJ — субъектная серия личных местоимений; SG — единственное число; SUP — супин.

Литература

- Кузнецова 2007 — О. В. Кузнецова. Морфология глагола в языке гуро // Т. М. Гавристова (ред.). Африка: история, экономика и политика, культура: Сборник материалов VI Всероссийской школы молодых африканистов. 24–25 октября 2007. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 101–106.
- Плунгян 2004 — В. А. Плунгян. Предисловие // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 9–27.
- Welmens 1973 — W. Welmens. African Language Structures. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press.

Е. Л. Кушниц

РГГУ, Москва

МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ ЯУРЭ (ЮЖНЫЕ МАНДЕ)

1. Введение

В языках семьи манде прилагательные в разной степени отделимы от других частей речи. В западных манде, например, в бамана, наиболее изученном из всех языков манде, прилагательные выделяются в отдельный класс, но этот класс не такой многочисленный и является в некотором смысле периферийным по отношению к так называемым «квалитативным глаголам», которые могут рассматриваться как подкласс глаголов или особая часть речи (см. [Выдрин 2004]).

В языках южной группы семьи манде наблюдается иная ситуация. Здесь прилагательные образуют достаточно хорошо отделимый класс со своими морфологическими и синтаксическими особенностями. О прилагательных в других южных манде см. [Kotchmar 2007] (язык гбан) и [Выдрин 2010] (дан-гуэта).

Целью данного исследования было изучение синтаксических и морфологических свойств прилагательных в языке яурэ. Этот аспект грамматики яурэ не был описан ранее, однако имеется работа Н. В. Кузнецовой [Кузнецова 2010], посвященная прилагательным в языке гуро, наиболее близком к яурэ.

В нашей работе было исследовано примерно 90 прилагательных языка яурэ, материал был собран во время экспедиции в Кот д'Ивуар в августе-сентябре 2011 года.

2. Критерии выделения прилагательных

Слова с квалитативной семантикой в языке яурэ могут принадлежать к разным частям речи — это могут быть существительные с суффиксом деятеля (например, *kùàzà* 'ленивый'), квалитативные глаголы (например, *sá* 'быть прочным'), регулярно образующиеся герундивные формы большинства глаголов (*srèdì* 'испорченный') или же собственно прилагательные.

Языки манде аналитические, в них отсутствует согласование, и поэтому основным критерием выделения прилагательных как частей речи мы будем считать синтаксический, то есть способность выступать в определенных синтаксических позициях (о критериях выделения прилагательных см. [Dixon 2006]).

Все прилагательные проверялись на возможность выступать в следующих контекстах (в квадратных скобках даны схемы конструкций, где X — определяемое слово, Y — прилагательное, Z — глагол):

1. Атрибутивная позиция [X Y]
2. Предикативная позиция [X à Y] (à — копула)
3. Предикативно-предложная [X à é Y] (é — предлог)
4. Предикативно-последложная [X à Y à]
5. Предикативная с предложно-последложной рамкой [X à é Y à]
6. Вторичная предикация (депиктив) [X Z Y]

3. Морфология

Прилагательные, состоящие из одной фонологической стопы, могут иметь любую (из возможных в языке) слоговую структуру: CV, CLV или CVLV. Однако большинство «прототипических прилагательных» состоят более чем из одной стопы и являются немотивированными редуplikатами (примерно 40 из 90 прилагательных). Например: *tròdrò* (*trò) ‘прохладный’, *flàgǎflàgǎ* (*flàgǎ) ‘шумный’. К ним могут добавляться деривационные суффиксы: *lǎlǎ* (*lǎ) ‘плохой, злой’.

Имеются и мотивированные редуplikаты:

<i>lòúlòú</i> ‘высокий’	<i>lòú</i> ‘высота’
<i>yráyrá</i> ‘горький’	<i>yrá</i> ‘гнев’
<i>tédédà</i> ‘горячий’	<i>té</i> ‘огонь’
<i>trádrá</i> ‘низкий’	<i>trá</i> ‘низ’
<i>wèwèyà</i> ‘соленый’	<i>wè</i> ‘соль’
<i>wléwléà</i> ‘костлявый’	<i>wlé</i> ‘кость, зерно’

При редуplikации, как мы видим, происходит озвончение первого согласного. В частности, было замечено, что в редуplikированных формах появляется фонема /ʒ/, которая является весьма маргинальной (и не упоминалась до этого в фонологических описаниях — см. [Hopkins 1982]).

От некоторых прилагательных, в свою очередь, при помощи редупликации могут образовываться формы интенсива и множественного числа:

léá lóú ‘толстый агуги’ → *léá lóúlóú* ‘много толстых агуги’
bě̀dà dā ‘большой банан’ → *bě̀dà dādā* *(lù) ‘большие бананы’
libò šéi ‘красивая женщина’ → *libò šéižéi* ‘очень красивая женщина’

Формы диминутива образуются при помощи присоединения суффикса *lé*, изначально означающего ‘ребенок’. К некоторым прилагательным их присоединять обязательно: *bùlèlé* (*bùlè) ‘низкий и толстый’, *céjèlé* (*céjè) ‘взрослый’, *tòblé* (*tòb) ‘короткий’, *wéilé* (*wé) ‘маленький’, *tròblé* (*tròb) ‘худой’.

Указанные формы на *lé* встречаются только в атрибутивной позиции, в предикативной выступает форма на *ló*:

(1a) *è kó wéilé yí*
 3SG.SBJ дом маленький видеть.ACC
 ‘Он увидел маленький дом’.

(1b) *kó à wéiló*
 дом COP маленький
 ‘Дом маленький’.

Если редуплицированная форма образуется от прилагательного с диминутивным суффиксом, то повторяется только его первая часть: *wéiwéilé* (*wéiléwéilé) ‘очень маленький’

4. Синтаксис

Наиболее прототипической синтаксической позицией для прилагательных считается атрибутивная, поэтому все потенциальные прилагательные, которые встречаются в этой позиции, следует считать прилагательными. В частности, это отличает прилагательные от других качественных слов в гуру (см. [Кузнецова 2010]) Тем не менее, имеются и другие диагностические критерии для прилагательных, в частности способность выступать в предикативной позиции без предлога и послелога. Соответственно, предикативно-послеложная позиция оказалась более стандартной для существительных, а предикативно-предложная — для герундивных форм глагола.

Таким образом, все исследованные слова с качественной семантикой можно поделить на классы, которые мы будем условно называть А, S, V и г.

А — прототипические прилагательные, они выступают в предикативной позиции без адлогов.

S — прилагательные, близкие по свойствам к существительным (или являющиеся ими?), они выступают в предикативно-последложной позиции. Образуются при помощи суффикса *-zà*, обозначающего имя деятеля.

V — формы глагола, выступающие в предикативно-предложной позиции. Образуются при помощи суффикса герундия *-dì*.

г — «исключения», в частности, те прилагательные, которые выступают только в предложно-последложной рамке.

Сразу следует оговориться, что на самом деле S и V все-таки не следует считать прилагательными по синтаксическому критерию, и кроме того, они образуются (почти всегда) регулярно от глагольных и именных основ: *lǎ̀wìzà* ‘честный’ (*lǎ̀wì* ‘истина’); *kòádì* ‘клейкий’ (*kòá* ‘клеить’).

Как правило, три предикативные позиции являются взаимоисключающими, т. е. исследуемое слово обычно может встречаться только в одной из них (2)–(4), хотя есть и исключения (5):

- (2а) *s̀*   *à*   *k̀pìgb̀lì*
 ткань   COP   плотный
- (2б) **s̀*   *à*   *é*   *k̀pìgb̀lì*
 ткань   COP   PREP   плотный
- (2в) **s̀*   *à*   *k̀pìgb̀lì*   *à*
 ткань   COP   плотный   COM
- (2г) **s̀*   *à*   *é*   *k̀pìgb̀lì*   *à*
 ткань   COP   PREP   плотный   COM
 ‘Ткань плотная’.
- (3а) *Yao*   *à*   *k̀v̀z̀z̀*   *à*
 Яо   COP   ленивый   COM
- (3б) *Yao   *à*   *k̀v̀z̀z̀*
 Яо   COP   ленивый
- (3в) *Yao   *à*   *é*   *k̀v̀z̀z̀*
 Яо   COP   PREP   ленивый

(3г) *Yao à é kùǵzǵ à
 Яо COP PREP ленивый COM
 ‘Яо ленивый’.

(4а) *sì à é kòádì*
 соус COP PREP клейкий

(4б) *sì à kòádì
 соус COP клейкий

(4в) *sì à kòádì à
 соус COP клейкий COM

(4г) *sì à é kòádì à
 соус COP PREP клейкий COM
 ‘Соус клейкий’.

(5а) *kǵ à tǵ*
 дом COP пустой

(5б) *kǵ à tǵ à*
 дом COP пустой COM

(5в) *kǵ à é tǵ*
 дом COP PREP пустой

(5г) *kǵ à é tǵ à
 дом COP PREP пустой COM
 ‘Дом пустой’.

Видимо, в примере (5б) имеет место конверсия — здесь слово *tǵ* выступает как существительное, тогда как в примере (5а) — как прилагательное.

Что касается примера (5в) — видимо, здесь мы имеем дело не с тем же самым *é*, которое встречается в случаях с герундием (4а). Возможно, в конструкциях с герундием выступает рефлексивное местоимение, в таком случае это можно проверить, поставив существительное во множественное число. И действительно, единственное число местоимения меняется на множественное:

(6) *sì-lǵ à ó kòádì*
 соус-PL COP 3PL.RFL клейкий
 ‘Соусы клейкие’.

- (7) *yìbǎ à trǎlǎ-né à*
дерево COP тонкий-DIM COM
'Дерево тонкое'.

Однако значение предлога *é* вычленить не удастся, ибо он встречается исключительно в предикативных конструкциях с прилагательными.

Что же касается депиктивной позиции, то следует сказать, что далеко не все прилагательные, проходящие по другим критериям, даже с подходящей семантикой (подробнее о депиктивных конструкциях см. [Himmelman, Schultze-Berndt 2006]), могут употребляться в качестве вторичного предиката:

- (8) **è bǝdà bì plǎ*
3SG.SBJ банан есть.ACC незрелый
Ожид.: 'Он съел банан незрелым'.
- (9) *è lìbǝ yí sǝp*
3SG.SBJ женщина видеть.ACC красивый
'Он увидел женщину красивой'.

В связи с этим способность выступать в качестве депиктива не следует считать диагностическим контекстом для прилагательных.

5. Заключение

Итак, мы видим, что прилагательные в языке яурэ представляют собой весьма четко очерченный, хоть и не очень многочисленный класс. Основной морфологической особенностью этого класса является способность к редупликации, а основное его синтаксическое свойство — это способность выступать в атрибутивной и предикативной позициях.

Список условных сокращений

3 — лицо; ACC — совершенный вид; COM — комитативный послелог; COP — копула; DIM — диминутив; PL — множественное число; PREP — предлог; RFL — рефлексив; SBJ — подлежащее; SG — единственное число.

Литература

Выдрин 2004 — В. Ф. Выдрин. И опять — части речи в бамана // А. П. Володин (ред.). Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 145–173.

- Выдрин 2010 — В. Ф. Выдрин. Синтаксис и семантика прилагательных в дан-гуэа (южные манде) // Проблемы грамматики и типологии: Сборник статей памяти В. П. Недеялкова (1928–2009). М.: Знак, 2010. С. 77–105.
- Кузнецова 2010 — Н. В. Кузнецова. «Квалитативные слова» в гуро, рукопись, 2010.
- Dixon 2006 — R. M. W. Dixon. Adjective Classes in Typological Perspective. Oxford: OUP, 2006.
- Himmelman, Schultze-Berndt 2006 — N. P. Himmelman, E. P. Schultze-Berndt. Secondary Predication and Adverbial Modification: Typology of Depictives. Oxford: OUP, 2006.
- Hopkins 1982 — В. Hopkins. Etude tonologique du yaouré // Cahiers Ivoiriens de Recherches Linguistiques 11. Abidjan: Institut de Linguistique Appliquée, 1982. P. 7–41.
- Kotchmar 2007 — E. Kotchmar. La morphologie des adjectifs en gban // Mandenkan 43, 2007. P. 3–11.

А. Б. Летучий
НИУ ВШЭ, Москва

СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ АКТАНТЫ: АКТАНТЫ ИЛИ НЕТ?¹

Термин «сентенциальные актанты» обозначает конструкции, занимающие позицию актанта при глаголе, но при этом представляющие собой не именную группу, а клаузу или близкую к ней единицу, например:

- (1) *Я знаю Васю очень давно.* (именная группа)
- (2) *Я знаю, что Вася не придет.* (сентенциальный актант).

Сентенциальные актанты обладают некоторыми свойствами, общими с актантами-именными группами: в частности, можно говорить об их семантической роли. Зачастую это роль Темы или Содержания по [Апресян 1969], как в (2) однако не всегда, ср. пример (3):

- (3) *То, что он опоздал на поезд, спасло его от гибели.*

В (3) сентенциальный актант имеет роль Каузатора или Причины.

Кроме того, сентенциальные актанты обладают и некоторыми синтаксическими свойствами именной группы — в частности, глагол, имеющий СА на месте прямого дополнения, способен к пассивизации, и сентенциальный актант при этом из подлежащего становится агентивным дополнением в инструментале:

- (4) *Меня шокировали папины слова.*
- (5) *Меня шокировало то, что никто меня не поддержал.*
- (6) *Я был шокирован папиными словами.*
- (7) *Я был шокирован тем, что меня никто не поддержал.*

---

¹ Исследование проводилось в рамках гранта президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук МК-3522.2010.6.

В работе мы разберем некоторые другие свойства и укажем на различия между именными и сентенциальными актантами. Отметим, что в работе [Munro 1982] был предпринят такой сравнительный анализ в типологической перспективе, но он касался преимущественно зависимых глаголов речи.

Рассматриваться будут сентенциальные актанты с показателями *что* и *то, что*, а также содержащие глагол в инфинитиве.

1. Актанты отадъективных имен

Практически при всех существительных, образованных от прилагательных возможны следующие соотносительные конструкции:

- (8) *важное сообщение — это сообщение важно — важность сообщения.*
- (9) *необходимые меры — эти меры необходимы — необходимость этих мер.*

Тем самым, именной актант, определяемый полным прилагательным и занимающий позицию подлежащего в конструкции с кратким прилагательным и связкой, становится при отадъективном существительном генитивным зависимым.

Напротив, если подлежащим в конструкции с кратким прилагательным является сентенциальный актант, конструкция с отадъективным существительным чаще всего невозможна:

- (10) *важно все сделать вовремя — *важность все сделать вовремя.*
- (11) *необходимо, чтобы присутствовал Иванов — *необходимость, чтобы присутствовал Иванов.*

Вполне возможно, что неграмматичность примеров типа (10) и (11) связана с отсутствием конструкций с полным прилагательным и сентенциальным актантом типа **необходимое то, чтобы приехал Иванов*. Так или иначе, именные и сентенциальные актанты различаются по данному критерию.

При ряде прилагательных инфинитивные зависимые все же возможны:

- (12) *необходимо учитывать все факторы — необходимость учитывать все факторы.*

Заметим, что при глаголах сентенциальные актанты, содержащие глагол в инфинитиве, свободно поддаются трансформации с образованием отглагольного имени, (в этих случаях СА выполняют обычно роль дополнения, а не подлежащего при исходном глаголе).

- (13) — *Не мы принимали решение уходить, и не нам оспаривать его годы спустя, — сказал вождь.* [Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)].
- (14) *Странное это удовольствие: притопить ближнего, — ведь сидело же внутри меня знание, что Ваганетову влетит за казаха, — а потом тянуть к нему спасительную руку.* [Александр Щербаков. Пах антилопы // «Октябрь», 2002].

2. Конструкции с полувспомогательными глаголами

Еще одним тестом, показывающим различие между именными и сентенциальными актантами, являются конструкции с глаголами типа *(по)казаться, оказаться, считаться* и т. д., которые зачастую называют **полувспомогательными**. Мы рассматриваем эти конструкции в их соотношении с более простыми конструкциями без полувспомогательного глагола, ср. (15)–(16), где в исходной конструкции и конструкции с *оказаться* выступает именное актант, и (17)–(18) с сентенциальным актантом:

- (15) *Научное открытие невозможно без длительных опытов.*
- (16) *Научное открытие оказалось невозможно/невозможным без длительных опытов.*
- (17) *Невозможно открыть новые законы, не зная старых².*
- (18) *Невозможно оказалось открыть новые законы, не зная старых.*

Различие в поведении именных и сентенциальных актантов заключается в том, что в конструкции с сентенциальным актантом

---

² Здесь мы сознательно не ставим вопрос о том, чем является сентенциальный актант в конструкциях типа *Важно (было) все сделать правильно*: подлежащим связки, дополнением при предикативе *важно* или чем-то еще.

прилагательные реже, чем в конструкции с именным актантом, переходят в полную форму при добавлении полувспомогательного глагола:

- (19) *Прикидывать было нетрудно, а говорить с ним оказалось **невозможно**; это Аля поняла сразу, как только услышала его голос в трубке.* [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)] (сентенциальный актант, сохраняется краткая форма)
- (20) *Достижение этой близкой звезды оказалось **невозможным** из-за громадных перекрещивающихся метеорных потоков <...>.* [И. А. Ефремов. Туманность Андромеды (1956)] (именной актант, переведен в полную форму)

В Таблице 1 приводятся данные по Национальному корпусу русского языка для конструкций *оказалось невозможно* и *оказалось невозможным*. Легко видеть, что доля именных актантов возрастает в конструкциях с полным прилагательным.

Таблица 1. Конструкции с предикативом и с полным прилагательным.

	сентенциальные актанты	именные актанты ³
<i>оказалось невозможно</i>	50	1 (2% от числа сентенциальных)
<i>оказалось невозможным</i>	81	15 (19%)

Отмеченное различие не вытекает из каких-либо жестких запретов, а носит статистический характер, но все же весьма заметно. Для *оказалось невозможно* именные актанты встречаются в 50 раз реже, чем сентенциальные, а для *оказалось невозможным* — немногим более чем в 5 раз.

Объяснить эту разницу в типах актантов противопоставлением между предикативами типа *Здесь невозможно работать* и прилагательными типа *Восстановление данных невозможно* нельзя. Даже у прилагательного *приятно*, для которого, согласно [Сай 2011], можно считать обоснованным постулировать одну лексему (прилагательное) во всех употреблениях, наблюдается та же асимметрия:

³ Из подсчета исключаются случаи с подлежащим-местоимением типа *Это оказалось невозможно*.

- (21) *Ему показалось приятно открыть что-нибудь новое и продемонстрировать друзьям.*
- (22) *Ему показалось приятно, что и о нем вспомнили.*
- (23) *²Васе (но)казалось приятно соседство академика / это свойство его брата.*

Впрочем, корпусной материал для данного сочетания слишком незначителен, чтобы делать какие-либо далеко идущие выводы.

Рассматриваемая конструкция не только противопоставляет сентенциальные актанты именным, но и выявляет различия внутри группы сентенциальных актантов. СА с маркером *то, что* оказываются явно ближе к именным актантам, чем СА с инфинитивом или показателем *что*: пример (24) звучит явно лучше, чем (25), хотя возможны оба.

- (24) *То, что о нем вспомнили, показалось ему приятным.*
- (25) *То, что о нем вспомнили, показалось ему приятно.*

3. Пассивизация

Как было сказано выше, конструкции с сентенциальными актантами способны к пассивизации. Однако, как оказывается, это необычная пассивизация.

Сравним данные о встречаемости в Корпусе двух конструкций: аналитический пассив от глаголов с именным дополнением и от глаголов с сентенциальным дополнением.

- (25) *Тогда же умными людьми было замечено, что сплошное единомыслие — не всегда несёт экономическую выгоду, иногда совсем наоборот.* [Василь Быков. Лесное счастье (1985–1995)].
- (26) *Маршрут был выработан господином из Сан-Франциско обширный.* [И. А. Бунин. Господин из Сан-Франциско (1915)].
- (27) *Когда построенная в 1735 г. химическая лаборатория на 5-й линии Васильевского острова пришла в ветхость, Коммерц-коллегией было решено построить новую лабораторию.* [П. Лукьянов. Первые химические лаборатории в России // «Химия и жизнь», 1966]

В качестве примеров глаголов с сентенциальным дополнением возьмем глаголы *сказать*, *доказать* и *решить*, а в качестве глаголов с именным дополнением — *разрушить*, *построить* и *создать*.

В Таблице 2 указана встречаемость пассивных конструкций в целом и конструкций с агенсом, выраженным творительным падежом.

Таблица 2. Процент пассивных конструкций с выраженным агенсом

	всего	с выраженным агенсом
<i>сказать</i>	427	1 (0,23% пассивных конструкций)
<i>доказать</i>	86	7 (8,14%)
<i>решить</i>	988	5 (0,51%)
<i>разрушить</i>	426	40 (9,39%)
<i>построить</i>	1642	63 (3,84%)
<i>создать</i>	3140	146 (4,65%)

Тем самым, агенс выражается при пассиве от глаголов с сентенциальных актантов в целом реже, чем при пассивизации глаголов с именным актантом. Хотя в русском языке агенс при пассиве в целом не является обязательным и почти никогда не выражается в русском языке, это различие симптоматично. Наиболее оформленным, ядерным типом пассивных конструкций следует все же считать тип с выраженным агенсом, а следовательно, глаголы с сентенциальным актантом тяготеют все же к периферии пассивных конструкций.

4. Семантическая роль сентенциальных актантов с союзом *что*

Отметим отдельно одну особенность сентенциальных актантов с союзом *что*. В позиции подлежащего переходных глаголов они употребляются почти исключительно в тех случаях, когда глагол обозначает эмоцию, а подлежащее имеет роль Стимула:

- (28) *Меня удивило, что он не пришел.* (Стимул, глагол эмоции).
- (29) **Ситуацию ухудшило, что он не пришел* (Причина/Каузатор, не глагол эмоции).
- (30) *То, что он не пришел, ухудшило ситуацию.*

Данное ограничение, пусть и косвенно, может свидетельствовать о том, что СА с союзом *что* находятся дальше всего от канонических актантов вообще и канонических подлежащих, в частности. Данный тип сентенциального актанта маркирует непрототипическое в семантическом смысле подлежащее (несомненно, Стимул не имеет свойств канонического подлежащего переходного глагола, а глагол не обладает высокой семантической транзитивностью).

5. Заключение

Итак, рассмотренные тесты показывают, что по некоторым параметрам сентенциальные актанты не похожи на именные (или, более конкретно, сентенциальные подлежащие на именные подлежащие). Даже в случаях, когда можно усмотреть аналогию между именным и сентенциальным актантом (*приятно увидеть vs. ласковые слова приятны*), эта аналогия неполная. Так, сентенциальное «подлежащее» не ведет себя так же, как именное. Безусловно, требуется дополнительно анализировать различия между СА глагола и краткого прилагательного/предикатива, однако различия между сентенциальными и именными актантами очевидны и без этого.

Сказанное не означает, что сентенциальные актанты — это не актанты. Безусловно, по ряду критериев (например, обязательности для семантики глагола или почти обязательной выразимости) они соответствуют определению актанта. Однако прямого соответствия между типами СА и типами ИА не существует. И установление того, какие синтаксические роли сентенциальных актантов существует, — дело будущих исследований.

Однако уже сейчас понятно, например, что сентенциальные актанты в русском различаются по своей близости к именным. Актанты, вводимые *то, что*, как показывает допустимость примеров типа *То, что он пришел, показалось мне приятным*, находятся ближе к именным, чем актанты, содержащие инфинитив или вводимые союзом *что*.

Отметим также, что почти все предложенные тесты относятся к области **дериваций** в широком смысле слова, то есть фиксируют возможность/невозможность образования производных конструкций с сентенциальными актантами. Это подтверждает

важность деривативных критериев для установления синтаксического статуса именной группы. Критерии, не связанные с деривациями, могут оказаться менее красноречивыми для данных вопросов.

Литература

- Апресян 1969 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М.: Наука, 1969.
- Сай 2011 — С. С. Сай. «Дативный субъект» в конструкциях с предикативами на -о: присловная зависимость или компонент конструкции // Доклад на круглом столе «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы». СПб., 24–26 марта 2011.
- Munro 1982 — P. Munro. On the transitivity of 'say' verbs // P. J. Hopper, S. A. Thompson (eds.). Studies in Transitivity [Syntax and Semantics 15]. New York: Academic Press, 1982. P. 301–318.

А. Б. Макарова

UiT, Тромсе

**МЕЖДУ ГЛАГОЛОМ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ:
РУССКИЕ СЛОВА ТИПА *БАИНЬКИ***

Принято считать, что все русские слова принадлежат той или иной части речи и распределяются по частям речи без остатка [Алпатов 1990]. Случаи, когда одна и та же языковая единица может попасть в несколько групп, можно пересчитать по пальцам, и то многие предпочтут говорить об омонимии или переходе в другую часть речи: наречия и предлоги типа *кругом*, деепричастия и предлоги типа *благодаря*, прилагательные и существительные типа *столовая* и пр. Есть в русском языке часть речи, объединяющая крайне неоднородные по форме и по значению, единицы — группа междометий. Междометия не относятся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи. Именно к междометиям относит [Шведова (ред.) 1980] слова типа *баиньки* и ставит их в один ряд с *бай-бай*, *баюшки-баю* и пр. Такая интерпретация достаточна, если рассматривать примеры колыбельных типа (1):

- (1) *Баю-баю-баиньки В огороде заиньки* [mamaclub.ru/pap9-012.html]

Однако такая интерпретация представляется несостоятельной для описания примеров (2) и (3):

- (2) *Теперь я совсем не хочу баиньки и у меня намечается интересное бессонное утро до 5 часов.* [kuroji-kun.diary.ru/p130882358.htm]
- (3) *Сегодня вот такие баиньки застала....* [<http://www.mainecoon-forum.ru/showthread.php?p=35481>]

Несмотря на то, что наиболее характерны контексты употребления слова *баиньки* для неформального устного общения, и в особенности для разговоров с детьми и о детях, в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) мы находим 78 вхождений, среди которых примеры из художественной

литературы XIX и XX вв., а запросы на сайтах www.yandex.ru и www.google.com дают тысячи употреблений в самых разнообразных контекстах. Более того, *баиньки* — только одно из гомогенной группы слов, в которую также входят *кушаньки*, *спатеньки*, и *гуленьки*¹. Таким образом, речь идет о фактах языка, заслуживающих отдельного внимания.

Данная работа, в задачи которой входит определение частеречной принадлежности слов типа *баиньки*, — первый шаг в сторону системного описания этих единиц. Для решения вопроса, к какой части речи относятся слова *баиньки* и пр., необходимо провести комплексный анализ морфологических, синтаксических и семантических характеристик исследуемых слов. Материалом для исследования послужили примеры из НКРЯ, www.yandex.ru и www.google.com.

Гипотеза 1. *Баиньки* и другие слова этой группы — глаголы.

Согласно [Шведова (ред.) 1980: §1384] глаголы составляют часть речи, которая обозначает процессы и выражает «это значение в категориях вида, залога, наклонения, времени и лица», а также в некоторых формах числа и рода. Р. Диксон [2010] также указывает, что глаголы являются вершинами предикатов.

Формально слова типа *баиньки* не соответствуют ни одной глагольной форме, более того, у *баиньки* отсутствует полноценная глагольная парадигма (за исключением примеров аналитической временной парадигмы: *будем баиньки*, *был баиньки*). В то же время в поддержку глагольной интерпретации говорит тот факт, что носители языка склонны образовывать полноценные изменяемые глаголы *баинькать*, *кушанькать*, *спатенькать*, что, по всей видимости, свидетельствует о том, что носители ощущают глагольную природу слов типа *баиньки*.

Что касается синтаксических позиций, занимаемых словами типа *баиньки*, то тут больше аргументов в пользу глагольности: *баиньки* используется после предикативного наречия *пора* (*пора спатеньки*), после глаголов движения (*иду баиньки*), однако наиболее принципиальным является тот факт, что слова

---

¹ Слова типа *хиханьки-хаханьки*, *ладушки*, а также *ням-ням*, *прыгскоки* проч. остаются за пределами данного исследования. Схожие по грамматическим свойствам, они не образуют с рассматриваемыми единицами однородного класса.

типа *баиньки* допускают прямое дополнение в аккузативе без предлога:

- (4) *Ммм, в Париже мы будем кушаньки круасанчики и говорить по французски* [maximsbedenko.livejournal.com/46305.html]

Что же касается семантики, то в большинстве примеров слова типа *баиньки* могут быть заменены на смысловые глаголы (*спать, есть*) без принципиального изменения содержания высказывания.

Сложными для анализа оказываются такие примеры как (5), где глагольная интерпретация неоднозначна и допускается именная трактовка:

- (5) *все пропылесосено, шторки повесила, кушаньки приготовила* [firexia.blog.ru/97495651.html]

Такие примеры заставляют нас рассмотреть следующую гипотезу:

Гипотеза 2. *Баиньки* и другие слова этой группы — существительные.

Существительные, согласно [Шведова (ред.) 1980: §1121] обозначают предмет и выражают «это значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода», к тому же типичные существительные занимают в предложении аргументные позиции [Dixon 2010].

С точки зрения морфологии, *баиньки* могли бы соответствовать род. ед., им. мн. (ср. *пареньки, ступеньки*), более того, у этих слов много общего с диминутивами, в том числе и сфера употребления (ср. *ноженьки*). Отсутствие парадигмы для существительных менее экзотично, чем для глаголов (ср. *кофе, цунами*).

Синтаксически *баиньки* редко похожи на существительные, однако зафиксированы отдельные случаи их употребляются с определителями (см. пример (3)) и с предлогами (см. пример (6)). Носители языка, по всей видимости, стремящиеся избегать грамматических неоднозначностей, окказионально «достраивают» парадигму на первый взгляд неизменяемых слов:

- (6) *Олеся, с кушанькой пока осторожно* [http://wap.frenchbulldog.borda.ru/?1-15-20-00001217-000-10001-0]

Баиньки и другие слова исследуемой группы также употребляются в позиции прямого дополнения:

(7) *я тоже пришла, приготовила кушаньки* [http://eva.ru/static/forums/49/2004_9/195288.htm]

Что касается семантики, то в примере (6) вместо слова *кушаньки* наиболее естественно использовать полнозначное существительное *еда*, а вот пример (7), хоть и допускает замену на существительное *еда*, не имеет однозначной трактовки, замена *кушаньки* на глагол (инфинитив) также представляется допустимой: *приготовила поест*.

Гипотеза 3. Слова группы *баиньки* — не глаголы и не существительные.

Ни одна из представленных выше интерпретаций не является идеальной и не может описать все случаи употребления слов типа *баиньки*. Помимо глаголов и существительных только междометия могли бы принять *баиньки* в свои ряды. Такой трактовки достаточно для контекстов типа (1), однако отнесение слов типа *баиньки* к частицам не решит проблемы интерпретации примеров (2)–(7), частицы не выступают в таких синтаксических позициях и не могут быть заменены на полнозначные глаголы и существительные без ущерба для общего содержания высказывания.

Гипотеза 4. Слова группы *баиньки* — глаголы и существительные одновременно.

Рассмотрев аргументы за и против глагольной и именной интерпретации слов типа *баиньки*, мы можем заключить, что, несмотря на то, что эти слова обнаруживают глагольные признаки, они ни в коем случае не являются типичными (прототипическими) представителями класса глаголов, то же верно и для существительных. Допустим, рассматриваемые слова представляют собой промежуточный случай между глаголами и существительными. В каком-то смысле промежуточное место между этими частями речи занимает инфинитив, глагольная форма, обнаруживающая максимум общих черт с существительными (ср. *я люблю читать, я люблю чтение*). Однако отнесение слов типа *баиньки* к инфинитивам не решит проблемы примеров, где *баиньки* используются с предлогами и приобретают окончания косвенных падежей.

Можно было бы предположить, что слова группы *баиньки* могут быть глаголами и существительными, и контекст всегда

снимает эту омонимию (как это происходит в случае с наречиями и предлогами). Такая трактовка представляется привлекательной, но она не объясняет контексты типа (7)–(8), которые допускают двоякое прочтение:

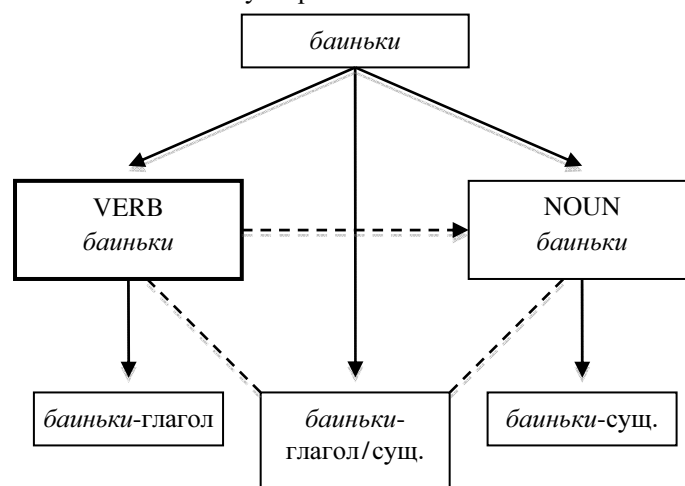
- (8) *ошейник я заказывала на сайте, который нам кушаньки возит* [forum.klopsiki.ru/lofiversion/index.php/t7627.html]

Таким образом, наиболее оправданной кажется трактовка слов типа *баиньки* как глаголов и существительных одновременно. Такое обобщение может быть сделано в рамках когнитивной лингвистики в терминах когнитивной грамматики Р. Лангакера [2008]. Р. Лангакер предлагает рассматривать части речи как радиальные категории, организованные вокруг прототипа и допускающие наличие периферийных членов. Более того, он предлагает описывать значения с помощью концептуальных и конструкционных схем (conceptual and constructional schemas) и их комбинаций, сетей (network) и рассматривает два основных типа развития значений от прототипа (центрального, основного значения), который в нашем случае соответствует глагольному употреблению слов типа *баиньки* (на рисунке — прямоугольник с жирными границами). Развитие значений происходит с помощью расширения (extension) — от одного типа к другому, и разновидности (elaboration, instantiation) — от более общего к частному. На диаграмме прерывистые стрелки соответствуют расширению значения, а сплошные отражают разновидности.

Данная схема иллюстрирует следующее: наиболее типичным является употребление слов группы *баиньки* в качестве глаголов, именные контексты связаны с глагольными. Так, можно утверждать, что мы имеем дело с метонимическим развитием значения: процесс поглощения пищи начинает обозначать саму пищу, то есть объект действия [Peirsman, Geeraerts 2006; Janda 2011]. Нижний ряд на схеме соответствует конкретным примерам, так, *баиньки-глагол* — примеры типично глагольных контекстов, *баиньки-сущ.* — типично именных, и *баиньки-глагол/сущ.* представляют промежуточный случай, связанный и с глаголами, и с существительными. Эта связь отражена на рисунке пунктирной линией.

Итак, мы рассмотрели четыре варианта частеречной принадлежности слов группы *баиньки* и пришли к выводу, что исследуемая

Рис. 1. Схема употребления слов типа *баиньки*

группа слов требует неканонического решения: отнесения одновременно к двум частям речи, глаголам и существительным, при этом в некоторых контекстах более явными оказываются глагольные свойства, в некоторых — субстантивные, а в некоторых одновременно и глагольные, и субстантивные. Такой вывод является вполне легитимным и находит поддержку в рамках когнитивной грамматики Р. Лангакера.

Литература

- Алпатов 1990 — В. М. Алпатов. Части речи: Теория и типология. М.: Наука, 1990.
- Шведова (ред.) 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. М.: Наука, 1980.
- Dixon 2010 — R. M. W. Dixon. Basic Linguistic Theory. Vol. 2. Grammatical Topics. Oxford: OUP, 2010, 37–61.
- Janda 2011 — L. A. Janda. Metonymy in word-formation // Cognitive linguistics 22, 2, 2011. P. 359–392.
- Langacker 2008 — R. W. Langacker. Cognitive Grammar, Oxford: OUP, 2008.
- Peirsman, Geeraerts 2006 — Y. Peirsman, D. Geeraerts. Metonymy as a prototypical category // Cognitive linguistics 17, 3, 2006. P. 269–316.

М. М. Макарец

ИСл РАН, Москва

К ВОПРОСУ ОБ Л-ФОРМАХ В СЛАВЯНСКОМ ГОВОРЕ БОБОШТИЦЫ, ОБЛ. КОРЧИ, АЛБАНИЯ¹

Данное исследование основывается на материалах, собранных нами в 2010 и в 2011 г. в селе Бобоштица, которое находится примерно в семи километрах на юг от города Корча, Албания. В настоящий момент только шестеро из 1400 жителей села еще помнят славянский диалект (сами они его называют *кайнас* [kajnas] ‘у нас’ или ‘как мы’), а основным языком общения является албанский.

Л-формы, которым посвящена эта работа, имеют в балканославянском языковом пространстве исключительно разнообразные функции (это и перфект, и эвиденциальность, и эпистемическая модальность, и адмиративность, см. нашу обзорную статью с библиографией — [Макарец 2009]). В македонских диалектах наблюдается интересная тенденция — если их рассматривать, двигаясь с северо-востока на юго-запад, то *л*-формы последовательно теряют как морфологические показатели (имперфектное *л*-причастие; формообразующее *би-л-Ø* (быть-LPART-MASC); вспомогательный глагол в третьем лице), так и значения (перфектное; репортативное), см. [Friedman 1988], следовательно, мы могли бы ожидать, что в *кайнас*, как в самом юго-западном балканославянском диалекте, *л*-формы будут строиться по формуле «‘быть’ + *л*-причастие» (в третьем лице — без глагола ‘быть’) и будут иметь только адмиративное значение. Самое первое описание *кайнас* [Мазон 1936: 92] не противоречило этим ожиданиям. Он отмечает, что в говоре они используются только в функции адмиратива (см. примеры (1)–(2)), а в песнях представляют собой или архаизм, или свидетельствуют о том, что песня происходит из другого региона.

---

¹ Работа выполнена по теме Программы ОИФН РАН «Конструкция и динамика текста во времени и пространстве: Балкано-балто-славика».

- (1) *Oh, kum-e, tuva si bi-ll-Ø!*
 о кум-VOC это быть.2SG быть-LPART-MASC
 ‘О, кум, да это никак ты!’
- (2) *Ščo si bi-t-Ø júnak!*
 что быть.2SG быть-LPART-MASC герой
 ‘Какой герой!’

М. Куртъяд [Courthiade 1993] выделяет у *л*-форм в кайнас три значения: незасвидетельствованность, адмиратив («со значением, в точности соответствующим албанскому адмиративу») и кондиционал (последнее значение необычно для балканославянской системы и, по всей видимости, образовано на основе форм типа макед. *би дошо-л-Ø* (быть.SUBJ прийти-LPART-MASC), болг. *би-х дошь-л-Ø* (быть.SUBJ.1SG прийти-LPART-MASC) ‘(я) бы пришел’ с пропущенным вспомогательным глаголом). Парадигмы *л*-форм в его работе не приводятся. К. Штайнке и Дж. Юллы [Steinke, Ylli 2007] выделяют у *л*-форм два значения — перфект и ренарратив. Они указывают, что перфект в кайнас образуется по «болгарскому типу» — по формуле «быть.PRAES + *л*-причастие» (и что ‘быть’ может опускаться). Из выборки форм, которую они приводят, становится видно, что ‘быть’ может опускаться, кроме третьего, по крайней мере в первом лице (*jas Ø romína-l-Ø* (я быть пройти-LPART-MASC) ‘я прошел’), а в третьем, наоборот, может появляться (иногда совсем в неожиданных формах): *sǎ bí-l-o manástir* (быть.3SG быть-LPART-NEUT монастырь) ‘был монастырь’, *se óš-l-i tǐja* (быть.3PL пойти-LPART-PL они) ‘они пошли’. Для ренарратива не дается ни парадигма, ни формула, а только список примеров.

Во многом разноречив в описаниях связан с разным временем их публикации. Если на момент посещения А. Мазона кайнас являлся основным языком в Бобоштице (его учили даже первые переселенцы-аромуны — [Dhamko 2010: 131] и албанцы, которые вступали в брак с жителями села), то к 1980-м годам кайнас уже не передавался от родителей к детям (время написания работ М. Куртъяда), а К. Штайнке и Дж. Юллы смогли найти только трех носителей, причем большинство записей сделано от одного из них².

² Это был Ильо, с которым впоследствии работали и мы.

Сразу обращает на себя внимание «западнославянский» облик, который часто принимают в речи Ильо формы «перфекта»: (j)sem bi-l'-∅ (быть.1SG быть-LPART-MASC) 'я был'. Этот облик им придает и протетическое j перед согласной (которое, впрочем, может опускаться), и характер гласной во вспомогательном глаголе (e по западнославянской модели, а не a, как в кайнас, ср. форму (j)esa(m) 'аз есмь'), и смягченное l' вместо твердого (ср. приведенные выше примеры). По всей видимости, это чешская форма, которая укоренилась в речи Ильо во время его обучения в Карловом университете в 1946–1951 гг. Косвенным подтверждением этому может служить тот факт, что в речи других носителей не зарегистрировано ни одной такой формы, в то время, как перфект типа *ima-m bandžā-n-o* (иметь-1SG быть-N/TPART-NEUT) 'я был' (ср. лит. макед. перфект II *имам бидено* 'то же') и *jesam dojde-n* (быть.1SG прийти-N/TPART) 'я пришел' (ср. лит. макед. перфект III *сум дојден* 'то же') употребляются свободно. Отсюда ее использование в контекстах, которые требуют аориста/имперфекта или перфекта (кайнас: *bĭā* (быть.IMPf) или *ima-m bandžā-n-o* (иметь-1SG быть-N/TPART-NEUT) 'я был'), а также в контекстах, которые К. Штайнке и Дж. Юллы называют ренарративом. Мы считаем, что в идиолекте Ильо эта форма приобрела статус «генерализованного прошлого» — как в чешском языке. Поэтому она может употребляться вместо аориста/имперфекта или перфекта, при том, что последние формы не теряют своего значения и не смешиваются друг с другом. «Перфект на -л» — на самом деле не перфект, а генерализованное прошлое, употребленное под чешским влиянием в контексте, который требует перфекта.

Специфичны л-формы в роли адмиратива. Албанское предложение (3) с адмиративом Ильо перевел двумя способами: (4) и (5).

(3) O, qen-ke njer-i i-pasur!
 O быть.PART-иметь.2SG человек-DEF MASC-богатый
 'О, а ты богатый человек!'

(4) (быть.AOR/IMPf + л-форма)
 O, tĭ bĭā bi-l'-∅ čovjek zengĭn!
 O ты быть.IMPf быть-LPART-MASC человек богатый
 'О, а ты богатый человек!'

- (5) (быть.PRAES + л-форма)
O, t̄i si b̄i-l-∅ zenḡin!
 O ты быть.2SG быть-LPART-MASC богатый
 ‘О, а ты богатый человек!’

Таким образом, в качестве вспомогательного глагола может использоваться и спрягаемая в настоящем времени форма глагола ‘быть’, и его аористная/имперфектная форма. Судя по всему, конструкция типа быть.AOR/IMPF + л-форма возможна только для настоящего времени, в то время, как быть.PRAES + л-форма могут использоваться как в настоящем, так и прошедшем³.

³ По словам Ильо, фразы (i) (быть.AOR/IMPF + л-форма) и (ii) являются синонимическими.

- (i) *O, šo dobre b̄ä b̄i-l-o!*
 o как хорошо быть.IMPF.2/3SG быть-LPART.NEUT
 ‘Как же хорошо!’
- (ii) *šo dobre b̄i-l-o!*
 как хорошо быть-LPART.NEUT
 ‘Как же хорошо!’

В то же время, албанское предложение (iii) может иметь несколько переводов в кайнас: (iv) (быть.PRAES + причастие на -н в ср. р.), (v) (быть.PRAES + л-форма), (vi) (быть.AOR/IMPF + причастие на -н в ср. р.), но не (vii).

- (iii) *O, t̄i pas-ke qenë i-pasur!*
 o ты иметь.PART-иметь.2SG быть.PART MASC-богатый
 ‘О, да ты богат!’
- (iv) *O, t̄i esi bande-n zenḡin!*
 o ты быть-2SG быть-PART богатый
 ‘О, да ты богат!’
- (v) *O, t̄i si b̄i-l-∅ zenḡin!*
 o ты быть-2SG быть-LPART-MASC богатый
 ‘О, да ты богат!’
- (vi) *O, t̄i b̄ä bande-n zenḡin!*
 o ты быть.IMPF.2/3SG быть-PART богатый
 ‘О, да ты богат!’
- (vii) **O, t̄i b̄ä b̄i-l-∅ zenḡin!*
 o ты быть.IMPF.2/3SG быть-LPART-MASC богатый
 Ожид.: ‘О, да ты богат!’

Когда мы попросили Илью перевести на кайнас албанское предложение с адмиративом-дубитативом:

- (6) *Unë pas-kam marrë par-a-të?!
я иметь.PART-иметь.1SG взять.PART деньги-PL-DEF
‘Это я-то взял деньги?!’*

— и проспрягать его, то получили такую нетривиальную парадигму (обратим внимание, что в ней вообще отсутствует вспомогательный глагол):

Таблица 1

	<i>Sg</i>	<i>Pl</i>
1	<i>jāskaj ima-l-∅ zviā-t-o</i>	<i>nie ima-l-me / ima-l-o zviā-t-o</i>
2	<i>tī ima-l-∅ zviā-t-o</i>	<i>viē ima-l-te / ima-l-o zviā-t-o</i>
3	<i>toj ima-l-∅ zviā-t-o</i>	<i>tiē ima-l-o zviā-t-o</i>

Исчезновение вспомогательного глагола «быть» во всех лицах типологически сближает кайнас с восточнославянскими языками (ср. прошедшее время в русском, украинском и белорусском), а спрягаемые формы для *л*-причастия — с западными, резко противопоставляя его южнославянским языкам и диалектам. Впрочем, множественность способов образования *л*-форм компенсируется тем, что они записаны только от одного носителя. Если в диалектологическом плане ценность этой информации явно не стоит преувеличивать (для получения более достоверных данных о говоре следует опросить и других носителей, которых, скорее всего, придется искать в других городах и странах), то в типологическом плане это интересный пример того, как в языке на пороге исчезновения в условиях контакта с типологически далекими языками, с опорой на внутреннюю логику развития возникают новые парадигмы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; AOR — аорист; DEF — определенный артикль; IMPF — имперфект; LPART — *л*-причастие; MASC — мужской род; N/TPART — причастие на *н/т*; NEUT — средний род; PART — причастие; PL — множественное число; PRAES — настоящее время; SG — ед. ч.; SUBJ — условное наклонение; VOC — звательный падеж.

Литература

- Макарцев 2009 — М. М. Макарцев. Категория эвиденциальности в балканских языках: современный взгляд на проблему // Славяноведение 2, 2009. С. 74–90.
- Courthiade 1993 — M. Courthiade. Un parler slave singulier: le “kajnas” d’Albanie orientale // Balcanica Posnaniensia. Acta et studia VI. P. 237–326.
- Dhamko 2010 — S. T. Dhamko. Boboshtica. Historie. Boboshtica, рукопись, 2010.
- Friedman 1988 — V. A. Friedman. Morphological innovation and semantic shift in Macedonian // Zeitschrift für Balkanologie. Band 24/1. S. 34–41.
- Mazon 1936 — A. Mazon. Documents, contes et chansons slaves de l’Albanie du Sud [Bibliothèque d’études Balkaniques V]. Paris, 1936.
- Steinke, Ylli 2007 — Kl. Steinke, Xh. Ylli. Die Slavischen Minderheiten in Albanien (SMA). Teil 1. München, 2007.

Д. Ф. Мищенко

СПбГУ, Санкт-Петербург

**ПОСЛЕЛОГИ И ПОСТПОЗИТИВНЫЕ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ЛООМА
(ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГРУППА МАНДЕ)¹**

Базовый порядок слов в лоома SOV, однако глагол занимает не абсолютно конечную позицию в предложении, так что все не прямые дополнения и обстоятельства располагаются после него. Однако большинство ИГ, за исключением локативных существительных, о которых будет сказано ниже, не могут употребляться в постглагольной позиции самостоятельно. Функцию введения ИГ — косвенного дополнения или сирконстанта — выполняет группа единиц, которую мы будем условно называть **постпозитивными словами**. Эта группа неоднородна по своему составу: ее образуют **послелого** и особый подкласс существительных, которые мы будем называть **постпозитивными существительными**²; очевидно, что последние представляют собой промежуточную стадию на пути грамматикализации существительных в послелого. В первом разделе данной статьи мы обсудим основания для объединения послелогов и постпозитивных существительных в особую группу постпозитивных слов, для чего рассмотрим класс локативных существительных, от которых происходит большинство единиц этого типа. Определив основания для выделения этой группы, во втором разделе мы проанализируем особенности морфологического и синтаксического поведения и сопутствующие им семантические различия постпозитивных слов и покажем, что несмотря на единство функции, внутри

---

¹ Данная работа осуществлена при поддержке гранта Фонда фундаментальных лингвистических исследований, проект А-7 «Полевое исследование языков манде Гвинеи и Кот-д'Ивуара».

² Термин «постпозитивные существительные», возможно, не отражает функциональных особенностей этой группы имен, однако более точное определение «послелогоподобные», в отличие от своего английского эквивалента «postposition-like», кажется слишком громоздким.

этой группы необходимо выделять две отдельные подгруппы единиц.

1. Постпозитивные слова и локативные существительные

Постпозитивные слова в основном либо являются, либо восходят к относительным существительным, обозначающим части тела или имеющим общелокативное значение типа 'поверхность'. Большинство подобных существительных образует класс **локативных существительных**. Этот класс выделяется на основании следующих синтаксических и морфологических признаков.

1) В то время как большинство существительных в лоома присоединяет определенный артикль -у (варианты -у/-gi распределены лексически в зависимости от типа основы на глубинном уровне представления³), с локативными существительными употребляется особый показатель -vè/-gavè (с аналогичным распределением алломорфов), восходящий к наречию vè 'здесь':

pèlè 'дом' — *pèlé-у* 'дом (опред.)',
но: *pòlù* 'спина' — *pòlú-vè* 'его спина',
mà 'поверхность' — *máá-vè*⁴ 'его поверхность'.

Форма множественного числа как у локативных, так и у прочих существительных образуется при помощи показателя -tìg:

mà 'поверхность' — *máá-vè-tì* 'его поверхности';
pèlè 'дом' — *pèlé-у-tì* 'дома (опред.)'.

Нужно отметить, что среди существительных встречаются пары омонимов, представляющих различные классы. В этом случае

³ Все морфемы в лоома делятся на 2 класса. Морфемы первого класса вызывают сохранение «сильного» начального согласного последующей морфемы, а вокалические суффиксы присоединяются к ним в форме с начальным согласным g-. Морфемы второго класса вызывают появление «слабого» альтернанта начального согласного последующей морфемы. Единицы, образующие первый класс, принято условно записывать с конечным -g, свидетельствующим о принадлежности к данному классу, но не произносящимся.

⁴ Конечный гласный односложных слов, за исключением /u/, удлиняется перед морфемой структуры CV в составе одной словоформы.

различие в морфологическом поведении может сопровождаться семантическими различиями, ср.:

kpálá-gì ‘поле’ — *kpálá-gávè* ‘поле’;

но: *gézú*⁵ ‘небо (плоскость)’ — *gézú-vé* ‘вверху, в воздухе’,
*zíé-y*⁶ ‘вода, река’ — *zíá-vè* ‘река, болото’.

2) Синтаксической особенностью локативных существительных является их способность употребляться в постглагольной позиции без послелога (1), в том числе без левого зависимого (2):

(1) *Fòlòmò wílá sòó-y wòmà(-vè)*
Фоломо выходить.PRF REF\лошадь-DEF холка(-LOC)
‘Фоломо слез с лошади’.

(2) *Kótí yà zíá-vè*
REF\камень.DEF 3SG.NPST REF\вода-LOC
‘Камень в реке’.

Поскольку большая часть локативных существительных представлена релятивными именами, многие из них не могут употребляться без эксплицитно выраженного посессора. В том случае, когда полная ИГ в позиции посессора отсутствует, он маркируется на локативном существительном при помощи местоименного индекса (МИ) — сегментной префиксальной морфемы или морфемы-операции с планом выражения, состоящим во влиянии на тон и начальный согласный слова, к которому она присоединяется (3):

(3) *∅ vâ kâkâlà(-vè)!*
2SG.IMP приходить 1SG.PI\перед(-LOC)
‘Встань передо мной!’

В том случае, если локативное существительное выполняет функцию постпозитивного существительного, т. е. вводит косвенное дополнение или сирконстант, местоименная группа по-прежнему

⁵ Производные существительные, образованные путем сложения с послелогом, такие как *táázú* ‘город’ или *gézú* ‘небо’, не присоединяют определенный артикль, однако на основании их синтаксического поведения их следует относить к классу «обыкновенных», нелокативных существительных.

⁶ При присоединении определенного артикля -у конечный гласный основы /a/ регулярно чередуется с /e/.

маркируется на нем МИ. Это свойство сохраняют и образованные от локативных имен послелогои (4):

- (4) *Dèè*   *bè*
 1SG.P1\мать   1SG.P1\к
 ‘У меня есть мама’.

Однако поскольку сама функция введения ИГ или местоименной группы в постглагольной позиции подразумевает наличие эксплицитно выраженного зависимого, не все локативные существительные оказываются способны выполнять ее. Так, естественно ожидать, что автосемантические имена типа *zíá* ‘река’ или *kpàlàg* ‘поле’, т. е. существительные с конкретно-локативной семантикой, не будут использоваться для введения ИГ в позиции сирконстанта. С другой стороны, эту функцию начинают выполнять также некоторые нелокативные существительные, например, *péle* ‘дорога’, *sàtà* ‘половина’ и некоторые другие. Таким образом, группа постпозитивных существительных лишь частично совпадает по своему составу с классом локативных существительных. Кроме того, еще раз подчеркнем, что основания для выделения этих групп различны. Локативные существительные представляют собой морфологический класс имен, выделяемый на основании синтаксических и морфологических свойств входящих в него существительных, тогда постпозитивные существительные объединяет их функциональное сходство.

2. Послелогои и постпозитивные существительные

Обратимся к критериям, позволяющим отделить постпозитивные существительные от послелогов.

Главным основанием для того, чтобы выделять постпозитивные существительные в группе постпозитивных слов, является их морфологическое поведение. В то время как послелогои не способны присоединять определенный артикль и показатель множественного числа (5), постпозитивные существительные не только могут иметь собственные детерминанты, но и зачастую являются единственным элементом в составе ИГ генитивного типа, который имеет определенный артикль, оформляющий всю группу в целом (6); впрочем, левое зависимое может иметь и собственный артикль (7):

- (5) *Zéze yà lùwà-zù gílé-y*
 Зезе 3SG.NPST бояться-IPFV REF\собака-DEF
và / *vâ-y / *vâ-ve
 к к-DEF к-LOC
 ‘Зезе боится собаки’.
- (6) *Tóá zía wòbà-ve*
 3SG.NPST REF\вода бок-LOC
 ‘Он стоит на берегу реки’.
- (7) *Gè bèlâ-gè dóbó-y làà-ve*
 1SG.BASE останавливаться-PRF REF\лес-DEF край-LOC
 ‘Я остановился на краю леса’.

Вторым критерием различия послелогов и постпозитивных слов является их семантика. Процесс грамматикализации локативных имен в послелого сопровождается семантическим «выветриванием»: спектр значений становится шире, а сами значения — абстрактнее. Послелого приобретают способность маркировать аргументы глагола (8), в то время как постпозитивные существительные выражают исключительно локативные значения (9):

- (8) *Nàà yàlâ-sù Másáda zù*
 1SG.NPST читать-IPFV Масента в
 ‘Я читаю о Масенте’.
- (9) *Púpú-y yà zía-zú*
 REF\муравей-DEF 3SG.NPST ходить-IPFV
tábálí yà
 REF\стол-DEF поверхность
 ‘Муравей ползет по столу’.

Отметим при этом, что даже если послелог сохраняет способность выражать локативное значение (10), обычно это крайне неконкретное значение нахождения где-либо вблизи объекта:

- (10) *Kpékpé-gì yà bízâ-zù*
 REF\таракан-DEF 3SG.NPST бегать-IPFV
bété-y zù
 REF\кровать-DEF в
 ‘Тараканы ползают по кровати’.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; ИГ — именная группа; МИ — местоименный индекс; AOR — аорист; BASE — местоименно-предикативный показатель базовой серии; DEF — определенный артикль; IMP — местоименно-предикативный показатель императивной серии; IPFV — имперфектив; LOC — локативный определенный артикль; NPST — местоименно-предикативный показатель серии не-прошедшего времени; O — прямое дополнение; PI — местоименный индекс; PRF — перфект; REF — референтный артикль; S — подлежащее; SG — единственное число; V — глагольное сказуемое.

Н. А. Муравьев

МГУ, Москва

**ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ ПРЕВЕРБОВ
КАК ГРАММАТИЧЕСКОГО КЛАССА
В ТЕГИНСКОМ ГОВОРЕ
ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА**

Во многих языках мира существует некоторый класс служебных лексем, которые употребляются с глаголами, линейно предшествуя им, и этот класс в современной типологии принято называть превербами. Превербы представляют собой бывшие наречия, ставшие клитиками, которые указывают на направление или характер действия, а в некоторых случаях выступают в функции грамматических показателей. Настоящее исследование посвящено превербам в хантыйском языке и основано на материалах лингвистической экспедиции МГУ в с. Теги Ханты-Мансийского АО¹. В данной работе рассматривается некоторый круг лексем, потенциально являющихся превербами, и на основании определенных критериев выносится решение о том, может ли та или иная лексема быть отнесенной к классу превербов.

По определению [Booij, Kemnade 2003, перевод мой. — *Н. М.*], термин «преверб» описывает «языковые единицы, которые встречаются перед глаголом и которые образуют тесную семантическую связь с данным глаголом». Также обращается внимание на то, что «преверб может быть отделен от глагола, сохраняя с ним связь, и такое явление называется “тмесис”» [Booij, Kemnade 2003]. В хантыйском языке, по данным словарей [Соловар 2006] и [Молданова, Немысова, Ремезанова 1988], насчитывается не менее 14 единиц, соответствующих данному определению. Среди них встречаются такие, которые обозначают простую ориентацию: *лох* ‘вверх’, *it* ‘вниз’, *jeł* ‘вперед, дальше в сторону’, *jiŋa* ‘в сторону’ (примеры (1)–(3) ниже):

---

¹ Грант РГНФ № 11-04-18024е.

- (1) *tam pəx-ŋeŋki an it pavt-s-əŋe,*
 этот мальчик-DIMIN чашка вниз уронить-PST-3SG.SG
nampr-a ŋukat-s
 кусок-DAT разбить-PST
 ‘Мальчик уронил вазу, и она разбилась’.
- (2) *ŋuv xət ŋoŋt-a nox xuoŋx-əs, van-ti pit-əs*
 он дом крыша-DAT вверх лезть-PST смотреть-INF AUX-PST
 ‘Он забрался на крышу и стал смотреть’.
- (3) *tam kev jira ant ki vu-t-ev, man-ti*
 этот камень в.сторону NEG если брать-NPST-1PL идти-INF
ŋir-ev antəm
 сам-1PL NEG.3SG
 ‘Если мы не уберем в сторону этот камень, мы не проедем’.
- Другие единицы обозначают относительную ориентацию, подразумевающую наличие конкретного ориентира, относительно которого производится действие (см. примеры (4)–(10)): относительно замкнутого пространства — *joxi* ‘назад, внутрь, домой’, *kim* ‘наружу’; относительно воды — *nik* ‘к воде’, *vuti* ‘от воды’, а также относительно центра действия — *lap* ‘замкнутое действие’, *xot* ‘отделение, обособление’, *ara* ‘рассредоточенное действие’, *laki* ‘вдребезги, на части’. Имеется также лексема *ŋix* ‘совсем, насмерть’, которая обозначает эмфатическое завершённое действие и не принадлежит ни к одному из двух классов.
- (4) *muŋ ŋaraŋ ŋipjəŋ muŋ pormas vo-s kim*
 мы ящик внутри какой вещь быть-PST наружу
vu-s-təv
 брать-PST-1PL.PL
 ‘Какие вещи были в коробке, мы все достали’.
- (5) *kam-n patŋa-ti pit-s, ŋikemn muŋ jox*
 наружу-LOC темнеть-INF AUX-PST затем мы домой
ji-s-uv
 идти-PST-1PL
 ‘На улице стемнело, и мы пришли домой’.
- (6) *ma pəst-a nik esl-aŋ-s-əm xut katəŋ-ti*
 я берег-DAT к.воде спуститься-DETR-PST-1SG рыба ловить-INF
 ‘Я спустился к реке половить рыбы’.

- (7) *tam kat əv lap tɔxar-ti mɔst*
 этот два дверь плотно закрыть-INF нужно
 ‘Обе эти двери нужно закрыть’.
- (8) *tij ma ɛtsɔx-t-əm isa xot vu-s-lat*
 они я одежда-PL-1SG совсем от брать-PST-3PL.PL
 ‘Они отняли у меня всю одежду’.
- (9) *muj naŋ ara jɔvt-s-əttən, sɔra nox*
 что ты раз бросать-PST-2SG.PL быстро вверх
äkt-a-tɪ
 собирать-IMP-SG.PL
 ‘Что ты тут разбросал, а ну собирай быстрее!’
- (10) *muj täləŋ xatʃ ropit-s-uv pa six*
 мы целый день работать-PST-1PL тоже смертельно
met-s-uv
 уставать-PST-1PL
 ‘Мы целый день работали и (смертельно) устали’.

В словарях в качестве частеречной пометы к таким единицам указывается «глагольная частица», однако большинство из них по свойствам и употреблению почти неотличимы от наречий. Поэтому для выделения превербов как класса необходимо найти более весомые основания, чем те, которые даны в определении. В области морфологии убедительного ответа не найдется, поскольку, хотя все вышеперечисленные единицы примерно в одинаковой степени слабо отделимы от глагола, настолько же слабой отделимостью обладают и некоторые наречия. Слабая отделимость заключается в том, что такие лексемы могут отделяться от глагола различными частицами такими, как, например, отрицательные частицы *an(t)* и *at*, усиленная частица *si* или показатели наклонения *at*, *ki* (пример 11), но не могут, как в (12), отделяться другими наречиями или дополнениями.

- (11) *tam kev jira ant*
 этот камень в.сторону NEG
ki vu-t-ɛv <...>
 если брать-NPST-1PL
 ‘Если мы не уберем этот камень в сторону <...>’

- (12) **tam kev jira sɔra vu-t-ev*
 этот камень в.сторону быстро брать-NPST-1PL
 Ожид.: ‘Мы быстро уберем в сторону этот камень’.

Если посмотреть на данную проблему с точки зрения семантики, то в рассмотренных выше сочетаниях таких единиц с глаголом наблюдается перфективация глагола, чего не происходит в случаях с другими классами лексем. При этом оказывается, что этот семантический процесс происходит в любых сочетаниях глаголов с вышеназванными единицами, и как правило, с сохранением локативной семантики. В [Bybee et al. 1994: 87] обращается внимание на то, что такой способ перфективации является довольно частотным в языках мира, наряду с перфективацией посредством вспомогательного глагола. Как сказано там же, «в этих языках наречия, сравнимые, к примеру, с английскими *up, down, over* и *through* с исходно локативным значением, образуют пару с глаголом с семантикой завершенности или, в терминах Э. Даля, “достижения предела”» [Bybee et al 1994: 87, перевод мой. — Н. М.]. Этот самый предел пространственно задается семантикой наречия, и таким свойством в хантыйском языке обладают только упомянутые выше единицы (ср. примеры (13) и (14)). Именно на этом основании мы считаем допустимым и осмысленным выделить превербы в качестве особого грамматического класса.

- (13) *muɟ rep et̪i*
 мы гора с
sɔra esl-aś-s-uv
 быстро спускать-DETR-PST-1PL
 ‘Мы быстро спускались с горы’.

- (14) *muɟ rep et̪i*
 мы гора с
i̯t̪ esl-aś-s-uv
 вниз спускать-DETR-PST-1PL
 ‘Мы спустились с горы’.

Осмысленность данного вывода подтверждается и дальнейшим ходом грамматикализации описанных элементов, в процессе которого полностью утрачивается их локативная семантика, а остается только функция показателя перфектива (примеры (15)–(16) ниже).

- (15) *muŋeva mɔsɫ jǎxa äkt-əs-tija,*
 мы.DAT нужно вместе собрать-DETR-INF
ver nox potər-tija
 дело вверх говорить-INF
 ‘Нам нужно собраться вместе и обсудить дело’.
- (16) *šeŋk sulij-əm lampra-j-əm*
 очень светить-PFT.PTCP лампа-OBL-1SG
lap śi xoɫa-s
 плотно PTCL закончиться-PST
 ‘Ярко светившая лампа погасла’.

Таким образом, превербами в хантыйском языке называется такой грамматический класс, в который входят слабо отделяемые от глагола лексемы, задающие предел действия в пространстве и, тем самым, функционирующие в качестве показателей перфектива. Этот способ перфективации является сравнительно новым в историческом развитии хантыйского языка и не зафиксирован в грамматиках, но причиной появления такого перфектива, очевидно, является отсутствие в языке такого грамматического средства для выражения завершенности действия, каким во многих финно-угорских языках является перфект. Поэтому особенно важным в данной работе было выявить свойства найденных по словарям единиц и подтвердить, что они образуют отдельный класс. Однако не исключено, что полученный список превербов далеко не окончателен. Возможно, уже имеются или появятся в дальнейшем такие наречия, которые весьма близки к превербам и которые могут пополнить этот список, поэтому превербы на данный момент остаются открытым классом лексических единиц.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; AUX — вспомогательный глагол; DAT — датив; DETR — детранзитив; DIMIN — диминутив; IMP — императив; INF — инфинитив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенная основа; PFT — перфектив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Молданова и др. 1988 — С. П. Молданова, Е. А. Немысова, В. Н. Ремезанова. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский. Л.: Просвещение, 1988.
- Соловар 2006 — В. Н. Соловар. Хантыйско-русский словарь. СПб.: Миралл, 2006.
- Booij, Kemenade 2003 — G. Booij, A. Kemenade. Preverbs: An introduction // G. Booij, J. van Marle (eds.). Yearbook of Morphology 2003. Dordrecht: Kluwer, 2003. P. 1–11.
- Bybee et al. 1994 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, Modality in the Languages of the World. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.

М. А. Овсянникова
ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**АРГУМЕНТНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИЙ
С ПОДЛЕЖАЩИМ-ЭКСПЕРИЕНЦЕРОМ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹**

В центре настоящего исследования — группа глаголов русского языка, которая включает в себя глаголы *сердиться, обидеться, разозлиться, досадовать* и др., обладающие следующими признаками: 1) эти глаголы обозначают отрицательную эмоциональную реакцию; 2) участник с ролью Экспериенцера занимает позицию подлежащего; 3) возможны следующие случаи соответствия семантических валентностей и синтаксических зависимых:

- (1) *Петя сердится на меня.*
- (2) *Петя сердится на погоду.*
- (3) *Петя сердится на мое опоздание.*
- (4) *Петя сердится на меня за опоздание.*

В примерах (1)–(3) при глаголе *сердиться* помимо подлежащего присутствует также участник, оформленный предлогом *на*. Такие случаи реализации рассматриваемых глаголов далее будут называться аргументной структурой 1 (АС1). В примере (4), помимо подлежащего, глагол *сердиться* имеет два синтаксических зависимых, оформленных предлогами *на* и *за* соответственно. Подобная аргументная структура далее будет называться АС2.

Участник, оформленный предлогом *на* в АС1, может принадлежать к самым разным онтологическим классам: в примере (1) он является личным, в (2) — неодушевленным, в примере (3) — ситуацией (*мое опоздание*).

---

¹ Исследование поддержано грантом НШ-3433.2010.6 «Петербургская школа функциональной грамматики» Фонда Президента РФ, а также грантом РГНФ 11-04-00179а «Вариативность аргументной структуры глаголов и классификация глагольной лексики в разноструктурных языках».

Сопоставление употреблений, подобных (3) и (4), а также (5) и (6) ниже, дает основание говорить о том, что АС2 является структурой с расщепленной валентностью; такой анализ предлагается в [Падучева 2004: 281-284; Paducheva 2004].

(5) *Петя разозлился на невинную шутку брата.*

(6) *Петя разозлился на брата за невинную шутку.*

В примере (5) предлог *на* оформляет именную группу, вершиной которой является объект, вызвавший отрицательную реакцию Экспериенцера (*шутка*); участник, занимающий позицию посессора в этой именной группе (*брат*), является «ответственным» за возникновение этого объекта. В предложении (6) и тот, и другой участник являются зависимыми глагола *разозлиться*: «ответственное лицо» оформляется предлогом *на*, объект, вызывающий реакцию Экспериенцера, — предлогом *за*. Таким образом, два участника, выраженные в (5) в рамках одной именной группы, зависимой от глагола *разозлиться*, соответствуют двум именным группам, зависимым от этого глагола, в примере (6).

В указанных работах Е. В. Падучевой, а также в [Арутюнова 1976: 153-161] глаголы *сердиться*, *обижаться*, *злиться* и др. рассматриваются прежде всего как корреляты соответствующих каузативных глаголов (*сердить*, *обижать* и т. п.), которые также употребляются в структурах, трактуемых Е. В. Падучевой как нерасщепленная (7) и расщепленная (8).

(7) *Равнодушие Пети меня рассердило.*

(8) *Петя рассердил меня своим равнодушием.*

В настоящей работе глаголы указанной группы рассматриваются вне соотношения с каузативными коррелятами.

Основной задачей исследования является выявление синтаксических и семантических свойств, которые различают АС1 и АС2. При этом для АС1 будут рассматриваться прежде всего такие употребления, в которых при участнике, оформленном предлогом *на*, заполнена позиция посессора ((3), (5)). Именно для таких употреблений АС1 наиболее очевидна конкуренция с АС2, поскольку для двух структур совпадают набор и (в первом приближении) роли упомянутых выше участников.

При этом следует отметить, что такой случай реализации АС1, который «поддается расщеплению» и будет в основном рассматриваться далее, является лишь одним из возможных случаев реализации АС1, и при этом не самым частотным. Наиболее распространенными являются такие употребления АС1, в которых участник при предлоге *на* является одушевленным, но объект или ситуация, вызывающая отрицательную реакцию, не упоминается в числе зависимых глагола (1). В другом типе употреблений АС1 зависимое предлога *на* является неодушевленным (2) или ситуацией (9), однако «ответственное лицо» при них не выражено (или, как в примере (2), в принципе не может быть выражено).

- (9) ⟨...⟩ *но он хочет быть аккуратным мальчиком, старается застегнуть подтяжки, и не может, и сердится на эту глупую задержку.* [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)]

В качестве материала исследования использовались тексты Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), созданные после 1950 г.

В ходе исследования было установлено, что распределение между АС1 и АС2 связано с типом «ответственного» участника, занимающего позицию посессора в АС1 и позицию при предлоге *на* в АС2. В Таблице 1 представлены данные об употреблении АС1 и АС2 в случаях, когда этот участник выражен возвратным местоимением или местоимением первого лица единственного числа (10)–(11), с одной стороны, и в случаях, когда этот участник выражен местоимением третьего лица единственного числа или полной ИГ, с другой стороны (12)–(13).

Таблица 1. Употребление АС1 и АС2 с двумя типами участников, «ответственных» за ситуацию²

	1SG REFL	3SG NP
АС1	52	33
АС2	65	99

² Различие статистически значимо, точный критерий Фишера, двусторонний вариант, $p << 0,01$.

- (10) *Костик замолчал. Наверное, рассердился на мои слова.* [Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005)]
- (11) *Я злился на себя за эти мысли, снова толкающие меня в ночь и страх.* [Юрий Нагибин. Война с черного хода (1990–1995)]
- (12) *⟨...⟩ она играет со мной в паре против отца и брата, и я сержусь на ее промахи.* [В. В. Набоков. Другие берега (1954)]
- (13) *Разбуженные жители домов на старьевщиков не обижались за ранние возгласы ⟨...⟩* [Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976–1999)]

Таблица 1 показывает, что в случае, когда «ответственный» участник выражен с помощью местоимения первого лица единственного числа или рефлексивного местоимения, доля АС1 от общего числа употреблений больше, чем в случае, когда этот участник выражен местоимением третьего лица единственного числа или полной именной группой.

Этой особенности распределения можно предложить следующее объяснение: в случаях, когда участник, ответственный за возникновение ситуации, вызывающей отрицательную эмоциональную реакцию, оказывается кореферентным Экспериенцеру (т. е. выраженным возвратным местоимением) или говорящему (т. е. выражен местоимением первого лица единственного числа), говорящий в большей степени склонен представить эту ситуацию как лежащую вне зоны ответственности соответствующего участника, менее контролируемую им. Подобному взгляду на ситуацию проявления отрицательной эмоции синтаксически и соответствует АС1: в такой структуре «ответственный» участник не входит в число **непосредственных** синтаксических зависимых глагола, таким образом оказываясь вне перспективы ситуации.

Семантические и синтаксические характеристики другого участника (оформленного предлогом *на* в АС1 и предлогом *за* в АС2), также представляются существенными для выбора той или иной конструкции.

Именные группы, которые занимают позицию при предлоге *на* в АС1, обычно обозначают ситуации следующих типов: **свой-**

ства участника, занимающего позицию посессора в АС1 (14), его поведенческие **проявления** (15) или **продукты его речевой** или **интеллектуальной деятельности** (16)–(17).

- (14) *Я чувствовал, что моя Тоня уже сдвигала брови, негодую на мою невоспитанность.* [В. И. Белов. Чок-получок (1980)]
- (15) *Михаил Иванович, увидев такое, поначалу даже немного рассердился на мою несдержанность <...>* [Татьяна Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000)]
- (16) *Еще больше злится на мои шутки, тем более в темноте мое телосложение не очень понимает.* [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2) (1989)]
- (17) *Тот не обижался на его справедливые порицания.* [Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго (1945–1955)]

Можно выделить также некоторые типы именных групп, которые фиксируются в составе АС2 в качестве зависимого предлога *за*, при этом являясь почти невозможными в АС1.

К ним относятся группы, возглавляемые именами действия, образованными от переходных глаголов (18), а также некоторые именные группы, включающие причастие (19).

- (18) *Сейчас он уже большой мальчик, так что я думаю, не обидится на меня за разглашение военной тайны.* [Михаил Кирцер. Трактат о лечении людей углем (1997) // «Столица», 1997.09.29]
- (19) *И видно рассердился на меня за поломанную игровую приставку, хотя он сам её и поломал! — нудно объяснила Сакура.* [<http://www.sailor-sakura.sitecity.ru>]

В примере (19) отрицательную реакцию Экспериенцера вызывает ситуация ‘поломка приставки’, а не сам по себе объект ‘приставка’. При этом синтаксически вершиной именной группы, оформленной предлогом *за*, является *приставка*.

Таким образом, оба указанных типа именных групп представляют собой свернутую предикацию, и в обоих случаях участник, вызывающий отрицательную эмоцию, является **событием**.

Еще одно различие между АС1 и АС2, которое относится к употреблению глаголов эмоциональной реакции в этих структурах

в целом (не только в зоне конкуренции), касается распределения между этими типами структур в случае, когда участник, оформленный предлогом *на* в АС1 или предлогом *за* в АС2, является сентенциальным зависимым (20)–(21).

- (20) *Скорее всего, он сердится на то, что вы запутали всех своими излишними заумствованиями.* [Шеф сказал! (2004) // «Амурский Меридиан» (Хабаровск) , 2004.12.22]
- (21) *Я сердилась на него — разумеется, не за то, что он пришел, а за то, что не в силах был справиться с собой.* [В. А. Каверин. Открытая книга (1949–1956)]

Таблица 2 показывает распределение для двух структурных типов выражения этого участника: придаточного предложения и полной ИГ (в поисковый запрос включались только неодушевленные существительные) для глаголов рассматриваемой группы.

Таблица 2. Распределение двух типов выражения для АС1 и АС2³

	Придаточное	Полная ИГ
АС1	42	310
АС2	70	79

Из Таблицы 2 видно, что употребление придаточных связано с АС2: в случае, когда рассматриваемый участник выражается придаточным предложением, АС2 составляет большую долю от общего числа употреблений, чем в случае, когда он выражен полной именной группой.

На основании этих наблюдений можно сделать следующее обобщение: в целом участник-ситуация, являющийся зависимым предлога *за* в АС2, по своим свойствам ближе к предикации, чем участник-ситуация, оформленный предлогом *на* в АС1. Если в АС1 таким участником является чаще всего какое-либо свойство (*нерешительность, глупость* и т. п.) или объект (*слова, шутки* и т. п.), то в АС2 участник, выраженный при предлоге *за*, семантически является событием, и распространенными средствами кодирования этого участника являются придаточные предложения, номинализации, а также именные группы, включающие причастия.

³ Различие статистически значимо, критерий χ^2 , $p \ll 0,01$.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; REFL — возвратное местоимение; SG — единственное число.

Литература

- Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Paducheva 2004 — E. V. Paducheva. Splitting of possessive NPs and external possessor in Russian // J.-y. Kim, Y. Lander, B. H. Partee (eds.). Possessives and Beyond: Semantics and Syntax [University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics 29]. Amherst, MA: GLSA Publications, 2004. P. 351–363.

С. А. Оскольская

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИСКЛЮЧЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Единица со значением исключения является одним из элементов, образующих конструкцию исключения:

(1) *Все пришли, за исключением Ивана.*

Так, в примере (1) с помощью единицы *за исключением* выражено значение исключения участника. В русском языке в конструкции исключения помимо единицы *за исключением* часто употребляются такие единицы, как *кроме, помимо, за вычетом, если не считать, не считая*.

Конструкция исключения представляет собой языковую структуру, описывающую ситуацию исключения одного элемента из множества в рамках одного предложения. Эта языковая структура обязательно включает в себя закрытое множество ('все' в примере (1)), ассоциированное с выделенным элементом ('Иван'), предикат, который относится к выделенному элементу с противоположной полярностью, нежели к ассоциированному множеству ('все **пришли**, Иван **не пришел**'). Выделенный элемент вводится специальной единицей (*за исключением* в примере (1)). Ассоциированное множество и относящийся к нему предикат выражены в главной части предложения, а выделенный элемент выражен в группе исключения, вершиной которой является соответствующая единица. Схематически основная конструкция исключения представлена в (2):

(2) $[\forall Y P1]\{\text{единица } X (-P1)\}$

Конструкция исключения имеет ряд разновидностей. В (2) представлена утвердительная конструкция исключения (см. пример (1)). В отрицательной конструкции исключения в главной части содержится отрицательный предикат, а не утвердительный, как в (2):

- (3) *Никто не пришел, за исключением Ивана.*

Предложение относится к конструкции исключения предикатов в том случае, если в выделенном элементе выражен предикат, а в главной части отсутствует именная группа, выражающая ассоциированное множество:

- (4) *В схеме Тильярда главная линия, ведущая к *Netouiridae* и *Carniidae*, почти полностью соответствует подотряду *Holognatha Enderlein*, за исключением того, что Тильярд не включал в него представителей *Eustheniidae* (у Эндерлейна *Griproterygidae*), считая это семейство неспециализированным потомком первоначального ствола. [Л. Жильцова. Веснянки (plecoptera). Группа *euholognatha* (2003)]¹*
- (5) *Компания, заинтересовавшая Ольховцеву, также не скрывала свою игру от соседей, за исключением одного заезда, который снова оказался «темным», и снова они крупно выиграли. [Александр Савельев. Аркан для букмекера (2000)]*

В конструкции «качества» выделенный элемент представляет собой исключение из некоторого свойства, а не из множества элементов:

- (6) *Дело было то ли зимой, то ли глубокой осенью, и во дворе было совершенно темно, если не считать светящихся с четырех сторон одинаковых окон, только затрудняющих мои поиски. [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975–2003)]*

Конструкция исключения может быть представлена риторическим вопросом, который подразумевает отрицательный ответ. В этом случае вопросительное слово относится к ассоциированному множеству:

- (7) *Кто же еще, помимо Ирака пойдет на такой необдуманый шаг? (Google)*

Кроме того, некоторые из рассматриваемых единиц могут также употребляться и в других конструкциях, похожих на

---

¹ Примеры (4), (5), (6), (8), (9) и (11) взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru).

конструкции исключения по своей структуре, но описывающие другие ситуации: конструкция отсутствия, конструкция «вне», конструкция добавления и конструкция «уникальности».

В конструкции отсутствия предикат, относящийся к выделенному элементу, не имеет отношения к предикату в главной части предложения, а обозначает отсутствие элемента (ср. возможность замены *за исключением* на *без* в (8)):

- (8) *В ответ 21 апреля благодарные союзники уступили России Герцогство Варшавское — за исключением Познани, Бомберга, Торна, а также объявленного вольным городом Кракова — и согласились на объявление Александра Королем Польским.* [Александр Архангельский. Александр I (2000)]

В конструкции «вне» выделенный элемент соотносится с предикатом в главной части и входит в одну составляющую с глагольной группой:

- (9) *Нет, все происходило **помимо** меня, все было на уровне ощущений.* [Татьяна Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000)]

В конструкции добавления, в отличие от конструкций исключения, к выделенному элементу и к ассоциированному элементу в главной части предложения относится один и тот же предикат с одинаковой полярностью:

- (10) ***Кроме** Ивана пришел Петр.*

В примере (10) предикат 'пришел' относится как к выделенному элементу ('Иван пришел'), так и к ассоциированному элементу ('Петр пришел').

Конструкция «уникальности» характеризуется тем, что в главной части предложения утверждается «уникальность» участника:

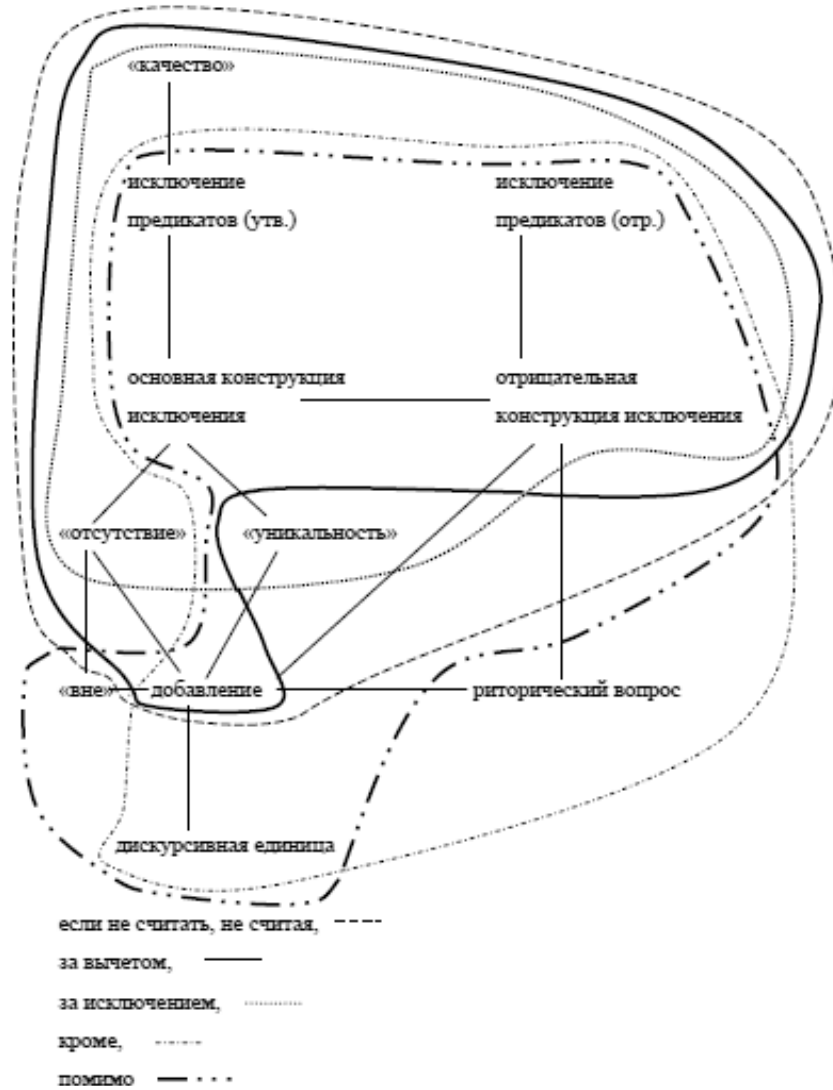
- (11) *Отдельную комнату из нашей «команды» имел **только** Вадим Шверубович, **если не считать** Михальского, у которого все равно нельзя было часто собираться, так как он сам был **нарасхват**.* [Софья Пилявская. Грустная книга (2000)]

Кроме того, некоторые единицы могут употребляться в составе дискурсивного маркера (ср. ***кроме того*** в этом предложении).

Данные типы конструкций были выявлены на основании анализа примеров из НКРЯ. В частности, было выяснено, в каких

конструкциях могут употребляться те или иные единицы. Эти данные позволяют построить «семантическую карту», отображающую связи между конструкциями исключения и родственными конструкциями в современном русском языке:

Рис. 1. «Семантическая карта» конструкций исключения

На Рис. 1 представлены конструкции, в которых могут употребляться единицы, служащие для выражения значения исключения, и отношения между ними. Прямые линии связывают конструкции на основании того, как употребляются рассматриваемые единицы: функции, в которых употребляется одна единица, должны покрывать одну зону и соединяться линиями, не прерываясь на те функции, в которых эта единица не употребляется. Кроме того, некоторые линии были проведены на основании логической связи и некоторых эмпирических данных, строго говоря не имеющих прямого отношения к употреблению рассматриваемых единиц в современном русском языке: так, линиями соединены конструкция добавления, отрицательная конструкция исключения и основная конструкция исключения, потому что отрицательная конструкция исключения по своим свойствам является промежуточным типом между конструкцией добавления и основной конструкцией исключения (подробнее об этом см. в [Оскольская 2011: 37–39]), а функции «вне» и «отсутствие» соединены линией по той причине, что в ряде языков одна и та же единица может выражать оба значения (ср. древнерусское употребление *кроме* в значениях ‘снаружи’ и ‘без’).

Несмотря на то, что зоны, соответствующие шести рассматриваемым единицам, в большой степени пересекаются, употребление этих шести единиц различается больше, чем может показаться по данной «семантической карте». Если обратить внимание на частоту употребления единиц в той или иной конструкции, то выясняется, что некоторые из единиц чаще употребляются в конструкции добавления (*помимо, не считая*), другие единицы чаще употребляются в конструкциях исключения (*за исключением, если не считать, за вычетом*), а предлог *кроме* часто употребляется и в конструкции добавления, и в конструкциях исключения. В Таблице 1 приведено количество употреблений каждой языковой единицы в конструкциях определенного типа на основании 3278 примеров из текстов 2000 г. НКРЯ. С предлогами *кроме* и *помимо* анализировалось только по 256 примеров, выбранных случайным образом, поэтому в Таблице 1 каждое число для предлога *кроме* получило коэффициент 9,98, а для предлога *помимо* — 1,87, так чтобы общая сумма равнялась сумме найденных в текстах 2000 г. примерах на *кроме* (2545) и *помимо* (478).

Серым выделены те ячейки, в которых указано наибольшее число для каждой единицы.

Таблица 1. Употребление языковых единиц в конструкциях исключения и родственных им конструкциях

	<i>если не считать</i>	<i>за вычетом</i>	<i>за исключением</i>	<i>кроме</i>	<i>помимо</i>	<i>не считая</i>	Сумма (все единицы)
Основная конструкция исключения	8	5	62	399,22	0	3	477,22
Отрицательная конструкция исключения	28	0	37	1097,84	3,73	6	1172,57
Риторический вопрос	—	—	—	49,9	—	—	49,9
Конструкция «качества»	20	0	8	—	—	2	30
Конструкция «отсутствия»	1	0	12	—	—	1	14
Конструкция «вне»	—	—	—	—	78,42	—	78,42
Конструкция добавления	5	1	—	978,08	386,51	31	1401,59
Конструкция «уникальности»	14	—	3	19,96	9,34	8	54,3
Общая сумма	76	6	122	2545	478	51	3278

Приведенные данные показывают, что предлог *кроме* употребляется в современном русском языке гораздо чаще остальных единиц. Часто употребляется и предлог *помимо*. Единицы *не считая* и *помимо* похожи друг на друга благодаря тому, что обе чаще всего употребляются в конструкции добавления. Предлог *за исключением* употребляется в основном в конструкциях исключения, а единица *если не считать* отличается тем, что основное ее употребление — в конструкции «качества».

Литература

Оскольская 2011 — С. А. Оскольская. Функционирование конструкций со значением исключения участника в русском языке. Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики, 2011.

Д. А. Паперно

UCLA, Лос Анджелес

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СИНТАКСИСА С ПОВЕРХНОСТНЫМИ УРОВНЯМИ ЯЗЫКА

1. Введение

В известной серии работ исследователи Звики и Пуллум доказывали, что синтаксические правила нечувствительны к фонетическим характеристикам слов и морфем ([Zwicky, Pullum 1983], с уточнениями в [Pullum, Zwicky 1986, 1988; Zwicky 1991]), и опровергали некоторые кажущиеся контрпримеры из грамматики французского языка [Miller et al. 1997]. Хотя анализ конкретных примеров у Звики и др. вполне убедителен, есть основания утверждать, что взаимодействие в грамматике различных языковых уровней все же существует.

Взаимодействие такого рода можно иногда считать вызовом самой идее уровневой модели, такой как Смысл $\Leftrightarrow$ Текст [Мельчук 1974]. Если рассмотреть порождение высказывания, межуровневое взаимодействие поднимает фундаментальный вопрос: устанавливается ли соответствие между языковыми уровнями локально (от семантики к синтаксису, от синтаксиса к морфологии и т. д.) или глобально (т. е. семантическому представлению сопоставляется структура, содержащая информацию обо всех языковых уровнях сразу)?

Наиболее очевидным примером нелокальных соответствий между уровнями является интонация, которую удобно описывать как выражение смысла фонетическими средствами; использование синтаксического представления как посредника может быть излишним. (Ср. также необходимость особой маркировки темы и ремы в МСТ на всех этапах от семантического представления до того момента, когда темарематическая структура кодируется формально.)

Однако если допустить свободное взаимодействие любых языковых уровней, то, возможно, получающаяся теория окажется чересчур либеральной. Действительно, можно представить себе

воображаемый язык, где порядок слов чувствителен к ограничениям на структуру слога. К примеру, в таком языке базовый порядок «подлежащее — глагол» может инвертироваться, если это помогает избежать закрытого слога. Если взять за основу слова английского языка, то ‘Сюзь пришла’ будет выражаться в этом языке как *Susie came* [su.zi.kem], с нормальным порядком слов, а ‘Ада пришла’ — как *Came Ada* [ke.mæ.də], с инверсией.

Приведенный пример — условный и заведомо невероятный. По-видимому, какие-то универсальные принципы грамматики все-таки позволяют исключить существование таких языков.

Перейду от гипотетических рассуждений к реальным примерам; один из них демонстрирует как раз чувствительность синтаксиса к первой фонеме основы (гласный или согласный), другой — к морфологическим свойствам основ.

2. Синтаксис и морфология: выражение посессивности в старославянском языке

Известно, что древние славянские языки чрезвычайно широко использовали притяжательные прилагательные, как местоименные, так и образованные от существительных. Притяжательные прилагательные были дефолтным способом кодирования посессивного отношения, а генитив употреблялся в особых случаях, когда прилагательное было почему-либо невозможно. Проиллюстрирую основную адъективную стратегию следующим примером:

(1) *syn-ъ Vož-ij-ъ*, но *syn-ъ Vog-a

Нет оснований усматривать между генитивом и притяжательным прилагательным различия в синтаксической позиции. В старославянском языке (в отличие, скажем, от современного русского языка) с точки зрения линейного порядка генитив и поссессивы были эквивалентны: и те, и другие непосредственно следовали за вершинным существительным. Более того, было возможно сочинение генитивных именных групп и притяжательных прилагательных, что вновь указывает на их синтаксическую эквивалентность, ср. (Лк 9:26):

(2) *vъ slav-ě svoj-ei i oтьč-i i svet-yixъ ang'elъ*

Как я уже указывал, притяжательные прилагательные использовались по умолчанию, но в ряде случаев они все же были невозможны. Во-первых, не от всех имен образовывались притяжательные прилагательные. Один из естественных классов лексем, от которых посесивы не образуются — изменяющиеся по родам, т. е. прилагательные в широком смысле. К примеру, местоимения 1-го и 2-го лица не различают рода, и, например, *azъ* имеет притяжательную форму *m-oj-*, а *ty* — *tv-oj-*. Напротив, местоимение 3-го лица **j-ь/*j-a/*j-e* изменяется по родам и лишено посесивных форм. Соответственно, в посесивном контексте от одного употребляется посесив, а от другого — генитив:

(3) *syn-ъ m-oj-ъ / *mene*

(4) *syn-ъ j-ego / *j-ov-ъ* (несуществующая форма)

Сравни также генитив в посесивной функции у субстантивированных прилагательных:

(5) *vъ dom-ъ kreпъk-aago*

(6) *o vъskrъšenii že mръtv-ухъ*

Еще один случай употребления генитива — посессор, выраженный существительным с зависимыми прилагательными. Можно предполагать, что посесив блокируется здесь требованиями согласования: так как от прилагательных посесив не образуется, употребление притяжательной формы вершинного существительного привело бы к рассогласованию определения и вершины:

(7) *syn-ъ Bog-a živ-ago*

Замечу, впрочем, что древнерусский язык допускал употребление притяжательного прилагательного и в таком контексте.

Описанная конструкция ясно указывает на взаимодействие синтаксического явления (выбора формы зависимой именной группы) с морфологическими ограничениями (возможность образования притяжательного прилагательного). Возможно, имело место и взаимодействие синтаксического и фонологического уровней. Так, в большинстве старославянских памятников притяжательные прилагательные от существительных с основой на /с/ чрезвычайно

редки; в посессивном контексте они употребляются в родительном падеже: *otъc-a otrokovic-ę, o syn-u vьdovic-ę*.

Природа этого ограничения для *s*-основ не вполне ясна. Возможно, мы имеем дело все с тем же морфологическим ограничением на образование притяжательных прилагательных от маркированных по роду форм: действительно, такие основы образуются суффиксами *-ъc-* и *-ic-*, последний из которых образует имена женского рода, а первый — как правило, мужского или среднего рода. Но возможно, что основная роль принадлежала здесь не морфологическим соображениям, а фонологическим, когда употребление генитива позволяло уклониться от фонологического процесса палатализации, неизбежного в продуктивном типе образования притяжательного прилагательного, ср. засвидетельствованный пример посессива от основы на */c/ mladenъč-ę* (Лк 18:15). Сходными факторами (морфологическими или же фонологическими) объясняется отсутствие посессивных прилагательных от *t*-основ, ср. *otъc-ъ otročęt-e* ‘отец ребенка’.

3. Синтаксис и фонология: посессивные конструкции в языке канхобал

Язык канхобал (семья майя) предоставляет более ясный пример взаимодействия синтаксических явлений с фонологическими. В этом языке есть два класса лично-посессивных показателей (маркеров лица посессора) — префиксы и клитики:

Таблица 1. Лично-посессивные показатели языка канхобал

	1SG	2SG	1PL	2PL	3
префикс	<i>w-</i>	<i>h-</i>	<i>j-</i>	<i>hey-</i>	<i>(s)y-</i>
клитика	<i>hin</i>	<i>ha</i>	<i>ku</i>	<i>he</i>	$\emptyset$, <i>s-</i>

Префиксы присоединяются к именам, основа которых начинается с гласного; клитики сочетаются с именами, начинающимися на согласный. При этом речь идет не просто об алломорфии показателя в зависимости от фонетического контекста. У префиксов и клитик различны синтаксические свойства. Если префиксы присоединяются к вершинному существительному, то позиция клитик определяется левым краем именной группы (примеры взяты из работы [McPherson 2011]):

- (8) *hɪn kab' saqɪn tɬ'i'*
1SG два белый собака
'мои две белые собаки'

Постановка посессивной клитики перед вершинным именем невозможна:

- (9) **kab' saqɪn hɪn tɬ'i'*
два белый 1SG собака
Ожид.: 'мои две белые собаки'

В то же время для префиксов позиция перед вершинным именем в синтаксической структуре, аналогичной приведенной выше, нормальна (*ix* 'женщина, любовница', в отличие от *tɬ'i'* 'собака', начинается с гласного и сочетается с префиксами):

- (10) *oxwɒn ɪxnat u-ɪx naq*
три старый 3-женщина он
'его три старые любовницы'

4. Заключение

Как показывают рассмотренные примеры, по крайней мере некоторые синтаксические явления могут быть чувствительны к морфологическим и фонологическим характеристикам слов, входящих в структуру предложения. Как это наблюдение соотносится с модульной моделью языка, в которой синтаксический, морфологический и фонологический компоненты отделены друг от друга? Налицо определенное противоречие. В поисках выхода из этого противоречия можно пойти по пути отказа от модульности и допустить сосуществование явлений всех уровней в едином грамматическом вычислении. Один из способов это реализовать — синтаксис теории оптимальности, где синтаксическая структура определяется взаимодействием ряда ограничений. Среди этих ограничений могут быть как собственно синтаксические, так и морфологические и фонологические; подобная формализация взаимодействия уровней предлагалась некоторыми исследователями. Так, Р. Фогель, анализируя безударные местоимения в скандинавских языках, приходит к выводу, что их позиция определяется взаимодействием синтаксических и просодических ограничений [Vogel 2006].

Другое возможное решение — закодировать релевантные различия в синтаксисе; это заставит нас считать, например, существительные языка канхобал, начинающиеся на гласные и согласные, соответственно — двумя разными синтаксическими классами лексем; аналогичный анализ был предложен для ряда похожих случаев во французском языке в работе [Miller et al. 1997]. Такое решение порождает значительную избыточность, когда фонологическая информация дублируется на синтаксическом уровне. Логически это допустимо; такой подход даже существенно не усложняет грамматические вычисления, необходимые для порождения и анализа текста. Однако он не приводит к более простому и элегантному описанию и, следовательно, не обязательно адекватен (ср. тезис А. Е. Кибрика о том, что «сложны лингвистические представления о языке вследствие их неадекватности, а язык устроен просто» [Кибрик 1992: 25]).

Наконец, возможно и еще одно решение — пересмотреть границы языковых уровней (эта альтернатива также не нова; среди прочих, она обсуждалась в [Zwicky, Pullum 1983]). Возможно, синтаксические явления, которые взаимодействуют с факторами других уровней, не принадлежат собственно синтаксису. В этом случае приходится приписывать выбор формы зависимого (в старославянском) и позиции личнопосессивного показателя (канхобал) или расширенному морфологическому, или отдельному морфосинтаксическому компоненту грамматики.

Замечу в заключение, что указанные три направления решения не исключают друг друга; так, использование теории оптимальности для объединения языковых уровней вполне совместимо с расширением морфологического компонента грамматики за счет поглощения части (морфо)синтаксических явлений.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо посессора; SG — единственное число посессора; PL — множественное число посессора.

Литература

Кибрик 1992 — А. Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1992.

- Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: Наука, 1974.
- McPherson 2011 — L. McPherson. Possessive expressions in Q'anjob'al. UCLA. Ms., 2011.
- Miller et al. 1997 — Ph. H. Miller, G. K. Pullum, A. M. Zwicky. The Principle of Phonology-Free Syntax: four apparent counterexamples in French // *Journal of Linguistics* 33, 1997. С. 67–90.
- Pullum, Zwicky 1986 — G. K. Pullum, A. M. Zwicky. Phonological resolution of syntactic feature conflict // *Language* 62, 4, 1986. P. 751–773.
- Pullum, Zwicky 1988 — G. K. Pullum, A. M. Zwicky. The Syntax-Phonology Interface // F. J. Newmeyer (ed.). *Linguistic Theory: Foundations*. Vol. 1. Cambridge: CUP, 1988. P. 255–280.
- Vogel 2006 — R. Vogel. Weak function word shift // *Linguistics* 44, 5, 2006. P. 1059–1093.
- Zwicky 1991 — A. M. Zwicky. Systematic vs. accidental phonological identity // F. Plank (ed.). *Paradigms: The Economy of Inflection [Empirical Approaches to Language Typology 9]*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1991. P. 113–132.
- Zwicky, Pullum 1983 — A. M. Zwicky, G. K. Pullum. Phonology in syntax: The Somali optional agreement rule // *Natural Language* 1, 1983. P. 385–402.

А. Ч. Пиперски

МГУ, Москва

**КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
КАК СПОСОБ ПРЕДСКАЗАТЬ
НАПРАВЛЕНИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
(на примере готских сильных глаголов)**

Современная типология далеко продвинулась в установлении общих диахронических закономерностей развития языков. Однако лингвистика до сих пор не умеет предсказывать по состоянию данного конкретного языка, что произойдет с тем или иным элементом его системы в будущем. В частности, это касается аналогических изменений в морфологии. Симптоматично, например, такое высказывание: «Similarity cannot be predicted in advance» [Anttila 2003: 435]. В работе будет показано, что некоторые статистические закономерности, наблюдаемые в корпусе конкретного языка, позволяют предсказать судьбу элементов этого языка, разным способом выражающих одно значение. В качестве примера взяты формы глагольного спряжения в готском языке.

Глаголы в германских языках подразделяются на слабые (образующие финитные формы прошедшего времени и причастия прошедшего времени с помощью суффикса, содержащего зубной согласный) и сильные (образующие эти формы с помощью чередования корневого гласного и/или редупликации начального согласного/группы согласных). Сильные глаголы делятся на 7 классов в зависимости от того, как они образуют свои четыре основы:

- 1) основу инфинитива и настоящего времени;
- 2) основу единственного числа индикатива прошедшего времени;
- 3) основу остальных финитных форм прошедшего времени;
- 4) основу причастия прошедшего времени.

В Таблице 1 даны примеры спряжения глаголов этих семи классов в готском языке:

Таблица 1. Примеры спряжения готских сильных глаголов

Класс	Осн. 1 INF	Осн. 2 3SG.PST	Осн. 3 3PL.PST	Осн. 4 PTCP.PST	Перевод
I	<i>steigan</i>	<i>staig</i>	<i>stigun</i>	<i>stigans</i>	подни- маться
II	<i>kiusan</i>	<i>kaus</i>	<i>kusun</i>	<i>kusans</i>	выбирать
III	<i>bindan</i>	<i>band</i>	<i>bundun</i>	<i>bundans</i>	привя- зывать
IV	<i>niman</i>	<i>nam</i>	<i>nemun</i>	<i>numans</i>	брать
V	<i>qipan</i>	<i>qap</i>	<i>qepun</i>	<i>qipans</i>	говорить
VI	<i>alan</i>	<i>ol</i>	<i>olun</i>	<i>alans</i>	кормить
VII	<i>haldan</i>	<i>haihald</i> [hehald]	<i>haihaldun</i> [hehaldun]	<i>haldans</i>	держат

Среди этих классов особо выделяется VII класс. Глаголы классов I–VI во всех германских языках образуют формы с помощью аблаута, в то время как глаголы VII класса в готском языке имеют во 2-й и в 3-й основе частичную редупликацию, а в других германских языках в этих формах у многих глаголов проявляются рефлексы особого гласного, обозначаемого как $\bar{e}_2$. Ср. пример (1), где $\bar{e}_2$ отражается как др.-в.-нем. *ia*:

- ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ
- (1a) *halt-an*
держать.STEM1-INF
'держат'
- (1б) *hialt-∅*
держать.STEM2-3SG.PST
'он держал'

В прагерманском языке глаголы VII класса имели редупликацию [Ringe 2006: 248], а формы с $\bar{e}_2$ возникли в результате морфонологической перестройки (фонетически незаконмерные переходы обозначены знаком →):

- (2) прагерм. **he-hald-e* 'он держал' → **hehld* → **hē₂ld* > др.-в.-нем. *hialt*

Таким образом, старое состояние наблюдается лишь в готском языке, а в других германских языках редупликация утратилась. Тем не менее, как показывает более пристальный взгляд,

уже в готских текстах можно найти свидетельства того, что редуцирующие глаголы в германских языках были обречены на исчезновение.

В Таблице 2 приводятся данные о частотности форм от разных основ у глаголов разных классов в лексиконе и в корпусе готского языка¹:

Таблица 2: Частотность различных основ от глаголов разных классов в корпусе готских текстов

Класс	Лексемы	s_1	s_2	s_3	s_4	S
I	60	339	194	61	21	615
II	42	196	78	39	37	350
III	82	532	322	143	77	1074
IV	37	506	139	117	36	798
V	63	1230	730	277	75	2312
VI	60	352	119	81	20	572
VII	86	815	148	86	47	1096
Всего	430	3970	1730	804	313	6817

(s_n — количество зафиксированных в текстах форм от n -й основы; $S = s_1 + s_2 + s_3 + s_4$).

В Таблице 3 представлена относительная частотность употребления различных форм:

Таблица 3. Относительная частотность употребления различных основ

Класс	$s_1 : S$	$s_2 : S$	$s_3 : S$	$s_4 : S$	$(s_2 + s_3) : S$
I	0,551	0,315	0,099	0,034	0,415
II	0,560	0,223	0,111	0,106	0,334
III	0,495	0,300	0,133	0,072	0,433
IV	0,634	0,174	0,147	0,045	0,321
V	0,532	0,316	0,120	0,032	0,436
VI	0,615	0,208	0,142	0,035	0,350
VII	0,744	0,135	0,078	0,043	0,214
Всего	0,582	0,254	0,118	0,046	0,372

Разброс значений у разных классов велик. Отчасти это объясняется типом сохранившихся текстов: так, высокая частотность

¹ Использована база данных <http://www.wulfila.be/gothic>.

2-й основы у V класса вызвана тем, что в Библии часто употребляется 3 ед. прош. вр. от глагола 'сказать', так что на глагол *qifan* 'сказать' приходится 486 из 730 форм V класса от 2-й основы.

Однако из крайностей, отраженных в Таблице 3 (например, «Частотность форм от 3-й основы особенно высока у глаголов IV класса», «Частотность форм от 4-й основы особенно высока у глаголов II класса»), простую грамматическую интерпретацию может получить лишь одна: «Глаголы VII класса занимают последнее место по относительной частотности форм от 2-й и 3-й основы» (соответствующие числа выделены в Таблице 3). Именно эти формы именно этих глаголов используют редупликацию, и вероятно, низкая частотность свидетельствует о том, что этот морфологический способ в готском языке уже начал постепенно отмирать.

Сама по себе Таблица 3 не показательна: разумеется, в каждом ее столбце найдется свое наименьшее значение, и это еще не означает, что соответствующая форма должна исчезнуть. Однако показательно наложение Таблицы 3 на Таблицу 1: если формы, образующиеся особым образом, редки, то это предвестник их скорого отмирания. Поэтому, например, сравнительно низкая частотность 4-й основы у V класса не говорит ни о чем, ибо способ ее образования принципиально тот же, что и у других четвертых основ (аблаут), а низкая частотность 2-й и 3-й основ VII класса, образующихся с помощью редупликации, говорит о многом².

Точно так же не показательна и Таблица 1, взятая отдельно. Конечно, формы с редупликацией занимают лишь 2 клетки из 28, но это еще не повод считать, что они должны утратиться. Во-первых, морфологические архаизмы могут сохраняться веками; во-вторых, склонными к утрате в исторической лингвистике при прочих равных считаются формы с чередованиями (2-я тенденция аналогических изменений Манчака, см. [Носк 1991: 230], т. е. остальные 26 форм, но именно они в германских языках сохраняются. Итак, убедительно доказывает нежизнеспособность редуплицированных форм лишь совместное рассмотрение Таблиц 1 и 3.

Западно- и северогерманские языки показывают, что в германском глаголе действовала тенденция к устранению редупликации.

---

² Ср. также [Lieberman et al. 2007], где на материале перехода сильных глаголов в слабые в английском языке показана связь низкой частотности и интенсивности морфологической перестройки.

Готский язык, конечно, не предок этих языков, но с известной степенью приближения можно говорить, что если в германском языке середины I тысячелетия нашей эры частотность некоторых форм была низкой, а в германских языках конца I тысячелетия этих форм уже не было, то эта низкая частотность и позволяет предсказать исчезновение данных форм.

Сложнее объяснить, какие механизмы могли понижать частотность редуцируемых форм. Наиболее вероятный путь — замена форм с редупликацией на грамматически синонимичные формы за пределами флективного глагольного спряжения. Так, с некоторыми глаголами VII класса в готском языке вместо активной конструкции употребляется пассивная, так что в прошедшем времени используются не формы с редупликацией, а аналитические конструкции с причастием прошедшего времени, не имеющим редупликации. Ср. употребление немецкого глагола *heißen* и готского *haitan*:

НЕМЕЦКИЙ
 (3) *Er hieß-∅ Peter*
 он носить.имя.IPFV.АСТ-3SG Петер
 ‘Его звали Петер’.

ГОТСКИЙ (Ин. 18:10)
 (4) *sah þan haitans was*
 который тогда называть.PTCP.PST был
namin Malkus
 именем Малх
 ‘...которого звали Малх’

Но каким бы способом ни устранялись редуцированные глаголы из готского языка, резонно предполагать, что низкая частотность — это первый шаг в сторону утраты редупликации.

Рассмотренный выше случай интересен не только и не столько сам по себе, но и как образец методологии, позволяющей делать предсказания в случае грамматической синонимии. Если форма F образуется у множества слов W_1 способом M_1 , а у множества слов W_2 — способом M_2 и при этом в корпусе текстов частотность формы F от слов множества W_2 существенно ниже, чем частотность формы F от слов множества W_1 , то способ M_2

в диахронической перспективе ожидает исчезновение. Различие в частотности может не осознаваться интуитивно (так, германисты интуитивно не отмечали разную частотность прошедшего времени у готских глаголов разных классов) и должно определяться с помощью корпусного исследования. Выше этот метод был опробован на материале, где ответ известен заранее, но если собрать подобную статистику для каких-либо категорий в корпусах современных языков, то, вероятно, можно будет сделать интересные предсказания.

Список условных сокращений

др.-в.-нем. — древневерхненемецкий; прагерм. — прагерманский; 3 — лицо; АСТ — активный залог; INF — инфинитив; IPFV — имперфект; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число; STEM1 — первая основа; STEM2 — вторая основа.

Литература

- Anttila 2003 — R. Anttila. Analogy: The warp and woof of cognition // B. D. Joseph, R. D. Janda (eds.). *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford: Blackwell, 2003. P. 425–440.
- Hock 1991 — H. H. Hock. *Principles of Historical Linguistics*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1991.
- Lieberman et al. 2007 — E. Lieberman, J.-B. Michel, J. Jackson, T. Tang, M. A. Nowak. Quantifying the evolutionary dynamics of language // *Nature* 449, 2007. P. 713–716.
- Ringe 2006 — D. Ringe. *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*. Oxford: OUP, 2006.

Д. П. Попова

МГУ, Москва

ВЫБОР НАКЛОНЕНИЯ В ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДИКАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Введение

В данной работе я остановлюсь на небольшом фрагменте проблемы выбора наклонения и проанализирую распределение индикатива и сослагательного наклонения в придаточных предложениях пропозициональных глаголов в русском языке. По распределению наклонений, которые допускаются в придаточном предложении, пропозициональные предикаты можно разделить на три группы.

Первую группу составляют глаголы, в частности, дезидеративы, которые подчиняют только клаузы, стоящие в сослагательном наклонении:

- (1) *Я хочу, *что/чтобы Роджер победил.*
- (2) *Я не хочу, *что/чтобы Роджер победил.*

Ко второй группе относится ряд глаголов мнения, например, *думать*. Эти предикаты присоединяют в утвердительных предложениях только зависимые клаузы в индикативе (3), а в отрицательных контекстах допускают использование в своем придаточном предложении как индикатива, так и сослагательного наклонения (4).

- (3) *Я думаю, что/*чтобы Роджер победил.*
- (4) *Я не думаю, что/чтобы Роджер победил.*

И, наконец, в третью группу входят глаголы, в частности, эмотивы, которые подчиняют только клаузы в индикативе:

- (5) *Я рад, что/*чтобы Роджер победил.*
- (6) *Я не рад, что/*чтобы Роджер победил.*

Примеры (1)–(6) иллюстрируют два аспекта распределения наклонений в придаточных предложениях пропозициональных предикатов в русском языке: зависимость выбора наклонения от семантики пропозиционального предиката и влияние на этот выбор отрицания. Целью последующего анализа будет отражение этих аспектов.

2. Семантика пропозициональных глаголов

При анализе зависимости выбора наклонения в придаточном предложении от семантики пропозициональных глаголов я опираюсь на подход, выработанный в [Farkas 2003] для объяснения распределения индикатива и сослагательного наклонения (*subjunctive*) на материале румынского, французского и испанского языков. Сформулируем основные положения данного подхода:

- (7) придаточные предложения имеют свой собственный потенциал изменения контекста¹, свойства которого определяются пропозициональным предикатом;
- (8) выбор наклонения определяется двумя семантическими характеристиками придаточного предложения, касающимися потенциала изменения контекста, которым оно характеризуется: [+/-ассертивность] и [+/-определенность];
- (9) признак [+ассертивность] приписывается клаузам с ассертивным потенциалом изменения контекста в смысле [Heim 1992];
- (10) предложению приписывается признак [+определенность], если оно либо истинно, либо ложно на заданном множестве возможных миров; предложение не определено, если итоговый контекст не определяет ни его истинности, ни его ложности в рассматриваемых мирах;
- (11) чтобы отразить тот факт, что основное утверждение, характеризующееся параметрами [+ассертивность] и [+определенность], оформляется индикативом, вводятся два ограничения:
*сослагательное наклонение/[+определенность];
*индикатив/[-ассертивность];

---

¹ Контекст определяется как множество возможных миров, совместимых с убеждениями, разделяемыми участниками дискурса (W_c).

(12) для случаев нарушения обоих ограничений и для объяснения межъязыковой вариативности используется аппарат теории оптимальности.

Обратимся к данным русского языка. Вслед за [Kagan 2007], я буду считать, что хотя в русском языке нет синтетической формы сослагательного наклонения, клаузы с союзом *чтобы* и глаголом в прошедшем времени семантически эквивалентны клаузам в сослагательном наклонении (subjunctive) в рассматривавшихся Фаркаш романских языках.

Вложенные клаузы деизидеративов (1)–(2) характеризуются признаком [–ассертивность], так как изменение контекста, вызываемое ими, не ассертивно, а оценочно. Это означает, что, например, в (1), миры, в которых вложенная пропозиция ‘Роджер выиграл’ истинна, более желательны, чем миры, в которых эта пропозиция ложна. Поскольку матричный предикат не имеет ни следствия, ни пресуппозиции истинности своей подчиненной пропозиции на множестве вложенных контекстов, значение второго признака — [–определенность]. Ограничения в (11) гарантируют использование сослагательного наклонения в (1)–(2).

Глаголы мнения (3)–(4) подчиняют клаузу с характеристикой [+ассертивность] (и, следовательно, автоматически [+определенность]), потому что пропозиция, вводимая подчиненной клаузой, утверждается как истинная в мире субъекта. Получившаяся комбинация значений, согласно (11), исключает появление в зависимой клаузе сослагательного наклонения. Таким образом, глаголы мнения должны управлять только индикативом (3). Появление сослагательного наклонения в (4) представляет проблему для данного анализа и будет рассмотрено в следующем разделе.

Глаголы эмоций (5)–(6) являются фактивными глаголами, поэтому их зависимые предложения характеризуются парой значений [–ассертивность, +определенность]. Это означает, что, согласно ограничениям в (11), зависимое предложение не может стоять ни в индикативе, ни в сослагательном наклонении. Для решения этой проблемы вводится следующая иерархия ограничений: *сослагательное наклонение/[+определенность] >> *индикатив/[–ассертивность]. Она гарантирует, что в зависимых клаузах эмоций используется индикатив как «оптимальное» наклонение, удовлетворяющее наиболее важному ограничению.

Таким образом, анализ Фаркаш, адаптированный для данных русского языка, правильно предсказывает распределение наклонений в (1)–(3), (5)–(6), но не объясняет возможности появления наряду с индикативом сослагательного наклонения в отрицательных контекстах с глаголами мнения (4).

3. Семантика отрицания

Вслед за [Kagan 2007], я исхожу из того, что сентенциальное отрицание может менять потенциал изменения контекста вложенной пропозиции со значения [+ассертивность] на [–ассертивность]. Это приводит к тому, что положение дел, при котором миры, в которых пропозиция ‘Роджер не выиграл’ истинна, становится также совместимыми с видением субъектом реальности. Таким образом, вложенная пропозиция характеризуется как [–определенная] и используется сослагательное наклонение (4).

Подход Каган необходимо далее модифицировать, чтобы он также объяснял, почему в зависимых клаузах предикатов остальных групп (2), (6) отрицание никак не влияет на выбор союза. Я предлагаю считать, что отрицание не меняет семантические характеристики вложенной клаузы, которая уже имеет [–ассертивный] потенциал изменения контекста. Дело в том, что характеристика зависимой клаузы [–ассертивность] появлялась у нас в двух случаях.

Первый случай (6) тривиален: отрицание сохраняет пресуппозитивный статус пропозиции, выраженной зависимой клаузой.

Во втором случае, отрицание не влияет на то, является ли контекст оценочным. В (2) миры, в которых вложенная пропозиция ‘Роджер выиграл’ ложна, более желательны, чем миры, в которых она истинна. Таким образом, отрицание меняет ранжирование миров, но не меняет того факта, что контекст остается оценочным с характеристикой [–ассертивность].

4. Выводы

Модифицированные анализы [Farkas 2003] и [Kagan 2007] успешно предсказывают распределение индикатива и сослагательного наклонения в примерах (1)–(6). Однако ни один из этих анализов не объясняет, почему в предложениях типа (4) может быть использован как индикатив, так и сослагательное наклонение.

Возможным решением этой проблемы было бы считать, что потенциал изменения контекста зависимой клаузы определяется не только семантикой пропозиционального предиката и синтаксического отрицания, но и семантикой наклонения, которое в ней используется. Тогда после того, как отрицание меняет признак [+ассертивность] на признак [–ассертивность], индикатив присваивал бы клаузам признак [+определенность], а сослагательное наклонение — [–определенность]. Похожие идеи высказывались в [Кобозева 1988] в связи с дистрибуцией союзов *что* и *чтобы*.

Литература

- Кобозева 1988 — И. М. Кобозева. Отрицание в предложениях с глаголами восприятия, мнения и знания // Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988. С. 82–98.
- Farkas 2003 — D. F. Farkas. Assertion, Belief and Mood Choice // Paper presented at ESSLLI, Conditional and Unconditional Modality Workshop, Vienna, 18–29 August, 2003.
- Heim 1992 — I. Heim. Presupposition projection and the semantics of attitude verbs // Journal of Semantics 9, 1992. P. 183–222.
- Kagan 2007 — O. Kagan. On the Semantics of Structural Case. PhD Thesis. Hebrew University of Jerusalem, 2007.

Е. А. Пшехотская

МГУ, Москва

КОНСТРУКЦИИ С НЕСУБКАТЕГОРИЗОВАННЫМ ДАТИВОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Проблема

Грамматические свойства косвенного дативного дополнения глагола в языках мира — одна из наиболее противоречивых и слабо освещенных в литературе областей семантики и синтаксиса. С одной стороны, понятие трехместного глагола, непосредственно связанного с одним из видов конструкций с косвенным дативом, известно еще со времен классических грамматик. С другой стороны, межъязыковое разнообразие семантико-синтаксических свойств конструкций с косвенным дативом до сих пор не позволяет исследователям создать общую объяснительную теорию дативного дополнения.

На сегодняшний день мы обладаем довольно обширными знаниями о семантических свойствах конструкций с дативным дополнением. К примеру, хорошо изучена семантика специфических отношений между прямым дополнением и косвенным дативом, возникающих, например, в русском языке. Так, в работах А. Е. Кибрика [Кибрик 2000] представлен функционально-ориентированный взгляд на семантику обладания, засвидетельствованную в так называемых конструкциях с внешним посессором, ср. (1):

- (1а) *Он поцеловал ей руку / у нее руку.* [Кибрик 2000].
- (1б) *Он поцеловал ее в губы.*
- (2а) *После представления Капур встал за кулисами на колени перед клоуном и поцеловал ему руку.*
- (2б) *Таня поцеловала Василису в темечко, покрытое черным платком.*

Наблюдаемое многообразие наблюдений над семантико-синтаксическими свойствами конструкций с дативным дополнением

позволяет сформулировать новые вопросы, находящиеся на следующем уровне теоретической абстракции. Существует ли общая синтаксическая позиция для косвенного датива в языках мира? Если нет, то каковы ограничения на межъязыковое варьирование в этом отношении? Является ли синтаксическая позиция косвенного датива постоянной (одинаковой во всех предложениях) в рамках одного языка (например, русского)? И если нет — как объяснить соответствующую вариативность в синтаксических и/или формально-семантических терминах?

Дальнейшее обсуждение будет основано на последовательном разделении субкатегоризованного датива (участника ситуации, существование которого предполагается семантикой ситуации, обозначаемой глаголом; например, дать, послать, сказать в значении не ‘произнести’, а ‘адресовать высказывание’) и несубкатегоризованного (факультативного с точки зрения семантики ситуации: построить, сварить, разрушить). Первый тип дативного дополнения будем называть (собственно) дативом, а соответствующие предложения — дативными конструкциями. Второй тип дативного дополнения будем называть аппликативом, а соответствующие предложения — аппликативной конструкцией.

2. Типологическая перспектива

Рассмотрим два типа аппликативных аргументов на примерах из языка чага (высокий аппликатив, из [Bresnan, Moshi 1993: 49], цит. по [Pylkkänen 2000: 404, 2008: 11]) и из английского языка (низкий аппликатив).

(3а) *N-ǎ-ĩ-lyì-í-à*   *m-kà*   *kélyá*.
FOC-3SG-PRS-есть-APPL-FV   1-жена   7-еда
‘Он ест [еду] своей жене (=для своей жены)’.

(3б) *Pete baked him a cake*.
‘Пит испек ему пирог’.

Важное различие между примерами (3а) и (3б) состоит в том, что в последнем, но не в первом предполагается наличие отношения обладания между дативным участником и объектом: в (3б) имеется пресуппозиция ‘пирог принадлежит ему (дативному участнику)’, при этом пресуппозиция ‘еда принадлежит жене’ в (3а)

отсутствует. В отличие от чага, английское предложение (3б) предполагает посессивную связь между прямым дополнением и аппликативом, в отличие от (3а): поглощаемая агенсом еда не обязательно принадлежит его жене — в (3а) скорее утверждается, что ситуация поглощения еды происходит в интересах жены, для ее удовлетворения.

Таким образом, как показывает Л. Пюльккянен, если вершина *AppI* низкого аппликатива в (3б), вводит семантическое отношение между индивидами (отношение обладания), то вершина высокого аппликатива в (3а) вводит отношение между индивидом и событием. Это, таким образом, означает, что для низкого аппликатива необходим индивид, вводимый внутренним аргументом (прямым дополнением), а для высокого аппликатива — нет. Из сказанного следует, что низкие аппликативы совместимы только с переходными глаголами, а высокие — теоретически с любыми.

Поскольку Л. Пюльккянен предполагает, что в языке может быть представлен только один тип аппликативной вершины — высокий или низкий, — она использует переходность как критерий для определения типа этой вершины в произвольном языке.

(4) **ОБОБЩЕНИЕ О ПЕРЕХОДНОСТИ:**

Если в данном языке непереходные агентивные глаголы допускают аппликативизацию, то в этом языке представлен высокий тип аппликатива, в противном случае — низкий.

Второе важное обобщение, используемое Л. Пюльккянен при определении типа аппликативной вершины, касается определенных свойств семантики глагольной вершины.

(5) **ОБОБЩЕНИЕ О ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ:**

Если в данном языке стивные глаголы допускают аппликативизацию, то в этом языке представлен высокий тип аппликатива, в противном случае — низкий.

Как указывает Л. Пюльккянен, семантика низкого аппликатива всегда предполагает изменение в отношении обладания между объектом и аппликативом. Это означает, что стивные глаголы (даже переходные) типа содержать, предпочитать, знать, осознавать, видеть, заслуживать, иметь, обозначать, понимать и другие не сочетаются с низким аппликативом. Действительно,

русские примеры в (б) неграмматичны, как и их английские эквиваленты.

- (ба) *Иван видит Маше городские достопримечательности.
(бб) *Иван хорошо понимает учителю математику.
(бв) *Коробка содержала Ивану новую книгу о Гарри Поттере.
(бг) *Иван имеет Маше много денег.

Л. Пюльккянен полагает, что обобщения (4) и (5) коррелируют между собой, и эту корреляцию подтверждают данные, как минимум, английского, японского и корейского языков (низкий аппликатив) и луганды, венды и албанского (высокий аппликатив). Ср. следующие примеры из [Pulkkänen 2008: 20–21]:

- (7а) Непереходный агентив (японский, низкий аппликатив)
*Taroo-ga Hanako-ni hasit-ta.
Таро-NOM Ханакo-DAT бежать-PST
Ожид.: ‘Таро убежал от Ханакo’.
- (7б) Статив
*Taroo-ga Hanako-ni kanojo-no kaban-o mot-ta.
Таро-NOM Ханакo-DAT она-GEN сумка-ACC держать-PST
Ожид.: ‘Таро подержал Ханакo ее сумку’.
- (8а) Непереходный агентив (албанский, высокий аппликатив)
I vrapova.
он.DAT.CL бегать.1SG
‘Я для него побегал’.
- (8б) Статив
Agimi i mban Drites çanten time.
Агим.NOM CL держит Дрита.DAT сумка.ACC мой
‘Агим держит мою сумку для Дриты’

Русский язык не подтверждает гипотезу о данной корреляции.

3. Данные русского языка

Суммируем типологические параметры, которые позволяют охарактеризовать тип аппликативной вершины относительно русского материала.

Таблица 1. Свойства русских аппликативных конструкций

Параметр	Высокий аппликатив	Низкий аппликатив
Сочетание с непереходными агентивными глаголами	Да	Нет
Отсутствие «прямых» семантических отношений с прямым дополнением (например, посессивность)	Да	Нет
Сочетание со стативами	Да	Нет
Вторичная предикация	Да	Нет

Серым цветом в таблице обозначена зона значений параметров, которую покрывают данные русского языка. Эти данные не позволяют дать однозначный ответ на вопросы о сочетаемости аппликатива с непереходными агентивными глаголами и о наличии или отсутствии специфических семантических отношений, имплицитруемых аппликативной конструкцией. Эти два параметра разбивают множество предложений, в которых допустим аппликатив, на два класса, дистрибуция которых требует объяснения. Поэтому именно эти два параметра будут внимательно рассмотрены ниже.

4. Две аппликативные конструкции в русском языке

Нестандартное, с точки зрения существующей теории аппликативизации, поведение русских аппликативов получает объяснение, если допустить, что в данном случае мы имеем дело с несколькими типами аппликативных конструкций. Вернемся к примерам, которые соответствуют первым двум строкам таблицы — наличие посессивного отношения между прямым дополнением и аппликативом, ср. (9), и сочетаемость с непереходными агентивными глаголами, ср. (10). Аппликативный аргумент в примерах (а) будем называть приглагольным аппликативом, или V-аппликативом, а аппликатив из примеров (б) — приименным, или N-аппликативом.

(9а) *Иван_i вспахал Маше (*свои_i) огород.* (V-аппликатив)

(9б) *Иван_i разлил Маше (свои_i) чернила на платье.* (N-аппликатив)

(10а) **Она смеется ему.* (V-аппликатив)

(10б) *Она смеется ему в лицо.* (N-аппликатив)

Противопоставление N- и V-аппликативов было недавно предложено П. Гращенко и В. Маркман [Grashchenkov, Markman 2008] в связи со следующими примерами:

(11а) *Дима [привел мне] лошадь.* (приглагольный аппликатив)

(11б) *Дима был [мне другом].* (приименной аппликатив)

Важнейшее допущение, принимаемое далее, состоит в том, что в отличие от примеров (а) в (9)–(11), в примерах (б) аппликативный аргумент образует с косвенным дополнением общую составляющую, что подтверждается, например, проявлением соответствующего «эффекта крысолова» при wh-передвижении:

(12а) [*Кому на платье*]_i *Иван разлил чернила* *t_i*? N-аппликатив

(12б) [*Кому в лицо*]_i *она смеется* *t_i*?

(12в) [*Кому в комнате*]_i *он разбросал мусор* *t_i*?

(13а) ??[*Кому пять заданий*]_i *Иван выполнил* *t_i*? V-аппликатив

(13б) ??[*Кому фаршированную горбушу*]_i *Борис приготовил* *t_i*?

В N-аппликативах дативный аргумент исходно зависит от ИГ, обозначающей локативного участника, и определенным образом получает дательный падеж. Это и есть широко обсуждаемый в литературе подъем посессора. В V-аппликативах аппликативный аргумент образует общую составляющую с глаголом (а не с прямым дополнением, как предполагал бы анализ в духе подъема посессора). По этой причине, в частности, ожидается, что V-аппликативы будут иметь общие структурные свойства с трехместными глаголами.

Как демонстрирует (12в), именная группа, от которой зависит аппликатив, необязательно занимает аргументную позицию (вынесенные составляющие в (12), очевидно, адъюнкты).

Структурные различия между V-аппликативами и N-аппликативами имеют последствия и для интерпретации этих конструкций. Так, в N-аппликативах регулярным образом возникает отношение посессивности между аппликативом и локативным

дополнением, что препятствует установлению посессивного отношения между аппликативным аргументом и прямым дополнением. При V-аппликативах отношение посессивности между аппликативом и прямым дополнением обусловлено экстралингвистическими факторами.

Список условных сокращений

1 — 1 лицо (в албанском); 1, 7 — именной класс (в чага); 3 — 3 лицо (в чага); ACC — аккузатив; APPL — аппликатив; CL — клитика; DAT — датив; FOC — фокус; FV — конечный гласный; GEN — генитив; NOM — номинатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Кибрик 2000 — А. Е. Кибрик. Внешний посессор как результат расщепления валентности // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 429–441.
- Bresnan, Moshi 1993 — J. Bresnan, L. Moshi. Object asymmetries in comparative Bantu syntax // S. A. Mchombo (ed.). *Theoretical Aspects of Bantu Grammar 1*. Stanford: CSLI Publications, 1993. P. 47–91. [First published in *Linguistic Inquiry* 21, 2, 1990. P. 147–185.]
- Grashchenkov, Markman 2008 — P. Grashchenkov, V. G. Markman. Non-core arguments in verbal and nominal predication: High and low applicatives and possessor raising // N. Abner, J. Bishop (eds.). *Proceedings of the 27th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2008. P. 185–193.
- Pykkänen 2000 — L. Pykkänen. Deriving adversity // R. Billerey, B. D. Lillehaugen (eds.). *Proceedings of the 19th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Somerville, MA: Cascadilla Press, 2000. P. 399–410.
- Pykkänen 2008 — L. Pykkänen. *Introducing Arguments*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.

Е. А. Ренковская

АВВУУ, Москва

К ВОПРОСУ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ АККУЗАТИВНО-ДАТИВНЫХ И ДАТИВНЫХ ПОСЛЕЛОГОВ В ДИАЛЕКТАХ ЯЗЫКА КУМАОНИ

Задачей настоящего исследования является описание функций аккузативно-дативных и дативных послелогов¹ в диалектах языка кумаони, а также выделение современных тенденций в перераспределении ролей между разными группами послелогов.

Язык кумаони относится к северной подгруппе индоарийских языков. Он распространен в регионе Кумаон на севере Индии, число носителей составляет около 2 млн. Выделяются от 12 до 16 диалектов кумаони: западные и южные (кхаспарджия, пхальдакотия, паччхаи, рау-чхаубхайнси), северные и центральные (чаугаркхия, ганголи, данпурия и джохари), восточные (сорьяли, сирали, аскоти), юго-восточный (кумайя).

Материалом для исследования послужили данные, собранные в трех поездках в восточный Кумаон (г. Питхорагарх, 2007, 2009 и 2011 гг.), а также тексты (интернет, видеозаписи, фольклор) и существующие описания языка.

Послелогов в кумаони характеризуются огромной диалектной вариативностью, как по внешней форме, так и по функциям. Наиболее полную их картину приводит Д. Шарма [Sharma 1987, 1994], не уделяя, однако, особого внимания их функциям, а больше концентрируясь на вопросах этимологии и локализации диалектных вариантов.

1. Аккузативно-дативные послелогов

Аккузативно-дативные послелогов в кумаони присоединяются к форме косвенного падежа имени и имеют следующие варианты (в скобках указаны диалекты)²:

---

¹ Под аккузативно-дативными и дативными послелогов понимаются послелогов, выполняющие функции соответствующих падежей.

² Внутридиалектные варианты даются через тире, междиалектные — через косую черту.

- Ø (отсутствие послелого — главным образом, в кумайя, также в других диалектах, в основном восточных);
- (a/e)s / (a/e)ś (восточные диалекты)³;
- kaṇi — kaṇ — kĕ̃ (западные и южные диалекты, а также чаугаркхия);
- gaṇi — gaṇ — gĕ̃ (данпурия, иногда в западных диалектах);
- hai / thĕ̃ (джохари).

Менее частотны: la (диалект Тхала), khan (поддиалекты кумайя).

Функции аккузативно-дательных послелогов в кумаони во многом сходны с хинди. Однако в отличие от хинди в кумаони аккузативно-дательные послелогов не присоединяются к инфинитивам и не употребляются в локативных и временных конструкциях.

Аккузативно-дательные послелогов в кумаони маркируют:

- прямой объект (только для неодушевленных определенных и одушевленных ИГ);

(1) *cyāl le celi kĕ̃ dekh-o*
юноша ERG девушка ACC/DAT видеть-PST.M.3SG
'Юноша увидел девушку'. (кхаспарджия)

- не прямой объект при дитранзитивных глаголах;

(2) *wī-s kwē kē naī di-thyā*
он-ACC/DAT кто-то что-то не давать-PST.HABIT.M.3SG
'Ему никто ничего не давал'. (сирали) [Grierson 1906: 247]

- бенефактив при каузативных глаголах с семантикой «получение, восприятие», а также при пермиссивных каузативах.

(3) *mĕ̃ u-s pahārī sik-ũ-chu*
я он-ACC/DAT пахари изучать-CAUS-PRS.1SG
'Я обучаю его языку пахари'⁴. (сорьяли)

---

³ Послелог -s находится в процессе грамматикализации и имеет ряд свойств аффикса, поэтому в традиционной транслитерации пишется слитно с существительным.

- экспериенцер:
  - в конструкциях восприятия;
- (4) *u kaṇi phām a-i*
 он ACC/DAT осознание приходит-*PST.F.3SG*
 ‘Он осознал’. (рау-чхаубхайнси) [Grierson 1906: 221]
  - в конструкциях знания и умения;
- (5) *tĒ-s yo kām ne u-no*
 ты-ACC/DAT этот работа не идти-*PST.NEG.M.3SG*
 ‘Ты не умеешь этого делать’. (сорьяли)
  - субъект конструкций с глаголами долженствования (в конструкциях с глаголом *hun* ‘быть’ возможен также эргативный послелог);
- (6) *Rām-as ghar jhā-n th-yo*
 Рам-ACC/DAT дом идти-*INF* быть-*PST.M.3SG*
 ‘Рам должен был идти домой’. (аскоти) [Upreti 1976: 231]
  - реципиент в конструкциях получения.
- (7) *ma kã piṇe kām e*
 я ACC/DAT Пуна.OBL работа приходит-*PART.PASS*
go
 идти-*PST.M.3SG*
 ‘Мне нашлась работа в Пуне’. (рау-чхаубхайнси)

2. Дательные послелогои

Дательные послелогои (диалектная вариативность которых отличается бóльшим разнообразием) делятся на две группы: (а) **собственно дательные**, присоединяемые к имени или инфинитиву в косвенном падеже и иногда к личным местоимениям в генитиве, участвующие в сильном управлении и многофункциональные; (б) **бенефактивные**, присоединяемые к имени или инфинитиву посредством генитивного послелога, не участвующие в сильном управлении и передающие меньше значений, основное из которых — бенефактивное.

---

⁴ Самоназвание языка кумаони, а также других североиндийских языков.

2.1. Собственно дативные послелого

К собственно дативным послелогам относятся следующие:

- *huṇi* — *hũ* (западные и южные диалекты, чаугаркхия);
- *khin* / *khī* (сорьяли, сирали);
- *hin* / *hī* (ганголи, западные диалекты);
- *suṇi* — *sũ* / *su* (рау-чхаубхайнси);
- *kithyā* / *ki taī* / *ki* / *kī* / *tĕ* (аскоти);
- *haṇi* — *haṇ* — *hĕ* / *hĩ* (западные и центральные диалекты);
- *thyā* — *thĕ* (центральные диалекты, иногда восточные и западные).

Менее частотны: *saṇi* / *sĕ* / *si*; *dhĕ*; *khilyā* (диалект Тхала); *khinEki* (сорьяли).

Дативными послелогам в диалектах кумаони маркируются:

- второй актант при непереходном глаголе (например, при глаголах *risaun* ‘сердиться’, *narāj hun* ‘обижаться’, *man karan* ‘хотеться’, *ḍaran* ‘бояться’, *ṭakran* ‘натолкнуться’ и др.);

- прямой адресат, если действие удалено по времени от момента речи (в остальных случаях прямой адресат маркируется аккузативно-дативными послелогам), ср. *mEs fon karyā* ‘позвони мне’ и *mĕ khin fon nE karno* ‘он не звонит мне’, *mEs likhyā tum kasā chā* ‘напиши мне, как у тебя дела’ и *ke jarūrat holi lekhiye mĕ hin* ‘если что-то понадобится, пиши мне’;

- непрямой адресат;

- (8) *wi-le ek citthī apan nān bhāi khin*
 он-ERG один письмо свой маленький брат DAT
dī-chya
 давать-PST.M.3SG
 ‘Он дал письмо для своего младшего брата’. (сорьяли)

- используется в конструкциях, значение которых может быть передано по-русски как *по отношению к кому-либо/чему-либо*;

- (9) *khā-n khinEki cyolo lara-n khinEki bhatjo*
 есть-INF DAT сын бороться-INF DAT племянник
 ‘Как есть, так сын, как воевать, так племянник’. (пословица; сорьяли)

- предназначение, цель (в частности в целевых инфинитивных конструкциях);

- (10) *bwāri ghās kāṭa-ṇ hĩ g-E*
 невестка трава резать-INF DAT идти-PST.F.3SG
 ‘Невестка пошла срезать траву’. (кхаспарджия)
 - бенефактив
- (11) *mĒ hĩ pāṇi lā-o*
 я DAT вода принести-IMP.PL
 ‘Принеси мне воды’ (ганголи) [Upreti 1976: 228]
 - содержание сообщения при глаголах передачи информации;
- (12) *Biswāmitra-l Rām-thĒ dhanus ṭoṛ-n-e-tĒ*
 Вишвамित्रа-ERG Рам-POSS лук ломать-INF-OBL-DAT
ko-ch
 сказать-PST.3SG
 ‘Вишвамित्रа сказал Раме сломать лук’. (аскоти) [Apte, Pattanayak 1967: 78]
 - употребляются в составе направительных конструкций;
- (13) *dūr dēs sũ bāṭō lāg-ō*
 далекий страна DAT дорога прикладываться-PST.M.3SG
 ‘(Он) отправился в дальнюю страну’. (рау-чхаубхайнси)
 [Grierson 1906: 221]
 - употребляются в составе временных конструкций, относящихся к будущему времени, обычно к контролируемым действиям.
- (14) *mĒ chabbīs khin / somvār khin jũ-lo*
 я 26 DAT понедельник DAT идти-FUT.1.SG
 ‘Я уезжаю двадцать шестого / в понедельник’. (сорьяли)

2.2. Бенефактивные послелогои

К группе бенефактивных послелогогов относятся:

- *lijyā — lijy — liji / lijī / lijik / lije / lhiji* (все западные диалекты и некоторые восточные);
- *lyākhā / lyākh / lēkhāl / lyāhali* (джохари).

Встречаются во всех диалектах:

- *nimtar / nintar*;
- *wāste*;
- *khātir*.

Послелогоми этой группы оформляются:

- бенефактив;

- (15) *Gobind bajār bĒ myār lijī yak kitāb*
Гобинд базар ABL мой DAT/BEN один книга
lā-ch
принести-PST.3SG
'Гобинд принес для меня с рынка книгу'. (кхаспарджия)
[Sharma 1987: 157]
- (16) *taī-l wī-kō lēkhāl*
ты-ERG он-GEN.M.SG DAT/BEN
khawai-lhiwai ka-yē
праздник делать-PST.F.3SG
'Ты устроил для него праздник'. (джохари) [Grierson 1906: 250]

Маркирование бенефактива дативным послелогом предполагает больший акцент на объект, для которого производится действие, что в частности коррелирует с наличием меньшего числа зависимых у глагола-вершины по сравнению со случаями использования бенефактивного послелого.

- бенефактив и цель в текстах высокого стиля (чаще всего с послелогоми *wāste* и *khātīr*);

- употребляются в составе союзов и дискурсивных конструкций, ср. *ek lijī, yē lēkhal, yek lhiji* 'поэтому', 'таким образом', *misālak lijye* 'например' и т. д.

Во многих восточных диалектах бенефактивные послелогом малоупотребительны, большинство их функций покрывается собственно дативными послелогом. В западных диалектах, где бенефактивные послелогом, напротив, очень частотны, наблюдается тенденция к расширению сферы употребления послелогом серии *lijī*, которые перенимают на себя основные функции дативных послелогом. Последние используются только во временной и направительной функциях и иногда в целевых инфинитивных конструкциях.

Не исключено, что причиной этого явления служит контактное влияние хинди на данные диалекты кумаони, а именно, фонетическое и грамматическое сходство послелогом серии *lijī* с послелогом *lie* в хинди.

3. Выводы

Выбор между аккузативно-дативными и дативными послелогоами в языке кумаони определяется не только семантической ролью ИГ, но и такими факторами, как временная соотнесенность действия с моментом речи и степень акцентирования объекта, что представляет интерес в типологической перспективе. Кроме того, выдвигается гипотеза, что употребление послелогоа может быть обусловлено не только внутренними закономерностями кумаони, но и внешними причинами, а именно, контактным влиянием хинди, что заслуживает дальнейшего рассмотрения в контексте как индологии, так и — шире — ареальной лингвистики.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; ABL — аблативный послелог; ACC/DAT — аккузативно-дативный послелог; CAUS — каузатив; DAT — собственно дативный послелог; DAT/BEN — бенефактивный послелог; ERG — эргативный послелог; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитивный послелог; IMP — императив; INF — инфинитив; M — мужской род; NEG — отрицательная форма глагола; OBL — косвенный падеж; PART.PASS — пассивное причастие; PASS — пассив; PL — множественное число; PST — простое прошедшее время; POSS — посессивный послелог; PRS — настоящее время; PST.HABIT — хабитуальное прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Apte, Pattanayak 1967 — M. L. Apte, D. P. Pattanayak. An Outline of Kumauni Grammar. Duke University. 1967.
- Grierson 1906 — G. A. Grierson (ed.). The Linguistic Survey of India. Vol. IV. Delhi — Varanasi — Patna, 1906.
- Sharma 1987 — D. D. Sharma. Formation of Kumauni languages. Part II (Morphology and syntax). New Delhi: Bahri publications. 1987.
- Sharma 1994 — D. D. Sharma. Linguistic Geography of Kumauni Himalayan: A descriptive areal distribution of Kumauni languages. New Delhi: Mittal publications. 1994.
- Upreti 1976 — B. D. Upreti. Kumāunī bhā ā kā adhyayan. Allāhābād: Ś matī Prakāśan. 1976.

С. С. Сай

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**НЕКАНОНИЧЕСКОЕ МАРКИРОВАНИЕ АКТАНТОВ
МНОГОМЕСТНЫХ ПРЕДИКАТОВ:
ОПЫТ КВАНТИТАТИВНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹**

Предлагаемое исследование находится в русле непрекращающихся дискуссий о соотношении структурно-синтаксического, семантического (ролевого) и лексического начал в формировании аргументной структуры клаузы.

Объектом исследования является неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов, а конкретнее, те классы предикатов различных языков, которые, являясь двух- или более местными, задают в своей базовой диатезе структуру, отклоняющуюся в плане средств кодирования актантов от канонической переходной (ср. для русского *достигать*, *зависеть*, *махать*, *нравиться*, *надеяться*). Само выделение такого объекта исследования опирается на небесспорное, но все же принимаемое в рамках проекта допущение, что в любом языке возможно однозначное установление канонической переходной конструкции. О свойствах переходных конструкций и о различных грамматических факторах, способствующих отклонению от переходности, в лингвистике накоплено немало сведений [Hopper, Thompson 1980; Kittilä 2002; Næss 2007]. Гораздо меньше известно о кросс-лингвистически регулярных **лексических** свойствах предикатов, употребляющихся в составе неканонических многоместных аргументных структур. Не в последнюю очередь это связано с тем, что соответствующие классы глаголов зачастую характеризуются лишь по отрицательному признаку, как отклоняющиеся от переходного прототипа (см., например, [Tsunoda 1981: 393]). Типологическое

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ 11-04-00179а «Вариативность аргументной структуры глаголов и классификация глагольной лексики в разноструктурных языках». Предлагаемый фрагмент исследования был осуществлен в рамках продолжающегося коллективного проекта, всем участникам которого автор выражает глубокую признательность.

изучение свойства актантных классов предикатов, выделяемых в отдельных языках, затрудняется тем, что для них невозможна процедура межъязыкового отождествления напрямую, так как невозможно напрямую отождествить конкретные средства кодирования. Имеющиеся типологические сведения об актантных классах неканонических многоместных предикатов в основном связаны либо с изучением типологии конкретных грамматических форм (см., например, [Van Belle, Van Langendonck (eds.) 1996], где собрана исчерпывающая информация о «дативе» как кросс-лингвистической категории), либо с изучением актантных свойств предикатов отдельных семантических зон (см., например, исследование аргументных структур, задаваемых экспериенциальными предикатами, в [Haspelmath 2001]), но не с типологическим изучением актантных классов как таковых.

Проект, выполняемый в Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, нацелен на заполнение обозначенной лакуны. Основой проекта является анкета, включающая 130 предложений-стимулов; при помощи этой анкеты для каждого обследуемого языка устанавливается, какие из 130 изучаемых предикатных смыслов выражаются в нем глаголами, задающими неканоническую многоместную структуру, и в какие группы объединяются соответствующие лексемы. Методологическая новизна исследования определяется следующим рассуждением: вопрос о том, задают ли глаголы, соответствующие предикатному смыслу Р в языках L1 и L2, одинаковые аргументные структуры в этих языках, априорно некорректен; при этом корректны — и именно они и исследуются в рамках проекта — вопросы следующего типа: верно ли, что предикатным смыслам Р1 и Р2 в языке L1 соответствуют идентичные актантные структуры? Если да, то верно ли это также для языка L2? И т. д.

Предлагаемый фрагмент исследования опирается на результаты квантитативной обработки данных, полученных для первых 16 языков, для которых были собраны анкеты. Данные для этих языков преимущественно были получены путем работы с информантами, в ряде случаев с привлечением словарных сведений. На данный момент собраны данные по следующим языкам (в скобках указываются фамилии участников проекта, собравших

и обработавших данные): арабский (Р. Г. Мамедшахов), багвалинский (Д. В. Герасимов), баскский (Н. М. Заика), башкирский (С. С. Сай), гуарани (Д. В. Герасимов), ингерманландский финский (Д. Ф. Мищенко), калмыцкий (С. С. Сай), кхмерский (С. Ю. Дмитренко), литовский (Н. М. Заика), немецкий (С. Бирцер), русский, тувинский (С. А. Оскольская), французский (Е. Е. Корди), цахурский (Д. В. Герасимов), эстонский (И. П. Кюльмоя), японский (Ю. Конума).

К числу основных промежуточных результатов исследования можно отнести следующие.

1. Для изученных языков на материале анкеты посчитана доля двухместных непереходных от общего числа глагольных предикатов из анкеты. Этот показатель демонстрирует значительный типологический разброс: эстонский (0,65), ингерманландский финский (0,64), башкирский (0,57), литовский (0,54), русский (0,54), тувинский (0,53), багвалинский (0,53), цахурский (0,45), немецкий (0,42), японский (0,42), калмыцкий (0,42), арабский (0,40), баскский (0,38), французский (0,37), гуарани (0,30), кхмерский (0,25). Приведенные абсолютные числа сами по себе не являются показательными, т. к. всецело зависимы от подбора предикатов анкеты, однако полученная **иерархия языков** отражает важный параметр типологического варьирования (и, возможно, в будущем позволит сделать определенные ареально-типологические обобщения, ср., например, данные [Bossong 1998] о склонности языков средне-европейского стандарта к переходному кодированию экспериментальных предикатов).

2. В ходе проекта построена **иерархия** изучаемых **предикатов** по вероятности неканонического кодирования актантов. Анализ данных позволяет строить нежесткие имплицативные закономерности типа следующей: «если в языке L предикат со значением ‘слушать’ задает непереходную структуру, то и предикат со значением ‘верить’ задает непереходную структуру (обратное неверно)».

2а. Реальность выявленной иерархии предикатов проявляется в том, что при попарном сопоставлении менее и более склонных к непереходности языков обнаруживается, что предикатная лексика демонстрирует своего рода «концентрические

круги»: о неканонических предикатах «более переходных» языков в целом можно сказать, что они тем более оказываются неканоническими в «менее переходных языках». Ср., например, данные для литовского и французского:

Таблица 1. Переходность vs. 2-хместная непереходность:
литовский и французский

		литовский: vt	литовский: vi
французский	vt	44	19
	vi	5	28

Данные, приведенные в таблице, позволяют заключить, что непереходность предиката во французском позволяет с большой степенью надежности предсказать непереходность в литовском.

2б. Распределение предикатов по группам в зависимости от доли языков, в которых соответствующие глаголы являются переходными, оказывается бимодальным, другими словами, оказывается невелико число предикатов со средним «коэффициентом переходности».

Таблица 2. Распределение предикатов
по выраженности тяготения к переходности

«Коэффициент переходности»	Количество предикатов
100%	22
67%–92%	27
34%–66%	14
9%–33%	28
0%	26

Такое распределение противоречит математическим ожиданиям, которые возникали бы в случае зависимости изучаемого параметра «переходности» от большого множества не связанных друг с другом частных факторов. Таким образом, в семантическом отношении непереходные многоместные глаголы, как и переходные глаголы, образуют сравнительно четко выделяемый «естественный класс».

3. При анализе предикатов актанты различались (в ряде случаев несколько условно) по положению на иерархии одушевленности

и агентивности. Актант, занимающий более высокое положение на этих иерархиях, обозначался как X, оставшийся центральный актант — как Y. Такое рабочее противопоставление позволяло ставить вопрос о «локусе отклонения от канонической схемы» для переходных двухместных глаголов. Под «локусом отклонения» понимался тот актант, кодирование которого отличается от кодирования, наблюдаемого в переходной конструкции (так, например, у русского глагола *нравиться* это X, а у глагола *махать* это Y).

За. Было установлено, что типологически крайне редки конструкции с двумя локусами, хотя они и логически, и эмпирически возможны. Содержательно это означает, что отклонение от переходности обычно обусловлено специфическими свойствами какого-то одного из актантов, который и оказывается «локусом» (ср. [Malchukov 2006]).

Зб. В проанализированной выборке языков среди обнаруженных глаголов с неканоническим кодированием безусловно преобладающим локусом (и по количеству предикатов, и по количеству фиксируемых способов кодирования) оказывается Y, менее одушевленный и менее агентивный участник. Осмысление этого факта требует расширения выборки.

Зв. Хотя X-локус в целом сравнительно редок (в среднем по выборке он фиксируется для 6,6% предикатов, при том что Y-локус характеризует в среднем около 40% предикатов), существует небольшой круг предикатов, для которых он оказывается типологически характерен. Среди предикатов выборки в эту зону входят 'нравиться', 'болеть (у кого что)', 'недоставать', 'быть достаточно, хватать' (у всех этих глаголов X-локус фиксируется в 2/3 или большей доли от тех языков, для которых получены данные), отчасти 'нуждаться', 'сниться', 'оставаться' (от 1/3 до 2/3); еще 14 предикатов обнаруживают X-локус в одном-двух языках; все оставшиеся предикаты не демонстрируют X-локус ни в одном языке выборки. Можно сделать вывод о том, что X-локус характеризует семантически весьма четко очерченную группу предикатов, связанных с семантикой обладания, и отчасти неконтролируемые когнитивные предикаты (эмотивные и перцептивные).

4. Введена математическая мера предсказуемости модели оформления конкретного предиката в языке L2 на основании

данных языка L1. Эта величина колеблется от 0 (правильное предсказание аргументной структуры невозможно из-за абсолютной уникальности соотношения актантных характеристик соответствующих глаголов в двух языках) до 1 (конкретный предикат входит в L1 в такой актантный класс, что все его члены в L2 требуют одинаковой актантной структуры).

4а. Подсчет для направленной пары языков среднего значения названной величины по выборке предикатов позволяет прийти к количественной мере, отражающей надежность «проецирования» актантных структур L1 на актантные структуры L2 (так, например, устанавливается, что по данным выборки принадлежность русского глагола к определенному актантному классу позволяет предсказать актантные свойства соответствующего литовского глагола с точностью 64%). Как и в ряде других случаев, сами получаемые величины принципиальным образом зависят от состава выборки предикатов и их абсолютные значения не отражают какой-либо реальности; однако **сравнение** полученных показателей для различных пар языков позволяет ставить и решать вопрос о том, актантные системы каких языков демонстрируют больше и, соответственно, меньше лексического параллелизма. Так, в частности, коэффициент взаимной предсказуемости актантных структур для пары из русского и литовского оказывается выше, чем для пары из русского и эстонского, тот в свою очередь выше, чем для русского и японского, и т. д.

4б. Подсчет для отдельно взятого предиката среднего значения той же меры предсказуемости в различных парах языков позволяет измерять степень предсказуемости, т. е. в конечном счете семантической мотивированности, актантных рамок, типичных для различных предикатов. Так, например, в ходе исследования устанавливается, что симметричные предикаты ('знакомиться', 'ссориться') во всех рассмотренных до сих пор языках демонстрируют очень высокую степень однородности и сравнительной изолированности от других типов предикатов; оформление же, например, актантов многих предикатов когнитивной сферы ('забыть' и т. п.) очень часто оказывается непредсказуемо, связано с индивидуальными особенностями конкретных лексем в конкретных языках. Таким образом, делается вывод о том, что абстрактная характеристика глагола в терминах «семантических ролей» оказывается

сильным предсказующим фактором для кодирования аргументов в одних лексических зонах и очень слабым — в других.

Литература

- Bossong 1998 — G. Bossong. Le marquage de l'expérience dans les langues d'Europe // J. Feuillet (ed.). Actance et valence dans les langues de l'Europe. Berlin: Mouton de Gruyter. 1998. P. 259–294.
- Haspelmath 2001 — M. Haspelmath. Non-canonical marking of core arguments in European languages // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon, M. Onishi. (eds.). Non-canonical Marking of Subjects and Objects. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 53–83.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language* 56, 2, 1980. P. 251–299.
- Kittilä 2002 — S. Kittilä. Transitivity: Towards a Comprehensive Typology. Turku: Turku University, 2002.
- Malchukov 2006 — A. Malchukov. Transitivity parameters and transitivity alternations: constraining co-variation // L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart (eds.). Case, Valency and Transitivity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 175–190.
- Næss 2007 — Å. Næss. Prototypical Transitivity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2007.
- Tsunoda 1981 — T. Tsunoda. Split case-marking patterns in verb-types and tense / aspect / mood // *Linguistics* 19, 5–6, 1981. P. 389–438.
- Van Belle, Van Langendonck (eds.) 1996 — W. Van Belle, W. Van Langendonck (eds.). The dative. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1996.

Н. В. Сердобольская

РГГУ, Москва

**К ТИПОЛОГИИ ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ
ГЕНЕРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ
С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ¹**

1. В последние десятилетия было показано, что для описания распределения стратегий оформления сентенциальных актантов в языках мира релевантны такие противопоставления, как факт и событие, пресуппозитивный и асертивный статус сентенциального актанта и другие ([Арутюнова 1988; Зализняк 1990] и др.). Событие в литературе определяется, как ситуация, доступная зрительному и слуховому восприятию (например, *Я слышал его выступление* означает непосредственное восприятие ситуации) и локализованная во времени и пространстве, в противоположность факту, который, являясь единицей ментального осмысления, недоступен зрительному восприятию и не локализован во времени и пространстве (*Я понял, что он выступает без фонограммы*). События, как показано в ряде работ, могут иметь денотативный статус и характеризоваться в терминах конкретной/неконкретной референции ([Крейдлин, Рахилина 1981]). Например, в (1) событие имеет конкретную референцию (*Я слышал его выступление*), а в (2) — родовый статус:

- (1) *И мы ещё долго слышали за собой **бормотание** извозчика <...>*
[В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)]²
- (2) *Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и так часто, внимали благосклонно? — Потому что я не люблю **повторений** <...>* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)]

В приведенных примерах оба типа значений кодируются одним и тем же средством оформления сентенциальных актантов —

---

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 10-04-00228а и ФЛИ № А-51.

² Примеры (1)–(4) взяты из Национального корпуса русского языка, <http://ruscorpora.ru>.

отглагольным именем на *-ние*. Заметим, что конкретно-референтное событие вводится отглагольным именем в единственном числе, а событие с родовым, или генерическим референциальным статусом — именем во множественном числе.

В настоящем исследовании мотивируется особое выделение понятия «родовое», или «генерическое» событие в сентенциальных актантах. На основании данных неродственных языков мы покажем, что генерическое событие может кодироваться иначе, чем конкретно-референтное событие, и следовательно, должно выделяться в отдельный тип сентенциального актанта.

2. В работе [Крейдлин, Рахилина 1981] предлагается выделять следующие типы референциальных статусов для имен ситуации: конкретно-референтный статус, экзистенциальный, универсальный, родовой и гипотетический. Мы предлагаем выделять в отдельную группу события с родовым и универсальным статусом (ср. «общие» и «сингулярные» пропозиции в [Падучева 1986: 29]), обозначая такие типы ситуаций термином «генерическое событие». Данный вид ситуаций, таким образом, определяется как событие, имеющее нереферентный статус и отсылающее к обобщенной ситуации (типичному представителю данного класса ситуаций) или ситуации, в семантике которой содержится (эксплицитный или имплицитный) квантор всеобщности.

Такое значение чаще всего возникает в контексте следующих предикатов, способных присоединять актантные предложения: эмоциональные (*любить, нравиться, бояться* и др.), оценочные (*хорошо, трудно, весело* и др.). Другие классы предикатов в меньшей степени склонны присоединять генерическое событие.

В русском языке генерическое событие может выражаться двумя способами: отглагольным именем в единственном (3) или множественном числе (2) или с помощью временного союза *когда*, например:

- (3) *Вера любила **рисование** и очень уважала Павла <...>* [Юрий Коваль. Недопесок (1975)]
- (4) *С давних пор АЯ знал, что секретарши любят, **когда их посвящают в подробности** <...>* [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)]

В отличие от конкретно-референтного события, которое в русском языке вводится союзным средством *как* (5а) [Арутюнова 1988], генерическое событие не может обозначаться соответствующей конструкцией (5б) (*как* в контекстах такого рода вводит не генерическое событие, а образ действия, например *Мне нравится, как она готовит*, т. е. *ее манера готовить*).

(5а) *Я слышал, как ты приехал.*

(5б) **Я люблю, как он приезжает.*

Итак, генерическое событие может кодироваться так же, как конкретно-референтное событие (3), либо так же, как обстоятельство-временное предложение с временной семантикой, ср. (4) и (6).

(6) *Когда магазин закрывается, хозяин опускает шторы.*

Возникает сомнение в правомерности трактовки конструкций, аналогичных (4), в терминах сентенциального актанта. Можно было бы предположить, что (4) является обстоятельственным предложением, так же, как и (6). Мы предлагаем следующие аргументы против такой трактовки:

1. Замена на другие обстоятельственные средства невозможна:

(7а) *Я люблю, когда ты в хорошем настроении.*

(7б) *??Я люблю, в то время / всегда, когда ты в хорошем настроении.*

2. Конструкции, аналогичные (4), не являются островом по критериям [Ross 1967], как и КСА с изъяснительными союзами, в отличие от обстоятельственных предложений с союзом *когда*:

(8) *А что ты любишь, когда она готовит? — Лазанью и блины.*
[www.secretwoman.ru/2/37/530/31 май 2010]

Ср. актантное предложение с союзом *чтобы*:

(9) *Что ты хочешь, чтобы она приготовила?*

Таким образом, анализируемые предложения в русском языке представляют собой пример сентенциального актанта, а не обстоятельственной конструкции.

3. В различных неродственных языках генерическое событие вводится с помощью союза (10)–(11) или деепричастия, имеющего временную семантику, например, в финно-угорских языках (уральские), в языке бен (манде), в осетинском (иранские), в даргинских языках (нахско-дагестанские) и др.:

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ, ИЖЕМСКИЙ ДИАЛЕКТ
(финно-угорские < уральские)

(10) *Men nravič'-e*

я нравиться-PRS.3

[*kor tə pəʒal-a-n bl'in-sə*].

когда ты печь-NPST-2 блин-ACC.3

‘Мне нравится, когда ты печешь блины’.

(11) *D'etina-ys suut-i-s stul vi-s-ys,*

мальчик-3 вставать-PRT-3 стул с

kor pur-i-s uʒyd mort.

когда входит-PRT-3 большой человек

‘Мальчик вставал со стула, когда входил взрослый человек’.

[Бирюк и др. 2010: 79]

ОСЕТИНСКИЙ (иранские > индо-европейские)

(12) *æz uarз-ыц, худæ куы*

я любить-PRS.1SG смеяться когда

фæ-кæн-ыс, уый.

PV-делать-PRS.2SG этот(NOM)

‘Я люблю, когда ты смеешься’.

В осетинском можно привести следующий аргумент за трактовку данных конструкций в терминах сентенциальных актантов. Дело в том, что в (12) союз *куы* ‘когда, если’ имеет коррелят *уый* ‘этот’ (букв. ‘Я люблю это, когда ты смеешься’). В обстоятельственных же предложениях с союзом *куы* используется коррелят *уæд* (13), ср. следующий пример, представляющий собой аналог (12) с обстоятельственным употреблением рассматриваемого союза (как и ожидалось бы, при временном прочтении данного союза при главном глаголе *уарзын* ‘любить’ пример становится семантически не вполне удачным, как и его русский перевод):

- (13) [?]*æз да уæд уарз-ын, худгæ*
 я 2SG.ENCL.GEN тогда любить-PRS.1SG смеяться
куы фæ-кæн-ыс.
 когда PV-делать-PRS.2SG
 ‘?Я люблю тебя тогда, когда ты смеешься’.

Во многих перечисленных выше языках генерическое событие также может вводиться номинализацией (2), в зависимости от употребительности соответствующей формы. В ряде языков, по-видимому, номинализация — наиболее употребительное средство для кодирования генерического события. Например, в адыгейском языке данное значение вводится потенциалисом (традиционный термин — масдар) с показателем абсолютива, косвенного или инструментального падежа, как и конкретно-референтное событие:

- АДЫГЕЙСКИЙ (абхазо-адыгские)
 (14) *тæв^wæž-хе-р бæвæ-нæ-т сæ-š[’]e-š[’]æне.*
 волк-PL-ABS выть-POT-OBL 1SG.ABS-LOC-DYN-бояться
 ‘Я боюсь, когда волки воют’.

Возможен также перевод данных предложений с помощью союзных слов, выражающие обстоятельственные значения — временные (15а) и условные (15б). Оба типа конструкций, однако, однозначно не являются сентенциальными актантами — во-первых, оба глагола не присоединяют согласовательного префикса, обозначающего стимул эмоции; во-вторых, при глаголе *š[’]æне* ‘бояться’, в отличие от *š[’]еš[’]æне* с тем же значением, возможно опущение стимула (в таком случае предложение будет проинтерпретировано как эмоция без указания на стимул, ‘Мне страшно’).

- (15а) *saše те-š[’]æне š^wæпçә зә-χ^wә-çе.*
 Саша DYN-бояться темно REL-стать-INS
 ‘Саша боится, когда темно’.
- (15б) *češ[’] χ^wә-те saše те-š[’]æне.*
 темно статья-COND Саша DYN-бояться
 ‘Саша боится, когда темно’.

По имеющимся у нас данным, в некоторых тюркских языках и в хинди такой способ кодирования генерического события является наиболее частотным.

- ХИНДИ (индоарийские > индоевропейские)
- (16) *moṭābhāī ko gēt kā khulā*
 Мотабхай ACC ворота GEN открытый
rah-n-ā aur ku-ē mē kisi
 оставаться-INF-M.SG и колодец LOC кто-то
kā utar-n-ā pasand nahī thā.
 GEN спускаться-INF.M.SG нравиться NEG COP
 ‘Мотабхай не нравилось, когда ворота оставались откры-
 тыми и кто-либо спускался в колодец’. [Дымшиц 1986: 140]

В ряде языков данное значение кодируется формами, кото-
 рые используются в протазисе условных предложений:

- НГНАСАНСКИЙ (самодийские > уральские)³
- (17) *мэнэ тукыде-й нёбтэ-бў-нэ дямэлага-?а,*
 я белье-ACC.PL стирать-COND-1SG трудный-AUGM
суобэсы маку-мэ дяри-тi.
 потому.что спина-1SG болеть-PRS
 ‘Мне трудно белье стирать, потому что у меня спина болит’.

Ср. употребление данной формы в условном предложении:

- (18) *Тэнэ бы-тi-не тойбу-бў-тэ*
 ты вода-DEST-ACC.PL.1SG перевезти-COND-2SG
тэнэ нэмэ-бту-?сузэ-м.
 ты съесть-CAUS-FUT-1SG.S
 ‘Если ты принесешь воды, я тебя накормлю’.

4. Итак, мы предлагаем выделять значение генерического события в КСА отдельно от конкретно-референтного события. В языках мира данное значение довольно часто кодируется иными средствами, нежели конкретно-референтное событие, — например, формами, для которых основной функцией является употребление в зависимой части временных или условных обстоятельственных предложений. В отличие от конкретно-референтного события, генерическое событие не вводится союзными средствами, восходящими к обстоятельствам образа действия. Оба типа событий, однако, могут кодироваться номинализациями.

³ Автор глубоко признателен М. М. Брыкиной за материал нганасанского языка.

Список условных обозначений

ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; AUGM — аугментатив; CAUS — каузатив; COND — кондиционалис; COP — связка; DEST — дестинатив; DYN — динамичность; ENCL — энклитика; FUT — будущее время; GEN — генитив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локативный преверб/падеж/послелог; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NPST — настоящее-будущее время; OBL — косвенно-объектный падеж; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRS — настоящее время; PRT — претерит; REL — релятивизатор; PV — преверб; S — субъектное спряжение; SG — единственное число.

Литература

- Арутюнова 1988 — Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Бирюк и др. 2010 — О. Л. Бирюк, Е. В. Кашкин, А. И. Кузнецова, М. Н. Усачева. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург: Баско, 2010.
- Дымшиц 1986 — З. М. Дымшиц. Грамматика языка хинди. Том 1. Письменность. Фонетика. Морфология (Знаменательные части речи). МГИМО, М.: Наука, 1986.
- Зализняк 1990 — Анна А. Зализняк. О понятии «факт» в лингвистической семантике // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 21–33.
- Крейдлин, Рахилина 1981 — Г. Е. Крейдлин, Е. В. Рахилина. Денотативный статус отглагольных имен // Научно-техническая информация. Серия 2, 12, 1981. С. 17–22.
- Падучева 1986 — Е. В. Падучева. О референции языковых выражений с непредметным значением // Научно-техническая информация. Серия 2, 1, 1986. С. 23–31.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on Variables in Syntax. PhD Thesis, MIT, Cambridge, MA, 1967.

А. А. Сомин

РГГУ, Москва

СИСТЕМА ПРОШЕДШИХ ВРЕМЕН В БЕСЛЕНЕЕВСКОМ ДИАЛЕКТЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Основные грамматики кабардино-черкесского литературного языка (КЧЛЯ) ([Турчанинов, Цагов 1940; Багов и др. (ред.) 1970; Кумахов (ред.) 2006]) недостаточно последовательно и четко описывают сложную и разветвленную систему времен КЧЛЯ. Кроме того, в некоторых аспектах описания различных авторов противоречат друг другу, в том числе из-за нетрадиционного и не вполне ясного использования грамматических ярлыков.

Что же касается бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка (БДКЧЯ), то система его времен относительно подробно описана лишь в одной работе — [Балкаров 1952], которая устарела как с точки зрения исследовательского аппарата, так и, возможно, по отношению к изменениям в идиоме: описанные в работе данные не вполне совпадают с полученными нами.

Основная проблема анализа аспектуально-темпоральной системы БДКЧЯ заключается в том, что в грамматиках отсутствует эксплицитное описание условий употребления той или иной формы, а также из них неясно, является ли форма *X* обязательной в контексте *Y* или же такая форма факультативна и может быть заменена формой *Z* с более общим значением.

Ниже я попытаюсь решить эту проблему и описать систему глагольных словоформ с семантикой прошедшего времени в уляпском говоре БДКЧЯ (в дальнейшем речь будет идти только об этом говоре). Исследование основано на материалах, собранных в ходе экспедиции Института лингвистики РГГУ в аул Уляп республики Адыгея в июле 2011 года.

Система глагольных форм с семантикой прошедшего времени в БДКЧЯ довольно сложна и многокомпонентна: имеющихся морфологических средств достаточно для формального различения тонких оттенков значения и эксплицитного указания на временные и аспектуальные характеристики действия. Однако, как оказалось,

имеющееся морфемное богатство в БДКЧЯ в реальной речи используется в незначительной степени.

Основным и обязательным противопоставлением в прошедшем времени является противопоставление **претерита (-а)** и **имперфекта (-т)**, при этом претерит является базовой немаркированной формой. Имперфект обслуживает типичные имперфективные контексты: **итератив**, **хабитуалис** и **прогрессив**, если имплицитно не выражено количество «итераций» или длительность действия. С обстоятельством длительности имперфект может сочетаться лишь в многократном значении, когда обстоятельство указывает на продолжительность одной «итерации» и тем самым оказывается в сфере действия имперфекта.

Все остальные контексты зоны прошедшего оформляются претеритом, в том числе и имперфективные контексты у статических глаголов. Теоретически имперфектные формы таких глаголов допускаются, но они оцениваются как «плохие» или «странные» и никогда не даются в качестве первой реакции на стимул (как и в адыгейском языке, см. [Аркадьев 2009: 222]).

Несколько иначе ведут себя статические глаголы, образованные от существительных ('быть студентом' и т. п.). В качестве первой реакции на стимул носителями чаще всего предлагаются аналитические конструкции с основным глаголом в адвербиальной форме на -у и вспомогательным глаголом **цытын** 'стоять', который, в свою очередь, оформлен претеритом. Этот вспомогательный глагол находится на пути грамматикализации и постепенно превращается в суффикс: у некоторых носителей он выступает в сокращенной форме **цт-а** (вместо **цыт-а**), его просят писать слитно с основным глаголом, и, главное, личным префиксом в грамматикализованных формах оформляется не **цытын**, а полноценный компонент конструкции. Заметим, что в близкородственном адыгейском языке показатель **-цты** < **цытын** окончательно прошел путь грамматикализации и сейчас является единственным показателем имперфекта (в составе сложного показателя **цтыгъэ**).

Кроме основных временных форм со значением прошедшего времени — претерита и имперфекта — в БДКЧЯ, как уже упоминалось выше, есть ряд других аспектуально-темпоральных категорий, позволяющих морфологически противопоставлять зна-

чения перфекта/неперфекта, сверхпрошлого/обычного прошлого и др. Однако выражение и противопоставление этих значений в БДКЧЯ является факультативным и обычно не маркируется специальным показателем — если того не требует особым образом контекст. Во всех вышеперечисленных контекстах предикат может быть (и скорее всего будет) оформлен простым претеритом. Так, в переводе стимула ‘Динозавры жили на Земле очень-очень давно’ глагол стоит в форме претерита:

- (1) *Динозавр-хэ-р код дьдэ шIау цы-I-a-хэ.*
 динозавр-PL-ABS много очень Земля LOC-быть-PST-PL
 ‘Динозавры жили на Земле очень-очень давно’.

— а не *цы-I-э-гъ-a-хэ-(т)* («давнопрошедшее» по [Балкаров 1952]) и не *цы-I-a-хэ-т* («перфект II» (в те далекие времена) по [Кумаров (ред.) 2006]).

Формы, приведенные выше, кроме показателя претерита, содержат суффикс *-т*, омонимичный показателю имперфекта и, по видимому, также происходящий от глагола (*цы*)*тын* ‘стоять’, однако имеющий совершенно другое значение. Формы с этим суффиксом вступают в следующие оппозиции с чисто претеритальными формами:

- *-а* (перфект, результатив) vs. *-а-т* (нейтральное прошедшее, отмененный результат)
- *-а* (недавнее прошлое) vs. *-а-т* (отдаленное прошлое)
- *-а* (нейтральное прошлое) vs. *-а-т* (отдаленное прошлое)
- последовательность действий (сначала *-а-т*, затем *-а*)
- относительное время (предшествование — *-а-т*, одновременность — *-а*).

С учетом выражаемых значений я предлагаю считать показатель *-т* маркером ретроспективного сдвига (см. [Плунгян 1998]) и постулирую наличие в БДКЧЯ такой категории. Тем не менее, следует указать, что глаголы в такой форме ни разу не были использованы в записанных нами нарративах, а большая часть носителей не видит четкой разницы между формами с ретроспективным сдвигом и без него.

Еще одним интересным грамматическим показателем является суффикс *-гъэ*.

Согласно грамматикам КЧЛЯ и БДКЧЯ, существует суффикс *-гъа*, который выражает «плюсквамперфект» или «отдаленное

прошедшее время». Я же предполагаю, что а) *-гъа* является сочетанием суффиксов *-гъэ* и *-а*, и б) основное грамматическое значение морфемы *-гъэ* и сочетания *-гъ-а* иное.

Композициональность сочетания *-гъ-а* доказывается его разрывностью:

- (2) *щы-гъэ-вэ-гъ-а-хэ-м* =
 LOC-CAUS-вариться-PRF-PST-INCH-OBL¹
 = *щы-гъа-вэ-гъэ-х-а-м*
 LOC-CAUS-вариться-PRF-INCH-PST-OBL
 ‘к тому моменту, когда она уже сварила’

Перейдем к грамматической семантике *-гъэ* и *-гъ-а*. Большинство носителей отвергают формы с *-гъ-а*, считая их глагольными формами адыгейского языка² (уже в [Балкаров 1952] идет речь о редкости форм на *-гъ-а* в речи носителей). Исключением является вспомогательный глагол *щытын*, которой легко принимает этот суффикс. Однако и формы на *-гъ-а* глагола *щытын* и аналогичные формы полных глаголов (в речи тех носителей, которые допускают формы с *-гъ-а*) не имеют значения давнопрошедшего времени: допускается их замена на формы обычного претерита вне зависимости от давности совершения описываемого действия.

Часто суффикс *-гъэ* (и *-гъ-а*) употребляется в паре с показателем инхоатива *-хэ*; вместе они дают предикату дополнительную семантику ‘уже’. При этом часть носителей вообще не допускают употребления инхоатива без *-гъэ*. Семантика данного сочетания позволяет употреблять предикаты, маркированные этими суффиксами, в перфектных контекстах:

- (3) *Сэ университеты-р с-и-къэ-ухы-гъо-м*
 я университет-ABS 1SG.PR-POSS-DIR-закончить-срок-OBL
хъаубыды-м дьгъуакIо-р къ-и-убыды-гъэ-хэ-нэ.
 милиция-OBL вор-ABS DIR-3SG.A-ловить-PRF-INCH-FUT
 ‘К тому моменту, когда я закончу университет, милиция поймает вора’.

¹ В данном случае возможна трактовка формы *-гъа* как морфологического варианта *-гъэ-*, возникающего без участия суффикса *-а* (см. [Аркадьев, Тестелец 2009]).

² *-гъэ* — показатель претерита в адыгейском языке.

Такое значение чаще всего встречается в контексте сопоставления двух действий, одно из которых было закончено к моменту совершения другого.

Еще одна сфера употребления показателя *-гъэ* — альтернативный вариант (наряду с имперфектом и претеритом) обозначения хабитуалиса, итератива или состояния в прошлом. Такое возможно лишь при присоединении *-гъэ* к вспомогательному глаголу *цытын*:

- (4) *Джацтурэ къ-а-кIу-хъа-р-у* *цты-гъ-а.*
таким.образом DIR-3PL.A-идти-LAT-ACT-ADV AUX-PRF-PST
'Вот так и ходили'.

Возникают два вопроса: какая категория маркируется показателем *-гъэ* и один ли это показатель или два омонимичных? Как мне кажется, смысла постулировать два омонимичных показателя здесь нет (ср. русский вид, имеющий множество значений, но считающийся одной категорией). Однако вопрос о статусе данного показателя (в частности, гипотеза о суффиксе *-гъэ* как остатках древнего перфекта³) и возможности его инвариантного описания представляется весьма проблематичным⁴.

Список условных сокращений

1, 3 — лицо; А — агенс; ABS — абсолютив; ACT — актуальное настоящее время; ADV — адвербиалис; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; DIR — директивный преверб; FUT — будущее время; INCH — инхоатив; LAT — латив; LOC — локатив; OBL — косвенный падеж; PL — множественное число; POSS — посессор; PR — принадлежность; PRF — перфект; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Аркадьев 2009 — П. М. Аркадьев. Глагольная акциональность // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009.

³ Вариант, принятый на данный момент в глоссах.

⁴ По предположению Ю. А. Ландера, показатель *-гъэ* можно трактовать как алломорф суффикса *-а* в контексте перед другими суффиксами (с учетом общего происхождения *-гъэ* и *-а*, а также сходного распределения их сочетаний с аналогичными в адыгейском языке). Данная гипотеза требует дополнительного исследования.

- Аркадьев, Тестелец 2009 — П. М. Аркадьев, Я. Г. Тестелец. О трех чередованиях в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец и др. (ред.). Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка. М.: РГГУ, 2009.
- Балкаров 1952 — Б. Х. Балкаров. Особенности бесленеевского диалекта кабардинского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1952.
- Багов и др. (ред.) 1970 — П. М. Багов, Б. Х. Балкаров, Т. Х. Куашева, М. А. Кумахов, Г. В. Рогава (ред.). Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. Часть I: фонетика и морфология. М.: Наука. 1970.
- Кумахов (ред.) 2006 — М. А. Кумахов (ред.). Кабардино-черкесский язык. Т. 1. Нальчик: Эль-Фа, 2006.
- Плунгян 1998 — В. А. Плунгян. Плюсquamперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // Язык. Африка. Фульбе: сборник статей в честь А. И. Коваль. СПб: Европейский дом, 1998. С. 106–115.
- Турчанинов, Цагов 1940 — Г. Турчанинов, М. Цагов. Грамматика кабардинского языка. М. — Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1940.

Н. М. Стойнова

МГУ, Москва

РЕФЕРЕНТНЫЕ VS. НЕРЕФЕРЕНТНЫЕ РЕФАКТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ

Данная работа посвящена показателям рефактива в языках мира. Обсуждается вопрос о том, как семантическая классификация рефактивных значений накладывается на противопоставление «тяжелых» vs. «легких» рефактивов.

Рефактивами принято называть показатели со значениями возвращения и/или однократного повторения (ср., например, префикс *re-* в романских языках). Центральными значениями рефактивной зоны (часто совместно выражаемых единым показателем, ср. примеры из французского языка) являются:

- a) **редитивное значение:** ‘вернуться обратно’:
(*venir* ‘прийти’ → *re-venir* ‘прийти обратно’);
- b) **реститутивное значение:** ‘вернуться в исходное состояние’:
(*maigrir* ‘похудеть’ → *re-maigrir* ‘стать снова худым (как раньше)’);
- c) **репетитивное значение:** ‘сделать еще раз’
(*punir* ‘наказать’ → *re-punir* ‘наказать еще раз’).

В работе [Wälchli 2006] вводится противопоставление «тяжелых» vs. «легких» показателей рефактива («heavy» vs. «light» ‘again’ expressions). Б. Вельхли выявляет это противопоставление эмпирически при анализе употреблений рефактива на большой выборке параллельных текстов. Данное эмпирическое противопоставление, как показывает Б. Вельхли, коррелирует с функциональными (степень эмфатизации) и формальными (морфологический статус) характеристиками показателя.

Б. Вельхли постулирует независимость введенного им противопоставления от семантической классификации рефактивных значений: редитив, реститутив, репетитив и др. могут быть как тяжелыми, так и легкими. При этом остается вопрос о том, как противопоставление рефактивных показателей по «тяжести» соотносится с разными значениями рефактивной зоны, сопровождается ли

Таблица 1. Тяжелые vs. легкие показатели рефактива по [Wälchli 2006]

	тяжелые рефактивы	легкие рефактивы
частотность	встречаются в тексте достаточно редко	встречаются в тексте гораздо чаще тяжелых
типологическая однородность	круг контекстов типологически однороден: употребляются в параллельных текстах на одних и тех же местах	круг контекстов типологически неоднороден: места в параллельных текстах, в которых встречается легкий показатель рефактива, не соответствуют друг другу в разных языках
функциональные характеристики	употребляются в более эмфатических контекстах	употребляются в менее эмфатических контекстах
морфологический статус	обычно лексический показатель	обычно морфологический показатель
пример	англ. <i>again</i>	англ. <i>re-</i>

«деэмфатизация», наблюдаемая для «легких» показателей рефактива, собственно семантическим сдвигом, и если да, то каким именно.

В нашей работе предлагается гипотеза, согласно которой деэмфатизация рефактива сопровождается семантическим сдвигом. Сущность этого сдвига состоит в изменении пресуппозитивного компонента значения рефактивного показателя. Все упомянутые выше значения рефактивной зоны объединяет, в частности, тот факт, что они содержат в пресуппозиции отсылку к некоторой предшествующей ситуации, аналогичной рассматриваемой: действию (репетитив), состоянию (реститутив), нахождению в пространственной точке (редитив). См. рассмотрение рефактивных значений в ряду значений с пресуппозитивным компонентом в [von Stechow 1996; Падучева 2001: 73] и мн. др.

Для «легких» показателей рефактива в различных языках наблюдается три характерных типа употреблений. Первый — употребления при описании обычных, регулярных, характерных ситуаций. Ср. пример из удэгейского языка (тунгусо-маньчжурский):

- (1) *uta sikie bi-mie ŋua-gi-e,*
 тот вечер быть-INF спать-REP-PST.PTCP
sikie kepte-gi-e-ti
 вечер ложиться.спать-REP-PST-3PL
 ‘Вечером, когда они легли спать (...) / ??? опять легли спать’.
 [Nikolaeva et al. 2003: 75]

В примере (1) глаголы со значением ‘спать’ и ‘ложиться спать’ оформлены показателем рефактива, хотя в предшествующем тексте не упоминается никакой другой ситуации, когда герои ложились бы спать. В данном случае достаточным основанием для употребления рефактива является, видимо, тот факт, что герои ложатся спать ‘в очередной раз, как каждый вечер’.

Второй тип употреблений — употребления при описании ситуаций, связанных с возвращением в некоторое нарушенное состояние. Ср. пример из французского языка:

- (2) *Comme nous passions devant le café, un homme qui se trouvait sur le seuil appela Barberin et l'engagea à entrer. Celui-ci me prenant par l'oreille me fit passer devant lui, et quand nous fumes entrés il referma la porte.*

‘Когда мы проходили мимо харчевни, стоявший на пороге хозяин окликнул Барберена и пригласил его войти. Барберен взял меня за ухо и, пропустив вперед, **закрыл за собою дверь** / ??? снова закрыл за собою дверь’. (Г. Мало. «Без семьи». пер. А. Толстая)

В русском переводе рефактивное наречие *снова* или *опять* было бы уместно, только если бы в предшествующем контексте упоминалась обратная данной ситуации (*открыл дверь, а потом снова ее закрыл*). Для употребления французского *ge-* достаточно энциклопедической информации о том, что закрываемая дверь не могла до этого не быть кем-то открыта.

Третий тип употреблений связан с пространственным перемещением ‘домой’, в обычное местоположение субъекта движения. Ср. пример из агульского языка (нахско-дагестанский):

- (3) *q-uš.u-ne*   *zun*   *χul.a-s.*
REP-уходить.PFV-PF   я   дом-DAT
{Одноклассники подговорили девочку сбегать домой за перцем, чтобы подсыпать на стол учителю.} Пошла я домой / ??? пошла я обратно домой. [Корпус агульских текстов, собр. Д. С. Ганенковым, Т. А. Майсаком, С. Р. Мердановой]

«Тяжелый» показатель типа русского *обратно* мог бы быть употреблен только при более или менее эксплицитном указании

на предшествующее движение, противоположное описываемому (*пришла из дома, а потом ушла обратно домой*). В данном случае информация о том, что девочка пришла в школу из дома, неактуальна, но для употребления рефактива достаточно того факта, что дорога домой по определению является «обратной».

Каждый из перечисленных типов «неэмфатических, легких» употреблений рефактива соотносится с одним из основных значений рефактивной зоны. Употребления типа ‘как обычно’ являются деэмфатизованным вариантом репетитива (‘как в прошлый раз’), употребления типа ‘возвращение в нормальное состояние’ являются деэмфатизованным вариантом реститутива (‘возвращение в ранее достигнутое состояние’), употребления типа ‘домой’ являются деэмфатизованным вариантом редитива (‘обратно, в прежнюю точку’). При этом для всех трех типов «легких» употреблений, помимо разницы в степени эмфатизации, можно отметить одно и то же семантическое отличие от соответствующего основного рефактивного значения, касающееся пресуппозитивного компонента значения. Это семантическое отличие можно сформулировать как переход от указания на конкретную аналогичную ситуацию в прошлом, характерного для эмфатического («тяжелого») рефактива, к указанию на множество аналогичных ситуаций в прошлом. То есть можно сказать, что расширение контекстов употребления, деэмфатизация рефактива сопровождается семантическим сдвигом от «референтной» пресуппозиции (конкретная ситуация в пресуппозиции) к «нереферентной» пресуппозиции (множество ситуаций в пресуппозиции):

эмфатические контексты повторения/возвращения	>	неэмфатические контексты повторения/возвращения
референтная пресуппозиция	>	нереферентная пресуппозиция

Таблица 2 иллюстрирует соответствующий семантический сдвиг для каждого из рефактивных значений.

При этом важно отметить, что описанный семантический сдвиг и «эмфатичность» рефактивного показателя, будучи скоррелированы, не находятся, тем не менее, во взаимно-однозначном соответствии. По крайней мере, если это и так, то не для всех рефактивных значений. Для редитива и реститутива логически

Таблица 2. Соотношение семантических типов «тяжелого» и «легкого» рефактива

	«референтный» (тяжелый)	«нереферентный» (легкий)
репетитив	‘повторно’ <u>ассерция</u> : имеет место Р <u>пресуппозиция</u> : Р имело место в предшествующий момент Т	‘как обычно’ <u>ассерция</u> : имеет место Р <u>пресуппозиция</u> : Р имеет место регулярно
реститутив	‘в исходное состояние’ <u>ассерция</u> : имеет место переход из состояния S в состояние S’ <u>пресуппозиция</u> : состояние S’ имело место в предшествующий момент Т	‘в нормальное состояние’ <u>ассерция</u> : имеет место переход из состояния S в состояние S’ <u>пресуппозиция</u> : состояние S’ имеет место регулярно
редитив	‘обратно’ <u>ассерция</u> : имеет место перемещение из точки А в точку А’ <u>пресуппозиция</u> : субъект находился в точке А’ в предшествующий момент Т	‘домой’ <u>ассерция</u> : имеет место перемещение из точки А в точку А’ <u>пресуппозиция</u> : точка А’ является обычным местом пребывания субъекта

естественным кажется тот факт, что отсылка к нереферентной ситуации (‘куда обычно’, ‘в обычное состояние’) дает менее эмфатические употребления. Для репетитива же отсылка к нереферентной ситуации релевантна как для описанных выше неэмфатических употреблений, так и, наоборот, для самых эмфатических. Ср. русские предложения типа *Опять ты без шапки!*, где наречие *опять* отсылает не к конкретной ситуации в прошлом, а к классу ситуаций (*опять, как всегда, без шапки*). Подобная асимметрия между значениями, связанными с возвращением (реститутивом и рeditивом), и значением, связанным с повторением (репетитивом), хорошо соотносится с эмпирическим наблюдением Б. Вельхли о том, что процент репетитивных (или схожих с репетитивными) употреблений по сравнению с реститутивными и рeditивными оказывается меньшим для легких рефактивов, чем для тяжелых.

Список условных сокращений

3 — лицо; DAT — датив; INF — инфинитив; PF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REP — рефактив.

Литература

- Падучева 2001 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: УРСС, 2001.
- Nikolaeva et al. 2003 — I. Nikolaeva, E. Perekhvatskaya, M. Tolskaya. Udeghe texts. Osaka: ELPR, 2003.
- von Stechow 1996 — A. von Stechow. The different readings of *wieder* 'again': A structural account // *Journal of Semantics* 13, 1996. P. 87–38.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy 'again', or the eternal return of the same // *Studies in Language* 30, 1, 2006. P. 69–113.

М. Л. Федотов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ВРЕМЕННАЯ ДИСТАНЦИЯ В ЯЗЫКЕ ГБАН (ЮЖНЫЕ МАНДЕ)¹

0. Показатели временной дистанции (англ. remoteness, temporal distance) в языках мира указывают на степень удаленности двух ситуаций друг от друга во времени.

Чаще всего речь идет о дистанции между ситуацией, выраженной предикатом (**E**) и моментом речи (**S**) (ср. *Они недавно уехали из города*). Встречаются также показатели, указывающие на дистанцию между **E** и некоторой точкой отсчета (**R**) (ср. англ. *At sunset they had just left the city*).

Кроме того, системы временной дистанции разных языков в разной степени задействуют для оценки степени удаленности ситуации объективные и субъективные факторы (ср. ‘два дня назад’, ‘месяц назад’, ‘через час’... vs. ‘недавно’, ‘давно’, ‘скоро’...).

1.1. Для выражения лица в языке гбан используются местоименно-предикативные показатели (МПП), а также свободные личные местоимения (см. таблицу).

МПП, в отличие от свободных местоимений, всегда присутствуют в простом предложении (за исключением некоторых специальных случаев), занимая при этом позицию после подлежащего; кроме того, МПП выражают помимо личной также видо-временную семантику. Ср. пример (1).

---

¹ **Гбан** (*Gbá*) — один из южных языков манде, на нем говорит более 36 000 человек, проживающих в центральной части Кот д’Ивуара. Материал для этого исследования был собран во время петербургской экспедиции в Кот д’Ивуар в августе-сентябре 2011 года; также были использованы данные уже существующих работ по гбан [Желтов 2002; Howard, ms.]. Автор хотел бы поблагодарить за сотрудничество своего информанта Робера Оя Таки (Robert Oya Takí), носителя говора бо-во (*Bvó*).

Таблица 1. Личные показатели языка гбан

		1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL
Свободные мест.		ì	èè (неопт.);	è (суб.);	ù	àà	ǝ
			bè (оптат.)	ã (несуб.)			
МПП	непрошедшее	ì / mì...	èè / nì...	è / ʷ / yè ...	ù / wù...	àà	ǝ / ʷ
	прошедшее	ĩ / mĩ...	ẽẽ / nĩ...	é / yé ...	ú / wú...	áá	ɔ / wɔ...
	вчера-прош. + имперф.	mìè	nìè	yèè	wìè	ààè	wðè
	давно-прош. + имперф.	míé	níé	yèé	wíé	ááé	wðé

- (1) *tèní* *(é) *tǝ* *dò* *gò*
 ребенок 3SG.PST одежда один покупать[HOD]
 ‘Ребенок купил одежду’.

1.2. В форме имперфектива тон глагольной словоформы «наследуется» у последнего слога предшествующей словоформы по регулярным правилам:

тон предш. слога	eH (ǎ) ǀ	H (á) ǀ	L (à) ǀ	eL (à) ǀ	mR (ä) ǀ	R (ǎ) ǀ
тон глагола	eH (ǎ) ǀ	H (á) ǀ	L (à) ǀ	L (à) ǀ	H (á) ǀ	eH (ǎ) ǀ

(Также существует закрытый класс словоформ, провоцирующих появление на имперфективной форме глагола ультранизкого тона (отсутствующего в таблице). К ним относятся в том числе МПП 3 л. ед. и мн. числа непрошедшего времени).

Ср. примеры (2)–(4).

- (2) *ǝ* *bèá* *wó* *kǎð*
 3PL.NPST работа IPFV\класть поле
 ‘Они работают в поле’. (*wð* ‘класть’)
- (3) *ì* *nðdð* *nì* <...>
 1SG.NPST небо IPFV\смотреть
 ‘Я смотрю на небо’ <...>. (*nì* ‘смотреть’)
- (4) ^{OK}*mú = nú* *ǝʷ* *tà*
 мужчина=PL 3PL.NPST IPFV\идти
 ‘Мужчины идут’.

1.3. Ядерные видовременные конструкции (индикатива):

1.3.1. Непрошедшее (примеры (2)–(4)):

(S)	PPM ^{NPST}	(DO)	V (наследуемый)
-----	---------------------	------	-----------------

1.3.2. Сегодня-прошедшее + перфектив (примеры (1), (5)):

(S)	PPM ^{PST}	(DO)	V (лексический)
-----	--------------------	------	-----------------

1.3.3. Сегодня-прошедшее + имперфектив (пример (6)):

(S)	PPM ^{PST}	wǎ	(DO)	V (лексический)
-----	--------------------	-----------	------	-----------------

1.3.4. Вчера-прошедшее + перфектив (пример (7)):

(S)	PPM ^{PST}	(DO)	V ультраинский
-----	--------------------	------	----------------

1.3.5. Вчера-прошедшее + имперфектив (пример (8)):

(S)	PPM ^{PST.HEST.IPFV}	(DO)	V (наследуемый)
-----	------------------------------	------	-----------------

1.3.6. Давно-прошедшее + перфектив (пример (9)):

(S)	PPM ^{PST}	(DO)	V средневосходящий
-----	--------------------	------	--------------------

1.3.7. Давно-прошедшее + имперфектив (пример (9)):

(S)	PPM ^{PST.REM.IPFV}	(DO)	V (наследуемый)
-----	-----------------------------	------	-----------------

2.1. Категория временной дистанции в прошлом представлена в гбан тремя граммемами.

2.1.1. Сегодня-прошедшее (hodiernal).

Основная интерпретация: ‘(ранее) сегодня’; ср. примеры (5) и (6).

2.1.2. Вчера-прошедшее (hesternal).

Основная интерпретация: ‘вчера’; ср. примеры (7) и (8).

2.1.3. Давно-прошедшее (remote).

Основная интерпретация: ‘позавчера или раньше’; ср. пример (9).

(5) *mí ì mɔ kɔ̀kɔ̀ mì zɔ́ wàáwěwě* <...>
 1SG.NPST я GEN мотоцикл тело мыть[HOD] утро
 ‘Я помыл свой мотоцикл **этим утром** {а сейчас он снова грязный}’.

(6) *ĩ wǎ blè-lè kǎ dǐ*
 1SG.PST HOD.IPFV гулять-в[HOD] лес вниз
 {Знаете, что со мной **только что** случилось?} ‘Я гулял по лесу <...>’

- (7) *bóbo né yé, tɛní é tɔ̀ dò*
сейчас этот с ребенок 3SG.PST одежда один
gò / gò / gò
покупать[HOD] покупать\NEST покупать\REM
'Ребенок **недавно** купил одежду' {**сегодня / вчера / не-**
сколько дней назад}.
- (8) *wíɛ sǎǎ = nú*
вчера птица=PL
nɛ̀ wò̀ tɔ̀ nɔ̀dò,
REL 3PL.PST.NEST.IPFV IPFV\летать небо
mìè ɔ̀ nì
1SG.PST.NEST.IPFV они IPFV\смотреть
'**Вчера** я смотрел на птиц, летающих в небе'.
- (9) *é yɛ̀kɛ́ mɛ́ gòglɔ̀,*
3SG.PST делать\REM мужчина твердый
yè̀ é yé́ mɛ́ gòglɔ̀ (...)
3SG.PST.REM.IPFV IPFV\быть мужчина твердый
'Он стал сильным мужчиной, сильным мужчиной он был (...)'
(легенда о **далеком прошлом**)

2.2. Судя по всему, мы имеем дело с «объективной» оценкой временной дистанции — степень удаленности события измеряется в физических временных единицах.

2.3. При наличии **обстоятельства временной локализации** интерпретация высказываний с формами временной дистанции может изменяться. Семантические эффекты, о которых идет речь, можно проиллюстрировать примерами (10)–(12).

- (10) *mé né yé, í nù M̀a*
месяц этот с 1SG.PST приходить[HOD] Ман
'**В этом месяце** я приехал в Ман'. (реальная удаленность события — **около месяца**)
- (11) *mé nɛ̀ é yò yè,*
месяц REL 3SG.PST проходить\NEST здесь
í yà Vjǎ
1SG.PST идти\NEST Абиджан
'**В прошлом месяце** я ездил в Абиджан'. (реальная удаленность события — **месяц и неделя**)

- (12) *vékwé nèè é yò yè,*
 год REL 3SG.PST проходить\NEST здесь
ĩ bè-vè bð
 1SG.PST ямс-поле оставлять\NEST
 ‘В прошлом году я засеял поле ямса’. (реальная удаленность события — 17 месяцев; апрель 2010 → август 2011)

Судя по всему, в таких высказываниях для отсчета вместо дня выбирается другая — эксплицитно заданная — временная единица: **месяц** (примеры (10), (11)) или **год** (пример (12)).

Наблюдаемые семантические эффекты заставляют нас постулировать для трех граммем временной локализации более абстрактную семантику, чем ту, которая реализуется в основных употреблениях:

Сегодня-прошедшее: ‘ранее в пределах данного временного отрезка’ (⇒ базовая интерпретация ‘(ранее) сегодня’);

Вчера-прошедшее: ‘в пределах предыдущего временного отрезка’ (⇒ базовая интерпретация ‘вчера’);

Давно-прошедшее: ‘до начала предыдущего временного отрезка’ (⇒ базовая интерпретация ‘позавчера или ранее’).

При этом **день**, по-видимому, является для этой системы единицей измерения «по умолчанию» (равно как и минимальной) — что и обуславливает приведенные выше базовые интерпретации.

3. Интересно, что помимо рассмотренной выше категории временной дистанции в прошлом в языке гбан существуют и другие конструкции, выражающие значения временной дистанции или смежные им. Речь идет в первую очередь о конструкции «ближайшего предшествования» (ср. пример (13)):

(S)	PPM ^{NPST}	<i>wá(-le)</i>	<IPFV\уходить(-в)>	(DO)	V- <i>diá</i> ²
-----	---------------------	----------------	--------------------	------	----------------------------

- (13) *tèní ẽ wá tð*
 ребенок 3SG.NPST IPFV\уходить одежда
dò gò-dià
 один покупать-место:на
 ‘Ребенок только что купил одежду’.

В этом случае мы имеем дело скорее с «субъективной»

² Суффикс, образующий локативные существительные со значением места действия.

оценкой удаленности события как незначительной, ср. приемлемость примера (14).

- (14) ^{OK}gwè ʷ wǎ vò-dìà
 война 3SG.NPST IPFV\уходить заканчивать-место:на
 ‘Война только что закончилась’. (реальная удаленность события — 4 месяца)

Также, в отличие от грамем категории временной дистанции в прошлом, рассматриваемая конструкция имеет не дейктическую, а таксисную семантику (→ временная дистанция **R–E**) — ср. ее свободную сочетаемость с **разными** ядерными видовременными конструкциями, включая конструкции прошедшего времени (пример (15)).

- (15) ^{OK}tèní yèè wǎ-lè
 ребенок 3SG.PST.NEST.IPFV IPFV\уходить-в
 tǎ dò gò-dìà
 одежда один покупать-место:на
 ‘Ребенок [только-только] купил одежду’ {вчера, к определенному моменту}.

Список условных сокращений

ʷ — «плавающий» ультранизкий тон; eH — сверхвысокий (extra-high) тон (á; ʔ); H — высокий (high) тон (á; ʔ); L — низкий (low) тон (à; ʔ); eL — ультранизкий (extra-low) тон (ǎ; ʔ); mR — средневосходящий (mid-rising) тон (ǎ; ʔ); R — восходящий (rising) тон (ǎ; ʔ).

1, 2, 3 — лицо; DO — прямое дополнение; GEN — генитив; NEST — вчера-прошедшее; NOD — сегодня-прошедшее; IPFV — имперфектив; NPST — непрошедшее; PL — множественное число; PPM — местоименно-предикативный показатель (pronominal-predicative marker); PST — прошедшее; REL — относительный союз; REM — давно-прошедшее; S — подлежащее; SG — единственное число; V — глагол.

Литература

- Желтов 2002 — А. Ю. Желтов. Синтаксис, дейксис и прагматика: Грамматика без границ или суперфлексивность в аналитическом языке (краткий очерк глагольной системы языка гбан) // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д’Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова). СПб: Европейский Дом, 2002. С. 39–61.
 Howard, ms. — O. Howard. Gban Pedagogical Grammar, ms.

М. Л. Хачатурьян

ИЯз РАН, Москва — LLACAN, CNRS, Париж

ПРЕДИКАТИВНАЯ СИСТЕМА В МАНО, ЮЖНЫЕ МАНДЕ¹: ЭЛИЦИДАЦИЯ И КОРПУСНАЯ ПРОВЕРКА

1. Краткая информация о предикативной системе в мано: данные элицидации

Простые предложения в мано делятся на копулативные, в которых вершиной предикации является копула (положительная *lɛ*, отрицательная *wɔ*), а глагол присутствует в нефинитной форме, и предложения с местоименно-предикативными показателями (МПП). Путем элицидации был выявлен набор и семантика конструкций на базе этих показателей. Парадигма, сопровождаемая комментариями, представлена в Таблице 1.

МПП присутствует в предложении, даже в том случае, если подлежащее представлено полной именной группой (существительным с зависимыми, фокализированным местоимением и т. п.). В противном случае МПП является единственным носителем информации о субъекте. Функционально МПП близки к категории AUX в терминах грамматики составляющих [Выдрин 2010] и могут быть проинтерпретированы как отделяемые согласовательные показатели [Hachaturyan 2010]. Глагол при этом может присоединять некоторые сегментные морфемы, такие как суффиксы кондиционалиса *-á* и прогрессива *-pɛ̀lɛ̀*, а также супрасегментные морфемы (тон в имперфективе, тон в сопряженной конструкции). В ряде случаев, однако, глагол остается без изменений;

---

¹ Материалы по гвинейскому варианту языка мано были собраны в ходе двух этнолингвистических экспедиций в Западную Африку под руководством В. Ф. Выдрин в 2009 и в 2010 годах в рамках проекта «Разработка автоматического глоссирования текстов языков с грамматическими тонами: семья манде» в рамках направления «Лингвистические аспекты исследования текста» программы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации», а также в ходе работы с носителем языка в регионе Ардеш, Франция, в 2011 году.

Таблица 1. Местоименно-предикативные показатели в манго

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL
I.1 экзистенциальная	<i>Ṇ</i>	<i>ī</i>	<i>lē</i>	<i>kō</i>	<i>kā</i>	<i>ō</i>
I.2 экзистенциальная +3	<i>māā</i>	<i>bāā</i>	<i>lāā</i>	<i>kōā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>
II.1 претерит	<i>Ṇ</i>	<i>ī</i>	<i>ē</i>	<i>kō</i>	<i>kā</i>	<i>ō</i>
II.2 претерит +3	<i>mā</i>	<i>bā</i>	<i>ā</i>	<i>kōā</i>	<i>kā</i>	<i>wā</i>
III перфект	<i>māā</i>	<i>bāā</i>	<i>āā</i>	<i>kōā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>
IV.1 имперфектив	<i>ṆṆ</i>	<i>īī</i>	<i>lēē</i>	<i>kōō</i>	<i>kāā</i>	<i>ōō</i>
IV.2 имперфектив +3	<i>ṆṆ</i>	<i>bāā</i>	<i>lēā/lāā</i>	<i>kōā</i>	<i>kāā</i>	<i>ōō</i>
V сопряженная	<i>māā</i>	<i>bāā</i>	<i>āā</i>	<i>kōā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>
VI.1 отрицательная	<i>ṆṆ</i>	<i>īī</i>	<i>lēē</i>	<i>kōō</i>	<i>kāā</i>	<i>ōō</i>
VI.2 отрицательная +3	<i>ṆṆ</i>	<i>bāā</i>	<i>lāā</i>	<i>kōō</i>	<i>kāā</i>	<i>ōō</i>
VII.1 оптативная	<i>Ṇ</i>	<i>ī</i>	<i>é</i>	<i>kó</i>	<i>ká</i>	<i>ó</i>
VII.2 оптативная +3	<i>Ṇ</i>	<i>bá</i>	<i>á</i>	<i>kó</i>	<i>ká</i>	<i>ó</i>
VIII императивная	–	∅	<i>è</i>	<i>kò</i>	<i>kà</i>	<i>ò</i>
IX прохибитивная	<i>māā</i>	<i>bāā</i>	<i>āā</i>	<i>kōā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>
X.1 футуральная	<i>Ṇ</i>	<i>ī</i>	<i>lé</i> (<i>lēē</i>)	<i>kó</i> (<i>kōō</i>)	<i>ká</i> (<i>kāā</i>)	<i>ó</i> (<i>ōō</i>)
X.2 футуральная отрицательная	<i>Ṇ</i>	<i>ì</i>	<i>lè</i>	<i>kò</i>	<i>kà</i>	<i>ò</i>
XI.1 зависимый имперфектив	<i>Ṇ</i>	<i>ì</i>	<i>è</i>	<i>kò</i>	<i>kà</i>	<i>ò</i>
XI.2 зависимый имперфектив +3	<i>Ṇ</i>	<i>bà</i>	<i>è à</i>	<i>kò</i>	<i>kà</i>	<i>ò</i>
XII проспективная	<i>mòlò</i>	<i>bòlò</i>	<i>yèlè</i>	<i>kòlò</i>	<i>kàwòlò</i>	<i>wòlò</i>

в бытийных предложениях в настоящем времени глагол отсутствует.

Важной чертой предикативной системы манго является наличие серий, которые, согласно данным элицидации, употребляются только в зависимых предикациях: сопряженная, которая означает, что действие происходит одновременно с действием в главном предложении или в настоящем времени, оптативная серия, которая употребляется в зависимых предикациях с ирреальным значением, и серия зависимого имперфектива, заменяющая серию будущего и имперфективную серию. Подробнее о предикативной системе см. [Хачатурьян, в печати].

2. Предикативная система манго в типологической перспективе

Языки манде являются типичными представителями языков с «линейной» глагольной системой, по терминологии У. Уельмерса. Эти глагольные системы характеризуются тем, что в них

«граммемы всех грамматических категорий, присутствующих в этой системе, всегда выражаются кумулятивно, т. е. с помощью одного, не членимого в плане выражения, показателя» [Плунгян 2003: 11]. В южных языках манде, к которым относится и мано, такими показателями являются МПП.

Как и во многих африканских языках, в мано не выражено временное противопоставление, зато выражено аспектуальное. Выделяются две граммемы перфективного кластера: перфект, строящийся на базе МПП перфектной серии, и аорист, строящийся на базе МПП претеритной серии², которые различаются таксисными употреблениями и соотносительностью с моментом речи, и граммема имперфективного кластера, имперфект, выражающая хаби-туальные и дуративные значения в настоящем. Временная соотносительность определяется, как правило, семантикой МПП в той или иной конструкции.

Система отрицания в мано асимметрична: не существует ни одной пары утвердительных и отрицательных конструкций, которые различались бы только наличием показателя отрицания. Это связано с тем, что, во-первых, существуют специальные отрицательные МПП, и ни одна серия, употребляющаяся в положительной полярности, не употребляется в отрицательной, и наоборот. Во-вторых, парадигма отрицательной полярности редуцирована: отрицательные конструкции со значением имперфектива, претерита, перфекта и сопряженной серии образуются при помощи одной и той же серии МПП. В-третьих, помимо отрицательных МПП, существуют отрицательные частицы (копула *wɔ* в отрицательных конструкциях с фокализированным МПП, *gbā* в отрицательных конструкциях с МПП отрицательной серии при отрицании аориста, а также бытийных предложений и прогрессива в прошедшем), которые всегда следуют за МПП и предшествуют прямому объекту. То, что они употребляются не во всех конструкциях, создает дополнительную асимметрию. Асимметрия систем отрицания также типична для языков Африки [Miestamo 2005].

---

² Помимо аориста претеритные МПП образуют также конструкции со значением имперфекта и бытийные предложения в прошедшем. Таким образом, поскольку эта серия сочетает перфектные и имперфектные значения, ее правомерно называть претеритом, то есть серией, не специфицированной с аспектуальной точки зрения.

3. Корпусная проверка

Проверка на небольшом корпусе текстов, собранных нами, показала интересные результаты, нередко отличающиеся от данных, полученных элицидацией. Приведем несколько примеров.

Во-первых, выяснилось, что для обозначения последовательности действий в нарративе чаще всего используется претерит и, вопреки ожидаемому, сопряженная серия.

- (1) *À lè bɛ́í ē kē nɔ́ kɾá*
 REF место мало 3SG.PRET делать только давно
à nā wà à sɔ́-̀mì-ā
 3SG.NSBJ жена и 3SG.NSBJ развлечение-человек.IZF-DEF
wáā nù.
 3PL.JNT приходить.JNT
 ‘Некоторое время спустя пришла его жена со своим любовником’.

Во-вторых, для выражения бытийных значений в нарративе нередко используется экзистенциальная конструкция, обычно обозначающая бытийные значения в презенсе, наряду с бытийной конструкцией с ретроспективным сдвигом на базе претеритного МПП. Аналогично наряду с имперфектной конструкцией (3) для выражения хабитуальных значений нередко используется имперфектив (2), обычно маркирующий хабитуальные значения в настоящем.

- (2) *Mí sɛ́í láà dɔ́ sɛ́lé ɛ̀kííā*
 человек каждый 3SG.IPFV>3SG знать-IPFV земля этот
yí kɛ́lé à dɔ́ó lé è
 внутренность что 3SG.FOC один FOC 3SG.DIPFV
wèè ā.
 говорить-IPFV TOP
 ‘Все в этой деревне знали (букв.: знают), что она одна говорила (букв.: говорит)’.

- (3) *Ō kē ŋwɔ́ sɛ́í kē-pɛ̀lɛ́ ē kíē*
 3PL.PRET делать вещь каждый делать-INF REFL RECP
 ‘Они все делали вместе’.

Сопряженная серия также способна выражать хабитуальные значения.

- (4) *Mēnē nǒfē wáā*
луна любой 3PL.JNT
lò wáā wà
идти.JNT 3PL.JNT 3PL.POSS
wù kè ē kíē bà yìè ká.
мясо делать.JNT REFL RECP в хороший с
'Каждый месяц они шли и хорошенько охотились вместе'.

Наконец, выяснилось, что перфект и аорист довольно четко разводятся по контекстам: если аорист употребляется в нарративной цепочке, то перфект употребляется практически исключительно в прямой речи, обозначая события с релевантным для говорящего результатом.

- (5) «*Māà bī dā mī m̀ lūú.*»
1SG.PRF ружье падать человек на брусса
'«В бруссе я выстрелил в человека»'.

Список условных сокращений

+3 — серия, слитая с несубъектным местоимением 3SG; 1, 2, 3 — лицо; DEF — определенный артикль; DIPFV — зависимый имперфектив; FOC — фокус; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; IZF — изафет; JNT — сопряженная серия; NSBJ — несубъектное местоимение; PL — множественное число; POSS — посессив; PRET — претерит; PRF — перфект; RECP — реципрок; REF — показатель референтности; REFL — рефлексив; SG — единственное число; TOP — топиализатор.

Литература

- Выдрин 2010 — В. Ф. Выдрин. Еще раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания: Синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010. С. 385–400.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Африканские глагольные системы: Заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М.: Восточная литература, 2003. С. 5–41.
- Хачатурьян 2011 — М. Л. Хачатурьян. Глагольное спряжение в гвинейском ману // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН VII, 2, 2011. С. 305–342.

- Hachaturyan 2010 — M. Hachaturyan. The syntactic approach to pronominal systems in South and South-Western Mande languages // K. Pozdnyakov, V. Vydrin, A. Zheltov (eds.). Personal Pronouns in Niger-Congo Languages: International Workshop. St. Petersburg, September 13–15, 2010. Abstracts and papers: Working materials. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2010. P. 42–47. (http://mandelang.kunstkamera.ru/files/mandelang/xachat_pron_tez.pdf)
- Miestamo 2005 — M. Miestamo. Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2005.

М. А. Холодилова

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ATTRACTIO INVERSA В ИНГЕРМАНЛАНДСКОМ ФИНСКОМ¹

В ингерманландском финском наблюдается явление, известное как *attractio inversa*, при котором падежное маркирование вершины относительной конструкции определяется требованиями зависимой, а не главной клаузы. Так, в примере (1) существительное *lammás* ‘овца’ получает суффикс генитива, что соответствует позиции прямого дополнения при глаголе *ostà* ‘купить’, а не позиции подлежащего при глаголе *loikò* ‘лежать’.

- (1) *lammà-n minkä miä eilen ost-i-n*
овца-GEN что.GEN я вчера купить-PST-1SG
loikò koi-n luon
лежать.3SG дом-GEN рядом
‘Овца, которую я вчера купил, лежит около дома’.

Иначе то же явление часто описывают как изменение падежа вершины на падеж относительного местоимения. Так, в примере (1) падеж вершины и относительного местоимения совпадает.

Рассматриваемое явление многократно обсуждалось в литературе на материале древних индоевропейских языков: *attractio inversa* отмечается в латинском языке, в древнегреческом [Touratier 1980: 147–211], в хеттском, в древнеперсидском, в оскском и умбрском [Hahn 1964], в ведийском и классическом санскрите [Gonda 1975: 195], в средневерхненемецком [Pittner 1995].

Реже рассматриваются случаи *attractio inversa* в современных языках. В известных мне работах из современных языков упоминаются только персидский [Aghaei 2006: 72–76, 90–95] и восточно-франкский диалект немецкого [Fleischer 2006: 229]. Важное

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 11-04-00172а «Системное описание фонологии, морфонологии и синтаксиса прибалтийско-финских языков Ингерманландии». Материал собран в 2011 г.

Я благодарю за помощь Н. В. Кузнецову и М. З. Муслимова.

отличие этих языков от всех перечисленных выше состоит в том, что в них используются относительные клаузы, вводимые союзами, а не относительными местоимениями, т. е. из указанных выше определений *attractio inversa* к ним применимо только первое.

Кажется важным отметить, что рассматриваемое явление существует и в разговорном русском (2а), хотя и ограничено, по всей видимости, конструкциями без существительного в вершине, ср. (2б).

(2а) *Тем кому надо знают.* (Яндекс)

(2б) *??Тем людям, которым / кому надо, знают.*

Исследование *attractio inversa* в ингерманландском интересно, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, данные ингерманландского позволяют проверить предположения об ограничениях на *attractio inversa*, сделанные исключительно на основании текстовых примеров.

Во-вторых, ингерманландский интересен как неиндоевропейский язык, демонстрирующий явление, которое отмечалось до сих пор только или преимущественно в индоевропейских языках.

1. Отличия от обычных конструкций с постпозитивной относительной клаузой

Для ингерманландского на данный момент не выявлено контекстов, которые бы с необходимостью требовали *attractio inversa*. Таким образом, рассматриваемые конструкции всегда или как правило конкурируют с внешне близкой структурой без *attractio inversa*, что неизбежно вызывает вопрос о том, существуют ли какие-либо различия между этими относительными конструкциями.

1.1. Наблюдаемые отличия

При *attractio inversa* недопустимы все структуры, в которых элементу зависимой клаузы, определяющему форму вершины, предшествует элемент главной клаузы, определяющий «ожидаемую» форму вершины². Согласно описаниям, то же, по сей видимости, наблюдается в других языках, допускающих это явление.

Во-первых, относительная конструкция при *attractio inversa* не может входить в рему высказывания:

---

² Этот факт допускает различные трактовки, о которых частично см. далее.

- (3) *talo-n luonnà loikò lammás / *lampà-n*
 дом-GEN рядом.P3 лежать.3SG овца овца-GEN
minkä miä eilen ost-i-n
 что.GEN я вчера купить-PST-1SG
 ‘Рядом с домом лежит овца, которую я вчера купил’.

Во-вторых, при *attractio inversa* невозможна экстрапозиция относительной клаузы, достаточно свободно допустимая в других контекстах (ср. [Aghaei 2006: 76] для персидского).

Наконец, *attractio inversa* не может подвергаться именная группа, входящая в состав предложной или послеложной группы. Произнесение послелога, относящегося к вершине, после относительной клаузы невозможно по независимым причинам.

1.2. Ожидаемые, но не наблюдаемые отличия

Некоторые различия между обычной относительной конструкцией и конструкцией с *attractio inversa* предсказываются существующими теориями, но не вполне подтверждаются на материале ингерманландского.

Так, согласно ряду подходов, относительная конструкция при *attractio inversa* представляет собой единицу клаузального типа [Hahn 1964; Lehmann 1984: 185], не является именной группой (или DP [Bianchi 1999: 92]) и/или не имеет синтаксической функции в главной клаузе [Touratier 1980: 210; Lehmann 1984: 185]. Как кажется, с этим предположением не вполне совместим тот факт, что такие относительные конструкции сравнительно свободно допускают сочинение с именными группами:

- (4) ²*miu-n veli i ihmis-tä ke-tä sinä nä-i-t*
 я-GEN брат и человек-PART кто-PART ты видеть-PST-2SG
o-vat hii-v-i-ä iistäv-i-ä
 быть-3PL хороший-PL-PART друг-PL-PART
 ‘Мой брат и человек, которого ты видел, — хорошие друзья’.

В примере (4) предикативная часть выражает симметричные отношения между конъюнктами, а глагол получает маркирование по множественному числу, что делает невозможной эллиптическую трактовку этого предложения³.

³ В [Touratier 1980: 203] допустимость сочинения рассматривается как возможный контраргумент, однако отвергается: К. Туратье высказывает

2. Отличия от коррелятивных конструкций с внутренней вершиной

В большинстве работ, затрагивающих вопрос о структуре *attractio inversa*, соответствующие конструкции более или менее эксплицитно сопоставляются с коррелятивами, ср. (1) и (5). В некоторых работах (см., в частности, [Hahn 1964]) эти конструкции рассматриваются как реализации некоей единой структуры, тождественные с точностью до порядка слов.

- (5) ^{OK} *minkä lampà-n miä ost-i-n*
 что.GEN овца-GEN я купить-PST-1SG
 (se) *loikò talo-n luon*
 тот лежать.3SG дом-GEN рядом
 ‘Овца, которую я купил, лежит около дома’.

В то же время, в ингерманландском между этими конструкциями существует по крайней мере два существенных различия.

Во-первых, коррелятивы в ингерманландском (как и во всех других языках [Bhatt 2005: 10]) не могут быть нерестриктивными, тогда как в случае *attractio inversa* это возможно⁴:

- (6) *miu-n isä-jä-in ke-tä lüö-tì*
 я-GEN отец-PART-P1SG кто-PART бить-IPS.PST
loikò polnitsa-s
 лежать.3SG больница-IN
 ‘Мой отец, которого побили, лежит в больнице’.

Во-вторых, предложения с *attractio inversa*, но не коррелятивы допускают «семантическое согласование» с собирательным существительным: при существительном *pere* ‘семья’ в вершине

предположение, что в зафиксированных латинских примерах представлен сравнительно необычный случай сочинения (со значением ‘а также’). Вне зависимости от того, объясняет ли это предположение факты латинского языка, важно отметить, что к примеру (4) оно неприменимо.

⁴ Допустимость нерестриктивных относительных предложений с *attractio inversa*, по всей видимости, противоречит подходу, изложенному в [Bianchi 1999]. Согласно этой работе, образование нерестриктивных относительных клауз предполагает перемещение IP относительной клаузы в спецификатор внешнего по отношению к относительной клаузе D на уровне логической формы [ibid.: 146]. В то же время, отличие *attractio inversa*, согласно [ibid.: 92], заключается в отсутствии внешнего D.

в случае *attractio inversa*, как и в обычной постпозитивной относительной клаузе, возможно использование относительного местоимения *kutka* (кто.PL.NOM). В коррелятивной структуре возможно только относительное местоимение *mikä* (что.SG.NOM).

Наконец, важная особенность *attractio inversa* в ингерманландском состоит в том, что не полностью исключена конструкция, в которой падежи вершины и относительного местоимения не совпадают, хотя и соответствуют одной и той же синтаксической позиции в зависимой клаузе:

(7) *ihmise-n ke-tä nä-i-t eilen*
человек-GEN кто-PART видеть-PST-2SG вчера
ellä nāpuri-s
жить.3SG сосед-IN
'Человек, которого ты вчера видел, живет в соседнем доме'.

Такие конструкции, по всей видимости, должны представлять сложность для всех подходов, при которых *attractio inversa* предполагает согласование между вершиной и относительным местоимением [Touratier 1980; Bianchi 1999, 2000 и др.].

3. Выводы

Данные ингерманландского требуют пересмотра представлений об устройстве конструкций с *attractio inversa*. При этом необходимо учитывать, что в ингерманландском в соответствующих конструкциях:

- относительная конструкция может сочиняться с именной группой, что, вероятно, следует считать признаком именной группы;
- допустимы как рестриктивные, так и нерестриктивные относительные клаузы;
- относительное местоимение проявляет свойства местоимения-существительного, а не местоимения-прилагательного, как в коррелятивах: допустимо «семантическое согласование» относительного местоимения по числу и одушевленности и — ограничено — «рассогласование» по падежу (7);
- совпадение формы вершины и относительного местоимения в тех случаях, когда оно наблюдается, является следствием того, что они независимо получают маркирование, соответствующее некоторой единой позиции в зависимой клаузе, на что указывает возможность «рассогласования по падежу».

Последняя особенность сближает свойства *attractio inversa* в языках с относительными местоимениями и союзами в относительных клаузах и подтверждает предположение, что данные этих языков должны получать сходную интерпретацию (см. [Lehmann 1984: 185]).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; GEN — генитив; IN — инессив; IPS — имперсонал; NEG — отрицание; NOM — номинатив; P1SG — притяжательный показатель 1 л., ед. ч.; P3 — притяжательный показатель 3 л.; PART — партицип; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Aghaei 2006 — B. Aghaei. The Syntax of *Ke*-clause and Clausal Extraposition in Modern Persian. PhD Thesis. University of Texas at Austin, 2006.
- Bhatt 2005 — Bhatt. Correlative clauses. Talk at LOT Summer School. Leiden, 2005.
- Bianchi 1999 — V. Bianchi. Consequences of Antisymmetry: Headed Relative Clauses. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1999.
- Bianchi 2000 — V. Bianchi. Some issues in the syntax of relative determiners // A. Alexiadou. The Syntax of Relative Clauses. Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 53–81.
- Fleischer 2006 — J. Fleischer. Dative and indirect object in German dialects: Evidence from relative clauses // D. P. Hole, W. Abraham, A. Meinunger (eds.). Datives and Other Cases: Between Argument Structure and Event Structure. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 213–238.
- Gonda 1975 — J. Gonda. Selected studies. V. 1 (Indo-European linguistics). Leiden: E. J. Brill, 1975.
- Hahn 1964 — E. A. Hahn. Relative and antecedent // Transactions and Proceedings of the American Philological Association 95, 1964. P. 111–141.
- Lehmann 1984 — Ch. Lehmann. Der Relativsatz: Typologie seiner Strukturen; Theorie seiner Funktionen; Kompendium seiner Grammatik [Language Universals Series 3]. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1984.
- Pittner 1995 — K. Pittner. The case of German relatives // The Linguistic Review 12, 3, 1995. P. 197–231.
- Touratier 1980 — Touratier Ch. La relative. Essai de théorie syntaxique (à partir de faits latins, français, allemands, anglais, grecs, hébreux, etc.). Paris: Klincksieck, 1980.

М. В. Худякова

МГУ, Москва

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР В ПОЗИЦИИ ПОСЕССОРА: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Вступление

Когда человек говорит, он неизбежно сталкивается с необходимостью находить номинации для всех объектов, которые должны быть упомянуты в тексте. При этом говорящий совершает референциальный выбор, то есть выбирает наиболее подходящее из возможных референциальных выражений — полных ИГ (определенных дескрипций, имен собственных) и редуцированных (местоимений).

Референциальный выбор — сложный когнитивный процесс. Основные лингвистические подходы к референции связывают референциальный выбор с активацией референта в сознании говорящего [Chafe 1994], в его рабочей памяти [Кибрик 2004], с фокусом внимания на данном референте, с его центральностью или выделенностью, в дискурсе [Grosz et al. 1995]. Во всех случаях речь идет о некотором свойстве самого референта, связанном с основными когнитивными механизмами и процессами — вниманием и памятью. Наиболее активированные в сознании говорящего референты, как правило, выражены редуцированными номинациями, а менее активированные — более полными.

Данная работа выполнена в рамках многофакторного количественного подхода, предложенного А. А. Кибриком. МКП основан на представлении о том, что референциальный выбор зависит от активации референта в рабочей памяти. Все факторы, влияющие на активацию, учитываются. Суммируется вклад каждого из них в счет активации. Некоторые факторы вносят большой вклад, некоторые являются побочными источниками активации, некоторые могут лишь понижать ее [Кибрик 2003].

В данной работе исследуется вклад такого семантико-синтаксического фактора, как посессорность, на референциальный выбор.

2. Терминология

Существует некоторая непоследовательность в терминологии, связанной с посессивностью. Традиционно посессивным называется местоимение, обозначающее посессора (*his*), а термин «посессивная ИГ» относится к ИГ типа «обладаемое + обладатель» (*his house, the man's house*) [Willemse 2009].

В данной работе посессорными будут называться все полные ИГ и местоимения, обозначающие посессора, то есть притяжательные местоимения (*my, his*), *s*-генитив (*John's*), *of*-генитив (*of John, of him* в значении обладателя). Непосессорные ИГ будем называть актантными¹.

В качестве регулярных посессорных местоимений в работе не рассматриваются рефлексивные притяжательные местоимения, поскольку отношение между антецедентом и рефлексивом нельзя назвать кореферентностью, так как рефлексивные местоимения не являются настоящими аргументами предложения, и потому не полностью референтны [Vach, Partee 1980]. Рефлексивными в данном исследовании считаются все посессорные местоимения, которые находятся в одной клаузе с антецедентом [Kroeger 2004].

3. Корпус для исследования

Корпус RefRhet включает в себя 385 статей экономической, политической или культурной тематики из газеты Wall Street Journal. В корпусе выделено 21 789 элементарных дискурсивных единиц [Loukachevitch et al. 2011].

Для данного исследования был выбран подкорпус, состоящий из 31 текста длиной от 33 до 1708 слов и включает в себя 18845 слов, 3453 маркабулы.

Референциальный выбор определяется многими факторами, среди которых есть свойства антецедента и референциального выражения, референта, а также характер отношений между антецедентом и анафором [Greenbacker, McCoу 2009; Arnold 2008; Кибрик 2003]. Мы будем рассматривать следующие факторы, влияющие на референциальный выбор:

- свойства референта: одушевленность;

---

¹ Термин «актантные ИГ» в данном исследовании условен.

- свойства референциального выражения: категория лица, полнота, грамматическая роль, тип ИГ;
- свойства антецедента: определенность, полнота, грамматическая роль, тип ИГ.

Наличие корреляции между разными факторами и референциальным выбором определялась с помощью логлинейного анализа [Юнкеров, Григорьев 2002].

4. Результаты исследования

Подкорпус, выбранный для исследования, содержит 3092 определенных ИГ, 85% из которых — полные ИГ, и только 15% — местоимения. ИГ в позиции посессора составляют 19% выбранных маркабул. Распределение типов референциальных выражений в посессорной и актантной позициях представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение полных ИГ и местоимений в позиции посессора и актанта в подкорпусе

	Позиция посессора	Позиция актанта	всего
Полные ИГ	259 8%	2253 73%	2512 81%
местоимения	213 7%	367 12%	580 19%
всего	472 15%	2620 84%	3092 100%

Как видно из Таблицы 1, посессоры прономинализованы чаще, чем актанты.

Также есть сильная корреляция между одушевленностью референта, референциальным выбором и посессорностью референциального выражения. Одушевленные посессоры выражены местоимениями в 80% случаев, в то время как неодушевленные посессорные и актантные ИГ чаще выражены полными ИГ. Наиболее предсказуем референциальный выбор для неодушевленных референтов в актантной позиции.

Особый интерес представляют случаи, когда посессоры и актанты демонстрируют противоположные тенденции к прономинализации в зависимости от других факторов.

Например, как можно видеть из Таблицы 2, посессоры чаще прономинализуются после неопределенных ИГ и примерно в равной

степени выражены местоимениями и полными ИГ после определенных антецедентов. Актантные ИГ демонстрируют противоположные тенденции: редуцированные ИГ чаще встречаются после неопределенных антецедентов и реже — после определенных.

Таблица 2. Распределение полных ИГ и местоимений в позиции посессора и актанта в подкорпусе в зависимости от определенности антецедентов

антецедент	анафор					
	посессор			актант		
	Полные ИГ	Местоимения	всего	Полные ИГ	Местоимения	всего
Определенные дескрипции	174 47%	195 53%	369 100%	912 73%	344 27%	1256 100%
Неопределенные дескрипции	5 29%	12 71%	17 100%	73 60%	48 40%	121 100%
всего	386			1377		

Также существует корреляция между формой антецедента и референциальным выбором в позиции посессора/актанта. Посессоры после полных ИГ выражены местоимениями реже, чем после местоимений. Редуцированная форма антецедента имеет сильное влияние на анафора в позиции посессора: такие анафоры прономинализованы в $\frac{3}{4}$ случаев. Актанты имеют иную тенденцию: они чаще выражены полными ИГ, чем местоимениями, особенно после полных антецедентов.

Корреляция между синтаксической ролью антецедента и формой и посессорностью анафора также статистически значима. Актантные ИГ демонстрируют тенденцию быть выраженными полными ИГ после всех типов антецедентов, в то время как посессорные ИГ являются местоимениями после 74% антецедентов-подлежащих, 52% антецедентов-прямых дополнений и 40% других антецедентов.

Данное исследование показало, что в моделях референциального выбора следует учитывать такой фактор, как посессорность референциального выражения. Значит, необходимо выделить этот фактор как отдельный в схеме разметки корпуса RefRhet.

Литература

- Кибрик 2003 — А. А. Кибрик. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. ... докт. филол. наук, 2003.
- Кибрик 2004 — А. А. Кибрик. Референция и рабочая память: о взаимодействии лингвистики с психологией и когнитивной наукой // А. Н. Гусев, В. Д. Соловьев (ред.). Материалы первой российской интернет-конференции по когнитивной науке. Москва: УМК Психология, 2004. С. 29–43.
- Юнкеров, Григорьев 2002 — В. И. Юнкеров, С. Г. Григорьев. Математико-статистическая обработка данных медицинских исследований. СПб: ВМедА, 2002.
- Arnold 2008 — J. Arnold. Reference production: Production-internal and addressee-oriented processes // *Language and Cognitive Processes* 23, 4, 2008.
- Bach, Partee 1980 — E. Bach, B. H. Partee. Anaphora and semantic structure // B. H. Partee. *Compositionality in Formal Semantics: Selected Papers by Barbara H. Partee*. Oxford: Blackwell Publishers, 1980. P. 122–152.
- Chafe 1994 — W. Chafe. *Discourse, Consciousness, and Time. The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: Chicago University Press, 1994.
- Greenbacker, McKoy 2009 — C. Greenbacker, K. McKoy. Feature selection for reference generation as informed by psycholinguistic research // *Proceedings of the 2009 Workshop on Production of Referring Expressions (PRE-CogSci 2009)*. Amsterdam, 2009.
- Grosz et al. 1995 — B. Grosz, A. Joshi, S. Weinstein. Providing a Unified Account of Definite Noun Phrases in Discourse // *Proceedings of the 21st Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Cambridge, MA: Association for Computational Linguistics, 1995. P. 44–50.
- Kroeger 2004 — P. R. Kroeger. *Analyzing Syntax: a Lexical-Functional Approach*. Cambridge: CUP, 2004.
- Loukachevitch et al. 2011 — N. V. Loukachevitch, G. B. Dobrov, A. A. Kibrik, M. V. Khudyakova, A. S. Linnik. Factors of referential choice: computational modeling // A. E. Kibrik (ed.). *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference Dialogue 2011*. Bekasovo, Moscow Region: RGGU, 2011.
- Willemse 2009 — P. Willemse. The discourse embedding of possessive and esphoric NPs: A corpus study of the identifiability status of their referents and of their discourse functions // *First Vigo-Newcastle-Santiago-Leuven International Workshop on the Structure of the Noun Phrase in English: Synchronic and Diachronic Explorations (NP1)*. Vigo, 2009.

М. С. Шматова

МГУ, Москва

**КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГРУППА В ПОЗИЦИИ СУБЪЕКТА:
о некоторых особенностях согласования
в финно-угорских языках**

Настоящая работа посвящена рассмотрению особенностей согласования предиката с субъектом в финно-угорских языках в тех случаях, когда субъект выражен конструкцией вида «числительное + существительное» (англ. Numeral-Noun Constructions) или, иначе, количественной группой¹.

В первую очередь данное исследование опирается на полевые материалы, собранные в ходе лингвистических экспедиций (язык ханты (тегинский говор), удмуртский бесермянский, коми-зырянский (мужевский говор), эрзя-мордовский (шокшинский говор), луговой марийский (староторъяльский говор))². Также были использованы данные из опубликованных текстов и грамматик финно-угорских языков.

Согласование предиката с субъектом характерно для всех финно-угорских языков. В большинстве случаев это согласование по лицу и числу, выраженное морфологически (также англ. «syntactic agreement», также «agreement ad formam» см. [Corbett 1996]), однако встречается и смысловое (англ. «semantic») согласование («согласовательный аффикс отражает семантику или референцию согласующихся единиц» [Тестелец 2001: 391]), которое также будет рассмотрено ниже в связи с предметом исследования.

Количественные конструкции сами по себе являются предметом многочисленных исследований (см. [Franks 1994; Danon 2009] и др.). Это связано в первую очередь со сложностью и многообразием

---

¹ Мы принимаем этот термин для подобных конструкций вслед за Я. Г. Тестельцом (см. [Тестелец 2001]).

² Сбор используемых в данном исследовании материалов производился как автором работы, так и другими участниками лингвистических экспедиций. Автор выражает благодарность всем коллегам, которые поделились своими материалами.

их внутренней структуры и поведения в предложении и тексте в различных языках мира (подробнее об этом см. [Dyger 2008; Shmatova, in print]).

В финно-угорских языках существительное в рамках количественной конструкции может иметь форму либо единственного, либо множественного числа (для языков ханты и манси также возможна форма двойственного числа). В общем случае предикат согласуется по числу именно с существительным.

ВЕНГЕРСКИЙ

- (1) *Három tudós beszélget.*
три ученый разговаривать.3SG
'Три ученых разговаривают'.

ЭРЗЯ-МОРДОВСКИЙ (ШОКШИНСКИЙ)

- (2) *kafta t'ory-t' t'ikše l'ed'-it'*
два парень-PL трава косить-PRS.3PL
'Два парня косят траву'.

Так, в (1) и (2) предикаты согласуются в числе (в венгерском — в единственном, в эрзя-мордовском — во множественном, как того требуют правила употребления существительных в количественных группах в этих языках).

Однако в тех случаях, когда существительное в количественной группе имеет форму единственного числа, предикат также может принимать форму множественного числа, согласуясь тем самым не по форме, а по смыслу:

КОМИ-ЗЫРЯНСКИЙ (МУЖЕВСКИЙ ГОВОР)

- (3) *kuim vok-ys / *vok-jas-ys*
три брат-3 брат-PL-3
munn-isny jag-e
идти-PST1:3PL лес-ILL
'Три брата пошли в лес'.

Также стоит отметить, что не во всех финно-угорских языках и диалектах существительное в рамках количественной группы может стоять либо только в единственном, либо только во множественном (и двойственном) числе. Согласно данным полевых исследований, во многих диалектах используются обе вышеназванные стратегии:

- ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ [Шматова, Черниговская, в печати]
- (4а) *üstembal-ne kok abrikos kij-a*
 стол.на-INESS два абрикос лежать-PRS.3SG
 ‘На столе лежат два абрикоса’.
- (4б) *kok rveze-šam č poŋg- m pog-aš jörat-a-t*
 два мальчик-PL гриб-ACC собирать-INF любить-PRS-3PL
 ‘Два мальчика любят собирать грибы’.
- УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)
- (5) *kwin’ brat’t’os / brat mən-i-z-ə čašja-e*
 три брат-PL брат пойти-PST1-3-PL лес-ILL
 ‘Три брата пошли в лес’.

Чем чаще в языке встречаются подобные «исключения» (уже, как показали исследования [Шматова 2010; Шматова, Черниговская в печати], регулируемые в некоторых языках правилами (см. [Corbett 2000])), тем вероятнее случаи «несогласованности» предиката с субъектом, о которых пойдет речь ниже.

Как показали полевые исследования автора, носители могут не только употреблять предикат во множественном числе в тех случаях, когда по правилам «синтаксического согласования» он должен принимать форму единственного числа, но и наоборот:

- УДМУРТСКИЙ (БЕСЕРМЯНСКИЙ)
- (6) *vož vəl-ən vožmaš’k-e vit’ val-jos*
 луг на-LOC пастись-3SG:PRS пять лошадь-PL
 ‘На лугу пасется пять лошадей’.

Однако таких предложений, где происходит рассогласование, подобное показанному в (6), в языках с двухграммемной категорией числа по текстам встретилось совсем немного, и есть основания предполагать, что они могут быть оговорками носителей. В то же время, в языке ханты, имеющем также граммему двойственного числа, своего рода «путаница в синтаксическом согласовании», согласно данным тегинского говора, — явление довольно частотное³:

³ Подробнее о количественных конструкциях в языке ханты см. [Шматова 2010].

- ЯЗЫК ХАНТЫ (ТЕГИНСКИЙ ГОВОР)
- (7) *kāt vuon juorem ikie-ηeη pavər attə-t-ət*
 два большой сильный мужчина-DU бревно нести-NPST-3PL
 ‘Два больших сильных мужчины таскают бревна’.
- (8) *kāt iki pavər attə-t-ət / attə-t-ηeη /*
 два мужчина бревно нести-NPST-3PL нести-NPST-3DU
 ?*attə-t*
 нести-NPST[3SG]
 ‘Два мужчины таскают бревна’.

Как видим, в тегинском говоре языка ханты правила согласования «ad format» могут не соблюдаться. Заметим также, что в (8) варианты форм предиката употреблены в порядке убывания их частотности, то есть форма множественного числа оказывается самой частотной, тогда как форма двойственного числа употребляется носителями в таких случаях значительно реже. Скорее всего, это связано с тем, что в языке существует тенденция к двухграммной категории числа и двойственное число начинает выходить из употребления. Также можно сделать вывод, что для языка ханты более характерно смысловое согласование (существительное с множественным антецедентом требует предиката во множественном числе).

Таким образом, в ходе исследования были выявлены некоторые случаи нарушения правила согласования предиката с субъектом, выраженным количественной группой, «по форме» в финно-угорских языках, которые можно объяснить, во-первых, возможностью семантического согласования, во-вторых, возможностью употребления существительного в разных числовых формах в рамках количественной группы, что может приводить к ослаблению правил, регулирующих согласование, и, в-третьих, тенденцией к использованию двухграммной категории числа вместо трехграммной (в случае языка ханты).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ACC — аккузатив; DU — двойственное число; ILL — иллатив; INESS — инессив; INF — инфинитив; LOC — локатив; NPST — не-прошедшее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; PRS — настоящее время; PL — множественное число.

Литература

- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Шматова 2010 — М. С. Шматова. Конструкции «числительное + существительное» в хантыйском языке: Случаи маркирования существительного показателем числа // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН IV, 3, 2010. С. 181–185.
- Шматова, Черниговская, в печати — М. С. Шматова, Е. А. Черниговская. Категория числа существительного в марийском и пермских языках // А. И. Кузнецова (ред.). *Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*, в печати.
- Corbett 1996 — G. G. Corbett. *Agreement*. Cambridge: CUP, 1996.
- Corbett 2000 — G. G. Corbett. *Number*. Cambridge: CUP, 2000.
- Danon 2009 — G. Danon. *Grammatical number in numeral-noun constructions*. Ms., 2009.
- Dryer 2008 — M. S. Dryer. Order of numeral and noun // M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Munich: Max Planck Digital Library, chapter 89. (<http://wals.info/feature/89>)
- Franks 1994 — S. Franks. Parametric properties of numeral phrases in Slavic // *Natural Language and Linguistic Theory* 12, 4.
- Shmatova, in print — M. Shmatova. On developing morpho-syntactic parameters for NNC-database // *Materials of 20th Linguistic Days in Prague*, in print.

С. Г. Татевосов

МГУ, Москва

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИМЕННЫХ АКТАНТОВ
И МОДАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРФЕКТИВНОСТИ¹**
(пленарная лекция)

1. Вид в славянском стиле

Типологические открытия 80-х годов, сделанные в ходе исследований межъязыкового варьирования в видо-временной сфере [Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994], позволили надежно установить эмпирическую реальность особой разновидности возможной аспектуальной системы. Эта разновидность, которую Э. Даль назвал видом в славянском стиле, была впервые обнаружена и описана в типологическом аспекте в русском и других языках славянской группы. Одна из ее особенностей, существенная для сюжета настоящей работы, связана с интерпретацией грамматических показателей, выражающих перфективность.

Перфективы в языках славянского типа имеют много общего с перфективами в германских, романских и тысячах других типологически близких языков. В обоих случаях они имеют одинаковые интервальные свойства: фокусный временной интервал включает в себя время ситуации [Klein 1994, 1995]. Из-за этого, в частности, и в русском, и в английском языках перфективные клаузы описывают последовательность событий:

(1) *Когда Володя пришел, Феликс написал письмо.*

1. $\tau(\text{Володя пришел}) \ll \tau(\text{Феликс написал письмо})$

2. $*\tau(\text{Володя пришел}) \subset \tau(\text{Феликс написал письмо})$

где $\tau(P)$ — временной интервал, который занимает событие, описываемое предикатом P , " $t \ll t'$ " означает, что t' следует за t , а " $t \subset t'$ " имеет место, когда t — собственный подынтервал t' .

---

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант 11-06-00489-а.

- (2) *When Ronald came, George wrote a letter.*
 1. $\tau(\text{Ronald came}) \ll \tau(\text{George wrote a letter})$
 2. $*\tau(\text{Ronald came}) \subset \tau(\text{George wrote a letter})$

Перфективные глагольные группы и клаузы в русском и аналогичных языках имеют, однако, и ряд отличий. Самое яркое из них связано с явлением акциональной композиции, которое для английского языка иллюстрируется в (3):

- (3а) *Ronald ate an / the apple / three apples / the apples in ten minutes /
 ?? for ten minutes.*
 (3б) *George ate soup / apples for ten minutes / *in ten minutes.*

В перфективной клаузе глагол *eat* может возглавлять либо предельную, либо непредельную глагольную группу в зависимости от того, каким свойствами обладает его (градуальный) пациент, или инкрементальная тема, занимающая позицию прямого дополнения. Как видно из сочетания с обстоятельствами длительности, предельность возникает, когда прямым дополнением является именная группа с исчисляемым существительным в единственном числе (или любая другая квантованная ИГ в терминах [Krifka 1989, 1992, 1998]). (Квантованность — свойство предиката, состоящее в том, что никакая собственная часть индивида из его экстенционала сама не входит в экстенционал.) Если в позиции прямого дополнения представлена неопределенная ИГ во множественном числе (или любая другая неквантованная и кумулятивная ИГ), создается непредельная интерпретация.

В языках типа русского акциональная композиция устроена иначе. В перфективных клаузах с инкрементальными глаголами (за вычетом делимитативных и пердуративных, не существенных для текущего обсуждения) предельность обязательна, а интерпретация прямого дополнения ограничена:

- (4а) *Володя написал письма за два часа / *два часа (#но осталось еще несколько).*
 (4б) *Феликс съел яблоки за два часа / *два часа (#но осталось еще несколько).*

В (4) ИГ *письма/яблоки* могут быть только квантованными: они вводят в рассмотрение максимальную совокупность объектов,

заданную в предшествующем контексте, причем утверждается, что эта совокупность целиком задействована в описываемой ситуации. Эти интерпретация соответствует определенным ИГ типа *the letters* в английском языке. ИГ с неопределенной интерпретацией, аналогичные английской *letters* в позиции прямого дополнения в (4) невозможны.

Хотя русский, польский и чешский языки могут гордиться тем, что вид в славянском стиле был впервые описан именно на их материале, аналогичные видовые системы обнаруживаются далеко за пределами славянской группы. (5) иллюстрирует ограничение, идентичное тому, которое наблюдается в (4), для ненецкого языка (см. также [Tatevosov, Ivanov 2009] и [Lyutikova, Tatevosov 2010], где приводятся аналогичные данные алтайского и осетинского языков).

(5) Ненецкий язык

<i>pida</i>	<i>p'is'mi</i>	<i>pāda</i>
он	письмо.АСС.PL	написать
<i>#n'axar</i>	<i>p'is'mo-da</i>	<i>xaji</i>
три	письмо-3SG	остаться

‘Он написал письма. Три письма осталось {написать}’.

Таким образом, адекватная теория вида в славянском стиле должна объяснять, как в предложениях типа (4)–(5) возникает обязательная предельность и обязательная квантованность прямого дополнения.

2. Модальность в значении видовых категорий

Пока типологическая лингвистика энергично продвигалась к лучшему пониманию параметров межъязыкового варьирования в сфере вида и времени, теоретическая семантика шла в другом направлении. С конца 70-х годов интенсивно развивались теоретико-модельные подходы к значению временных и аспектуальных грамматических показателей. В классических работах Д. Даути [Dowty 1977, 1979] было впервые установлено, что адекватный анализ прогрессива требует обращения к семантике возможных миров, без которой невозможно найти удовлетворительное объяснение имперфективного парадокса. Согласно анализу Д. Даути, предложения в прогрессиве (например, *John was crossing the street*)

истинны в актуальном мире w_0 в момент времени t , если во всех инерционных мирах переход улицы благополучно завершается в момент t' , следующий за t . (Инерционные миры по отношению к миру w и моменту времени t — это такие миры, которые идентичны w до момента t и в которых после t никакие посторонние силы не вмешиваются в естественный ход вещей, например, в переход улицы.)

Последующие исследования (в частности, [Landman 1992] и [Portner 1998]) внесли ряд существенных уточнений в анализ прогрессива, предложенный Д. Даути. В 2000-е модальный подход был распространен и на некоторые другие аспектуальные значения, в частности, на перфект [Portner 2003; Katz 2004]. Пожалуй, единственной аспектуальной категорией, в семантике которой модальный компонент до сих пор не выделялся, оставался перфектив.

3. Модальный анализ перфектива в славянском стиле

В этой работе мы попытаемся свести воедино типологические обобщения о варьировании в сфере перфективности и теоретико-модальный анализ аспектуальных значений с использованием семантики возможных миров. В частности, мы выдвинем и обоснуем гипотезу о модальном характере славянского перфектива, которая позволяет объяснить явления акциональной композиции в (4)–(5). Из соображений объема ниже мы ограничимся неформальными и квазиформальными рассуждениями и отложим изложение более эксплицитной версии анализа для более полной версии этой работы (см. также [Tatevosov 2011]).

Стратегия объяснения обязательной предельности и ограничения на интерпретацию градуального пациенса в (4)–(5) состоит в следующем. На некотором уровне семантической деривации русский и английский языки устроены одинаково. Оба деривируют и предельные, или квантованные [Krifka 1989, 1992], глагольные предикаты, и непредельные, или неквантованные. (Для событийных предикатов квантованность в первом приближении, которого достаточно для наших текущих целей, выступает в качестве эквивалента предельности, а ее отсутствие — не-предельности). Предельный предикат может присоединять перфективный показатель без ограничений в языках обоих типов.

Эту возможность мы наблюдаем в английском предложении (3а) и в русских (4а–б). Межъязыковое варьирование касается неопределенных предикатов. Если неопределенный предикат соединяется с английским перфективом, это не создает никаких проблем, и перфективная неопределенная интерпретация оказывается поверхностно наблюдаемой, как в (3б). Однако в тот момент, когда неопределенный предикат поступает в распоряжение славянского перфектива, возникает семантический конфликт: по каким-то причинам эти две вещи не могут соединиться в интерпретируемое целое, и неопределенная перфективная интерпретация в славянских языках не появляется. Четыре перечисленные выше возможности иллюстрируются в (6)–(7):

- (6) Английский язык
 а. $^{OK}[PFV^{QUA}[Ronald\ eat\ an\ apple\ /\ the\ apple\ /\ three\ apples\ /\ the\ apples]\ ]$
 б. $^{OK}[PFV^{-QUA}[George\ eat\ soup/apples]\ ]$
 где верхний индекс (–)QUA сигнализирует, что составляющая обозначает (не)квантованный событийный предикат
- (7) Русский язык
 а. $^{OK}[PFV_{SLAV}^{QUA}[Володя\ написал- [\emptyset_{THE}\ письма]\ ]]$
 б. $^{*}[PFV_{SLAV}^{-QUA}[Володя\ написал- [\emptyset_{\exists}\ письма]\ ]]$
 где $\emptyset_{THE}$ — фонологически пустой показатель определенности, а $\emptyset_{\exists}$ — аналогичный показатель неопределенности

Иными словами, славянский перфектив работает как фильтр: он пропускает через себя предельные глагольные предикаты (7а) и отфильтровывает неопределенные (7б). Ключевой вопрос состоит в том, что в семантике славянского перфектива наделяет его этой фильтрующей функцией и почему славянский перфектив несовместим с неопределенным предикатом. Как оказывается, при ответе на этот вопрос модальный подход дает нам решающие преимущества.

Мы предполагаем, что славянский перфектив PFV_{SLAV} содержит два семантических компонента — «кляйновскую перфективность» (фокусное время включает в себя время ситуации [Klein 1994]), общую для всех известных перфективов, и модальный элемент, составляющий типологическое своеобразие аспектуальных систем в славянском стиле. Неформально семантику этого

элемента можно описать следующим образом: актуальный мир — один из тех, в которых событие e из экстенционала предиката P реализовано максимально. Максимальная реализация события e , обладающего свойством P , достигается в мире w в том случае, если в любом мире w' , который доступен из w и в котором e продолжается, оно не входит в экстенционал P в w' . Например, если событие e в мире w состоит в том, что мы съели яблоко, то в других мирах, не слишком далеко отстоящих от w , это событие не может продолжаться как поедание яблока — хотя, возможно, продолжается как нечто иное, скажем, как боль в желудке.

Идея максимальной реализации события в мире по отношению к событийному предикату немедленно наделяет перфектив чувствительностью к квантованности этого предиката. Рассмотрим два случая: (1) событийный предикат P квантован (= пределен) и (2) событийный предикат P неквантован (= непеределен).

Пусть P квантован. Славянская перфективность требует, чтобы событие e , обладающее свойством P , имело место в актуальном мире w_0 и было максимально реализовано в нем, то есть не продолжалось в доступных мирах w' , также будучи в этих мирах P -событием. Пусть доступные миры w' — это такие, которые отличаются от актуального как угодно, но с одним ограничением: как и актуальный мир, они содержат в себе событие e , удовлетворяющее P . Предположим, что событие e продолжается в w' как P -событие. Это означает, что в w' имеется событие $e \oplus e'$ и что $P(e \oplus e')$. Однако в этом случае предикат P , вопреки исходному допущению, не может быть квантован: он применяется и к $e \oplus e'$, и к его собственной части e . Следовательно, если P квантован, и в актуальном мире w_0 имеет место $P(e)$, мы можем быть уверены, что e не имеет продолжения в качестве P -события ни в каком доступном мире, то есть что e максимально реализовано в w_0 по отношению к P . Это означает, что соединение славянского перфектива с квантованными (предельными) предикатами никогда не приводит к семантическим неприятностям, что и требуется: перфективные предельные предложения в русском языке представлены в той же степени, что и в английском.

Рассмотрим второй случай: P неквантован (и кумулятивен). Славянский перфектив по-прежнему требует, чтобы P -событие имело место в актуальном мире w_0 и было максимально реализовано

в нем. Это означает, что не должно найтись мира w' , доступного из w_0 , где e продолжается, не утрачивая свойства P . Однако легко показать, что таких миров не существует: если предикат P кумулятивен, событие e из его экстенционала ни в каком мире не имеет максимальной реализации. Даже если в мире w P -событие останавливается, всегда остается возможность, что оно продолжается в качестве P -события в других мирах, доступных из w : кумулятивность делает осуществимым неограниченное продолжение во все новых и новых мирах. Действительно, если в мире w имеет место $P(e)$, а в мире $w' — P(e \oplus e')$ (напомним, P , согласно исходному допущению, некантован и кумулятивен), то, очевидно, что в мире w' реализация P -событий ближе к максимальной, чем в w . Однако мир w'' , где имеет место еще более продолжительное P -событие $e \oplus e' \oplus e''$, с точки зрения максимальной предпочтительнее w' , и так далее. Из этого следует, что у актуального мира w_0 нет шанса оказаться среди лучших из миров, где событие e воплощается во всей своей полноте: во-первых, из-за кумулятивности предиката P всегда найдутся миры, где событие реализовано лучше, чем в w_0 , а во-вторых, даже среди этих последних миров никогда не будет такого, где P -событие максимально. В результате кумулятивные предикаты не могут удовлетворить требование модального компонента в семантике славянского перфектива, и именно здесь, как мы предполагаем, находится источник невозможности конфигурации в (7б). Анализ, таким образом, правильно предсказывает главную особенность перфектива в славянском стиле — тот тип акциональной композиции, при котором, как иллюстрирует (4а–б), возможны только перфективные предельные предложения.

Предлагаемая нами практическая реализация этой идеи опирается на двухкомпонентный анализ модальности, разработанный А. Кратцер [Kratzer 1977, 1981]. В частности, требование максимальной реализации P -события e в актуальном мире w_0 формулируется в терминах принадлежности w_0 к множеству лучших миров. Это множество задается для e и P с помощью функции, которая частично упорядочивает миры из модальной базы (т. е. те миры, в которых имеет место $P(e)$) исходя из того, насколько значительное продолжение e имеется в этих мирах.

Список условных сокращений

3 — лицо; ACC — аккузатив; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

- Bybee, Dahl 1989 — J. L. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language* 13, 1, 1989. P. 51–103.
- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago — London: University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dowty 1977 — D. R. Dowty. Towards a semantic analysis of verb aspect and the English ‘imperfective’ progressive // *Linguistics and Philosophy* 1, 1, 1977. P. 45–77.
- Dowty 1979 — D. R. Dowty. *Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague’s PTQ*. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Katz 2004 — G. Katz. A modal analysis of the English present perfect puzzle // R. B. Young, Y. Zhou (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistic Theory XIII*, University of Washington, Seattle. Cornell: CLC Publications, 2004. P. 145–161.
- Klein 1994 — W. Klein. *Time in Language*. London: Routledge, 1994.
- Klein 1995 — W. Klein. A time-relational analysis of Russian aspect // *Language* 71, 4, 1995. P. 669–695.
- Kratzer 1977 — A. Kratzer. What ‘must’ and ‘can’ must and can mean // *Linguistics and Philosophy* 1, 3, 1977. P. 337–355.
- Kratzer 1981 — A. Kratzer. The notional category of modality // H.-J. Eikmeyer, H. Rieser (eds.). *Words, Worlds, and Contexts: New Approaches in Word Semantics [Research in Text Theory 6]*. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 1981. P. 38–74.
- Krifka 1989 — M. Krifka. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas (eds.). *Semantics and contextual expression*. Dordrecht: Foris, 1989. P. 75–115.
- Krifka 1992 — M. Krifka. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // I. Sag, A. Szabolsci (eds.). *Lexical matters*. Stanford: CSLI Publications, 1992. P. 29–53.
- Krifka 1998 — M. Krifka. The origins of telicity // S. Rothstein (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1998. P. 197–235.
- Landman 1992 — F. Landman. The progressive // *Natural Language Semantics* 1, 1, 1992. P. 1–32.

- Lyutikova, Tatevosov 2010 — E. Lyutikova, S. Tatevosov. Nominalization and the problem of indirect access: Evidence from Ossetian. Moscow State University, 2010. Ms.
- Portner 1998 — P. Portner. The progressive in modal semantics // *Language* 74, 4, 1998. P. 760–787.
- Portner 2003 — P. Portner. The (temporal) semantics and (modal) pragmatics of the perfect // *Linguistics and Philosophy* 26, 4, 2003. P. 459–510.
- Tatevosov 2011 — S. Tatevosov. On the modal meaning of Slavic perfective // Paper presented at FASL 20, 13–15 May 2011, MIT.
- Tatevosov, Ivanov 2009 — S. Tatevosov, M. Ivanov. Causativization and aspectual composition // R. Shibagaki, R. Vermeulen (eds.). *Proceedings of the 5th Workshop on Altaic Formal Linguistics [MIT Working Papers in Linguistics 58]*. Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 380–394.

Часть III

V a r i a

Д. В. Герасимов

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**РЕФАКТИВ В ПАРАГВАЙСКОМ ГУАРАНИ:
семантика и грамматикализация**

1. Введение. Рефактив и смежные значения

Настоящая статья посвящена рефактивному суффиксу *-je(v)u-* в парагвайском гуарани. Основные цели данного исследования состоят в том, чтобы, во-первых, описать круг значений этого показателя и этимологически родственных ему единиц, и, во-вторых, выдвинуть гипотезу по поводу пути грамматикализации этого показателя.

Рефактивом (англ. *repetitive*, также *semelrepetitive*, *semeliterative*, *reiterative*, *regressive*, *regressionary*) называется значение однократного повтора некоторой ситуации. Таким образом, рефактив образует специфическую подобласть семантической зоны предикатной множественности [Cusic 1981; Храковский 1989; Шлуинский 2005а]. Если большинство значений из зоны предикатной множественности обозначают неопределенно-кратное повторение ситуации или фазы ситуации (количество «повторов» не называется, но подразумевается, что их «много»), то рефактив называет **одну** ситуацию в ряду двух или более однотипных ситуаций. Ср. пример (1) из английского языка:

(1) *It is recommended that you close all running applications and restart your computer.*

‘Рекомендуется закрыть все работающие приложения и перезапустить компьютер’.

Приведенное в примере выше системное сообщение предлагает пользователю компьютера повторно осуществить запуск операционной системы, т. е. то действие, которое он уже совершил, приступая к работе. При этом глагол *restart* обозначает единичное действие запуска системы: предыдущий запуск находится в presupпозиции.

Следует признать не вполне точной формулировку из [Шлуинский 2005б: 123], согласно которой рефактив означает, «что

помимо некоторого «исходного» осуществления ситуации она осуществляется повторно еще один и только один раз». Ключевое отличие рефактива от итератива и других значений, образующих ядро семантической зоны предикатной множественности, заключается не в общем количестве повторов ситуации, а в том, что только один (последний) из этих повторов включается в ассерцию соответствующей формы. Если итератив — своего рода аналог множественного числа в сфере глагола, то рефактив соответствует не двойственному числу (последняя остроумная аналогия была в шутку предложена П. М. Аркадьевым (л. с.)), а скорее аддитивным выражениям типа русск. *еще один, тоже*. Более того, в некоторых языках мира существуют транскатегориальные показатели, способные маркировать как рефактив в сфере глагола, так и аддитив в сфере имени, ср. следующие примеры из языка кваза (изолят, Бразилия)¹:

- (2а) *kui- 'e-a-hũ-ki*
 пить-REP-1PL-NMR-DEC
 'Мы снова выпили'. [van der Voort 2004: 462]
- (2б) *mũ- 'e 'kui-da-mũ*
 чича-REP пить-1SG-VOL
 'И чичу я тоже буду пить'. [van der Voort 2004: 206]

Другое важное отличие рефактива от итератива, тесно связанное с упомянутым выше, заключается в том, что добавление рефактивного показателя в норме воздействует только на пресуппозицию высказывания, не затрагивая ассерцию, и очень часто обусловлено прагматическими факторами. Так, предложения *Мы выпили* и *Мы снова выпили* практически совпадают по своим условиям истинности. Не случайно в [Fabricius-Hansen 2001: 128] рефактивные лексемы типа *wieder* и *again* включаются в число дискурсивных частиц.

Средства выражения рефактивного значения представлены, по-видимому, во всех языках мира, ср. рус. *опять, снова, еще раз*. Однако наибольший интерес для грамматической типологии представляют языки, обладающие морфологическими средствами для выражения данного значения. Морфологические показатели рефактива засвидетельствованы в целом ряде языков, относящихся

¹ В транскрипции примеров на кваза апостроф обозначает ударение на следующем слог.

к различным языковым семьям и представляющих все обитаемые континенты. Тем не менее, рефактив до сих пор относительно слабо изучен, особенно в типологическом отношении. Основной работой, специально посвященной типологии рефактива, является обобщающая статья [Wälchli 2006]. Также существуют краткая публикация [Шлуинский 2005б], где предлагается обзор частных значений, относящихся к семантической зоне рефактива, и недавняя статья [Стойнова 2010], посвященная случаям рефактивно-рефлексивной полисемии. Несколько важных наблюдений, касающихся прежде всего сферы действия рефактива по отношению к другим глагольным модификаторам, высказывается в известной монографии [Cinque 1999]. Для изучения рефактивной семантики большое значение имеют работы, посвященные различным употреблениям соответствующих наречий в германских языках: [Lichtenberk 1991; Kamp, Roßdeutscher 1994; von Stechow 1996; Egg 1999; Fabricius-Hansen 2001; Huitink 2003 и др.].

В [Wälchli 2006: 70 и далее] проводится важное разграничение «легкого» и «тяжелого» рефактива (light vs. heavy 'again'), по аналогии с противопоставлением в [Kemmer 1993: 25] медиа и рефлексива как «легкой» и «тяжелой» версий одной категории². «Тяжелый» рефактив встречается во всех языках мира, тяготеет к лексическому выражению, имеет регулярную семантику и универсальную сочетаемость. «Легкий» рефактив встречается лишь в некоторых языках, тяготеет к морфологическому выражению, склонен к образованию коллокаций с отдельными глаголами и прочим «капризам» сочетаемости. В языках, где имеются оба вида рефактива, «тяжелый» выступает в более маркированных, эмфатических контекстах. К сожалению, формулировка этого разграничения у Б. Велхли оказывается несколько размытой; на наш взгляд, автор слишком полагается на недостаточно артикулированную аналогию с рефлексивом³.

---

² Хотя Б. Велхли ссылается только на [Kemmer 1993], впервые ярлыки «light» и «heavy» применительно к разным типам рефлексивных маркеров были употреблены, по-видимому, в [Haiman 1983].

³ Следует отметить, что несмотря на то, что соответствующая терминологическая практика уже является устоявшейся и широко распространенной, само по себе противопоставление «легких» и «тяжелых» выражений в сфере рефлексива не лишено своих трудностей, см. по этому поводу [Smith 2004; Siemund 2011].

Попытка функциональной интерпретации противопоставления тяжелого и легкого рефактива предпринимается в [Стойнова 2011б]. Парагвайский гуарани в [Wälchli 2006] причисляется к языкам, в которых представлен только «тяжелый» рефактив; как мы постараемся продемонстрировать в последующих разделах, есть основания сомневаться в такой точке зрения.

Языки, морфологическому выражению рефактива в которых посвящены специальные исследования, можно буквально пересчитать по пальцам. Это прежде всего романские языки ([Mok 1964; Jalenques 2000⁴; Cardinaletti 2003] и др.), английский [Keyser, Roeper 1992], а также азуйю тлапанек [Wichmann 1992], адыгейский [Аркадьев 2005; Аркадьев, Короткова 2005; Arkadiev, Korotkova 2010], агульский [Maisak, Merdanova 2011]. Дополнительную сложность для типолога представляет то обстоятельство, что во многих работах, в частности, в описательных грамматиках, английские термины *iterative* и *repetitive* одинаково используются для номинации как рефактива, так и «обычного» итератива, предполагающего многократное повторение ситуации⁵. Таким образом, описания многих языков попросту не дают ответа на вопрос о наличии в этих языках морфологических показателей рефактива.

Рефактивным показателям свойственна полисемия. Можно выделить следующие наиболее важные частные значения, входящие в семантическую зону рефактива, либо выражаемые совместно с таковыми (подробнее см. [Lichtenberk 1991; Шлуинский 2005а]):

- собственно рефактивное ('делать' > 'сделать еще раз'): повторное осуществление ситуации, имевшей место в прошлом;
- редитивное, или значение возвращения в исходную точку ('идти' > 'вернуться', 'дать' > 'вернуть, отдать назад'): возвращение в исходный пункт движения; возможно только с предикатами, в семантике которых содержится компонент движения;

---

⁴ Французскому префиксу *re-* посвящена обширная литература, однако большинство публикаций фокусируются на его нетривиальных формальных свойствах, оставляя в стороне семантику.

⁵ Особенно показательна в этом отношении работа [Sterner 1975], посвященная австронезийскому языку собей, где ярлык *repetitive* используется для префикса, обозначающего многократное повторение ситуации, а ярлык *iterative* — для суффикса, выражающего однократное повторение ситуации.

- реститутивное, или значение возвращения в исходное состояние ('положить' > 'положить обратно'): осуществление ситуации, в результате которой достигается некоторое «исходное» состояние, имевшее место в прошлом;
- реверсивное⁶ ('открыть' > 'закрыть'): осуществление ситуации обратной исходной, что предполагает «ликвидацию результата исходной ситуации примерно тем же способом, каким она была достигнута» [Плунгян 2003: 22];
- реконструктивно-повторное ('написать' > 'переписать на-бело'): повторное осуществление действия, результат первого осуществления которого оценивается по каким-либо причинам как неудовлетворительный [Храковский 1989: 37];
- континуативное ('работать' > 'возобновить работу'): продолжение прерванной ситуации, начатой ранее;
- консекутивное или аддитивное ('делать что-то' > 'делать что-то вдобавок'): новая ситуация встраивается в один ряд с ситуациями, перечисленными ранее;
- итеративное ('ударить' > 'ударить много раз'): неоднократное повторение ситуации;
- прочие значения из семантической зоны предикатной множественности: хабитуальное, генерическое, квалитативное, и т. п. [Стойнова 2011а];
- рефлексивное ('посмотреть' > 'посмотреть на себя'): осуществление агенсом действия над самим собой (подробно о типологии рефактивно-рефлексивной полисемии см. [Стойнова 2010]);

---

⁶ Реверсивные показатели распространены в языках нигер-конго и как будто бы не засвидетельствованы за пределами этой макро-семьи. Совмещение рефактива и реверсива имеет место в фула. Следует, однако, отметить, что в традиционной фуланистике принято постулировать пять (!) различных омонимичных суффиксов, занимающих один порядок в глагольной словоформе: рефактив, реверсив, реталиатив, рефлексив и интенсификатор. Представляется более разумным говорить о полисемии, нежели об омонимии. Существуют некоторые аргументы морфонологического характера в пользу того, чтобы различать рефлексивно-реталиативный суффикс и суффикс, выражающий остальные три значения; однако и они не вполне убедительны. Подробнее см. [Arnott 1970: 340–343; Fagerli 1993: 43, 51; Коваль, Нялибули 1997: 147; Pastor 2005: 158–161; Damonte 2007] и др.

- респонсивное (реталиативное), или значение ответного действия ('гостить' > 'нанести ответный визит', 'написать письмо' > 'ответить на письмо'): осуществление действия в ответ на аналогичное действие.

К более редким и периферийным значениям относятся значение «действия напоследок» ('целовать' > 'целовать на прощание'), осуществление последней фазы ситуации ('строить' > 'достроить') [Аркадьев, Короткова 2005], множественное число субъекта при инактивных глаголах [Elders 2007].

Есть основания полагать, что большинство подобных частных значений возникают в результате взаимодействия собственно семантики рефактивного показателя с семантикой предиката или лексического контекста. Так, значение возвращения в исходную точку возможно только с предикатами движения; значение множественного числа субъекта в куланго [Elders 2007] жестко закреплено за классом инактивных глаголов; значение осуществления последней фазы ситуации в адыгейском [Аркадьев, Короткова 2005] возникает, по-видимому, только тогда, когда Слушающему известно (из предшествующего контекста или независимо), что к моменту референции некоторые фазы ситуации уже имели место. В свете этого представляется целесообразным рассматривать подобные значения не как частные значения собственно рефактивного показателя, но как результат композиционного взаимодействия инвариантного значения рефактива с семантикой предиката или более широкого контекста. Однако на практике сложная дистрибуция подобных значений и, в особенности, недостаточная изученность материала конкретных языков зачастую не позволяют сформулировать сколько-нибудь четкие правила, которые позволяли бы «вычислить» засвидетельствованные частные значения из инвариантного значения рефактива и семантики окружающего контекста. Не всегда можно с уверенностью определить, какие компоненты наблюдаемого значения являются вкладом показателя, а какие — лексического значения глагола, и т. п. Таким образом, при сегодняшнем состоянии наших знаний о функционировании показателей рефактива, для многих языков более честным будет ограничиться перечислением частных, определяемых по контексту значений, оставив попытки обобщения на будущее.

Это в полной мере относится к парагвайскому гуарани. Как будет продемонстрировано ниже, с глаголами движения в этом языке возможно как значение возвращения в исходную точку, так и значение повторного осуществления действия. Таким образом, распределение этих двух значений не является лексически мотивированным. Вопрос о том, существуют ли какие-либо контекстные факторы, ответственные за их дистрибуцию, или возможна такая речевая ситуация, когда сообщение может быть понято двояко (и тогда мы имеем дело с чистым случаем грамматической полисемии), остается открытым.

2. Рефактив в парагвайском гуарани

Настоящее исследование призвано дополнить типологию рефактива данными парагвайского гуарани. В качестве материала нами использована парагвайская проза 1980-х гг.: повесть Т. Саррагеа «Kalaíto Pombégo», рассказ Х.-Б. Риваролы-Матто «Karai Réi aha'ã ramo guare tuka'ẽ kañũ», представляющий собой литературную обработку народной сказки, а также несколько коротких рассказов из книги для чтения «Ña María ha hogauguakuéra». Тексты были взяты из параллельного гуарани-испанского корпуса, разрабатываемого Лабораторией компьютерных исследований Центра малоизученных языков Университета штата Нью-Мехико (CRL NMSU) для нужд машинного перевода. Общий объем использованных текстов составляет около 28.000 словоформ.

Поскольку исследование выполнено на материале корпуса текстов без обращения за консультациями к носителям языка, оно не может претендовать на полноту. Детальное изучение всех частных значений рефактивного показателя, в особенности описание его взаимодействия с предикатами различных тематических и акциональных классов (как это сделано для адыгейского в [Аркадьев, Короткова 2005]), невозможно без непосредственной работы с информантом. Тем не менее, промежуточные результаты, полученные на текстовом материале, уже представляют определенный интерес для типологии рефактива. Распределение выявленных значений показателя *-je(v)u-* позволяет высказать гипотезу о формировании и развитии рефактивной семантической зоны. Особенно важно то обстоятельство, что наряду с суффиксальным показателем *-je(v)u-* в гуарани существуют самостоятельные лексемы,

схожие с ним материально и семантически, что позволяет восстановить для этого показателя источник грамматикализации и путь диахронической эволюции.

В гуарани представлены следующие единицы, очевидно родственные рефактивному суффиксу: глагол *-jevu* ‘возвращаться’, существительное *je(v)u* ‘раз’, наречие *je(v)u* ‘опять, снова’, частица *jeu-ma-nte*, употребляемая в фокусной конструкции, собственно рефактивный суффикс *-je(v)u-*. В приведенной ниже таблице приводится число вхождений каждой из этих единиц в тексте повести «Kalaíto Pombéro» (около 19.500 словоформ):

Таблица 1. Единицы, восходящие к корню *-jevu*

единица	число вхождений
глагол ‘возвращаться’ и его дериваты	13
существительное ‘раз’	4
наречие ‘опять, снова’	11
рестриктивная конструкция	8
рефактивный суффикс	40
наречие или суффикс	50

Последняя строка таблицы отражает то обстоятельство, что найти критерии для разграничения суффикса *-je(v)u-* и омонимичного наречия крайне затруднительно. В общем случае однозначно отделить наречие в постглагольной позиции от суффикса без специальных тестов не представляется возможным. Как бесспорно суффиксальные мы рассматриваем употребления типа (21) ниже, в которых за *-je(v)u-* следуют другие глагольные суффиксы. (Стандартная орфография крайне непоследовательна в том, что касается слитного/раздельного написания; даже таких в примерах между *-je(v)u-* и основой глагола ставится пробел). В том случае, когда за *-je(v)u-* не следует других глагольных суффиксов, неочевидно, имеем ли мы дело с суффиксом, занимающим конечную позицию в глагольной словоформе или же с наречием, следующим после глагола. Ниже мы в качестве рабочего решения рассматриваем все спорные примеры (как видно из таблицы, они составляют значительную часть всех употреблений) как случаи суффиксации. За столь радикальным решением стоит простая логика: диахроническое развитие как правило направлено от наречия к аффиксу, а не наоборот. Тем не менее, вопрос о том, где проводить границу

между наречием и суффиксом и правомерно ли вообще ставить вопрос о четкой границе между этими двумя классами единиц, остается открытым. Не исключено, что последующие исследования заставят отнести часть примеров, охарактеризованных нами как «суффиксальные» к «наречным».

Что касается дистрибуции вариантов *-jevu-* ~ *-jeu-*, то она остается неясной. Соблазнительно было бы рассматривать выпадение *-v-* как проявление фонетической редукции в рамках процесса грамматикализации [Lehmann 1985: 307], однако никакой корреляции между этим выпадением/сохранением *-v-* и, например, степенью семантической эволюции проследить не удастся. Следует отметить, что выпадение *-v-* в интервокальной позиции — достаточно частое в парагвайском гуарани явление, ср. такие лексические альтернанты как *kóva* ~ *kóa* ‘это’, *-ñañivã* ~ *-ñañiũ* ‘обнимать’, и т. п.

Ниже мы последовательно рассмотрим более подробно перечисленные выше единицы.

3. Единицы, производные от лексического корня *-jevu*

3.1. Глагол *-jevu* ‘возвращаться’

В парагвайском гуарани имеется непереходный активный глагол *-jevu*, обозначающий возвращение в исходный пункт движения:

- (3) *Nda-i-katú-i háicha che a-myatyrõ ure*
 NEG-3-мочь-NEG как я 1SG.A-исправить DEM
tekope'ũ, a-jevu che-irũ-nguéra ndive
 неприятность 1SG.A-возвращаться 1SG-спутник-PL с
ha a-tombe'u ichu-pe-kuéra oi-ko-va'e-kue
 и 1SG.A-рассказывать 3-OBL-PL 3A-быть-REL-NPST
ore-machu ha i-ména rehe.
 1PL.EXCL-кухарка и 3-муж через
 ‘Поскольку я ничем не мог помочь в этой беде, я вернулся к своим спутниками и рассказал им о том, что произошло с нашей кухаркой и ее мужем’.

Он же может употребляться для обозначения возвращения в некоторое исходное состояние, когда физического перемещения в пространстве не предполагается. Ср. пример (4), который

представляет собой реплику героя сказки, пытающегося расколдовать юношу, превращенного в цветок:

- (4) *E-jevu*   *nde-reko-ité-pe*
IMP-возвращаться 2SG-состояние-AUG-LOC
karia'y   *mbarete*   *porã!*
юноша   сильный   красивый
'Вернись в свое истинное обличье, сильный красивый юноша!'

В гуарани представлен глагол *-guerojevu* 'возвращать, обрести вновь', исторически также являющийся каузативом от *-jevu*:

- (5) *Lokesi*   *karai*   *Peréira*
известно   сеньор   Перейра
ha   *karai*   *Escobar*
и   сеньор   Эскобар
o-guerojevu-mi-mi   *jevu*   *aje,*
3A-возвращать-DIM-DIM   опять   вправду
ha   *chu-gui*   *o-je-pe'a-pa.*
и   3-OBL   3A-REFL-вынимать-ТОТ
'Точно известно, что сеньор Перейра и сеньор Эскобар сумели вернуть малую часть своих земель, а у него отобрали все'.

Формант *-gue-* представляет собой архаичный префикс каузатива; значение *-ro-* неясно. В современном языке эти форманты утратили продуктивность и могут рассматриваться как часть корня. Ср. пару *(r)ory* 'быть веселым' ~ *-guerohory* 'чествовать, приветствовать, оказывать гостеприимство'.

Пример (5) любопытен также тем, что в нем в группу глагола *-guerojevu* входит наречие *jevu*, восходящее к тому же корню (см. следующий раздел).

Представляется крайне убедительным предположение о том, что именно глагол *-jevu* — самостоятельная глагольная лексема с конкретно-пространственным значением — является исходным пунктом эволюции рефактивного суффикса *-je(v)u-* и прочих рассматриваемых ниже единиц. Примеры (4) и отчасти (5) свидетельствуют о том, что значение возвращения в исходное состояние метафорически развивается из значения возвращения в исходную точку еще у глагольной лексемы, до того, как начинается процесс утраты единицей автономности.

3.2. *Существительное je(v)у ‘раз’*

Как именная лексема, *je(v)у ‘раз’* допускает модификацию количественными числительными и другими кванторными словами:

- (6) *Yvu guive o-mbokapu Ulo*
 земля из 3А-стрелять Уло
Nika rova-ité-re mokõi jey.
 Ника лицо-AUG-RE два раз
 ‘С земли Уло дважды выстрелил прямо в лицо Нике’.
- (7) *Heta jeý-ma mitã Kalaíto o-u*
 много раз-PRF парень Калаито 3А-приходить
ha o-ho Paraguý-pe.
 и 3А-ходить Асунсьон-LOC
 ‘Калаито уже много раз приезжал в Асунсьон и ходил по нему’.

Семантика существительного *je(v)у* очевидным образом связана с идеей повторения ситуации и не содержит никакого пространственного компонента.

Насколько можно судить по имеющимся у нас материалам, в современном языке вариант *jeу* заметно более употребителен, нежели *jeуу*. При этом в текстах, созданных до начала XX века, фиксируется только форма *jeуу*, что недвусмысленно указывает на направление изменений.

3.3. *Наречие je(v)у ‘опять, еще раз’*

Несмотря на упомянутые выше (раздел 2) трудности разграничения наречия и суффикса, есть ряд примеров, относительно которых можно с уверенностью говорить о наречном употреблении *je(v)у*. Ср. (8), где этот элемент следует перед глаголом (после локативного обстоятельства), и (9), где он подвергается редупликации.

- (8) *Henda-ité-pe jeу o-pytá-ta.*
 3.место-AUG-LOC опять 3А-оставаться-PROSP
 ‘С ней все будет так, как и раньше’.
- (9) *Ñande-kóga i-ka’i-pa-rei*
 1PL.INCL-посев 3-сохнуть-TOT-MAL
jepe-ve re-ka’api jevу-jevу.
 хотя-CMPR 2SG.A-полоть опять-опять
 ‘Наши посадки засыхают, даже если их все время пропалывать’.

Пример (9) требует некоторого комментария. Теоретически можно было бы предположить, что в данном случае имеет место удвоение суффикса. Возможность двукратного присоединения рефактивного префикса описана для французского, аргентинского испанского [Rainer 1986: 202] и итальянского [Cardinaletti 2003]. Ср. пример (10) из итальянского:

- (10) *Ri-ri-ecco-lo.*
REP-REP-быть.здесь-3SG.M
'Он опять опять здесь'. = 'Он снова вернулся сюда'.
[Cardinaletti 2003: 13]

Однако такое предположение наталкивается сразу на два контраргумента. Во-первых, для гуарани крайне нехарактерно повторение аффиксов; оно надежно засвидетельствовано только для суффикса диминутива *-mi-* (см. пример (5) выше). Во-вторых, как пишет Анна Кардиналетти, возможность повтора рефактивного префикса в романских языках связана с тем, что в функциональной структуре клаузы (понимаемой в духе [Cinque 1999]) есть две различные позиции для рефактивного оператора, отличающиеся сферой действия. «Нижний» рефактив обозначает однократное повторение предиката, а «верхний» — всей ситуации, ср. следующий известный пример из [Cinque 1999: 92] с двумя рефактивными наречиями:

- (11) *Gianni ha di nuovo battuto all porta di nuovo/ancora.*
'Джианни снова еще раз постучал в дверь'.

В отличие от примера (11), в примере (9) из гуарани речь идет о многократном повторении действия (итератив, ср. рус. *снова и снова*), а не о однократном повторении действия, которое уже однократно повторялось. В свете этих соображений «наречная» интерпретация примера (9) представляется нам более вероятной.

Подобно существительному *je(v)*у, наречие *je(v)*у в большинстве случаев употребления несет семантику однократного повторения ситуации и не сохраняет прямой связи со значением глагола 'возвращаться'. Однако засвидетельствованы единичные примеры, в которых рассматриваемое наречие выражает реститутивное значение (12)=(5), а также значение, которое можно интерпретировать как расширение реталиативного из сферы *de re* в сферу *de dicto* (13):

- (12) *Lokesi karai Peréira ha karai Escobar*
 известно сеньор Перейра и сеньор Эскобар
o-guerojevy-mi-mi jeyu aje,
 3A-возвращать-DIM-DIM опять вправду
ha chu-gui o-je-pe'a-pa.
 и 3-OBL 3A-REFL-вынимать-ТОТ
 ‘Точно известно, что сеньор Перейра и сеньор Эскобар сумели вернуть малую часть своих земель, а у него отобрали все’.
- (13) *Nde ha nde-ru niko monda-ha jey.*
 ты и 2SG-отец EMPH воровать-NMR опять
 {Сын богатого фермера обвиняет работника отца в воровстве.
 Тот, рассердившись, отвечает:} ‘Это вы с отцом воры’.

3.4. Эмфатическая рестриктивная конструкция *jey-ma-nte*

В гуарани наличествует целый ряд лексических и морфологических средств выражения рестриктивного/лимитативного значения (‘только’). Наиболее частотным среди них является суффикс *-nte*, присоединяющийся к словоформам (и/или составляющим) различных категорий:

- (14) *Oré-ve nda'-ore-juká-i*
 мы.INCL-OBL NEG-1PL.EXCL-убивать-NEG
ro-kañỹ-gui-nte.
 1PL.EXCL.A-прятаться-ABL-RESTR
 ‘Нас они не убили только потому, что мы спрятались’.

Также представлена эмфатическая рестриктивная конструкция, в которой за именной группой или личным местоимением, обозначающим выделяемого участника, следует элемент *jey*, несущий на себе суффиксы перфекта (‘уже’) и рестриктива:

- (15) *Jai-kuaá-ke-na mboriahu mboriahú-re*
 1PL.INCL.A-знать-RESP-RESP бедный бедный-RE
jey-ma-nte i-katu-ha o-jeko; i-rríko-va
 опять-PRF-RESTR 3-мочь-COMP 3A-опираться 3-богатый-REL
jyva ha mburika retyma nda-ha'é-i mboriahu pokoka.
 рука и мул нога NEG-COP-NEG бедный подпорка
 ‘Мы должны понять, что бедняк только на другого бедняка может опереться, что рука богатого и нога мула не опоры для бедняка’.

- (16) *Ha'e-kuéra jey-ma-nte oi-kuáá-ne*
 он-PL опять-PRF-RESTR 3A-знать-INT
mba'é-icha-ra o-kañy.
 вещь-MNR-Q 3A-прятаться
 'Уж они-то знают, как прятаться'.
- (17) *Ko'ã jeiko asy-kue*
 DEM.PL существование тяжелый-NPST
ko mitã-kuña Anselma
 DEM ребенок-женщина Ансельма
nde jey-ma-nte re-mbyekovia-va'e-rã ché-ve.
 ты опять-PRF-RESTR 2SG.A-возместить-REL-NFUT 1SG-OBL
 'Эти страдания, дорогая Ансельма, только ты одна способна мне возместить'.

Насколько нам известно, в существующих грамматиках эта конструкция не описана. Вопрос о ее происхождении представляется довольно интересным, тем более, что показатели *jey* и *-ma* обладают в каком-то смысле противоположной семантикой: первый указывает на то, что ситуация, имеющая место в момент референции, уже имела место ранее, в то время как второй подчеркивает, напротив, что ситуация, имеющая место в момент референции, не имела места ранее. В рассматриваемой конструкции *jey* выступает в функции интенсификатора (англ. *intensifier*), которую в языках мира часто берут на себя рефлексивные местоимения [König 2001]. Употреблений *jey* в функции рефлексива нами засвидетельствовано не было (ср. соответствующие употребления адыгейского суффикса *-ž'ə-* [Аркадьев 2005: 18] и фуланского суффикса *-(i)t-* [Arnott 1970: 340–343; Fagerli 1993: 43, 51; Pastor 2005: 159]), а также многочисленные примеры из разных языков в [Стойнова 2010]). Развитие эмфатического значения из реверсивного (или рефактивного) минуя рефлексив заслуживает дополнительного изучения.

3.5. Рефактивный суффикс *-je(v)u-*

3.5.1. *Морфологические свойства.* Дистрибуция вариантов *-jevu-* ~ *-jeu-* выглядит произвольной. Имеющиеся данные позволяют установить, что суффикс *-je(v)u-* занимает в глагольной словоформе позицию правее суффикса тоталитатива *-ra-* (18), но левее суффикса проспектива *-ta* (19), (подробнее см. [Герасимов 2008]).

- (18) *A-lee-gua'u-mi-va'ekue niko*
 1SG.A-читать-SML-DIM-RPST EMPH
ha i-pahá-pe che-resarai-pa-jeu <...>
 и 3-конец-LOC 1SG-забывать-TOT-REP
 'Ведь я, кажется, умел когда-то немножко читать, а потом все опять забыл <...>'.
 (19) *Re-hecha-rõ hína ne-rei-mo'ã-i-voi*
 2SG.A-видеть-COND PROG NEG-2PL.A-думать-NEG-EMPH
hesakã-jeu-ta-ha ko'ẽrõ.
 3.сиять-REP-PROSP-COMP утро
 'Глядя (на ночь), не веришь, что снова воссияет день'.

Однако в нашем распоряжении есть по крайней мере один пример, в котором *-jeu-* располагается правее суффикса ближайшего проспектива *-pota-*, который предположительно занимает тот же суффиксальный порядок, что и показатель обычного проспектива *-ta-*:

- (20) *O-gana-mi-va'e-kue*
 3A-зарабатывать-DIM-REL-NPST
ho'u-pa-pota-jeu-ma hikuái.
 3A.есть-TOT-IMMPROSP-REP-PRF PL
 'То небольшое, что они заработали, они вот-вот уже должны были проесть'.

Пока можно выдвинуть три гипотезы, для совершения выбора между которыми требуется привлечение дополнительных данных. Первая возможность заключается в том, что в действительности суффиксы *-pota-* и *-ta-* занимают различные порядки в глагольной словоформе, а *-jeu-* занимает позицию между ними. Вторая предполагает, что в глагольной словоформе гуарани есть две различные позиции для присоединения рефактивного суффикса, «верхняя» и «нижняя» (см. обсуждение в разделе 3.2 выше; мы принимали подобное решение в качестве рабочего в [Gerasimov 2011]). Наконец, нельзя исключить того, что суффикс *-jeu-* имеет плавающий порядок, например, определяемый сферой действия⁷. Так, в [Cinque 1999: 104] признается, что положение

⁷ Рефактив занимает различные порядки в глагольной словоформе в тотонакском языке Верхней Нехаки [Beck 2007: 32]. Однако там выбор

«нижнего» рефактива в универсальной иерархии функциональных вершин проблематично.

3.5.2. *Значение возвращения в исходную точку.* Данное значение естественным образом возникает только с глаголами движения. Оно же, по-видимому, является диахронически исходным среди всех значений рефактивного суффикса.

- (21) *Ka'aru jeré-rõ hína o-ḡuahẽ-jeu ko'á-pe*
 день поворот-COND PROG 3A-приходить-REP DEM-LOC
lo mitã o-rambosa-'ỹ-re.
 DET.PL парень 3A-завтракать-CAR-RE
 'После полудня парни вернулись назад, не позавтракав'.

3.5.3. *Значение возвращения в исходное состояние.* Данное значение (см. [Шлуинский 2005б: 126]) может быть истолковано следующим образом: 'результатирующее состояние ситуации типа Р уже имело место (пресуппозиция); данная ситуация также является ситуацией типа Р (ассерция)'. Оно является в некотором смысле обобщением предыдущего. Применительно к глаголам движения эти два значения трудно разделить; можно сказать, что значение возвращения в исходное состояние возникает тогда, когда «точка возвращения» не тождественна «исходной точке», а скорее, в некотором отношении эквивалентна ей. Ср. пример (22), в котором не подразумевается, что выход с пастбища — единственный, и пример (23), в котором говорящему, строго говоря, неизвестно, куда именно ускакал солдат:

- (22) *Humba-etã-me nd-a'ipó-ri oi-ké-va*
 3.животное-земля-LOC NEG-DEM-NEG 3A-входить-REL
ha'e-ae-rei, ha o-sẽ-jeu haḡua
 он-сам-свободно и 3A-выходить-REP чтобы
oi-ké-va tekotevẽ-ma i-santo-porã.
 3A-входить-REL нуждаться-PRF 3-святой-хороший
 'В его крааль никто не может войти просто так; а чтобы потом выйти, вошедшему потребуется заступничество святого'.

позиции задан морфологически, а не определяется чисто семантическими факторами (2-й порядок в формах имперфектива и перфекта, 9-й — в формах перфектива и прогрессива), и объясняется, скорее всего, историей грамматикализации данного показателя.

- (23) *Oi-karãi henda upe tahachi ha o-ho-meme-jeu.*
 3А-скрести 3.лошадь DEM солдат и 3А-идти-сразу-REP
 ‘Солдат пришпорил коня и тут же ускакал’.

Более существенно то, что данное значение возможно с глаголами, не содержащими в своей семантике компонента движения:

- (24) *Mokõi López ra'yre ndaje o-u raka'e*
 два Лопес солдат REN 3А-приходить RPST2
yvaté-guio o-heka-jeý-vo i-vu'a-ha,
 верх-APUDEL 3А-искать-REP-SIM 3-радоваться-NMR
o-pyta upé-pe o-pytu'u-mi
 3А-останавливаться DEM-LOC 3А-отдыхать-DIM
ha i-pahá-pe nd-o-hasa-se-vé-i.
 и 3-конец-LOC NEG-3А-переходить-DES-CMPR-NEG
 ‘Рассказывают, что двое солдат Лопеса пришли с севера в поисках своего прежнего места обитания, остановились тут передохнуть, а в итоге не захотели уходить’.

Пример (24) не означает, что упомянутые солдаты обязательно уже однажды искали свои жилища. Важно то, что в какой-то момент в прошлом местонахождение жилищ было им известно, и именно эту ситуацию они в ходе своих поисков пытаются вернуть.

Значение возвращения в исходное состояние близко к собственному реверсивному значению. Однако если показатель «чистого» реверсива, присоединяясь к глаголу, образует по сути его антоним, то показатель со значением возвращения в исходное состояние сохраняет исходное лексическое значение глагола и лишь указывает на то, что описываемая им ситуация является обращением некоторой «противоположной» ситуации, предположительно имевшей место ранее [Шлуинский 2005б: 125–126].

3.5.4. *Собственно рефактивное значение.* Собственно рефактивное значение возможно со значительно более широким кругом глаголов (включая глаголы движения, ср. (26)). Оно допускает следующее толкование: ‘ситуации типа Р уже имели место (пре-суппозиция); данная ситуация также является ситуацией типа Р (ассерция)’ (формулировка из [Аркадьев, Короткова 2005: 20]). Вопрос о том, насколько и в каких аспектах реферируемая ситуация должна быть сходна с исходной для того, чтобы их можно

было признать относящимися к одному типу, мы в настоящей статье намеренно оставляем без обсуждения.

(25) *Che ai-me-jeý-ma pene-ndive.*
я 1SG.A-быть-REP-PRF 2PL-с
'Теперь я снова с вами'.

(26) "*Re-ho-jeý-ta mandi-voi ñandé-ve*",
2SG.A-идти-REP-PROSP сейчас-EMPH 1PL.INCL-OBL
he'i Kalaíto-pe.
3A.говорить Калаито-OBL
'«Ты снова отпавишься по нашему делу прямо сейчас», —
сказал он Калаито'.

Следует отметить, что рефактивное значение не всегда легко отделить от значения возвращения в исходное состояние. Дело в том, что эти два значения, присоединяясь к разным акциональным интерпретациям одного и того же предиката, могут образовывать синонимичные итоговые значения. Рассмотрим пример (27):

(27) *Ko'ã mba'e rehe i-mandu'a-há-pe hopevu-jeu.*
DEM.PL вещь через 3-помнить-NMR-LOC 3.дремать-REP
'Вспоминая все это, он снова задремал'.

Инвентарь акциональных классов предикатов парагвайского гуарани практически не изучен [Tonhauser 2006: 257], однако есть основания полагать, что многие глаголы относятся к слабым классам (в терминах [Татевосов 2005]), т. е. допускают как предельную, так и непредельную интерпретацию. Если глагол *-ropevu* 'дремать' в (27) интерпретируется как состояние, то суффикс употребляется в рефактивном значении (= 'опять дремал'). Если же тот же глагол получает прочтение вхождения в состояние, то суффикс, соответственно, приобретает значение возвращения в исходное состояние (= 'задремал обратно'). Несмотря на различное устройство аспектуальной композиции, при обеих интерпретациях слушающему сообщается практически одна и та же информация: субъект продолжил прерванный сон.

Исходя из этого мы не считаем возможным в нашем обзоре частных значений рефактива в гуарани следовать подходу, принятому в [Аркадьев, Короткова 2005], где все значения адыгейского суффикса *-ž'ə-* были поделены на две подзоны: рефактивную и реверсивную.

3.5.5. Значение «добавления ситуации». Данное значение схоже с предыдущим, но предполагает, что реферируемая ситуация не представляет собой повторение исходной, а лишь схожа с ней в некоторых аспектах. В [Аркадьев 2005: 19–20; Аркадьев, Короткова 2005: 21], где это значение подробно обсуждается на адыгейском материале и где для него вводится ярлык «добавление ситуации», предлагается следующее толкование: ‘ситуации, похожие на ситуации типа P, уже имели место (пресуппозиция); данная ситуация является ситуацией типа P (ассерция)’. Ср. пример (28):

- (28) *Ro-mbo'e-ha-gué-icha*   *kuña*   *mongetá-re*
 1SG.A/2SG-учить-NMR-NPST-MNR   женщина   беседа-RE
ro-mbo'e-jeý-ta   *arriero*   *je-juruká-re*.
 1SG.A/2SG-учить-REP-PROSP   мужчина   NMR-кусать-RE
 ‘Так же, как я тебя учил обхождению с женщинами, сейчас я тебя научу держать под контролем мужчин’.

Здесь, как мы видим, у двух ситуаций — исходной и повторной — совпадают лишь два основных участника; третий участник, выраженный сентенциальным актантом, у этих ситуаций различен. Показательно, что в русском переводе этого примера невозможно употребить наречие *опять* — у русского наречия рассматриваемое значение отсутствует, в отличие от собственно рефактивного.

По-видимому, то же самое значение представлено в примере (29):

- (29) *O-pa-jevú-ma*   *ko*   *ary*
 3A-заканчиваться-REP-PRF   DEM   год
ha nda-'i-pú-i   *ñande-turu*
 и   NEG-3-звучать-NEG   1PL.INCL-рог
 ‘Год закончился, а наш сигнал все еще не прозвучал’.

Не исключено, что перед нами просто случай значения повторного осуществления ситуации: наступил конец года — ситуация, которая, очевидно, неоднократно имела место в прошлом. Однако наличие перед словом *ary* ‘год’ указательного местоимения *ko* ‘этот’ как будто бы противоречит такой интерпретации: **данный конкретный год** не может кончиться более одного раза. Можно предположить, что в этом случае *-jevú-* маркирует тот факт, что ситуации, аналогичные данной, уже имели место. Для окончательного ответа на вопрос о том, представлено ли в (28) и аналогичных

примерах особое значение рефактивного показателя, или же мы имеем дело с собственно рефактивным значением, необходимо более тщательное изучение семантики демонстративов и референциальных статусов различных именных групп в парагвайском гуарани — области, крайне практически неисследованной.

Противопоставление таких компонент толкования как «ситуация типа Р» и «ситуация, похожая на ситуацию типа Р», безусловно, выглядит несколько шатким. Мы полагаем, что это противопоставление вполне поддается формализации, однако не ставим перед собой последней задачи в рамках настоящей статьи. Вполне вероятно, что для решения этой задачи потребуется дополнительное исследование с привлечением нового языкового материала.

3.5.6. *Экспериментивное значение.* Крайне любопытный случай употребления, аналогов которому, по-видимому, до сих пор не отмечалось в литературе, представлен в примерах (30)–(31), где рефактивный суффикс выражает значение, схожее с экспериментивным:

- (30) *Upé-va ure pouvi ndaje o-je-hecha-jeu raka'e*
 DEM-REL DEM полотно REN 3A-REFL-видеть-REP RPST2
mbo'ehao o-je-japo-pá-vo, o-u ramo guare
 школа 3A-REFL-делать-TOT-SIM 3A-приходить COND TMP
airo karai-guasú o-mo-ñepyrũ
 DEM господин-большой 3A-CAUS-начинать
mitã-ñe-mbo'e-uka kuatia ñe-mo-ñe'ẽ
 ребенок-REFL-учить-CAUS бумага NMR-CAUS-говорить
ha je-haí-re.
 и NMR-писать-RE

‘Они сказали, что уже видели такое знамя, когда открывали школу и приезжал важный господин, который велел начать учить детей чтению и письму’.

- (31) *Ha upéi ave, Volí-gui jai-pe'a-jeu*
 и затем также боливец-ABL 1PL.INCL.A-отбирать-REP
riré-rõ, mba'é-gui nda-jai-pe'a-mo'ã-i
 после-COND вещь-ABL NEG-1PL.INCL.A-отбирать-NEG.PROSP-NEG
tapicha paraguái-gui ñai-kotevẽ-ramo.
 собрат парагваец-ABL 1PL.INCL.A-нуждаться-COND
 ‘И потом: если мы однажды отняли ее [землю] у боливийцев, почему бы нам не отнять ее еще раз у своих соотечественников-парагвайцев, если есть у нас в том нужда?’

Значение суффикса в данном примере можно истолковать следующим образом: ‘данная ситуация является ситуацией типа Р (пресуппозиция); ситуация типа Р уже один раз имела место (ассерция)’. Нетрудно видеть, что данная разновидность экспериментивного значения напрямую соотносится с собственно рефактивным, отличаясь от него тем, что «повтор» исходной ситуации не следует за ней, а предшествует ей на временной оси. Данное значение можно также представить как «обращение» стандартного рефактива не в темпоральном, а в логическом плане: в толковании пресуппозиция и ассерция меняются местами. С другой стороны, можно предположить, что *-jeu-* в этих примерах восходит не к наречию ‘опять’, но к существительному ‘раз’ (ср. ‘уже раз видели’, ‘уже раз отняли’).

К сожалению, примеры (30)–(31) на сегодняшний день являются единственными обнаруженными нами примерами такого рода, так что делать какие-либо определенные выводы по поводу экспериментивного значения обсуждаемого показателя пока не представляется возможным.

3.5.7. Распределение значений рефактивного суффикса. В приведенной ниже таблице представлено распределение выделенных нами частных значений по различным предикатам. Таблица отражает все вхождения рефактивного суффикса (включая случаи, в которых суффиксальный/наречный статус проблематичен) в текст повести Т. Сарратеа «*Kalaíto Rombégo*» (ок. 19.5000 словоформ, 81 вхождение). В первом столбце приводятся глаголы парагвайского гуарани, морфологически производные формы разбиты на морфемы. Во втором столбце приводятся значения глаголов в тех контекстах, в которых они были употреблены. Разные значения одного и того же глагола разносятся по разным строкам. В третьем столбце, где это необходимо, приводятся основные словарные значения (для многозначных глаголов) и глоссы (для морфологически производных глаголов). В четвертом столбце указаны засвидетельствованные с данными глаголами частные значения рефактивного показателя; если какое-то значение встретилось с данным глаголом более одного раза, в скобках указано число употреблений. Для частных значений использованы следующие условные обозначения:

- RV — возвращение в исходную точку;
- RVS — возвращение в исходное состояние;
- RF — собственно рефактивное значение;

RF- — инверсивный повтор (экспериментальное значение);
 RF+ — «добавление ситуации».

Через запятую даются значения, засвидетельствованные в разных примерах с тем же глаголом. В тех случаях, когда в одном и том же высказывании, по-видимому, допустимы две интерпретации (см. обсуждение примера (26) выше), ярлыки соответствующих значений приводятся через косую черту.

Таблица 2. Распределение частных значений рефактивного суффикса по различным предикатам

предикат	перевод	гlossы или комментарий	значение рефактива
<i>-angata</i>	‘волноваться’		RF/RVS
<i>-atu</i>	‘собираться’		RF
<i>-e'i (irr)</i>	‘говорить’		RF (x2)
<i>-gueru pytu</i>	‘восстанавливать дыхание’	букв. ‘приносить’ <дыхание>	RVS
<i>-ḡuahē</i>	‘приходить’		RV (x2)
<i>-hekūi</i>	‘стегать’	букв. ‘убирать’	RF
<i>-ho</i>	‘идти’	‘идти’	RF (x2)
<i>-ho</i>	‘приходить’	‘идти’	RF (x2), RV (x2)
<i>-ho</i>	‘уходить’	‘идти’	RF (x2), RV (x4), RVS
<i>-ī</i>	‘быть, иметься’		RF
<i>-japyhu</i>	‘брат’		RV
<i>-je'oi</i>	‘выходить в путь’		RV
<i>-jeporeka</i>	‘искать’		RVS
<i>-jerure</i>	‘просить’		RF
<i>-je-sapukai</i>	‘быть выкрикнутым’	REFL-кричать	RF
<i>-(j)u</i>	‘приходить’		RV (x7)
<i>-juhu</i>	‘встречать’		RF
<i>-ko</i>	‘быть’		RF
<i>-ko-ve</i>	‘продолжать быть’	быть-CMPR	RF
<i>-kuera</i>	‘выздоровливать’		RVS (x2)
<i>-kutu</i>	‘втыкать кол в землю’	‘колоть’	RF
<i>-me</i>	‘быть, находиться’		RF

Рефактив в парагвайском гуарани

<i>-me'ẽ</i>	‘давать’		RF (x2)
<i>-mbiriki</i>	‘бежать’		RF
<i>-mbo-jeroky</i>	‘приглашать на танец’	CAUS-танцевать	RF
<i>-mbo-pyahu</i>	‘обновлять, изменять’	CAUS-новый	RF
<i>-mbo-ty</i>	‘закрывать’	CAUS-закрытый	RVS
<i>-mbo-ty-uka</i>	‘заставлять закрывать’	CAUS-закрытый-CAUS	RF/RVS
<i>-mbo'e</i>	‘учить’	исторически, воз- можно, каузатив от ‘говорить’	RF
<i>-mo-henda</i>	‘подытоживать’	CAUS-иметь.свое.место	RF
<i>-ñe-mby-asy-</i>	‘переживать’		RF
<i>-ñe-mondo</i>	‘быть посланным’	REFL-посылать	RF/RV
<i>-ñepyrũ</i>	‘начинать’		RF (x2)
<i>-ño-mongeta</i>	‘беседовать’	REC-беседовать	RF
<i>-nohẽ</i>	‘вынимать’		RVS
<i>-o'a</i>	‘падать’		RF/RV
<i>-pa</i>	‘кончаться’		RF, RF+
<i>-pe'a</i>	‘отбирать’		RVS/RF, RF-
<i>-pichoropiguy</i>	‘пить спиртное’		RF
<i>-pio</i>	‘оставлять в покое’		RF
<i>-porandu</i>	‘спрашивать’		RF
<i>-pu</i>	‘звучать’		RF
<i>-pyta</i>	‘оставаться’		RVS
<i>-pytu'u</i>	‘отдыхать’		RF
<i>-rayhu</i>	‘любить’		RF
<i>-recha</i>	‘видеть’		RF, RF-
<i>-reka</i>	‘искать/находить’		RVS
<i>-rendu-se</i>	‘хотеть слышать’	слышать-DES	RF
<i>-resakã</i>	‘сиять’		RF/RVS
<i>-resarai</i>	‘забывать’		RVS
<i>-ropevu</i>	‘дремать’		RF/RVS
<i>-rory-gua'u</i>	‘выглядеть веселым’	веселый-казаться	RF/RVS
<i>-sẽ</i>	‘выходить’		RV (x2), RVS
<i>-turu-neẽ</i>	‘трубить’	рог-говорить	RF
<i>-'u</i>	‘проедать (деньги)’	‘есть, употреблять внутри’	RF

Как видно из таблицы, имеющийся материал не позволяет говорить о распределении различных частных значений рефактива по классам модифицируемых глагольных лексем, тем более — об инвариантном значении рефактива, модифицирующемся в зависимости от класса предиката. Одни и те же формы в различных контекстах выражают различные значения из семантической зоны рефактива.

4. Сценарий диахронического развития

Рассмотренный материал позволяет сформулировать некоторые выводы и гипотезы касательно путей диахронического развития семантической зоны рефактива, как в парагвайском гуарани, так и кросс-лингвистически. Происхождение соответствующего показателя от глагола со значением ‘возвращаться’ служит убедительным доводом в пользу того, что рефактивное значение развивается из реверсивного (ср. аналогичный вывод для адыгейского суффикса -žʹə- в [Аркадьев, Короткова 2005: 21]). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сосуществования в одном и том же языке показателей со значениями собственно реверсива и возвращения в исходное состояние не засвидетельствовано [Шлуинский 2005б: 126]. Собственно реверсивные показатели представлены в языках нигер-конго⁸ [Lodhi 2002: §2.10; Плунгян 2003: 22]; показатели со значением возвращения в исходное состояние в гуарани, адыгейском [Аркадьев 2005: 17–18], французском, агульском [Шлуинский 2005б: 126; Maisak, Merdanova 2011], азую тлапанек [Wichmann 1992: 91–94] и др. Таким образом, можно постулировать два альтернативных пути развития от лексического значения ‘возвращаться’ к рефактиву: через реверсив и через значение возвращения в исходное состояние.

Глаголы со значением ‘возвращаться’ являются кросс-лингвистически весьма распространенным [Heine, Kuteva 2002: 259–260; Майсак 2005: 219, 421–424], однако не единственным источником грамматикализации рефактива. Интересной задачей для лингвис-

---

⁸ По единичному примеру, приведенному в [Аксенова, Топорова 2008: 315–316] затруднительно судить о том, какое из двух значений выражается конструкцией со вспомогательным глаголом *-írán-* ‘возвращаться’ в языке гусии (восточные банту).

тической типологии представляется сопоставление семантических свойств (в частности, паттернов полисемии) рефактивных показателей, производных от глаголов возвращения, и рефактивных показателей, имеющих другой источник (например, восходящих к пространственным показателям, как в лезгинских языках [Maisak, Merdanova 2011]).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; A — показатель активной серии; ABL — аблатив; APUDEL — апудэлатив; AUG — аугментатив/фокус; CAR — каритив; CAUS — каузатив; CMPR — сравнительная степень/континуатив; COMP — комплементаризер; COND — кондиционалис; COP — связка; DEC — декларатив (в кваза); DEM — демонстратив; DES — дезидератив; DET — определенный артикль; DIM — диминутив; EMPH — эмфаза; EXCL — эксклюзив; IMMPROSP — ближайший проспектив; IMP — императив; INCL — инклюзив; INT — интенционалис; LOC — локатив; M — мужской род (в итальянском); MAL — малефактив; MNR — образ действия/объект сравнения; NEG — отрицание; NFUT — именное будущее; NMR — номинализатор; NPST — именное прошедшее; OBL — косвенный падеж; PRF — перфект; PL — множественное число; PROSP — проспектив; Q — показатель вопроса; RE — суффикс, выражающий широкий круг пространственных, временных и проч. значений; REFL — рефлексив; REL — релятивизатор; REN — частица пересказывательности; REP — рефактив/реверсив; RESP — прагматический показатель; RESTR — рестриктив; RPST — давнопрошедшее; RPST2 — давнопрошедшее в контекстах сниженной утвердительности; SG — единственное число; SIM — одновременность; SML — симулятив; TMP — таксисный союз; TOT — тоталитатив; VOL — волитив (в кваза).

Литература

- Аксенова, Топорова 2008 — И. С. Аксенова, И. Н. Топорова. Грамматика языка гусии. М.: Academia, 2008.
- Аркадьев 2005 — П. М. Аркадьев. Аспектуальная деривация в адыгейском языке: к постановке проблемы, рукопись, 2005.
- Аркадьев, Короткова 2005 — П. М. Аркадьев, Н. А. Короткова. О показателе -ж'э- в адыгейском языке // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб.: Наука, 2005. С. 19–23.
- Герасимов 2008 — Д. В. Герасимов. К построению порядковой модели глагольной словоформы парагвайского гуарани. Рукопись, 2008.
- Коваль, Нялибули 1997 — А. И. Коваль, Б. А. Нялибули. Глагол фула в типологическом освещении. М.: Азбуковник, 1997.

- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М.: Восточная литература, 2003. С. 5–40.
- Стойнова 2010 — Н. М. Стойнова. Рефлексивные и рефактивные значения: семантические и типологические связи // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 3, 2010. С. 115–132.
- Стойнова 2011а — Н. М. Стойнова. К типологии рефактивно-хабитуальной полисемии. Настоящий сборник. С. 203–209.
- Стойнова 2011б — Н. М. Стойнова. Референтные vs. нереферентные рефактивные значения. Настоящий сборник. С. 446–451.
- Татевосов 2005 — С. Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания 1, 2005. С. 108–141.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Шлуинский 2005а — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук, М.: МГУ, 2005.
- Шлуинский 2005б — А. Б. Шлуинский. К типологии предикатной множественности: рефактивные значения // Вторая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Материалы. СПб.: Наука, 2005. С. 123–128.
- Arkadiev, Korotkova 2010 — P. Arkadiev, N. Korotkova The suffix *-žə*: A refractive story. Ms., 2010.
- Arnott 1970 — D. W. Arnott. The Nominal and Verbal Systems of Fula. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Beck 2007 — D. Beck. Variable ordering of affixes in Upper Necaxa Totonac // Seok, K.-Ch., F. A. Hudu (eds.). Proceedings of the Workshop on Structure and Constituency in Languages of the Americas XII [University of British Columbia Working Papers in Linguistics 21]. Vancouver: UBC, 2007. P. 29–38.
- Cardinaletti 2003 — A. Cardinaletti. On the Italian repetitive prefix *ri-*: Incorporation vs. cliticization // University of Venice Working Papers in Linguistics 3, 2003. P. 8–29.
- Cinque 1999 — G. Cinque. Adverbs as Functional Heads. Oxford: OUP, 1999.
- Cusic 1981 — D. Cusic. Verbal Plurality and Aspect. PhD Thesis. Stanford, 1981.
- Damonte 2007 — F. Damonte. The Mirror Principle and the order of verbal extensions: Evidence from Pulaar // G. Booij et al. (eds) Online Pro-

- ceedings of the 5th Mediterranean Morphology Meeting (MMM5), Freius, 15–18 Sept. 2005. Bologna: University of Bologna, 2007. P. 337–358.
- Egg 1999 — M. Egg. Deriving and resolving ambiguities in *wieder*-sentences // P. Dekker (ed.). Proceedings of the XIIth Amsterdam Colloquium. Amsterdam: University of Amsterdam, 1999. P. 109–114.
- Elders 2007 — S. Elders. Complex verb morphology in Kulango (Gur): Similarities and dissimilarities with Bantu // SOAS Working Papers in Linguistics 15, 2007. P. 187–200.
- Fabricsius-Hansen 2001 — C. Fabricsius-Hansen “*Wi(e)der*” and “*Again(st)*” // C. Fery, W. Sternefeld (eds.). *Audiatur vox sapiential*. A Festschrift for Arnim von Stechow [Studia Grammatica 52]. Berlin: Akademie Verlag, 2001. P. 101–130.
- Fagerli 1993 — O. T. Fagerli. Verbal Derivations in Fulfulde. PhD Thesis. University of Tromsø, 1993.
- Gerasimov 2011 — D. Gerasimov. The case for universal hierarchy of functional heads: Guaraní vs. Cinque // Paper presented at the 9th Biennial Meeting of the Association for Linguistic Typology, Hong Kong, July 21–24, 2011.
- Haiman 1983 — J. Haiman. Iconic and economic motivation // *Language* 59, 4, 1983. P. 781–819.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World Lexicon of Grammaticalization*. Cambridge: CUP, 2002.
- Huitink 2003 — J. Huitink. *Again*. MA Thesis, University of Nijmegen, 2003.
- Jalenques 2000 — P. Jalenques. Contribution à l'étude du préfixe “*RE*” en français contemporain: pour une analyse compositionnelle du verbe *regarder*. PhD Thesis. Paris 7, 2000.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. *The Middle Voice*. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Keyser, Roeper 1992 — S. J. Keyser, T. Roeper. *Re*: The Abstract Clitic Hypothesis // *Linguistic Inquiry* 23, 1, 1992. P. 89–125.
- Kamp, Roßdeutscher 1994 — H. Kamp, A. Roßdeutscher. DRS-construction and lexically-driven inference // *Theoretical Linguistics* 20, 1994. P. 165–235.
- König 2001 — E. König. Intensifiers and reflexive pronouns // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). *Language Typology and Language Universals. An Interbational Handbook*. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. P. 747–760.
- Lehmann 1985 — Chr. Lehmann. *Thoughts on Grammaticalization*. München: LINCOM, 1985.
- Lichtenberk 1991 — F. Lichtenberk. Semantic change and heterosemy in grammaticalization // *Language* 67, 3, 1991. P. 474–509.

- Lodhi 2002 — A. Y. Lodhi. Verbal extensions in Bantu (the case of Swahili and Nyamwezi) // *Africa & Asia* 2, 2002. P. 4–26.
- Maisak, Merdanova 2011 — T. Maisak, S. Merdanova. Repetitive prefix in Agul and its areal/genetic background // Paper presented at the Conference on Caucasian Languages, Leipzig, May 13–15, 2011.
- Mok 1964 — Q. Mok. Le préfixe *re-* en français moderne: essai d'une description synchronique // *Neophilologus* 48, 1, 1964. P. 97–114.
- Pastor 2005 — M. Pastor. Pulaar verbal extensions and phonologically driven affix order // G. Booij, J. van Marle (eds.). *Yearbook of Morphology*. Dordrecht: Springer, 2005. P. 155–199.
- Rainer 1986 — F. Romer. Recursiveness in word-formation, with special regard to Spanish // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 36, 1–4, 1986. P. 197–209.
- Siemund 2001 — P. Siemund. Heavy reflexive middle markers // Paper presented at Moscow Syntax & Semantics 2, Moscow, April 22–24, 2011.
- Smith 2004 — M. C. Smith. Light and heavy reflexives // *Linguistics* 42, 3, 2004. P. 637–680.
- Sterner 1975 — R. Sterner. Sobei verb inflection // *Oceanic Linguistics* 14, 1975. P. 128–145.
- Tonhauser 2006 — J. Tonhauser. *The Temporal Semantics of Noun Phrases: Evidence from Guaraní*. PhD Thesis, Stanford, 2006.
- van der Voort 2004 — H. van der Voort. *A Grammar of Kwaza*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2004.
- von Stechow 1996 — A. von Stechow. The different readings of *wieder* 'again': a structural account // *Journal of Semantics* 13, 1996. P. 87–138.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy 'again', or the eternal return of the same // *Studies in Language* 30, 1, 2006. P. 69–113.
- Wichmann 1992 — S. Wichmann. A semantic framework for the Azoyú Tlapanec iterative // *Acta Linguistica Hafniensia* 25, 1992. P. 125–142.

С. И. Дмитриева

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**ФУНКЦИЯ СУФФИКСА -SK- В ОБРАЗОВАНИИ ФОРМ
ИМПЕРФЕКТА ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГЛАГОЛА
на примере глаголов со значением ‘нести, носить’**

Традиционно суффикс *-sk-* в древнегреческом языке считается итеративным [Brugmann 1902/1903; Schwyzer 1939; Шантрен 2010; Kurilowicz 1964], но при ближайшем рассмотрении оказывается, что он выражает разные типы итеративности, при этом итеративность — не единственное значение, которое суффикс *-sk-* придает глаголу. Некоторые исследователи считают, что суффикс обобщает «итеративно-дуративное значение», говоря также о его «неясной» функции в греческом языке [Sihler 1995: 505].

Подробное рассмотрение оттенков значения, придаваемых глаголу суффиксом *-sk-*, позволит точнее определить функцию морфемы *-sk-* в образовании форм презенса и имперфекта в системе древнегреческого глагола, а также, возможно, немного приблизит нас к определению исторического значения этого суффикса.

1. Аспектуальные значения глагола

Одна из сложностей, с которой приходится столкнуться при изучении глагольной аспектуальности — это отсутствие единства в терминологии (ср., напр., [Comrie 1976; Маслов 2004; Бондарко (ред.). 1987; Храковский (ред.). 1989; Плунгян 2003; Napoli 2006]). Поскольку основной задачей статьи является исследование функции морфемы (суффикса *-sk-*) в образовании глагольных основ, представляется целесообразным опереться на одну из классификаций, представленных в последних работах в данной области¹.

В данной статье для обозначения аспектуальных значений глагола будут использоваться следующие термины:

- **перфектив** для обозначения завершенного действия;

---

¹ В качестве основной была выбрана классификация В. А. Плунгяна [Плунгян 2003: 291–308].

- **прогрессив** для обозначения процесса;
- **объектный и субъектный дистрибутив**, означающий множественность объектов или субъектов действия, «происходящего в разных точках пространства» [Долинина 1996: 240];
- **мультипликатив** как «последовательность единичных действий, воспринимаемая как единый процесс» [Долинина 1996: 237];
- **хабитуалис**², обозначающий привычку, обыкновение совершать какое-либо действие;
- **инхоатив** как обозначение начала действия.

2. Методология исследования

Функцию суффикса *-sk-* предполагается выявить путем сравнения суффиксальных форм с однокоренными глаголами без суффикса *-sk-* и отметить семантические различия между ними.

В качестве примера были выбраны две пары однокоренных глаголов со значением 'нести, носить' — *φέρου*, *φέρεσκου* и *φόρεου*, *φορέεσκου*. Были рассмотрены все случаи их употребления в поэмах Гомера и отмечены аспектуальные значения глаголов в каждом из употреблений. Данные, полученные при исследовании, можно представить в виде Таблицы 1.

3. *φέρου* и *φόρεου*

Первичное *φέρου* употребляется в большем количестве контекстов и имеет более широкий спектр оттенков действия, чем отыменное *φόρεου*. Возможно, это обусловлено вторичностью

---

² Действие, повторяющееся обычно, определяют различными терминами. В ряде исследований его относят к итеративному значению: И. Б. Долинина использует термин «узואальное значение» [Долинина 1996: 233], В. С. Храковский выделяет узитатив [Храковский (ред.). 1989: 49], а В. А. Плунгян — термин «хабитуалис» как более общий по отношению к узитативному значению [Плунгян 2003: 295]. Б. Комри и Э. Даль выделяют хабитуалис как имперфектный аспектуальный тип, который следует отличать от итеративности и от генерализованного значения [Comrie 1976: 25; Dahl 1994: 243], В. Дресслер обозначает обычно повторяющееся действие как узитатив, относя его к разновидностям континуативного способа действия [Dressler 1968: 74].

Таблица 1. Лексическое и аспектуальное значение имперфектов $\acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$, $\acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\epsilon\sigma\kappa\omicron\nu$ и $\acute{\phi}\acute{\omicron}\rho\epsilon\omicron\nu$, $\acute{\phi}\omicron\rho\acute{\epsilon}\epsilon\sigma\kappa\omicron\nu$

значение глагол	собственно перемещать	носить на себе (слу- жить транспортным средством)	носить (в качестве предмета одежды, обмундирования)
$(\acute{\epsilon})\acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ (77) ³	перфектив; прогрессив; инхоатив	перфектив; прогрессив; инхоатив; мультипликатив; субъектно-объектн. дистр.	—
$\acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\epsilon\sigma\kappa\omicron\nu$ (2)	хабитуалис	субъектно-объектн. дистр.	—
$-\acute{\phi}\acute{\omicron}\rho\epsilon\omicron\nu$ (9)	перфектив; прогрессив; инхоатив	—	—
$\acute{\phi}\omicron\rho\acute{\epsilon}\epsilon\sigma\kappa\omicron\nu$ (7)	—	хабитуалис	хабитуалис

глагола $\acute{\phi}\omicron\rho\acute{\epsilon}\omega$ ⁴. Кроме того, глагол $\acute{\phi}\acute{\omicron}\rho\epsilon\omicron\nu$ в абсолютном большинстве случаев (в восьми из девяти) выступает в имперфекте с приставками и аугментом, в отличие от $\acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$, которое редко имеет при себе аугмент или приставки. В целом, для бессуффиксального $(\acute{\epsilon})\acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$ наиболее характерно значение прогрессива, остальные значения глагол приобретает в определенных условиях. Вопрос о связи перфективирующего и инхоативного значения с аугментом, префиксами и контекстом останется открытым⁵, а при каких

³ В скобках дано число употреблений у Гомера.

⁴ Индоевропейский корень $*b^her-$ имеет дуративное значение [Шантрэн 2010: §173; Pokorny 1959: 128], а основа $*b^hor-éye-$ выражает итеративное значение [Pokorny 1959: 129; Rix et al. (Hg.) 2001: 76].

⁵ Префиксы и аугмент могут сочетаться с бессуффиксальными имперфектами, передавая значение собственно перемещения. Надо заметить, наличие аугмента не всегда можно утверждать с уверенностью: сочетания $\delta \acute{\epsilon}\acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$, $\delta \acute{\epsilon}\acute{\phi}\acute{\omicron}\rho\epsilon\omicron\nu$ и $\tau \acute{\epsilon}\acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\epsilon\nu$ могут скрывать $\delta\acute{\epsilon} \acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu$, $\delta\acute{\epsilon} \acute{\phi}\acute{\omicron}\rho\epsilon\omicron\nu$ и $\tau\acute{\epsilon} \acute{\phi}\acute{\epsilon}\rho\epsilon\nu$. Если трактовать вышеуказанные спорные случаи в пользу наличия аугмента, то можно говорить о взаимосвязи аугмента или приставки с перфективирующим значением, нехарактерным для имперфектной основы. С другой стороны, иногда глагол с аугментом имеет имперфектное значение (Od. 13, 69), а перфектив не имеет аугмента (Il. 2, 838).

условиях *φέρων* получает значение множественности действия, мультипликатив и субъектно-объектный дистрибутив, будет рассмотрено далее.

4. *φέρων* и *φέρεσков*

Суффиксальное *φέρεσков* употребляется у Гомера лишь дважды. В первом примере *φέρεσков* выражает хабитуалис с лексическим значением собственно перемещения:

- (1) ἡ μὲν ἄρ' ἐς κρήνην κατεβήσεται καλλιρέεθρον // Ἀρτακίην·
ἔνθεν γὰρ ὕδωρ προτὶ ἄστν *φέρεσков*
'она спускалась к красиво текущему Артакийскому источнику;
оттуда [обычно] носили воду в город' (Od. 10, 107–108).

Бессуффиксальная форма *φέρων* ни разу не употребляется у Гомера с хабитуальным оттенком, для этого служит суффиксальное *φέρεσков*.

Второй случай употребления *φέρεσков* интересен тем, что при описании одного и того же события (побег Одиссея с командой из пещеры циклопа) вначале употребляется форма *φέρεσκε*, а при повторе — имперфект без суффикса *-sk-*:

- (2) <...> ὁ μὲν ἐν μέσῳ ἄνδρα *φέρεσκε*, τῷ δ' ἐτέρῳ ἐκάτερθεν ἴτην
σῶοντες ἐταίρους. τρεῖς δὲ ἕκαστον φῶτ' ὄϊες *φέρων* <...>
'<...> тот (баран), что посередине, **нес** человека, а два других шли, укрывая товарищей. Итак, каждого мужа **несли** три барана <...>'. (Od. 9, 429–431)

Соглашаясь с мнением И. И. Ибрагимова (л. с.), мы считаем, что обе формы, *φέρεσκε* и *φέρων*, выражают субъектно-объектный дистрибутив. Различие между двумя употреблениями состоит в наличии квантификатора. В конструкции с *φέρεσκε* и объектный, и субъектный дистрибутив выражаются с помощью суффикса *-sk-*: 'каждый [баран], что посередине нес [отдельного] человека'. Глаголу *φέρων* дистрибутивное значение придает прилагательное *ἕκαστος* 'каждый', относящееся не только к согласованному с ним дополнению *φῶτ'* 'мужа', но и к подлежащему *τρεῖς ὄϊες* 'три барана'.

Из приведенного примера видно, что бессуффиксальное *φέρων* само по себе имеет недостаточно средств для выражения множественного значения, нуждаясь для этого в кванторном выражении.

И это не единственный пример. В качестве дополнения можно привести отрывок из пятой книги Одиссеи:

- (3) ὡς τὴν ἄμ πέλαγος ἄνεμοι φέρον ἔνθα καὶ ἔνθα
'так его [корабль] по морю ветры **носили** туда и сюда'
(Od. 5, 330).

Здесь φέρον получает мультипликативный оттенок за счет обстоятельства ἔνθα καὶ ἔνθα ('туда и сюда').

5. φόρεον и φορέεσκον

Следующая пара коррелирующих глаголов — φόρεον и φορέεσκον.

Как видно из таблицы, φορέεσκον отличается в имперфекте от бессуффиксального φόρεον и лексическим, и аспектуальным значением. Семантика этих форм ни в одном случае не совпадает. Однако стоит отметить, что глагол φορέω употребляется у Гомера в форме презенса в значении 'служить транспортным средством', выражая хабитуальное значение (Π. 10, 323) и регулярно встречается в форме презентного инфинитива в лексическом значении 'носить в качестве предмета одежды, обмундирования'. Эти формы от глагола φορέω не были включены в таблицу по той причине, что презенс в хабитуальном значении и презентный инфинитив в греческом языке лишены временной характеристики, в то время как все имперфекты, представленные в таблице, имеют временную отнесенность к плану прошлого.

6. φορέεσκον и φέρον

Глаголы φορέεσκον и φέρον пересекаются в лексическом значении 'служить транспортным средством', однако их аспектуальные значения не совпадают: φορέεσκον имеет хабитуальное значение, которое бессуффиксальное φέρον не выражает.

7. φέρεσкови φορέεσκον

Суффиксальные образования φέρεσкови и φορέεσκον отличаются друг от друга лексическим оттенком значения ('собственно перемещение' — 'ношение в качестве предмета одежды, обмундирования'), а если лексическое значение совпадает (и тот и другой

имперфект употребляется в лексическом значении ‘служить транспортным средством’), глаголы выражают разные типы действия — субъектно-объектный дистрибутив с одной стороны (4) и хабитуалис с другой (5):

- (4) <...> ὁ μὲν ἐν μέσῳ ἄνδρα φέρεσκε, τῷ δ' ἐτέρῳ ἐκάτερθεν ἴτην, σώοντες ἑταίρους
‘<...> тот (баран), что посередине, **нес** человека, а два других шли по бокам, укрывая товарищей’. (Od. 9, 429)
- (5) ἴπποι θ' οἱ φορέεσκον ἀμύμονα Πηλεΐωνα
‘также и кони, которые **имели обыкновение носить** безупречного Пелида’. (Il. 2, 770)

8. Выводы

Суффикс *-sk-* морфологически выражает различные типы аспектуального значения. В случае с глаголами ‘нести’ — это хабитуалис и субъектно-объектный дистрибутив. Употребление того или иного типа значения зависит от контекста и от возможности парного глагола без *-sk-* образовывать соответствующие значения.

Оттенки лексического значения наряду с аспектуальным играют роль при выборе той или иной глагольной формы.

Глагол *φέροιν* может выражать множественность действия, не имея соответствующего суффикса. Но в таких случаях значение глагольной множественности придают стоящие рядом квантификаторы или соответствующий контекст.

Глагольные пары со значением ‘нести, носить’ в большинстве случаев не демонстрируют конкуренции в употреблении суффиксальных и бессуффиксальных форм. Там, где значения глаголов совпадают, бессуффиксальная форма имеет соответствующий квантификатор.

Литература

- Бондарко (ред.). 1987 — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987.
- Долинина 1996 — И. Б. Долинина. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // А. В. Бондарко (ред.).

- Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., Наука, 1996. С. 219–245.
- Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Общая морфология: Введение в проблематику. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
- Храковский (ред.). 1989 — В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Шантрен 2010 — П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка. М.: Эдиториал УРСС, 2010.
- Brugmann 1902/1903 — K. Brugmann Die ionischen Iterativpräterita auf *-σκον* // *Indogermanische Forschungen* 13, 1902/1903. S. 267–277.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect*. Cambridge: CUP, 1976.
- Dahl 1994 — Ö. Dahl. *Aspect* // R. E. Asher, J. M. Y. P. Simpson *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. Vol. 1. Oxford: Pergamon Press, 1994. P. 240–247.
- Dressler 1968 — W. U. Dressler. *Studien zur verbalen Pluralität. Iterativum, Distributivum, Durativum, Intensivum in der allgemeinen Grammatik, im Lateinischen und Hethitischen*. Wien: Hermann Böhlaus Nachfolger, 1968.
- Kurilowicz 1964 — J. Kurilowicz. *The inflectional categories of Indo-European*. Heidelberg: Winter, 1964.
- Napoli 2006 — M. Napoli. *Aspect and Actionality in Homeric Greek. A Contrastive Analysis*. Milano: FrancoAngeli, 2006.
- Pokorny 1959 — J. Pokorny. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*, Bd. 1. Bern — München: Francke, 1959.
- Rix et al. (Hg.). 2001 — H. Rix, M. Kümmel, Th. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer (Hg.). *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. 2. Aufl. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2001.
- Schwyzler 1939 — E. Schwyzler. *Griechische Grammatik*. Bd. 1. München, 1939.
- Sihler 1995 — A. L. Sihler. *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. New York — Oxford: OUP, 1995.

А. А. Еселева

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ДИТРАНЗИТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Вводные замечания

В данной статье рассматриваются некоторые лексико-синтаксические факторы, которые могли стать причиной изменений, затронувших дитранзитивную конструкцию (ДК) английского языка на древнейшем этапе ее развития. Хотя для исчерпывающих объяснений необходим сплошной диахронический анализ ДК в английском языке, полученные данные позволяют до некоторой степени объяснить различия между древностью и современностью. ДК вслед за А. Л. Мальчуковым, М. Хаспельматом и Б. Комри понимается как конструкция, состоящая из дитранзитивного глагола и трех аргументов: агенса, реципиента и темы [Malchukov et al. 2010: 1]. Типичными представителями класса дитранзитивов являются глаголы со значением передачи. Для древнеанглийского языка (ДА) таковыми являются глаголы *giefan* и *sellan*, например:

- (1) <...> *he geaf heom his bletsunge* (LS 29 (Nicholas) 0118 (328))¹
'<...> он дал им свое благословение'.
- (2) & þa *salde se here him foregislas & micle aþas, þæt hie of his rice uuoldon* (ChronA (878.13))
'И затем дало это войско ему заложников и великие клятвы, что они его королевство покинут'.

В современном английском языке потомками этих глаголов являются, соответственно, глаголы *to give* и *to sell*. Дж. Мукерджи в исследовании, посвященном дитранзитивам современного английского языка, выдвигает главный критерий «дитранзитивности»: способность формировать двухобъектную конструкцию (Double Object Construction), например *John gave Mary a book*. Кстати

---

¹ Все ссылки на ДА тексты даются в соответствии с Dictionary of Old English (DOE).

отметим, что этому критерию явно соответствуют ДА глаголы в примерах (1) и (2). Д. Денисон отмечает, что предложное дополнение — редкость для глагола *giefan* и его близких синонимов [Denison 1993: 103]. Современный глагол *to give* отмечен в составе данной конструкции 562 раза в Британской части Международного корпуса английского языка (ICE-GB), что значительно превышает результаты, полученные для всех прочих глаголов и позволяет Дж. Мукерджи рассматривать *to give* как главный современный английский дитранзитивный глагол. В то же время, *to sell* не проходит данный тест: результат по ICE-GB — одно единственное употребление в составе двухобъектной конструкции (типа *John sold Mary a book*) [Mukherjee 2005: 82]. Очевидно, что в современном английском языке глагол *to sell* предпочитает предложную объектную конструкцию (Prepositional Object Construction), такую как *John sold a book to Mary*. Таким образом, налицо изменения на уровне маркирования аргументов. Если рассматривать конструкцию как ‘form-meaning pairing’ [Goldberg 1995], то смена структуры является следствием семантических сдвигов. Остановимся подробнее на употреблении *sellan* и *giefan* в ДА период.

2. Особенности употребления глаголов *sellan* и *giefan* в древнеанглийском языке

Подробный анализ текстов отдельных жанров демонстрирует значительный спад в употреблении *sellan* к концу ДА периода. Сравним, например, употребление *sellan* и *giefan* в двух рукописях англосаксонской хроники. Так называемая Паркеровская рукопись (Parker MS) датируется концом IX века и содержит 20 случаев употребления *sellan* и только 5 *giefan*, в то время как в рукописи из Петерборо (Peterborough MS), созданной в середине XII века²,

---

² Согласно традиционной условной периодизации истории английского языка, окончание ДА периода привязывается к определенной исторической дате — норманнскому завоеванию 1066 года. Существуют и другие «точки отсчета». Например, дата окончания самой поздней рукописи англосаксонской хроники — 1154 год. Таким образом, разница в оценках составляет почти столетие. Автор данной статьи придерживается последнего деления, принятого, в том числе, в распределении текстов в Хельсинкском корпусе английских текстов.

отмечены 36 примеров *sellan* и 79 *giefan*. В пересчете на десять тысяч слов частоты выглядят следующим образом.

Таблица 1. Сопоставление частотности употребления глаголов *sellan* и *giefan* в двух рукописях англосаксонской хроники

	<i>sellan</i> ↓	<i>giefan</i> ↑
The Parker MS	13,7	3,4
The Peterborough MS	7,6	16,7

Налицо спад в употреблении *sellan*, сопровождающийся ростом частотности *giefan*. В некоторых текстах можно отметить также непосредственную замену одного глагола другим. Такая замена представляется особенно значимой, если происходит в традиционном, формульном тексте, таком как, например, ДА перевод молитвы «Отче наш». Фраза, которой в современном английском варианте соответствует ‘*give us today our daily bread*’, содержит глагол *sellan* в более ранних ДА переводах, ср.: ‘*syle us to dæg*’ (Rushworth Gospels) и ‘*sel us to dæge*’ (Ælfric’s Catholic Homilies). При этом в глоссах к Эдвиновой Псалтири (Eadwine Psalter) находим глагол *giefan*: ‘*geof us to dæg*’, а в переводе Вульфстана (Wulfstan’s Homilies) — глагол *geunnan*: ‘*geunn us to pissum dæge*’. Таким образом, глагол *sellan* к концу ДА периода становится малоупотребительным и подвергается заменам. Постараемся проследить этапы этого процесса, а также его возможные причины.

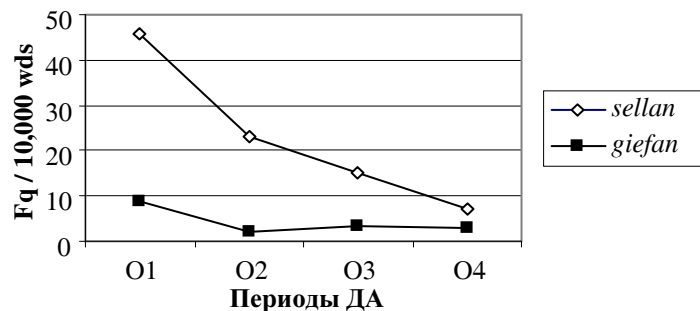
3. Соотношение частотности употребления *sellan* и *giefan*

Чтобы проследить соотношение частотностей исследуемых глаголов в сохранившихся ДА текстах, а также изменение этих параметров в течение ДА периода, был использован Хельсинкский корпус английских текстов (The Helsinki Corpus of English Texts). Корпус включает в себя три части, которые охватывают древний, средний и ранненовоанглийский периоды. ДА период разбит на четыре части с интервалом в столетие, кроме периода О1, который включает немногочисленные ранние памятники, созданные до 850 года: О1 (–850), О2 (850–950), О3 (950–1050), О4 (1050–1150). Сопоставление частотности употребления исследуемых глаголов (в пропорции на десять тысяч слов) дает интересные результаты, которые приведены в Таблице 2 и проиллюстрированы ниже (см. Рис. 1).

Таблица 2. Сопоставление частотности употребления глаголов *sellan* и *giefan* по различным периодам

	<i>sellan</i>		<i>giefan</i>	
	Число примеров	Частота на 10.000 слов	Число примеров	Частота на 10.000 слов
O1	10	45,6	2	9
O2	212	23	17	2
O3	385	15,3	84	3,3
O4	48	7,1	20	2,9
Всего	655		123	

Рис. 1. Частотность употребления глаголов *sellan* и *giefan*

Наблюдается преобладание *sellan* над *giefan*, наиболее значительное на протяжении периодов O1–O3. Тем не менее, кривая *sellan* неуклонно стремится вниз, то есть глагол становится менее частотным, а в конце ДА периода кривые почти совпадают. В количественном отношении, *giefan* представлен в ДА текстах в пять (!) раз реже, чем *sellan*, и при этом не демонстрирует роста частотности.

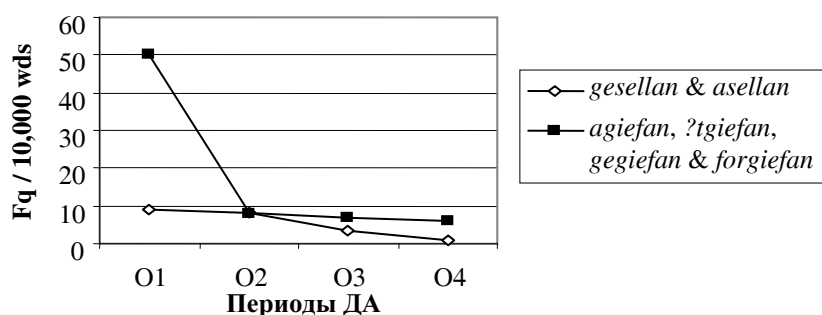
Следует учесть необычайную развитость системы аффиксации в ДА, которая уже в среднеанглийский период почти полностью исчезла. Рассмотрим исследуемые глаголы в сочетании с различными префиксами. Всего таких вариантов насчитывается 11 [BT; DOE]. Это глаголы *asellan*, *besellan*, *forsellan*, *gesellan*, *ymbsellan*, а также *agiefan*, *ætgiefan*, *edgiefan*, *forgiefan*, *gegiefan*, *ofgiefan*. Из этого списка следует, по всей вероятности, исключить глаголы *besellan*, *forsellan*, *ymbsellan* и *ofgiefan*, поскольку их семантика далека от значения передачи, а следовательно, исследуемая ДК не является формальным выражением этих значений. Глаголы *gegiefan* и *ætgiefan* встречаются редко (всего 6 примеров), глагол *edgiefan* не был

отмечен в обследованных текстах. Таким образом, основным предметом анализа становятся *agiefan* и *forgiefan* против *asellan* и *gesellan*. Далее приведены результаты в Таблице 3 и на Рис. 2.

Таблица 3

	<i>asellan & gesellan</i>		<i>agiefan & forgiefan</i> (+ <i>atgiefan & gegiefan</i>)	
	Число примеров	Частота на 10.000 слов	Число примеров	Частота на 10.000 слов
O1	2	9,1	11	50
O2	75	8,1	73	7,9
O3	87	3,5	178	7
O4	7	1	42	6
Всего	171		304	

Рис. 2. Частотность употребления префиксальных вариантов глаголов *sellan* и *giefan*

Префиксальные варианты *sellan* менее распространены, чем простая форма глагола, и также постепенно теряют частотность. На этом фоне представляется интересным, что частотность префиксальных форм глагола *giefan* несколько выше. Следует осторожно воспринимать невероятно высокие частоты в периоде O1 и учитывать небольшой размер текстов этого периода. Частотность 50 / 10.000 слов вызвана всего лишь 11 случаями употребления префиксальных вариантов глагола *giefan*. Абсолютное большинство сохранившихся текстов периода O1 представляет собой хартии, для которых акт «передачи» имеет важнейшее значение.

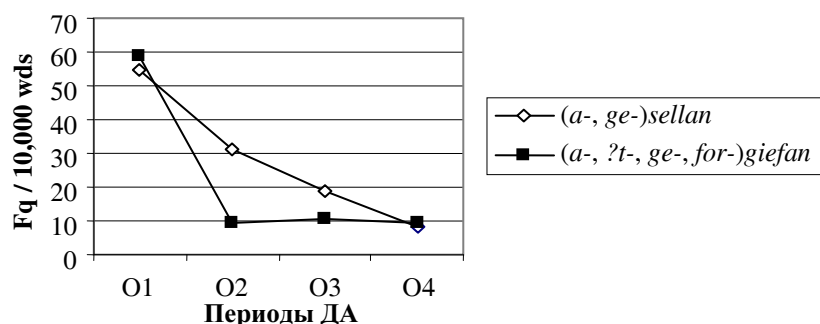
Сводные данные по простым и префиксальным формам *giefan* и *sellan* выглядят следующим образом:

Таблица 4. Сводные данные по частотности простых и префиксальных форм *giefan* и *sellan*

	<i>(a-, ge-)sellan</i>		<i>(a-, æt-, ge-, for-)giefan</i>	
	Число примеров	Частота на 10.000 слов	Число примеров	Частота на 10.000 слов
O1	12	55	13	59
O2	287	31	90	9,7
O3	472	19	262	10,4
O4	55	8	62	9,2
Всего	655 + 171 = 826		123 + 304 = 427	

Рис. 3. Сводные данные: частотность употребления глаголов *sellan* и *giefan* в простых и префиксальных формах

На Рис. 3 вновь очевиден равномерный спад в частотности *sellan*, а также в отличие от Рис. 1 мы наблюдаем постепенный рост частотности *giefan* от периода O2 к O4. Именно в период O4 (1050–1150 гг.) в ДА реализовалась тенденция к замене ведущего дитранзитивного глагола древнейшей эпохи английского языка: впервые удается зафиксировать численное превосходство *giefan*. Случайное, но любопытное совпадение: частота *giefan* к концу ДА периода (9,2 / 10.000 слов) совпадает с частотностью *to give* в современной английской письменной речи (970 / 1 миллион слов по данным [Mukherjee 2005: 114], что составляет 9,7 в пересчете на 10.000 слов).

4. Обсуждение результатов

В ДА глагол *sellan* обладал широко развитой полисемией. Оксфордский словарь (OED) приводит множество древнегерманских

соответствий этого глагола (например, гот. *saljan* ‘to offer sacrifice’; днн. *sellen* ‘to deliver up’, и т. д.), но представляется, что среди них именно ДА *sellan* обладал наибольшим объемом значений. Полисемия могла стать стимулом к его использованию в качестве переводного эквивалента для разнообразных латинских глаголов в пору становления ДА языка. Напротив, в XI веке, когда большее число текстов на ДА создавалось как оригинальные произведения или вольные пересказы, полисемия *sellan* могла стать источником затруднений, и склонить переводчиков к выбору другого дитранзитивного глагола с более узкой семантикой. *Giefan* также является общегерманским глаголом, и его низкую частотность (особенно в период О2) трудно объяснить. Возможно, могла сказаться омонимия отдельных форм глагола *giefan* с такими лексемами, как *giefu* ‘дар’, *giefa* ‘даритель’, *gief* ‘если’ и др. Маловероятно, что для носителей языка различение этих форм представляло проблему, но в художественных текстах авторы стремились избежать тавтологии — при помощи глагола *sellan*:

- (3) *Him god sealde gife of heofonum* (Dan 0043 (154))
 ‘Бог дал ему дар небес’.

Префиксальные варианты глагола *giefan* оказались очень удобны в этом отношении: у них не было омонимов, они передавали более конкретное значение и, что немаловажно, позволяли упростить конструкцию за счет опущения реципиента, например:

- (4) *& se biscop gridode and ageaf þone castel* [Ø Rec.] *& forlet his biscoprice & ferde to Normandige* (ChronE (1087.78))
 ‘И этот епископ заключил мир, и сдал замок, и покинул свою епархию, и отправился в Нормандию’.

Влияние префиксов на структуру конструкции отмечает Д. Кастовский: «функционально эквивалентны ⟨...⟩ наречию, когда определяют ⟨...⟩ глагол (*mis-* в *miscwepan* ‘speak ill’)» [Kastovsky 1992: 362]. Именно эта особенность префиксации позволяет исключить реципиент из состава дитранзитивной конструкции — этот аргумент при глаголе *agiefan* является факультативным, в отличие от глагола *giefan*. Можно предположить, что префиксы глагола *giefan*, вследствие высокой частотности образуемых ими форм, помогли ему закрепиться в языке незадолго до своего исчезновения в среднеанглийский период.

Рассматривая причины изменений в соотношении использования лексем в ДА, нельзя оставить без внимания и вопрос так называемого «скандинавского влияния», то есть роль языкового контакта в развитии ДА дитранзитивной конструкции и семантике образующих ее глаголов. В ряде источников (например, в [Kastovsky 1992]) современный глагол *to give* считается заимствованием, произошедшим от древненорвежского *gefa*, а не от ДА *giefan*. Основанием служит ряд фонетических изменений в историческом развитии английского языка, которым противоречит судьба *giefan*. Тем не менее, в OED *to give* возводится к *giefan*, и возможное заимствование никак не упоминается [OED 1989 s. v. give, vb.]. Но языковое влияние необязательно должно выражаться в прямом заимствовании, следует предположить *поддержку* тех или иных форм влиянием родственных языков. Действительно, для шведского языка начиная с древнего периода характерна дифференциация значений глаголов *giva* ‘дать’ и *sälja* ‘продать’ [SAOB s. v. giva, sälja, vb.]. Таким образом, возможно, языковой контакт с северогерманскими языками способствовал укреплению тенденций, которые сложились внутри ДА языка.

5. Выводы

В результате произошедших изменений глагол *giefan* в XI — начале XII вв. вытеснил глагол *sellan* из его исходного семантического поля ‘добровольной передачи’. Среди возможных предпосылок изменений было стремление ДА авторов (1) избежать омонимии, (2) уточнить значение глагола и (3) упростить синтаксический строй ДК. Этим требованиям соответствовали префиксальные варианты глагола *giefan*, в особенности, *forgiefan* и *agiefan*. Единственное значение, которое никогда не было свойственно ни глаголу *giefan*, ни его производным — значение ‘продать, отдать за определенную плату’ — позволило *sellan* сохраниться в английском языке и развить на базе этого значения новую полисемию. Возможно, дистрибутивные изменения исследуемых глаголов в ДА нашли поддержку в аналогичных семантических распределениях древнескандинавских языков. Следствием изменения основной семантики *sellan* стала смена формальной реализации аргументов глагола, и сегодня глагол *to sell* крайне редко встречается в беспредложной двухобъектной конструкции.

Источники

- Chron A — J. Bately (ed.). The Anglo-Saxon Chronicle. A Collaborative Edition. Vol. 3: MS A. Cambridge: D. S. Brewer, 1986.
- Chron E — S. Irvine (ed.). The Anglo-Saxon Chronicle. A Collaborative Edition. Vol. 7: MS E. Cambridge: D. S. Brewer, 2004.
- Dan — Daniel // G. Ph. Krapp (ed.). The Junius Manuscript [The Anglo-Saxon Poetic Record 1]. New York: Columbia University Press, 1931. P. 109–132.
- LS — W. W. Skeat (ed.). Aelfric's Lives of Saints [Early English Texts Society 76]. Oxford: OUP, 1881.
- Aelfric's Catholic Homilies — B. Thorpe (ed.). Homilies of Ælfric. 2 vols. London: Ælfric Society, 1844–1846.
- Eadwine's Psalter — R. M. Liuzza (ed.). The Old English version of the Gospels. Vol. 1 [Early English Texts Society 304]. Oxford: OUP, 1994.
- Rushworth Gospels — J. M. Kemble. The Gospel According to St. Matthew in Anglo-Saxon and Northumbrian Versions. Cambridge, 1858.
- Wulfstan's Homilies — D. Bethurum (ed.). The Homilies of Wulfstan. Oxford: OUP, 1957.
- The Helsinki Corpus of English Texts, compiled by M. Rissanen et al., Helsinki, 1991. (<http://www.helsinki.fi/varieng/CoRD/corpora/HelsinkiCorpus>)

Литература

- BT — T. N. Toller. Anglo-Saxon dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth, edited and enlarged by T. Northcote Toller. Oxford: OUP, 1898.
- Denison 1993 — D. Denison. English Historical Syntax: Verbal Constructions. London — New York: Longman, 1993.
- DOE — A. Cameron, A. C. Amos, A. diP. Healey (eds.). Dictionary of Old English. (<http://doe.utoronto.ca>)
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Kastovsky 1992 — D. Kastovsky. Semantics and Vocabulary // R. M. Hogg. (ed.). The Cambridge History of the English Language. Vol. I: The Beginnings to 1066. Cambridge: CUP, 1992. P. 290–407.
- Malchukov et al. 2010 — A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie. Ditransitive constructions: A typological overview // A. Malchukov, M. Haspelmath, B. Comrie (eds.). Studies in Ditransitive Constructions: A Comparative Handbook. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 1–64.
- Mukherjee 2005 — J. Mukherjee. English ditransitive verbs. Aspects of theory, description and a usage-based model. Amsterdam: Rodopi, 2005.
- OED 1989 — The Oxford English Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1989.
- SAOB — Svenska Akademiens ordbok. (<http://g3.spraakdata.gu.se/saob>)

Н. М. Заика

ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

ВАРИАТИВНОСТЬ НЕКОТОРЫХ ТРЕХВАЛЕНТНЫХ ГЛАГОЛОВ, СВЯЗАННАЯ С ОПУЩЕНИЕМ ОДНОГО ИЗ АКТАНТОВ, В БАСКСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

В нашем исследовании мы рассмотрим ряд трехвалентных глаголов баскского языка², которые могут употребляться с двумя актантами, и характерную для них вариативность.

Рассматривая трехвалентные глаголы, мы подразумеваем только глаголы с тремя прототипическими партиципантами, осознавая при этом, что у таких глаголов может быть гораздо больше семантических валентностей. Естественным образом, ряд актантов у таких трехвалентных глаголов может быть факультативным, то есть опускаться.

2. Различные стратегии кодирования прямого и косвенного актантов в баскском и романских языках

В баскском, также как и в индоевропейских языках, в частности, в находящихсся с ним в контакте испанском и французском, преобладает стратегия кодирования прямого и косвенного актантов, при которой при удалении одного из них форма второго не изменяется, независимо от того, удаляется ли прямой объект или косвенный, ср.:

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ 11-04-00179а «Вариативность аргументной структуры глаголов и классификация глагольной лексики в разноструктурных языках» и грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-3688.2010.6.

² Баскский язык — изолят, на котором говорят на северо-востоке Испании и юго-западе Франции. Это морфологически эргативный, полиперсональный язык, в котором личный глагол согласуется с абсолютной, эргативной и, как правило, дативной именными группами.

- французский глагол *lire* ‘читать’
- (1) *Je le lui lis* ‘Я ему (ей) это (его, ее) читаю’³.
- (2) *Je lui lis* ‘Я ему (ей) читаю’.
- (3) *Je le lis* ‘Я это (его, ее) читаю’⁴;
- баскский глагол *irakurri* ‘читать’
- (4) *Liburu-a aita-ri irakur-tzen*
 книга-SG[ABS] отец[SG]-DAT читать-IPFV
d-i-o.
 ABS.3.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT.3SG[ERG.3SG]
 ‘Он читает книгу отцу’.
- (5) *Aita-ri irakur-tzen*
 отец[SG]-DAT читать-IPFV
d-i-o.
 ABS.3.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT.3SG[ERG.3SG]
 ‘Он читает отцу’.
- (6) *Liburu-a irakur-tzen d-u.*
 книга-SG[ABS] читать-IPFV ABS3.PRS[ABS.SG]-ERG/ABS[ERG3SG]
 ‘Он читает книгу’.

Однако в маргинальных случаях, как в баскском, так и в контактирующих с ним романских языках, возможна и другая стратегия кодирования актантов: в случае опущения прямого объекта оставшаяся бенефактивная именная группа будет стоять не в дативе, как в вышеуказанных примерах (*aitari, lui*), а в падеже прямого объекта — абсолютиве (в баскском) или аккузативе (в романских языках)⁵.

³ Все примеры, источник которых не указан, порождены информантами либо сконструированы и проверены на информантах.

⁴ Если вместо дативной клитики мы рассмотрим косвенное дополнение с предлогом *à* (например, *à mon père* ‘моему отцу’), ситуация не изменится: косвенный объект будет одинаково выражаться как в конструкции с тремя актантами, так и с двумя.

⁵ Применительно к романским языкам мы употребляем термины «датив» и «аккузатив» в традиционном понимании. Во французском и испанском языках прямому объекту соответствует беспредложное дополнение у существительных и ряд местоименных клитик, традиционно называемых аккузативными, а косвенному — дополнение-существительное с предлогом *à* (*a*) и клитики, традиционно называемые дативными.

Так, во французском языке существует несколько трехвалентных глаголов, бенефактив которых оформляется как прямое дополнение при опущении пациенса, ср. [Huffman 1996: 21]:

- (7) *Je paye son salaire à Jean.* ‘Я плачу Жану его зарплату’.
 (8) *Je le paye.* ‘Я ее плачу’. [*le = salaire* ‘зарплата’]
 (9) *Je le paye.* ‘Я ему плачу’. [*le = à Jean* ‘Жану’]⁶

Аналогичными синтаксическими свойствами во французском языке обладают такие глаголы, как *conseiller* ‘советовать’, *enseigner* ‘преподавать’, *fournir* ‘снабжать’, *inspirer* ‘вдохновлять, внушать’, *garantir* ‘гарантировать, давать гарантии’, *persuader* ‘убеждать’, *rembourser* ‘возмещать’, *servir* ‘подавать, обслуживать’, *voler* ‘воровать, обкрадывать’ [Huffman 1996: 194; Seelbach 1986: 144; Gardies 1975: 120]. К данной группе глаголов примыкает глагол *pardonner* ‘прощать’. В литературном языке он управляет дативным бенефициатом, однако в разговорной речи может также управлять аккузативным [Нугор 1979: 145]: не случайна пассивная формула *vous êtes pardonnés* ‘вы прощены’ (в норме пассив во французском образуется только от прямопереходных глаголов).

Для французского языка полный список таких глаголов собрать достаточно трудно. Частичный список таких лексем встречается у нескольких авторов (нам встретился у трех), но ни одного из них он не является полным. Часто исследователи и не претендуют на полноту, несмотря на то, что эти глаголы, с одной стороны, обладают ярко выраженными синтаксическими свойствами, отличающими их от остальных трехвалентных глаголов, и, с другой стороны, их количество очень ограничено (очевидно, если и существует больше десятка лексем, то ненамного).

В испанском языке класс глаголов с такими грамматическими свойствами представлен лексемами *pagar* ‘платить’, *robar* ‘воровать, обворовывать’, *aplaudir* ‘аплодировать’, *silbar* ‘свистеть, освистывать’ — в Латинской Америке [Fernández-Ordóñez 1999: 1329].

- (10) *Cuando el actor terminó, todos le (DAT) aplaudieron su actuación.*
 ‘Когда актер закончил, все зааплодировали его игре’.

⁶ Ср. примеры из русского языка: *Я прощаю Васю. Я прощаю ошибки. Я прощаю Васе ошибки.*

- (11) *Cuando el actor terminó, todos le (DAT) aplaudieron.*
'Когда актер закончил, все ему зааплодировали'.
- (12) *Aquel espectáculo lo (ACC) aplaudieron a rabiar.*
'Этому спектаклю бурно аплодировали'.
- (13) *Aquel actor lo (ACC) aplaudieron.*
'Этому актеру аплодировали'.

Мы попытались составить список с аналогичными свойствами для баскского языка (в качестве критерия отбора мы выбрали потенциальную возможность, но не обязательность вариативного управления, ср. примеры (11) и (13)). Очевидно, что и для баскского языка глаголы такого класса являются маргинальным явлением. Но если другие маргинальные явления, связанные с глагольной валентностью и согласованием, описаны в грамматиках языка (ср. трехперсональные глаголы с двумя актантами, дативным и эргативным [de Rijk 2008: 358–359]), то систематического описания глаголов такого рода в ряде наиболее значительных грамматик баскского языка, к которым мы обратились, нам обнаружить не удалось. Встречаются лишь отдельные описания некоторых из них. Так о глаголе *eskertu* 'благодарить' вкратце упоминает Р. де Рейк, описывая особенности его управления [de Rijk 2008: 359].

Набор глаголов, входящих в данную группу во французском, испанском и баскском отчасти совпадает. В баскском языке изменять валентность в зависимости от количества актантов могут глаголы *aholkatu* 'советовать', *barkatu* 'прощать', *entzun* 'слушать', *eskertu* 'благодарить', *ulertu* 'понимать', *zerbitzatu* 'обслуживать'.

Во французском языке прямое и косвенное дополнение бенефактива находятся в отношении дополнительной дистрибуции (при трех актантах — косвенное, при двух — прямое). В испанском предложении при наличии единственного одушевленного объекта при вышеуказанных глаголах может использоваться как дативная, так и аккузативная клитика. В баскском языке при двух актантах (агенсе и бенефактиве) в данной группе глаголов возможно использование обеих конструкций: как эргативно-абсолютивной, так и трехперсональной.

Приведем ряд примеров:

- (14) *Nire lagun-a*
 мой друг-SG[ABS]
entzu-n d-u-t.
 слушать-PFV ABS.3.PRS[ABS.SG]-ERG/ABS-ERG.1SG
 ‘Я выслушал своего друга’.
- (15) *Hori entzu-n d-u-t.*
 это.ABS слушать-PFV ABS.3.PRS[ABS.SG]-ERG/ABS-ERG.1SG
 ‘Я это выслушал’.
- (16) *Entzu-n d-i-zu-t, bada.*
 слушать-PFV ABS.3.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT.2SG-ERG.1SG тогда
 {Я хотел бы с Вами спокойно поговорить.} — Ну, я Вас
 слушаю’. (Mujika 2001: 136).
- (17) *Txiste ber-ak*
 шутка тот.же-PL[ABS]
entzu-n n-i-zki-zu-n.
 слышать-PFV ERG.1SG-3PERS-ABS.PL-DAT.2SG-PST
 ‘Я слышал, как ты рассказывал те же шутки’. (Mujika 2004: 126)
- (18) *Egile-a ber-a esker-tu*
 автор-SG[ABS] сам-SG[ABS] благодарить-PFV
d-u-te.
 ABS.3.PRS[ABS.SG]-ERG/ABS-ERG.3PL
 ‘Они поблагодарили самого автора’.
- (19) *Egile-a-ri ber-a-ri esker-tu*
 автор-SG-DAT сам-SG-DAT благодарить-PFV
d-i-o-te.
 ABS.3.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT.3SG-ERG.3PL
 ‘Они поблагодарили самого автора’.
- (20) *Egi-n-da-ko lan-a*
 делать-PFV-PTCP-GENL работа-SG[ABS]
esker-tu d-i-o
 благодарить-PFV ABS.3.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT.3SG[ERG.3SG]
klub-a-k Espil-i.
 клуб-SG-ERG Эспиль-DAT
 ‘Клуб поблагодарил Эспиля за проделанную работу’.
 (Berria 16.11.06)

Употребление абсолютного бенефактива при глаголе *bar-katu* не является нормативным, ср. [Zubiri, Zubiri 2000: 518] (авторы рассматривают его как трехвалентный глагол, у которого один из актантов может быть опущен «прощают всегда что-то»), однако встречается в письменных текстах разных периодов, ср. пример (21) и примеры с дативным бенефактивом (22)–(23):

(21) *Barka na-za-zu beaz nere*
 извинить ABS.1SG-IMP.ERG/ABS-ERG.2SG итак мой
irakurtzaille anaia maite-a.
 читатель брат любить-SG[ABS]
 ‘Итак, извини меня, мой любезный брат читатель’. (klasikoak)

(22) *Zergatik behar d-i-o-gu-n*
 почему надо ABS.3.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT.3SG-ERG.1PL-INT
geure etsai-a-ri barkha-tu eta amorio
 наш враг-SG-DAT прощать-PFV и любовь[INDF]
eduki; lehenbiziko arrazoïñ-a.
 иметь[PFV] первый причина-SG[ABS]
 ‘Первая причина того, почему мы должны прощать и любить своего врага’. (kl.: Axular 1643)

(23) *Hori ez d-i-o-t*
 это[SG.ABS] не ABS.3.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT.3SG-ERG.1SG
inoiz barka-tu-ko.
 никогда простить-PFV-FUT
 ‘Я ему этого никогда не прошу’. [Zubiri, Zubiri 2000: 518]

3. Объяснения различных стратегий кодирования

Наиболее подробные объяснения получили глаголы с рассматриваемыми синтаксическими особенностями на материале французского языка.

Ж.-Л. Гарди, цитирующий пять лексем (*enseigner, payer, persuader, servir, voler*), описывает их как глаголы, которые допускают два вида прямых дополнений, чего никогда не происходит одновременно. Исследователь приводит следующее объяснение. Второй аргумент в норме занимает место прямого объекта, однако при появлении трех аргументов возможны два типа конструкций: либо, как в латыни, где каждый из аргументов сохраняет свое

управление (*doceo pueros* ACC ‘учу мальчиков’, *doceo grammaticam* ACC ‘учу грамматике’, *doceo pueros* ACC *grammaticam* ACC ‘учу мальчиков грамматике’), причем в этом случае роль каждого из аргументов определяется смыслом, а не грамматикой, либо, как во французском, когда конструкция меняется для того, чтобы обеспечить грамматическое выражение роли каждого аргумента, не основываясь на смысле, и таким образом отличить одно дополнение от другого [Gardies 1975: 120]. Однако из вышеприведенного рассуждения остается непонятным, почему глаголы французского языка распределяются по двум классам, один из которых численно значительно превышает другой.

Зельбах, приводя список из четырех глаголов (*payer, voler, servir, conseiller*) описывает лишь особенности их аргументной структуры в разных конструкциях, не приводя при этом никакого объяснения [Seelbach 1986: 144].

Хуффман в своем исследовании приводит список из семи глаголов (*conseiller, enseigner, inspirer, payer, rembourser, fournir, garantir*), замечая, что этот список необязательно полный. Очевидно, невозможность приведения полного списка в книге, посвященной разнице между прямым и косвенным дополнением во французском языке, объясняется исключительно тем, что автору не удалось его обнаружить. Исследователь связывает рассматриваемую особенность управления с лексическим значением. Глаголам данного типа свойственно отсутствие высокой степени взаимодействия⁷, которое характерно для обычных трехперсональных глаголов. По мнению исследователя, актанта, обладающий меньшей степенью контроля здесь менее вовлечен в действие, чем в глаголах, использующий стандартную модель управления. Более высокая степень взаимодействия продвигает второй одушевленный актанта на более высокую позицию на шкале активности (косвенный объект стоит на ней выше прямого) [Huffman 1996: 194–195]. Однако остается непонятным, почему в языке глаголы рассматриваемого типа являются маргинальным явлением. Кроме того, ряд глаголов с достаточно низкой степенью взаимодействия, например, «читать», не обладают синтаксическими свойствами рассматриваемой маргинальной группы.

---

⁷ «the absence of high degree of interaction».

Для испанского языка Фернандес-Ордоньес замечает, что при употреблении аккузатива вместо датива увеличивается степень транзитивности глагола и меняется его значение [Fernández-Ordóñez 1999: 1329], при этом исследователь не комментирует, как именно.

Естественным образом встает вопрос о том, являются ли глаголы с разными моделями управления одной лексемой. В словарях они часто рассматриваются как два отдельных значения в рамках одной словарной статьи, хотя основания для этого имеются не всегда. Интересно заметить, что синонимичные им глаголы, которые являются менее частотными, иногда обладают лишь одной из двух моделей управления в конструкции с двумя именными группами.

Приведем примеры фрагментов словарных статей.

«Conseiller. 1. Conseiller qqch à qqn: lui indiquer (ce qu'il convient de faire ou de ne pas faire)⁸. 2. Guider (qqn) en lui indiquant ce qu'il doit faire»⁹ [Rey, Rey-Debove (eds.). 2009: 513].

«2 Voler [в отличие от 'летать' — *H. 3.*]. I. VOLER QQCH. Prendre (ce qui appartient à qqn), contre le gré où à l'insu de qqn¹⁰. II. VOLER QQN. Dépouiller (qqn) de son bien, de sa propriété»¹¹ [Rey, Rey-Debove (eds.). 2009: 2737].

Как видно из определений, разница в значении практически незаметна и, вероятно определяется особенностями глагольного управления.

Рассмотрев словарное представление этих глаголов, а также глаголов *payer* 'платить', *servir* 'служить', *rembourser* 'возмещать' [Rey, Rey-Debove (eds.). 2009: 1836, 2180, 2362], можно заметить, что формы, требующие разного управления, как правило, описываются как подзначения в рамках одной лексемы, при этом они систематически разводятся.

Разные значения глагола *servir* анализирует в своей работе Хуффман [Huffman 1996: 274–275]:

---

⁸ Советовать кому-л. что-л.: указывать ему (что ему следует или не следует делать).

⁹ Руководить кем-л., указывая ему, что он должен делать.

¹⁰ Взять (то, что принадлежит кому-л. против желания кого-л. либо в тайне от кого-л.)

¹¹ Лишать кого-л. его имущества, его собственности.

(24) *La serveuse le sert.* ‘Официантка его обслуживает’.

(25) *La serveuse lui sert.* ‘Официантка ему полезна’.

По мнению Хуффмана, нет оснований для выделения разных значений глагола *servir*, исходя из количества актантов, поскольку тогда придется постулировать по два разных значения для глагола *écrire* ‘писать’ и *payer* ‘платить’, что кажется исследователю нерациональным [ibid.: 275].

Был ли изначально характерен для баскского языка абсолют в бенефактивной функции? Вероятно, для рассматриваемых глаголов первичной была конструкция с дативом при двух именных группах (агенсе и бенефактиве), возникшая в результате опущения прямого объекта в трехперсональной конструкции. Так, второй вариант с дативным показателем из примера (26), вероятно, возник из трехперсональной трехвалентной конструкции типа *Ez dizut hori ulertzen* ‘Я это (то, что Вы говорите) не понимаю’.

(26) *Ez zait-u-t* /
 не ABS.2SG.PRS-ERG/ABS-ERG.1SG
d-i-zu-t *uler-tzen.*
 ABS.3.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT.2SG-ERG.1SG понимать-IPFV
 ‘Я Вас не понимаю’.

Несмотря на то, что некоторые исследователи связывают распределение двухперсонального и трехперсонального типа спряжения со значением глагола *ulertu* (ср. *ulertzen zaitut* ‘я понимаю Вас как человека’ и *ulertzen dizut* ‘я понимаю, что Вы говорите’ [Zubiri, Zubiri 2000: 522]), ряд носителей языка отвергает такую интерпретацию, ср. также пример:

(27) *Eta zailtasun-ik gabe elkar uler-tzen*
 и трудность-PART без REFL[ABS] понимать-IPFV
z-u-te-n
 ERG.3SG.PST[ABS.SG]-ERG/ABS-ERG.3PL-PST
Kornubitar-r-e-k eta Breton-e-k.
 корнуоллец-PL-ERG и бретонец-PL-ERG.
 ‘И без трудностей понимали друг друга жители Корнуолла и бретонцы’. (klasikoak)

4. Другие примеры конкуренции датива и абсолютива/аккузатива

Продвижение дативного актанта в более высокую позицию на шкале синтаксической иерархии характерно для многих индоевропейских языков.

В романских языках, находящихся в контакте с баскским, действовала тенденция перехода глаголов, управляющих именной группой с предлогом *à* (*a*) или дативной клитикой, в прямопереходные глаголы. Так, во французском классическом языке XVII века, глаголы *aider* ‘помогать’, *empêcher* ‘мешать, препятствовать’, *toucher* ‘трогать’ *prier* ‘молиться, умолять’, употреблялись с предлогом *à*, тогда как сейчас употребляются с беспредложным объектом [Orpustan 1997: 141]. Та же тенденция имела место и в испанском языке, в котором ряд глаголов, управляющих дативом в средневековый период, постепенно приобрел аккузативное управление (ср. примеры *ayudar* ‘помогать’, *aconsejar* ‘советовать’, *avisar* ‘извещать’, *enseñar* ‘преподавать’, *obedecer* ‘слушаться’, *reñir* ‘ругать’, *temer* ‘бояться’ и ряд других в [Fernández-Ordóñez 1999: 1330]). Тенденция перехода от дативного к абсолютивному объекту существовала и в баскском языке на протяжении его письменного периода.

Конкуренция датива и аккузатива в романских языках, а также датива и абсолютива в баскском языке — явление, которое проявляется не только в исследуемой группе глаголов. Она не характерна для прототипических конструкций с прямым объектом (глаголы типа ‘ломать’). Однако она встречается как в романских, так и в баскском языке в следующих конструкциях.

1. Каузативные конструкции, ср. примеры:

- (28) *Aita-k*   *ume-a-ri*   *ibili*   *eraz-i*
отец[SG]-ERG   ребенок-SG-DAT   ходить-PFV   CAUS-PFV
d-i-o.
ABS.3.PRS-3PERS[ABS.SG]-DAT.3SG[ERG.3SG]
‘Отец заставил ребенка ходить’. [Mejías-Bikandi 1991: 474]
- (29) *Aita-k*   *ume-a*   *ibilaraz-i*
отец[SG]-ERG   ребенок-SG[ABS]   ходить-CAUS-PFV
d-u.
ABS.3.PRS[ABS.SG]-ERG/ABS[ERG.3SG]
‘Отец заставил ребенка ходить’.

2. Конструкции с дифференцированным маркированием объекта. В испанском языке и некоторых диалектах баскского одушевленный прямой объект двухперсональных глаголов маркируется так же, как косвенный.

3. Группа двухвалентных глаголов, у которых второй актант может выражаться либо дативом, либо абсолютивом, в зависимости от диалекта, а иногда и в одном диалекте (*deitu* ‘звать, звонить’, *begiratu* ‘смотреть’, *itxaron* ‘ждать’, *lagundu* ‘помогать’ и другие).

5. Выводы

Итак, как нам представляется, причиной вариативности рассматриваемой группы глаголов в баскском языке являются две противоречивые тенденции: с одной стороны, прототипическое выражение бенефактива дативом, который более характерен для него не только в баскском, но и в других языках мира, и, с другой стороны, продуктивность эргативно-абсолютивного спряжения по сравнению с другими типами. Наличие в баскском и в романских языках групп предикатов с аналогичными синтаксическими свойствами может быть объяснено как типологическим сходством, так и взаимным влиянием языков.

Вариативность в рассматриваемой группе глаголов баскского языка более сходна с вариативностью в испанском, чем во французском. Вероятно, большая вариативность в баскском языке по сравнению с французским объясняется его меньшей нормированностью.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; 3PERS — трехперсональный тип спряжения; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; CAUS — каузатив; DAT — датив; ERG — эргатив; ERG/ABS — эргативно-абсолютивный тип спряжения; FUT — будущее время; GENL — генитив места; IMP — императив; INDF — неопределенная форма; INT — показатель косвенного вопроса; IPFV — имперфективная форма; PART — партитив; PFV — перфективная форма; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

Fernández-Ordóñez I. Leísmo, laísmo y loísmo // I. Bosque, V. Demonte (dirs.). Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. I. Madrid: Espasa Calpe, 1999. P. 1317–1397.

- Gardies J.-L. Esquisse d'une grammaire pure. Paris: J. Vrin, 1975.
- Huffman A. The Categories of Grammar. French *lui* and *le* [Studies in Language Companion Series 30]. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1996.
- Mejías-Bikandi 1991 — E. Mejías-Bikandi. Case marking in Basque // Anuario del seminario de filología vasca "Julio de Urquijo" XXV, 2, 1991. P. 469–486.
- Nyrop 1979 — K. Nyrop. Grammaire historique de la langue française. Genève: Slatkine Reprints, 1979.
- Orpustan 1997 — J.-B. Orpustan. Basque et Français. Méthode abrégée de traduction. Navarro-Labourdin classique. St.-Étienne-de-Baïgorri: Izpegi, 1997.
- Rey, Rey-Debove (eds.). 2009 — A. Rey, J. Rey-Debove (eds.). Le nouveau Petit Robert de la langue française. Paris: Editions Robert, 2009.
- de Rijk 2008 — R. P. G. de Rijk. Standard Basque: A Progressive Grammar. Cambridge, MA — London: MIT Press, 2008.
- Seelbach 1986 — D. Seelbach. A propos d'un à-datif en français // S. Rémi-Giraud, M. Le Guern (eds.). Sur le verbe. Lyon: Presses Universitaires, 1986. P. 133–167.
- Zubiri, Zubiri 2000 — I. Zubiri, E. Zubiri. Euskal gramatika osoa. Bilbo: Didaktiker, 2000.

Источники примеров

- Berria — www.berria.info.
- klasikoak — <http://klasikoak.armiarma.com>.
- Mujika J. A. Bakarka 3. Método de aprendizaje individual del euskera. Donostia: Elkar, 2001.
- Mujika J. A. Bakarka 4. Método de aprendizaje individual del euskera. Donostia: Elkar, 2004.

С. Б. Клименко

UPDil, Кесон-Сити

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРАНЗИТИВНОСТИ В ТАГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Введение

В настоящей статье обсуждается проблема определения транзитивного (и, соответственно, интранзитивного) глагола в тагальском языке. Проблема эта тесно связана с вопросом о том, к языкам какого строя относится тагалог — номинативно-аккузативного, абсолютивно-эргативного или симметричного. Однако основная задача, которая ставится в приведенных ниже рассуждениях, состоит не в том, чтобы установить наличие и идентифицировать основную переходную конструкцию в тагальском языке на основании признаков, которыми, как правило, обладают такие конструкции в типичных номинативно-аккузативных и абсолютивно-эргативных языках, а в том, чтобы показать, что принятие подходов к толкованию транзитивности, которые обычно применяются к тагальскому языку, не имеет под собой достаточных оснований или не приводит к адекватному описанию тагальского синтаксиса.

---

¹ Приношу благодарность М. В. Станюкович, в результате усилий которой группа студентов отделения тагальской филологии Восточного факультета СПбГУ в числе которых был и я, смогла пройти стажировку в сентябре 2007 — мае 2008 гг. в Университете Филиппин, в ходе которой была собрана значительная часть материалов, использованных для написания настоящей работы; моему научному руководителю Г. Е. Рачкову за его неоценимые советы и наставления; А. К. Оглоблину за комментарии и отзыв о моей выпускной работе бакалавра; Стефену Квакенбушу за доступ в библиотеку Летнего Института Лингвистики в Маниле; Лоуренсу Риду, Рести Сенье, Видее де Гусман и Розарио Дель Розарио за помощь, оказанную в сборе материалов; а также Рести Сенье, Анне Абседе и Ауриин Абседе за помощь в анализе языковых примеров и ответы на мои многочисленные вопросы. За все ошибки, недочеты и другие недостатки, имеющиеся в настоящей работе, ответственность лежит только на мне.

В статье рассматриваются семантический подход к определению транзитивности в тагалоге, согласно которому транзитивным является глагол, имеющий в своей семантической структуре участник определенного типа, и морфо-синтаксический подход, при котором ядерные и периферийные члены транзитивных и интранзитивных конструкций, устанавливаемые на основании их морфо-синтаксических свойств, определяются дихотомически; после обсуждения недостатков указанных подходов высказано предположение о том, что более подходящим для тагальского языка является подход, согласно которому различие между этими членами является градационным, в результате чего конструкции могут быть классифицированы как более/менее транзитивные/интранзитивные. Последний используется в работах [Arka 2005] и [Shibatani 2005] для установления ядерных и периферийных участников глагольного окружения в некоторых языках Индонезии и филиппинском языке себуано соответственно.

1. Залоговая система тагальского языка

В тагальской залоговой системе выделяют, как правило, шесть залоговых конструкций², различающихся по тому, какой участник ситуации занимает позицию подлежащего. Число и тип образуемых залоговых конструкций в случае каждой конкретной глагольной основы различаются. Кроме того в тагальском языке отсутствует прямое соответствие между формой залогового аффикса и его значением, то есть той залоговой конструкцией, экспонентом которой он является: одному глагольному аффиксу может соответствовать одно из нескольких залоговых значений и с другой стороны одно залоговое значение может быть выражено разными аффиксами в зависимости от глагольной основы. Следующие примеры являются иллюстрацией залоговой системы тагальского языка (глаголы и подлежащие выделены жирным шрифтом)³:

---

² Это, однако, не является общепринятой точкой зрения. Некоторые авторы выделяют другое число залогов, которое может отличаться как в большую, так и в меньшую сторону.

³ Морфология тагальского глагола достаточно сложна. Помимо упомянутого выше неоднозначного соответствия между заголовыми аффиксами и значениями, трудности для глоссирования связаны с широким употреблением и нетривиальными комбинациями таких операций, как

Субъектный залог:

- (1) *Bumili ka ng mga libro.*
INF.AV.покупать 2SG.ANG NG PL книга
'Купи книги'. (букв.: 'Купи ты книги'.) [III: 200]

Пациенсный залог:

- (2) *Bilhin mo ang mga libro.*
INF.PV.покупать 2SG.NG ANG PL книга
'Купи книги.' (букв.: 'Купи ты книги'.) [III: 200]

Адресатный залог:

- (3) *Bilhan mo siya ng sigarilyo.*
INF.DV.покупать 2SG.NG 3SG.ANG NG сигареты
'Купи у него сигарет'. (букв.: 'Купи ты (у) него сигарет'.)
[III: 200]

Бенефактивный залог:

- (4) *Ibibili ko ng baro*
CONT.BV.покупать 1SG.NG NG рубашка
ang beybi ko.
ANG ребенок 1SG.NG
'Я куплю рубашку своему ребенку'. [VII: 131]

Инструментальный:

- (5) *At 'yong sobra-ng diyos,*
и ANG лишний-LK десять
ibili na lang
INF.IV.покупать уже только
natin ng sigarilyo.
1PL.INCL.NG NG сигареты
'А (на) лишнюю десятку давай купим сигарет'. [VII: 91]

инфиксация и редупликация, а также рядом других факторов. Поскольку настоящая статья посвящена синтаксической и семантической проблематике, мы сочли возможным абстрагироваться от тонкостей морфологического анализа, объяснение которых потребовало бы немало места. Здесь и далее глагольные формы в примерах приведены без разбивки на морфемы, несмотря на то, что границы между морфемами в них являются довольно прозрачными.

Субъектный залог:

- (6) *Matutuwa*   *na*   *si*   *Sinta*   *sa*
 CONT.AV.радоваться   уже   PERS.SG.ANG   Синта   SA
halaga-ng   *iyon*.
 цена-LK   DEM.ANG
 ‘Синта обрадуется уже этой цене’. [IV: 67]

Каузальный залог:

- (7) <...> *ikakatuwa*   *iyon*   *ni*   *Itay* <...>
 CONT.CV.радоваться   DEM.ANG   PERS.SG.NG   папа
 ‘<...> папа этому обрадуется’. [VIII: 82]

Необходимо сказать, что описанная здесь схема не исчерпывает всех соответствий глагольных аффиксов и выражаемых ими залоговых значений, существующих в тагальском языке. Однако приведенного описания достаточно для получения общего представления о функционировании системы тагальского залога.

Синтаксические функции, в качестве которых выступают существительные или номинализованные глаголы и прилагательные, в тагальском предложении оформляются аналитическими падежными показателями. Существует две системы таких показателей — для личных имен и для неличных имен, в системе личных показателей существует также различие по числу:

Таблица 1. Система падежных показателей

неличные ПП	личные ПП		функции
	ед. число	мн. число	
<i>ang</i>	<i>si</i>	<i>sina</i>	подлежащее
<i>ng</i>	<i>ni</i>	<i>nina</i>	агенса, пациенс, посессор, инструмент, адресат
<i>sa</i>	<i>kay</i>	<i>kina</i>	пациенс, адресат, локатив, инструмент, причина, время

Для удобства изложения в дальнейшем все падежные показатели, соответствующие неличному показателю *ang*, мы будем называть «показатель группы *ang*» и т. д. (соответственно, «показатель группы *ng*» и «показатель группы *sa*»). Показателями группы *ang* в предложении оформляется подлежащее. То, какая семантическая роль выступает в функции подлежащего, в глагольных

предложениях определяется залоговой конструкцией. Показатели групп *ng* и *sa* обозначают роли каждый из определенного набора. То, показатель какой группы используется для обозначения роли, входящей в оба набора (например, пациент), определяется, как правило (но не всегда, так как существуют особые случаи, обсуждение которых, однако, не входит в задачи настоящей работы), управлением каждого индивидуального глагола.

Синтаксическая функция местоимений обозначается их формой. Все личные местоимения группы *ng* имеют две формы — препозитивную и постпозитивную.

Таблица 2. Личные местоимения единственного числа

1-ое лицо	2-ое лицо	3-е лицо	функции
<i>ko</i>	<i>ikaw/ka</i>	<i>siya</i>	группа <i>ang</i>
<i>akin/ko</i>	<i>iyol/mo</i>	<i>kaniya/niya</i>	группа <i>ng</i>
<i>sa akin</i>	<i>sa iyo</i>	<i>sa kaniya</i>	группа <i>sa</i>

Подсистема личных местоимений множественного числа осложнена разделением местоимений первого лица на эксклюзивные и инклюзивные:

Таблица 3. Личные местоимения множественного числа

1-ое лицо		2-ое лицо	3-е лицо	функции
эксклюзив	инклюзив			
<i>kami</i>	<i>tayo</i>	<i>kayo</i>	<i>siya</i>	группа <i>ang</i>
<i>amin/namin</i>	<i>atin/natin</i>	<i>inyo/ninyo</i>	<i>kanila/nila</i>	группа <i>ng</i>
<i>sa amin</i>	<i>sa atin</i>	<i>sa inyo</i>	<i>sa kanila</i>	группа <i>sa</i>

В системе указательных местоимений различаются три категории по степени близости или удаленности от участников речевого акта:

Таблица 4. Указательные местоимения

близко к говорящему	близко к слушающему	далеко от разговаривающих	функции
<i>ito</i>	<i>iyon</i>	<i>iyon</i>	группа <i>ang</i>
<i>nito</i>	<i>niyan</i>	<i>niyon</i>	группа <i>ng</i>
<i>dito/rito</i>	<i>diyan/riyan</i>	<i>doon/roon</i>	группа <i>sa</i>

2. Семантический подход

Один из возможных подходов к толкованию категории транзитивности в филиппинских языках предполагает, что транзитивный глагол имеет в своем семантическом окружении роль пациенса. Эта точка зрения представлена, например, в работах [Reid 1967] и [Шкарбан 1995]⁴.

Данный подход, однако, вызывает закономерный вопрос о том, какие основания существуют для придания пациенсу особого статуса. Каковы характеристики данного семантического участника, заставляющие нас выделять его из числа других участников таким образом, что транзитивность/интранзитивность глагола зависит от его наличия/отсутствия?

Если подойти к анализу семантических ролей с точки зрения такого свойства, как, например, способность участвовать в залоговых преобразованиях, то по своему поведению актанты со значением пациенса принципиально никак не противопоставляются другим актантам, входящим в обязательное окружение глагола: все они во множестве случаев могут участвовать в залоговых преобразованиях, становясь подлежащим конструкции при глаголе соответствующей залоговой формы:

- (8) *Narinig ko na*
 PERF.PV.слышать 1SG.NG уже
'yon pero di pa
 DEM.ANG но NEG еще
'ko napupunta ro'n
 1SG.ANG IMPF.AV.ходить DEM.SA
 'Я слышал об этом, но еще не ходил туда'. [VII: 118]

- (9) *Pinuntahan niya ang koronel <...>*
 PERF.DV.ходить 3SG.NG ANG полковник
 'Он пришел к полковнику'. [II: 209]

В конструкции (8) использован субъектный глагол *mapunta* 'ходить', в окружение которого входят два участника: субъект *ako* 'я' и адресат *roon* 'там, туда'. Соответствующий ему глагол

⁴ Л. И. Шкарбан вместо термина «пациенс» использует термин «прямой объект» [Шкарбан 1995: 134], тогда как Л. Рид в том же значении использует термин «goal» [Reid 1967: 16].

puntahan 'ходить' адресатного залога в (9) описывает ту же ситуацию с двумя участниками — субъектом *niya* 'он' и адресатом *koronel* 'полковник', — однако подлежащим при данном глаголе является адресат.

Трудность, которая возникает с этим подходом, помимо вопроса об обоснованности придания пациенсу особого статуса, заключается в том, что мы вынуждены рассматривать глаголы, способные участвовать в залоговых преобразованиях, такие как в (8) и (9), как непереходные, если они не имеют в своем окружении указанной семантической роли.

3. Морфосинтаксический подход

Другой подход к определению транзитивности основывается на представлении о различии ядерных (*core*) и периферийных (*peripheral*) участников глагольного окружения. Этот подход представлен, например, в монографии [Dixon 1994], в которой вводятся следующие единицы описания языка: S (ядерный участник окружения интранзитивного глагола), A (субъект транзитивного глагола), O (объект транзитивного глагола) и E (ядерный участник окружения глагола в «распространенных» (*extended*) интранзитивных и транзитивных конструкциях) [Dixon 1994: 6–8, 122–123]. Данные единицы принадлежат не только семантическому уровню (о чем можно было бы сделать вывод, исходя из использования автором таких терминов, как «субъект» и «объект»): все они определяются на основании семантических и, что более важно, морфологических и синтаксических свойств, являющихся характерными для них в данном языке. Транзитивный глагол в рамках этого подхода имеет в своем окружении двух ядерных участников — A и O, а интранзитивный глагол — ядерного участника S. Наличие или отсутствие в глагольном окружении ядерного участника E на транзитивность глагола не влияет. Таким образом, конструкция с двумя ядерными участниками может быть как транзитивной, так и интранзитивной в зависимости от того, какая из единиц представлена в конструкции — O или E.

При таком подходе для установления транзитивного глагола в тагальском языке необходимо определить, какие участники глагольного окружения представляют собой упомянутые единицы S, A, O и E.

3.1. Номинативно-аккузативный подход

Существуют два синтаксических члена тагальского предложения, которые способны представлять единицу А. Одним из них является подлежащее конструкции субъектного залога, которое оформляется падежным показателем группы *ang*. Признание данного синтаксического участника ядерным членом А предполагает, что транзитивными в тагальском языке могут являться только конструкции субъектного залога, поскольку только в них субъект действия употребляется в падеже, оформляемом показателями группы *ang*. Это в свою очередь означает признание тагалога языком номинативно-аккузативного строя, так как единственным возможным претендентом на то, чтобы быть основной интранзитивной конструкцией (то есть не интранзитивной конструкцией, производной от исходной транзитивной конструкции, что мы имеем, например, в случае с пассивом), является также субъектная конструкция. Соответственно, конструкция субъектного залога признается активной, тогда как конструкции всех несубъектных залогов — пассивными, поскольку семантический субъект последних занимает синтаксическую позицию пониженного статуса — агентивного дополнения, оформляемого показателем группы *ng*. Из работ, опубликованных недавно, номинативно-аккузативный подход представлен, например, в [Hirano 2006].

Проблемы с номинативно-аккузативным подходом возникают, когда мы пытаемся установить, что собой представляет в субъектных конструкциях ядерный участник О.

Самый простой путь, по которому можно следовать при решении этого вопроса, заключается в том, чтобы осуществлять выбор между двумя типами дополнений, которые различаются используемыми падежными показателями, — дополнениями с показателями группы *ng* и дополнениями с показателями группы *sa*.

В качестве свидетельства того, что дополнения с показателем группы *ng* являются в противоположность дополнениям с показателем группы *sa* ядерными участниками, могли бы быть использованы данные теста, который в работах [Kroeger 1993] и [Foley 1998] используется для доказательства того, что в субъектных конструкциях дополнения со значением пациенса, оформляемые показателем группы *ng*, являются ядерными участниками.

По утверждению У. Фоли и П. Крегера, неядерные участники глагольного окружения в тагальском языке могут перемещаться

в препозицию к глаголу, повышая тем самым свой коммуникативный статус:

- (10) *Sa tindahan bibilhin ng lalake ang isda.*
 OBL магазин IRR.покупать ERG мужчина ABS рыба
 ‘В магазине человек купит рыбу’. (интонационное ударение на группе ‘в магазине’) [Foley 1998: 15]

Однако синтаксический член, оформленный показателем *ng*, будь то дополнение со значением субъекта в конструкции одного из несубъектных залогов, как в (11), или дополнение со значением пациенса в конструкции субъектного залога, как в (12), не может участвовать в подобном перемещении:

- (11) **ng lalake bibilhin sa tindahan ang isda.*
 ERG мужчина IRR.покупать OBL магазин ABS рыба
 Ожид.: ‘Человек рыбу купит в магазине’. [Foley 1998: 15]

- (12) **ng isda bumili sa tindahan ang lalake.*
 ERG рыба покупать OBL магазин ABS мужчина
 Ожид.: ‘Рыбу человек купит в магазине’. [Foley 1998: 15]

Это, по мнению П. Крегера и У. Фоли, указывает на то, что субъект и пациенс, оформленные показателем *ng* в обеих конструкциях, являются ядерными участниками. [Kroeger 1993: 12–13; Foley 1998: 15–16].

Нам, однако, представляется, что различие в поведении двух типов дополнений, о котором свидетельствует этот тест, нельзя использовать в качестве доказательства того, что дополнения с *ng* являются ядерными в противоположность дополнениям с *sa*, которые являются периферийными. Данное утверждение основывается на следующих наблюдениях:

1) Оба типа дополнений могут выражать одни и те же семантические роли и при этом могут участвовать в залоговых преобразованиях:

- (13) *Kaya nang isipin niya-ng humanap*
 поэтому когда INF.PV.думать 3SG.NG-LK INF.AV.искать
ng kapalaran sa daigdig <...>
 NG судьба SA мир
 ‘Поэтому, когда он решил искать судьбу по миру <...>’
 [IV: 28]

- (14) *Gusto ko-ng humalik*
 желаемое 1SG.NG-LK INF.AV.целовать
sa lupa.
 SA земля
 ‘Мне хотелось **поцеловать землю**’. [XV]
- (15) *Kung minsan ay inisip*
 иногда_{1,2} PART PERF.PV.думать
ni Pablo-ng hanapin
 PERS.SG.NG Пабло-LK INF.PV.искать
ang kapalaran niya ⟨...⟩
 ANG судьба 3SG.NG
 ‘Иногда Пабло думал отправиться искать свою судьбу ⟨...⟩’
 [IV: 27]
- (16) ⟨...⟩ *hinagkan nila siya sa leeg*
 PERF.PV.целовать 3PL.NG 3SG.ANG SA шея
bilang pagbati.
 в.качестве приветствие
 ‘⟨...⟩ они поцеловали его в шею в знак приветствия’. [I]
- В примере (13) использован глагол *humanap* ‘искать’ с дополнением со значением пациенса, оформленным показателем *ng*. В примере (14) использован глагол *humalik* ‘целовать’, при котором дополнение со значением пациенса вводится показателем *sa*. И в том, и в другом случае пациенс может быть помещен в позицию подлежащего при глаголе соответствующего залога, как это сделано в примерах (15) и (16). Таким образом, если мы признаем статус участника О за одним из типов дополнений (с показателем *ng* или с показателем *sa*), то мы вынуждены признать также существование залоговых преобразований у интранзитивных глаголов (поскольку партиципаны, выраженные дополнениями с *sa*, также могут зачастую занимать позицию подлежащего при глаголе соответствующего залога).
- 2) Показатель группы *ng* не может вводить дополнение со значением пациенса, выраженное личным существительным. В таких случаях всегда используется падежный показатель группы *sa*:
- (17) *Hindi pa ako nakakita ng aso-ng bungì.*
 NEG еще 1SG.ANG IMPF.AV.видеть NG собака-LK глухой
 ‘Я еще не встречал глухой собаки’. [VIII: 5]

- (18) *Si Frank ang una-ng nakakita*
 PERS.SG.ANG Фрэнк ANG первый-LK IMPF.AV.видеть
kay Julio.
 PERS.SG.SA Хулио
 ‘Фрэнк первым увидел Хулио’. [VII: 81]

Основываясь на предположении о том, что ядерный или периферийный статус дополнений зависит от используемого падежного показателя и исходя из того факта, что пациенское дополнение, выраженное неличным существительным, в (17) должно оформляться показателем *ng*, а пациенское дополнение, выраженное личным существительным, в (18) — показателем *kay* группы *sa*, мы должны были бы сделать вывод о том, что в одном случае глагол *makakita* ‘видеть’ является транзитивным, а в другом тот же глагол является интранзитивным.

3) Подход, при котором при определении участника О во внимание главным образом принимается морфологическое оформление синтаксических членов, встречает также следующую трудность: если мы признаем участником О, например, дополнения с показателем группы *ng*, то мы оказываемся вынужденными признать существование в тагальском языке явления, когда участник О является членом пассивной конструкции:

- (19) *Si Pangulo-ng Aguinaldo <...> ay*
 PERS.SG.ANG президент-LK Агинальдо PART
nagbigay ng ganito-ng payo sa
 PERF.AV.давать NG такой-LK совет SA
ati-ng mga kababayan <...>
 1PL.INCL.NG-LK PL соотечественник
 ‘Президент Агинальдо <...> дал нашим соотечественникам такой совет’. [V: 145]

- (20) *Bibigyan kita ng pera.*
 CONT.DV.давать 1SG.NG.2SG.ANG NG деньги
 ‘Я дам тебе денег’. [II: 59]

В примере (19) использован субъектный глагол *nagbigay* ‘давать’, который имеет при себе дополнение *ganitong payo* ‘такой совет’ со значением пациенса, оформленное показателем *ng*. Однако, как видно из примера (20), ситуация ‘давать’ предполагает

наличие паценсного дополнения и в конструкции адресатного залога. Таким образом, считая дополнения с показателем *ng* участником O, мы вынуждены допустить, что последний может присутствовать в конструкциях несубъектных залогов, то есть пассивных, с точки зрения аккузативного подхода, что приводит к признанию того, что в подобные пассивные конструкции одновременно содержат в себе участников S, O и периферийного субъекта действия, опущенного из позиции A, которую он занимал в субъектной конструкции (активной).

Другим возможным основанием для установления ядерного участника O в субъектных конструкциях может быть такое синтаксическое свойство участников глагольного окружения, как способность участвовать в залоговых преобразованиях, поскольку некоторые дополнения в конструкциях субъектного залога могут становиться подлежащими в конструкциях с глаголом соответствующего несубъектного залога, а другие не могут:

- (21) *Naghihintay ang dalawa na tumila*
 IMPF.AV.ждать ANG двое LK INF.AV.прекращаться
ang ulan sa Lion's Club.
 ANG дождь SA Lion's Club
 'Двое ждали, пока прекратится дождь в Lion's Club'. [XVI]

В конструкции (21) участник, выраженный локативным дополнением *sa Lion's Club* 'в Lion's Club' не способен принимать участие в залоговых преобразованиях в виду того, что глагола локативного залога, образованного от корня *tila* 'прекращение (о дожде)', не существует.

С некоторыми другими корнями, однако, глаголы локативного залога возможны. Например, следующие конструкции с глаголами от корня *tigil* 'прекращение', описывающие ту же ситуацию прекращения дождя, относятся к разным залогам:

- (22) *Ka-pansin~pansin di(n)-ng tumigil* *ang*
 SUP-внимание~SUP также-LK PERF.AV.прекращаться ANG
ulan sa mga dinadaan ng truck.
 дождь SA PL IMPF.LV.проезжать NG грузовик
 'Примечательно также, что дождь прекращался там, где проезжал грузовик'. [X]

- (23) <...> *kahit naiwan ko ang tungkod ko*
 хоть PERF.PV.оставлять 1SG.NG ANG трость 1SG.NG
dun at di kami tinigilan ng
 DEM.SA и NEG 1PL.EXCL.ANG PERF.LV.прекращаться NG
ulan, masaya parin <...>
 дождь веселый еще.также
 ‘<...> хоть я оставил там свою трость и на нас не переставал
 лить дождь, все равно было весело <...>’. (букв.: ‘<...> не пре-
 кращался дождь на нас <...>’) [XIII]

В примере (22) использован субъектный глагол *tumigil*, при котором имеется локативное дополнение *sa mga dinadaan ng truck* ‘места, где проезжал грузовик’. В отличие от случая с глаголом *tumila* в (21), партиципant локатив здесь может стать подлежащим при локативном глаголе *tigilan* (пример (23)).

Данное свойство участников глагольного окружения представляется нам более существенным, чем свойство обозначения семантической роли пациенса, которое не указывает на какой-либо особый статус синтаксического участника, обозначающего его, относительно других членов конструкции, либо оформление дополнения показателем *ng*, которое нельзя признать столь существенным ввиду приведенных выше замечаний.

В отношении тагальского языка, однако, такая трактовка транзитивности, при которой необходимым и достаточным свойством транзитивных глаголов является способность участвовать в залоговых преобразованиях, также встречает трудности, связанные с тем, что подлежащим при многих несубъектных глаголах могут становиться участники, семантически необязательные в окружении соответствующих субъектных глаголов:

- (24) *Sa pamatagitan nito’y nawawala sa kanya ang anyo*
 IMPF.AV.исчезать 3SG.SA ANG образ
ng sariling marahang inilalapag ang salapi sa hapag ng sugalan.
 ‘С помощью этого он избавлялся от образа самого себя,
 осторожно кладущего деньги на стол в игорном доме’.
 (букв.: ‘С помощью этого исчезает у него образ самого-себя
 осторожно кладущего деньги на стол игорного-дома’.)
 [IV: 64]

- (25) *Kahit ang hapdi ng sakit*
хоть ANG острота NG боль
sa pulsahan ay nawala.
SA запястье PART PERF.AV.исчезать
'Хоть боль в запястье уже не была острой.' (букв.: 'Хоть острота боли в запястье исчезла'.) [II: 176]
- (26) *Hindi siya nawawalan ng pagasa.*
NEG 1SG.ANG IMPF.LV.исчезать NG надежда
'Его не оставляет надежда'. (букв.: 'Он не исчезаем надеждой'.) [IX: 16]

В примере (24) использован субъектный глагол *mawala* 'исчезать', при котором присутствует также локативное дополнение *sa kaniya* 'у него', представляющее необязательную семантическую и, соответственно, синтаксическую валентность. В примере (25) в окружении того же глагола имеется единственный участник (субъект действия), представляющий обязательную семантическую валентность. В примере (26), однако, использован локативный глагол *mawalan* 'исчезать', при котором роль локатива является обязательной, поскольку именно она выступает в функции подлежащего при глаголе данного залога.

Из вышеприведенных примеров видно, что участник ситуации, выступающий в функции подлежащего при том или ином несубъектном глаголе, может быть необязательным членом окружения соответствующего глагола какого-либо другого залога. Это, как уже было сказано, становится причиной проблем для принятия такого толкования транзитивности в тагальском языке, при котором транзитивными являются глаголы, способные иметь при себе дополнение, которое может участвовать в залоговых преобразованиях, то есть глаголы, способные подвергаться залоговым трансформациям, потому что остается неясным, как следует рассматривать субъектные глаголы с одной обязательной валентностью, которые тем не менее могут иметь иные залоговые формы, при которых подлежащим становится какой-либо участник, не входящий в обязательное окружение данного субъектного глагола — учитывая наличие соответствующих им глаголов несубъектных залогов, их следовало бы рассматривать как транзитивные, однако в этом случае мы сталкиваемся с необходимостью признать

транзитивными глаголы, имеющие лишь одну обязательную валентность.

Если же считать наличие у глагола единственной обязательной валентности достаточным основанием для признания его интранзитивным, то мы вновь будем вынуждены признать за интранзитивными глаголами в тагальском языке способность подвергаться залоговым преобразованиям.

3.2. Абсолютивно-эргативный подход

Теоретически эту проблему могло бы решить принятие эргативного подхода к классификации строя тагальского языка, которого представлен среди прочих в следующих работах: [Starosta et al. 1982; De Guzman 1988; Nolasco 2003, 2005; Liao 2004; Reid, Liao 2004; Saclot 2006; Ceña, Nolasco. forthcoming].

При эргативном подходе ядерным участником А признается субъектное дополнение в конструкциях несубъектных залогов, в отличие от аккузативного подхода, при котором А — подлежащее субъектной конструкции; ядерным участником О — подлежащее несубъектных конструкций. Таким образом, эргативный подход предполагает, что все несубъектные конструкции являются эргативными, а соответствующие им субъектные конструкции — антипассивными. Признание этого позволило бы считать, что одновалентные субъектные конструкции, способные участвовать в залоговых трансформациях, являются производными от соответствующих несубъектных конструкций. Глагол в последних, подвергаясь антипассивизации, теряет обязательную валентность на участника, выступающего в качестве подлежащего в исходной несубъектной, то есть эргативной конструкции. Иными словами, ядерный участник, бывший О в эргативной (несубъектной) конструкции, опускается до статуса периферийного в антипассивной (субъектной) конструкции.

Однако толкование транзитивного глагола в тагальском языке при эргативном подходе наталкивается на следующее препятствие: не все валентности глаголов ведут себя одинаково при залоговых преобразованиях. Одни несубъектные глаголы, как представленные выше в примерах (24)–(26), требуют в качестве подлежащего при себе семантическую роль, являющуюся необязательной при соответствующем субъектном или несубъектном глаголе; другие же, однако, требуют в качестве подлежащего

при себе семантическую роль, являющуюся в равной степени обязательной во всех залоговых конструкциях, и, таким образом, в последнем случае глаголы разных залогов по числу обязательных валентностей не отличаются друг от друга:

- (27) <...> *ay isinulat ni Irene*
 PART PERF.PV.писать PERS.SG.NG Ирене
ang karanasan niya <...>
 ANG опыт 3SG.NG
 ‘<В качестве подтверждения> Ирене описала свой опыт <...>’.
 [II: 163]
- (28) <...> *upang sulatan ka.*
 чтобы INF.DV.писать 2SG.ANG
 ‘<Несколько месяцев я обдумывал и ждал подходящего времени>, чтобы написать тебе’.
 [II: 49]
- (29) *Si Pangulong Aguinaldo <...> ay*
 PERS.SG.ANG президент-LK Агинальдо PART
nagbigay ng ganito-ng payo sa
 PERF.AV.давать NG такой-LK совет SA
ati-ng mga kababayan <...>
 1PL.INCL.NG-LK PL соотечественник
 ‘Президент Агинальдо <...> дал нашим соотечественникам такой совет’.
 [V: 145]
- (30) *Ibinigay niya ito sa matanda.*
 PERF.PV.давать 3SG.NG DEM.ANG SA старый
 ‘Он дал его старику’.
 [II: 84]
- (31) <...> *na bigyan nito ang mga*
 LK INF.DV.давать DEM.NG ANG PL
tumatangkilik sa kanila-ng produkto.
 IMPF.AV.поддерживать SA 3PL.NG-LK продукция
 ‘<Сумки популярны среди молодежи, поэтому walker underwear решили> давать их тем, кто поддерживает их продукцию’.
 [VI: 15]

В примере (28) использован адресатный глагол *sulatan* ‘писать’, при котором роль адресата является обязательной. При пассивном глаголе *isulat* ‘писать’ адресат, однако, необязателен: так

в конструкции пациенсного залога (27) он отсутствует⁵. В примерах же (29)–(31) использованы субъектный глагол *magbigay*, пациенсный глагол *ibigay* и адресатный глагол *bigyan* ‘давать’. Во всех трех конструкциях все члены глагольного окружения, которые в одной из трех конструкций занимают позицию подлежащего, — то есть субъект, пациенс и адресат — являются обязательными. Иначе говоря, преобразование пациенсной или адресатной конструкции в субъектную в данном случае не приводит к тому, что пациенс и адресат становятся необязательными членами.

Таким образом, принятие эргативного подхода приводит к тому, что участники глагольного окружения, обладающие разными свойствами, толкуются одинаково: и необязательное локативное дополнение в субъектной конструкции (24), и обязательные пациенсное и адресатное дополнения в субъектной конструкции (29) предстают как участники глагольного окружения, которые в соответствующих конструкциях одного из несубъектных залогов представляли собой ядерный участник O и были опущены до статуса периферийного участника в результате антипассивизации. Иначе говоря, эргативный подход не позволяет зафиксировать определенные свойства тагальского синтаксиса, поскольку между конструкциями, содержащими участников, которые должны рассматриваться как различающиеся по статусу, не проводится какого-либо различия — они объединяются под общим понятием «производные интранзитивные»:

- (32) *Pinuntahan niya ang koronel* <...>
 PERF.DV.ходить 3SG.NG ANG полковник
 ‘Он пришел к полковнику’. [П: 209]

⁵ Отсутствие участника «пациенс» на лексическом уровне в (28) означает то, что, как замечает Ю. Д. Апресян, «утрачивается лишь возможность конкретизировать» этих участников в данных ситуациях [Апресян 1974: 62]. Данный элемент, однако, не может быть устранен из семантического толкования ситуации, описываемой глаголом ‘писать’, без того, чтобы она стала «принципиально другой типовой ситуацией» [Апресян 1974: 100] (ср. [Храковский 1999: 19]: «Отсутствие в предложении лексически обозначенного участника не уменьшает обязательной информации, содержащейся в предложении, а только изменяет способ ее обозначения...»).

- (33) *Narinig ko na 'yon*
 PERF.PV.слышать 1SG.NG уже DEM.ANG
pero di pa 'ko napupunta ro'n
 но NEG еще 1SG.ANG IMPF.AV.ходить DEM.SA
 'Я слышал об этом, но еще не ходил туда'. [VII: 118]
- (34) *<...> sapat na sa akin na iyakan niya*
 достаточно уже 1SG.SA LK INF.DV.плакать 3SG.NG
ako sa kaniya-ng mga kabiguan <...>
 1SG.ANG SA 3SG.NG-LK PL неудача
 '<...> мне хватает того, чтобы он плакался мне о своих не-
 удачах <...>'. [XI]
- (35) *Tapos umiyak siya sa akin.*
 затем PERF.AV.плакать 3SG.ANG 1SG.SA
 'Затем он стал плакаться мне'. [XII]

В примерах (32) и (33) использованы адресатный глагол *puntahan* и субъектный глагол *mapunta* со значением 'идти куда-либо'. Оба глагола в своей структуре обязательных семантических участников имеют партиципant адресат (*ang koronel* 'полковник' в (32) и *ro'n* 'туда' в (33)). В примерах (34) и (35) использованы адресатный глагол *iyakan* и субъектный глагол *umiyak* со значением 'плакать'. Адресат является обязательным участником лишь в позиции подлежащего при адресатном глаголе *iyakan* (*ako* 'я'); при субъектном глаголе *umiyak* (*sa akin* 'мне') адресат не входит в структуру обязательных семантических участников. Так, возможна субъектная конструкция без адресата:

- (36) *Umiyak ka ba nung Unang*
 PERF.AV.плакать 2SG.ANG Q тогда-LK первый-LK
Pasok mo sa school nu-ng bata
 хождение.на.учебу 2SG.NG SA школа тогда-LK ребенок
ka pa?
 2SG.ANG еще
 'Плакал ли ты, когда, будучи ребенком, в первый раз пошел
 в школу?' [XVII]

При этом стоит отметить, что подобная проблема возникает и с уже рассмотренным выше аккумулятивным подходом. Если конструкции типа (35) при аккумулятивном подходе признаются

транзитивными, то различие не проводится между адресатным участником в них и, например, адресатным участником в конструкциях типа (33): оба способны принимать участие в залоговых преобразованиях, однако первый является необязательным. Если же такие конструкции признаются интранзитивными, то различие не проводится между их адресатным участником и локативным участником конструкций типа (21): при том, что оба являются необязательными, второй в отличие от первого не может принимать участие в залоговых преобразованиях.

3.3. Симметричный подход

Существует также точка зрения, что тагалог обладает залоговой системой, все залоговые конструкции которой являются равноправными [Shibatani 1988; Maclachlan 1996; Foley 1998; Katagiri 2005]. Таковую систему вслед за У. Фоли можно назвать симметричной.

Симметричная система залога предполагает, что ни одна из залоговых конструкций не является исходной, из чего, соответственно, вытекает также отсутствие в языке производных залоговых конструкций. Транзитивными при этом могут быть конструкции любого залога. Таким образом, при подходе к тагалогу как к языку симметричного типа реализуется третья возможность того, какие члены могут являться ядерным участником А: в данном случае его способны представлять как субъектное подлежащее в конструкциях субъектного залога, так и субъектное дополнение в конструкциях несубъектных залогов.

Также в свою очередь представляя морфо-синтаксический подход с дихотомическим разделением ядерных и периферийных членов, интерпретация тагалого как симметричного языка аналогично случаям с уже рассмотренными аккузативной и эргативной интерпретациями вызывает проблемы, когда речь заходит о залоговых конструкциях, необязательный участник которых способен становиться подлежащим в конструкции другого залога, (конструкции типа (22) и (35)). Так, в зависимости от того, признаются ли при этом подходе подобные конструкции транзитивными или интранзитивными, различие не проводится между необязательными участниками глагольного окружения, которые способны принимать участие в залоговых преобразованиях, и либо участниками, также принимающими участие в залоговых преобразованиях, но являющимися обязательными, либо участниками, также

являющимися обязательными, но не способными принимать участие в залоговых преобразованиях.

4. Градационное определение ядерных и периферийных участников

Возможно, более продуктивным путем определения транзитивности и интранзитивности глаголов в тагальском языке является подход, согласно которому различие между ядерными и периферийными участниками является не дихотомическим, а скалярным.

Сразу следует заметить, что речь идет не о так называемой гипотезе транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон [Hopper, Thompson 1980], которую, как нам представляется, в данном случае нельзя применить к тагальскому языку: те попытки использовать эту гипотезу для обоснования эргативной сущности строя тагальского языка (например: [Nolasco 2003; Liao 2004; Nolasco 2005; Saclot 2006]), нельзя отнести к такому подходу, так как представление о скалярности семантической транзитивности, представленное в [Hopper, Thompson 1980], используется в перечисленных работах как инструмент, с помощью которого доказывается, что конструкции несубъектных залогов являются транзитивными, поскольку проявляют семантические свойства транзитивности, тогда как конструкция субъектного залога является интранзитивной, поскольку проявляет семантические свойства интранзитивности. Иначе говоря, такое применение гипотезы транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон проводится в рамках рассмотренного выше подхода, согласно которому ядерные и периферийные единицы определяются однозначно, без проведения каких-либо различий в степени их ядерности или периферийности.

Если же мы хотим использовать гипотезу транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон для обнаружения различий в транзитивности в конструкциях одного и того же залога в тагальском языке, то она оказывается неспособна разграничить дополнения, обладающие разными свойствами, в конструкциях, подобных следующим:

- (37) <...> *ginto 't pilak namumulaklak*
 золото и серебро IMPF.AV.цвети
sa tabi ng dagat.
 SA бок NG море
 '...> золото и серебро цветут рядом с морем'. [XVIII]

- (38) *Naghihintay ang dalawa na tumila*
 IMPF.AV.ждать ANG двое LK INF.AV.прекращаться
ang ulan sa Lion's Club.
 ANG дождь SA Lion's Club.
 'Двое ждали, пока прекратится дождь в Lion's Club'. [XVI]

Локатив, выраженный дополнением при глаголе *mamulaklak* 'цвести' (в (37) это *sa tabi ng dagat* 'рядом с морем'), может быть помещен в позицию подлежащего при глаголе локативного залога *pamulaklakan* 'цвести':

- (39) <...> *ang porselana nito-ng kutis,*
 ANG фарфор DEM.NG-LK кожа
pinamumulaklakan ng mga pasa 't sugat <...>
 IMPF.LV.цвести NG PL синяк и рана
 '<...> на ее фарфоровой коже цвели синяки и раны <...>'. [XIV]

В конструкции (39) локативный партиципant *porselana nito ng kutis* 'ее фарфоровая кожа' выступает в функции подлежащего при локативном глаголе *pamulaklakan*. В случае с конструкцией (38) с глаголом *tumila* 'прекращаться (о дожде)', как уже обсуждалось выше, локатив в виду отсутствия глагола локативного залога от этого корня может выступать лишь в функции дополнения.

Таким образом, локативные дополнения в конструкциях (37) и (38) обладают равными свойствами в том, что касается их значения и обязательности их присутствия, поскольку оба представляют необязательных участников семантического окружения глагола. Однако существенным отличием их друг от друга является то, что в первом случае участник, выраженный локативным дополнением, может быть сделан подлежащим, тогда как во втором — нет.

В работе [Arka 2005] предлагается определять ядерные и периферийные члены глагольного окружения в таких австронезийских языках, как индонезийский и балийский, при помощи специальных индексов, которые вычисляются на основании того, каким числом морфо-синтаксических свойств, характерных для ядерных актантов в данном языке, они обладают [Arka 2005: 8]. Такой подход позволяет не только отделить ядерные члены (те, которые обладают всеми или большинством выделенных свойств) от периферийных (тех, которые почти или совсем не обладают указанными свойствами), но и выделить члены глагольного окружения разной

степени ядерности или периферийности в зависимости от индекса, то есть числа проявляемых свойств. Так, например, И. В. Арка приходит к выводу, что в индонезийском языке субъект в активном залоге, обладающий индексом 11/11, является более ядерным, чем пациенс, имеющий индекс 9/11; а субъект в пассивном залоге (с индексом 0,5/11) является менее периферийным, чем какой-либо другой периферийный член (индекс 0/11) [Арка 2005: 44–45]. Это позволяет выделить в языке конструкции, которые являются более или менее транзитивными/интранзитивными.

Применительно к тагальскому языку этот подход, в частности, допускает, что ядерным участником А может являться одновременно как подлежащее конструкции субъектного залога, так и субъектное дополнение в конструкциях несубъектных залогов, если будет установлено, что оба этих члена обладают свойствами, позволяющими классифицировать их как ядерных участников транзитивных конструкций.

Кроме того, этот подход позволил бы разграничить в тагальском языке дополнения, обладающие различными свойствами, как в случаях (40)–(43), определив степень их ядерности/периферийности:

- (40) *Tuturuan niya ng Tagalog ang mga Amerikano sa iskwelang iyon.*
 CONT.DV.учить 3SG.NG NG тагалог ANG
 PL американец SA школа-LK DEM.ANG
 ‘Он будет обучать тагальскому языку американцев в той школе’.
- (41) *Pagtuturuan niya ng Tagalog sa mga Amerikano ang iskwelang iyon.*
 CONT.LV.учить 3SG.NG NG тагалог SA
 PL американец ANG школа-LK DEM.ANG
 ‘Он будет обучать тагальскому языку американце в той школе’. [Schachter, Otnes 1972: 314–317]
- (42) *Naghihintay ang dalawa na tumila ang ulan sa Lion’s Club.*
 IMPF.AV.ждать ANG двое LK LK.INF.AV.прекращаться
 ANG дождь SA Lion’s Club
 ‘Двое ждали, пока прекратится дождь в Lion’s Club’. [XVI]

- (43) *Nababastusan* *na*
 IMPF.PV.быть.пораженным.хамством уже
ako sa ugali niya.
 1SG.ANG SA манеры 3SG.NG
 ‘Я уже поражаюсь его манерам’. (букв.: ‘Поражаем-хамством
 уже я от манер его’.) [VIII: 5]

На основании таких свойств, как обязательность присутствия в семантической структуре глагола и способность участвовать в залоговых преобразованиях, дополнения в приведенных примерах могут быть классифицированы следующим образом:

1) Субъектное, пациенсное и адресатное дополнения в конструкциях (40) и (41) (*niya* ‘он’, *Tagalog* ‘тагальский язык’ и *mga Amerikano* ‘американцы’) обозначают участников, которые способны участвовать в залоговых преобразованиях и являются обязательными в конструкциях всех залогов.

2) Локативное дополнение в конструкции (40) (*iskwelang iyon* ‘та школа’), обозначает участника, который является необязательным, однако способен принимать участие в залоговых преобразованиях, становясь обязательным участником в позиции подлежащего при глаголе локативного залога *pagturuan* ‘учить’ в (41).

3) Локативное дополнение в (42) (*Lion’s Club*), обозначает участника, который является необязательным и не принимает участие в залоговых преобразованиях.

4) Дополнение со значением причины в (43) (*ugali niya* ‘его манеры’) обозначает участника, который является обязательным участником, однако не принимает участие в залоговых преобразованиях.

Отчасти схожую классификацию мы находим в [Рачков 1981], где также обращается особое внимание на особенность тагальского синтаксиса, которая позволяет вовлекать в залоговые преобразования участников глагольного окружения, которые являются обязательными, лишь занимая позицию подлежащего при глаголе соответствующего залога.

Так Г. Е. Рачков различает потенциальную, функциональную и оптимальную синтаксическую и семантическую валентности глагола в тагальском языке. Потенциальная валентность включает все члены предложения, способные быть в окружении глагола, и всех участников, способных входить в состав обозначаемой данным

глаголом ситуации. Функциональная валентность включает те члены, которые входят в обязательное окружение глагола лишь в конструкции определенного залога. Оптимальная валентность включает только те члены, которые входят в обязательное окружение глагола во всех залоговых конструкциях, которые он способен образовывать [Рачков 1981: 129–131].

Таким образом, с позиции данной классификации участники глагольного окружения в примерах (40)–(43) группируются следующим образом:

1) оптимальная валентность (члены не могут быть опущены без нарушения синтаксической и семантической структуры предложения вне зависимости от того, в конструкции какого залога они употребляются): субъектное и пациенское дополнения и адресатное подлежащее в (40); субъектное, пациенское и адресатное дополнения в (41); подлежащее в (42); субъектное подлежащее и дополнение со значением причины в (43);

2) функциональная валентность (члены не могут быть опущены без нарушения структуры высказывания, однако в конструкциях других залогов являются необязательными): локативное подлежащее в (41);

3) потенциальная валентность (члены могут быть опущены без нарушения структуры предложения): локативное дополнение в (40); локативное дополнение в (42).

Такая классификация членов конструкций основывается, в основном, лишь на их способности являться обязательными участниками глагольного окружения. Способность участвовать в залоговых преобразованиях принимается во внимание только при определении функциональной валентности.

Что касается рассмотренной выше классификации, которая учитывает оба свойства, она позволяет разбить участников глагольного окружения в приведенных примерах на пять групп:

1) обязательные участники, участвующие в залоговых преобразованиях: субъектное и пациенское дополнение и адресатное подлежащее в (40); субъектное, пациенское и адресатное дополнения в (41);

2) обязательные участники, не участвующие в залоговых преобразованиях: подлежащее в (42); подлежащее и дополнение со значением причины в (43);

3) необязательные участники, способные участвовать в залоговых преобразованиях: локативное дополнение в (40);

4) обязательные участники, способные участвовать в залоговых преобразованиях, однако являющиеся обязательными только в конструкции данного залога: локативное подлежащее в (41);

5) необязательные участники, не участвующие в залоговых преобразованиях: локативное дополнение в (42).

Таким образом, подход, предложенный в [Arka 2005], возможно, способен привести к толкованию тагальского языка, которое более адекватно описывает особенности его синтаксиса, поскольку на основании индексов, в вычислении которых, несомненно, должны учитываться и рассмотренные свойства, можно установить степень ядерности/периферийности участников глагольного окружения, не смешивая участников, обладающих разными свойствами, в одну группу.

Нам известно, что этот подход был применен в [Shibatani 2005] к филиппинскому языку себуано. Согласно результатам, к которым приходит М. Сибатани, рассматривая статус четырех участников глагольного окружения — субъекта в субъектном залоге, пациенса в пациенсном залоге, субъекта в пациенсном залоге и пациенса в субъектном залоге, — ядерными участниками в себуано являются субъект в субъектном залоге и пациенс в пациенсном залоге, а периферийными — субъект в пациенсном залоге и пациенс в субъектном залоге [Shibatani 2005: 15]. Таким образом, ядерным из всех четырех рассматриваемых автором членов является, как можно заметить, только подлежащее. В таком выводе нет ничего удивительного, поскольку для вычисления индексов, на основании которых в данном случае он определяет статус членов глагольного окружения, М. Сибатани использует список свойств, которые он использовал ранее для установления подлежащего в языке себуано (схожий список представлен также в работе [Shibatani 1988: 125], где на основании свойств, включенных в него, рассматривается вопрос о соответствии субъекта действия и топика (то есть члена, отмеченного показателем группы *ang*) статусу подлежащего). Очевидно, однако, что для установления статуса ядерных и периферийных членов следует использовать отличный список, так как подлежащее

является особым ядерным актантом, свойства которого могут значительно отличаться от свойств других ядерных актантов. Подлежащее при таком подходе устанавливается как раз на основании того, что один из ядерных участников обладает особыми свойствами. Следовательно, для разграничения ядерных и периферийных участников должен быть использован совершенно другой список свойств (конечно, некоторые свойства, использованные для установления подлежащего, войдут также и в новый список в виду того, что подлежащее также является ядерным участником).

5. Заключение

Рассмотренные выше подходы к толкованию категории транзитивности в тагальском языке не имеют под собой достаточных оснований для их признания либо приводят к определенным проблемам в их приспособлении к тагальскому синтаксису.

Примером первого является семантический подход, при котором транзитивным объявляется глагол, имеющий в своей семантической структуре партиципанта определенного типа. Однако, как нам кажется, обоснованность придания одной из семантических ролей в тагальском языке особого статуса, который позволяет ей быть определяющей для транзитивности глагола, невозможно доказать. Кроме того, при такой точке зрения приходится признать существование залоговых трансформаций в интранзитивных конструкциях.

Вторым является морфо-синтаксический подход, при котором ядерные и периферийные члены транзитивных и интранзитивных конструкций, устанавливаемые на основании их морфо-синтаксических свойств, определяются дихотомически. При таком подходе тагальский язык может рассматриваться как аккузативный, эргативный или симметричный язык, однако в каждом из трех случаев некоторые особенности тагальского синтаксиса оказываются незафиксированными.

В свете приведенных аргументов в доказательство несостоятельности перечисленных подходов выдвигается предположение о том, что более соответствующим реалиям тагальского языка является подход, при котором на основании морфо-синтаксических свойств, характерных для ядерных и периферийных членов,

вычисляется степень ядерности/периферийности участников глагольного окружения.

Определить, каковы эти свойства — задача будущих исследований. Относительно же настоящей работы, которая носит лишь предварительный характер, ее автор надеется, что в ней в достаточной мере показана обоснованность такого подхода к определению транзитивности в тагальском языке. Одним из вопросов, к которым, однако, также должны обратиться будущие исследования, является, безусловно, подтверждение или опровержение выводов и предположений, изложенных в этой работе.

Для определения транзитивности глаголов в тагальском языке с использованием описанного принципа, основанием для которого служит определение степени ядерности или периферийности участников глагольного окружения, предстоит установить, какие свойства участников глагольного окружения в тагальском языке следует считать определяющими для ядерных членов в тагальском языке, на основании которых будут вычисляться индексы, предложенные в [Arka 2005]. Следует, однако, заметить, что недостатком обсуждаемого подхода может стать то, что список таких свойств должен быть как можно более полным, так как не включение в него тех или иных свойств способно значительно исказить индексы всех участников глагольного окружения, что приведет к ложному представлению об их статусе. Задача составления таких списков, таким образом, требует, как минимум, свободного владения языковым материалом и самого тщательного его анализа. Кроме этого, в отношении данного подхода возникает вопрос о том, существует ли какая-либо иерархия свойств ядерных участников, и если да, то каким образом она может быть установлена.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ABS — абсолютив; ANG — падежный показатель или местоимение группы *ang*; AV — субъектный залог; BV — бенефактивный залог; CONT — глагольная форма неначатого действия; CV — каузальный залог; DEM — демонстратив; DV — адресатный залог; ERG — эргатив; EXCL — эксклюзив; IMPF — глагольная форма незавершенного действия; INCL — инклюзив; INF — инфинитив; IV — инструментальный залог; IRR — ирреалис; LK — лигатура *nal-nglnang*; LV — локативный залог; NEG — отрицательная частица *hindi*; NG — падежный показатель или

местоимение группы *ng*; OBL — косвенный падеж; PART — показатель актуального членения *au*; PERF — глагольная форма завершённого действия; PERS — личный падежный показатель; PL — множественное число; PV — пациенный залог; Q — вопросительная частица; SA — падежный показатель или местоимение группы *sa*; SG — единственное число; SUP — превосходная степень.

Литература

- Апресян 1974 — Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.
- Рачков 1981 — Г. Е. Рачков. Введение в морфологию современного тагальского языка. Л: ЛГУ, 1981.
- Храковский 1999 — В. С. Храковский. Пассивные конструкции // В. С. Храковский. Теория языкознания. Русистика. Арабистика. СПб.: Наука, 1999. С. 15–50.
- Шкарбан 1995 — Л. И. Шкарбан. Грамматический строй тагальского языка. М.: Восточная литература, 1995.
- Arka 2005 — I W. Arka. The core-oblique distinction and core index in some Austronesian languages of Indonesia // Keynote paper presented at the 6th Biennial Meeting of the Association for Linguistic Typology. Padang, Indonesia, 21–25 July 2005.
- Ceña, Nolasco, forthcoming — R. M. Ceña, R. Ma. Nolasco. Tagalog: Driving On the Left-Hand Side of the Road. University of the Philippines-Diliman. Forthcoming.
- De Guzman 1988 — V. P. de Guzman Ergative analysis for Philippine languages: An analysis // R. McGinn (ed.). Studies in Austronesian linguistics [Monographs in International Studies, Southeast Asia Series 76]. Athens, OH: Center for Southeast Asia Studies, Center for International Studies, Ohio University, 1988. P. 323–345.
- Dixon 1994 — R. M. W. Dixon. Ergativity [Cambridge Studies in Linguistics 69]. Cambridge: CUP, 1994.
- Foley 1998 — W. A. Foley. Symmetrical voice systems and precategoriality in Philippine languages // M. Butt, T. H. King (eds.). Proceedings of the LFG 98 Conference: Workshop on voice and grammatical functions in Austronesian languages. Stanford: CSLI Publications, 1998.
- Hirano 2006 — T. Hirano. Subject and Topic in Tagalog // Paper presented at the 10th International Conference on Austronesian Languages. Palawan, 17–20 January 2006.
- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language 56, 2, 1980. P. 251–299.
- Katagiri 2005 — M. Katagiri. Topicality, ergativity and transitivity in Tagalog: Implications for the Philippine-type system // Proceedings of the Taiwan-

- Japan Joint Workshop on Austronesian Languages. Taipei: Howard International House, 2005. P. 239–260.
- Kroeger 1993 — P. R. Kroeger. Another look at subjecthood in Tagalog // *The Philippine Journal of Linguistics*, 24, 2, 1993. P. 1–15.
- Liao 2004 — H.-ch. Liao. Transitivity and ergativity in Formosan and Philippine languages. PhD Thesis. Honolulu, University of Hawai'i, 2004.
- Maclachlan 1996 — A. E. Maclachlan. Aspects of ergativity in Tagalog. PhD Thesis. Montreal, McGill University. 1996.
- Nolasco 2003 — R. Ma. Nolasco, Ang Pagkatransitibo at Ikinatratibo ng mga Wikang Pilipino: Isang Pagsusuri sa Sistemang Bose. PhD Thesis. Philippines, Quezon City: University of the Philippines-Diliman, 2003.
- Nolasco 2005 — R. Ma. Nolasco. What ergativity in Philippine languages really means // *Proceedings of the Taiwan-Japan Joint Workshop on Austronesian Languages*. Taipei: Howard International House, 2005. P. 215–238.
- Reid 1967 — L. A. Reid. On redefining transitivity for Philippine languages // *Philippine Journal for Language Teaching* 5, 1–4, 1967. P. 15–28.
- Reid, Liao 2004 — L. A. Reid, H.-ch. Liao. A Brief Syntactic Typology of Philippine Languages // *Language and Linguistics* 5, 2, 2004: P. 433–490.
- Saclot 2006 — M. J. D. Saclot. On the Transitivity of the Actor Focus and Patient Focus Constructions in Tagalog // Paper presented at the 10th International Conference on Austronesian Linguistics. Puerto Princesa City, 17–20 January 2006. (<http://www.sil.org/asia/philippines/ical/papers.html>)
- Schachter, Otones 1972 — P. Schachter, Fe T. Otones. *Tagalog Reference Grammar*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1972.
- Shibatani 1988 — M. Shibatani. Voice in Philippine languages // M. Shibatani (ed.). *Passive and Voice*. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 85–142.
- Shibatani 2005 — M. Shibatani. The attrition of the Austronesian focus system // *Proceedings of the Taiwan-Japan Joint Workshop on Austronesian Languages*, Taipei: Howard International House, 2005. P. 1–18.
- Starosta et al. 1982 — S. Starosta, A. K. Pawley, L. A. Reid. The evolution of focus in Austronesian // A. Halim, L. Carrington, S. A. Wurm. (eds.). *Papers from the Third International Conference on Austronesian Linguistics*. Vol. 2: *Tracking the Travelers* [Pacific Linguistics C-75]. Canberra: Australian National University. 1982. P. 145–170.

Источники

- I — H. Ch. Andersen. *Ang Pangit na Munting Bibe*, circa 1890, isinalin ni Sandra L. Hechanova. (http://www.childrensbooksonline.org/The_Ugly_Duckling/filipino/tud_filipino14.htm)

- II — A. M. Jr. Balde. Calvary road. Manila, Philippines, 2005.
III — L. English. Tagalog-English dictionary. Mandaluyong City. 2006.
IV — Maikling katha ng 20 pangunahing autor. Manila. 1950.
V — Mga talumpati ng ating kasaysayan, tinapon ni Vivian L. Balaris-Tica. Quezon City, 2006.
VI — Pinas. Blg. 4, Mayo 26 – Hunyo 1, 2008. Manila.
VII — E. M. Reyes. Sa Mga Kuko Ng Liwanag. Quezon City, 2007.
VIII — J. C. Reyes. Tutubi, Tutubi, Wag Kang Magpahuli sa Mamang Salbahe. Quezon City, 2004.
IX — F. T. Timbreza. Mga Hugis-pag-iisip ng Pilipino. Malay, T. IV, Blg. 1–2, 1975, Mayo, Nobyembre. De La Salle University.
X — <http://bsji.org/forum/archive/index.php?t-1060.html>
XI — <http://kalansaysaaparador.blogspot.com/2009/02/anatomiya-ng-isang-love-story.html>
XII — <http://mysteryoso.wordpress.com/category/ang-diary-ni-mariel>
XIII — <http://yoyostribe.blogspot.com/2008/10/ingat-nik.html>
XIV — <http://saanpupuntasikadyo.blogspot.com/2007/10/ang-mga-insekto-isang-instalasyon.html>
XV — <http://www.gmanews.tv/story/72120/Dranreb-in-Manila-for-treatment-holidays>.
XVI — <http://www.pinoyexchange.com/forums/showthread.php?t=275355&page=47>
XVII — <http://www.timog.com/forum/showthread.php?t=26976>
XVIII — <http://www.jappinoy.com/lofiversion/index.php?t1819.html>

D. V. Sidorkevich

ILIRAN, St. Petersburg

ON DOMAINS OF ADESSIVE-ALLATIVE IN SIBERIAN INGRIAN FINNISH¹

1. The outline

This paper is dedicated to the usage of syncretic adessive-allative case in a Finnish language variety spoken by a small group of Ingrians of mixed Finnish-Izhorian descent residing in Ryzhkovo village in the Western Siberia. Hereinafter I will refer to this variety as the Siberian Ingrian Finnish. My research is based upon the field data recorded in Ryzhkovo and Mikhailovka settlements (Krutinsky District of the Omsk Oblast) in 2008–2011. The materials include both instances of natural-occurring speech and questionnaire-elicited data. I deal with the semantics of adessive-allative case in Siberian Ingrian Finnish with the implication that the language has been exposed to a strong and diverse contact influence. Therefore, syncretic adessive-allative case patterns of usage in my material are compared with those of adessive and allative in Standard Finnish, Estonian, Ingrian Finnish of Ingria and sometimes Votic and Izhorian. The results of the analysis are presented in the final part of the paper.

2. Preliminary notes

2.1. On the origin of Siberian Ingrian Finnish

The first Ingrians came to the Western Siberia in 1804 from the Lower Luga area about 200 km west from St. Petersburg, St. Petersburg province². Some forty years later their first settlement, Ryzhkovo, became an official colony for all Lutheran settlers coming to the Western Siberia, including Estonians, Latvians and Finns from the Grand Duchy of Finland. Through the last decades of the 19th century Ingrians in Siberia were under strong influence of Finnish Lutheran

---

¹ Supported by the Russian Foundation for Humanities, project 11-04-00172a.

² This area is also sometimes called Estonian Ingria.

clergy and, as a result, under considerable influence of Standard Finnish.

The situation changed after the Russian Revolution signifying the end for the cultural frame within which Ryzhkovo Ingrians were regarded as Finns. For a short period of approximately 10 years Ryzhkovo Ingrians had Estonian as the language of schooling. Later on, especially after the World War II, contacts with Russian-speaking community became an inevitable part of Ryzhkovo social life.

By the end of the 20th century a rapid language shift has taken place. Ethnic languages, such as Estonian, Latvian and Finnish are now spoken in Ryzhkovo only by elder generations. Nevertheless, the preservation degree for this variety of Ingrian Finnish is better than for other varieties of Ingrian Finnish spoken in Ingria, as long as Siberian Finns, despite the difficulties and political pressure of late 1930's and war period, were not relocated or scattered.

Present-day Ryzhkovo is a multiethnic settlement where Ingrians, Estonians, Latvians and Russians live together. Although Ryzhkovo is not the only place in Siberia where Ingrians were historically present, today it is the last place where they still regard themselves as a group and still use their native language regularly.

The main dialectological traits of Ryzhkovo Finnish still make it possible to correlate it with the Lower Luga Ingrian Finnish variety presently spoken in several villages in the western part of Ingria. The language of Ryzhkovo Ingrians is considered a 'mixed one' by its speakers. Indeed, multiple traces of various language contacts can be found in it³.

2.2. Some notes on Siberian Ingrian Finnish phonology and morphology

There has been no systematic study of Siberian Ingrian Finnish before, thus, all my remarks on Siberian Ingrian Finnish phonology and morphosyntax should be regarded as a brief preliminary overview. Below I will mention only several traits of Siberian Ingrian Finnish phonology which are necessary for further description.

---

³ More information about Ingian Finns in Siberia and Ryzhkovo settlement can be found in [Granö J. 1893; Granö J. G. 1905; Granö P. 1914, 1926; Juntunen 1982, 1983; Korb 2003, 2007; Сидоркевич 2012]. Some information on the language of Ingrian Finns in Siberia is given in [Злобина 1971; Nirvi 1972; Zlobina 1972].

Together with Finnish and Izhorian varieties of the Lower Luga area, Siberian Ingrian Finnish demonstrates strong reductional tendencies in non-initial syllables including syncope and apocope. Syncope and apocope are rather widespread in the Lower Luga dialects as well [Кузнецова 2009]; however, in Siberian Ingrian Finnish apocope seems to be more regular, while syncope sometimes alternates with less intensive forms of reduction.

For example, for all types of disyllabic foot structures with an open second syllable except CVCV apocope of the final vowel, if it was short, has taken place regularly. Following the same rule, there is no apocope in cases like *tuli* (come-PST.3SG) > *tul'*, *oli* (be-PST.3SG) > *ol'* in contrast to many varieties of Ingrian Finnish, where this change has taken place. These word final sound phenomena are quite peculiar and in this respect Siberian Ingrian Finnish strongly resembles south and south-western Lower Luga Izhorian dialects as described in [Кузнецова 2012].

As well as in the Lower Luga area, it is possible to postulate here the existence of the so-called voiceless final vowels, which can be perceived as a form of strong aspiration of the preceding consonant. Other accommodational phenomena also manifest themselves. If the reduced short final vowel in a disyllabic foot was *o*, *u*, *ö* or *ü*, the now final consonant is labialized. If the final short vowel was *ü* or *ö*, apart for the aspiration and labialization, the final consonant is palatalized. For the reduced final short *i*, the traces of the previously existing vowel will be palatalization of the preceding consonant or of both components of the consonant cluster. The reduced final short *a*, *ä* and *e* in most cases leave no trace at all. Aspiration can be heard only sometimes after plosives and sibilants, while *m*, *n*, *l* and *r* are followed by a schwa-like sound, which can be easily dropped in quick speech. Graphically I prefer to indicate the 'voiceless' as *o'*, *u'*, *ö'*, *ü'* and *i'*, although their phonological status is ambiguous. The now reduced etymologically short *a*, *ä* and *e* in my transcription are not reflected.

There is also another type of apocope that has affected non-stem morphemes. Case markers seem to have lost their final vowels completely, although some postpositions and adverbs with adherent case markers retain them in their full form. Ingrian Finnish of Ingria is also widely reported to have lost final vowels in certain inflectional forms, such as partitive, elative, inessive, essive etc. [Lehto 1996: 24]. Due to

this process in Siberian Ingrian Finnish, two cases, adessive and allative, merged together resulting in one new syncretic external local case marker *-ll/-l'* (the second allomorph used for the front vowel stems). Seemingly there is also no opposition of single *-l* as the possible marker of allative and geminated *-ll* as the marker of adessive. In this respect Siberian Ingrian Finnish is similar to Peski-Lužitsy variety of Votic and southern Lower Luga Izhorian [Маркус, Рожанский 2011; Кузнецова 2012].

2.3. The generalized adessive-allative and its counterpart in Ingrian Finnish

It is predictable that the syncretic adessive-allative case is likely to combine the semantics of both adessive and allative. My material shows that such a generalization indeed has taken place. Moreover, the patterns of usage for this new case are different from Standard Finnish and in many cases resemble some Estonian and Russian constructions. However, to postulate a change in the semantic domains we must have some material for comparison.

Although there has been no previous research dedicated to Siberian Ingrian Finnish morphosyntax, an in-depth analysis of the corresponding cases in Ingrian Finnish was presented by O. Kokko in [Kokko 2007]. Besides diachronic sources and characteristics of external local cases in related languages, his study focuses on present-day morphological variation of adessive and allative markers in Ingrian Finnish speech. In many idiolects of Ingrian Finnish a generalized adessive-allative marker is used. O. Kokko provides a short description of usage patterns for this syncretic adessive-allative case. Many of those, which are uncharacteristic of Standard Finnish, get explanation in neighboring languages, representing the results of language contact with Estonian, Izhorian or Russian. According to O. Kokko, in most cases syncretic adessive-allative case corresponds to the adessive, the ending of which became identical to the allative ending due to elision. Adessive in Ingrian Finnish demonstrates many traits of a generalized external local case.

Adessive generalized semantics encloses a mixture of static and dynamic components of meaning. It is used more frequently than in Standard Finnish. As O. Kokko states, in the spatial domain, adessive has a tendency to be used 'any time when there is problem with the selection of a case marker' [Kokko 2007: 123]. Although the ablative set

of meanings stands aside, some of its roles have also been taken over. At the same time, if adessive and allative have different markers in one's idiolect, only adessive is possible in temporal constructions and instrumental domain.

A very peculiar example of semantic change is the appearance of adessive and syncretic adessive-allative markers in necessity and sympathetic constructions. In Standard Finnish and the dialects within the territory of Finland the case expected here is genitive as the marker of the so-called genitive subject which stands for the recipient or experiencer. Only in Kainu dialect adessive is also possible in the constructions of this type. In Ingrian Finnish the corresponding positions are marked with generalized *-l* ending or adessive *-lla* ending. Estonian-like necessity constructions with the verb *pitää* and nominative subject are sometimes used as well. However, O. Kokko notes that in his material adessive and adessive-allative for this purpose are used only if the experiencer or recipient is animate. The parallel necessity constructions also exist in Russian: *мне надо* 'I must, I need to' (with dative), without a restriction to use it for inanimate experiencers; Izhorian: *meil piti* [Laanest (toim.) 1966: 177] and Estonian: *mul on vaja, mul tuleb* (with adessive).

The replacement of the ablative by the adessive and syncretic adessive-allative markers takes place in the domain of ablativus incommodi, i.e. for the situations of loss or alienation. This can be explained by Estonian, Votic or Izhorian influence, where constructions of this type also exist⁴. In Russian they correspond to the construction with the preposition *y* + genitive, which is used to describe situations of possession, appearance, change of state or loss of an object in someone's sphere of control. Thus, Russian can also be regarded as the source of influence here.

O. Kokko reports that in Ingrian Finnish adessive is widely used in age-expressing constructions. The possessive aspect here is evident: the situation is interpreted as if the person in question possesses the years denoting his age as a kind of entity (the way it happens, for example, in French). This construction is possible in some dialects of Finland, while for Standard Finnish predicative constructions are typical. O. Kokko concludes that the above-mentioned types of usage

---

⁴ For more information on the ablative patterns of usage in Ingrian Finnish see [Федотов 2012].

support the idea that adessive in Ingrian Finnish has a tendency to intensify the possessive, habitive aspect of its meaning.

In the temporal domain adessive also demonstrates signs of generalization. It is used for ordinal numerals denoting dates and years, i.e. in the constructions consisting of year and its attribute expressed by an ordinal numeral. In the dialects of Finland the inessive and essive are more common for this purpose. The dialects of Ingria differ in this respect most likely depending on the prevailing contact influence. O. Kokko notes that adessive in temporal domain is rather rare in Northern Ingria, appears a little bit more frequently in the central part of Ingria, and is widespread in Western Ingria and the so-called Estonian Ingria. However, in the latter two areas the constructions are different. In the idiolects of Estonian Ingria both the attribute and the head-word of the construction have the adessive marker (the way it happens in Estonian), while in Western Ingria there is a disagreement between the headword with a partitive marker and the attribute with the adessive marker. The concurrent construction is reported in Izhorian [Laanest (toim.) 1966: 186].

The instances listed by O. Kokko all find parallels in my material. There are also some cases which he does not list, but that seemingly belong to the manifestations of the same tendency. I also must add that my corpus of Siberian Ingrian Finnish speech is too small to make any far-reaching conclusions. I just try to list the examples that support the idea of a generalized external local case. For this purpose it is reasonable to have a closer look at the neighbouring languages. As it has been already said, Estonian was one of the major languages influencing Siberian Ingrian Finnish since the middle of the 19th century. The contacts with the speakers of various Finnish dialects and Standard Finnish took place mostly before 1920's, while Votic and Izhorian could have left some substratum influence.

3. The functional domains of adessive and allative in Estonian and Standard Finnish

3.1. General notes

In general, there are four main functional domains for local cases in Finnic languages, both external and internal: **spatial**, **temporal**, **possessive** and **instrumental**, the last three being examples of semantic extension [Grünthal 2003: 128–131]. External local cases as compared

with internal ones have a stronger tendency to take grammatical roles. What will be described below can also be interpreted as a case of further development of the tendency when ‘concrete meanings serve as structural templates to denote more abstract meanings’ [Heine 1997: 36]. Below I try to summarize the general set of meanings for adessive and allative in Standard Finnish and Standard Estonian basing mainly on [Пялль 1955; Ыйспуу 1999; Viitso 2003; Erelt et al. 2007] for Estonian and [Серебрянников, Керт (ред.). 1958; Penttilä 1963; Atkinson 1969; Karlsson 1999; Мосина 2004; Hakulinen et al. (toim.). 2004] for Standard Finnish. In some cases I will also give parallels from Votic and Izhorian. The meanings are distributed among the four main functional domains.

3.2. *Adessive in Standard Finnish and Estonian*

The core spatial domain for adessive is the same in both languages. The principal difference between Finnish and Estonian manifests itself in the possessive and instrumental domains. Adessive set of meanings in instrumental domain in Finnish includes instrument and manner with various shades of meaning, while in Estonian instrumental domain is mostly maintained by comitative. At the same time, the number of verbs and constructions that commonly require adessive in Standard Estonian is bigger than in Finnish.

3.2.1. *Spatial domain.* In contrast to the internal local cases, adessive serves to denote a less intensive contact between the objects. It mainly denotes localization on the surface of an object without a penetration (1) or being in a certain situation or state (2), (3) [Erelt et al. 2007]. Adessive in Standard Finnish, as well as in Estonian, sometimes alternates with inessive and for many lexemes both cases can be used. As opposed to inessive, adessive often indicates that the place is not entered but rather approached. Adessive tends to be used more frequently for places that have vague borders.

ESTONIAN

- (1) *seina-l ripu-b pilt.*
 wall-AD hang-PRS.3SG picture
 ‘There is a picture on the wall.’
- (2) *mind ei ole homme töö-l.*
 1SG.PRT NEG.3SG be tomorrow work-AD
 ‘Tomorrow I will not be at work.’

- (3) *naeru-l näo-ga*
 laugh-AD face-COM
vaata-s Jüri meie poole.
 look-PST.3SG Jüri 1PL.GEN at
 ‘With a smiling face Jüri looked at us.’

3.2.2. *Possessive domain.* Adessive in Standard Finnish and Estonian can mark personal space or possessor’s sphere of control. The main difference between Finnish and Estonian adessive is that adessive in Finnish is normally used for animate possessors, while inanimate possessor can only be marked with inessive. It is often stated that inessive in Finnish is used in possessive constructions when the possession is inalienable. Estonian adessive is able to express situations of possession for both animate (4) and inanimate objects (5). Moreover, adessive in Estonian can serve to denote an experiencer [Viitso 2003: 99–100]. Its meaning in the corresponding constructions (6), (7) can be attributed to the possessive domain, as if the state was a kind of entity possessed by the experiencer. In Finnish sympathetic constructions of the type (7) are also common, but adessive is not the only possible case here: genitive can be used as well (8).

- ESTONIAN
- (4) *Jaagu-l on kolm last.*
 Jaak-AD be.PRS.3SG three child.PRT
 ‘Jaak has three children.’
- (5) *lambi-l on uus pirn.*
 lamp-AD be.PRS.3SG new bulb
 ‘There is a new bulb in the lamp.’
- (6) *mu-l on külm.*
 1SG-AD be.PRS.3SG cold
 ‘I am cold.’
- (7) *minu õe-l on kerge õppi-da.*
 1SG.GEN sister-AD be.PRS.3SG easy study-INF
 ‘It is easy to study for my sister.’
- FINNISH
- (8) *minu-n ol-i lämmin.*
 1SG-GEN be-PST.3SG warm
 ‘I was warm.’

In Estonian, adessive can also be used in impersonal constructions when the described situation belongs to the experiencer's personal space, sphere of control or concern (9). In this case the role of experiencer cannot be reduced to the role of beneficiary. It is rather used to describe the state of things at the experiencer's disposal, both positive and negative. This type of usage is not typical for Finnish. In Finnish possessive constructions describing state of affairs at someone's disposal cannot involve finite verb forms except copula. Only constructions with copula + inessive form of supine or an adverb are possible (10)⁵. Moreover, as it has been already stated, adessive is unlikely to be used in the situation of loss or alienation. The normal case for expressing this meaning in Finnish is ablative.

- ESTONIAN
- (9) *ta-l vii-di vend haigla-sse.*
 3SG-AD take_away.IPS.PST brother hospital-ILL
 'His/her brother was taken to the hospital.'

- FINNISH
- (10) *minu-lla on peruna-t kiehu-ma-ssa.*
 1SG-AD be.PRS.3SG potato-PL boil-SUP-IN
 'My potato is boiling.'

3.2.3. *Temporal domain.* In temporal sphere adessive can alternate with inessive and essive in both languages. In Standard Finnish, adessive is normally used for periods of time, such as a week, decade, moment, hour, season or part of the day. Adessive mostly maintains the sphere of temporal expressions without attributes (11). If there is an attribute, then it is likely to be in nominative or partitive and the head noun receives adessive ending (12). Quite the reverse, Estonian adessive is mostly used for months, dates and noun phrases containing an attribute (an adjective or a pronoun). The agreement of the case markers in the latter situation is necessary (13).

- FINNISH
- (11) *yö-llä pitää-isi nukku-a.*
 night-AD have_to-CND.3SG sleep-INF
 'One must sleep at night.'

---

⁵ Special thanks to Natalia Kuznetsova who kindly checked constructions of this type with a native speaker of Finnish.

- (12) *viime tunni-lla puhu-i-mme objekti-sta.*
last lesson-AD talk-PST-1PL object-EL
'The last lesson we talked about the object.'

ESTONIAN

- (13) *se-l aasta-l tule-b soe suvi.*
this-AD year-AD come-PRS.3SG warm summer
'This year the summer will be warm.'

In Standard Finnish adessive can also denote the age of somebody or something in weeks, months or years with an ordinal number in a phrase consisting of the verb *olla* 'to be' as the predicate and a temporal NP as the attribute, both in adessive:

FINNISH

- (14) *lapsi on neljänne-llä vuode-lla.*
child be.PRS.3SG fourth-AD year-AD
'The child is on his fourth year.'

3.2.4. *Instrumental domain.* In Standard Finnish adessive has two additional domains, instrumental (adessivus instrumenti, (15)) and manner (adessivus modi, (16)). I include adessivus modi in this section since in many instances it is hard to distinguish instrument and mode (like it happens in (16)). Moreover, adessive can also indicate intensity and amount.

FINNISH

- (15) *hän kirjoittaa kynä-llä.*
3SG write.PRS.3SG pencil-AD
'He writes with a pencil.'
- (16) *puhu-kaa kova-lla ääne-llä.*
speak-IMP.2PL strong-AD voice-AD
'Speak loud.'

As it has been already said, adessive is not used in instrumental/manner domain in Estonian except for some peculiar cases. In [Erelt et al. 2007] one can find several very specific examples of adessive used to indicate instrument (17), means of transportation (18) and manner (19). However, it would be dubious to ascribe instrumental meaning to the adessive marker itself here. Example (17) rather represents a syntactic borrowing from Russian (*играть на пианино*, lit. 'play **on** the piano'). In (18), adessive can be interpreted as denoting

position (a person indeed sits on top of the bike). The last example cited is likely to represent an ideomatic expression. With the exception of these cases, meanings included in instrumental domain in Standard Estonian are expressed by comitative.

ESTONIAN

- (17) *Mari mängi-b klaveri-l.*
 Mary play-PRS.3SG piano-AD
 ‘Mary plays the piano.’
- (18) *ta sõiti-s jalgratta-l Pirita-le.*
 3SG drive-PST.3SG bike-AD Pirita-ALL
 ‘S/he went to Pirita by bike.’
- (19) *Mari kuula-s kikkis kõrvu-l.*
 Mary listen-PST.3SG upright ear.PL-AD
 ‘Mary was all ears.’

3.2.5. *Verbal phrase.* In Estonian indirect objects of some verbs can be in adessive, such as the verbs *laskma* ‘let’, *lubama* ‘allow’ and several others. The verb *aitama* ‘help’ can also have indirect object in adessive. It is hard to explain its appearance in cases like (20)–(23) using a single principle. There is a temptation to plead Russian influence keeping in mind that Russian translations of the phrases will all require indirect object in dative. However, such an explanation is disputable. Dative is more likely to be associated with a directional case, such as allative, not a static one. The indirect object of some of these verbs has the meaning of experiencer (23). The corresponding verbs in Standard Finnish have their indirect objects in genitive and the meaning of experiencer in general is not typical for Finnish adessive.

ESTONIAN

- (20) *lase ta-l minna.*
 let.IMP.2SG 3SG-AD go.INF
 ‘Let him/her go.’
- (21) *luba lapse-l õue mängi-ma minna.*
 allow.IMP.2SG child-AD yard.ILL play-SUP go.INF
 ‘Let the children go to play outside.’
- (22) *lapse-d aita-vad ema-l tube korista-da*
 child-PL help-PRS.3PL mother-AD room.PRT.PL clean-INF
 ‘The children helped their mother to clean the room.’

- (23) *see asi unune-s mu-l täielikult.*
 this thing be.forgotten-PST.3SG 1SG-AD completely
 ‘I have completely forgotten this thing.’

3.3. Allative in Standard Finnish and Estonian

The general set of meanings for allative in Standard Finnish and Estonian is narrower as compared to adessive, and in many cases allative can alternate with illative. In general, allative usually denotes locations, more or less abstract, and other goals including states approached or gained in the process of action and, finally, personal space or sphere of control entered by something or someone. For those lexemes that permit both cases, allative and illative, illative is rather used to denote localization, while allative has an additional meaning of intentional presence (with a certain purpose).

3.3.1. *Spatial domain.* Allative in Estonian and Standard Finnish has approximately the same set of meanings, including the ability to denote more or less abstract locations and goals (24)–(28). The core meaning of allative is usually described as directedness towards external side of an object or its surface, without penetration or close contact. Situations serving as a goal and marked with allative are also typical for both languages. More abstract goals, such as states, are not so frequent, but, according to the same principle, can be attributed to the spatial domain perceived in more abstract sense. Semantics of Estonian allative in change of state cases (29), (30) is sometimes regarded as being close to the meaning of result [Erelt et al. 2007]. Finnish allative constructions of the type *mennään kahville / lounaalle / kaljalle* ‘let’s go to have some coffee / for a dinner / for a drink’ can also be interpreted as examples of directedness towards a situation, not a target in space.

FINNISH

- (24) *lähde-mme-kö ostoks-i-lle?*
 go-1PL-IMP purchase-PL-ALL
 ‘Shall we go shopping?’
- (25) *kuka vie koira-n kävely-lle?*
 who take_away.PRS.3SG dog-GEN walk-ALL
 ‘Who will take the dog for a walk?’
- (26) *Tapio lähtee matka-lle huomenna.*
 Tapio leave.PRS.3SG trip-ALL tomorrow
 ‘Tapio is going for a trip tomorrow.’

ESTONIAN

- (27) *lähe-n töö-le kell seitse.*
 go.PRS-1SG work-ALL clock seven
 'I go to work at 7 o'clock.'
- (28) *õde lähe-b mehe-le.*
 sister go-PRS.3SG man-ALL
 'Sister is getting married.'
- (29) *ilm lähe-b vihma-le.*
 weather go-PRS.3SG rain-ALL
 'The weather is going rainy.'
- (30) *tüdruku nägu läk-s naeru-le.*
 girl.GEN face go-PST.3SG smile-ALL
 'The girls face went smiling.'

3.3.2. *Possessive domain.* In possessive domain allative usually marks recipient, when the action is directed towards an addressee. As well as adessive, Estonian allative can be used for both animate (31) and inanimate (32) recipients. It also should be noted that the role of recipient here does not imply only positive gaining, i.e. the role of beneficiary. In Standard Finnish only an animate recipient can be marked with allative. Allative usage also implies the role of a beneficiary. Allative as well as adessive in Standard Finnish cannot be used in situations of loss or alienation, for which ablative is normally used.

ESTONIAN

- (31) *ema-le saabu-s telegram.*
 mother-ALL arrive-PST.3SG telegram
 'There was a telegram for mother.'
- (32) *kirjuta-n selle-le laulu-le viisi.*
 write.PRS-1SG this-ALL song-ALL melody.PRT
 'I will write a melody for this song.'

3.3.3. *Instrumental domain.* Finnish allative, as well as adessive, has a type of usage which is not common for Estonian and seemingly belongs to the instrumental domain. It is the case of complements for such perception verbs as *maistua* 'taste', *haista* 'smell', *kuulostaa* 'sound', *näyttää* 'seem', *tuntua* 'feel' and some others.

FINNISH

- (33) *ruoka maistuu kala-lla.*
 food taste.PRS.3SG fish-ALL
 ‘The food savours of fish.’
- (34) *hän näyttää opettaja-lla.*
 3SG seem.PRS.3SG teacher-ALL
 ‘S/he looks like a teacher.’

3.3.4. *Verbal phrases.* In Standard Estonian, there are some verbs, such as *andma* ‘give’, *hilinema* ‘be late’, *lubama* ‘allow’, *minema* ‘go’ the indirect object of which is in allative [Erelt et al. 2007]. In Standard Finnish, the number of verbs like this is smaller and mostly includes verbs of mental and speech activity. Again, there is no single principle that could explain the broader range of verbs requiring allative in Estonian. However, these examples of allative usage can be logically distributed between the spatial and possessive domains. Impersonal constructions with the verbs *meeldima* ‘be pleasant (for someone)’ (35) and *maitsema* ‘be liked, please’ (about food and drinks) stand aside. The complement marked with allative here can be only interpreted as denoting experiencer. This is a type of usage not typical for Standard Finnish.

ESTONIAN

- (35) *venna-le meeldi-b siin ela-da.*
 brother-ALL be_pleasant-PRS.3SG here live-INF
 ‘The brother likes living here.’

After this rather brief summary of adessive and allative domains in Standard Finnish and Estonian, we will have a closer look at how they manifest themselves in Siberian Ingrian Finnish.

4. The functional domains of adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish

4.1. Spatial domain

The core set of meanings in spatial domain for syncretic adessive-allative case in Siberian Ingrian Finnish does not differ a lot from Standard Finnish and Estonian. It is used to denote (i) localization on the surface of an object or presence in a certain situation and (ii) directedness towards the external side of the object or its

surface. It is also widely used to express place of destination, both concrete (36) and abstract (37), such as a working place, situation or the area in immediate proximity to the object in question (38), (39):

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
- (36) *üä-l' mäni*
 night-ADALL go-PST.3SG
tolka-l tüä-l'.
 threshing_floor-ADALL work-ADALL
 'At night (she) went to work to the threshing floor.'
- (37) *voi-b männö tantsu-l?*
 can-PRS.3SG go-INF dance-ADALL
 'Can I go to the dancing party?'
- (38) *ota pank' i mäne kaeva-l.*
 take.IMP.2SG bucket and go.IMP.2SG well-ADALL
 'Take the bucket and go to the well.'
- (39) *joka üks männö omm-i-l hauto-l.*
 each one go.PRS.3SG own-PL-ADALL grave.PL-ADALL
 'Each one goes to his or her graves.'

Sometimes adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish appears in contexts for which illative is more common (40)–(42). For example, in Ingrian Finnish varieties of the Lenigrad region a case normally used in phrases (40)–(42) is illative. In Standard Finnish illative as compared to allative is used in situations when more concrete and close spatial relations are implied. This can explain the case in (40), where no actual spatial relations are involved, but not the cases in (41), (42). One might suppose that this happens because adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish can be used more extensively for the meanings of goal or target, no matter to what extent the spatial relations are concrete or abstract.

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
- (40) *hä tul-i takas' pere-l'.*
 3SG come-PST.3SG back family-ADALL
 'He came back to his family.'
- (41) *miehe-l' visk-si-n kive-n.*
 man-ADALL throw-PST-1SG stone-GEN
 'I threw a stone at the man.'

- (42) *mie visk-si-n kive-n kukki-l'.*
 1SG throw-PST-1SG stone-GEN flower-PL-ADALL
 'I threw a stone at the flowers.'

In Siberian Ingrian Finnish, adessive-allative is sometimes used for the points of time and occasions by which or for which something is done, which can also be regarded as a kind of goal or target in time. For this purpose in Standard Finnish and Estonian translative is normally used. In Siberian Ingrian Finnish, there is a fluctuation between translative (43), (44) and adessive-allative in this domain, although the latter is less frequent. The appearance of adessive-allative here (45) can be explained, on the one hand, by Russian influence, as long as Russian equivalent of the phrase in question has a construction with preposition *на* ('upon') + N[ACC], which is likely to be copied by implementing adessive-allative. On the other hand, this can be viewed as an example of further development of the adessive-allative ability to express the meaning of spatial and/or temporal goal.

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (43) *tätä tuppa tökkö-t kiire,*
 this.PRT house.PRT make-PRS.3PL fast
duuma-n et talve-ks tökkö-t.
 think.PRS-1SG that winter-TRL make-PRS.3PL
 'They are building this house fast, I think by winter they will build it.'
- (44) *mie ompl-i-n plat'je-n pühä-ks.*
 1SG sew-PST-1SG dress-GEN celebration-TRL
 'I made a dress for the celebration.'
- (45) *nämä raha-t pulma-l.*
 this.PL money-PL wedding-ADALL
 'This is the money for the wedding.'

At the same time, the semantics of goal in (44) and (45) can partially correspond to the meaning mentioned for Estonian allative used to denote a state entered by a person or an object. In my Siberian Ingrian Finnish materials there were several examples of adessive-allative in the meaning of state acquired by the subject (46). In this sphere adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish also competes with translative generally used for situations of changing states. Obviously, Estonian influence is also a possibility here.

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (46) *ni siis lapse-t käv-i-vät varka-l.*
 so then child-PL go-PST-3PL thief-ADALL
 ‘So the children went stealing.’

However, in Siberian Ingrian Finnish there is one more construction to express the meaning of goal or purpose. It consists of a noun in genitive + postpositions *jäles* (47), (48), ‘after’, ‘behind’. This looks like a case of direct syntactic transfer from Russian where a construction with preposition *za* ‘after, behind’ + N[INSTR] is used in the same context (‘to go somewhere to get the object’). But Russian influence is not the only possible explanation for this case. In Estonian, there are several postpositions able to express the same meaning: *järele* ‘behind, following’ and *jaoks* ‘under’, ‘for’. In Siberian Ingrian Finnish the postposition *jaoks*, seemingly a loanword from Estonian, is also occasionally used. These two postpositional constructions, with the postpositions *jäles* and *jaoks* respectively, seem to displace adessive-allative in situations when the motion is aimed at obtaining some concrete object.

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (47) *hä män-i vee-n jäles.*
 3SG go-PST.3SG water-GEN after
 ‘S/he went to bring water.’
- (48) *käivi-ksi-t sie leivä-n jäles.*
 go-CND-2SG 2SG bread-GEN after
 ‘Would you go and buy some bread.’

We can suppose that adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish is gaining a more general meaning of directedness towards an object, point of time or a state. Due to its universality, adessive-allative sometimes replaces illative with its more concrete spatial semantics when there is a choice between the two forms. At the same time, this tendency is not unidirectional. Parallel Russian and Estonian analytical constructions are able to reduce the scope of meanings considered normal for adessive and allative in Standard Finnish, as it happens for example in (47), (48).

4.2. Possessive domain

Possessive relations represent a more grammatical sphere of local cases semantics. Adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish has a tendency to take over some functions which were previously rendered

by genitive, the way it also happens in Estonian as compared to Standard Finnish. M. Hint in [Hint 1999] points out that under Indo-European pressure colloquial Estonian demonstrates a shift from the left-branching nominal attributive constructions of the type N[GEN] + N[NOM] towards the right-branching adverbial constructions with adverbial modifiers (e.g. N[NOM] + N[ALL] where N[ALL] can be regarded as a kind of adverbial modifier). Although constructions of the second type are considered stylistically inferior, they cannot be ignored as long as they seemingly represent a new grammatical trend. In my Siberian Ingrian Finnish materials there are examples of the same kind (49). However, some of them have retained non-inverted left-branching word order (50), (51). At the same time, in some situations it was obvious that adessive-allative appeared in my materials when the informant was experiencing difficulties trying to produce the genitive plural forms. Due to many syntactic reasons genitive plural is a relatively rare form and thus it can get lost in the process of language attrition. An easily generated adessive-allative form seemingly helps the informant to fill in the paradigmatic gap with no damage to the general sense of the phrase.

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (49) *kato müö-tävä-l' tua-l.*
 roof sell-PTCP_PRS_IPS-ADALL house-ADALL
 'The roof of the house on sale.'
- (50) *maanteki-l illa-t on ikävä-t.*
 Monday-ADALL evening-PL be.PRS.3SG dull-PL
 'Monday evenings are dull.'
- (51) *tämä tupa seiso vassan mei-l tuppa.*
 this house stand.PRS.3SG opposite 1PL-ADALL house.PRT
 'This house is across the street from our house.'

In Estonian, as H. K. Rätsep notes in [Рятсеп 1974: 30–31], possessive forms of adessive and allative can be used when the possession is alienated, while for inalienated possession genitive is more common. In Siberian Ingrian Finnish (52)–(56), the type of possession seems to be irrelevant. Adessive-allative in sentences listed below can, on the one hand, be interpreted in its normal possessive meaning analogous to Estonian and Finnish in phrases of the type (4). On the other hand, the way it happens in Estonian, Siberian Ingrian Finnish adessive-allative is

seemingly used to describe the state of affairs in one's sphere of control or concern without actual possession. Moreover, the phrases of this type can contain finite verbal forms (53)–(55). As it has been already said, this is possible in Estonian, mainly with impersonal verbal forms, but restricted in Finnish. At the same time, in Russian there is a parallel construction with preposition *y* + N[GEN] to describe the state of affairs in one's sphere of control with finite verbal forms, which probably gets copied here. In this respect the situation in Siberian Ingrian Finnish is very similar to other Ingrian Finnish varieties described in [Kokko 2007; Федотов 2012], where adessive commonly replaces ablative in the situations of loss or alienation in one's sphere of control or concern. See, for example, instances (55), (56) requiring ablative in Standard Finnish, and frequently used with adessive in Ingrian Finnish of the Leningrad region.

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (52) *mamm ol-i mei-l' hüvä tüömies.*
 mother be-PST.3SG 1PL-ADALL good worker
 'Our mother was a hardworking person.'
- (53) *mamm näk-i mei-l' pallij vaiva meje-ηkä.*
 mother see-PST.3SG 1PL-ADALL many difficulty.PRT 1PL-COM
 'Our mother saw many troubles with us.'
- (54) *miu-l tarelka-s ujju kärpen.*
 1SG-ADALL plate-IN swim.PRS.3SG fly
 'I have a fly in my plate.'
- (55) *miu-l ensmäin poikain ja kual'.*
 1SG-ADALL first son also die.PST.3SG
 'My first son also died.'
- (56) *häne-l vanemma-t kual-i-vat Riškova-s.*
 3SG-ADALL parent-PL die-PST-3PL Ryzhkovo-IN
 'His/her parents died in Ryzhkovo.'

Another type of possessive constructions with adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish belongs to the type 'be somebody for somebody'. This also has an equivalent in Russian, i.e. *он мне друг*, lit. 'he is a friend for me' (57), (58). Most likely, this is one more example of syntactic transfer, although the usage of adessive-allative in its possessive function here is quite predictable.

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (57) *ol-i hä druk, podrušk siu-l vai tovarišš,*
 be-PST.3SG 3SG friend girlfriend 2SG-ADALL or comrade
vai mikä hä siu-l ol-i?
 or what 3SG 2SG-ADALL be-PST.3SG
 ‘Was she your friend, girlfriend or comrade, or who she was for you?’

- (58) *hä miu-l enne ei ole druk.*
 3SG 1SG-ADALL any_more NEG.3SG be friend
 ‘S/he is no longer a friend of mine.’

Moreover, adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish frequently marks experiencer, beneficiary or ‘maleficiary’ of some situation. Constructions of this kind are widespread in Estonian (59) but never occur in Finnish (60) because, as R. Grünthal points out, adessive in Finnish can also mark an instrument [Grünthal 2003]. In Siberian Ingrian Finnish, where instrumentality is expressed by comitative in compliance with the Estonian model and possessive markers are absent, there is no risk that experiencer and instrument get confused (61).

ESTONIAN

- (59) *ema pes-i õhtu-l las-te-l jalgu.*
 mother wash-PST.SG3 evening-AD child-PL-AD foot.PL.PRT
 ‘The mother washed the children’s feet in the evening.’

FINNISH

- (60) *äiti pes-i illa-lla las-te-nsa jala-t.*
 mother wash-PST.SG3 evening-AD child-PL-SG3 foot-PL
 ‘The mother washed her children’s feet in the evening.’

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (61) *karu-l lask-i-vet jala-n.*
 bear-ADALL shoot-PST-3PL leg-GEN
 ‘The bear’s paw was shot.’

4.3. Temporal domain

As it has been already said, in Standard Finnish essive is regularly used in time expressions with reference to festivals and days of the week or when there is an attribute preceding the headword of the temporal NP. In Siberian Ingrian Finnish essive is regularly used

for the days of the week, but as concerns temporal expressions with attributes, essive is commonly displaced by adessive-allative (67)–(71).

R. Grünthal states that it is rather erroneous to attribute temporal semantics in temporal expressions to the local cases per se, as long as temporality here may result solely from the semantics of the nouns used, such as ‘week’, ‘year’, ‘month’ etc. [Grünthal 2003: 136]. Semantics of cases used for periods of time can be indeed interpreted as more grammatical. For Siberian Ingrian Finnish this statement can be supported by the fact that in noun phrases with modifiers the head noun and its modifier can get different case markers, which means it is not the case responsible for expression of temporal relations. This can happen even when the head of the NP gets the so-called terminative ending (62):

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (62) *hä ei tule toise-l’ pühhä-ssa.*
 3SG NEG.3SG go second-ADALL Sunday.ILL-TRM
 ‘He will not come back till the next Sunday.’
- (63) *mie hän-t e-n ole näh-t*
 1SG 3SG-PRT NEG-1SG be see.PTCP_PST_ACT
män-ne-l’ talve.
 last-PTCP_PST_ACT-ADALL winter.PRT
 ‘I have not seen him last winter.’
- (64) *tämä-l’ aastaika hä noiso ost-ma poik-ij.*
 this-ADALL year.PRT 3SG begin.PRS.3SG buy-SUP son-PRT.PL
 ‘This year s/he is going to buy chickens.’
- (65) *kumpase-l aika sie tul-i-t?*
 what-ADALL time.PRT 2SG come-PST-2SG
 ‘When did he come?’

At the same time, in my material there was an example of analogous disagreement in case between the complement and the head noun, though the meaning of the construction was not temporal (66):

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (66) *mäne vijjente-l’ tuppa i hä siel’ ellä.*
 go.IMP.2SG fifth-ADALL house.ILL and 3SG there live.PRS.3SG
 ‘Go to the fifth house, and s/he lives there.’

O. Kokko reports that this kind of disagreement in temporal constructions (the head in partitive and the modifier in adessive) is

common for Ingrian Finnish of the Western Ingria. From this point of view, a shift towards adessive-allative accompanied by modifier disagreement is just a trace inherited by Siberian Ingrian Finnish from the dialects of the Western Ingria. Moreover, as it has been stated above, similar constructions are also possible in Izhorian [Kokko 2007]. Considering the fact that at least part of the first settlers who came to Siberia were of Izhorian descent, it is justified to suppose that this can be a trace of Izhorian substratum influence or a contact-induced feature which existed in the group's language prior to relocation. The question is how to interpret cases like (66). Disagreement in constructions belonging to the spatial domain is common for adnominal demonstrative pronouns in Ingrian Finnish. It is also possible in Siberian Ingrian Finnish, however, (66) is not the case. Probably, disagreement between the internal and external case markers with the headwords and the attributes first took place in the sphere of adnominal demonstratives and now is occasionally spreading onto the other types of attributes, supported by the analogous disagreement in temporal sphere.

Finally, it is not clear enough how often adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish is used with reference to church holidays. In my material there were only several examples of this type (67). The meaning of adessive-allative in this situation is very close to the target object marking described before, where adessive-allative can be interpreted as denoting a point of time by which something happens or until which something is postponed:

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
- (67) *siis krešenje-l käü-ti mejje-n*
 then Epiphany-ADALL go-IPS.PST 1PL-GEN
kaik väki sinn, hei-l'.
 all people there 3PL-ADALL
 'Then on Epiphany they went, all our people went to them.'

4.4. Instrumental domain

As it has been already said, in Standard Finnish instrumental function can be carried out by adessive and, in a limited number of contexts, by allative (with perception verbs, see (33), (34)). In contrast, in Estonian there is another relatively new case able to express the corresponding set of meanings – *ga*-comitative. I have no evidence that adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish retained its instrumental

function, although this may be explained by the lack of corresponding examples in my material. In general, almost the whole range of instrumental relations in Siberian Ingrian Finnish seems to be expressed by a new ‘semi-case’ – *ηkA*-comitative. This can be regarded as a certain degree of Estonian influence, but in Izhorian and Ingrian Finnish of the Lower Luga area the comitative of this type is also widely used in the instrumental domain.

Moreover, the *ηkA*-comitative in Siberian Ingrian Finnish can express the periods of time required to accomplish an action, just like it happens in Estonian with the *ga*-comitative. In this respect, periods of time can be interpreted in instrumental sense, as if they were a ‘tool’ necessary to achieve the final stage of an action. In Standard Finnish, inessive (68), (69) or illative (in negative constructions, like in (70)) are expected in the same position, while in Siberian Ingrian Finnish only comitative is possible (71), (72):

FINNISH

- (68) *lu-i-n kirja-n tunni-ssa.*
 read-PST-1SG book-GEN hour-IN
 ‘I read the book in an hour.’
- (69) *hän luk-i lääkäri-ksi viide-ssä vuode-ssa.*
 3SG read-PST.3SG doctor-TRL five-IN year-IN
 ‘He qualified as a doctor in five years.’
- (70) *kahteen vuoteen e-n ole*
 two.ILL year.ILL NEG-1SG be
kuul-lut sinu-sta mitään.
 hear-PTCP_PST_ACT 2SG-EL what-NEG
 ‘I have not heard about you for two years.’

SIBERIAN INGRIAN FINNISH

- (71) *kolme-n päivä-ηkä hä mittäki*
 three-GEN day-COM 3SG nothing
ei teh-nüt.
 NEG.3SG make-PTCP_PST_ACT
 ‘He has not done anything in these three days.’
- (72) *tämä piirikk saa-b valmi-ks kähe-n tunni-ηka.*
 this pie get-PRS.3SG ready-TRL two-GEN hour-COM
 ‘This pie will be ready in two hours.’

4.5. Postpositions and adverbial phrases

The most common cases historically used in postposition and preposition constructions in Finnic languages are genitive and partitive. In some specific cases illative, allative, ablative and elative are also possible. In modern Estonian the status of postpositions that get combined with other cases than partitive and genitive is reconsidered. Constructions of the following type (with allative and elative respectively) are usually described as adverbial:

ESTONIAN

(73) *koer jookis auto-le ette.*
dog run-PST.3SG car-ALL in_front
'A dog appeared in front of the car.'

(74) *puu kukkus auto-le peale.*
tree fall-PST.3SG car-ALL onto
'A tree fell over the car.'

Words like *ette*, *peale*, *juurde*, *üle*, *mööda* and *läbi* in this context are considered adverbs [Рятсеп 1974]. However, there is an alternative way to interpret them. We can handle these constructions as postpositional phrases demonstrating further development of local cases towards a more syntactic role. However, this interpretation must be supported by usage of the corresponding local cases in possessive constructions.

At the same time, examples of the locative cases in constructions the semantics of which is close to possession are not so uncommon. As it has been already said, in colloquial Estonian, as well as in Veps, Votic and Karelian, attributive noun phrases with cases other than nominative, genitive and partitive are possible [Лаанест 1959]. A. Laanest lists four major types: (1) elative attribute denoting material or a substance; (2) inessive attribute denoting state; (3) comitative attribute denoting possession; (4) elative or ablative attribute denoting origin of the object expressed by the had noun. He also mentions that in Standard Estonian elative, translative and allative attributes are possible, but the word order in phrases like this is often reversed. Of course, this does not prove that local cases are on their way to take over genitive functions, but these two phenomena – nominal constructions and adverbial phrases with adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish – in my opinion, should be handled together.

Examples of possessive constructions with adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish have been already given in section 4.2. Here are some examples of adessive-allative adverbial phrases (85)–(91). In fact, they are not numerous in my materials, outnumbered by canonical genitive postposition constructions, but the fact of their existence, in my opinion, deserves certain attention:

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
- (75) *hä seiso miu-l vasta.*
 3SG stand.PRS.3SG 1SG-ADALL opposite
 ‘He stands in front of me.’
- (76) *jabloka-n puu-l iest on*
 apple-GEN tree-ADALL in_front_of be.PRS.3SG
pallⁱ valmi-j jablakk-oi.
 many ripe-PRT.PL apple-PRT.PL
 ‘There are many ripe apples in front of the apple tree.’
- (77) *hä istu koko aik ümper vanaemä-l’.*
 3SG sit.PRS.3SG all time around grandmother-ADALL
 ‘He sits all the time near his grandmother.’

4.6. Impersonal constructions

In Siberian Ingrian Finnish, the adessive-allative case is regularly used in impersonal constructions. Equivalent constructions in Russian involve dative. Their parallel employment seems to be quite predictable, as long as adessive-allative semantics is in some points rather close to the semantics of Russian dative (i.e. adessive-allative and dative are both used to express beneficiary). M. Rießler in [Rießler 2007] reports that in Kildin Saami several impersonal constructions make use of illative instead of expected genitive, partitive or nominative. He explains this as an example of grammatical borrowing from Russian. My examples of impersonal constructions with adessive-allative, most likely, are of the same contact-induced origin.

Adessive-allative is widely used in impersonal constructions expressing necessity or obligation, the way it also happens in Ingrian Finnish of the Leningrad region as described in [Kokko 2007]. Namely they are the constructions with the verbs *pittä* (have_to.PRS.3SG) / *pit-i* (have_to.PST.3SG) and *täüüⁱ* (have_to.PRS.3SG) / *täüiti* (have_to.PST.3SG) and the adverb *tarvis* ‘necessary’. In Standard Finnish, both the verbs

pitää and *täytyä* require genitive (partitive is also possible for the verb *pitää*) [Karlsson 1999]. Analogous Estonian construction with the verb *pidama* is not impersonal with the subject in nominative. In Siberian Ingrian Finnish respectively both *pittä* (78)–(80) and *täüti* (81), (82) constructions are impersonal and in most cases require adessive-allative:

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
- (78) *siu-l*   *pittä*   *männ*   *sua-n*   *sisse*.
 2SG-ADALL   need.PRS.3SG   go.INF   bog-GEN   into
 ‘You need to go to the bog.’
- (79) *häne-l’*   *pit-i*   *männ*   *sinn*.
 3SG-ADALL   need-PST.3SG   go.INF   there
 ‘S/he has to go there.’
- (80) *mamma-l*   *mait^o*   *pit-i*   *anta*   *vällä*.
 mother-ADALL   milk   need-PST.3SG   give.INF   away
 ‘Mother had to give away the milk.’
- (81) *miu-l*   *niitt*   *täüt-i*
 1SG-ADALL   then   need-PST.3SG
häne-ŋkä   *vaiva*   *nähä*   *pali*.
 3SG-COM   difficulty.PRT   see.INF   much
 ‘Then I had to see many difficulties with him.’
- (82) *siu-l*   *täütⁱ*   *otta*   *sitä*   *maista*.
 2SG-ADALL   must.PRS.3SG   take.INF   this.PRT   taste.INF
 ‘You must taste this.’

The suggestion of Russian influence here is supported by the fact that respective constructions with *tarvis* in Siberian Ingrian Finnish appear without copula (83), (84):

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
- (83) *linna*   *miu-l*   *viis*   *tunti*   *tarvis*   *männ*.
 city.ILL   1SG-ADALL   five   hour.PRT   necessary   go.INF
 ‘It takes me five hours to get to the city.’
- (84) *häne-l*   *ain*   *mitä-le*   *tarvis*.
 3SG-ADALL   constantly   what.PRT-ever   necessary
 ‘He needs something all the time.’

The form *tarvis* in the examples listed above is an independent predicate. Moreover, sometimes in necessity constructions there is no

copula or predicate-like unit at all, the way it can happen in Russian. Thus, the copula-less example (85) is, probably, the result of direct Russian influence:

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
 (85) *ku laps-ij ei opetta-s ei saa-tta-s*
 if child-PRT.PL NEG.3SG teach.IPS-CND NEG.3SG get-IPS-CND
arvo mitä hei-l' tehä, mitä ei.
 mind.PRT what.PRT 3PL-ADALL do.INF what.PRT NEG
 'If the children are not taught, they do not know what to do
 and what not to do.'

In phrases with the verb *näyttää* 'seem' elative is also often replaced by adessive-allative. This can be explained by comparing it to the corresponding Russian expressions *мне нравится* (N[DAT] + V), *мне кажется* (N[DAT] + V). The verb *tahto* can also become a part of impersonal construction analogous to the Russian expression *мне хочется* (N[DAT] + V). I suppose that ability of the adessive to express experiencer with the verbs like *meeldima* in Estonian additionally prompts the rise of such constructions in Siberian Ingrian Finnish. At the same time, impersonal constructions with adessive are rather widespread in Votic [Маркус, Рожанский 2011]. Possibly, there is some degree of Votic influence brought by the first settlers from the Lower Luga area, where contacts between Ingrian Finnish, Izhorian and Votic were rather intensive. The third possible explanation is that Russian independently influenced the three languages, Votic, Siberian Ingrian Finnish and, to some extent, Estonian, in the same direction.

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
 (86) *miu-l passi mait^o.*
 1SG-ADALL suit.PRS.3SG milk
 'I like milk.'
 (87) *hä-l' itse-l' tämä tüö ei pass.*
 3SG-ADALL self-ADALL this work NEG.3SG suit
 'S/he does not like this work.'
 (88) *miu-l näüttä kene-lle kolista us-t.*
 1SG-ADALL seem.PRS.3SG who-ever knock.PRS.3SG door.PRT
 'It seems to me that somebody is knocking on the door.'

- (89) *uvve-t naapri-t näüttä-t miu-l*
 new-PL neighbor-PL seem-PRS.3PL 1SG-ADALL
hüv-i-ks ihmis-i-ks.
 good-PL-TRL human-PL-TRL
 ‘New neighbors seem like good people.’
- (90) *hä-l’ ikä aik mitä-le tahto.*
 3SG-ADALL every time what.PRT-ever want.PRS.3SG
 ‘S/he wants something all the time.’

Estonian state-denoting constructions where experiencer is also encoded by adessive also have equivalents in Siberian Ingrian Finnish. In Standard Finnish, the corresponding case for the experiencer is genitive. At the same time these state-denoting expressions in Estonian and Standard Finnish usually have a copula, while in Siberian Ingrian Finnish it is possible to omit it or use another verb instead:

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
- (91) *hä-l’ ol-i egl’ paha.*
 3SG-ADALL be-PST.3SG yesterday bad
 ‘S/he felt awful yesterday.’
- (92) *hä siel’t tul-i,*
 3SG from_there come-PST.3SG
häne-l’ jo pare-mp.
 3SG-ADALL already well-CMP
 ‘S/he came from there, s/he felt better.’
- (93) *ke-l’ ei ol-t lehm-ij kanešna*
 who-ADALL NEG.3SG be.PTCP_PST_ACT cow-PRT.PL of_course
se-l’ ol-i kera rank.
 this-ADALL be-PST.3SG also difficult
 ‘Those who did not have cows also faced difficulties.’
- (94) *hei-l’ sa-i vähä pare-mpi.*
 3PL-ADALL get-PST.3SG a_little well-CMP
 ‘They started feeling a little better.’

Against this background, it is not surprising that age-expressing constructions in Siberian Ingrian Finnish are also impersonal and equally based upon the Russian model with the only difference of the copula being still present (95), (96). The age-expressing constructions with

the verb *männ* ‘go’ (97) are used as well (cf. Russian *мне пошел четырнадцатый год* lit. ‘the fourteenth year has started to go to me’):

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
- (95) *miu-l kui ol-i pal’lⁱⁱ siin,*
 1SG-ADALL how be-PST.3SG many there
kakstoist aastaika.
 twelve year.PRT
 ‘How old was I then? I was 12.’
- (96) *kolt aastaika hä-l’ ol-i.*
 three year.PRT 3SG-ADALL be-PST.3SG
 ‘S/he was three years old.’
- (97) *nellästoist aastaik miu-l män-i.*
 fourteen year 1SG-ADALL go-PST.3SG
 ‘I entered my fourteenth year.’

4.7. Grammatical cases displacement

Most likely due to the general broadening of adessive-allative domains, the complements of some verbs in Siberian Ingrian Finnish occasionally get the adessive-allative ending. This does not have a regular basis and the examples of this kind can be regarded as mere ‘slips of tongue’. Even the verb *avitta* ‘help’, the equivalent of which in Estonian can have complements both in partitive and adessive, in Siberian Ingrian Finnish still sometimes has its complement in partitive in compliance with the original Finnic model, although, under the Russian influence, it would be predictable if adessive-allative completely replaced partitive here (cf. (98) and (99)). At the same time, the complement of the verb *laske* ‘let’ is always in adessive-allative, just as in Estonian (100). Finally, the examples (101)–(103) have no explanation at all besides the general idea that the spreading domains of adessive-allative make it occasionally appear in contexts where only syntactic cases are normally used.

- SIBERIAN INGRIAN FINNISH
- (98) *jesli tüö toin toise-l’ avita-t <...>*
 if 2PL other other-ADALL help.PRS-2PL
 ‘If you help each other <...>’
- (99) *kene-ki ei voi minnu avitta.*
 who-EMPH NEG.3SG can 1SG.PRT help.INF
 ‘Nobody can help me.’

- (100) *mie ol-isi-n maa-nt kui miu-l*
 1SG be-CND-1SG sleep-PTCP_PST_ACT if 1SG-ADALL
ol-is' lase-t.
 be-CND.3SG let-PTCP_PST_ACT
 'I would sleep if they let me do this.'
- (101) *mie siu-l sirano näe-n.*
 1SG 2SG-ADALL anyway see.PRS-1SG
 'I still see you.'
- (102) *mie ajjo-n vällä häne-l'.*
 1SG force.PST-1SG away 3SG-ADALL
 'I drove him/her away.'
- (103) *hän sis män-i ihe-l' nuore-l' naise-l',*
 3SG then go-PST.3SG one-ADALL young-ADALL woman-ADALL
kene havit' peremiehe-l'.
 who bury.PST.3SG host-ADALL
 'It (the house) was given to one young woman whose husband died.'

Most likely, the patterns like in (101)–(103) have no place in the language system of Siberian Ingrian Finnish. Nevertheless, I believe that 'slips of tongue' such as these are sometimes capable of betraying hidden tendencies. For adessive-allative this tendency can be identified as a growing inclination towards a more syntactic role.

5. Conclusion

The usage patterns for adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish demonstrate more similarity with Estonian than with Standard Finnish. This is not surprising keeping in mind that Ingrians in Siberia had been exposed to Estonian influence even before they were relocated and once again came under it in the middle of the 19th century. At the same time, many of the examples in my material can be explained by the Russian influence as well. This is supported by the fact that the same tendencies manifest themselves in Ingrian Finnish of the Leningrad region, the speakers of which mostly have had scarce contacts with Estonian. In general, adessive-allative shows an inclination towards a universal 'goal case' alongside with increasing ability to implement some syntactic roles. Hypothetical reasons for this can be divided in two groups, internal and external.

The main internal reasons are the following: (1) favored syntacticity of adessive and allative which helps to combine both locational and directional meanings in concrete and abstract spheres; (2) the *ηkA*-comitative taking up the instrumental domain and thus reducing the scope of cases which allow non-favoured double reading; (3) defective paradigm in the case of genitive plural which is easily filled in by the respective adessive-allative form.

The external reasons belong to the scope of contact-induced phenomena. First of all, this is the Estonian influence in the Estonian Ingria and Siberia. Votic and Izhorian traces are also possible here but this requires further investigation and comparison with present-day and archive Izhorian and Votic materials. Finally, syntactic transfer from Russian is also possible. On the one hand, it could lead to emergence of new constructions. On the other hand, the frequency ratio for the constructions that existed in the language prior to the most intensive contact could increase under the influence of their Russian counterparts. I believe that adessive-allative patterns of usage in Siberian Ingrian Finnish have most likely emerged as a result of combined influence of all the above-mentioned factors.

Abbreviations

1, 2, 3 — person; ACC — accusative (in Russian); ACT — active; AD — adessive (in Finnish and Estonian); ADALL — adessive-allative (in Siberian Ingrian Finnish); ALL — allative (in Finnish and Estonian); CMP — comparative; CND — conditional; COM — comitative; DAT — dative (in Russian); EL — elative; EMPH — emphatic; GEN — genitive; ILL — illative; IMP — imperative; IN — inessive; INF — infinitive (1st infinitive for Finnish, *da*-infinitive for Estonian, *a/ä/t*-infinitive for Siberian Ingrian Finnish); INSTR — instrumental (in Russian); IPS — impersonal; NEG — negation; NOM — nominative; PL — plural; PRS — present; PRT — partitive; PST — past; PTCP — participle; SG — singular; SUP — supine (3rd infinitive for Finnish, *ma*-infinitive for Estonian, *ma/mä*-infinitive for Siberian Ingrian Finnish); TRL — translative; TRM — terminative.

Bibliography

- Злобина 1971 — В. Е. Злобина. Кто такие корлаки? // Советское финно-угроведение 2, 1971. С. 87–91.
- Кузнецова 2009 — Н. В. Кузнецова. Фонологические системы ижорских диалектов. Дисс. ... канд. филол. наук, ИЛИ РАН, СПб, 2009.
- Кузнецова 2012 — Н. В. Кузнецова. Просодика словоформы в нижнелужском диалекте ижорского языка // Acta Linguistica Petropolitana.

- Труды Института лингвистических исследований РАН VIII, 1, 2012, в печати.
- Лаанест 1959 — А. Лаанест. Субстантивный атрибут в прибалтийско-финских языках. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Таллин: Академия Наук Эстонской ССР. Институт языка и литературы, 1959.
- Маркус, Рожанский 2011 — Е. Б. Маркус, Ф. И. Рожанский. Современный водский язык. Тексты и грамматический очерк. Том II. СПб: Нестор-История, 2011.
- Мосина 2004 — Н. М. Мосина. Структура финского языка: Фонетика и морфология имен. Саранск: Красный октябрь, 2004.
- Пялль 1955 — Э. Пялль. Учебник эстонского языка. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1955.
- Рятсеп 1974 — Х. К. Рятсеп. Структура простого предложения в эстонском языке: ориентированные на глагол модели предложения. Автореферат дисс. ... докт. филол. наук. Тартуский государственный университет, Тарту, 1974.
- Серебрянников, Керт (ред.). 1958 — Б. А. Серебрянников, Г. М. Керт (ред.). Грамматика финского языка: фонетика и морфология. Москва — Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1958.
- Сидоркевич 2012 — Д. В. Сидоркевич. Ингерманландцы в Сибири: этническая идентичность в многоэтничном окружении // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН VIII, 1, 2012, в печати.
- Федотов 2012 — М. Л. Федотов. Полисемия показателей аблатива и элатива в финских говорах Центральной Ингерманландии // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН VIII, 1, 2012, в печати.
- Бйспуу 1999 — Й. Бйспуу. Справочник по эстонскому языку. Таллинн: Коолибри, 1999.
- Atkinson 1969 — J. Atkinson. *Finnish Grammar*. Turku: The Finnish Literature Society, 1969.
- Erelt et al. 2007 — M. Erelt, T. Erelt, K. Ross. *Eesti keele käsiraamat*. Kolmas, täiendatud trükk. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2007. (<http://www.eki.ee/books/ekk09>)
- Granö J. 1893 — J. Granö. *Kuusi vuotta Siperiassa*. Helsinki: Weil & Göös, 1893.
- Granö J. G. 1905 — J. G. Granö. *Siperian suomalaiset siirtolat*. Helsinki — Kuopio: K. Malmströmin kirjapaino, 1905.
- Granö P. 1914 — P. Granö. *Siperian suomalaiset* // *Kansanvalistusseuran Kalenteri 1915*. Helsinki: Kansanvalistusseura, 1914. S. 27–46.
- Granö P. 1926 — P. Granö. *Siperian suomalaiset* // A. Kannisto, E. N. Setälä, U. T. Sirelius, Y. Wichman (toim.). *Suomen suku*. Helsinki: Otava, 1926. S. 288–293.

- Grünthal 2003 — R. Grünthal. *Finnic Adpositions and Cases in Change*. Helsinki: Société finno-ougrienne, 2003.
- Hakulinen et al. (toim.). 2004 — A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. Heinonen, I. Alho (toim.). *Iso suomen kielioppi*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. (<http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>)
- Heine 1997 — B. Heine. *Cognitive Foundations of Grammar*. Oxford: OUP, 1997.
- Hint 1999 — M. Hint. *The Estonian noun under Indo-European pressure // Grammaticalisation aréale et sémantique cognitive: des langues finniques et sames [Actes du Colloque International du C. N. R. S. tenu les 9 et 10 avril 1999 en Sorbonne]*. Paris: Sorbonne, 1999. P. 169–177.
- Juntunen 1982 — A. Juntunen. *Länsi-Siperian inkeriläiset siirtolat // Turun Historiallinen Arkisto 38, 1982. S. 350–367*.
- Juntunen 1983 — A. Juntunen. *Suomalaisten karkottaminen Siperiaan autonomian aikana ja karkotetut Siperiassa [Suomen vankeinhoidon historiaa 3]*. Helsinki, 1983.
- Karlsson 1999 — F. Karlsson. *Finnish: An Essential Grammar*. London: Routledge, 1999.
- Kokko 2007 — O. Kokko. *Inkerinsuomen pirstaleisuus. Eräiden sijojen kehitys murteen yksilöllistymisen kuvastajana [Joensuun yliopiston humanistisia julkaisuja 48]*. Joensuu: Joensuun yliopisto, 2007.
- Korb 2003 — A. Korb. *Virulased, a multiethnic and multicultural community in Ryzhkovo village, West-Siberia // Pro-Ethnologia 15, 2003. P. 29–47*.
- Korb 2007 — A. Korb. *Rõžkovo virulased pärimuskultuuri kandjaina*. Tartu: Eesti kirjandusmuuseum, 2007.
- Laanest (toim.) 1966 — A. Laanest (toim.). *Isuri murdetekste*. Tallinn: Eesti NSV Teaduste akadeemia keele ja kirjanduse instituut, 1996.
- Lehto 1996 — M. I. Lehto. *Ingrian Finnish: Dialect Preservation and Change [Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 23]*. Uppsala — Stockholm: Gotab, 1996.
- Nirvi 1972 — R. E. Nirvi. *Siperian inkeriläisten murteesta ja alkuperästä // Kotiseutu 2, 3, 1972. S. 92–95*.
- Penttilä 1963 — A. Penttilä. *Suomen kielioppi. Toinen, tarkistettu painos*. Porvoo: WSOY, 1963.
- Rießler 2007 — M. Rießler. *Grammatical borrowing in Kildin Saami // Y. Matras, J. Sakel (eds.). Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. P. 229–245.
- Viiitso 2003 — T.-R. Viiitso. *Structure of the Estonian language // M. Erelt (ed.). Estonian Language [Linguistica Uralica. Supplementary series 1]*. Tallinn: Estonian Academy Publishers. P. 9–129.
- Zlobina 1972 — V. Zlobina. *Mitä alkujuurta Siperian suomalaiset ja korlakat ovat // Kotiseutu 2, 3, 1972. S. 86–92*.

Сведения об авторах

Антонова (Митева) Полина Степановна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: polja.miteva@gmail.com

Аркадьев Петр Михайлович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник и секретарь Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, Москва. Электронная почта: peterarkadiev@yandex.ru

Архангельский Тимофей Александрович — преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: timarkh@gmail.com

Беляев Олег Игоревич — младший научный сотрудник сектора типологии Отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: obelyaev@gmail.com

Бровко Екатерина Леонидовна — преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: katia.brovko@gmail.com

Виноградов Игорь Андреевич — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: happyjojik@yandex.ru

Волк Виталий Сергеевич — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: burzachilo@gmail.com

Выдрин Арсений Павлович — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: senjacom@gmail.com

Выдрина Александра Валентиновна — аспирантка Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: sogolon@yandex.ru

Ганенков Дмитрий Сергеевич — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Отдела кавказских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: d.ganenkov@gmail.com

Гармаш Екатерина Ивановна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: katya.garmash@gmail.com

Герасимов Дмитрий Валентинович — младший научный сотрудник Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: dm.gerasimov@gmail.com

Горбунова Ирина Михайловна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: kmaga63@gmail.com

Дмитриева Софья Игоревна — аспирантка Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: s.i.dmitrieva@gmail.com

Додина Мария Александровна — выпускница учебно-научного центра лингвистической типологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: dodinna@mail.ru

Ершова Ксения Алексеевна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: ksenja.ershova@gmail.com

Еселева Анастасия Александровна — аспирантка Отдела сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных

исследований Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: eselana@mail.ru

Заика Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: zaika,nat@lycos.com

Иванов Владимир Андреевич — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, сотрудник Научной библиотеки Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: vovagkmfc@yandex.ru

Иванов Михаил Юрьевич — аспирант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: streifig@gmail.com

Ивлиева Наталья Викторовна — аспирантка факультета лингвистики и философии Массачусетского технологического института, Кембридж, США. Электронная почта: natasha.ivlieva@gmail.com

Кашкин Егор Владимирович — аспирант отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: egorkashkin@rambler.ru

Киммельман Вадим Игоревич — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва, магистрант Амстердамского университета, Нидерланды (Universiteit van Amsterdam). Электронная почта: vadimkmm@rambler.ru

Кирьянов Денис Павлович — студент отделения теоретического и экспериментального языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: denkiryanov@mail.ru

Клименко Сергей Борисович — аспирант Филиппинского университета в Дилимане, Кесон-Сити, Филиппины (Unibersidad ng Pilipinas Diliman). Электронная почта: venom4000@gmail.com

Князев Михаил Юрьевич — аспирант Утрехтского института лингвистики, Утрехт, Нидерланды (Utrecht Institute of Linguistics OTS). Электронная почта: misha.knjazev@gmail.com

Ковальская Вера Максимовна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: foi_forgee@mail.ru

Кожанов Кирилл Александрович — аспирант Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, Москва. Электронная почта: kozhanov.kirill@gmail.com

Комри Бернард — Ph. D., директор Института эволюционной антропологии Макса Планка, Лейпциг, Германия, заслуженный профессор лингвистики Калифорнийского университета в Санта-Барбаре, США. Электронная почта: comrie@eva.mpg.de

Коношенко Мария Борисовна — аспирантка Отдела африканских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: eleiteria@gmail.com

Косогорова Мария Александровна — аспирантка Отдела африканских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: maria.kosogorova@gmail.com

Крылова Василиса Андреевна — аспирантка Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: vasilisak@yandex.ru

Кузнецова Ольга Васильевна — аспирантка Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: siilille@yandex.ru

Кушнир Елизавета Львовна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: lizakushnir@yandex.ru

Кюсева Мария Викторовна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета

Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: vampirenok199@mail.ru

Ладыгина Алина Алексеевна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: aladygina@yahoo.com

Ландер Юрий Александрович — научный сотрудник Отдела языков Азии и Африки Института востоковедения РАН, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: yulander@yandex.ru

Летучий Александр Борисович — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка РАН, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Электронная почта: alexander_letuchiy@hotmail.com

Лучина Елена Сергеевна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: luchina-lena@yandex.ru

Макарова Анастасия Борисовна — аспирантка Университета Тромсе, Норвегия (Universitetet i Tromsø). Электронная почта: anastiamakarova@yahoo.com

Макаревич Максим Максимович — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН, ученый секретарь Центра лингвокультурных исследований BALCANICA, Москва. Электронная почта: makarcev@bk.ru

Мальчуков Андрей Львович — доктор филологических наук, научный сотрудник Института эволюционной антропологии Макса Планка, Лейпциг, приват-доцент Института Иоганна Гуттенберга, Майнц, Германия. Электронная почта: malchukov@uni-mainz.de

Матвеева Наталья Сергеевна — ассистент преподавателя кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов, Москва. Электронная почта: matnat@mail.ru

Митева Полина Степановна — см. *Антонова Полина Степановна*

Мищенко Дарья Федоровна — студентка отделения теоретического и экспериментального языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: zenitchiki@yandex.ru

Морозова Ангелина Васильевна — преподаватель кафедры английского языка для обществоведческих факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. Электронная почта: g-morozova@mail.ru

Муравьев Никита Алексеевич — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: nikita.muraviev@gmail.com

Овсянникова Мария Алексеевна — аспирантка Отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: masha.ovsjannikova@gmail.com

Оскольская Софья Алексеевна — аспирантка Отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: sonypolik@gmail.com

Павлова Елизавета Кирилловна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: eliz.pavlova@yandex.ru

Панкова Марина Сергеевна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: marpank@yandex.ru

Панов Владимир Александрович — аспирант сектора типологии Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: panovmeister@gmail.com

Паперно Денис Аронович — аспирант факультета лингвистики Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, США. Электронная почта: denis.paperno@gmail.com

Пиперски Александр Чедович — аспирант кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: ariperski@gmail.com

Подобряев Александр Владимирович — аспирант факультета лингвистики и философии Массачусетского технологического института, Кембридж, США. Электронная почта: sasha.podobryaev@gmail.com

Попова Дарья Павловна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: daschaporowa@gmail.com

Пупынина Мария Юрьевна — аспирантка Отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: pupynina@gmail.com

Пиехотская Екатерина Александровна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: pshehotskaya@mail.ru

Ренковская Евгения Алексеевна — сотрудник ООО «Аби Продакшн» (АВВУ), Москва. Электронная почта: jennyrenk@gmail.com

Руднев Павел Иванович — аспирант Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: pasha.rudnev@gmail.com

Рыжова Дарья Александровна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: daska1990R@yandex.ru

Сай Сергей Сергеевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: serjozhka@yahoo.com

Семенова Ксения Павловна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Мос-

ковского государственного университета, Москва. Электронная почта: lessful@gmail.com

Сердобольская Наталья Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент учебно-научного центра лингвистической типологии Российского государственного гуманитарного университета, преподаватель факультета иностранных языков Московского городского психолого-педагогического университета, Москва. Электронная почта: serdobolskaya@gmail.com

Сидоркевич Дарья Викторовна — аспирантка Отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: dairinfinn@gambler.ru

Сомин Антон Александрович — студент отделения теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, Москва. Электронная почта: somin@tut.by

Стойнова Наталья Марковна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: ashl@yandex.ru

Тагабилева Мария Геннатовна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: geratagabileva@gmail.com

Татевосов Сергей Георгиевич — доктор филологических наук, доцент отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: tatevos@philol.msu.ru

Усачева Мария Николаевна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: masha-stroeva@yandex.ru

Федотов Максим Сергеевич — студент отделения теоретического и экспериментального языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, лаборант

Отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: tequila.lime@gmail.com

Ханина Елена Константиновна — студентка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета. Электронная почта: esposito@mail.ru

Хаспельмат Мартин — Ph. D., профессор, научный сотрудник Института эволюционной антропологии Макса Планка, Лейпциг, Германия. Электронная почта: haspelmt@eva.mpg.de

Хачатурьян Мария Леонидовна — аспирантка Отдела африканских языков Института языкознания РАН, Москва, сотрудница Лаборатории языков и культур Черной Африки Национального центра научных исследований, Париж, Франция (LLACAN CNRS). Электронная почта: mashaha@gmail.com

Холкина Лилия Сергеевна — аспирантка Пекинского университета, Пекин, Китай. Электронная почта: kholkina@gmail.com

Холодилова Мария Александровна — лаборант Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: hol_m@mail.ru

Худякова Мария Викторовна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: maria.kh@gmail.com

Шагал Ксения Андреевна — аспирантка Лаборатории типологического изучения языков Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: ksu-ha@inbox.ru

Шматова Мария Сергеевна — аспирантка отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета, Москва. Электронная почта: mashashma@gmail.com

Эршлер Давид Александрович — Ph. D., преподаватель Независимого московского университета, Москва. Электронная почта: erschler@gmail.com

Аннотации и ключевые слова

Часть I. Материалы Шестой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2009 г.)

П. М. Аркадьев. Согласование с именной группой в периферийном падеже: опыт типологии

Исследование посвящено малоизученной проблеме согласования глагола с именной группой, маркированной периферийным грамматическим средством (косвенным падежом или предлогом/послелогом). Выявляются случаи такого согласования в целом ряде языков разной генетической и географической принадлежности. Выделяется три пути возникновения таких ситуаций: (1) проникновение исходно периферийных средств маркирования в зону выражения ядерных синтаксических отношений; (2) «удержание» периферийного оформления объектом, вводимым глагольным показателем аппликатива; (3) грамматикализация топиализованных конструкций с резумптивными клитическими местоимениями.

Ключевые слова: вершинное и зависимостное маркирование, согласование, падеж, грамматикализация, синтаксические отношения, аппликатив, топиализация

О. И. Беляев. Сочинение и подчинение в ицаринском, кункинском и аштинском диалектах даргинского языка

В работе анализируется фундаментальное для синтаксической теории противопоставление сочинительного и подчинительного типов связи клауз на материале полипредикативных конструкций с деепричастиями в трех даргинских диалектах: ицаринском, кункинском и аштинском. В результате исследования установлена вариативность поведения некоторых из конвербов в тестах на сочинение и подчинение в зависимости от семантики: как и во многих других языках, подчинительность коррелирует с причинной семантикой и односубъектностью. Однако граница между сочинением и подчинением в таких случаях в изучаемых диалектах не проведена достаточно четко, и вариативность наблюдается далеко не по всем характерным признакам. Это позволяет сделать вывод о невозможности

описания такой ситуации с позиции «прагматического» подхода к сочинению и подчинению, достаточно популярного в функциональной лингвистике. Кроме того, на основании анализа данных близкородственных языков в работе выдвигается предположение о возможном сценарии диахронической эволюции обсуждаемых конвербных конструкций.

Ключевые слова: кавказские языки, даргинский язык, синтаксис, полипредикация, сочинение, подчинение

А. В. Богданов. Структура неполных предикаций в осетинском языке

В работе представлен анализ нефинитных предикаций (причастий, номинализаций, конвербов) в осетинском языке. Проанализированы такие свойства, как возможность присоединения отрицательных частиц и отрицательных местоимений, а также возможность иметь клитику второй позиции в качестве зависимого. Данные показывают, что номинализации, в отличие от прочих дериватов, не способны присоединять отрицание и отрицательные частицы, что говорит о том, что их внутренняя синтаксическая структура содержит меньшее количество узлов, чем структура других дериватов.

Ключевые слова: причастие, конверб, номинализация, инфинитив, клитика, отрицание, предикация

И. А. Виноградов. Категория ирреалиса в языке цоциль

В языке цоциль (семья майя) выделяется особая грамматическая категория — категория ирреалиса. Ее показатели указывают либо на реальность ситуации, либо на ее воображаемость. Ирреальность ситуации выражается двумя способами: особым суффиксом *-uk* и отсутствием показателя аспекта. Ирреалис употребляется в отрицательных конструкциях, при императиве, при выражении желания, цели, контрафактического условия. Сфера употребления ирреалиса гораздо шире, чем сфера употребления обычного наклонения, поэтому имеет смысл говорить об ирреалисе как об особой грамматической категории. Правомерность такого подхода подтверждается и типологическими данными.

Ключевые слова: ирреалис, реалис, наклонение, грамматическая категория, реальность ситуации, языки майя, потенциалис

В. С. Волк, Д. А. Эршлер. Свободный порядок слов и как с ним бороться: о структуре составляющих и эллипсисе в дигорском осетинском

В нашей работе мы рассматриваем проблему порядка слов и выделения составляющих в дигорском осетинском. На основе подсчетов по литературным и устным текстам, а также данных эллипсиса и некоторых синтаксических тестов мы делаем несколько наблюдений. Во-первых, немаркированный порядок слов в дигорском — SOV с глаголом, расположенным в абсолютном конце клаузы. Во-вторых, в дигорском не существует составляющей из глагола и прямого дополнения. В третьих, подлежащее расположено структурно выше косвенного дополнения.

Ключевые слова: дигорский, осетинский, восточноиранские языки, синтаксис, структура клаузы, корпусные исследования синтаксиса, минимализм

А. П. Выдрин. Пассивные и модально-пассивные конструкции в осетинском языке

Статья посвящена рассмотрению особенностей употребления пассивных и модально-пассивных конструкций в осетинском языке. Все конструкции состоят из причастной/деепричастной формы смыслового глагола и вспомогательного глагола *уын* 'быть' (или, в некоторых конструкциях, *цæуын* 'идти'). В ходе исследования у пассивных и модально-пассивных конструкций были выявлены морфологические, синтаксические и семантические особенности. Насколько можно судить по имеющимся описаниям языков, арельно (языки Северного Кавказа, а также тюркские языки) и генетически (иранские языки) близких к осетинскому, ни в одном из них не существует сходных с осетинскими модально-пассивных конструкций, что в свою очередь свидетельствует об уникальности обнаруженных конструкций.

Ключевые слова: осетинский, восточноиранские языки, пассивные конструкции, модально-пассивные конструкции, синтаксис, корпусные исследования синтаксиса

А. В. Выдрина. Распространение лабильности в глагольной лексике языка какабе

В определенных случаях одну и ту же ситуацию можно представить с разным набором участников — например, *ломать* (два

участника) и *ломаться* (одни участник). Как показали В. П. Недялков и вслед за ним М. Хаспельмат, исходность переходного или, наоборот, непереходного варианта может определяться тем, обозначает ли глагол ситуацию, для которой более типично спонтанное осуществление, или наоборот. Однако из общих соображений неясно, актуальна ли шкала самопроизвольности для распространения лабильности, и если да, то каким образом. На материале какабе было показано, что распространение лабильности может определяться шкалой самопроизвольности: в какабе глаголы, обозначающие события, которые чаще всего происходят без воздействия внешнего каузатора, при употреблении в переходной конструкции требуют присоединения каузативного показателя и, следовательно, не являются лабильными. Напротив, глаголы, обозначающие события, которые чаще всего происходят под воздействием внешнего каузатора, лабильны. Кроме того, лабильность покрывает даже самую нижнюю часть шкалы самопроизвольности, являясь тем самым немаркированным аналогом пассива. По-видимому, такое направление действия шкалы самопроизвольности на распространение лабильности в глагольной лексике связано с общей характеристикой языка как транзитивизирующего.

Ключевые слова: аргументная структура, каузатив, пассив, лабильность, актантная деривация, глагольная лексика, переходность, маркированность

Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер. Локативные формы как источник нелокативных падежей: даргинские данные

В работе описываются данные даргинских диалектов (нахско-дагестанская языковая семья), в которых наблюдается определенная асимметрия в словоизменительной парадигме: часть локативных форм отсутствует, а некоторое сохранившиеся формы с локативной морфологией имеют уже исключительно грамматическое (нелокативное) употребление. Показывается, что при упрощении парадигмы сохраняются те формы, которые имеют максимальную непространственную функциональную нагрузку — причем в разных диалектах ко множеству таких образований относятся одни и те же формы.

Ключевые слова: падеж, локативная форма, локализация, грамматический падеж, словоизменение, даргинский язык, нахско-дагестанские языки

Е. И. Гармаш. Некоторые аспекты семантики русского местоимения *сам*_{НЕОЖ}

Работа посвящена описанию семантики русского местоимения, названного в [Богданова, Кибрик 1995] *сам*_{НЕОЖ} («сам неожиданное»). В частности, нам удалось показать, что употребления слова *сам*, объединенные под ярлыком *сам*_{НЕОЖ}, соответствуют нескольким разным лексемам. В заключительной части работы ставится ряд вопросов для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: русский язык, семантика, дискурсивные слова, местоимения, *сам*, пресуппозиция

Д. В. Герасимов. Отрицательные местоимения в парагвайском гуарани

Статья преследует три цели: во-первых, дать предварительный общий обзор неопределенных местоимений парагвайского гуарани, прежде никогда не становившихся предметом специального исследования; во-вторых, описать базовый синтаксис специализированных отрицательных местоимений; в-третьих, предложить гипотезу касательно пути возникновения последних. Приводится ряд аргументов в пользу того, что отрицательные неопределенные местоимения в гуарани возникли из универсальных кванторных выражений. В свете этого представляется интересным проверить на материале гуарани свойства, традиционно связываемые с явлением Negative Concord.

Ключевые слова: парагвайский гуарани, неопределенные местоимения, отрицание, косвенное отрицание, аргументный цикл Есперсена, универсальные кванторы, Negative Concord

М. Ю. Иванов. Чисто английский каузатив: акциональная композиция в сложной клаузе

Работа посвящена двум типологически устойчивым типам акциональной композиции: «английскому», при котором акциональные свойства глагола зависят от свойств инкрементального прямого объекта, и «русскому», при котором, наоборот, количественные свойства аргумента предопределены перфективностью глагольной основы. В тубаларском диалекте алтайского языка нетривиальным образом встречаются оба типа, при этом выбор между ними чувствителен к наличию в глаголе показателя каузатива. Согласно предлагаемому

нами анализу, процессы, приводящие к «русскому типу» аспектуальной композиции, происходят на верхнем уровне структуры клаузы; на уровне νP существует только аспектуальная композиция «английского типа». Однако функциональная структура над νP скрывает происходящее на нижнем уровне от непосредственного наблюдения. Каузатив нейтрализует этот эффект и дает нам возможность увидеть свойства $\nu P/VP$ в том виде, в каком они существуют до построения верхних уровней структуры.

Ключевые слова: тубаларский диалект алтайского языка, акциональная композиция, каузатив, клаузальная структура, перфективность, предельность, левая периферия

Н. В. Ивлиева. Каждый может быть ленивым

В работе предлагается ввести новый тип в семантическую типологию местоимений. Речь идет о местоимениях, анафорически отсылающих к кванторным выражениям типа *каждый человек*, но интерпретирующихся не как связанные переменные, а как сами эти кванторные выражения (ср. трансформацию прономинализации в ранних версиях порождающей грамматики).

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, семантика, местоимения лени, кванторы, связывание

Е. В. Кашкин, М. С. Панкова. Экспериментальное исследование употребления посессивного склонения в ижемском диалекте коми-зырянского языка

Как неоднократно отмечалось в исследованиях уральских языков, в том числе коми-зырянского, показатели посессивного склонения зачастую развивают дискурсивные функции, используя в частности для обозначения определенности именной группы. В наших предыдущих исследованиях (преимущественно с использованием метода анкетирования) было установлено, что наличие/отсутствие посессивного показателя определяется двумя основными факторами — референциальным и синтаксическим статусом именной группы. В данной же работе описывается проведенный в ходе дальнейшего исследования эксперимент по порождению информантами естественного дискурса, позволивший сделать вывод о высокой важности для употребления посессивного склонения факторов дискурсивной значимости именной группы и структуры дискурса, кото-

рые, как показал эксперимент, в ряде случаев имеют даже больший вес по сравнению с факторами определенности и синтаксического статуса.

Ключевые слова: коми-зырянский язык, посессивность, определенность, референциальный статус именной группы, дискурсивные функции посессивного склонения, дискурсивная значимость, эксперимент

В. И. Киммельман. Теория связывания и жестовые языки

Жестовые языки позволяют проверить лингвистические теории, претендующие на универсальность. Мы применили теорию связывания, объясняющую поведение местоимений в звуковых языках, к русскому и нидерландскому жестовым языкам. Выяснилось, что в этих языках есть рефлексивные местоимения, поведение которых предсказуемо в рамках теории связывания. С другой стороны, нерелексивные местоимения (указательные жесты) могут употребляться в рефлексивных контекстах, что объясняется визуально-пространственной модальностью этих языков. Между тем, рефлексивные местоимения употребляются для выражения значения связанной переменной, в то время как нерелексивные местоимения в том же контексте обозначают простую кореферентность, что тоже предсказуемо в рамках теории связывания.

Ключевые слова: теория связывания, русский жестовый язык, нидерландский жестовый язык, рефлексивные местоимения

Д. П. Кирьянов, К. А. Шагал. Действительное причастие будущего времени совершенного вида в русском языке

В русском языке действительные причастия будущего времени совершенного вида хоть и запрещены нормативной грамматикой, однако разрешены структурно и периодически встречаются в самых разнообразных текстах. Проведенное нами исследование показало, что, несмотря на свою маргинальность, эти формы демонстрируют заметные сходства в поведении с другими причастиями и не воспринимаются носителями языка как абсолютно неприемлемые. Кроме того, мы обнаружили, что причастия будущего времени обычно стремятся занимать неначальную позицию в относительном обороте, и связываем это с тем, что это единственный случай, когда из-за строгих ограничений на позицию союзного слова невозможно построение

синонимичного придаточного предложения — наиболее удачной и обычной замены причастному обороту.

Ключевые слова: причастие будущего времени, русский язык, причастие, будущее время, относительный оборот, литературный язык, порядок слов

М. Ю. Князев. Эллипсис в конструкциях с free relatives

В работе рассматриваются условия употребления конструкций с free relatives в русском языке, в частности типологически нетривиальная возможность нарушения такого требования, как «мэтчинг» — совпадение категориальной принадлежности и падежного оформления релятивизованного элемента FR-конструкции и той позиции матричной клаузы, которую заполняет FR-конструкция [Bresnan, Grimshaw 1978]. Мы показываем, что русские конструкции, традиционно анализируемые как с free relatives, по своим свойствам распадутся на несколько классов, требующих различного анализа.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, относительные предложения, free relatives, анафорические местоимения, связывание, эллипсис

В. М. Ковальская, И. О. Кузнецов. Нестандартные деепричастия в русском языке: морфология

К настоящему моменту в работах по русской морфологии не сложилось единой точки зрения на статус деепричастия как грамматической категории. Кроме того, до сих пор не существует единого описания морфологических свойств деепричастий: стандарта — правил образования — и отклонений от него. В нашей работе предлагается описание стандарта деепричастий в виде пяти моделей образования, а также классификация отклонений от этого стандарта, давшую десять различных классов.

Ключевые слова: русский язык, морфология, деепричастие, нестандартные деепричастия, корпусные исследования

М. Б. Коношенко. Синтаксис простого предложения в гвинейском кпелле: субъектные местоимения или предикативные показатели?

В работе обсуждаются особые маркеры, которые являются обязательными компонентами простого предложения в языке кпелле (манде > юго-западные манде). Традиционно такие показатели, как и

аналогичные единицы в других африканских языках, описывались как субъектные местоимения. Однако на основании синтагматических, парадигматических и семантических критериев следует сделать вывод о том, что в действительности эти единицы принадлежат к глагольной группе и являются предикативными показателями, а язык кпелле — язык с нулевым подлежащим, или null subject language.

Ключевые слова: кпелле, языки манде, предикативный показатель, субъектное местоимение, подлежащее, нулевое подлежащее

А. Б. Летучий. Каузатив в языке без каузатива: о некоторых свойствах русских каузативных глаголов

Статья посвящена русским каузативным конструкциям с глаголами *заставить/заставлять, позволить/позволять*, а также *(с)делать* (*Папа заставил меня позвонить Васе, Хорошая погода позволила нам погулять, Гол Быстрова сделал «Зенит» чемпионом*). Как правило, в работах по каузативу рассматриваются грамматические каузативные показатели. В настоящей статье мы стремимся показать, что русские конструкции с каузативными глаголами обладают некоторыми свойствами, сближающими их с показателями каузатива и отличающими от прочих русских полипредикативных конструкций. В частности, в этих конструкциях нестандартным образом интерпретируются формы времени (время каузативного глагола может относиться не к каузации, а к каузируемому подсобытию: *Вчерашние слова министра заставляют задуматься*) и различного рода обстоятельства (наречия, обозначающие повторяемость, типа *часто* и *редко*, также могут относиться к каузируемому подсобытию, не выражая повторяемость каузации: *Полученные двадцать лет назад знания часто позволяют мне принимать правильные решения*). Эти факты дают нам возможность постулировать наличие в русском языке двух типов каузативных конструкций — с каузатором-агентом и с каузатором-ситуацией, — имеющих различные семантические и формальные свойства.

Ключевые слова: каузатив, русский язык, каузатор-агент, каузатор-ситуация, структура ситуации, подсобытие, фактитивный каузатив, пермиссивный каузатив, время

Е. С. Лучина. Концептуализация боли в мужевском говоре коми-зырянского языка

Исследование, выполненное в рамках типологического проекта, посвящено конструкциям с глаголами боли, основная часть которых —

глаголы-метафоры. После семантического сдвига глаголы проявляют нестандартные морфологические и синтаксические свойства (от ограниченной сочетаемости с аспектуальными и временными показателями до полной смены модели управления).

Ключевые слова: коми-зырянский язык, лексическая типология, глаголы боли, семантический сдвиг, конструкции со значением боли.

Н. С. Матвеева. Опыт выявления таксономических категорий в семантическом поле ментальных глаголов

Автор на представительном корпусе ментальных глаголов изучает тенденции их распределения по таксономическим категориям. Проведенное исследование показало, что среди ментальных глаголов преобладают действия (в первую очередь действия с акцентом на результате), и почти отсутствуют деятельности. Между таксономическими категориями ментальных глаголов имеются системные корреляции, такие как свойства, производные от предельных действий, и деятельности, производные от действий с акцентом на результате.

Ключевые слова: русский язык, семантика, ментальные глаголы, акциональность, таксономические категории, корпусные исследования

П. С. Митева. Синтаксис номинализации в ижемском диалекте коми-зырянского языка

Данная работа посвящена исследованию морфологических и синтаксических свойств номинализованных предикаций в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Номинализованные предикаты сохраняют часть глагольных свойств (способность присоединять видовые суффиксы и суффиксы актантной деривации) и приобретают некоторые именные свойства (присоединяют показатели падежа, посессивности и числа). Интересная особенность номинализаций в ижемском диалекте состоит в том, что падеж номинализованного предиката не всегда соответствует модели управления матричного предиката: номинализованный предикат «стремится» быть оформленным структурным падежом (номинативом или аккузативом). Оформление актантов номинализованной предикации, данные порядка

слов и проведенные синтаксические тесты указывают на то, что номинализованная предикация представляет собой именную группу, в которую вложена группа легкого *v* (*vP*).

Ключевые слова: синтаксис, морфология, номинализация, номинализованная предикация, коми-зырянский язык, синтаксическая структура номинализации

А. В. Морозова. Падежное оформление объекта как средство выражения аспектуальности в эстонском языке

Настоящее исследование посвящено проблеме выражения аспектуальной характеристики предложения посредством падежа прямого дополнения в эстонском языке. Механизм данного взаимодействия рассматривался посредством анализа корпуса текстов эстонского языка. Для выявления соотношения аспектуальных характеристик глагола и падежа прямого дополнения были использованы две классификации глагольных предикатов — классификация З. Вендлера и С. Г. Татевосова. Результаты исследования демонстрируют, что в эстонском языке не существует однозначного соответствия между падежом прямого дополнения и аспектуальной характеристикой предложения, как это принято считать среди эстонских лингвистов. Мы полагаем, что на выбор падежа, приписываемого прямому дополнению, влияют семантические характеристики глагола и принадлежность его к тому или иному акциональному классу.

Ключевые слова: эстонский язык, падеж, аспект, акциональность, семантика, корпусные исследования

Н. А. Муравьев. Семантическая характеристика и особенности употребления причастий в ижемском диалекте коми-зырянского языка

В данной работе рассматриваются типы причастий в ижемском диалекте коми-зырянского языка, варианте, представленном в говоре жителей с. Мужы. Известно, что для многих категорий, в том числе глагольных существует варьирование по диалектам в значении и употреблении. В грамматиках уделено мало внимания контекстам употребления причастий, в связи с чем важный вопрос представляет собой характеристика одного из типов причастий, а именно причастий на *-ап*. В ходе полевой работы нами проверялось, насколько семантика и специфика употребления причастий, описанные в литературе,

соответствуют реальной речевой практике носителей. Анализ контекстов употребления позволил определить место форм на *-an* в системе причастий коми языка, очертить зоны их конкуренции с другими причастиями и выявить их основные особенности.

Ключевые слова: коми-зырянский язык, причастие, конкуренция форм, отглагольное прилагательное, морфология, семантика, аспект, таксис

М. А. Овсянникова. Топикализация посессора в лесном диалекте энецкого языка

Работа посвящена двум посессивным конструкциям в лесном диалекте энецкого языка, формально различающимся выбором падежного оформления посессора в атрибутивной функции: лично-притяжательным показателем номинатива или генитива. Две эти конструкции значительно различаются по своим синтаксическим свойствам. Конструкция, в которой посессор оформляется лично-притяжательным показателем номинатива, обладает свойствами, характерными для конструкций с топикализованной ИГ. Рассмотрение свойств посессивных конструкций, диахронически восходящих к конструкциям с топикализованным участником может служить основой для определения этапов постепенного изменения свойств подобных конструкций на разных этапах грамматикализационного развития.

Ключевые слова: энецкий язык, посессивные конструкции, топикализация, грамматикализация, синтаксис

Е. К. Павлова. Семантика времен в ижемском диалекте коми-зырянского языка

Работа посвящена исследованию семантики времен (настоящего, будущего и первого прошедшего) в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Целью исследования было выявление употребления времен и рассмотрение их как проявления временного дейксиса, ориентирующего ситуацию относительно дейктического центра. В ходе исследования было выявлено 11 значений для настоящего времени, 6 для будущего и 8 для первого прошедшего времени. Проанализированы случаи связи категорий времени и аспекта, а также случаи использования временных форм в функции другого времени и наклонения.

Ключевые слова: грамматическая семантика, время, наклонение, морфология, коми-зырянский язык

В. А. Панов. К вопросу об эффекте Вея-Схоневелда и перфективации в латинском языке

В работе рассматриваются семантические особенности передачи аспектуальных значений латинскими глагольными префиксами. В латинском языке, как и во многих языках, в частности, восточно-европейского ареала, при присоединении приставки к основе глагола не меняется лексическое значение основы, но могут меняться ее аспектуальные характеристики, а именно образуются различного рода перфективы. Выбор приставки при этом можно объяснить действием так называемого эффекта Вея — Ван Схоневелда, согласно которому эффект перфективации возникает тогда, когда у основы и приставки есть общий пространственный компонент в семантике. На примерах показывается, что подобное явление было очень распространено в латинском языке, но впоследствии практически исчезло вместе с упрощением системы глагольных приставок.

Ключевые слова: латинский язык, префиксы, аспект, перфектив, эффект Вея — Ван Схоневельда

А. В. Подобрыв. Разрывные именные группы: варианты анализа

В настоящей работе рассматриваются разрывные именные группы русского языка, традиционно описываемые как случаи извлечения левого зависимого (*Какие ты прочитал книги?*). Анализируя различные факты дистрибуции и интерпретации русских разрывных именных групп, мы показываем, что это явление неоднородно, т. е. разные его проявления необходимо синтаксически анализировать по-разному.

Ключевые слова: русский язык, разрывные составляющие, извлечение левого зависимого, передвижение, стирание копий, синтаксис, семантико-синтаксический интерфейс, синтактико-фонологический интерфейс

Д. П. Попова. Второе прошедшее время в ижемском диалекте коми-зырянского языка

Настоящая работа посвящена проблеме второго прошедшего времени в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Исследование основано на данных полевой работы. Я описываю формальные характеристики рассматриваемой глагольной формы, исследую ее функции (второе прошедшее может использоваться в качестве показателя перфекта, показателя предшествования, показателя эвиденциальности)

и предлагаю возможное объяснение дистрибуции первого и второго прошедших времен.

Ключевые слова: второе прошедшее время, эвиденциальность, перфект, коми-зырянский, ижемский диалект

М. Ю. Пупынина. Парадигматическая асимметрия императива и прохибитива в чукотском языке

В работе выявляется факт парадигматической асимметрии императива и прохибитива в чукотском языке. Асимметрия заключается, во-первых, в наличии двух негативных парадигм (со значением рекомендации не совершать действие и со значением строгого запрета) для одной аффирмативной парадигмы и, во-вторых, в отсутствии негативных форм 1 лица, в то время как аффирмативная парадигма представлена полностью. На основании данных родственных языков выдвигается гипотеза об исчезновении из чукотского языка формы с чисто императивным значением и о переориентации 2 и 3 лиц опатива на выражение апеллятивного значения. Негативная парадигма со значением рекомендации не совершать действие, таким образом, является негативной парадигмой опатива, а негативная парадигма «запрета» — отрицанием выпавшего императива.

Ключевые слова: чукотский язык, отрицание, императив, прохибитив, морфология, парадигмы

П. В. Руднев. Рефлективы в дагестанских языках и природа анафорических отношений

В данной работе рассматриваются некоторые интересные данные дагестанских языков, традиционно считающиеся серьезным препятствием для классической теории связывания и объясняемые с функционально-прагматической точки зрения. Предлагается четко разделять анафорические отношения на кореферентность и (семантическое) связывание. Цитируемая функционально-прагматическая позиция объясняет только первый вид анафоры, делая неверные предсказания.

Ключевые слова: синтаксис, семантика, анафорические отношения, семантическое связывание, дагестанские языки

К. П. Семенова. К вопросу о типах выражения фокуса (современный восточноармянский язык на фоне других языков кавказского ареала)

В языках кавказского ареала представлены две основные стратегии оформления фокусных конструкций. Пользуясь терминологией

Н. Р. Сумбатовой [Сумбатова 2004], можно говорить о неспециализированных (в большинстве случаев это вспомогательный глагол-связка, занимающий в предложении место после выделенного элемента; данная стратегия представлена, например, в ицаринском диалекте даргинского языка, в цахурском, в лакском и нек. др. языках) и специализированных (зафиксированы, например, в мегебском и аварском языках) показателях фокуса. В современном восточноармянском языке (генетически неродственном большинству языков кавказского ареала) вспомогательный глагол-связка *ē* 'быть', употребленный в постпозиции, маркирует фокусный аргумент (в контекстах с аналитическими глагольными формами). В случае с синтетическими глагольными формами фокусное выделение в армянском, по всей видимости, влияет на линейный порядок слов, в то время как в ряде дагестанских языков оно вообще невозможно без замены глагольной словоформы [Сумбатова 2004: 492–493].

Ключевые слова: аналитические/синтетические глагольные формы, восточноармянский язык, глагол-связка, линейный порядок слов, фокусное маркирование, языки кавказского ареала

Н. В. Сердобольская. Обратный контроль в свете теории связывания (на материале кункинского языка)

В работе анализируются конструкции с обратным контролем в кункинском языке. Термин «обратный контроль» был предложен для обозначения конструкций с глаголами контроля, в которых нулевой элемент находится в главной клаузе, а его антецедент — в зависимой. Мы рассматриваем данные конструкции в свете критериев М. С. Полинской и Э. Потсдама, разработанных для цезского, корейского и других языков с обратным контролем, и показываем, что данные конструкции в полной мере отвечают указанным критериям. Обратный контроль трактуется исследователями как самостоятельный параметр языкового варьирования. Мы предполагаем, что данный подход не вполне адекватен. Наличие таких конструкций в некоторых языках Кавказа — не просто особенность глаголов контроля, а следствие необязательности принципа С в этих языках.

Ключевые слова: сентенциальные актаны, полипредикация, синтаксис, контроль, кореферентное сокращение, обратный контроль, синтаксический ноль, теория связывания, принцип С, дагестанские языки, даргинские языки, кункинский язык

Н. М. Стойнова. К типологии рефактивно-хабитуальной полисемии

В некоторых языках одно и то же формальное средство используется для выражения рефактивного значения ('однократное повторение ситуации') и значений хабитуальной семантической зоны ('регулярное повторение ситуации'). В работе приводятся типологические свидетельства того, что более близкими к рефактивному оказываются не собственно хабитуальное, а генерическое и качественное значения. Делаются предположения о связи рефактива с хабитуальной зоной через эмфатические употребления и о том, что значение 'как обычно' является промежуточным между собственно рефактивным и значениями хабитуальной зоны.

Ключевые слова: типология, семантика, полисемия, глагольная деривация, глагольная множественность, рефактив, хабитуалис

М. Н. Усачева. Показатели элатива, эгрессива и аблатива в пермских языках: сфера употребления и зоны конкуренции

В работе речь идет о сфере употребления и зонах конкуренции трех пермских пространственных падежей, объединенных общностью происхождения, — элативе, эгрессиве и аблативе. Рассматривается типологически нечастотная ситуация, имеющая место в пермских языках — наличие двух падежей, маркирующих приименное зависимое. Предпринимается попытка проследить историю возникновения такой ситуации, а также рассмотреть вопрос о статусе «генитива объекта».

Ключевые слова: пермские языки, генитив, аблатив, пространственные падежи, диахрония, контексты, семантическая карта

Е. К. Ханина. Система локативных падежей в истории литовского языка

В старолитовском языке еще до появления первых письменных текстов старый локатив индоевропейского происхождения оказался вытеснен четырехпадежной системой вторичных локативных падежей, гораздо более сложной, чем в других древних индоевропейских языках. Это произошло, по-видимому, под влиянием финно-угорских языков. Образовавшаяся падежная система очень своеобразна типологически. Она достигла расцвета к XVI веку, в эпоху, непосредственно предшествовавшую периоду появления первых старолитовских текстов. После она стала разрушаться, и сейчас в литовском

(за исключением диалектов отдельных деревень, находящихся на территории Беларуси) остались только беспредложный инессив, принявший на себя функции старого локатива, и, в разговорной речи жителей отдельных областей, иллатив; аллатив сохранился только в отдельных адвербиальных застывших формах. Основной целью нашей работы является описание системы локативных падежей в литовском языке с точки зрения падежной семантики, а также рассмотрение альтернативных способов выражения соответствующих значений в период функционирования системы и после ее распада.

Ключевые слова: адессив, аллатив, иллатив, инессив, литовский язык, локативные падежи, падежная система

М. А. Холодилова. Конкуренция стратегий релятивизации подлежащего в русском языке

В работе рассматривается конкуренция двух основных стратегий релятивизации подлежащего в русском языке: с действительным причастием и с относительным местоимением *который* в именительном падеже. Показано, что многие различия (как абсолютные, так и статистические) между этими двумя стратегиями указывают на большую номинализованность причастных оборотов.

Ключевые слова: относительное местоимение, относительное предложение, причастие, релятивизация, русский язык

М. С. Шматова. Значения форм существительных с показателем множественности *-jas* в ижемском диалекте коми-зырянского языка

В работе рассматривается семантика форм множественного числа существительных ижемского диалекта коми-зырянского языка, образующихся при помощи показателя *-jas*. Особое внимание уделяется периферийным значениям таких форм. Выделяется значение ассоциативной множественности для форм множественного числа имен собственных. Отдельно рассматривается возможность образования множественного числа от вещественных существительных и от названий совокупных объектов. Материалы для исследования были собраны в ходе полевой работы летом 2009 г.

Ключевые слова: число, множественное число, семантика, существительное, периферийное значение, вещественное существительное, аддитивная множественность, ассоциативная множественность, коми-зырянский язык

Д. А. Эрилер. О падежном маркировании прямых дополнений и адвербиалов длительности в якутском и долганском

В настоящей работе я рассматриваю мену падежей прямого дополнения и некоторых обстоятельств длительности, которая происходит в императивных клаузах в якутском и долганском. Я предлагаю формальный анализ этого явления, основанный на идеях множественного приписывания падежа и пост-синтаксического сореживания падежных показателей.

Ключевые слова: тюркские языки, якутский, долганский, теория падежа, теория оптимальности, синтаксис

Б. Комри. Типология систем числительных

В настоящем исследовании предлагается обзор межъязыкового варьирования в области внутренней структуры числительных. Особое внимание уделяется таким параметрам, как выбор основания системы счисления, использование различных арифметических операций, порядок составляющих и разрешение неоднозначностей.

Ключевые слова: числительные, счет, системы счисления, типология

М. Хаспельмат. К объяснению некоторых универсалий образования каузативов.

В настоящей работе мы переформулируем широко известные универсалии образования каузативов с использованием шкалы самопроизвольности, а затем демонстрируем, что эти универсалии находят естественное объяснение в терминах частотности.

Ключевые слова: каузативы, декаузативы, шкала самопроизвольности, частотность, экономия, типология

А. Л. Мальчуков. Разрешение конфликтов стратегий кодирования партиципантов.

В работе рассматриваются случаи конфликтов между стратегиями кодирования партиципантов в транзитивных и дитранзитивных конструкциях языков мира, в частности, предрасположенность некоторых конструкций к определенному типу кодирования. Языки демонстрируют большее «единодушие» в тех случаях, когда предпочитаемый тип кодирования конструкции соответствует базовому строю

языка. В условиях же конфликтов наблюдается большее межъязыковое варьирование.

Ключевые слова: аргументная структура, кодирование актантов, эргативность, аккузативность, дитранзитивные конструкции, типология

**Часть II. Материалы Восьмой конференции
по типологии и грамматике
для молодых исследователей (2011 г.)**

П. С. Антонова. Синтаксис наречий состояния и вторичных предикатов в русском языке

Работа посвящена синтаксису двух семантически близких конструкций в русском языке — конструкции с наречиями состояния и конструкции с вторичными предикатами. Оба класса выражений используются для характеристики участников ситуации. Наречия состояния и вторичные предикаты имеют несколько базовых позиций в синтаксической структуре предложения, причем синтаксическая позиция связана с семантической интерпретацией выражения. Также рассматривается, какие синтаксические позиции может занимать участник, на которого ориентировано наречие состояния или вторичный предикат.

Ключевые слова: вторичные предикаты, наречия, русский язык, семантическая интерпретация, синтаксис

П. М. Аркадьев. О функциях глагольного префикса *be-* в литовском языке

В работе рассматривается полисемия ранее практически не изученного литовского глагольного префикса *be-*. Данный префикс выражает целый ряд нетривиальных значений, которые можно разделить на две группы. Аспектуальные функции префикса, резко отличающиеся от таковых словообразовательных превербов, включают прогрессивное, континуативное и авертивное, причем последнее реализуется лишь в составе аналитической конструкции. У *be-* имеются также модально-квантифицирующие функции: дубитативная, аттенуативная и универсальная, реализующаяся в обобщенно-уступительных конструкциях. Морфологическое выражение этих

значений, тем более при помощи одного показателя, является яркой чертой типологического своеобразия литовского языка.

Ключевые слова: литовский язык, глагольная префиксация, аспект, модальность, типологические редкости

Т. А. Архангельский, М. Г. Тагабилева, Л. С. Холкина. Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': к построению семантической типологии

Данное исследование посвящено типологическому описанию семантических полей 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный' на материале русского, английского, китайского, восточноармянского и новогреческого языков. В работе выделены основные параметры, структурирующие исследуемые зоны, а также необходимые для дальнейшего составления соответствующих семантических карт.

Ключевые слова: Ключевые слова: лексическая типология, семантическое поле, признаковая лексика, 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный'.

О. И. Беляев. Корреферентность в коррелятивах: связывание переменной или анафора? (на материале осетинского языка)

Работа посвящена анализу коррелятивной конструкции в иронском диалекте осетинского языка. Большинство существующих вариантов анализа коррелятивов языках мира основаны на том, что коррелятивная конструкция представляет собой подкласс относительных конструкций, и относительная клауза в такой конструкции так или иначе связана с позиции приименного адьюнкта. В работе доказывается, что для осетинского языка такой подход не является оптимальным и коррелятивные клаузы следует анализировать как сентенциальные сирконстанты главной клаузы. Связь же между мишенью и местоимением-коррелятом является анафорической, а не отношением связывания переменной (как в канонических относительных предложениях).

Ключевые слова: относительное предложение, коррелятивная конструкция, осетинский язык, синтаксис

Е. Л. Бровко. Глагол *дать* в речи одного ребенка: «закономерности» и «случайности»

В работе рассматривается функционирование глагола *дать* в речи одного ребенка в возрасте до 3 лет. Анализируется прагматика

высказываний, содержащих глагол *дать*, их место в диалогическом единстве, формирование глагольного окружения и порядок слов. На основе сопоставления речи Вани с речью других детей делается предварительный вывод о случайных и закономерных чертах некоторых аспектов развития синтаксиса.

Ключевые слова: усвоение синтаксиса, прагматика, субъектно-объектные отношения, порядок слов

А. В. Выдрина. Полисемия модального показателя *ni* в языке какабе

Работа посвящена описанию семантики модального показателя *ni* в языке какабе (западные манде). Данному показателю соответствует разветвленная сеть значений, и почти все эти значения укладываются в ту схему, которая предлагается в качестве сценария грамматикализации одного из модальных значений в известной монографии «Эволюция грамматики» [Bybee et al. 1994]. Таким образом, можно предполагать, что наблюдаемая в какабе полисемия представляет собой результат определенного диахронического развития исходного модального значения. Однако данный показатель может выражать также значение, не предусмотренное данным сценарием, а именно, значение действия, возникшего в результате той или иной причины неконтролируемым образом. Можно предположить, что оно возникло в результате деагентивации значения слабой принудительности.

Ключевые слова: модальность, грамматикализация, оптатив, результат

И. М. Горбунова. Категория фазовости в языке атаял

Несмотря на то, что глагольные категории языка атаял (австронезийская семья, о. Тайвань) достаточно широко изучены, ни в одном из существующих описаний не упоминается категория фазовости. В работе на основе экспедиционного материала демонстрируется наличие в языке атаял этой категории. Излагаются итоги анализа корпуса текстов и анкет, собранных во время полевых исследований. По итогам этого анализа, в языке атаял выделяется два показателя, между которыми, благодаря взаимодействию с отрицанием, распределяются все четыре возможных значения категории фазовости. Кроме того, между показателями обнаруживаются различия в семантике и дистрибуции, которые также получают освещение и объяснение в работе.

Ключевые слова: грамматическая семантика, фазовость, отрицание, австронезийские языки, язык атаял

К. А. Ершова. Бесленеевский масдар как смешанная категория

Работа посвящена проблеме номинализации масдара в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка. Конструкции с масдаром распределяются на три группы по наличию или отсутствию лично-числовых согласовательных префиксов и показателей посесивности и сравниваются с отглагольными формами, не обнаруживающими именных свойств. Делается вывод о том, что масдар в зависимости от морфологических особенностей обнаруживает разную степень номинализации.

Ключевые слова: кабардино-черкесский, смешанная категория, номинализация, масдар

В. А. Иванов. Парные слова в финно-угорских языках: подходы к изучению и описанию

В работе речь идет о проблеме парных слов в финно-угорских языках. Рассматриваются типологический функциональный и лексикографический аспекты. Исследуются просодические, морфологические и другие характеристики парных слов. В заключение обосновывается точка зрения, согласно которой парные слова представляют собой лексикализованные сочинительные конструкции.

Ключевые слова: парные слова, двойные слова, композиты, словообразование, финно-угорские языки

Е. В. Кашкин. Прилагательные, описывающие свойства поверхностей, в ижемском диалекте коми-зырянского языка (сопоставительно-типологическое исследование)

В работе в рамках направления лексической типологии рассматриваются прилагательные, описывающие свойства поверхностей, в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Типологическим фоном служат данные русского и ряда ранее обследованных уральских языков. Выделены как типологически стандартные, так и более редкие явления. Результаты планируется использовать для дальнейшего лексико-типологического исследования.

Ключевые слова: семантика, лексическая типология, свойства поверхностей, уральские языки, коми-зырянский язык

М. Ю. Князев. Выбор СР обусловлен не только лексически: данные русского языка

В работе рассматривается проблема сочетаемости с придаточными с союзом *что* на материале глаголов, присоединяющих именные или предложные группы с пропозициональным значением. Распространено мнение, что сочетаемость со *что*-придаточными является индивидуальным лексическим свойством глагола (или же индивидуальным свойством уникальной тематической роли, которую получило бы придаточное). Этот взгляд подвергается пересмотру на основе русских примеров, которые показывают, что такие процессы, как пассивизация и перфективация глагола способны повлиять на его сочетаемость со *что*-придаточным.

Ключевые слова: союз *что*, придаточные, субкатегоризация, аргументная структура, вид

К. А. Кожанов. Балто-славянские глагольные префиксы в балтийских диалектах цыганского языка

Цыганские диалекты, на которых говорят в странах Балтии, претерпели значительные изменения в результате контактов с окружающими языками. В частности, возникла система глагольных префиксов, нетривиальным образом совмещающая в себе как инвентарь, так и значения приставок и славянских, и балтийских языков. Последствиями «наложения» двух систем можно считать перераспределение значений приставок и словообразовательных моделей префиксальных глаголов.

Ключевые слова: глагольные префиксы, цыганские диалекты, литовский язык, латышский язык, языковые контакты, аспект, грамматикализация

М. Б. Коношенко. Лично-числовое согласование в языках манде: первичные наблюдения

В работе представлены первичные наблюдения, касающиеся особенностей лично-числового согласования в языках манде. Согласование в манде подчиняется некоторым общим закономерностям — согласовательные маркеры присоединяются к служебным показателям и могут выступать в анафорической функции. В то же время, лично-числовое согласование в манде обнаруживает интересную внутритекстическую вариативность в том, что касается мишеней согласования,

морфосинтаксических контекстов, допускающих согласование, а также структуры согласовательной парадигмы.

Ключевые слова: согласование, нигер-конго, манде, внутригетическая типология

М. А. Косогорова. К вопросу о согласовании по категории именного класса в пулар-фульфульде

Язык фула известен многим лингвистам и типологам своей обширной классной системой. Однако он также отличается крайне интересной системой выражения классного согласования, объединяющей суффиксацию и чередования начального согласного. Эта система существенно варьируется между диалектами. Каждая из диалектных систем отличается от наддиалектной системы, и эти отличия стали темой данного исследования.

Ключевые слова: язык фула, именной класс, согласование, диалектология, сравнительная типология

В. А. Крылова. Определенный артикль и падеж в современном восточноармянском языке

В работе рассматривается взаимодействие определенного артикля и падежной системы современного литературного восточноармянского языка. Определенный артикль допустим только для двух падежных форм: номинатива и датива. При этом для каждой из центральной функций этих двух падежей формулируется свой набор правил, несводимых к общему знаменателю. Высказывается предположение о том, что описание функционирования определенного артикля невозможно в терминах одной только категории определенности/неопределенности; речь идет о маркировании основных актантов.

Ключевые слова: артикль, объект, определенность, падеж, референтность, субъект

О. В. Кузнецова. Аспектуальная система гуро (базовые глагольные конструкции)

В языке гуро (< южные манде < манде < нигер-конго) базовые глагольные конструкции в первую очередь выражают аспектуальные и модальные значения. Временная интерпретация высказывания определяется акциональными характеристиками глагольной лексики

и контекстом. К базовым глагольным конструкциям относятся перфектив, результатив, имперфектив, прогрессив и ирреалис.

Ключевые слова: гуру, аспект, перфектив, прогрессив, результатив, ирреалис. языки манде

Е. Л. Кушнир. Морфология и синтаксис прилагательных в языке яурэ (южные манде)

Работа посвящена выделению класса прилагательных в языке яурэ (южная группа семьи манде). Исследуются морфологические (способность к редупликации и присоединению диминутивного словообразовательного суффикса) и синтаксические (способность выступать в атрибутивных и предикативных контекстах) свойства прилагательных. Делается вывод об отличиях прилагательных от других слов с квалитативной семантикой в языке яурэ.

Ключевые слова: яурэ, части речи, прилагательные, депиктивы, редупликация

А. Б. Летучий. Сентенциальные актанты: актанты или нет?

В работе рассматриваются свойства русских сентенциальных актантов. Целью является выяснить, насколько синтаксические свойства сентенциальных актантов похожи на свойства актантов именных. Для этого рассматриваются следующие тесты: способность служить актантом отадъективных имен, переход в форму полного прилагательного в конструкциях с полувспомогательными глаголами, выражение агенса при пассиве. Основной вывод состоит в том, что хотя сентенциальные актанты являются актантами, — в частности, по критерию обязательности — их свойства не параллельны свойствам именных подлежащих и дополнений.

Ключевые слова: сентенциальные актанты, подлежащее, дополнение, пассивизация, полувспомогательные глаголы, предикативы

А. Б. Макарова. Между глаголом и существительным: русские слова типа *баиньки*

В данном исследовании рассматривается проблема частеречной принадлежности слов типа *баиньки* в русском языке. Предлагаются четыре варианта интерпретации: 1) это глаголы, 2) это существительные, 3) это ни глаголы, ни существительные, 4) это и глаголы,

и существительные. На основании анализа морфологических, синтаксических и семантических характеристик указанных слов делается вывод в пользу интерпретации слов типа *баиньки* как промежуточного случая между глаголами и существительными. Подобная интерпретация находит теоретическую поддержку в рамках когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: русский язык, части речи, когнитивная лингвистика, *баиньки*

М. М. Макарецев. К вопросу об *л*-формах в славянском говоре Бобоштицы, обл. Корчи, Албания

В работе будут рассматриваться особенности образования так называемых *л*-форм в кайнас, крайнем юго-западном островном славянском говоре в обл. Корчи, Албания. В ходе наших экспедиций в 2010–2011 гг. было обнаружено, что *л*-формы в кайнас имеют значительно большее разнообразие, чем было принято считать в балканославянской диалектологии. В частности, были зарегистрированы формы типа *toj bje bil dojden*, *nie imalme zväto* и *nie imalo zväto*, которые типологически сближают кайнас с ареально отдаленными восточно- и западнославянскими языками.

Ключевые слова: балканославянские диалекты, македонские диалекты, язык на пороге исчезновения, языковые контакты

Д. Ф. Мищенко. Послелого и постпозитивные существительные в лоома (юго-западная группа манде)

В работе рассматривается группа слов, функция которых в лоома состоит в том, чтобы вводить ИГ или местоименную группу в позиции косвенного дополнения. Анализу подвергается связь этой группы с классом локативных существительных. Подробно обсуждаются критерии, позволяющие выделять внутри группы постпозитивных слов послелого и постпозитивные существительные.

Ключевые слова: лоома, языки манде, послелог, постпозитивные слова, постпозитивное существительное

Н. А. Муравьев. Проблема выделения превербов как грамматического класса в тегинском говоре хантыйского языка

Данная работа посвящена превербам в тегинском говоре хантыйского языка. В грамматических очерках категория «превербы» не

описана, тогда как в словарях таким лексическим единицам приписывается помета «глагольная частица». Тем не менее, хотя такие единицы довольно регулярно употребляются при глаголах, по свойствам они мало отличимы от наречий. Поэтому задачей исследования являлся поиск оснований для выделения данных единиц в отдельный грамматический класс.

Ключевые слова: преверб, клитика, лексема, класс, делимость, перфективация

М. А. Овсянникова. Аргументная структура глаголов эмоций с подлежащим-экспериенцером в русском языке

Основным объектом исследования является группа глаголов русского языка, включающая в себя глаголы *сердиться, обижаться, злиться* и некоторые другие, которые обозначают отрицательную эмоциональную реакцию и при которых участник с ролью Экспериенцера занимает позицию подлежащего. Целью исследования является установление факторов, которые влияют на выбор между аргументной структурой с расщепленной валентностью и аргументной структурой, в которой соответствующая валентность не является расщепленной: *Петя рассердился на Васю за его слова vs Петя рассердился на слова Васи*. Корпусное исследование конкуренции между двумя типами аргументной структуры показывает, что основным фактором, определяющим выбор между расщепленной и нерасщепленной структурой, оказываются степень контролируемости ситуации, вызывающей недовольство Экспериенцера.

Ключевые слова: русский язык, глаголы эмоций, аргументная структура, расщепление валентности, лексическая семантика

С. А. Оскольская. Употребление единиц со значением исключения в русском языке

В работе рассматривается употребление шести единиц русского языка, которые объединяет способность употребляться в конструкции исключения: *кроме, помимо, за исключением, за вычетом, если не считать, не считая*. На основании корпусного материала выводится ряд разновидностей конструкции исключения и несколько других конструкций, в которых также употребляются рассматриваемые единицы. Предлагается семантическая карта конструкций исключения, построенная на основании этих данных. Кроме того,

анализируется частота употребления единиц в тех или иных конструкциях, что позволяет более точно определить различия между единицами.

Ключевые слова: конструкции исключения, русский язык, семантическая карта, предлоги

Д. А. Паперно. К вопросу о взаимодействии синтаксиса с поверхностными уровнями языка

В работе рассматривается вопрос о взаимодействии морфологии и синтаксиса. Это взаимодействие обсуждается на примере употребления посессивных прилагательных в старославянском языке и посессивного маркирования в языке канхобал (майя). Традиционные модели языка (например, «Смысл $\Leftrightarrow$ Текст») строго упорядочивают языковые уровни, считая, к примеру, что синтаксис «слеп» к таким языковым уровням, как морфология и фонетика. Значение межуровневых взаимодействий заставляет пересмотреть структуру грамматики. Один из способов это сделать предоставляет синтаксис оптимальности (Дж. Бреснан, Дж. Гримшо), где оптимальная структура определяется конкуренцией целых альтернативных дериваций, включающих все языковые компоненты: синтаксис, морфологию и т. д.

Ключевые слова: уровни языка, морфология, синтаксис, теория оптимальности

А. Ч. Питерски. Корпусное исследование как способ предсказать направление морфологического развития (на примере готских сильных глаголов)

Статистика частотности, полученная по корпусу текстов, позволяет предсказать, какие из нескольких синонимичных грамматических форм вымрут в ходе языковых изменений. Это продемонстрировано на примере различных форм готских сильных глаголов. Глаголы, прошедшее время которых образуется с помощью частичной редупликации, реже используются в прошедшем времени, чем глаголы с аблаутом. Хотя готский язык вымер и дальнейшая судьба сильных глаголов в нем неизвестна, этот факт можно считать предвестником потери редупликации во всех германских глагольных системах. Предполагается, что аналогичный метод можно использовать для того, чтобы делать предсказания и о структуре других языков.

Ключевые слова: предсказание языковых изменений, корпусные исследования, морфологические изменения, готский язык, сильные глаголы, редупликация

Д. П. Попова. Выбор наклонения в придаточных предложениях пропозициональных предикатов в русском языке

В моей работе я обсуждаю выбор наклонения в придаточных предложениях пропозициональных глаголов в русском языке. Мой анализ основан на идеях, высказанных в [Farkas 2003] и [Kagan 2007]. Я исхожу из того, что характеристики потенциала изменения контекста придаточного предложения определяются семантикой пропозициональных глаголов и семантикой отрицания. Я прихожу к заключению, что необходимо учитывать также третий фактор: семантику наклонений.

Ключевые слова: русский язык пропозициональные предикаты, распределение наклонений, сослагательное наклонение под отрицанием, потенциал изменения контекста

Е. А. Пиехотская. Конструкции с несубкатегоризованным дативом в русском языке

В работе исследуется ряд семантико-синтаксических свойств русских конструкций с косвенным дативным дополнением, не субкатегоризованным глаголом (конструкции с аппликативом). Конструкции анализируются с точки зрения взаиморасположения глагольных аргументов в иерархически организованной синтаксической структуре (рассматриваются свидетельства связывания, эффект превосходства, сфера действия кванторов и прочее) и с точки зрения их семантических свойств (отношения посессивности между аргументами). Обнаруживается противопоставление приименных и приглагольных аппликативов, являющееся критическим для представленного анализа и для существующих теорий аппликативизации.

Ключевые слова: русский язык, дативный аргумент, актантная структура глагола, актантные деривации, аппликатив

Е. А. Ренковская. К вопросу о распределении аккузативно-дативных и дативных послелогов в диалектах языка кумаони

В работе рассматриваются функции аккузативно-дативных и дативных послелогов в диалектах языка кумаони. Анализируются

факторы, обуславливающие выбор послелога. Помимо семантической роли именной группы, в их число входят временная соотнесенность действия с моментом речи и степень акцентирования объекта. Предлагается гипотеза о контактном влиянии языка хинди на употребление послелогов в ряде диалектов.

Ключевые слова: кумаони, послелоги, семантические роли, аккузативные послелоги, дативные послелоги, бенефактивные послелоги

С. С. Сай. Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов: опыт квантитативно-типологического исследования

Путем обработки данных анкеты, включающей 130 семантически многоместных предикатов, рассматривается вопрос о семантической мотивированности средств неканонических (непереходных) средств кодирования актантов в различных языках. Анализируются данные 16 языков различной генетической и ареальной принадлежности. Разрабатываются математические меры, позволяющие оценить 1) распространенность отклонений от канонической переходной схемы в отдельных языках, 2) вероятность отклонения от канонической схемы для конкретных предикатов, 3) степень предсказуемости аргументных структур одного языка на основании аргументных структур другого языка. Показано, что отклонение от канонической переходной схемы обычно отражается в кодировании только одного из семантических актантов (менее одушевленного и агентивного в языках выборки) и отражает характер его участия в ситуации. В конечном счете предлагается методика сравнения классов предикатной лексики в различных языках без неправомерного установления прямых соответствий между конкретно-языковыми средствами кодирования.

Ключевые слова: аргументная структура, непереходность, актантные классы глаголов, лексическая семантика, квантитативная типология

Н. В. Сердобольская. К типологии выражения значения генерического события в конструкциях с сентенциальными актантами

В типологии сентенциальных актантов выделяют значения факта, события, пропозиции и др. В работе обосновывается необходимость особого выделения еще одного значения сентенциального актанта, а именно значения генерического события. Данное событие, в отличие от конкретно-референтного события, кодируется в языках мира с помощью временных или условных союзов, и не может кодиро-

ваться союзными словами, обозначающими образ действия. Оба типа событий также могут обозначаться номинализацией.

Ключевые слова: сентенциальные актанты, номинализации, комплементаризеры, союзы, событие, родовой референциальный статус

А. А. Сомин. Система прошедших времен в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка

В настоящей работе предпринимается попытка дать последовательное и эксплицитное описание системы прошедших времен в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка. Описываются условия употребления различных глагольных словоформ с семантикой прошедшего времени и их обязательность или факультативность.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, морфология, прошедшее время, претерит, имперфект, ретроспективный сдвиг

Н. М. Стойнова. Референтные vs. нереферентные рефактивные значения

Доклад посвящен показателям рефактива (глагольным показателям со значениями типа 'опять', 'обратно') в языках мира. В докладе обсуждается вопрос о том, как противопоставление «тяжелых» (эмфатических) vs. «легких» (неэмфатических) показателей рефактива соотносится с семантической классификацией значений рефактивной зоны. Предлагается точка зрения, согласно которой «деэмфатизация» рефактива сопровождается семантическим сдвигом в пресуппозициональном компоненте значения. Репетитивному ('еще раз'), реститивному ('в прежнее состояние') и редитивному ('обратно') рефактивными значениями для «легких» рефактивов соответствуют значения 'как обычно', 'в нормальное состояние' и 'домой'. Их отличие состоит в том, что все они отсылают не к конкретной ситуации в прошлом, а к множеству или типу ситуаций. Для данного семантического противопоставления предлагаются термины «референтный рефактив» vs. «нереферентный рефактив».

Ключевые слова: семантика, типология, рефактив, пресуппозиция, референциальный статус, легкие и тяжелые рефактивы

М. Л. Федотов. Временная дистанция в языке гбан (южные манде)

В работе представлен анализ функционирования грамматической категории временной дистанции в прошлом, сложившейся

в языке гбан (южные манде). Категория представлена тремя граммемами: «сегодня-прошедшее» (базовая интерпретация '(ранее) сегодня'), «вчера-прошедшее» (базовая интерпретация 'вчера') и «давно-прошедшее» (базовая интерпретация 'позавчера или раньше'). Под влиянием обстоятельств временной локализации интерпретация высказываний с формами временной дистанции нетривиальным образом изменяется.

Ключевые слова: манде, гбан, временная дистанция, временной дейксис, таксис, ТАМ

М. Л. Хачатурьян. Предикативная система в манго, южные манде: элицидация и корпусная проверка

Работа представляет собой сравнение описания предикативной системы манго (< южные манде), полученного на основании данных элицидации, с данными небольшого корпуса текстов на манго. Выяснилось, что перфект в текстах встречается практически исключительно в прямой речи, где аорист практически не употребляется, что подтверждает, что перфект теснее связан с моментом речи, чем аорист; сопряженная серия является обычным маркером последовательности действий в нарративе, тогда как данные элицидации показывали, что она означает скорее одновременность действия; временное противопоставление нередко нейтрализуется — имперфектив, обычно означающий хабитуалис в настоящем, и экзистенциалис, маркирующий бытийные конструкции в настоящем, свободно используются в нарративе.

Ключевые слова: аспект, время, отрицание, перфект, нарратив, манго, языки манде, африканские языки

М. А. Холодилова. *Attractio inversa* в ингерманландском финском

В ингерманландском финском допустима конструкция, известная как *attractio inversa*, в которой падежное маркирование вершины относительной клаузы зависит от роли соответствующего участника в зависимой клаузе. Данное явление до сих пор отмечалось почти исключительно в мертвых языках, соответственно, многие предположения о его устройстве, высказанные в литературе, основаны только на текстовых данных. Материал ингерманландского позволяет проверить эти предположения. В частности, данные ингерманландского показывают, что конструкция с *attractio inversa* отличается от часто сравниваемой с ней коррелятивной конструкции не только порядком слов: в конструкции с *attractio inversa* допустимы нерестриктивные

относительные клаузы, «семантическое согласование» между вершинной и относительным местоимением и «рассогласование» по падежу.

Ключевые слова: внутренняя вершина, ингерманландский диалект, коррелятивная конструкция, релятивизация, финский язык

М. В. Худякова. Референциальный выбор в позиции посессора: корпусное исследование

Выбор подходящего референциального выражения (определенной дескрипции, имени собственного или местоимения) зависит от многих факторов. В данной работе рассматривается влияние на референциальный выбор такого фактора, как посессорная позиция референта. Также учитываются такие факторы, как синтаксическая роль, форма и определенность антецедента и одушевленность референта. Исследование проведено на материале корпуса RefRhet, аннотированного по референции.

Ключевые слова: притяжательные местоимения, посессор, корпусное исследование, референциальный выбор

М. С. Шматова. Количественная группа в позиции субъекта: о некоторых особенностях согласования в финно-угорских языках

Настоящая работа посвящена рассмотрению особенностей согласования предиката с субъектом в финно-угорских языках в тех случаях, когда субъект выражен конструкцией вида «числительное + существительное» (англ. Numeral-Noun Constructions) или, иначе, количественной группой. Представляемое исследование выполнено с использованием материалов, полученных в ходе лингвистических экспедиций. В ходе работы были выявлены некоторые особенности согласования. Существительное в количественных группах в финно-угорских языках может стоять как в единственном, так и во множественном (а также двойственном) числе. В данной работе будет показано, как это отражается на согласовании предиката с субъектом.

Ключевые слова: количественная группа, согласование, финно-угорские языки, число, числительное

С. Г. Татевосов. Интерпретация именных актантов и модальный анализ перфективности (пленарная лекция)

В этой работе мы пытаемся свести воедино типологические обобщения о варьировании в сфере перфективности и теоретико-

модальный анализ аспектуальных значений с использованием семантики возможных миров. В частности, мы выдвигаем и аргументируем гипотезу, согласно которой специфика акциональной композиции в языках с видом славянского типа объясняется наличием модального компонента в семантике перфектива в этих языках.

Ключевые слова: акциональная композиция, вид в славянском стиле, предельность, перфектив, семантика возможных миров

Часть III. *Varia*

Д. В. Герасимов. Рефактив в парагвайском гуарани: семантика и грамматикализация

Статья посвящена суффиксу рефактива (особого значения из зоны предикатной множественности, соответствующего однократному повторению некоторой исходной ситуации) в современном парагвайском гуарани. На материале корпуса текстов подробно рассматриваются частные значения данного показателя, а также этимологически связанных с ним морфем и лексем. Описывается несколько типологически небанальных случаев грамматической полисемии. Также выдвигается гипотеза о происхождении суффикса *-je(v)u-* в результате грамматикализации глагола со значением 'возвращаться' и восстанавливается сценарий диахронического развития рефактива и связанных значений в гуарани, который может быть обобщен и на другие языки.

Ключевые слова: грамматикализация, диахроническая лингвистика, парагвайский гуарани, предикатная множественность, рефактив

С. И. Дмитриева. Функция суффикса *-sk-* в образовании форм имперфекта древнегреческого глагола

В статье рассматривается функция индоевропейского глагольного суффикса *-sk-* в древнегреческом языке на основании сравнения аспектуальных значений суффиксальных и бессуффиксальных имперфектов (φέρεσκει, φέρεσκειν и φέρω, φέρων), употребляемых в поэмах Гомера.

Ключевые слова: имперфект, аспектуальное значение, глагольная суффиксация, древнегреческий язык

А. А. Еселева. Некоторые аспекты развития дитранзитивной конструкции в древнеанглийском языке

В статье рассматривается комплекс семантико-синтаксических факторов, которые не только оказали влияние на употребление дитранзитивных глаголов *giefan* и *sellan* в ходе развития английского языка в древний период, но также заложили основу последующих изменений и закономерностей, наблюдаемых в современном английском языке. Предполагается, что важную роль в этих процессах сыграли высокочастотные префиксальные варианты глагола *giefan* (*forgiefan*, *agiefan* и др.).

Ключевые слова: глагольная префиксация, древнеанглийский язык, дитранзитивные глаголы, семантика, частотность, корпусные исследования

Н. М. Заика. Вариативность некоторых трехвалентных глаголов, связанная с опущением одного из актантов, в баскском языке

В статье рассматриваются факторы, влияющие на вариативность кодирования актантов при ряде трехвалентных предикатов баскского языка. Причиной вариативности рассматриваемой группы глаголов являются две противоречивые тенденции: с одной стороны, прототипическое выражение бенефактива дативом, который более характерен для него не только в баскском, но и в других языках мира, и, с другой стороны, продуктивность эргативно-абсолютивного спряжения по сравнению с другими типами. Наличие в баскском и в окружающих романских языках групп предикатов с аналогичными синтаксическими свойствами может быть объяснено как типологическим сходством, так и взаимным влиянием языков.

Ключевые слова: баскский язык, эргативность, датив, бенефактивный участник, дитранзитивные глаголы, неканоническое маркирование актантов

С. Б. Клименко. К проблеме определения транзитивности в тагальском языке

В настоящей статье обсуждается проблема определения транзитивного (и, соответственно, интранзитивного) глагола в тагальском языке. Проблема эта тесно связана с вопросом о том, к языкам какого строя относится тагалог — номинативно-аккуза тивного, абсолютивно-эргативного или симметричного. Основная задача работы

состоит в том, чтобы показать, что принятие подходов к толкованию транзитивности, которые обычно применяются к тагальскому языку, либо не имеет под собой достаточных оснований, либо не приводит к адекватному описанию тагальского синтаксиса.

Ключевые слова: тагальский язык, филиппинские языки, транзитивность, эргативность, залог, синтаксис

Д. В. Сидоркевич. Сфера употребления адессива-аллатива в сибирском ингерманландском

Настоящая статья посвящена сфере употребления синкретичного адессивно-аллативного падежа в сибирском ингерманландском. Наблюдается общая тенденция к превращению адессива-аллатива в универсальный «целевой падеж», что сближает сибирский ингерманландский скорее с эстонским, чем с литературным финским. Мы выдвигаем ряд гипотез для объяснения этого развития, основывающихся как на внутренних, так и на внешних факторах. Последние включают в себя интенсивное контактное влияние эстонского, русского и других языков.

Ключевые слова: ингерманландский финский, сибирский ингерманландский, эстонский, адессив, аллатив, падежная система, грамматическая семантика диахрония, языковые контакты

Summaries and keywords

Part I. Proceedings of the Sixth Young Researchers' Conference on Typology and Grammar (2009)

P. M. Arkadiev. Agreement with a peripherally encoded noun phrase: towards a typology

In this paper I investigate the virtually unexplored situations when the verb shows agreement with a peripherally encoded noun phrase (i.e. marked by an oblique case or an adposition). I adduce a number of examples of such an agreement from a variety of genetically and geographically diverse languages and postulate three major diachronic paths whereby these situations arise: (1) peripheral markers come to be used for the encoding of core syntactic functions; (2) objects corresponding to applicative verbal markers retain their peripheral encoding; (3) topicalized constructions involving resumptive clitic pronouns grammaticalize into agreement constructions.

Keywords: head- and dependent-marking, agreement, case, grammaticalization, syntactic relations, applicative, topicalization

O. I. Belyaev. Coordination and subordination in three Dargi dialects: Icari, Qunqi and Ashti

The paper analyzes fundamental syntactic opposition between coordination and subordination against the material of converb clauses in three Dargi dialects: Icari, Qunqi and Ashti. As a result of this research, variance of some converbs with regard to coordination/subordination has been observed: like in many other languages, subordination correlates with causal semantics and same-subject use of the converb. The border between coordination and subordination, however, is not clearly distinct in such cases, and variance is not observed for all of the relevant tests employed. This leads us to the conclusion that such a situation cannot be described in the framework of a pragmatic definition of coordination and subordination, which is used in some functionalist approaches. Also, based on the analysis of the data of closely related dialects, I propose a hypothetical possible path of diachronic evolution of the converb constructions under discussion.

Keywords: Caucasian languages, Dargwa language, syntax, poly-predication, coordination, subordination

A. V. Bogdanov. Syntactic structure of non-finite predications in Ossetic

This paper is dedicated to non-finite predicates (participles, nominalizations, converbs) in Ossetic. We analyze properties such as the possibility of combination with negative particles and negative pronouns and the capability to attach second position clitics. Our data show that nominalizations as opposed to other derivatives are unable to take negative particles and negative pronouns. It means that their syntactic structure contains a lesser number of syntactic nodes than that of other derivatives.

Keywords: participle, converb, nominalization, infinitive, clitic, negation, predication

I. A. Vinogradov. Irrealis in Tzotzil

Tzotzil (Mayan) possesses a special grammatical category of irrealis which marks the described situation as either real or imaginary. There are two ways to mark irrealis of situation: with a special suffix *-uk* or by omission of aspect marker. Irrealis is usually used in negative constructions, in imperative sentences, with markers of desire or purpose, in subordinate clauses of counterfactual condition. Irrealis has a very broad sphere of use, therefore it makes sense to postulate a special grammatical category of irrealis and not treat it as one of moods (on a par with subjunctive, etc). Typological considerations also speak in favor of such approach.

Keywords: irrealis, realis, mood, grammatical category, reality status, mayan languages, potentialis

V. S. Volk, D. A. Erschler. Free word order and how to cope with it: On constituent structure and ellipsis in Digor Ossetic

In our paper, we consider the word order and the constituent structure of Digor Ossetic. Analyzing the statistical breakdown of various word orders in oral and literary texts, as well as the data of ellipsis and certain syntactic tests, we arrive at a number of observations. First, the unmarked word order in Digor is SOV with the verb in clause-final position. Second, for Digor it is unnatural to postulate a constituent consisting only of the verb and its direct object. Third, the subject in Digor is demonstrably structurally higher than the indirect object.

Keywords: Digor, Ossetic, East Iranian, Syntax, Clause Structure, Corpus based study of Syntax, Minimalism

A. P. Vydrin. Passives and modal passives in Ossetic

The paper deals with peculiarities of two passive and three modal passive constructions in Ossetic. All constructions in question consist of a participle and an auxiliary *wən* 'to be'. Passive constructions differ from modal passive constructions morphologically (the agent is marked by the postposition *k'uxæj* or by Ablative in passive constructions, while modal passive constructions use Dative), syntactically (in the passive constructions the agent usually follows the predicate, while in modal passives it precedes the predicate; passive constructions can not be used with intransitive verbs, while some of the modal passive constructions can) and semantically (passive constructions are semantically neutral while modal passive constructions can express internal and external necessity and external possibility). As far as one can see in the grammars, there are no modal passive constructions in other East Iranian as well as in the neighbouring Caucasian languages. The origin of the Ossetic modal passive constructions needs further investigation.

Keywords: Ossetic, Easy Iranian languages, passives, modal passives, syntax, corpus-driven study

A. V. Vydrina. Spread of lability in the verbal lexicon of Kakabe

It is often the case that one situation can be conceptualized with different number of participants. As it has been shown by [Nedyalkov 1969] and [Haspelmath 1990], the (un)markedness of a transitive or, on the contrary, of intransitive variant can be determined by the extent to which the situation denoted by the verb is typically spontaneous or not. In case of lability, it is impossible to predict whether the spontaneity scale is relevant at all and if yes, in what way. However, in this paper we show on the basis of Kakabe data, that spread of lability in verbal lexicon can indeed be determined by spontaneity scale: verbs denoting conceptually more spontaneous events require the causative marker and thus are not labile, while verbs denoting the more spontaneous events are labile. Lability in Kakabe covers even the lowermost part of spontaneity scale where only events with minimum two participants are localized, for example 'bite', which is thus a markerless variant of passive. The direction in which the spontaneity scale determines the spreading of lability can be concerned with the general characteristic of a language as transitivizing or detransitivizing.

Keywords: transitivizing languages, argument structure, lability, verbal lexicon, markedness, transitivity, causative, passive

D. S. Ganenkov, Yu. A. Lander. Locatives as sources of non-locative cases: evidence from Dargi

This paper is dedicated to some inflectional subsystems in a few Dargwa dialects (belonging to the Northeast Caucasian language family). The dialects we describe lack some expected morphological forms, while some other forms showing complex locative morphology now have exclusively syntactic (non-locative) functions. We argue that this asymmetry results from the fact that in the case of paradigm simplification, those forms that have abstract non-locative functions are most likely to be retained. Interestingly, the range of such forms coincides to a large degree in different dialects.

Keywords: case, locative form, localization, syntactic case, inflection, Dargwa, Northeast Caucasian languages

E. I. Garmash. Aspects of meaning of the Russian pronoun *sam*

This paper is dedicated to the semantics of Russian pronoun labeled *sam*_{NEOZH} in [Богданова, Кибрик 1995] (“*sam* of unexpectedness”). In particular, we show that uses of *sam*, united under this label represent several different lexemes. In the final section some questions for further research are raised.

Keywords: Russian, semantics, discourse elements, intensifiers, *sam*, presupposition

D. V. Gerasimov. Negative Idefinites in Paraguayan Guaraní

The aim of this paper is threefold: first, to provide a tentative survey of indefinite pronouns in modern yan Guaraní, which as of now have never been the subject of investigation; second, to describe basic syntax of indefinites used under negation; third, to suggest a diachronic hypothesis concerning emergence of specialized negative indefinites in Guaraní. We claim that negative indefinite pronouns have derived from expressions of universal quantification as a result of a peculiar case of Jespersen’s argument cycle, and provide diachronical, semantic, and typological arguments for this. In the light of this hypothesis, it appears interesting to check against Guaraní data a number of traditionally assumed implications of Negative Concord.

Keywords: Paraguayan Guaraní, indefinites, negation, indirect negation, Negative Concord, Jespersen’s argument cycle, quantifiers, diachrony

M. Yu. Ivanov. A purely English causative: aspectual composition in complex clauses

The paper is concerned with two cross-linguistically stable types of aspectual composition: the “English” type, where aspectual properties of the verb, such as telicity, depend on the properties of its incremental object, and the “Russian” type, in which, on the contrary, properties of the internal argument are determined by (im)perfectivity of the verb stem. In the Tubalar dialect of Altai both types are encountered, the choice between them being sensitive to the presence of causative marker in a non-trivial manner. According to our analysis, the processes responsible for the “Russian” type of aspectual composition take place in the higher tiers of the clausal structure, while at the *vP* level only the “English”-type composition is present. Yet functional projections located above *vP* obstruct direct observation of the processes at work at the lower level. Causativization neutralizes this effect and allows us to observe properties of *vP/VP* as they are before derivation of higher levels of clausal architecture.

Keywords: Tubalar Altai, aspectual composition, causative, clausal structure, telicity, left periphery

N. V. Ivlieva. *Kazhdyj* ‘every(one)’ can be lazy

We put forth a proposal to introduce a new type into the semantic typology of pronouns, namely the anaphoric pronouns that refer to quantifier expressions of the *kazhdyj chelovek* ‘every man’ type, yet interpreted not as bound variables but as these quantifier expressions themselves (cf. the Transformation of Nominalization in the early versions of generative grammar).

Keywords: Russian, syntax, semantics, pronouns of laziness, quantifiers, binding

E. V. Kashkin, M. S. Pankova. Experimental study of possessive declension in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan

As has already been mentioned in various descriptions of Uralic languages, including Komi-Zyrjan, possessive affixes tend to extend their scope by developing discourse functions, in particular by denoting definiteness of an NP. Our previous research conducted mainly by eliciting examples from typological questionnaires enabled us to identify two main factors determining the choice between possessive and non-possessive declension types: referential status and syntactic function of an NP. As regards this paper, it describes an experiment carried out during our

subsequent research to see the occurrence of Komi-Zyrjan possessive affixes in natural discourse. The experiment has shown that the use of the possessive declension is strongly influenced by the factors of discourse prominence and discourse structure, which sometimes turn out to be even more important than definiteness and syntactic function.

Keywords: Komi-Zyrjan, possession, definiteness, referential status of a NP, discourse functions of the possessive declension, discourse prominence, experiment

V. I. Kimmelman. Binding theory and sign languages

Sign Languages can be used to test allegedly universal linguistics theories. We have applied the Binding Theory which explains the properties of pronouns in spoken languages to Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. We found out that these two languages have reflexive pronouns that behave as predicted by the Binding Theory. On the other hand, some non-reflexive pronouns (pointing signs) can be used in reflexive contexts, too, which can be explained by the visual-spatial modality of these languages. However, the reflexive pronouns are used to express the bound-variable reading, while the non-reflexive pronouns used in the same context express co-reference only. This distribution is also predictable within the Binding Theory framework.

Keywords: binding theory, Russian Sign Language, Sign Language of the Netherlands, reflexive pronouns

D. P. Kiryanov, K. A. Shagal. Active perfective future participle in Russian

Future participles are regarded as ungrammatical in the standard Russian language, but it is structurally possible to derive them, so they sometimes occur in various types of texts. Our research has shown that, in spite of their singularity, these forms are very similar in behaviour to other participles and that native speakers do not consider them as totally unacceptable. We have also found out that future participles tend to occupy the non-initial position in the relative clause, and the explanation we suggest is that it is the only case when a synonymous construction with a relative pronoun, which is usually widely used instead of a participial construction, can not be produced because of the obligatory clause-initial position of the pronoun.

Keywords: future participle, the Russian language, participle, future tense, relative clause, standard language, word order

M. Yu. Knjazev. Ellipsis in Russian free relatives

The paper is concerned with behavior of Russian free relatives, in particular, with the typologically non-trivial absence of matching restriction [Bresnan, Grimshaw 1978]. We demonstrate that Russian constructions traditionally analyzed as free relatives fall into several classes with distinct properties, each calling for a separate analysis.

Keywords: Russian, syntax, relative clauses, free relatives, anaphora, binding, ellipsis

V. M. Kovalskaya, I. O. Kouznetsov. Morphology of non-standard converbs in Russian

In the modern literature on Russian morphology there is no consensus on the status of converb as a grammatical category. Moreover, there still is no unified description of Russian converb morphology, that would outline the standard models of derivation and deviations from this standard. We propose a description of five standard models of converb formation, as well as a classification of deviations from these standards, involving ten additional classes.

Keywords: Russian, morphology, converb, non-standard converbs, corpus-driven studies

M. B. Konoshenko. Clause syntax in Kpelle of Guinea: subject pronouns or predicative markers?

The paper discusses special markers obligatorily present in all clauses of Kpelle (South West Mande < Mande < Niger-Kongo). Traditionally these markers, together with their counterparts in other African languages, have been treated as subject pronouns. However, a number of syntagmatic, paradigmatic and semantic criteria suggest that these elements in fact belong to the VP and are better described as predicative markers. Therefore, Kpelle is a null subject language.

Keywords: Kpelle, Mande, syntax, predicative marker, subject pronoun, subject, null subject

A. B. Letuchiy. Causative in a language with no causative: on some properties of Russian causative verbs

The paper deals with Russian causative constructions with verbs *zastavit'/zastavljat'* 'make', *pozvolit'/pozvoljat'* 'permit' and *(s)delat'* 'make'.

Most authors writing about causatives tend to limit themselves to analysis of grammatical causative markers. In the present paper I try to show that Russian constructions with causative verbs show similarities to grammatical causative constructions while differing from most classes of polypredicative constructions, for instance, constructions with mental and speech act predicates. For instance, in Russian causative constructions we observe a non-standard interpretation of tense/aspect forms (the tense of the causative verb can refer to the caused subevent, and not to the causation itself). Furthermore, adverbs of some sorts, such as *redko* 'rarely', being syntactically adjuncts of the causative verb, can semantically modify the embedded predicate. The facts of Russian let us postulate two subtypes of Russian causative constructions (with an agentive causer vs. with an eventive causer) which differ in both semantic properties and syntactic structure.

Keywords: causative, Russian, causer-agent, causer-event, structure of event, subevent, factitive causative, permissive causative, tense

E. S. Luchina. Conceptualization of pain in the Muzhi dialect of Komi-Zyrjan

Our research, carried out as part of a wider typological project, focuses on constructions with predicates of pain, mostly represented by metaphorical expressions. The semantic shift undergone by these verbs leads to the development of non-standard morphological and syntactic properties (from restricted compatibility with aspectual and temporal affixes to a radical change of case frames).

Keywords: Komi-Zyrjan, lexical typology, pain verbs, semantic shift, pain constructions.

N. S. Matveeva. Fishing for taxonomic categories in the semantic field of Russian mental verbs

This article presents findings of a corpus-based study of Russian mental verbs in terms of their aspectual properties. It shows that most frequent among mental verbs are achievements (36%) and accomplishments (22%), while activities are nearly absent. There are systematic correlations between aspectual classes of mental verbs, such as qualities derived from accomplishments, and activities derived from achievements.

Keywords: Russian, semantics, mental predicates, actionality, taxonomy, corpus-driven study

P. S. Miteva. Syntax of nominalizations in Izhma dialect of Komi-Zyrjan

This paper investigates morphology and syntax of nominalizations in the Izhma dialect of Komi-Zyryan. Nominalized predicates retain some verbal properties (such as the capability to attach aspectual and valence change suffixes) and gain a certain amount of nominal properties (such as the capability to attach case, number and possession markers). Case marking of nominalizations has an interesting property: the case of the nominalization does not always correspond to the case demanded by the verb. The nominalized predicate tends to be marked with the structural case (Nominative or Accusative). Case marking of verb arguments, word order data and a number of syntactic tests show that the structure of nominalized predication corresponds to the NP containing an embedded vP.

Keywords: syntax, morphology, nominalization, Komi-Zyrjan, syntactic structure of nominalization

A. V. Morozova. Object case marking as means of expression of aspectual relations in Estonian

My research is dedicated to the possibilities of expressing aspectual characteristics by means of a certain object case in Estonian language. For that purpose, a corpus-based study has been undertaken using data from Estonian text corpus. Aspectual verb classifications (Z. Vendler's and S. Tatevosov's) were used for identifying aspectual properties of a verb and their correspondence with case marking on the object. The results show that there is only partial correlation between aspectual characteristics of a sentence and the case on object, which contradicts the opinion generally accepted among Estonian linguists that object case is the main marker of sentential aspectuality. In accordance with my supposition, it is semantic properties of verb and its aspectual class that determine the case of the object.

Keywords: Estonian, corpus-based study, object, case marking, aspect, actionality

N. A. Muravoyov. Semantics and use of participles in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan

Our study focuses on several classes of participles in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan, as spoken in Muzhi. Many categories in Komi display significant variation with respect to their semantics and use.

Reference grammar pay relatively little attention to contexts in which participles are used. In view of all this, description of *an*-participles in Komi-Zyrjan becomes an important problem. During our fieldwork trip we have verified the treatise of semantics and use of participles in existing literature for the correspondence to actual language practice of native speakers. Analysis of the contexts of use allowed us to determine the place occupied by *an*-participles in Komi-Zyrjan verbal system, outline zones of competition with other classes of participles and identify their main features.

Keywords: Komi-Zyrjan, participle, form competition, deverbal adjective, morphology, semantics, relative tense

M. A. Ovsyannikova. Possessor topicalization in Forest Enets

The paper is concerned with two possessive constructions in Forest Enets, formally differentiated by the choice of case marking on attributive possessor: Possessive Nominative vs. Genitive. The two constructions show significant differences in their morphosyntactic properties. The construction with Possessive Nominative possessors share a number of features with constructions involving topicalized NPs. Investigation into properties of possessive constructions that have their diachronic source in topicalization constructions sheds light on various stages of diachronic evolution of such constructions within the grammaticalization theory framework.

Keywords: Enets, possessive constructions, topicalization, grammaticalization, syntax

E. K. Pavlova. Semantics of tenses in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan language

This paper deals with semantics of tenses in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan (present, future, and the first past). The aim of the research is to describe the use of the tense grammemes and to analyze their deictic function, which orients a situation with respect to the deictic centre. As a result of the research, we have found 11 meanings of the present tense, 6 meanings of the future tense and 8 meanings of the first past tense. We have also taken into account the interrelation between tense and aspect and the use of tense forms in the function of another tense or mood.

Keywords: Komi-Zyryan, grammatical semantics, morphology, tense, modality

V. A. Panov. On Vey – van Schooneveld effect and perfectivation in Latin

The paper is devoted to some particularities in aspectual meanings of Latin verbal prefixes. Like in many other languages, especially those of Eastern Europe, in Latin verbal prefixes sometimes do not change lexical meaning of the stem they attach to, but rather its aspectual characteristics, forming perfectives of different kinds. Choice of a prefix can be explained by so-called Vey – van Schooneveld effect. According to it, perfectivation of stem takes place in cases when there is some common spatial component in both prefix' and stem's meaning. It is shown that this effect had once been very widespread in Latin but later decreased alongside with overall simplification of the system of verbal prefixes in the late period.

Keywords: Latin language, prefixes, aspect, perfective, Vey – van Schooneveld effect

A. V. Podobryaev. Split NPs: alternative approaches

We discuss Russian split NPs traditionally assumed to represent instances of Left Branch Extraction. Analyzing various facts of distribution and interpretation of these NPs, we demonstrate that this phenomenon is heterogeneous, i.e. different subclasses of Russian phrase splits are due to completely different underlying syntactic phenomena.

Keywords: Russian, nonconstituent constituency, Left Branch Extraction, Movement, copy deletion, syntax, syntax-semantics interface, syntax-phonology interface

D. P. Popova. Second past tense in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan language

This study is devoted to the problem of the 2nd past tense in the Izhma dialect of Komi-Zyrian. The research is based on fieldwork data. I describe formal features of the tense grammeme, explore its functions (it can serve as a perfect, as a more distant relative past tense, as an evidentiality marker) and provide the possible explanation of the distribution of the 1st and the 2nd past tenses.

Keywords: second past tense, evidentiality, perfect, Komi-Zyrian, Izhma dialect

M. Yu. Poupyrina. Paradigmatic asymmetry of imperative and prohibitive in Chukchi

The paper reveals a fact of paradigmatic asymmetry of imperative and prohibitive in Chukchi. There are two evidences of asymmetry: first, the existence of 2 negative paradigms (one denoting a recommendation not to do something and the other having a pure prohibitive meaning) for a single affirmative one. Second, there are no negative forms for 1 person singular, whereas the affirmative paradigm is complete. According to the data of related languages, it is presumed that the “pure” imperative was suppressed by the optative (intentional) mood and became extinct, thus, 2 and 3 persons of optative mood adopted appellative meaning. The negative paradigm with a recommendation meaning is the negative paradigm of optative, whereas the negative paradigm of prohibitive is the footprint of the now extinct imperative.

Keywords: Chukchi, negation, imperative, prohibitive

P. V. Rudnev. Reflexives in Daghestanian languages and the nature of anaphoric relations

This paper discusses certain data from Daghestani languages that have traditionally been considered as constituting counterevidence to the Binding Theory in its classic implementation. The data under consideration have been claimed to receive a better explanation by a functional pragmatic mechanism [Toldova 1999; Lyutikova 2001]; however, we argue that such an approach can only tackle a subset of anaphoric relations – coreference (as opposed to semantic binding) making false predictions with respect to the latter.

Keywords: syntax, semantic, anaphora, semantic binding, Daghestani

K. P. Semyonova. On focus marking strategies: Modern Eastern Armenian and beyond

The aim of this paper is to describe focus marking strategies of Modern Eastern Armenian and to compare them with those of other languages of the Caucasus. Perhaps one of the most prominent features of this linguistic area concerning focus marking in contexts with periphrastic verbal forms is the usage of an auxiliary verb immediately after the focused NP. That is true for most of the Nakh-Daghestanian (e.g., Icaric Dargwa, Tsakhur, Lak) languages as well as for Eastern Armenian.

The situation however is different in contexts where synthetic verbal forms are used. In Armenian focusing causes a change of word order within the sentence. On the other hand, for example, in Içari Dargwa focus marking in contexts with synthetic verb forms is impossible (the verb form should be changed).

Keywords: auxiliary verb, Eastern Armenian, focus marking strategies, Nakh-Dagestani, periphrastic/synthetic verbal forms, word order

N. V. Serdobolskaya. Backward control and the principles of Binding Theory: evidence from Qunqi

The paper is focused on the phenomenon of backward control in Qunqi Dargwa (Nakh-Dagestani language family). The term “backward control” is used to refer to complement constructions with obligatory control verbs, where zero NP is in the main clause, and the antecedent is in the dependent clause. I treat these constructions in Qunqi basing on the criteria that have been elaborated by M. Polinsky and E. Potsdam for Tsez, Korean and other languages with backward control and show that Qunqi constructions are an example of this phenomenon. Backward control has been treated as an independent parameter of typological variation. I show that this approach is not borne out. Backward control in Qunqi, Tsakhur and some North-Caucasian languages correlate with Principle C violation in these languages.

Keywords: complementation, subordination, syntax, control, backward control, binding, principle C, languages of Dagestan, Dargwa languages, Qunqi language

N. M. Stoyanova. Towards the typology of repetitive-habitual polysemy

In some languages the repetitive meaning (‘a single repetition of an event’) and some meanings of the habitual semantic domain are expressed by the same marker. There is some typological evidence that the repetitive meaning is more closely related to the generic and qualitative meanings and not to the proper habitual one. Emphatic uses are assumed to connect the repetitive meaning with habitual ones. The meaning ‘as usual’ is also proposed to be transitional between the repetitive meaning and the habitual semantic domain.

Keywords: typology, semantics, polysemy, verbal derivation, verbal plurality, repetitive, habitual

M. N. Usachyova. Elative, egressive and ablative markers in Finno-Permian languages: domains of use and zones of competition

This work is devoted to the sphere of use and competition zones of three Finno-Permian spatial cases – elative, egressive and ablative, all dating back to the same diachronic source. Attention is paid to a typologically infrequent situation which occurs in Finno-Permian languages, that is, to the existence of two different cases for marking adnominal dependency. We try to retrace the history of this situation and to examine a question of the “object genitive” status.

Keywords: Finno-Permic languages, genitive, ablative, spatial cases, diachrony, contexts, semantic map

E. K. Khanina. Spatial case system in Lithuanian from a diachronic perspective

The paper focuses on the development and collapse of the spatial case system in Lithuanian. In the Old Lithuanian period, the old locative case derived from Indo-European was displaced by the new system of four spatial cases, which was more complex, than in other Indo-European languages. This happened under influence of Finno-Ugric languages. The resulting case system is typologically very peculiar. It reached its peak by the XVI century, just before the first Old Lithuanian written texts emerged; later the system started to collapse. In contemporary Lithuanian only the inessive case used without preposition is left (with the exception of dialects of certain villages in Belarus). In informal speech of inhabitants of certain regions illative case is also found; allative case has remained only in fixed adverbial forms. The main purpose of this paper is to describe the spatial case system in Lithuanian in a semantic perspective and to examine other ways of expressing spatial meanings both within the lifetime of this system and after its collapse.

Keywords: adessive case, allative case, case system, illative case, inessive case, Lithuanian language, spatial cases

M. A. Kholodilova. Competition between two main strategies of subject relativization in Russian

The paper considers the two clause types used most frequently for subject relativization in Russian, namely, participial clauses and clauses introduced by the relative pronoun *kotoryj*. Many properties (both absolute

and statistical) of the participle clause are shown to be indicative of its higher degree of nominalization.

Keywords: participle, relative clause, relative pronoun, relativization, Russian

M. S. Shmatova. Semantics of plural forms of nouns marked with *-jas* in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan

In this paper we discuss semantics of nominal plurals marked with *-jas* in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan. We pay special attention to peripheral meanings of such forms. We mark out a meaning of associative plurality characteristic of plural forms of proper names. We also discuss the possibilities of formation of the plural forms from nouns denoting substances and sets of object. The material was collected during the linguistic expedition of MGU (Moscow) in summer 2009.

Keywords: number, plural, semantics, noun, peripheral meaning, mass noun, additive plurality, associative plurality, Komi-Zyrjan

D. A. Erschler. Case marking on direct objects and duration adverbials in Yakut and Dolgan

In this paper I consider a case alternation that occurs with direct objects and certain adverbials in imperative clauses in Yakut (Sakha) and Dolgan. I propose a formal analysis of this phenomenon using ideas of multiple case assignment and post-syntactic competition of morphological case markers.

Keywords: Turkic, Yakut, Dolgan, Case Theory, Optimality Theory, syntax

B. Comrie. Typology of numeral systems (plenary lecture)

This study provides an overview of the cross-linguistic variation found in the internal structure of numeral expressions in natural languages, concentrating on the choice of arithmetic base, the use of particular arithmetic processes, the order of constituents, and the treatment of ambiguities.

Keywords: numeral expressions, counting, arithmetic base, typology

M. Haspelmath. Explaining some universals of causative verb formation (plenary lecture)

In this study I summarize a number of generally acknowledged universals of causative formation under three more general principles

involving the Spontaneity Scale. I then claim that these principles can be best accounted for in terms of frequency of use.

Keywords: causatives, decausatives, Spontaneity Scale, frequency, economy, typology

A. L. Malchukov. Resolving alignment conflicts (plenary lecture)

This paper is concerned with alignment conflicts, in particular, with cases when certain constructions or categories show greater predisposition towards a particular alignment. Generally, it is shown that when a construction-specific functional bias is consistent with the language profile (i.e. the basic alignment pattern) more cross-linguistic consistency is found, while there is room for more variation when the two factors are in conflict.

Keywords: argument structure, argument encoding, alignment patterns, ditransitives, typology

Part II. Proceedings of the Eighth Young Researchers' Conference on Typology and Grammar (2011)

P. S. Antonova. Syntax of predicative adverbs and secondary predicates in Russian

The paper deals with the syntax of two semantically close constructions in Russian – one involving predicative adverbs and one involving secondary predicates. Both adverbs and secondary predicates are participant-oriented expressions. They can be base-generated in several structural positions; syntactic position is linked with the semantic interpretation of the expression. Possible syntactic positions of the argument NP modified with an adverb or a secondary predicate are also investigated.

Keywords: adverbs, depictives, secondary predicates, Russian language, semantic interpretation, syntax

P. M. Arkadiev. On the functions of verbal prefix *be-* in Lithuanian

This paper analyses the polysemy of the previously virtually undescribed verbal prefix *be-* in Lithuanian. This prefix is used in several non-trivial functions, which can be subdivided into two groups. The aspectual meanings of *be-* include the progressive, the continuative, and the averative, the latter appearing only in a special periphrastic construction. This

prefix also has a number of modal and quantificational functions, including the dubitative, the attenuative, and the universal, the latter being realized only in concessive conditional constructions. Morphological expression of such meanings, especially by means of a single affix, constitutes a notable typological peculiarity of Lithuanian.

Keywords: Lithuanian, verbal prefixation, aspect, modality, typological rarities

T. A. Arkhangelsky, M. G. Tagabileva, L. S. Kholkina. Qualitative concepts ‘clean’, ‘transparent’, ‘dirty’ and ‘opaque’: towards a semantic typology

This research is devoted to typological study of concepts ‘clean’, ‘transparent’, ‘dirty’ and ‘opaque’ based on data from Russian, English, Chinese, Modern Eastern Armenian and Modern Greek. The work describes main semantic parameters which structure the semantic fields in question and will be relevant for subsequent semantic map building.

Keywords: lexical typology, semantic field, ‘clean’, ‘transparent’, ‘dirty’, ‘opaque’

O. I. Belyaev. Coreference in correlatives: variable binding or anaphora? (with special focus on Ossetic)

This paper concerns the analysis of correlatives in the Iron dialect of Ossetic. Most of the existing analyses of correlatives in languages of the world are based on the assumption that correlatives are a subclass of relative clauses, and that the subordinate clause in correlatives is somehow connected to the adnominal adjunct position. I argue that this approach is not applicable to Ossetic, and correlatives in this language are better analyzed as adjuncts to the main clause. The coreference between the relative NP in the subordinate clause and the demonstrative correlate in the main clause is established by means of long-distance anaphora, and not of operator-variable binding, as in canonical relative clauses.

Keywords: relative clauses, correlatives, Ossetic, syntax

E. L. Brovko. The verb *dat'* ‘to give’ in one child’s speech: “regular” vs. “accidental” patterns

This case study has investigated into the functioning of the Russian verb *dat'* ‘to give’ in a speech data collected longitudinally from one

child. Pragmatics of utterances that contain this verb, their role in a dialogue, construction of the argument frame and word order are analysed together. The results are compared to those obtained from other children in order to draw preliminary conclusions regarding interplay of regular and incidental features of certain aspects of syntax acquisition.

Keywords: acquisition of syntax, pragmatics, subject-object relations, word order

*A. V. Vydrina. Polysemy of the modal marker *ni* in Kakabe*

The paper deals with the semantic description of the modal marker *ni* in Kakabe language. This marker can express a wide range of meanings, and almost all of these meanings correspond to the scenario of grammaticalization of modal meaning proposed in [Bybee et al. 1994]. However, there are some usages that do not fit this scheme, namely those with the meaning of a result uncontrollably arising out of some natural cause. This can be accounted for as expansion of the meaning of weak obligation by means of deagentivization.

Keywords: modality, agent-oriented modality, grammaticalization, result, optative

I. M. Gorbunova. Phasal Aspect in Atayal

Atayal verbal morphology, especially that pertaining to the TMA domain, has recently seen a surge of linguists' interest. However, among the categories described in different articles on the topic there is not a single word concerning the category of verbal phasal aspect. In this article we attempt to show that in Atayal the four possible values of this category are divided between two particles. The distribution and semantics of those particles are further explored, based on the analysis of corpus and questionnaire data, collected in field research.

Keywords: morphology, phasal aspect, negation Austronesian languages, Atayal

X. A. Ershova. Besleney masdar as a mixed category

This work is dedicated to the problem of nominalization of the masdar in the Besleney dialect of the Kabardian language. Constructions with masdar are sorted into three groups depending on the presence or absence of number and person agreement prefixes and the possessive marker, and are compared to verbal formations which do not reveal

nominal characteristics. I arrive at the conclusion that masdar displays different degrees of nominalization, depending on morphological features.

Keywords: Kabardian, mixed category, nominalization, masdar

V. A. Ivanov. Dvandva compounds in Finno-Ugric languages: approaches to study and description

This paper is concerned with problems of dvandva compounds in Finno-Ugric languages, dwelling upon typological, functional and lexicographical aspects. Also, prosodial, morphological and other characteristics are considered. We suggest that dvanda compounds should be treated as lexicalized coordinating structures.

Keywords: dvandva compounds, compounding, coordination, Finno-Ugric languages

E. V. Kashkin. Adjectives denoting surface properties in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan: a contrastive study

This paper focuses on adjectives denoting surface properties in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan. The typological background comprises data from Russian and from several Uralic languages already taken into account. I provide examples of both typologically quite standard and typologically rare phenomena. The results will be used for a further investigation in lexical typology.

Keywords: semantics, lexical typology, surface properties, Uralic languages, Komi-Zyrjan

M. Yu. Knjazev. CP-celection is not (only) a lexical property: evidence from Russian

The paper discusses the problem of selection for a that-clause among verbs that take DP/PPs with propositional meaning. It is largely assumed that whether a given verb selects for a that-clause is a lexical property of the verb (or, equivalently, property of the unique theta-role that would be assigned to the clause). I challenge this view providing examples from Russian where the verb's ability to take a that-clause seems to be affected by such processes as passivization or perfectivization of the verb.

Keywords: Russian, that-clauses, selection, argument structure, aspect

K. A. Kozhanov. Slavic-style verbal prefixes in the Baltic Romani dialects

Romani dialects spoken in the Baltic countries have experienced significant changes as a result of contacts with neighbouring languages. This paper focuses on the emergence of a system of verbal prefixes. The Baltic Romani dialects combine in a non-trivial way both the prefix inventory and the functions of prefixes in the Baltic and Slavic languages. Overlap of the two systems has led to the re-distribution of prefix meanings and word-formation patterns of the prefixed verbs.

Keywords: verbal prefixes, Romani dialects, Lithuanian, Latvian, language contact, aspect, grammaticalization

M. B. Konoshenko. Person/number agreement in Mande languages: preliminary observations

The goal of the present study is to present preliminary observations concerning person-number agreement in Mande languages. The agreement in these languages follows some general patterns. Agreement markers are fused with function words; they also can be used in anaphoric contexts. At the same time, agreement systems in Mande are quite different in many respects, such as targets of agreement, morphosyntactic contexts triggering agreement, and the structure of the agreement paradigm.

Keywords: agreement, Niger-Congo, Mande, intragenetic typology

M. A. Kosogorova. On class agreement in Pulaar

The Pulaar language is widely known among descriptive linguists and typologists for its complicated noun class system. However, this language also manifests a very interesting pattern of class agreement, combining suffixation and stem-initial consonant mutation. The agreement system varies significantly between the many dialects of the language and almost always differs from the pan-Pulaar system. The goal of this research is to highlight these differences and their importance to the noun class system.

Keywords: fula language; noun class system; agreement; dialectology; comparative typology

V. A. Krylova. Definite article and case in Modern Eastern Armenian

The paper deals with the interaction between definite article and case system in Modern Eastern Literary Armenian. The definite article

combines with two case forms only: nominative and dative. The core functions of both cases are determined by sets of rules of quite different types, having not so many principles in common. We suggest that it is impossible to describe use of the definite article solely in terms of definiteness/indefiniteness. The solution might be found by means of a thorough investigation of argument encoding.

Keywords: Eastern Armenian, determiner, object, subject, definiteness, referentiality, case marking

O. V. Kouznetsova. The aspectual system of Guro

In the Guro language (< South Mande < Mande < Niger-Congo) markers forming basic verbal constructions tend to express aspectual and modal meanings. The temporal meaning of an utterance is determined by the lexical meaning of the head verb and by wider context. Basic verbal constructions in Guro are perfective, resultative, imperfective, progressive and irrealis.

Keywords: Guro, Mande languages, aspect, perfective, resultative, imperfective, progressive, irrealis

E. L. Kushnir. Morphology and syntax of adjectives in Yauré (South Mande)

In the present work an attempt is made to identify class properties of adjectives in Yauré (South Mande). Morphological and syntactic properties are described – such as, respectively, the possibility of reduplication and attachment of the diminutive suffix and the ability to appear in attributive and predicative positions. The conclusions are drawn concerning criteria for distinguishing adjectives from other Yauré words with qualitative semantics.

Keywords: Yauré, parts of speech, adjectives, depictives, reduplication

A. B. Letuchiy. Are sentential arguments really arguments?

The paper addresses properties of sentential arguments in Russian. The principal aim is to check to which extent their sentential properties are similar to those of nominal arguments. For this purpose, the following syntactic tests are used: constructions with deadjectival nouns; constructions with ‘semi-auxiliary’ verbs, such as *kazat’sja* ‘seem’; expression

of the agent in the passive construction. The main conclusion is that sentential arguments, while being arguments, are not fully parallel to nominal arguments, such as nominative subject or accusative direct object.

Keywords: complementation, subject, object, Russian, passivization, semi-auxiliary verbs, predicative adverbs

A. B. Makarova. Between nouns and verbs: Russian lexemes of the *bain'ki*-class

In this paper I address the problem of categorial status of a group of Russian words similar to *bain'ki*. Four interpretations are suggested: the words under scrutiny are 1) verbs, 2) nouns, 3) both verbs and nouns, and 4) neither verbs nor nouns. Analysis of morphological, syntactic and semantic properties of these words makes it possible for us to argue that these words are both nouns and verbs at the same time. Such conclusions find support within the framework of cognitive linguistics.

Keywords: Russian language, parts-of-speech, cognitive linguistics, *bain'ki*

M. M. Makartsev. *l*-forms in Kajnas, an isolated Slavic dialect spoken in the Korcha district of Albania

In this study I address the peculiar way of formation of *l*-forms in Kajnas, an edge south-western Slavic isolated dialect in Korcha district in Albania. During my fieldwork in 2010–2011 I have found that *l*-forms in this dialect are much more diverse than it has been considered in the up-to-date Balkan Slavic dialectology. Particularly interesting are forms like *toj bje bil dojden*, *nie imalme zväto* and *nie imalo zväto*, which make Kajnas typologically similar to otherwise geographically distant East and West Slavic languages.

Keywords: Balkan Slavic dialects, Macedonian dialects, endangered languages, language contacts

D. F. Mischenko. Postpositions and postposition-like nouns in Looma (South-West Mande)

The present paper deals with a group of words whose function in Looma is to introduce an NP or a pronominal phrase in the indirect object position. The relation of this group to locative nouns is analyzed. The criteria that help to divide these items into postpositions and postposition-like nouns are discussed.

Keywords: Looma, Mande languages, postposition, postposition-like nouns, postpositive words

N. A. Muravyov. On the criteria for differentiating preverbs in the Tegi dialect of Khanty

The present study is devoted to the category of preverbs in the Tegi dialect of Khanty. While there are no descriptions of this category in reference grammars of the language, in dictionaries such lexemes are marked as “verbal particles”. Even though they form regular combinations with verbs there is hardly any considerable difference between preverbs and adverbs. Therefore the aim of this work was to prove that the lexemes under study form a separate category of preverbs.

Keywords: preverb, particle, lexeme, category, separability, perfectivization

M. A. Ovsyannikova. Argument structure of emotion verbs with Experiencer subjects in Russian

The study focuses on a subclass of Russian emotion verbs (e.g. *serdit'sja* ‘be.angry’, *obizhat'sja* ‘feel.offended’, *dosadovat* ‘be.vexed’) which includes verbs that denote negative emotional reaction, put Experiencer in the subject position and allow for two different ways of argument realization: the so-called split valency structure (*Petja rasserdilsja na Vasju za ego slova* ‘Petja got angry at Vasja for his words’) and the corresponding non-split structure (*Petja rasserdilsja na slova Vasi* ‘Petja got angry at Vasja’s words’). The main goal of the study of this group of verbs is to investigate which factors determine the choice between the two possible constructions. The corpus-based study shows that one of the main factors is the degree to which the situation invoking negative emotion is controlled by the participant bearing the primary responsibility for its emergence.

Keywords: Russian, emotion verbs, argument structure, split valency, lexical semantics

S. A. Oskolskaya. Use of exceptive items in Russian

The paper is devoted to the use of six Russian items that can function as part of the exceptive construction: *krome, pomimo, za iskl'ucheniem, za vychetom, esli ne schitat', ne schitaja*. Five types of exceptive constructions and a set of other constructions which can include these items are

distinguished on the basis of the corpus data. Using these data, we build a semantic map of the exceptive and related constructions. The token frequency of these items is analyzed taking into account various construction types.

Keywords: exceptive constructions, Russian, semantic map, prepositions

D. A. Paperno. On the interaction of syntax with surface linguistic levels

The paper considers the issue of morphology – syntax interaction. Examples of syntactic phenomena interacting with morphology and phonology are discussed: the usage of possessive adjectives in Old Church Slavonic and possessive marking in Q'anjob'al (Mayan). Traditional linguistic models (such as Meaning $\leftrightarrow$ Text, Chomsky's Government and Binding, etc.) impose a strict ordering on linguistic levels, e.g. assuming that syntax is “blind” to the subsequent levels like morphology and phonetics. Interaction of linguistic levels can be modeled within optimality-theoretic syntax (J. Bresnan, J. Grimshaw), where the optimal structure is defined by the competition of whole alternative derivations which involve all the linguistic components such as syntax, morphology, etc.

Keywords: levels of representation, optimality theory, morphology, syntax

A. Ch. Piperski. Corpus-driven research as a means of predicting the direction of morphological change: a case study of strong verbs in Gothic

Corpus-based statistical data can help predicting which of several synonymous grammatical forms is going to die out in the course of language change. This is shown by analyzing the frequency distributions of different forms of Gothic strong verbs. Verbs whose past tense is formed by means of partial reduplication are used in the past tense less frequently than verbs with ablaut. Even though the fate of strong verbs in Gothic is unknown due to its extinction, this can be regarded as a predictor of the loss of reduplication in verbs in all the Germanic verbal systems. I argue that this method of research can be applied to other languages for making predictions.

Keywords: prediction of language change, corpus-driven studies, morphological change, Gothic, strong verbs, reduplication

D. P. Popova. Choice of mood in complements of propositional verbs in Russian

I discuss mood choice in complements of propositional verbs in Russian. My analysis is built upon ideas expressed in [Farkas 2003] and [Kagan 2007]. I assume that the characteristics of the context change potential of a complement are determined by the semantics of propositional verbs and by the semantics of negation. I conclude that a third factor, namely the semantics of mood, has to be taken into account.

Keywords: Russian, propositional predicates, mood distribution, subjunctive under negation, context change potential

E. A. Pshekhotskaya. Constructions with unsubcategoryed dative in Russian

Quite a number of languages possess applicative constructions. In this paper I examine two classes of applicatives in Russian: N-applicatives and V-applicatives. I give an account for regular distinctions between the behavior of these classes partly in terms of aspectual compositional semantics and partly in terms of syntactic restrictions.

Keywords: Russian, dative argument, argument structure, syntactic derivation, applicative constructions

E. A. Renkovskaya. Distribution of accusative-dative and dative postpositions in the dialects of Kumaoni

This paper focuses on the functions of accusative-dative and dative postpositions in the dialects of Kumaoni. Factors determining the choice of a postposition are analyzed. In addition to the semantic role of a NP, they include temporal relation between the situation and the moment of speech, and also the degree of the emphasis put on the object. A hypothesis is put forward which considers postpositions in some dialects to have experienced contact influence of Hindi.

Keywords: Kumaoni, postpositions, semantic roles, accusative postpositions, dative postpositions, benefactive postpositions

S. S. Say. Non-canonical two-place argument structures: an attempt at a quantitative typological study

The study is aimed at the quantitative typological assessment of the level of semantic predictability/motivation of non-canonical two-place

argument structures in various languages. The study is based on a questionnaire that encompasses 130 predicates that have been tested for 16 languages from various families and linguistic areas. A number of mathematical tools are proposed, including those that reflect 1) the level of the language's proneness to use non-canonical structures for coding two-place predicates; 2) the probability of using such structures for individual semantic predicate; 3) the degree of credibility of one language's argument structure for predicting the argument structure in another language. It is argued that deviation from the canonical transitive pattern is usually reflected in the coding of only one argument of the verb. The ultimate goal of the study is to propose a measurement technique that would enable comparing valency classes of various languages without illegitimate identification of coding devices across languages.

Keywords: argument structure, intransitivity, valency classes, lexical semantics, quantitative typology

N. V. Serdobolskaya. Expression of generic events in complement clauses: towards a typology

The typology of complementation distinguishes the following semantic types of constructions: facts, events, and propositions. I claim that a type is to be singled out from the class of events, namely, generic events. The means of encoding generic events differ from those of specific events: with generic events temporal and conditional subordinators are used, while specific events are marked with subordinators that denote manner. Both types of events can also be encoded by nominalizations.

Keywords: complementation, nominalizations, complementizers, conjunctions, event, genericity

A. A. Somin. The system of past tenses in the Besleney dialect of Kabardian

In the present research an attempt is made to provide a consistent and explicit description of the past tense system in the Besleney dialect of the Kabardian language. Conditions for the use of different verb forms with past tense semantics and their obligatoriness or optionality are described.

Keywords: Kabardian, morphology, past tense, preterite, imperfect, temporal shift

N. M. Stoynova. Referential vs. non-referential repetitives

The paper deals with repetitive markers (verbal markers with the meanings ‘again’, ‘back’) in cross-linguistic perspective. The point in question is how the opposition of “heavy” (emphatic) repetitives vs. “light” (non-emphatic) ones correlates with the semantic classification of the repetitive domain. The proposal of the paper is to treat “light” repetitives as repetitives with a semantic shift in the presuppositional component of the meaning. There is a correspondence between the repetitive proper meaning (‘one more time’), the restitutive one (‘back to the previous state’) and the reditive one (‘back motion’), which are attested for “heavy” repetitives, and the meanings ‘as usual’, ‘to normal state’ and ‘homewards’, attested for “light” repetitives. The latter ones refer not to a particular event, but to a number of events or to an event-type. The labels “referential” repetitives vs. “non-referential” ones are proposed for this distinction.

Keywords: semantics, typology, repetitive, presupposition, referentiality, heavy vs. light again-expressions

M. L. Fedotov. Temporal distance in Gban (South Mande)

This paper provides an analysis for the functioning of the category of temporal distance in the past which has emerged in Gban (South Mande). This category consists of three grammemes: hodiernal (“today’s past”; default interpretation ‘(earlier) today’), hesternal (“yesterday’s past”; default interpretation ‘yesterday’) and remote (default interpretation ‘the day before yesterday or earlier’). When influenced by a temporal location adverbial modifier, the interpretation of sentences with temporal distance forms changes in a nontrivial way.

Keywords: Mande, Gban, temporal distance, remoteness, temporal deixis, relative tense, TAM

M. L. Khachatryan. Predication system in Mano (South Mande): elicitation and verification against corpus data

The present study deals with the predication system of the Mano language (South Mande), elaborated via elicitation, as compared with the data from a corpus of Mano texts. The perfect construction appears to be used almost exclusively in the direct speech, in stark contrast to aorist, which confirms the closer relation of the former to the moment of speech than that of aorist. The conjoined series of markers often designates a succession of events in the narrative, while the elicitation data suggested that

it rather marks the simultaneity of events. Finally, the temporal opposition tends to be neutralized: both the imperfective which usually marks the habitual aspect in the present and existential constructions in the present are often used in narratives that are supposed to describe events in the past.

Keywords: aspect, tense, negation, perfect, narrative, Mano, Mande languages, African languages

M. A. Kholodilova. Inverse attraction in Ingrian Finnish

Ingrian Finnish allows for inverse attraction (*attractio inversa*), i.e. the head of the relative clause in Ingrian can be marked for case according to the position of the corresponding participant in the subordinate clause. The study of inverse attraction has been limited by now almost exclusively to the data of dead languages, which resulted in a number of hypotheses based solely on textual data. These hypotheses can be checked against Ingrian data. In particular, Ingrian shows a difference between the *attractio inversa* and correlative constructions, which are often regarded as equal or parallel: *attractio inversa* construction in Ingrian is compatible with appositive relative clauses, “semantic agreement” in number and animacy and case mismatch between the head and the relative pronoun.

Keywords: correlative construction, Finnish, Ingrian, internal head, inverse attraction, relativization

M. V. Khudyakova. Referential choice in the position of possessor: a corpus-driven study

The choice of an appropriate referential expression (definite description, proper name or pronoun) depends on multiple factors. This paper focuses on how the possessor position of a referential expression affects referential choice. Other factors, such as syntactical role, form and definiteness of the antecedent, and animacy of the referent are considered. The study is based on a subcorpus of the specially designed RefRhet corpus.

Keywords: possessive pronouns, possessor, corpus-driven study, referential choice

M. S. Shmatova. Numeral Phrase as a subject: On some peculiarities of agreement in Finno-Ugric

This paper is concerned with peculiarities of subject-predicate agreement in Finno-Ugric languages in case of Numeral-Noun Construction

(NNC) occupying the subject position. Almost all material for this work was collected in linguistic expeditions and during our work on this material we have noted several peculiarities of agreement patterns. Number marking on nouns in NNCs is optional. This work aims to demonstrate, how this fact can affect the phenomenon of subject-predicate agreement.

Keywords: numeral-noun construction (NNC), agreement, Finno-Ugric languages, number, numeral

S. G. Tatevosov. Interpretation of nominal arguments and modal account of perfectivity

This work combines typological generalization concerning cross-linguistic variation in the domain of perfectivity with theoretical-modal analysis of aspectual semantics in terms of possible worlds. In particular, we claim that the peculiarities of aspectual composition in languages with so-called Slavic style are due to a certain modal component in the meaning of perfective in these languages.

Keywords: aspectual composition, Slavic style aspect, perfective, possible worlds

Part III. Varia

D. V. Gerasimov. Repetitive in Paraguayan Guaraní: semantics and grammaticalization path

The study is dedicated to the suffix of semelrepetitive (a specific type of pluractionality corresponding to repetition of original event at a single occasion) in modern Paraguayan Guaraní. Various meanings conveyed by this suffix as well as by cognate morphemes and lexemes have been identified using data from a large collection of texts. A number of cross-linguistically unusual grammatical polysemy patterns are described. It is claimed that the semelrepetitive suffix *-jevy-* has grammaticalized from the verb meaning 'to return'; a path of diachronic development of semelrepetitive and connected meanings is proposed which can be generalized to other languages as well.

Keywords: diachrony, grammaticalization, Paraguayan Guaraní, pluractionality, (semel-)repetitive

S. I. Dmitrieva. Functions of the Ancient Greek suffix *-sk-* in forms of the Imperfect (with special reference to verbs of carrying)

The article examines the functions of the *-sk-* suffix in Ancient Greek, based on comparison of the aspectual meanings of the imperfect forms with *-sk-* (φέρεσκον, φορέεσκον) and those without the suffix (φέρων, φόρεων) used in the Homeric poems.

Keywords: imperfect, aspectual meaning, verbal suffix, Ancient Greek

A. A. Eseleva. Aspects of evolution of ditransitive construction in Old English

The paper analyzes diachronic development of Old English ditransitive construction involving verbs *sellan* and *giefan* in their either simplex or prefixed forms within the timespan of around five hundred years. It is claimed that *sellan* as one of the most widespread and polysemous verbs in earlier OE records has suffered a gradual decrease in frequency since then. This process was accompanied by the rise of *giefan* and its variants, of which prefixed forms *forbiefan* and *agiefan* played the major role, allowing for simplifying the construction, specifying the meaning and avoiding possible homonymy.

Keywords: Old English, verbal prefixation, ditransitives, semantics, frequency, corpus-driven studies

N. M. Zaika. Variation in argument encoding in some three-place predicates of Basque

The paper explores factors affecting variation in argument encoding in a number of three-place predicates of Basque. This variation is due to two conflicting tendencies: cross-linguistically widespread preference for dative marking of Benefactor, on the one hand, and higher productivity of ergative-absolutive cross-reference pattern in Basque as compared to other patterns, on the other. Basque and neighbouring Romance languages gave groups of verbs with similar syntactic properties, which may be due both to typological similarity and to contact influence.

Keywords: Basque, argument structure, ditransitives, ergativity, dative, Benefactor, syntax, non-canonical argument marking

S. B. Klimenko. The problem of defining transitivity in Tagalog

This paper discusses the problem of identifying basic transitive (and, consequently, intransitive) construction in Tagalog. A closely related

issue is whether Tagalog displays accusative, ergative, or symmetrical alignment. Our main claim is that approaches to transitivity usually applied to Tagalog in the literature either are poorly justified or fail to provide adequate description of Tagalog morphosyntax.

Keywords: Tagalog, Philippine languages, transitivity, ergativity, voice, syntax

D. V. Sidorkevich. On domains of adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish

This paper is dedicated to the usage of syncretic adessive-allative case in Siberian Ingrian Finnish. In general, adessive-allative shows an inclination towards a universal ‘goal case’, manifesting more similarity to Estonian than to Standard Finnish. We suggest a number of reasons for this, both internal and external. The latter are concerned with intense contact influence of Estonian, Russian and other languages.

Keywords: Siberian Ingrian Finnish, Ingrian Finnish, Estonian, adessive, allative, case system, grammatical semantics, diachrony, language contacts

СОДЕРЖАНИЕ

I. Материалы Шестой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2009 г.)

<i>П. М. Аркадьев (Москва)</i> Согласование с именной группой в периферийном падеже: опыт типологии.....	7
<i>О. И. Беляев (Москва)</i> Сочинение и подчинение в ицаринском, кункинском и аштинском диалектах даргинского языка	13
<i>А. В. Богданов (Москва)</i> Структура неполных предикаций в осетинском языке	21
<i>И. А. Виноградов (Москва)</i> Категория ирреалиса в языке цоциль.....	27
<i>В. С. Волк, Д. А. Эршлер (Москва)</i> Свободный порядок слов и как с ним бороться: о структуре составляющих и эллипсисе в дигорском осетинском.....	33
<i>А. П. Выдрин (Санкт-Петербург)</i> Пассивные и модально-пассивные конструкции в осетинском языке.....	39
<i>А. В. Выдрина (Санкт-Петербург)</i> Распространение лабильности в глагольной лексике языка какабе.....	47
<i>Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер (Москва)</i> Локативные формы как источник нелокативных падежей: даргинские данные	55
<i>Е. И. Гармаш (Москва)</i> Некоторые аспекты семантики русского местоимения <i>сам</i> _{НЕОЖ}	61
<i>Д. В. Герасимов (Санкт-Петербург)</i> Отрицательные местоимения в парагвайском гуарани	67
<i>М. Ю. Иванов (Москва)</i> Чисто английский каузатив: акциональная композиция в сложной клаузе	73

<i>Н. В. Ивлиева (Москва/Cambridge)</i> Каждый может быть ленивым	79
<i>Е. В. Кашкин, М. С. Панкова (Москва)</i> Экспериментальное исследование употребления посессивного склонения в ижемском диалекте коми-зырянского языка	82
<i>В. И. Киммельман (Москва/Амстердам)</i> Теория связывания и жестовые языки	88
<i>Д. П. Кирьянов, К. А. Шагал (Санкт-Петербург)</i> Действительное причастие будущего времени совершенного вида в русском языке	93
<i>М. Ю. Князев (Санкт-Петербург)</i> Эллипсис в конструкциях с free relatives	99
<i>В. М. Ковальская, И. О. Кузнецов (Москва)</i> Нестандартные деепричастия в русском языке: морфология	105
<i>М. Б. Коношенко (Санкт-Петербург)</i> Синтаксис простого предложения в гвинейском кпелле: субъектные местоимения или предикативные показатели?	111
<i>А. Б. Летучий (Москва)</i> Каузатив в языке без каузатива: о некоторых свойствах русских каузативных глаголов	115
<i>Е. С. Лучина (Москва)</i> Концептуализация боли в мужевском говоре коми-зырянского языка	122
<i>Н. С. Матвеева (Москва)</i> Опыт выявления таксономических категорий в семантическом поле ментальных глаголов	129
<i>П. С. Митева (Москва)</i> Синтаксис номинализации в ижемском диалекте коми-зырянского языка	136
<i>А. В. Морозова (Санкт-Петербург)</i> Падежное оформление объекта как средство выражения аспектуальности в эстонском языке	142

Содержание

<i>Н. А. Муравьев (Москва)</i> Семантическая характеристика и особенности употребления причастий в ижемском диалекте коми-зырянского языка	149
<i>М. А. Овсянникова (Санкт-Петербург)</i> Топикализация посессора в лесном диалекте энецкого языка	153
<i>Е. К. Павлова (Москва)</i> Семантика времен в ижемском диалекте коми-зырянского языка.....	160
<i>В. А. Панов (Москва)</i> К вопросу об эффекте Вея-Схоневелда и перфективации в латинском языке.....	167
<i>А. В. Подобряев (Москва/Cambridge)</i> Разрывные именные группы: варианты анализа	170
<i>Д. П. Попова (Москва)</i> Второе прошедшее время в ижемском диалекте коми-зырянского языка.....	174
<i>М. Ю. Пупынина (Санкт-Петербург)</i> Парадигматическая асимметрия императива и прохибитива в чукотском языке	180
<i>П. В. Руднев (Москва)</i> Рефлексивы в дагестанских языках и природа анафорических отношений	184
<i>К. П. Семенова (Москва)</i> К вопросу о типах выражения фокуса (современный восточноармянский язык на фоне других языков кавказского ареала)	189
<i>Н. В. Сердобольская (Москва)</i> Обратный контроль в свете теории связывания (на материале кункинского языка)	194
<i>Н. М. Стойнова (Москва)</i> К типологии рефактивно-хабитуальной полисемии.....	201
<i>М. Н. Усачева (Москва)</i> Показатели элатива, эгрессива и аблатива в пермских языках: сфера употребления и зоны конкуренции	208

<i>Е. К. Ханина (Москва)</i> Система локативных падежей в истории литовского языка.....	214
<i>М. А. Холодилова (Санкт-Петербург)</i> Конкуренция стратегий релятивизации подлежащего в русском языке.....	219
<i>М. С. Шматова (Москва)</i> Значения форм существительных с показателем множественности <i>-jas</i> в ижемском диалекте коми-зырянского языка..	225
<i>Д. А. Эршлер (Москва)</i> О падежном маркировании прямых дополнений и адвербиалов длительности в якутском и долганском	231
<i>В. Comrie (Leipzig/Santa Barbara)</i> Typology of numeral systems (plenary lecture).....	237
<i>М. Haspelmath (Leipzig)</i> Explaining some universals of causative verb formation (plenary lecture)	238
<i>А. Л. Malchukov (Leipzig/Mainz)</i> Resolving alignment conflicts (plenary lecture)	241
II. Материалы Восьмой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (2011 г.)	
<i>П. С. Антонова (Москва)</i> Синтаксис наречий состояния и вторичных предикатов в русском языке.....	245
<i>П. М. Аркадьев (Москва)</i> О функциях глагольного префикса <i>be-</i> в литовском языке.....	252
<i>Т. А. Архангельский, М. Г. Тагабилева, Л. С. Холкина (Москва, Пекин)</i> Качественные признаки 'чистый', 'грязный', 'прозрачный', 'мутный': к построению семантической типологии.....	257
<i>О. И. Беляев (Москва)</i> Кореферентность в коррелятивах: связывание переменной или анафора? (на материале осетинского языка)	261

Содержание

<i>Е. Л. Бровко (Москва)</i> Глагол <i>дать</i> в речи одного ребенка: «закономерности» и «случайности»	270
<i>А. В. Выдрина (Санкт-Петербург)</i> Полисемия модального показателя <i>ni</i> в языке какабе	276
<i>И. М. Горбунова (Москва)</i> Категория фазовости в языке атаял.....	283
<i>К. А. Ершова (Москва)</i> Бесленевский масдар как смешанная категория	289
<i>В. А. Иванов (Москва)</i> Парные слова в финно-угорских языках: подходы к изучению и описанию	296
<i>Е. В. Кашкин (Москва)</i> Прилагательные, описывающие свойства поверхностей, в ижемском диалекте коми-зырянского языка (сопоставительно-типологическое исследование)	302
<i>М. Ю. Кнјаев (Utrecht)</i> CP-selection is not (only) a lexical property: evidence from Russian	308
<i>К. А. Кожанов (Москва)</i> Балто-славянские глагольные префиксы в балтийских диалектах цыганского языка	311
<i>М. Б. Коношенко (Москва)</i> Лично-числовое согласование в языках манде: первичные наблюдения	316
<i>М. А. Косогорова (Москва)</i> К вопросу о согласовании по категории именного класса в пулар-фульфульде	322
<i>В. А. Крылова (Санкт-Петербург)</i> Определенный артикль и падеж в современном восточноармянском языке	326
<i>О. В. Кузнецова (Санкт-Петербург)</i> Аспектуальная система гуро (базовые глагольные конструкции)	332

<i>Е. Л. Кушнир (Москва)</i> Морфология и синтаксис прилагательных в языке яурэ (южные манде)	339
<i>А. Б. Летучий (Москва)</i> Сентенциальные актанты: актанты или нет?.....	346
<i>А. Б. Макарова (Тромсе)</i> Между глаголом и существительным: русские слова типа <i>баиньки</i>	354
<i>М. М. Макарецев (Москва)</i> К вопросу об <i>л</i> -формах в славянском говоре Бобоштицы, обл. Корчи, Албания.....	360
<i>Д. Ф. Мищенко (Санкт-Петербург)</i> Послелого и постпозитивные существительные в лоома (юго-западная группа манде)	366
<i>Н. А. Муравьев (Москва)</i> Проблема выделения превербов как грамматического класса в тегинском говоре хантыйского языка	373
<i>М. А. Овсянникова (Санкт-Петербург)</i> Аргументная структура глаголов эмоций с подлежащим-экспериментером в русском языке.....	379
<i>С. А. Оскольская (Санкт-Петербург)</i> Употребление единиц со значением исключения в русском языке.....	386
<i>Д. А. Паперно (Лос-Анджелес)</i> К вопросу о взаимодействии синтаксиса с поверхностными уровнями языка.....	392
<i>А. Ч. Пиперски (Москва)</i> Корпусное исследование как способ предсказать направление морфологического развития (на примере готских сильных глаголов)	399
<i>Д. П. Попова (Москва)</i> Выбор наклонения в придаточных предложениях пропозициональных предикатов в русском языке.....	405

Содержание

<i>Е. А. Пшехотская (Москва)</i> Конструкции с несубкатегоризованным дативом в русском языке.....	410
<i>Е. А. Ренковская (Москва)</i> К вопросу о распределении аккузативно-дательных и дательных послелогов в диалектах языка кумаони.....	417
<i>С. С. Сай (Санкт-Петербург)</i> Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов: опыт квантитативно-типологического исследования	424
<i>Н. В. Сердобольская (Москва)</i> К типологии выражения значения генерического события в конструкциях с сентенциальными актантами	431
<i>А. А. Сомин (Москва)</i> Система прошедших времен в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка	438
<i>Н. М. Стойнова (Москва)</i> Референтные vs. нереферентные рефактивные значения	444
<i>М. Л. Федотов (Санкт-Петербург)</i> Временная дистанция в языке гбан (южные манде)	450
<i>М. Л. Хачатурьян (Москва/Париж)</i> Предикативная система в ману, южные манде: элицидация и корпусная проверка	456
<i>М. А. Холодилова (Санкт-Петербург)</i> Attractio inversa в ингерманландском финском.....	462
<i>М. В. Худякова (Москва)</i> Референциальный выбор в позиции посессора: корпусное исследование	468
<i>М. С. Шматова (Москва)</i> Количественная группа в позиции субъекта: о некоторых особенностях согласования в финно-угорских языках	473
<i>С. Г. Татевосов (Москва)</i> Интерпретация именных актантов и модальный анализ перфективности (пленарная лекция)	478

III. Varia

<i>Д. В. Герасимов (Санкт-Петербург)</i> Рефактив в парагвайском гуарани: семантика и грамматикализация	489
<i>С. И. Дмитриева (Санкт-Петербург)</i> Функция суффикса <i>-sk-</i> в образовании форм имперфекта древнегреческого глагола	517
<i>А. А. Еселева (Санкт-Петербург)</i> Некоторые аспекты развития дитранзитивной конструкции в древнеанглийском языке	524
<i>Н. М. Заика (Санкт-Петербург)</i> Вариативность некоторых трехвалентных глаголов, связанная с опущением одного из актантов, в баскском языке	533
<i>С. Б. Клименко (Кесон-Суми)</i> К проблеме определения транзитивности в тагальском языке	545
<i>Д. В. Sidorkevich (St. Petersburg)</i> On domains of adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish	575
Сведения об авторах	608
Аннотации и ключевые слова	617
Summaries and keywords	653
Содержание	684

TABLE OF CONTENTS

<i>P. M. Arkadiev (Moscow)</i> Agreement with a peripherally encoded noun phrase: towards a typology	7
<i>O. I. Belyaev (Moscow)</i> Coordination and subordination in three Dargi dialects: Icari, Qunqi and Ashti.....	13
<i>A. V. Bogdanov (Moscow)</i> Syntactic structure of non-finite predications in Ossetic	21
<i>I. A. Vinogradov (Moscow)</i> Irrealis in Tzotzil.....	27
<i>V. S. Volk, D. A. Erschler (Moscow)</i> Free word order and how to cope with it: On constituent structure and ellipsis in Digor Ossetic	33
<i>A. P. Vydrin (St. Petersburg)</i> Passives and modal passives in Ossetic	39
<i>A. V. Vydrina (St. Petersburg)</i> Spread of lability in the verbal lexicon of Kakabe.....	47
<i>D. S. Ganenkov, Yu. A. Lander (Moscow)</i> Locatives as sources of non-locative cases: evidence from Dargi	55
<i>E. I. Garmash (Moscow)</i> Aspects of meaning of the Russian pronoun <i>sam</i>	61
<i>D. V. Gerasimov (St. Petersburg)</i> Negative Idefinites in Paraguayan Guaraní	67
<i>M. Yu. Ivanov (Moscow)</i> A purely English causative: aspectual composition in complex clauses.....	73
<i>N. V. Ivlieva (Moscow/Cambridge)</i> <i>Kazhdyj</i> 'every(one)' can be lazy	79
<i>E. V. Kashkin, M. S. Pankova (Moscow)</i> Experimental study of possessive declension in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan.....	82

<i>V. I. Kimmelman (Moscow/Amsterdam)</i> Binding theory and sign languages	88
<i>D. P. Kiryanov, K. A. Shagal (St. Petersburg)</i> Active perfective future participle in Russian.....	93
<i>M. Yu. Knjazev (St. Petersburg)</i> Ellipsis in Russian free relatives	99
<i>V. M. Kovalskaya, I. O. Kouznetsov (Moscow)</i> Morphology of non-standard converbs in Russian	105
<i>M. B. Konoshenko (St. Petersburg)</i> Clause syntax in Kpelle of Guinea: subject pronouns or predicative markers?.....	111
<i>A. B. Letuchiy (Moscow)</i> Causative in a language with no causative: on some properties of Russian causative verbs.....	115
<i>E. S. Luchina (Moscow)</i> Conceptualization of pain in the Muzhi dialect of Komi-Zyrjan	122
<i>N. S. Matveeva (Moscow)</i> Fishing for taxonomic categories in the semantic field of Russian mental verbs.....	129
<i>P. S. Miteva (Moscow)</i> Syntax of nominalizations in Izhma dialect of Komi-Zyrjan.....	136
<i>A. V. Morozova (St. Petersburg)</i> Object case marking as means of expression of aspectual relations in Estonian	142
<i>N. A. Muravoyov (Moscow)</i> Semantics and use of participles in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan.....	149
<i>M. A. Ovsyannikova (St. Petersburg)</i> Possessor topicalization in Forest Enets	153
<i>E. K. Pavlova (Moscow)</i> Semantics of tenses in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan language.....	160

Table of contents

<i>V. A. Panov (Moscow)</i> On Vey – van Schooneveld effect and perfectivation in Latin	167
<i>A. V. Podobryaev (Moscow/Cambridge)</i> Split NPs: alternative approaches	170
<i>D. P. Popova (Moscow)</i> Second past tense in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan language	174
<i>M. Yu. Poupyrina (St. Petersburg)</i> Paradigmatic asymmetry of imperative and prohibitive in Chuckhi.....	180
<i>P. V. Rudnev (Moscow)</i> Reflexives in Daghestanian languages and the nature of anaphoric relations	184
<i>K. P. Semyonova (Moscow)</i> On focus marking strategies: Modern Eastern Armenian and beyond.....	189
<i>N. V. Serdobolskaya (Moscow)</i> Backward control and the principles of Binding Theory: evidence from Qunqi.....	194
<i>N. M. Stoyanova (Moscow)</i> Towards the typology of repetitive-habitual polysemy	201
<i>M. N. Usachyova (Moscow)</i> Elative, egressive and ablative markers in Finno-Permian languages: domains of use and zones of competition	208
<i>E. K. Khanina (Moscow)</i> Spatial case system in Lithuanian from a diachronic perspective.....	214
<i>M. A. Kholodilova (St. Petersburg)</i> Competition between two main strategies of subject relativization in Russian	219
<i>M. S. Shmatova (Moscow)</i> Semantics of plural forms of nouns marked with <i>-jas</i> in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan.....	225
<i>D. A. Erschler (Moscow)</i> Case marking on direct objects and duration adverbials in Yakut and Dolgan.....	231

<i>B. Comrie (Leipzig/Santa Barbara)</i> Typology of numeral systems (plenary lecture).....	237
<i>M. Haspelmath (Leipzig)</i> Explaining some universals of causative verb formation (plenary lecture).....	238
<i>A. L. Malchukov (Leipzig/Mainz)</i> Resolving alignment conflicts (plenary lecture).....	241

II. Proceedings of the Eighth Young Researchers' Conference on Typology and Grammar (2011)

<i>P. S. Antonova (Moscow)</i> Syntax of predicative adverbs and secondary predicates in Russian	245
<i>P. M. Arkadiev (Moscow)</i> On the functions of verbal prefix <i>be-</i> in Lithuanian.....	252
<i>T. A. Arkhangelsky, M. G. Tagabileva,</i> <i>L. S. Kholkina (Moscow, Beijing)</i> Qualitative concepts 'clean', 'transparent', 'dirty' and 'opaque': towards a semantic typology.....	257
<i>O. I. Belyaev (Moscow)</i> Coreference in correlatives: variable binding or anaphora? (with special focus on Ossetic)	261
<i>E. L. Brovko (Moscow)</i> The verb <i>dat</i> 'to give' in one child's speech: "regular" vs. "accidental" patterns.....	270
<i>A. V. Vydrina (St. Petersburg)</i> Polysemy of the modal marker <i>ni</i> in Kakabe.....	276
<i>I. M. Gorbunova (Moscow)</i> Phasal Aspect in Atayal	283
<i>X. A. Ershova (Moscow)</i> Beslenev masdar as a mixed category	289
<i>V. A. Ivanov (Moscow)</i> Dvandva compounds in Finno-Ugric languages: approaches to study and description	296

Table of contents

<i>E. V. Kashkin (Moscow)</i> Adjectives denoting surface properties in the Izhma dialect of Komi-Zyrjan: a contrastive study.....	302
<i>M. Yu. Knjazev (Utrecht)</i> CP-celection is not (only) a lexical property: evidence from Russian	308
<i>K. A. Kozhanov (Moscow)</i> Slavic-style verbal prefixes in the Baltic Romani dialects.....	311
<i>M. B. Konoshenko (Moscow)</i> Person/number agreement in Mande languages: preliminary observations	316
<i>M. A. Kosogorova (Moscow)</i> On class agreement in Pulaar.....	322
<i>V. A. Krylova (St. Petersburg)</i> Definite article and case in Modern Eastern Armenian	326
<i>O. V. Kouznetsova (St. Petersburg)</i> The aspectual system of Guro.....	332
<i>E. L. Kushnir (Moscow)</i> Morphology and syntax of adjectives in Yauré (South Mande)	339
<i>A. B. Letuchiy (Moscow)</i> Are sentential arguments really arguments?.....	346
<i>A. B. Makarova (Tromsø)</i> Between nouns and verbs: Russian lexemes of the <i>bain'ki</i> -class	354
<i>M. M. Makartsev (Moscow)</i> <i>l</i> -forms in Kajnas, an isolated Slavic dialect spoken in the Korcha district of Albania	360
<i>D. F. Mischenko (St. Petersburg)</i> Postpositions and postposition-like nouns in Looma (South-West Mande)	366
<i>N. A. Muravyov (Moscow)</i> On the criteria for differentiating preverbs in the Tegi dialect of Khanty	373

<i>M. A. Ovsyannikova (St. Petersburg)</i> Argument structure of emotion verbs with Experiencer subjects in Russian.....	379
<i>S. A. Oskolskaya (St. Petersburg)</i> Use of exceptive items in Russian	386
<i>D. A. Paperno (Los Angeles)</i> On the interaction of syntax with surface linguistic levels.....	392
<i>A. Ch. Piperski (Moscow)</i> Corpus-driven research as a means of predicting the direction of morphological change: a case study of strong verbs in Gothic.....	399
<i>D. P. Popova (Moscow)</i> Choice of mood in complements of propositional verbs in Russian.....	405
<i>E. A. Pshekhotskaya (Moscow)</i> Constructions with unsubcategoryed dative in Russian	410
<i>E. A. Renkovskaya (Moscow)</i> Distribution of accusative-dative and dative postpositions in the dialects of Kumaoni	417
<i>S. S. Say (St. Petersburg)</i> Non-canonical two-place argument structures: an attempt at a quantitative typological study.....	424
<i>N. V. Serdobolskaya (Moscow)</i> Expression of generic events in complement clauses: towards a typology	431
<i>A. A. Somin (Moscow)</i> The system of past tenses in the Besleney dialect of Kabardian.....	438
<i>N. M. Stoynova (Moscow)</i> Referential vs. non-referential repetitives.....	444
<i>M. L. Fedotov (St. Petersburg)</i> Temporal distance in Gban (South Mande)	450
<i>M. L. Khachaturyan (Moscow/Paris)</i> Predication system in Mano (South Mande): elicitation and verification against corpus data.....	456

Table of contents

<i>M. A. Kholodilova (St. Petersburg)</i> Inverse attraction in Ingrian Finnish	462
<i>M. V. Khudyakova (Moscow)</i> Referential choice in the position of possessor: a corpus-driven study	468
<i>M. S. Shmatova (Moscow)</i> Numeral Phrase as a subject: On some peculiarities of agreement in Finno-Ugric	473
<i>S. G. Tatevosov (Moscow)</i> Interpretation of nominal arguments and modal account of perfectivity	478

III. Varia

<i>D. V. Gerasimov (St. Petersburg)</i> Repetitive in Paraguayan Guaraní: semantics and grammaticalization path	489
<i>S. I. Dmitrieva (St. Petersburg)</i> Functions of the Ancient Greek suffix <i>-sk-</i> in forms of the Imperfect (with special reference to verbs of carrying).....	517
<i>A. A. Eseleva (St. Petersburg)</i> Aspects of evolution of ditransitive construction in Old English	524
<i>N. M. Zaika (St. Petersburg)</i> Variation in argument encoding in some three-place predicates of Basque	533
<i>S. B. Klimenko (Quezon City)</i> The problem of defining transitivity in Tagalog	545
<i>D. V. Sidorkevich (St. Petersburg)</i> On domains of adessive-allative in Siberian Ingrian Finnish	575
Contributors	608
Summaries and keywords	653
Table of contents.....	692

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2003.

Т. VII. Ч. 3 / Отв. ред. Д. В. Герасимов. — 2011. — 699 с.

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

Подписано к печати 28.10.2011

Формат 60x90 1/16

Тираж 300 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1.
main@nauka.nw.ru

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
Санкт-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21.
тел./факс: (812)6220123
menager_nestor@list.ru

Подписка осуществляется по интернет-каталогу «Книга-сервис»
<http://www.akc.ru/goods/1558086950>

Штрих-код